

СОВЕТСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ

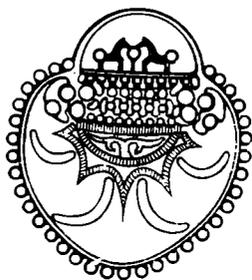

4
1969

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

СОВЕТСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ

*Журнал основан в 1957 году
Выходит четыре раза в год*

№ 4

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
МОСКВА — 1969

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

А. В. Арциховский (главный редактор),
С. Н. Бибиков, В. Д. Блаватский, М. К. Каргер,
Е. И. Крупнов, Б. Б. Пиотровский, Б. А. Рыбаков,
А. П. Смирнов (зам. главного редактора)

Ответственный секретарь *И. С. Каменецкий* *

Адрес редакции:
Москва В-36, ул. Дм. Ульянова, д. 19

Статьи

С. Н. БИБИКОВ

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ПАЛЕОЭКОНОМИЧЕСКОГО МОДЕЛИРОВАНИЯ ПАЛЕОЛИТА

История общественного прогресса в древнейшие времена, не отраженная в письменных и эпических источниках, стала более конкретной и содержательной благодаря внедрению новых методов исследования, разработанных на основе естественных наук и примененных в археологии. Однако это вовсе не должно ослаблять внимания к дальнейшему совершенствованию существующих методов исследований или поиску новых путей в сфере самих гуманитарных наук, определяющих главные направления в исследованиях. Одно из таких направлений должно принадлежать палеоэкономике. Имеется в виду изучение совокупности производственных отношений в древних обществах, их базиса.

Общеизвестно, что история развития хозяйственных форм разделяется на два огромных по времени периода. Первый из них характеризуется присваивающей продукты природы формой хозяйства, второй — воспроизводящей, предполагающей создание необходимого для жизни продукта.

Уже давно установлено, что для палеолита присущи охота и собирательство, для неолита — охота, рыболовство, начальные формы животноводства. Начиная с раннего металла — эпохи меди и бронзы — безраздельно господствуют (во всяком случае в Европе) земледелие и скотоводство, в доминантах того или другого или в их гармоническом сочетании. Каждая из этих отраслей производства возникла и развивалась в зависимости от потребностей человека, хозяйственных возможностей зон обитания, традиций, общений с другими коллективами.

Несмотря на широту задач и глубину археологических исследований, все же очень еще мало уделяется внимания разработке собственно экономических проблем древнего общества, т. е. того фундамента, на котором развивается исторический процесс, той основы, которая определяет суть истории.

В практике археологических исследований само содержание экономики, как правило, подменяется установлением рода занятий с детализацией элементов их. Так, например, там, где речь идет об охоте, реконструируются способы ее: облавная или индивидуальная, с каким-либо охотничьим вооружением, на какую дичь. Скотоводство рассматривается тоже в различных его формах — отгонное или придомное, кочевое или полукочевое, при обязательном выяснении состава стад и удельного значения каждого вида животных в них. Изучение растениеводства предполагает выявление приемов возделывания земли: с помощью ли мотыги, рала или плуга с тягловой силой. Выявляются и системы землепользования — подсечная, залежная двух-, трехпольная и др., разумеется, тоже с определением видов культивируемых растений. Комплексное же иссле-

дование хозяйства древнего человека, предполагающее выявление взаимодействий отдельных производств, экономического потенциала и объема производства, демографические расчеты и установление других слагаемых, входящих в категорию производительных сил, далеко не всегда находят себе место в исследовании.

Даже такие представители археологической науки, как Г. Чайльд¹ или Г. Кларк², ближе других своих коллег подошедшие к материалистическому познанию исторических закономерностей, понимают древнюю экономику как активное воздействие человека на природу с целью удовлетворения своих жизненных потребностей с помощью прогрессивно совершенствуемых технических средств. При таком подходе к содержанию предмета экономики упор, естественно, делается на изучение эволюции хозяйственных форм, технической оснащенности, совершенствования трудовых процессов. Словом, синтезом исследования опять-таки остается история техники производства средств жизни, история отраслей производства, рода занятий древнего человека. Само по себе такое направление вполне оправдано, особенно для начального этапа экономического исследования, однако оно не венчает существа изучения общественного производства. Очевидно, здесь нужен более широкий подход, обеспечивающий полноту изучения производительных сил. *

Одним из опорных положений материалистического обществоведения является учение о способах производства. Первобытнообщинный или, как раньше называли, первобытнокоммунистический способ производства составляет начальное звено в цепи основных исторических категорий. Теоретическая суть первобытнообщинного способа производства состоит в том, что в обществе главенствуют коллективное производство, собственность и потребление. В практике историко-археологических исследований эта материалистическая триада часто воспринимается как абстрактный постулат, но иллюстрируется иногда отдельными примерами, взятыми из области производства, пережиточных форм распределения продукта, истории домостроительства, бытовых институций, истории правовых норм и т. д. и т. п. Стало аксиоматичным, что первобытнообщинный способ производства присущ обществам, начинающим историю, и заканчивается где-то на пороге возникновения классов.

Теоретическая незыблемость самой формулы первобытнообщинного способа производства, отражающей коллективизм труда и распределения, применительно к эпонимному социально-экономическому строю очевидна. Но социальные и экономические формы на протяжении многих тысячелетий находились в движении и постоянно видоизменялись. Следовательно, дело конкретных исследований — установить те закономерности, которым подчинялись эти процессы, проследить те экономические стимуляторы, которые являлись двигателями истории. Здесь изучение экономики древних обществ выступает на первый план.

Постановка задачи исследования экономики древних обществ требует, прежде всего, выработки наиболее полной программы, состоящей, очевидно, из двух основных взаимодействующих частей: 1. природа и 2. общество. В первой части должны быть отражены ландшафт, климат, флора, фауна. Разумеется, в естественно-историческом плане. Во второй части освещаются типы хозяйств, их направление (род занятий), типы поселений и жилищ, их размеры и планировка, устройство, хозяйственные сооружения, техническое оснащение хозяйств, образ жизни (бродячий, кочевой, полукочевой, оседлый), демографические расчеты (по данным жилищ, поселения, округа), плотность населения, исчисление биологической нормы потребностей населения в необходимом продукте, экономический потенциал и емкость производства, взаимообусловленность

¹ Г. Чайльд. Прогресс и археология. М., 1949.

² Г. Кларк. Доисторическая Европа. М., 1953.

производство средств жизни и состоянии отраслевых экономических показателей, распределение продукта и, наконец, экономические основы социальных отношений. Сказанным вовсе не исчерпываются и другие важные вопросы изучения древней экономики. Так, например, трассологическое изучение орудий труда, их функций и периода использования в работе, обмеры величины и объема сосудов, происходящих из определенных бытовых и хозяйственных комплексов, восстановление размещения хозяйственной утвари и обстановки при помощи ретроспективного метода³ и т. д.

Подобно тому, как это имеет место в естественных дисциплинах, где разделы наук, занимающиеся изучением древней фауны, флоры, географии и т. п., приобретают префикс «палео» (палеозоология, палеоботаника, палеогеография и т. д.), акцентирующий не только предмет занятий, но и специфику методики, так и раздел науки, занимающийся исследованием древней экономики, правомочно именоваться палеоэкономикой.

Палеоэкономика, как особое направление в советской археологии, развивается и уже имеет в ряде принципиальных вопросов приоритет. Это касается, прежде всего, определения емкости производств, их взаимодействия и взаимообусловленности в хозяйственной структуре, изучения форм общественной и индивидуальной собственности, установления форм распределения продукта, затрат энергии на изготовление орудий труда и на получение необходимого продукта, реконструкции социальных отношений. Палеоэкономические изыскания нашли свое отражение в работах специалистов разного археологического профиля и представителей смежных дисциплин — В. М. Массона, С. А. Семенова, Н. Я. Мерперта, В. И. Довженка, С. С. Березанской, В. П. Шилова, Г. П. Григорьева, М. И. Будыко, Н. К. Верещагина и др. Нельзя сказать, что в зарубежной археологической науке проявляется невнимание к вопросам древней экономики. Материалистические идеи все больше и больше овладевают умами исследователей, ищущих путей к объяснению явлений, а не только старательно описывающих их.

Обращаясь к археологам со словами упрека в некоторой ограниченности, в инертности к «четвертичной экологии», к истории экосистем, Р. Брайдвуд и А. Рид постарались переступить обычно принятые методические нормы в изучении археологического материала. Они обратились к исследованию экосистем. Это было лучшим применением комплексного метода, в несколько модернизированном виде использованного Г. Кларком. Безусловно интересны попытки авторов установить плотность популяций древнего человека по этапам развития и опираясь на этнографические источники. Сделанное ими было первым наброском схемы, хотя и с сильным налетом эклектизма, развития общественного прогресса в рамках стадальных претворений и поиска эволюции форм добывания средств к жизни, с учетом некоторых экономических показателей и возможных интерполяций, в современную этнографическую среду⁴. В этом отношении их предшественником в известной мере был Г. Кларк.

К числу удачных исследований, в которых экономические вопросы занимают существенное место, принадлежат работы Б. Саудского, в том числе и посвященная замечательному памятнику Билани в Чехословакии⁵. Автор раскрыл некоторые экономические и социальные стороны

³ С. Н. Бибииков. О ретроспективном восстановлении археологических остатков на местах залеганий. КСИА АН УССР, 9, 1960.

⁴ Robert I. Braidwood and Charles Reed. The Achievement and Early Consequences of Food — Production: A Consideration of the Archeological and Natural — Historical Evidence. Reprinted from Cold Spring Harbor Symposia on Quantitative Biology, XXII, 1957, США.

⁵ Bohumil Soudek. Bylany. Прага, 1966.

жизни у неолитического населения этого поселка, которые нельзя было бы понять с помощью изолированно применяемых археологических методов (типологического, сравнительно-аналитического, функционального, статистического и др.). Некоторые интересные соображения, в основном в постановке вопросов об экономических структурах, роли и значении общественного производства и распределения продукта, в теоретическом плане высказаны Ст. Табачинским⁶. Полезной для палеоэкономических исследований оказалась и работа К. Габеля, сделавшего попытку выработать программу изучения экономики древних обществ, в которой отражена необходимость комплексного подхода, демографических расчетов и пр.⁷. Впрочем, этими научными сюжетами занимались в плане частичных и конкретных приложений и другие исследователи (Р. Брейдвуд, Ч. Рид, Э. Дивей, К. Батцер, Ф. Хоул, К. Фланнери и др.).

В одной из статей, посвященных палеоэкономике, был дан пример анализа состояния хозяйства с последующим раскрытием общественного устройства у трипольских племен⁸. Несколько позднее был проделан эксперимент палеоэкономического моделирования в области палеолита. Результаты этого опыта изложены в тезисном виде⁹. Публикуемая ниже статья, по замыслу ее автора, должна дать представление о методе и содержании обработки комплекса источников для восстановления экономики древних обществ. В качестве примера взято позднепалеолитическое общество, для которого вполне типична присваивающая форма хозяйства — охота и собирательство.

Поздний (верхний) палеолит — это время холодного, приледникового климатического режима. Животный мир, даже в южных областях европейской части СССР, резко отличался от современного и содержал такие уже вымершие виды животных, как мамонт, шерстистый носорог, овцебык, гигантский олень, а также фауну, характерную для холодных степей и тундры, — северный олень, песец, лемминг. Водились здесь лошади, зубры, медведи, волки, лисицы. В степной ландшафт вписывались долинные леса, буерачные перелески, овражные заросли.

В эпоху позднего палеолита человек широко расселился по Европе, и в том числе на территории европейской части СССР. Сейчас известны не единичные палеолитические «стоянки», а сотни поселений, обнаруженных повсеместно.

В последние десятилетия особенно большое внимание уделялось изучению палеолитических жилищ и поселений. Путем раскопок на больших площадях удалось раскрыть значительное число остатков палеолитических жилищ, а в ряде случаев и поселений. Такие раскопки осуществлены в Поднестровье (поселения Вороновица I, Молодово I, V и др.), в бассейне р. Тетерева у г. Радомышля, Мезинское и Пушкарёвское I, на Десне в Гонцах, на Удае, Добраничевка и Межиричи в бассейне Днепра. Изучение позднепалеолитических жилищ производилось и на территории Русской равнины — на Авдеевском поселении недалеко от Курска, в Костенках на Дону, а также в Восточной Сибири — Буреть и Мальта в бассейне Ангары. За рубежом известны раскопки поселений позднего палеолита в Чехословакии — Долни-Вестонице, Петржковцы, Павлов, Малованы, Барца и др.

⁶ St. Tabaczynski. Structures économique des Sociétés barbares en Europe Centrale (Le néolithique, l'âge du bronze, l'âge du fer ancien). *Archeologia Polona*, 1966, IX, стр. 130—147.

⁷ Creighton Gabel. Analysis of Prehistoric Economic Patterns (из серии по археологической методике), Нью-Йорк, Чикаго, Сан-Франциско, Лондон, Торонто, 1967.

⁸ С. Н. Библиков. Хозяйственно-экономический комплекс развитого Триполья. СА, 1965, 1.

⁹ С. Н. Библиков. Опыт палеоэкономического моделирования в археологии. Тезисы докладов Всесоюзной сессии, посвященной итогам археологических и этнографических исследований 1966 года. Кишинев, 1967, стр. 12—15.

Результаты исследованных жилищ и поселений эпохи позднего палеолита в самых кратких словах могут быть сведены к следующему. Палеолитические жилища в большинстве представляют собой округлые, реже овальные в плане сооружения, имеющие конусовидную или полусферическую форму. Это были наземные или полуземляночные постройки. Строительным материалом для жилищ служили крупные кости и бивни мамонта, рога северного оленя, деревянные жерди. Покрытием являлись шкуры, ветви, трава. Диаметр жилищ по полу обычно 3—7 м, площадь редко превышает 25 м².

Палеолитические поселения состояли из нескольких плотно сгруппированных жилищ, занимающих площадку, тоже входящую в бытовой комплекс. Не всегда, по тем или иным причинам, можно получить данные о количестве жилищ на палеолитических поселениях, однако число их, как правило, видимо, не превышало 10. Так, в Мезине выявлено 5 жилищ, в Радомышле не более 9—10, в Пушкарях I раскрыты три смежно расположенных хижины, в Костенках I (если расчленить комплекс по жилым частям) 5—6 жилищ, в Бурети 4, в Петржковцах 5—6 построек, в Павлово 10—11 жилищ. Таким образом, поселки были невелики.

При изучении палеолитических поселений очень часто, если раскопки велись на более или менее значительной площади, обнаруживаются и «открытые очаги». Они располагаются вблизи постоянных жилищ на площадке поселения. Совершенно справедливо некоторые авторы (И. Ф. Левицкий, А. П. Черныш) интерпретировали такие очаги как места расположения летних построек и приготовления пищи.

По единодушному заключению исследователей, позднепалеолитические жилища внешне похожи на чумы, юрты, яранги, валькары народностей арктических областей Азии и Америки с той лишь разницей, что у приморских северных народностей вместо крупных костей мамонта для строительства жилищ шли кости кита, дерево и шкуры.

Это, конечно, не продолжение, как думали раньше, позднепалеолитических традиций в приемах домостроительства, донесенных почти до современности, а выражение общности условий жизни и характера производства у людей позднего палеолита и некоторых народностей Севера.

Итак, внешнее, конструктивное сходство между позднепалеолитическими и североазиатскими жилищами никем не оспаривается. Дискуссия идет по поводу интерпретации длинных многоочажных жилищ типа Костенки I или Костенки IV, Пушкари I. Составляют ли такие жилища отдельные плотно сгруппированные помещения или это многоочажные дома, поделенные на секции, но входящие в единую строительную конструкцию? ¹⁰ Спор решится, видимо, в пользу наличия в позднем палеолите обоих типов жилищ: округлых, подобных чумам, с одним и большим числом очагов и длинных многоочажных построек. В археологии и этнографии народностей Севера отмечается присутствие и тех и других типов жилых сооружений. Так, на Сахалине неолитическое поселение Стародубское 2 дает прямоугольные большие полуземлянки. Ноглик I — округлые ¹¹. Чукотские, эскимосские, нганасанские или тавгийские чумы имеют округлую форму. Айны, ительмены и другие народности пользуются многоочажными прямоугольными большими домами.

Другое дело, когда речь заходит о внутреннем устройстве и убранстве палеолитических домов, о возможности сопоставлять их с жилищами северных народностей. Здесь не возникает споров, потому что вопросу этому почти не уделялось внимания. Разве что М. М. Герасимов предло-

¹⁰ Ср., например, П. И. Борисковский. Палеолитические жилища на территории СССР и этнографические параллели к ним. Доклады сов. делегации на V Международном конгрессе антропологов и этнографов. М., 1956; е го же. Изучение палеолитических жилищ в Советском Союзе. СА, 1958, 1; И. Г. Шовкопляс. До питания про характер жител пзнього палеоліту. ВАН УРСР, 1958, 2 и другие работы.

¹¹ Р. В. Козырева. Древний Сахалин. Л., 1967, стр. 26—45, 48, рис. 8.

жил научную реконструкцию внутреннего интерьера и убранства односчажного палеолитического чума диаметром в 4 м, выполненную на материалах поселения Мальта, и дал расчет размещения в нем 8—10 человек, из которых 4—5 человек взрослых¹². Между тем этнография чукчей, эскимосов, алеутов, ительменов, нганасан, орочей, ненцев, тавгийцев, коми, юкагиров, эвенков и других северных народностей, привлеченная в сравнительно-аналитическом, а не иллюстративном плане, позволит ярче рассмотреть важные элементы в истории культуры палеолитического общества, и в частности не только формы домостроительства, что само по себе очень важно, но и внутреннюю организацию жилья.

Еще путешественники XVIII в., а затем и этнографы, посетившие северную и северо-восточную Азию и арктическую Америку, описывая чукчей или эскимосов, сообщали о поселках важные сведения. Там, где говорится о поселениях, этнографы постоянно указывают на небольшую величину поселков. По данным переписи 1897 г., чукчи обитали в 71 поселке. Население исчислялось в 2956 чел., т. е. по 40—45 человек в поселке, состоящем примерно из шести хозяйств. В хозяйстве по 5—7 человек. Эскимосов (сибирских) насчитывалось 1307 чел. по 6—7 человек в хозяйстве¹³.

Близкую картину дает перепись населения орочей, проведенная тоже в 1897 и в другие годы. Число жителей на стойбищах орочей редко превышало 50 человек, но обычным было до 20 человек. В каждом стойбище было от трех до пяти хозяйств, каждое из них состояло из семьи в 5—6 человек¹⁴. Такие показатели численности хозяйств в стойбище и количества человек в хозяйстве характерны и для других северных народов, в том числе и для эскимосов. Даже в наиболее богатых охотничьими угодьями районах западной Гренландии в 200 эскимосских селениях свыше половины имели 50 жителей и почти четверть — только 25 жителей¹⁵. Такая рассредоточенность стойбищ и сгруппированность населения в малых поселках в арктических зонах¹⁶ вполне объяснима низким уровнем развития производительных сил у малых народностей Севера, бедностью кормовых ресурсов и трудностью добычи средств к существованию. При описаниях поселений северных народностей постоянно обращается внимание на присутствие там двух типов жилищ — зимних и летних. Первые отличаются фундаментальностью постройки, вторые — легкостью конструкций жилья. Диаметр тех и других от 3 до 9 м. «Зимних юрт всегда приходится одна на несколько яранг, так как в одной юрте собираются все родичи», — замечает Мерк. Значит, в зимних жилищах обитала часто не одна семья в нашем понимании слова, а группа родственников, разделенных на семьи. Обычно такие коллективные юрты населяли две-три семьи. Летом они расселялись по своим ярангам. Важно отметить, что каждая семья, живущая в зимнем доме, ведет свое, так сказать потребительское, хозяйство, имеет свой очаг (жирник) и утварь¹⁷. Сооружались постройки и для отдельных семей, а также дво-

¹² М. М. Герасимов. Круглое жилище стоянки Мальта. КСИА АН СССР, 82, 1961.

¹³ И. С. Вдовин. Очерки истории и этнографии чукчей. М., 1965, стр. 155; По другим источникам сведения о численности чукчей и количественном составе семей в общем довольно близки к официальным (Гагамейстер, О. Нордквист, Г. Свердруп, В. Г. Богораз-Тан).

¹⁴ В. Г. Ларькин. Орочи. М., 1964, стр. 18—22, 83.

¹⁵ Л. А. Файнберг. Общественный строй эскимосов и алеутов. М., 1964, стр. 111—116; Ср. R. Graudwood and Ch. Reed. Ук. соч., стр. 21, ссылка на Kroeber'a.

¹⁶ И. С. Вдовин. Ук. соч., стр. 44—48; А. А. Попов. Тавгийцы. М.—Л., 1936, стр. 14; А. А. Попов. Нганасаны. М.—Л., 1948, стр. 84; Л. Файнберг. Ук. соч., стр. 99, 100.

¹⁷ «Каждая семья имеет собственный огонь. Семьи, огонь которых происходит от разных линий предков, даже в том случае, если они многие годы прожили вместе, тщательно охраняют свой огонь от всякого соединения с чужим огнем» (В. Г. Богораз-Тан. Чукчи. 2. Л., 1939, стр. 54). Речь идет здесь о «естественном огне», полу-

енные, строенные жилища с одним входом и внутренними переходами (эскимосы). Этнографы отмечают, что очаги для приготовления пищи в теплое время года выносили за пределы жилья, размещали их у дома (чукчи).

Топографическое распределение зимних и летних жилищ различно и зависит от степени оседлости, занятий и традиций. Орочи, например, имеют зимние жилища ближе к районам охоты, летние — в устьях рек, где идет лов рыбы. Оленные чукчи, кочуя со стадами, меняют места летних стойбищ, уходя далеко от своих зимников. Но интересно, что у народностей Севера с тенденциями к прочной оседлости поселки больше по числу домов, а летние и зимние жилища размещаются в одном стойбище («сидячие» или «пешие» чукчи, эскимосы).

Присматриваясь к тому, как выглядят наиболее широко раскопанные палеолитические поселения, и аналитически оценивая совпадения в планировке и устройстве древних жилищ и жилищ северных народностей, нельзя не заметить как бы спроецированности многих главных черт позднепалеолитических жилищ на недавнюю планировку поселений и жилищ арктических туземцев.

Мезинское палеолитическое поселение по данным раскопок И. Г. Шовкопляса состояло из пяти жилищ¹⁸ (рис. 1). Они построены из черепов, костей и бивней мамонтов, рогов северных оленей и костей других крупных животных. Жилища возводились в виде чумов или почти полусферических юрт. Они располагались на площадке, где кроме остатков жилищ были обнаружены открытые очаги и места, где изготовлялись кремневые орудия и производились различные бытовые работы. Четыре жилища размещались в ряд. По величине их можно разделить на три типа: 1) одно большое жилище с тремя очагами внутри жилища, 2) одно средних размеров с двумя очагами внутри и 3) три малых жилища, в одном из них внутри находился один очаг. Тут же на жилой площадке, вблизи от зимних жилищ, находились открытые очаги, составлявшие с жилищами единые бытовые комплексы. Всего на площадке обнаружено 11 открытых очагов, из них 7 безусловно связаны с зимними домами, два предположительно и два имели вспомогательное, временное назначение. Нечто подобное, но на ограниченной площади раскопок в сложных условиях залегания культурных слоев, при сравнительно слабой сохранности их наблюдал А. П. Черныш на Днестре. Исследователь заметил, что внутри жилищ находится один или несколько очагов, а на периферийных участках поселений отдельные кострища — следы летних построек¹⁹. В Пушкарях I на Десне три очага в трехчастном жилище соответствуют трем очагам, расположенным вблизи жилья²⁰. Примерно то же наблюдал и Б. Клима в Павлове (участки АС)²¹. Открытые очаги при долговременных жилищах встречены и на многих других позднепалеолитических поселениях — в Гонцах, Добраничевке,

---

ченном от деревянного сверла и священной доски для выскабливания огня. Юрты чукчей делаются «как и юрты камчадалов (ительменов.— С. Б.), в земле, но гораздо больше камчадалских, так как в них живет множество народа. Каждая семья имеет свой особый от других полог из оленьих кож, под которым и сидят и спят. Под каждым пологом день и ночь горит огонь в плоских, поставленных посередине под толком» (Степан Крашенинников. Описание земли Камчатки. М., 1948, стр. 229). «В этих (зимних.— С. Б.) юртах камчадалы живут с осени до весны, а потом поселяются в балаганы...». «Вблизи каждой из юрт бывает по крайней мере столько же балаганов, сколько семей проживает в острожке...». (Там же, стр. 168).

¹⁸ И. Г. Шовкопляс. Мезинская стоянка. Киев, 1965, стр. 30—93, рис. 15, 61.

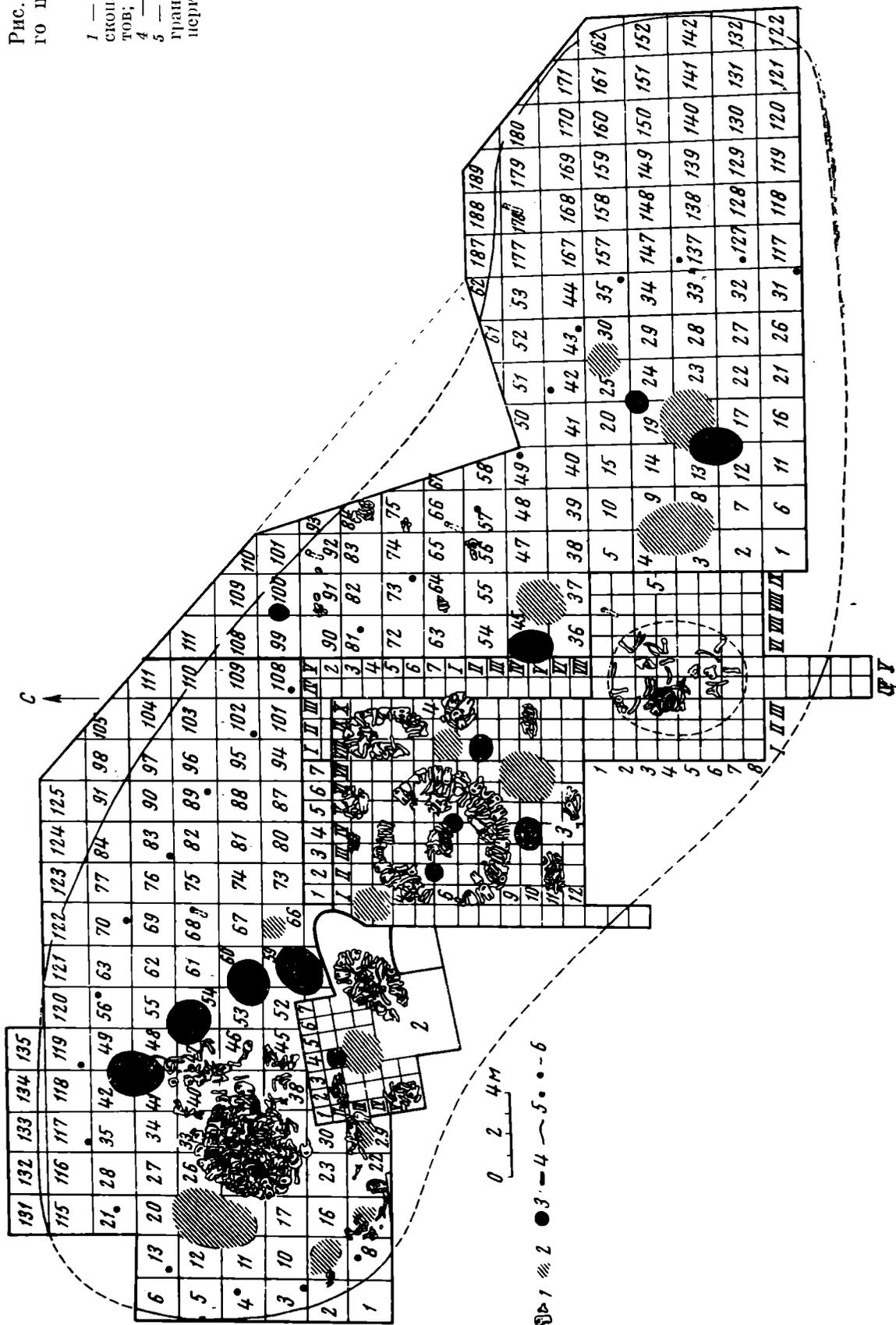
¹⁹ А. П. Черныш. Палеолит Среднего Приднестровья. Тр. КИЧП, XV, М.—Л., 1959, стр. 173, 174, а также стр. 49, 51, 98, 107 сл.

²⁰ П. И. Борисковский. Палеолит Украины. М.—Л., 1953, стр. 183—196, рис. 90.

²¹ B. Klima. Prinos nové paleolítice stance v Pavbové. K problematice majstašich zemědělských nástrojů. PA, 100 let od Založení. Ročník XLVI, 1955. Prapa.

Рис. 1. План Мезинско-го поселения (по И. Г. Шовкоплясу)

- 1 — кости животных; 2 — скопление мелких предметов; 3 — остатки очагов; 4 — границы раскопов; 5 — границы стоянки; 6 — граница между основной и периферийной частями стоянки

Межричах, на Липских поселениях (Волынь) и др. Таким образом, там, где проводились более или менее широкие раскопки, обычно вместе с долговременными жилищами были встречены открытые — надворные очаги.

Сопоставляя данные раскопок позднепалеолитических стоянок с наблюдениями, сделанными этнографами над планировкой стойбищ и жилищ у северных народностей, нетрудно убедиться в постоянном и совсем не формальном, не только внешнем сходстве их. Можно считать установленным, что для палеолитических зимних жилищ, так же как и для домов северных аборигенов, характерна заселенность их часто не одной, а двумя и более семьями²². Оказывается также возможным по числу очагов установить число семей, населяющих зимний палеолитический дом, и соответствие этого показателя числу летних жилищ, принадлежащих отдельным семьям, расселившимся из коллективных зимних домов. Такая корреляция может найти применение даже и в непропорциональных показателях, тогда, например, когда один большой не односемейный очаг в зимнем доме дробится на несколько очагов вне жилищ, оставленных в летнее время отдельными семьями, населявшими зимний дом (нганасаны).

В этих расчетах должно получить большое значение и установление количественных соотношений между «производственными местами» или пунктами, несомненно топографически часто связанными с открытыми (надворными) очагами. Совсем нельзя считать случайным, что в Мезине, например, на 11 надворных очагов приходится 11 или 12 четко выраженных «производственных мест»²³.

Подсчет количества семей по очагам внутри и вне домов, подсчет «производственных мест» на жилых площадках дает объективные показатели количества семей, населяющих палеолитическое поселение. Такой вывод имеет очень существенное значение для демографических и других не менее важных расчетов. В Мезине, например, с достаточной уверенностью семьи должно распределить следующим образом. В большом доме с тремя очагами внутри дома проживало зимой три семьи, им соответствовало три крупных летних очага, расположенных около дома. В среднем по размеру доме с двумя очагами обитало две семьи, им принадлежали два летних очага вне дома, в малом доме с очагом внутри дома проживала одна семья и т. д.²⁴

Исходя из подсчета хорошо выраженных очагов, в Мезине проживало не менее семи семей, в Пушкаревском трехкамерном жилище — 3 семьи, в Радомышльском поселении 9—10 семей, в зимних жилищах на поселении Липа IV (5-й слой) и в Вороновице I — по две семьи, в Костенках IV — не менее девяти семей, в Бурети на Ангаре — 3—4 семьи и т. д.

На основании подсчета в средних величинах числа людей, занятых в хозяйстве у северных народностей, каждое хозяйство или семья состоит

²² Многоочажные дома являются обычными не только для палеолитических жилищ, но и для жилья более поздних периодов, особенно в северных и северо-восточных областях Азии и Северо-Западной Америки. Р. В. Козырева установила, например, многоочажность домов на неолитическом поселении Стародубском на Сахалине, строительная традиция которых вместе с посемейной принадлежностью очагов доживает почти до современности и отмечена как самой Р. В. Козыревой (Чубаровой), так и многими ее предшественниками (И. Веняминов, Л. Шренк, Н. В. Буссе, К. Мерк, С. П. Крашенниников, К. Расмуссен, В. И. Йохельсон, Л. Я. Штернберг и др.). Р. В. Козырева. Древний Сахалин.

²³ И. Г. Шовкопляс. Мезинская стоянка, рис. 15.

²⁴ Подсчет количества семей по очагам или печам является пока самым надежным средством, ведущим к наиболее достоверным демографическим показателям численности населения. Действительность таких подсчетов определяется прежде всего тем, что распределение общественного продукта и потребление его производится начиная уже со среднего палеолита по семьям. Каждая семья имела свой очаг, позднее с неолита — энеолита — печь (см. С. Н. Бибииков. Хозяйственно-экономический комплекс, стр. 60).

из 5—7 человек. Принимая этот подсчет за исходный и определяя численность палеолитической семьи в 6 человек, получаем, что в Мезинском поселении жило около 50 человек, в Радомышльском поселении — до 60 человек, в Костенках I — 60—65 человек.

В недавно вышедшей монографии Г. П. Григорьев затрагивает, в частности, и экономические темы²⁵. По Г. П. Григорьеву, основной ячейкой каждого позднепалеолитического округлого дома была парная семья. Верхнепалеолитическая община состояла из 5—10 (реже 15—25) парных семей. Следовательно, одна община могла выделить от 5 до 25 охотников. Автор исходит, видимо, из среднего исчисления позднепалеолитической семьи в 5 человек, а населения поселка в 25—50—100—125 человек²⁶. Несмотря на очень широкую амплитуду в исчислении, средняя величина этих показателей может быть принята и сближена с тем, что было уже предложено и аргументировано археологическими и этнографическими источниками²⁷. Таким образом, сочетание этнографических и археологических свидетельств при определенных условиях и в определенной сфере исследования не только оказывается полезным для археологии, но и направляет само исследование.

Имея данные о природной обстановке в эпоху позднего палеолита — составе фауны и флоры, основных формах хозяйственной деятельности и технической оснащенности человека, его положительных знаниях, образе жизни, поселениях и жилищах и, что очень важно, располагая сведениями о составе и численности обитателей поселка и отдельных жилищ, можно получить достаточно достоверные сведения об экономическом состоянии позднепалеолитического общества.

Если взять за среднюю величину численность населения палеолитического поселка 50 человек, то, опираясь на этнографические параллели, можно рассчитать биологическую потребность в мясной пище для жителей поселка, живущего преимущественно охотой в условиях Севера. Принимая за основу расчета норму потребления мяса и жира в чистом виде 600—700 г на человека в сутки, а в летнее и осеннее время больше, делаем вывод, что в день для прокормления семьи потребуется около 3—3,5 кг, а для поселка — около 30—35 кг мяса. В действительности этот показатель в весенние месяцы иногда снижался до критического минимума.

Основным животным, идущим в пищу позднепалеолитического человека в приледниковой зоне, был в первую очередь мамонт. Затем шли зубр, лошадь, северный олень, носорог, медведь, а также мелкие животные — заяц и др. Пушными промысловыми животными были волк, песец, лисица и др. Мясо этих животных в пищу почти не употреблялось, так же как и у северных народностей.

Определение видового состава животных по остеологическим собраниям из Мезина дало следующие показатели (приводятся по данным И. Г. Пидопличко): здесь найдены кости от 116 особей мамонтов, 3 носорогов, 61 лошади, 17 овцебыков, 19 зубров, 83 северных оленей, 7 медведей, 5 росомах, а также 59 волков, 112 песцов, 11 зайцев и других мелких животных. Всего охотничьих продуктовых животных определено (не считая пушных и мелких животных) более 300 особей²⁸. Есть реальная возможность установить весовые категории для каждого из названных видов животных, а следовательно, и убойный вес всего мясного баланса. Это касается и вымерших животных. Например, слон, с которым может

²⁵ Г. П. Григорьев. Начало верхнего палеолита и происхождение Homo Sapiens. Л., 1968.

²⁶ Там же, стр. 152, 155.

²⁷ С. Н. Бибиков. Опыт палеоэкономического моделирования, стр. 13, 14.

²⁸ И. Г. Пидопличко. Новые данные по фауне Мезинской стоянки. КСИА АН УССР, 1959, 8, стр. 104, 108; И. Г. Шовкопляс. Мезинская стоянка, стр. 97. Оба автора дают списки фауны, мало различающиеся по подсчету особей.

быть с небольшими весовыми поправками отождествлен мамонт²⁹, дает 1900—2000 кг мяса. Сделав расчет по всем видам охотничьих продуктивных животных и разделив весовой баланс их по числу жителей палеолитического поселка, можно получить приближенные к истинным исчисления мясного потенциала, обеспечивающего жизнедеятельность общества.

Для Мезинского поселения общий мясной баланс, восстановленный по всем основным видам продуктивных животных, выражается в 247 тыс. кг. Главное место занимает в нем мясо 92 взрослых мамонтов и 24 молодых особей этого животного. Последние составляют, согласно сделанным расчетам на материалах Мезина, Радомышля и Добраничевки, 20% всей популяции (Н. Л. Корниец).

На основании полученных данных возможно произвести и расчет на продолжительность существования Мезинского поселения. На поселении, как сказано, проживало не более 50 человек. Принимая во внимание примерные этнографические показатели нормы потребления мяса у охотничьих народов Севера в год, для поддержания жизни обитателей Мезинского поселка требовалось около 11 т мяса. Таким образом, общий мясной баланс мезинцев мог удовлетворять их потребности в мясе по меньшей мере в течение 22—23 лет. Этот показатель равнозначен длительности существования поселения.

При заключениях экономического порядка в целях получения объективных и оптимальных данных могут быть внесены и поправки. Например, на возможные летние откочевки охотников на мамонта с мест постоянных зимних поселений. Или на употребление костей мамонта в качестве топлива и поэтому не учтенных при подсчетах особей. Однако ни та ни другая поправка, как будет сказано, не меняют существа расчета. При преобладающем значении в питании человека мяса мамонта с его наибольшим весовым коэффициентом, едва ли требовались частные перекочевки в поисках добычи. Мясо мамонта в пищевом рационе палеолитического человека занимало здесь в шесть раз больше места, чем мясо всех других продуктивных животных, взятых вместе. Впрочем, и вторая поправка исключает использование костей скелета в полном объеме. Поэтому оставшиеся на поселении кости, обнаруженные при раскопках, тоже входят в подсчеты особей. Следовательно, и этой поправкой можно пренебречь³⁰.

Предложенный палеоэкономический аспект исследования общества, живущего 20—25 тысяч лет назад, открывает и другие возможности. Уже сейчас кажется вполне вероятным видеть в распределении очагов на поселении и в жилищах определенную форму распределения продуктов охоты — по семьям, так же как и у северных народностей, живущих зверобойным промыслом. Коллективная организация охоты, которая только и мыслима при низкой технической оснащенности орудиями охоты, к тому же на такую крупную дичь, как мамонт и др. вела к распределению добычи по числу участников и согласно доли участия семьи в производстве. Потребление продуктов шло по семьям.

Зная количество людей, населявших палеолитический поселок, можно по средним демографическим показателям определить половозрастной состав такого поселка и даже установить элементы разделения труда в охотничьей общине. Вероятно, в группу непосредственных участников

²⁹ В. Е. Гарутт считает, что по размерам современные африканский и индийский слоны могут быть сопоставлены со средней формой мамонта, хотя в общем размеры средних слонов несколько выше. В. Е. Гарутт. Мамонт в изображении человека верхнего палеолита. МИА, 79, стр. 152, 153, М.—Л., 1960.

³⁰ В приведенном примере общий расчет мясного баланса ведется по всем продуктивным видам животных во главе с мамонтом. В случаях, когда ведущими промысловыми животными являлись другие виды (бизон, лошадь, осел), расчет строится по всем пищевым видам животных, по их весовым категориям и по мере необходимости приводится к общему эквиваленту. Это важно при сопоставлениях мясного баланса при различных видах фауны.

в добыче зверя входило несколько меньше $\frac{1}{3}$ состава жителей. Остальные, главным образом, женщины, участвовали в обработке и переработке продуктов охоты и собирательства, и какая-то часть населения не принимала участия в производстве по малолетству, старости и болезням.

Больше того, равное соотношение между количеством очагов и «производственных мест», функциональная связь между ними говорит и о том, что домашние производства — изготовление кремневых и костяных орудий, украшений и т. д. — осуществлялось по семьям. Семья представляла собой относительно замкнутую производственную группу, обеспечивающую свои бытовые потребности своим трудом, но и участвующую в главном, общественном производстве, прежде всего в охоте с помощью орудий, изготовленных в каждой семье.

Трудно предугадать сейчас, какие еще предстоят открытия в области определения функций кремневых орудий труда и установления длительности использования различных категорий орудий. Для палеоэкономических исследований такие данные приобретут большое значение. Выяснив, например, длительность существования палеолитического поселения и количество найденных там орудий труда, так сказать «оседлого», производства можно, правда очень приблизительно, установить, какое количество орудий обращалось в производстве и в какой срок. Оказывается, их было не так уж и много в расчете на число жителей и период существования поселка. Так, например, в Мезине найдено 113 238 кремней. Из них отщепов или отбросов кремнеобрабатывающего производства — 83 058. Среди 30 180 кремней содержатся различные орудия и заготовки, а в их числе около 4 тыс. орудий домашнего обихода — резцы, скребки, проколки, комбинированные орудия, режущие острия и др.³¹. Если Мезинское поселение существовало на протяжении около 23 лет, то в хозяйственном обращении у населения стоянки находилось ежегодно около 200 кремневых орудий. Костяных было значительно меньше. Полагая, что взрослое работоспособное население палеолитического поселка составляло около 35 человек из общего числа жителей в 50 человек, получаем, что на одного работоспособного жителя поселка в год приходилось пять-шесть орудий бытового назначения. Следовательно, процесс восполнения орудий труда был не таким быстротечным, каким представлялся он при беглом взгляде на массовость находок кремней, найденных при раскопках поселений. К тому же в Мезине и некоторых других открытых и пещерных поселениях процент орудий по отношению к отходам производства достаточно высок. В Мезине он составляет около 35%. Видимо, отчетливые следы работы на орудиях из кремня, этого очень прочного минерала, установленные признанным авторитетом в области трассологических исследований С. А. Семеновым, служат надежным доказательством многократности употребления одного и того же орудия.

При палеоэкономических исследованиях исключительно важное значение, а для палеолита особенно, так как речь идет здесь о присваивающей форме хозяйства, приобретает определение степени оседлости населения.

В советской археологии благодаря трудам П. П. Ефименко и его школы давно утвердилось положение о том, что палеолитические жилища Европы и Сибири представляли собою долговременные прочные сооружения, характеризующие оседлый быт. Находки на поселениях ям-хранилищ, кладовых, большого числа кремневых и костяных орудий, предметов искусства и богатых собраний фауны лишь подчеркивают оседлый образ жизни позднепалеолитического человека. Не исключалось, однако, и предположение о сезонности таких поселений, об использовании их в холодные периоды года. Только устойчивостью традиции, идущей от представлений о бродячем или кочевом образе жизни позднепалеолитического

³¹ И. Г. Шовкопляс. Мезинская стоянка, стр. 116

человека, следует объяснять постоянное словоупотребление терминов «стоянка», «стойбище» применительно к оседлым местам поселений. Эта этимологически ошибочная традиция настолько укоренилась, что проникла даже в заголовки монографий и статей (например, стоянки Мезинская, Радомышльская, Авдеевская и т. д.). Это при том положении, при котором кочевой образ жизни палеолитического человека не может быть обоснован.

Наличие на поселениях, кроме зимних, летних жилищ и других надворных сооружений, очагов и «производственных мест», тоже входящих в бытовые комплексы, убедительно говорит о круглогодичном заселении позднепалеолитических поселков на равнинах Европы. Возможно, что собственно зимними жилищами пользовались реже и только в остро необходимых случаях, например во время зимних стуж и ветров. В сравнительно теплые сезоны года человек обитал в легких надворных постройках и на открытом воздухе, как это делается у северных народностей.

Вывод о том, что позднепалеолитические поселки были обитаемы во все сезоны года, имеет существенное значение, поэтому нуждается в подтверждении и экономическими данными. На первый взгляд трудно допустить, чтобы коллектив охотников одного поселения, состоящий из полутора-двух десятков человек, охотился где-то не слишком далеко от поселения и не истощал бы при этом в течение десятилетий охотничьих ресурсов. Однако факты указывают все же на то, что основной источник питания — мамонт, идущий по весовой категории далеко впереди всех других видов промысловых животных и широко представленный почти на всех исследованных позднепалеолитических поселениях, добывался именно на близких к поселению территориях³².

В поселки, где оставалось две трети живущего в них населения, охотники доставляли крупные части туш мамонтов вместе с костями (ноги, тазовые части, позвонки, иногда в сочленении, головы, бивни и т. д.). При отсутствии совершенных средств транспортировки это было при дальности расстояний делом трудным и едва ли выполнимым. Можно указать, например, по аналогии, что только шкура взрослого слона в сыром виде весит около тонны, хобот — более 100, скелет — около 1500 кг. Уже само по себе наличие на поселениях почти всех частей туш мамонтов говорит об относительно близких к поселениям местах добычи зверя.

Есть еще одно, правда косвенное, свидетельство тому, что позднепалеолитический человек не испытывал постоянного недостатка в мясной пище, требующего постоянных поисков дичи, а довольствовался охотой недалеко от поселков на такую крупную дичь, как мамонт. На позднепалеолитических поселениях в СССР и за рубежом при раскопках очень часто находят целые костяки пушных зверей (волка, песца, лисицы и др.) и даже групповые скопления костей пушных животных. Разнообразие видового состава животных, находимых на одном и том же поселении, делает маловероятным ритуальное истолкование таких фактов. Например, тотемистическими или табуистическими запретами на мясо этих животных. Видимо, такое явление стоит в связи с относительной обеспеченностью охотничьих коллективов привычной, традиционной пищей, особенно мясом мамонта.

Прямое же подтверждение об относительной обеспеченности мясной пищей позднепалеолитического человека содержится в исследовании М. И. Будыко. Применив математический анализ при определении вариантальности стада мамонтов в позднем палеолите в переводе на биомассу в сочетании с демографическими и иными показателями, автор пришел к очень существенным выводам. М. И. Будыко назвал свою статью «О причинах вымирания некоторых видов животных в конце плейстоцена»³³, хотя центром исследования для него послужил вопрос о причине вымирания мамонта.

³² Н. Л. Корвиець. Про причини вимирання мамонта на території України. Випокні фауни України і суміжних територій. 1, Київ, 1962, стр. 143.

³³ ИАН СССР, сер географ., 2, М., 1967.

В самых кратких чертах основной вывод статьи М. И. Будыко сводится к тому, что численность мамонтов за период времени от 10 до 25 тысяч лет, после начала охоты на них, изменялась сравнительно мало. Затем численность мамонтов начала быстро убывать и через несколько столетий, после окончательной стабилизации численности, они полностью вымерли. Объяснение этому явлению М. И. Будыко находит в возникновении несоответствия прироста биомассы в расчете на 100 км^2 с ростом потребностей численно нарастающего населения. В результате прогрессирующего прироста населения биомасса постепенно уменьшалась, а численность преследуемых животных сокращалась до полного исчезновения вида. Теми же причинами М. И. Будыко объясняет исчезновение в позднем палеолите самых крупных травоядных животных.

Если не считать некоторого завышения автором нормы потребления древним охотником мясной пищи, впрочем несколько не меняющего самого существа и направленности исследования и, возможно, только несколько сужающего хронологические рамки периода «вымирания» мамонта, теория М. И. Будыко подтверждает устойчивость и благополучное состояние мясного баланса у позднепалеолитического человека, живущего в условиях открытых пространств Европы. При таком положении совсем не требовалась организация кратковременных стоянок и частых перекочевок на новые места жительства. Следовательно, относительная оседлость позднепалеолитического населения, объяснимая относительной обеспеченностью мясной пищей, находит подтверждение в археологических и статистических фактах.

Здесь не место останавливаться на разборе всех предложенных решений проблемы причин исчезновения крупных травоядных в конце палеолита и начале мезолита. Проблеме этой посвящена большая специальная литература³⁴. Можно лишь подчеркнуть, что исчезновение мамонтовой фауны в конце плейстоцена — начале голоцена явилось следствием комплекса факторов, в основном все же резкого изменения природной обстановки во всей северной половине Старого Света и активной охотничьей деятельности человека, особенно в средней и северной полосе Европы, в том числе и на Русской равнине.

Трудно разыскать путь к установлению продолжительности существования палеолитического поселка. Однако среди предложенных методов наиболее надежным все же остается расчет по фаунистическим данным.

Г. П. Григорьев попытался установить продолжительность бытования Мезини, Костенок I, Пушкарей I. По мнению автора, 10—20-сантиметровые слои суглинка и лёсса на этих поселениях, содержащие культурные остатки, не могли отложиться за 1—5—10 лет. Следовательно, заключает Г. П. Григорьев, поселения эти существовали дольше названных дат. В данном случае неизвестное доказывается неизвестным: скорость накопления отложений — периодом существования поселения. По мнению автора, тоже построенному на априорном предположении, незначительная часть костей на изученных поселениях уже утрачена, сожжена или выброшена за пределы поселков «Зоологи дают такое количество особей, менее которого не могло быть убито, но их могло быть и было, конечно, больше»³⁵. В своем заключении автор в известной мере прав. Однако, признавая за палеолитическим человеком оседлый образ жизни и учитывая при этом современные методы определения и подсчета фауны, картина, нарисованная Г. П. Григорьевым, будет выглядеть более оптимистично.

Именно потому, что в отличие от прежних методов определения только видового состава фауны теперь применяется статистический подсчет, по особям, открылись большие возможности для установления количества био-

³⁴ Н. Л. Корниець. Про причини вимирання мамонта на території України. стр. 94—98.

³⁵ Г. П. Григорьев. Начало верхнего палеолита, стр. 156.

массы. Это и определяет объем мясного баланса и расход во времени мясного запаса в расчете на количество населения.

Нельзя переоценивать и меру утраты костей. Определение костей для установления числа особей корректирует и меру утраты их. Едва ли часто повторялись такие условия, при которых утрачивались все без исключения кости данного животного, принесенного в качестве охотничьей добычи в поселок. Даже сжигание костей в кострах не слишком компрометирует объективность подсчетов, так как и сжигание костей вовсе не предполагает полного пережога всех доставленных вместе с мясом костей животного. К этому можно добавить, что сам вопрос об использовании костей животных в качестве топливного материала, несмотря на кажущуюся его бесспорность, требует серьезных обоснований. Как будто, пока не известно, и среди самых отсталых обществ, таких, которые использовали бы кости в качестве постоянного топлива. Даже в условиях Севера, где особенно остра нужда в топливе, люди всегда предпочитали жир, а по возможности дерево, хотя бы и в мало пригодном для отопительных целей состоянии. Трудно представить себе зимнее (да и летнее) палеолитическое жилище с отверстием для выхода дыма в кровле жилья, к тому же еще и перенаселенное, чтобы сразу же отказаться от мысли использования костей для отопления. Присутствие жженных костей в палеолитических очагах, может быть, явилось следствием вытапливания костного жира и мозга из костей, а также результатом жертвоприношений³⁶.

Приведенные материалы и комментарий к ним о состоянии экономики в позднепалеолитическом обществе имеют, очевидно, не узко локальное значение, а могут отражать известную закономерность развития производительных сил у этих обществ, во всяком случае обитавших на равнинах Центральной и Восточной Европы.

О тех больших возможностях, которые открываются при изучении массового материала, дают представление далеко еще не использованные археологические собрания и полевые наблюдения, связанные с поздним палеолитом Восточной Европы. Пока не произведен точный подсчет количества позднепалеолитических памятников, обнаруженных в европейской части СССР. Число их, особенно в последние годы, постоянно пополняется. Выявляются даже новые районы распространения позднепалеолитических местонахождений, например в Одесской и Николаевской областях, составляющих свой северопричерноморский регион. По несколько устаревшим, но последним справочным данным на территории южной половины европейской части СССР, в пределах Украины между Крымом и Черниговским полесьем, а с запада на восток между Прутом и Северным Донцом зарегистрировано около 400 позднепалеолитических местонахождений³⁷. Пред-

³⁶ О жертвенном сожжении костей животных имеются сведения в различных исторических и этнографических источниках. Так, например, Геродот, сообщая о быте и обычаях скифов, упоминает о туземном котле для жертвоприношений богам. В нем готовилась жертвенная трапеза — варилось мясо, предварительно очищенное от костей. Кости же, как объясняет Геродот, из-за недостатка леса использовались в качестве дров (Геродот, IV, 61). (На это место в сочинении Геродота любезно указала мне Э. И. Соломоник). В свете этнографических фактов использования костей именно при жертвоприношениях в жертвенном огне сообщением Геродота получает иное, ритуальное звучание, а не утилитарный смысл, вложенный в этот обряд Геродотом. О жертвенном сжигании костей животных сообщают исследователи быта народов Севера. Чукчи, например, после свершения осеннего убоя оленей и следовавшего затем пиршества бедренные кости съеденных оленей сжигали в очаге дотла (В. Г. Богораз-Тан). Чукчи, стр. 77. См. также стр. 75, 93 и др.). У нанайцев (гольдов), после медвежьего праздника кости медведя подвергаются копчению над очагом в votивных целях (Л. Я. Штернберг. Гиляки, орочи, гольды, негидальцы, айны. Хабаровск, 1933, стр. 499). Сжигание костей и другие обрядовые действия с участием огня и костей являются отражением культов, связанных с представлениями о воскрешении, с идеей возрождения, наиболее распространенной у народов земного шара.

³⁷ Н. А. Берегова я. Палеолитические местонахождения СССР. МИА, 81, 1960. А. П. Черныш. Палеолит Среднего Приднестровья. Тр. КИЧП, XV, М., 1959, стр. 13.

ставлены эти памятники различно: большими скоплениями остатков культуры, малым числом находок, сборами отдельных предметов.

Наибольшее количество мест пребывания позднепалеолитического человека, отмеченных археологическими остатками, приходится на Поднепровье (около 300) — территорию, довольно подробно обследованную и сопряженную со знаменитыми центрами палеолитических культур Западной и Центральной Европы. Ориентироваться на этот числовой показатель (400 памятников) при производстве палеоэкономических расчетов возможно, но только сопроводив его серьезными оговорками. Во-первых, позднепалеолитические памятники южной половины Восточной Европы нуждаются в точном хронологическом расчленении в пределах регионов и синхронизации между регионами. Это даст объективную картину расселения позднепалеолитических племен во времени. Такая работа по периодизации палеолитических памятников в пределах Украины ведется давно, и уже есть положительные результаты. Во-вторых, установлено, что позднепалеолитический человек в основном вел оседлый образ жизни, но этим все же вовсе не исключалась необходимость передвижений коллективов, их миграции, организация малых поселений, как результат родовых сегментаций, устройство временных стойбищ и т. д. Следовательно, необходимо установить какие-то критерии, по которым можно определить по характеру памятника степень оседлости населения, оставившего его: было ли это оседлое поселение, сезонное стойбище или кратковременная стоянка. В-третьих, следует считаться с тем, что число учтенных памятников на территории УССР далеко не полно в сравнении с числом поселений, бытовавших в древности.

Три эти оговорки ограничивают возможности получения вполне достоверных и аргументированных сведений, необходимых для палеоэкономических расчетов. Очевидно, потребуется еще немало времени и усилий для выполнения очень большого объема исследовательских работ, чтобы если не устранить совсем названные ограничения, то хотя бы сократить их влияние на достоверность исследования. А пока в виде опыта предложим попытку установить плотность населения на территории УССР в позднепалеолитическое время, т. е. один из наиболее важных показателей для палеоэкономических расчетов.

Предположим, что названные 400 памятников на Украине представляют все фазы позднего палеолита как единого периода с очень устойчивой экономической формой производства — охотой. Предположим также, что не менее половины обнаруженных местонахождений были поселками оседлых охотников. Допустим, что только половина памятников стала известна. Другая половина позднепалеолитических местонахождений не найдена или же под влиянием различных природных факторов утрачена навсегда. При таких возможных допущениях общее число поселений позднепалеолитического времени с оседлым населением должно быть исчислено в пределах исходной величины, т. е. 400 поселений.

Примем за основу численность населения в одном поселке в 50 человек³⁸. Тогда общее число населения на территории Украины в позднепалеолитическое время может быть определено в 20 тыс. человек. В расчете на площадь Украины в 603 500 км² это составит около 0,033 человека на 1 км² или 7,32 на 100 км².

Показатель этот будет более всего относиться ко второй половине позднепалеолитического века, к так называемой мадленской эпохе, когда плотность населения становится наиболее высокой. Об этом очень красноре-

---

³⁸ Численно несколько большее население позднепалеолитических поселков по сравнению с оседлыми поселениями северных народностей, может быть, стоит в связи с тем, что первые располагали постоянным мясным достатком, были обеспечены естественным воспроизводством стада мамонтов при большом поголовье их и сравнительно легкой добычи зверя.

чиво свидетельствует подавляющее число памятников именно мадленского времени среди других позднепалеолитических.

Этот же показатель может быть сопоставлен с расчетом, полученным Брайдвудом и Ридом, например для протемаглемозских племен, оставивших памятники типа приозерного стойбища Стар-Карр (Йоркшир, Англия)³⁹. По их данным⁴⁰, в таком стойбище проживало 25 человек (4—5 семей). Следовательно, на всей достаточно обширной площади Англии и Уэллса (около 130 000 км²) могло обитать 7538 человек, или 0,56 человек на 1 км².

По ориентировочным данным Ф. Хоула и К. Фланнери⁴¹, исследовавших палеолит юго-западного Ирана (Лурпстан), в долине Кхоррамабад протяженностью 10—15 км обнаружено 17 разновременных палеолитических памятников (мустье — конец палеолита). Авторы полагают, что плотность населения для среднего палеолита была менее 1 человека на 50 км², а в позднем палеолите (поздняя фаза Varadostian) не превышала 0,1 человека на 1 км².

Приведенные данные о численности и плотности населения на территории Украины в позднем палеолите имеют абсолютное значение. На самом же деле население группировалось на отдельных участках по берегам рек и предпочитало не выходить на высокие водораздельные плато или безводные, сухие, холодные степи.

Пользуясь исходными показателями о численности и плотности населения в эпоху позднего палеолита на территории Украины, можно произвести и дальнейшие расчеты на биологическую потребность населения в животной пище и в переводе на количество биомассы. Можно в приближенных исчислениях рассчитать показатель величины животного продукта, необходимого для поддержания жизнедеятельности крупных человеческих сообществ, занимающих обширные пространства. Пользуясь видовыми определениями фауны, весовыми показателями в перерасчете на живой и убойный вес применительно к каждому виду животных, возможно установить пищевой рацион и общий мясной баланс, включая и резерв дичи. Но все эти выводы будут носить несколько отвлеченный характер, пока не будут установлены примерные площади охотничьих угодий. В связи с этим следует обращать самое пристальное внимание на размещение палеолитических памятников. Большинство палеолитических памятников, обнаруженных на территории УССР, размещается в бассейне Днестра (примерно три четверти памятников), и только одна четверть находится преимущественно в бассейнах Днепра и Десны. Наблюдается и определенная сгруппированность поселений, тяготеющих к берегам крупных водных артерий, составляющих иногда своего рода «кусты» памятников, подобные, скажем, среднеднепровскому или костенковскому на Дону. Имея в виду, что позднепалеолитический человек вел в основном оседлый образ жизни, а также исчисления количества людей, населяющих поселок, можно, правда очень приближенно, установить основную площадь охотничьих угодий в ее конкретном выражении. Опыт такого исчисления был проделан на материалах Крыма. Не вдаваясь здесь в существо примененной методики, приведем только результативные данные. Общая площадь Крыма — 26 000 км². В позднепалеолитическое время число относительно крупных поселений в Крыму не превышало четырех, с населением в 120—140 человек. Удобная для охоты площадь с большой популяцией животных и прилегающая к поселениям была не более 8000 км². Следовательно, 1 км² приходился на 0,015—0,019 человека. Этот показа-

³⁹ J. G. D. Clark. Excavations at Star-Carr: An Early Mesolithic Site at Seamer near Scarborough Yorkshire. Cambridge 1954.

⁴⁰ R. Braidwood and Ch. Reed. Ук. соч., стр. 24.

⁴¹ F. Hole and K. Flannery. The Prehistory of Southwestern Iran: a Preliminary Report. Proceedings of the Prehistoric Society, 1967, new ser., vol. XXXIII, London, 1968, стр. 149, 151, 165.

гель более реалистичен, чем тот, который получен в перерасчете на общую площадь Крыма (0,0046—0,0053 человек на 1 км²). Таким образом, количество населения и плотность его расселения на Украине в позднем палеолите в общем очень невелика и не идет ни в какое сравнение с плотностью, например, трипольского населения (III тысячелетие до н. э.) в Среднем Поднепровье (19 человек на 1 км²) или тем более с современной заселенностью Украины (75,5 человека на 1 км²).

Уже сейчас на основании палеоэкономических данных определяются основные черты экономического развития позднепалеолитического общества на востоке Европы. Как представляется, в первой половине и ближе к концу позднепалеолитического века экономическое состояние обществ, освоивших в основном равнинный ландшафт, было устойчивым, и охота вполне обеспечивала жизнедеятельность коллективов. При таких благоприятных обстоятельствах население увеличивалось, и создавались лучшие возможности для сохранения потомства.

В конце позднего палеолита возникают новые явления в естественной среде и производственной жизни человека. В природе происходит угасание ледниковых явлений, вызвавшее изменения в составе фауны. В обществе рост населения приводит к нарушению соответствия между потребностями человека в мясной пище и возможностями добычи ее в нужном для поддержания жизни объеме.

Наблюдаются первые симптомы упадка экономического значения охоты. Это была первая фаза своеобразного экономического кризиса, наступившего в самом конце позднего палеолита. А дальше в постоянных поисках дичи охотничьи коллективы распадаются на мелкие семейные производственные группы, промысля охотой и собирательством, принимая все меры к полной утилизации продуктов, годных к питанию.

Потребности человека к мясной пище и трудности с добычей количественно убывающего зверя ведут к быстро прогрессирующему совершенствованию орудий охоты. Но совершенствование охотничьего вооружения, появление лука со стрелами вело к еще большему истреблению дичи, к истощению охотничьих ресурсов.

В этом диалектически развивающемся процессе назревала вторая, более глубокая и решающая по своим последствиям фаза кризиса присваивающей системы экономики. Все нарастающее количество населения и сокращение плотности промысловых животных, особенно крупных копытных, делали охоту менее надежной, а собирательство малопродуктивным. Возрастала необходимость в коренных экономических преобразованиях, начавших новую эру — производящего хозяйства.

S. N. Bibikov

UN ESSAI DE MODELER LE PALEOLITHE AU POINT DE VUE PALEOECONOMIQUE

Résumé

Tout en formulant les problèmes de la paléoéconomie, l'auteur offre une analyse paléoéconomique de la société paléolithique tardive.

En utilisant les sources diverses, l'auteur reconstruit la grandeur du village paléolithique tardif (habitations d'hiver et d'été), le nombre des familles et la quantité de la population du village, calcule le produit biologiquement nécessaire pour l'entretien de l'activité vitale du collectif clanal.

L'auteur fait un calcul approximatif de la durée de l'existence pour une station paléolithique du type de Mésine — et de la quantité moyenne d'outils pour l'industrie de ménage maniés dans un village pendant une année. On trouvera dans cet article des calculs démographiques pour le territoire de l'Ukraine de la période paléolithique tardive.

Г. Н. МАТЮШИН

О ХАРАКТЕРЕ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ ЮЖНОГО УРАЛА В ЭПОХУ МЕЗОЛИТА

Проблемы этногенеза Евразии и в частности проблема происхождения неолитических культур Восточной Европы и Западной Сибири вряд ли могут быть окончательно решены без детального исследования мезолита Урала. Не случайно еще задолго до выявления первых мезолитических памятников на Урале в научной литературе высказывались различные точки зрения о месте и роли мезолита Урала в истории древнейшего населения Восточной Европы. Одни исследователи видели в мезолите Урала (и в частности его южной части) истоки заселения всего Севера Восточной Европы, другие, наоборот, включали Южный Урал в область влияния западноевропейских культур. Например, еще в начале 50-х годов А. Я. Брюсов пришел к выводу «о первичном заселении Севера Европейской части СССР с Южного Урала», определяя «время этого первичного заселения Севера как VII—VI тыс. до н. э.»¹. Р. Индреко, напротив, считал, что территория от Польши до Западной Сибири вместе с Уралом входила в зону влияния прибалтийской культуры Кунда².

Символом мезолита, по мнению Г. Кларка, являются геометрические микролиты³. Но никто из исследователей не допускал и мысли о том, что Южный Урал может входить в зону их распространения. А. А. Формозов просто проводил восточную границу распространения геометрических микролитов по Волге⁴.

К сожалению, в то время, когда исследователи высказывали различные гипотезы о роли Южного Урала в истории мезолита и неолита Европы, на его территории не было известно ни одной мезолитической стоянки и почти не были изучены неолитические памятники. За последние 10 лет положение значительно изменилось. Открыто более 200 памятников каменного века, десятки их раскопаны и исследованы. К сожалению, в печати, особенно в зарубежных публикациях, Южный Урал по-прежнему остается «белым пятном». В связи с этим нам приходится здесь хотя бы кратко коснуться истории исследования и общей характеристики памятников мезолита и неолита Южного Урала.

Впервые мезолитические памятники в Южном Приуралье были обнаружены в 1958—1959 гг. Это были стоянки Романовка II, Романовка III и др. на р. Белой и ее притоках. В 1961—1962 гг. была найдена и частично исследована стоянка Ильмурзино в Кушнареновском районе БАССР. В эти же годы было открыто и несколько десятков неолитических поселений как на западном, так и на восточном склонах Южного Урала.

¹ А. Я. Брюсов. Очерки истории племен Европейской части СССР в неолитическую эпоху. М., 1952, стр. 38.

² R. Indreko. Mesolitische und frühneolitische kultur in Osteuropa und Westsibirien. Stockholm, 1964, стр. 38, рис. 7.

³ D. A. Garrod and J. G. D. Clark. Primitive Man in Egypt, Western Asia and Europe. Cambridge, 1965, стр. 27.

⁴ А. А. Формозов. Этнокультурные области на территории Европейской части СССР в каменном веке. М., 1959, стр. 76.

Среди более чем 200 памятников каменного века, выявленных и частично исследованных на территории Южного Урала в 1958—1968 гг., преобладают неолитические поселения с керамикой и преимущественно двусторонне обработанным каменным инвентарем. На их фоне резко выделяются около 40 стоянок с чисто микролитическим инвентарем без керамики. Расположение этих памятников и их стратиграфия также отличны от неолитических. Третья группа памятников совмещает в себе черты как мезолитических, так и неолитических памятников без керамики и, очевидно, относится к переходному периоду.

Мезолитические стоянки в большинстве случаев имеют хорошо выраженный культурный слой и чистый комплекс находок. Из них более 15 расположены в Западном Предуралье, остальные — в горных районах и Зауралье. Часть мезолитических памятников Предуралья (Ильмурзино, Романовка II, Романовка III, Черкасово, Кумлекулево, Холодный Ключ на р. Сюнь и др.) в 1958—1965 гг. подвергались раскопкам. Инвентарь мезолитических памятников Предуралья весьма сходен. Характерными в этом отношении являются памятники типа Ильмурзино, Романовка II и Романовка III.

Верхний мезолитический слой стоянки Ильмурзино содержит чисто микролитические материалы, изготовленные, как правило, на тонких узких ножевидных пластинах. Среди них пластинки с диагонально скошенным и притупленным краем, пластинки с боковыми выемками, резцы на углу сломанной пластинки, скребки, острия, вкладыши сегментовидной и прямоугольной формы с притупленной спинкой и большое количество преднамеренно поделенных ножевидных пластинок. Здесь же найдены наконечники стрел с незначительной подработкой черешка и кончика острия. Инвентарь верхней части нижнего слоя несколько отличается от материалов его нижних горизонтов. Здесь отсутствуют наконечники стрел на ножевидных пластинах. Наиболее характерными изделиями этого слоя являются микрорезцы, найден обломок гальки с прочерченным орнаментом. Более аморфными в сравнении с верхними горизонтами выглядят материалы нижних горизонтов нижнего слоя Ильмурзинской стоянки. Правильно ограненных узких пластинок здесь уже совсем немного; преобладают широкие массивные пластины с выемками, с притупленным краем и срединные резцы. Особенно характерно для нижних горизонтов наличие грубых аморфных нуклеидных кусков и небольших нуклеусов для отщепов поддисковидной формы, хотя здесь же встречаются и нуклеусы конической формы с негативами от скалывания тонких и узких ножевидных пластинок. Весьма сходны с Ильмурзинской стоянкой по инвентарю и другие памятники Предуралья. Инвентарь стоянок Романовка II и Романовка III и др. почти идентичен верхней части нижнего слоя Ильмурзинской стоянки, а инвентарь стоянок Старо-Мушта, Старо-Каинлыково и др. близок верхнему слою Ильмурзинской стоянки. Объем данной статьи, к сожалению, не дает возможности дать обстоятельное описание мезолитических памятников Предуралья. Краткая характеристика их, данная нами в других статьях⁵, избавляет нас от необходимости повторять это.

Напомним только, что инвентарь предуральских памятников в целом микролитический. В его составе абсолютно преобладают изделия из ножевидных пластин и отсутствуют орудия с двусторонней обработкой. Инвентарь их генетически связан с финально палеолитическими памятниками типа нижнего слоя Ильмурзино. Геометрические микролиты отсутствуют. В эпоху развитого мезолита (Романовская стадия) появляются нако-

⁵ Г. Н. М а т ю ш и н. Памятники мезолита на Южном Урале и их стратиграфия. Антропоген Южного Урала. М., 1965; его же. Следы мезолитических слоев на неолитических стоянках Южного Урала и Зауралья. Сб.: «Памятники каменного и бронзового века Евразии». М., 1963; его же. Новые археологические памятники в окрестностях г. Уфы. АЭБ, 1, Уфа, 1962; его же. Мезолит и неолит Башкирии. Автореф. канд. дис. М., 1964.

нечники стрел на ножевидных пластинах. Аналогии инвентаря мезолитических памятников Предуралья можно найти в памятниках мезолита Прикамья⁶ и Среднего Поволжья⁷. Близкое сходство мезолитические памятники Предуралья находят в материалах Яндашевской стоянки⁸.

Интересный инвентарь содержит мезолитический слой стоянки Давлекановской, где помимо находок, аналогичных верхнему слою Ильмурзинской стоянки, найдено значительное количество изделий из кости (гарпуны, наконечники стрел, шилья, муфты из рога северного оленя и др.). Аналогичные материалы, в том числе и костяные изделия (гарпун, нож с пазами для вкладышей и др.), найдены в 1965 г. при раскопках стоянки у Холодного Ключа⁹.

Все отмеченные памятники характеризуются одинаковым геоморфологическим и стратиграфическим положением и сходством инвентаря. Мезолитические стоянки в бассейне Белой (Предуралье и горные районы Южного Урала), как правило, расположены на III речных (II надпойменных) террасах¹⁰. В этом отношении типичны памятники Романовка II и III, Милловка I и II в Уфимском районе БАССР. Они находятся на мысах третьей 15-метровой террасы р. Белой, удаленной от современного обрывистого берега старицы реки на 200—300 м. Терраса сложена красно-бурыми суглинками (четвертый осадочный комплекс, по В. Л. Яхимович¹¹), образование которых связывается с первым вюрмским (калининским) оледенением.

Отложения первой половины верхнего плейстоцена, формирующие II надпойменные террасы, обычно перекрываются делювиальным слоем, образовавшимся во второй половине верхнего плейстоцена и почвой верхнеплейстоценового — голоценового возраста. С этим делювиальным слоем и нижними горизонтами почвы и связаны все находки мезолита на Южном Урале. Стратиграфическая последовательность памятников эпохи мезолита в бассейне Белой однообразна. Характерна в этом отношении стоянка Ильмурзино, также расположенная на III террасе левого берега Белой. В настоящее время терраса удалена от реки на несколько километров. Разрез культурного слоя Ильмурзинской стоянки выглядит следующим образом: сверху гумусовый слой мощностью 40—45 см с находками керамики ямного типа, ниже (до 75—80 см) красно-бурый суглинок с большим количеством микролитических материалов (верхний мезолитический слой), под ним суглинок с 10%-ным содержанием песка, мощностью 4—5 м. В верхних его горизонтах (до глубины 1,5 м от поверхности) концентрируются грубые патинизированные изделия (нижний мезолитический слой). В основании террасы лежат плотные голубовато-серые суглинки. Стратиграфия Романовок II и III почти полностью идентичная Ильмурзинской стоянке. Культурный слой стоянки на р. Сюнь залегает под тремя слоями погребенной почвы.

Следует заметить, что возраст отложений речных террас бассейна Белой и других рек Южного Урала систематически изучался Южно-Уральским горно-геологическим институтом¹² и Южно-Уральским геологическим

⁶ О. Н. Бадер. Основные этапы этнокультурной истории и палеографии Урала. МИА, 79, 1960, стр. 88—104.

⁷ А. Х. Халиков. Среднее Поволжье в эпоху камня и бронзы. Автореф. докт. дис. Казань, 1966.

⁸ П. П. Ефименко, П. Н. Третьяков. Яндашевская стоянка. СА, 1968, 2, стр. 126—134.

⁹ Г. Н. Матюшин. Новые данные по мезолиту, неолиту и энеолиту Южного Урала. Сб.: «Археологические открытия 1965 года». М., 1966, стр. 52, 53.

¹⁰ Здесь и далее нумерация террас дается по В. Л. Яхимович, В. Л. Яхимович. Кайнозой Башкирского Предуралья. II, I, Уфа, 1958, стр. 3—8.

¹¹ В. Л. Яхимович. Там же.

¹² В. Л. Яхимович. Четвертичные отложения низких террас рек Башкирского Предуралья (стратиграфия). Там же; е е же. К вопросу о возрасте высоких речных террас и поверхности денудации, развитых в Башкирском Предуралье. Сб.: «Вопросы геологии Восточной окраины Русской платформы и Южного Урала». Уфа, 1960.

управлением¹³. Исследования геологического характера, проведенные на мезолитических памятниках Предуралья теми же специалистами, привели их к выводу о том, что мезолитические слои отмеченных памятников следует датировать в пределах диапазона вюрма — начала голоцена¹⁴.

Результаты спорово-пыльцевых анализов, взятых из разрезов на мезолитических стоянках Предуралья, показали, что они существовали в то время, когда здесь господствовала открытая холодная степь типа тундры с редкими участками лесной растительности¹⁵. Учитывая, что в плейстоцене территория Южного Урала относилась к экстрагляциальной области, самое позднее, когда здесь могли существовать подобные природные условия, — это конец плейстоцена¹⁶.

Мы уже отмечали, что ни для одного из открытых в 1958—1962 гг. памятников мезолита Урала не были характерны геометрические микролиты. Однако в 1962 г., просматривая коллекции стоянки Чебаркуль в Челябинском областном краеведческом музее (из раскопок Н. П. Кипарисовой)¹⁷, мы обратили внимание на необычно большое для неолитического поселения количество микролитического материала. Более внимательное рассмотрение показало, что среди них имеются и геометрические микролиты. (Одна трапеция была обнаружена в каменном инвентаре Сайма I)¹⁸. Дальнейшее изучение комплекса показало, что микролитический материал преимущественно залегает при расчистке дна раскопа. В связи с отсутствием геометрических микролитов на других памятниках неолита Урала и соседних областей нами была высказана мысль о том, что геометрические микролиты здесь — следы более раннего слоя, возможно разрушенного неолитическим поселением.

Возник вопрос: каким же временем следует датировать памятники с геометрическими микролитами и какова их культурная принадлежность? Ни для неолита, ни для более поздних культур Урала геометрические формы были не характерны. Не известны они были и в палеолите. Учитывая многочисленные аналогии, мы высказали предположение о том, что для мезолита Урала должны быть характерны и памятники с геометрическими микролитами¹⁹.

Полевые исследования 1963—1968 гг. подтвердили это. С одной стороны, в эти годы удалось еще раз уточнить, что геометрические микролиты не характерны для неолита Урала. Это подтвердили не только наши работы. Среди всех материалов неолитических памятников Урала найдена только одна трапеция, и то довольно нехарактерной формы²⁰. С другой стороны, в эти же годы выявлены и исследованы первые памятники мезолита Южного Урала с чистым комплексом и значительным количеством геометрических микролитов²¹.

В связи с тем что материал этих памятников еще не опубликован, остановимся несколько обстоятельнее на некоторых из них.

Самым первым по времени исследования и, пожалуй, до сих пор наиболее интересным среди них является стоянка Янгелька. Расположена она на северном берегу озера Чебаркуль (Абзелиловский район, БАССР).

¹³ Н. Н. Я х и м о в и ч. О возрасте II надпойменной террасы на восточном склоне Южного Урала (по фауне млекопитающих). Уч. зап. СГУ, 67, Саратов, 1961.

¹⁴ В. Л. Я х и м о в и ч. Антропоген Южного Урала. М., 1965, стр. 253.

¹⁵ Г. Н. М а т ю ш и н. Мезолит и неолит Башкирии, прилож. 1., архив ИА АН СССР.

¹⁶ В. Л. Я х и м о в и ч. Ук. соч.

¹⁷ Челябинский обл. краев. музей, № 46—52 и 666.

¹⁸ Там же, инвентарный номер 1117.

¹⁹ Г. Н. М а т ю ш и н. Следы..., стр. 18—29.

²⁰ Л. Я. К р и ж е в с к а я. Неолит. Южного Урала. Л., 1968, табл. X, 9, стр. 145.

²¹ Г. Н. М а т ю ш и н. Мезолитическая стоянка Янгельска на оз. Чебаркуль. КСИА АН СССР, 101, 1964, стр. 86—83; е го же. Стоянка Мурат на озере Узун-Куль. СА, 1965, 1, стр. 135—153; е го же. Новые данные по мезолиту, неолиту и энеолиту..., стр. 52—57; е го же. Исследование памятников каменного века на Южном Урале. Сб.: «Археологические открытия 1966 года», М., 1967, стр. 106—108; е го же. Работы на Южном Урале. «Археологические открытия 1967 года», М., 1968, стр. 117—119

На берегах этого озера расположено 15 поселений и местонахождений неолитического и энеолитического возраста. Стоянка Янгелька отличается от всех их своей стратиграфией и геоморфологией. Она занимает высокий 20-метровый обрывистый мыс северного берега озера (древний коренной берег р. Янгельки), в то время как высота неолитических поселений, расположенных на этом озере (как и вообще на всех озерах Южного Урала), как правило, не превышает 5—7 м от уровня озера. В настоящее время река впадает в озеро в 1,5—2 км восточнее мезолитической стоянки. Интересно заметить, что между стоянкой и рекой по всей низменной части северного берега озера (представляющей, видимо, древнюю пойму Янгельки) встречаются следы энеолитических поселений, но нет ни одной находки более раннего возраста, что, видимо, объясняется тем, что в конце плейстоцена и раннем голоцене всю эту площадь еще заполняла вода. Следовательно, высокое расположение стоянки свидетельствует о ее большей древности, нежели неолитические поселения. Об этом же говорит и стратиграфия памятника. Слой с мезолитическими остатками лежит в суглинке, перекрытом гумусом с единичными находками керамики и орудий позднеолитического возраста (рис. 1, В).

Стоянка занимает практически всю площадь мыса (вскрыто 284 м²). Однако находки распределяются неравномерно по площади раскопа. Большая их часть лежит в его юго-восточной части, ближе к обрыву. Залегая скоплениями от 160 до 1300 и более изделий из камня на 0,5—1 м², находки здесь практически заполняли всю площадь раскопа. Контуры сплошного распространения орудий и отходов из изготовления совпадали с центральной частью углубления. Со стороны озера это углубление ограничивалось скальными выходами. Со стороны возвышенности — столбовыми ямами и камнями (рис. 1, Б, З—В), — видимо, остатками каких-то креплений. В центре углубления прослежен мощный зольник и крупный очаг. Следы небольшого очага прослежены в южной части углубления. Судя по концентрации находок, наличию очагов, столбовых ям и т. п., углубление в юго-западной части раскопа является остатками крупного жилища мезолитической общины. К сожалению, границы этого жилища очерчиваются довольно расплывчато, образуя, видимо, овальное или подпрямоугольное жилище с двумя выходами (рис. 1, Б), площадью около 120—130 м² (16×8 м). Интересно заметить, что геометрические микролиты, довольно равномерно распределяясь по площади жилища, почти не встречаются за его пределами.

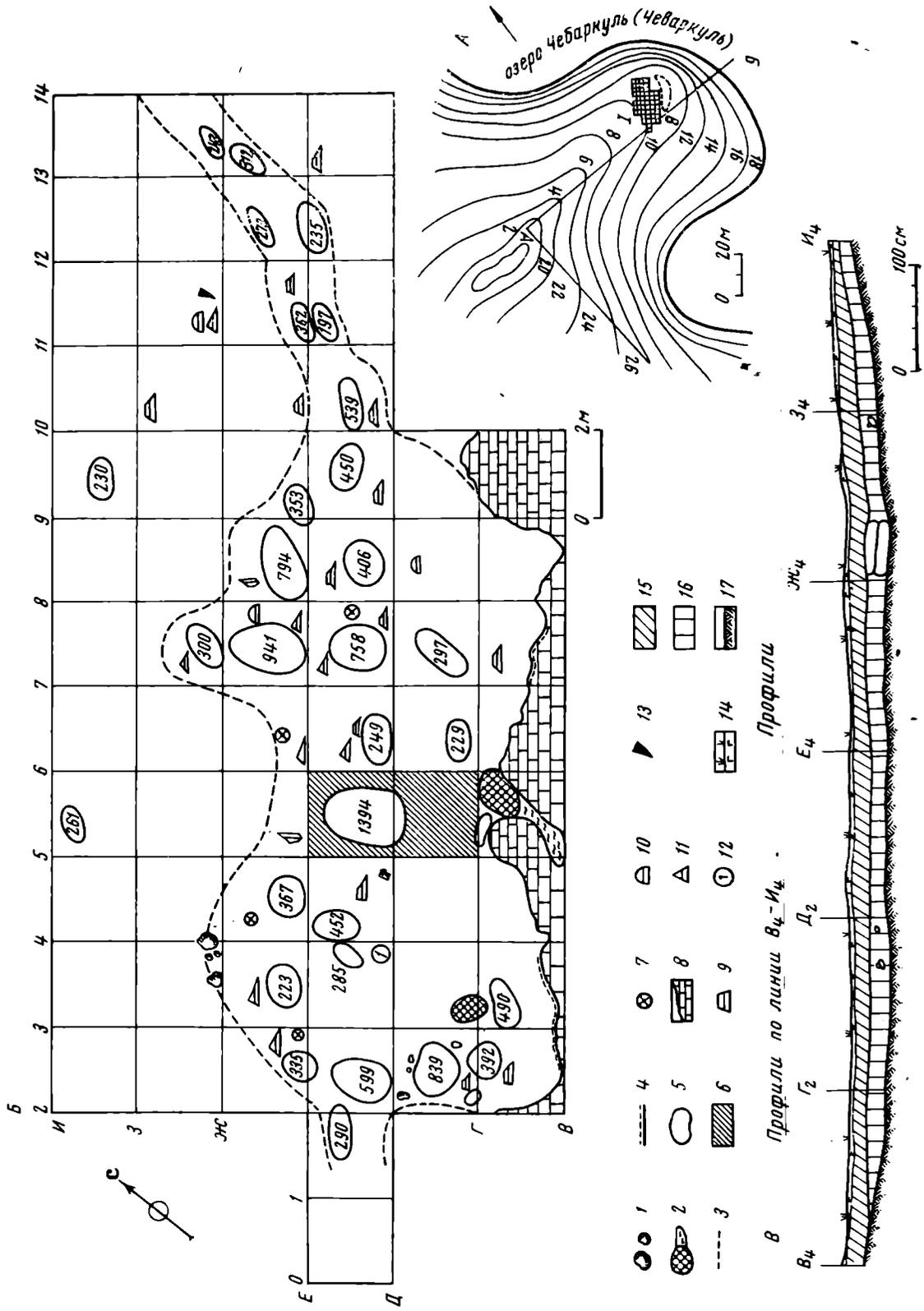
Находок в мезолитическом слое (в раскопках 1966 г.) — 13 025 экземпляров. Все они представлены изделиями из яшмы и кремня. В том числе ножевидных пластин и изделий из них — 6 272 (48,15%), нуклеусов — их обломков и заготовок — 355 (2,27%), сколов с нуклеусов — 831 (6,38%), скребков — 197 (1,51%), отщепов и чешуек и кусков кремня — 5 306 (40,7%), прочих изделий — 64 (0,49%). Орудий и пластин с ретушью всего 1142, большая их часть (88,1%) — изделия из ножевидных пластин и пластины с ретушью или зазубринами. Они разделяются на следующие типы (табл. 1):

Т а б л и ц а 1

Геометрические микролиты	Н. п. * со скошенным краем	Острил	Резцы	Микрорезцы	Н. п. с выемками	Скребки	Н. п. с ретушью	Н. п. с зазубринами	Всего изделий из Н. п.
51	7	23	90	5	43	102	473	210	1004

* Н. п. — ножевидные пластины.

Остальной инвентарь представлен: сверлами на сколах и отщепках — 38 экз., скреблами на сколах с нуклеусов — 37, скребками на отщепках —

Рис. 1. Мезолитическая стоянка Ягелка на Южном Урале

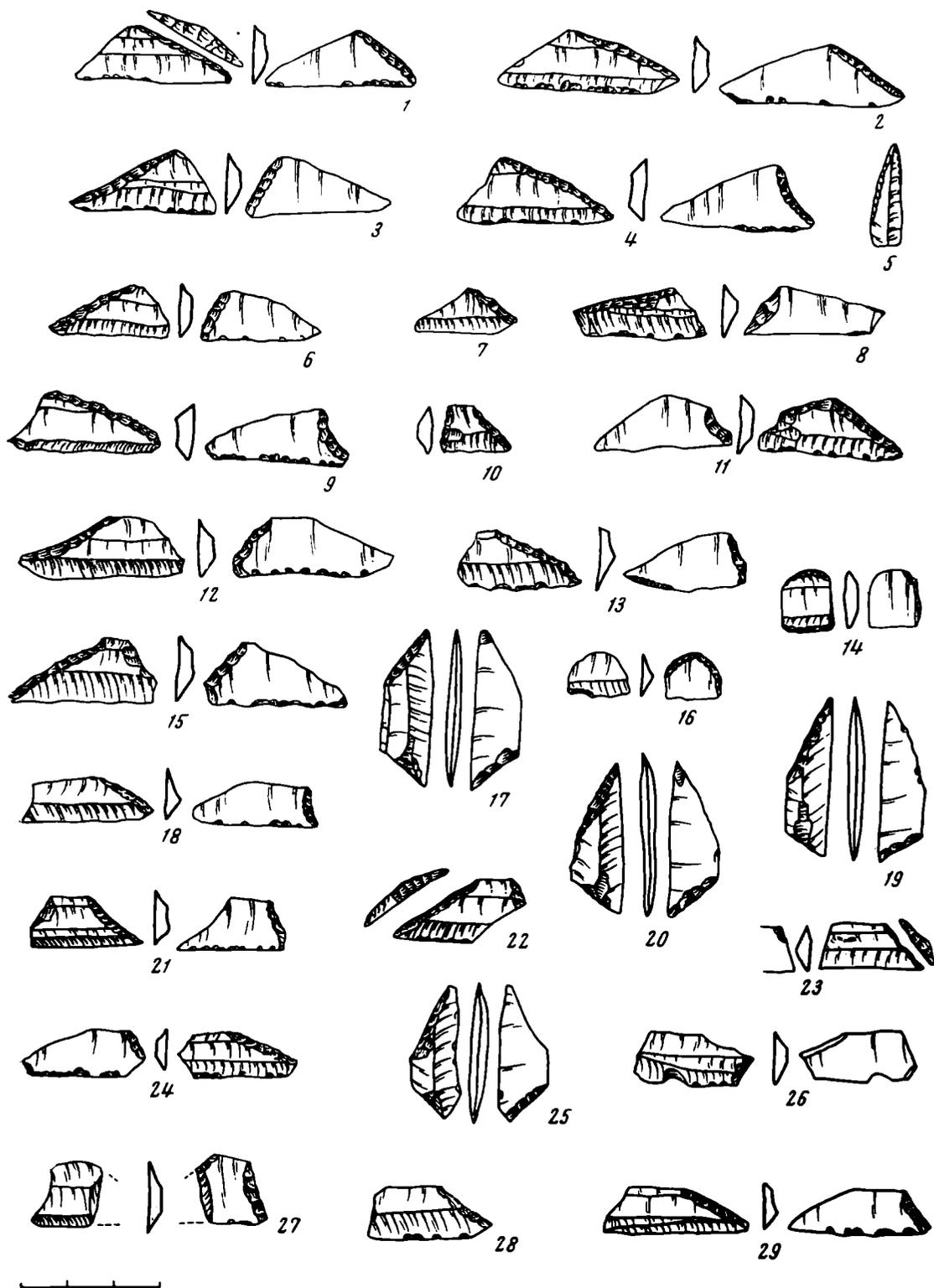

Рис. 2. Геометрические микролиты стоянки Янгелька

58, отбойниками — 4 и подвеской — 1. Всего 138 (11,9%). Если исключить из подсчета малоопределимые ножевидные пластины с ретушью и зазубринами, то доля остальных групп микролитического инвентаря будет следующей (табл. 2).

Значительную долю микролитического инвентаря памятника занимают геометрические микролиты. В инвентаре стоянки Янгелька они представлены высокими сегментами — 2 экз., ассиметричными треугольниками — 8, трапециями — 20 и обломками геометрических микролитов — 21 экз.

К сожалению, объем данной статьи не позволяет останавливаться на детальном описании инвентаря памятника. Поэтому мы вынуждены ограничиваться только перечислением типов орудий, надеясь, что какое-то представление о некоторых типах инвентаря дадут рисунки (рис. 2).

По этим же соображениям мы вынуждены опустить и описание других аналогичных памятников с геометрическими микролитами Южного Урала. Помимо отмеченных выше стоянок Янгелька, Чебаркуль I, Сайма, геометрические микролиты найдены при раскопках стоянок Мурат на озере Узун-Куль²², Мысовая на озере Карабалыкты, Суртанды 6 на озере Щучье (в 30—35 км западнее Магнитогорска), на стоянке Скала Большевик на

Т а б л и ц а 2

Геометрические микролиты	Микро-резцы	Н. п. с скошенным краем	Резцы	Острия	Н. п. с выемками	Скребки	Итого
15,8	1,55	2,18	28,03	7,16	13,4	32	100% = 321

Т а б л и ц а 3

Наименование памятников	Геометрические микролиты, кол-во	Н. п. и изделия из них, %	Нуклеусы, %	Сколы, %	Скребки, %	Орудия на отщепках, %	Отщепы, %	Итого	
								кол-во	%
Карабалыкты V	2	19,56	0,47	7,91	0,338	0,836	70,519	11 847	100
Долгий Ельник	5	44,5	2,8	0,76	1,5	0,76	49,7	1 808	100
Мурат	16	37,174	2,309	10,616	5,85	6,41	36,868	9 485	100
Суртанды 6	16	29,47	1,7	4,06	5,08	0,81	58,7	12 175	100
Мысовая	14	56,28	3,82	0,146	1,049	0,33	38,1	7 530	100
Янгелька	51	48,16	2,72	6,38	1,51	0,49	40,07	13 025	100

озере Мигилло (Миндякское)²³, на стоянке Долгий Ельник на озере Зюраткуль, в верховьях р. Сакмары, на Карабалыкты V и др. Наиболее обстоятельно исследованы раскопками пять из этих памятников: Янгелька (вскрыто 284 м²), Мурат (раскопано 274 м²), Суртанды 6—8 (вскрыто 592 м²), Мысовая (раскопано 342 м²) и Карабалыкты V (вскрыто 104 м²). К сожалению, только на стоянке Янгелька и Карабалыкты V поселения мезолитического времени занимали всю площадь памятника, на остальных же были представлены более мощными слоями неолитические поселения, перекрывающие менее мощные мезолитические слои. Расположение слоев с геометрическими микролитами во всех случаях под неолитическими еще раз убеждало в большей их древности, нежели неолитические памятники.

Стратиграфия всех перечисленных памятников в целом идентична Янгельской, Ильмурзинской и другим мезолитическим памятникам Южного Урала. Всюду культурные слои с геометрическими микролитами залегают в суглинке, а перекрывающие их неолитические — в гумусе. Топография и геоморфология памятников также сходна. Всюду мезолитические стоянки занимали наиболее высокие террасы. Почти все они в Зауралье расположены на берегах древних озер. Инвентарь их также довольно близок янгельскому. На табл. 3 представлены суммарно все материалы, найденные при раскопках в мезолитических слоях этих памятников, включая всевозможные отходы производства.

Среди орудий всюду преобладают ножевидные пластины и изделия из них. Отчетливо видна и доля геометрических микролитов. Интересно заметить, что с уменьшением доли ножевидных пластин и увеличением до-

²² Г. Н. М а т ю ш и н. Стоянка Мурат...,

²³ Г. Н. М а т ю ш и н. Новые данные..., стр. 52, 53; его же. Работы на Южном Урале, стр. 118, 119.

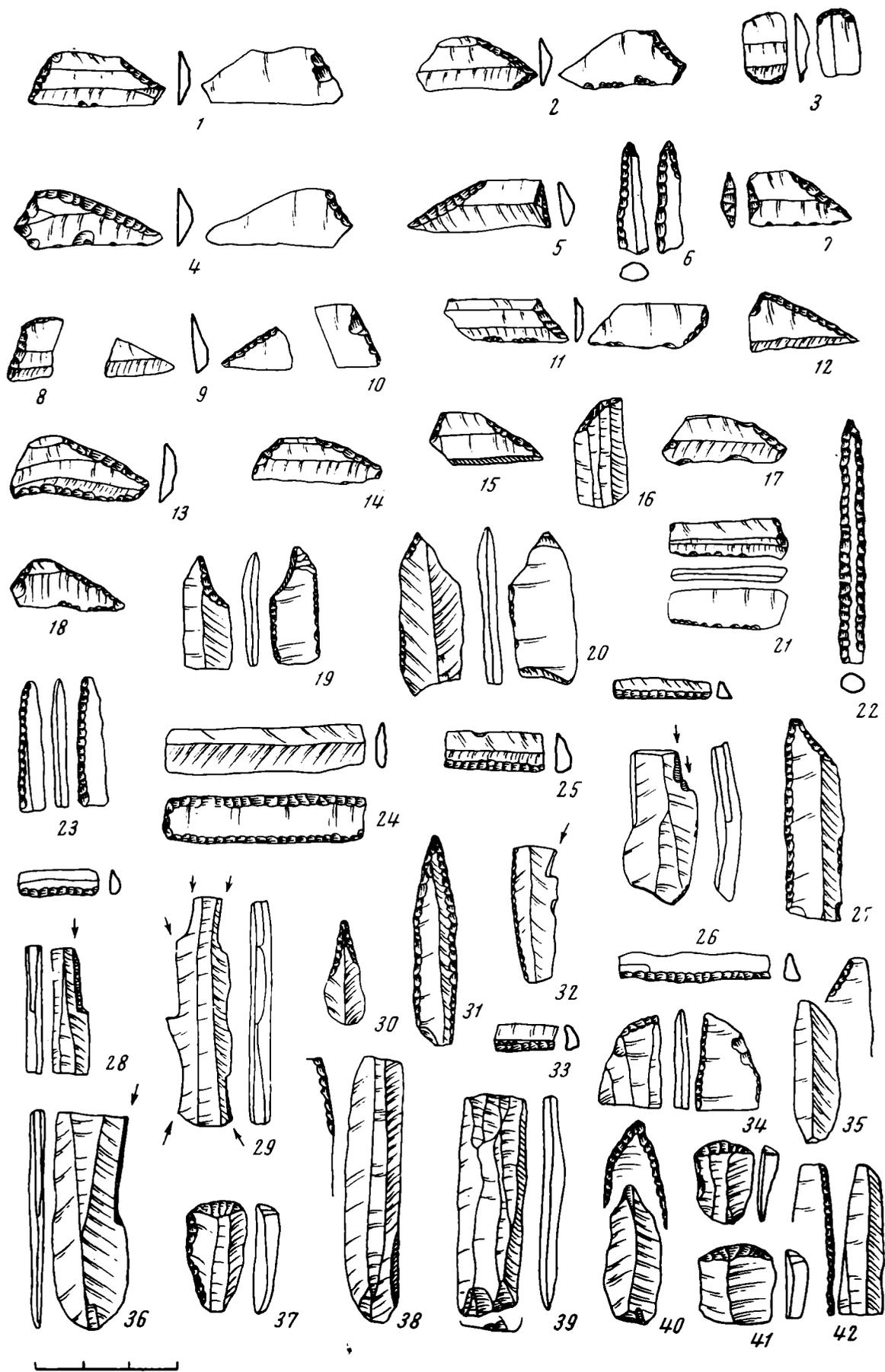

Рис. 3. Кремневые и яшмовые изделия нижнего слоя стоянки Суртанды 6

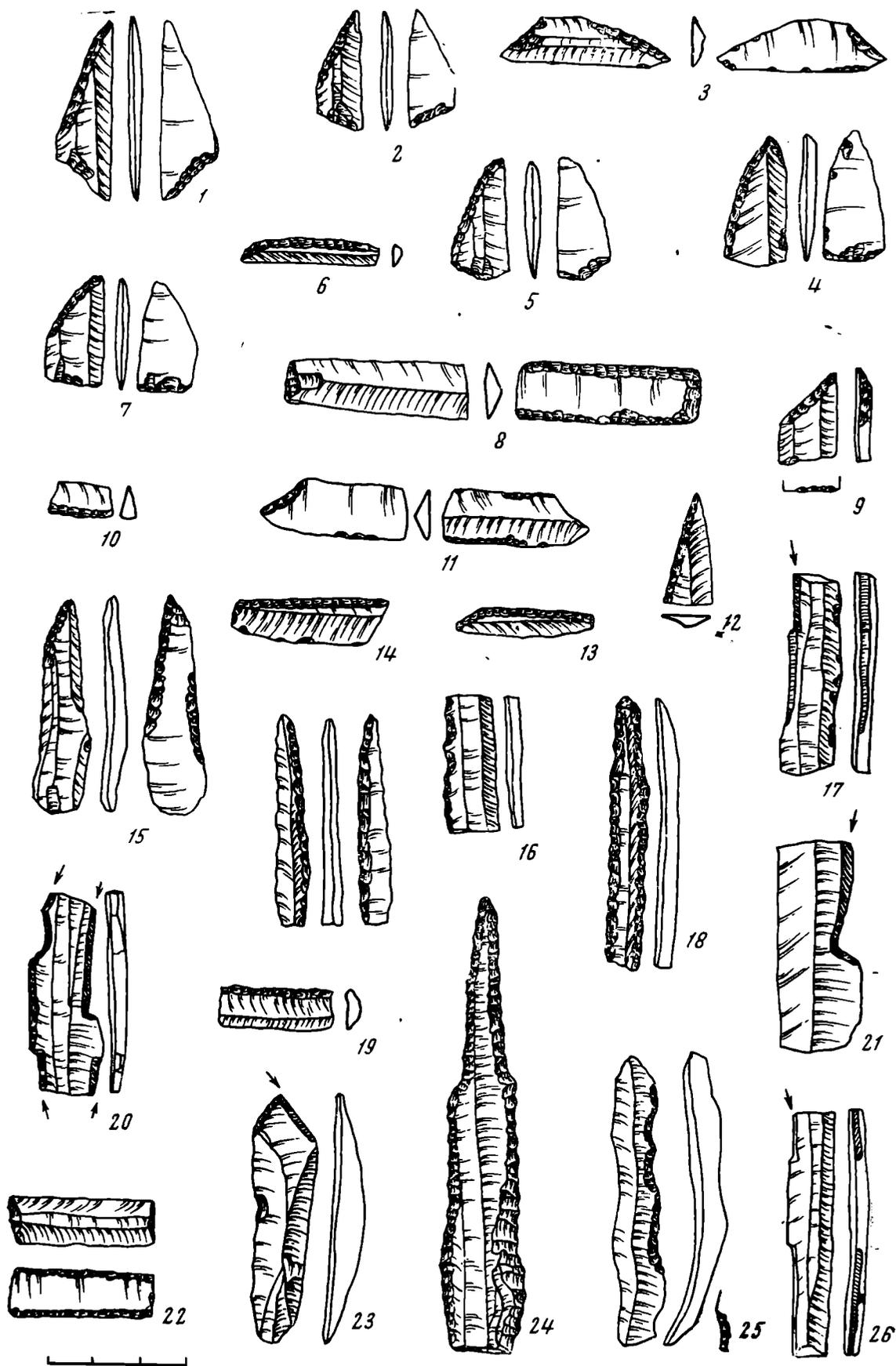

Рис. 4. Изделия из ножевидных пластин нижнего слоя стоянки Мысовая (Карабалыкты VII)

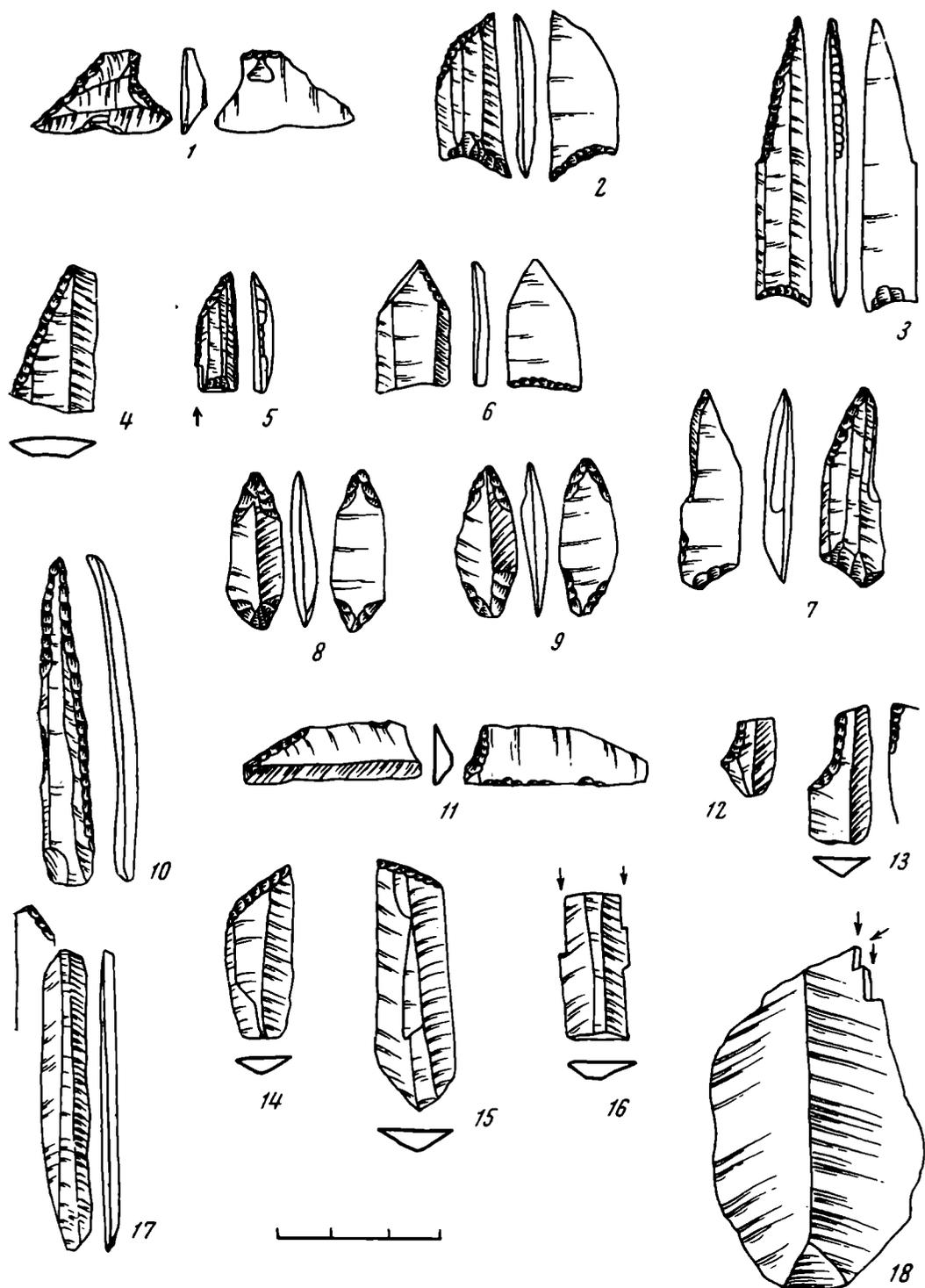

Рис. 5. Изделия из пластин стоянок Карабалыкты V (11—18) и Долгий Ельник (1—10)

ли изделий из отщепов, как правило, падает и количество геометрических микролитов. Так, в инвентаре стоянки Карабалыкты V их всего два почти на 12 тыс. изделий из камня, в то же время доля ножевидных пластин и изделий из них падает до 19,5%, а доля отщепов и изделий из них повышается до 70,5%. Здесь же появляются и орудия с двусторонней обработкой. Ассортимент геометрических микролитов во всех памятниках довольно сходен. Так, на стоянке Суртанды 6 они представлены, как и на Янгельке, асимметричными трапециями, высокими сегментами, треугольниками, которые сопровождаются резцами, проколками, пластинами со скошенным краем, вкладышами, концевыми скребками и т. п. (рис. 3). Примерно тот же набор изделий из ножевидных пластин найдены на стоянке Мысовая (рис. 4) и других памятниках (рис. 5). Для краткости

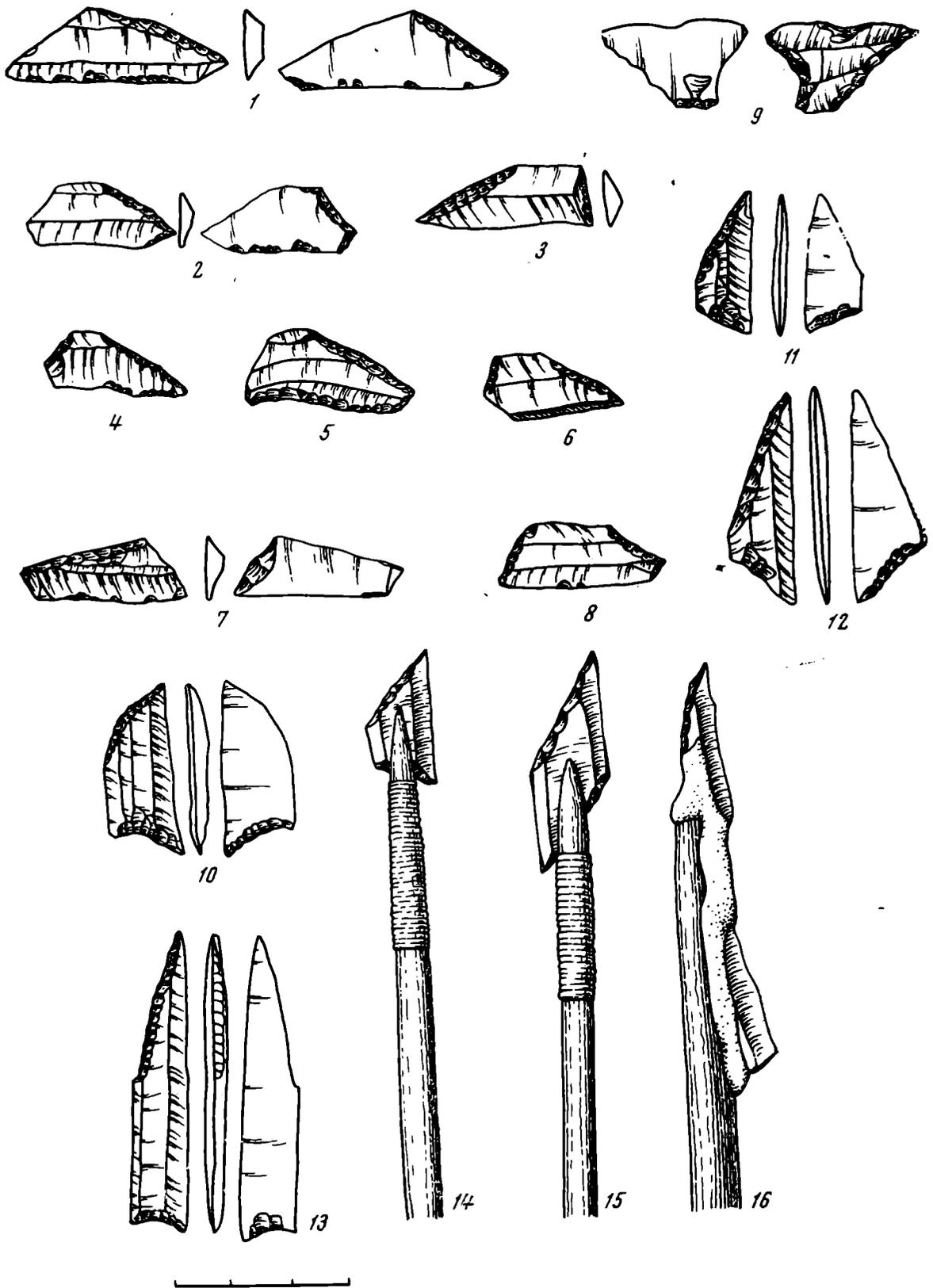

Рис. 6. Геометрические микролиты Южного Урала: вкладыши (1—8) и наконечники стрел (9—16); 1, 7 — Янгелька; 2—6, 8 — Суртаңды 6; 9, 10, 13 — Долгий Ельник; 11, 12 — Мысовая

спустим описание их инвентаря, надеясь, что представленные иллюстрации (рис. 2—6) в какой-то мере восполнят этот пробел, и обратимся к поискам аналогий инвентарю южноуральских стоянок с геометрическими микролитами.

Территориально наиболее близки им памятники Южного Предуралья типа Ильмурзино II, Романовка II—III и др. Некоторые из них расположены всего в десятках километров от памятников янгельского типа. Например, стоянка Азопкино на р. Белой находится всего в 40 км от стоянки Мурат на озере Зюраткуль и всего в 35—40 км от стоянок Мысовая, Суртанды 6 и др. Однако памятники восточного и западного склона Южного Урала имеют довольно существенные различия. Коллекции мезолитических памятников в Зауралье, как и в Предуралье и горных районах, чисто микролитические. Для них характерно преобладание изделий с резцовыми сколами, пластин со скошенным краем, с выемками, острий, вкладышей, концевых скребков и других предметов, идентичных предуральским. В большинстве случаев сходно и гипсометрическое положение памятников. Как и в Предуралье, мезолитические слои зауральских памятников залегают в суглинке или в глине позднеплейстоценового возраста. Однако, имея в общем облике сходный с предуральскими памятниками микролитический инвентарь, мезолитические стоянки Зауралья далеко им не идентичны. Так, здесь отсутствуют наконечники стрел на ножевидных пластинах, больше микрорезцов, острий и разнообразных проколов. Если для Предуралья характерны длинные узкие пластинки со скошенным под острым углом и отретушированным концом, то здесь пластинки короче, конец у них часто скошен по диагонали пластинки, отретуширован либо по скошенному краю, либо еще и по одной из сторон пластинки. В последнем случае ретушь — противоположащая.

Наиболее резкая отличительная черта мезолитических памятников Зауралья — наличие геометрических микролитов, главным образом асимметричных трапеций, треугольников, которые являются характерной частью их инвентаря и полностью отсутствуют в Предуралье.

Таким образом, несмотря на некоторые черты сходства, инвентарь мезолитических памятников Южного Предуралья и Зауралья далеко не идентичен. Довольно резко различается он и по характеру сырья. Орудия Предуралья изготовлены из светлого известкового кремня. Изделия зауральских памятников — из светлых и многоцветных яшм и темного яшмовидного кремня. Месторождения яшм, из которых изготовлена преобладающая масса зауральского инвентаря, строго локализованы на восточном склоне Южного Урала, но изделия из них широко распространены далеко на восток, север и юг от Урала, вплоть до полуострова Ямал на севере и Средней Азии на юге. Однако орудия из яшмы исчезают уже в 50 км к западу от месторождений. Они отсутствуют совершенно и на западных склонах Южного Урала, в долине Белой и ее притоков, где расположено большинство мезолитических стоянок Южного Предуралья (в верховьях Белой на стоянке Азопкино они еще встречаются). Впервые появляются они в Приуралье только в конце неолита.

Если пересмотреть материал всех известных в литературе памятников каменного века от Урала до Байкала и Волги, то мы почти нигде не найдем геометрических микролитов, микрорезцов и других изделий, типичных для мезолита восточного склона Южного Урала. Аналогии им можно найти только к югу от Урала.

Здесь изделия геометрического облика широко распространены в памятниках позднего палеолита и мезолита почти по всей территории Ближнего Востока, Средней Азии и Кавказа.

Геометрические изделия Кавказа отличны от южноуральских. На Кавказе не встречаются асимметричные трапеции с боковыми выемками, нет там микрорезцов, отличны и другие изделия. Единичные находки изделий геометрического облика встречаются и в Нижнем Поволжье. Однако они,

как мы уже отмечали, по своему облику ближе к кавказским, чем к южноуральским²⁴.

Нет аналогий и в неолитических памятниках Средней Азии и Ближнего Востока. Однако, если обратиться к инвентарю памятников позднего палеолита и мезолита этой же территории, то сходство настолько поразительно, что некоторые изделия Южного Урала и Юго-Восточного Прикаспия кажутся идентичными. К сожалению, мезолит Средней Азии изучен еще далеко недостаточно. В Восточном Прикаспии изучено всего два памятника мезолитического времени — это пещера Джебел²⁵ и грот Дам-Дам-Чешме II²⁶. Характер инвентаря этих памятников аналогичен южноуральскому. Для них также характерны асимметричные трапеции с боковыми выемками, треугольники, остря. Только здесь мы можем найти аналогии и микрорезцам, которые отсутствуют в других районах СССР. Очень близко и процентное соотношение отдельных типов изделий в инвентаре мезолитических памятников Средней Азии и Юж. Урала. Исследователи единодушно утверждают, что инвентарь нижних слоев Джебела и Дам-Дам-Чешме II идентичен инвентарю пещеры Белт (Гари Камарбанд) и другим памятникам Ближнего Востока. Учитывая это, мы можем привлечь к нашему сравнению мезолитические памятники Южного Прикаспия и более отдаленных территорий Ближнего Востока.

В Южном Прикаспии, на территории Северного Ирана наиболее полно раскопанным и изданным памятником является пещера Белт (Гари Камарбанд). Кун выделяет здесь несколько культурных слоев: ранненеолитический (керамический неолит 1—7 горизонт), $7230 \pm 260 = 5330$ г. до н. э.; докерамический неолит (8—10 горизонты), $7790 \pm 330 = 5840$ г. до н. э.; поздний мезолит (11—17 горизонты), $8570 \pm 380 = 6620$ г. до н. э.; средний мезолит (18—21 горизонты); ранний мезолит (22—28 горизонты), $11480 \pm 550 = 9530$ гг до н. э.²⁷

Даты, полученные при анализах из пещеры Белт, были откоррелированы результатами многочисленных анализов других памятников, в частности из близко расположенного многослойного памятника Хоту. По материалам Хоту слой среднего мезолита датирован 7400 г. до н. э.²⁸ Как и в памятниках янгельского типа, значительную долю инвентаря пещеры Белт составляют скребки и пластины с выемками (выемчатые скребки). Они составляют 32% орудий всех слоев пещеры [24% инвентаря нижнего мезолитического слоя (22—28 горизонты), 20% орудий среднемезолитического слоя и 38,4% изделий позднемезолитического слоя]. Преобладающую часть их занимают концевые орудия на ножевидных пластинах. В пещере Белт найдено всего 48 концевых скребков, и только четыре из них — в слое докерамического неолита, остальные — в мезолитических. На стоянке Янгелька концевые скребки составляют также 32% орудий из пластин, или 71,3% всех скребков. В верхнемезолитическом слое (11—17 горизонты) пещеры Белт их доля 76,3%, а в нижнемезолитическом (22—28 горизонты) — 83% всех скребков (исключая пластинки с выемками). Сходен и остальной инвентарь. В нижних слоях Белт он представлен, как и на памятниках янгельского типа, ножевидными пластинами с ретушью и резцами, ребристыми пластинами (Saws), острями и сверлами, пластинками с затупленной спинкой (Backed Blades), продольными сколами с нуклеусов (Beaks, Hooks) и геометрическими микролитами²⁹.

²⁴ Г. Н. М а т ю ш и н. О нижеволжских микролитах. СА, 1968, № 2, стр. 241.

²⁵ А. П. О к л а д н и к о в. Пещера Джебел — памятник культуры Прикаспийских племен Туркмении. Тр. ЮТАКЭ, 7, Ашхабад, 1956.

²⁶ Г. Е. М а р к о в. Раскопки грота Дам-Дам-Чешме II. СА, 1966, 2.

²⁷ С. С o o n. Cave Explorations in Iran. Philadelphia, 1951.

²⁸ С. С o o n. The Seven Caves. London, 1957, стр. 208, 211.

²⁹ С. С o o n. Cave Explorations..., 14d.

Рис. 7. Янгелька, геометрические микролиты (вкладыши)

Рис. 8. Белт (Гари Камарбанд), геометрические микролиты (вкладыши)

Геометрические микролиты являются наиболее выразительным типом инвентаря пещеры Белт (рис. 7, 8). Всего их найдено здесь 19. Из них два (неопределимые атипичные изделия) обнаружены в 10 и 11 горизонтах, остальные все — в 22—28 слоях. Большая часть последних (14 из 17) обнаружена в 24—26 горизонтах. Основная масса геометрических микролитов — трапеции и треугольники. Преобладают крупные асимметричные трапеции с боковыми выемками. Боковые выемки на трапециях настолько своеобразны и отличны, что придают всему микролитическому комплексу своеобразный облик, отличный от подобных памятников соседних районов Ближнего Востока. Единичные экземпляры трапеций имеют симметричную форму, но и у них по бокам есть выемки. Асимметричные трапеции — наиболее характерная черта и для инвентаря мезолитических памятников Южного Урала (Янгелька, Мурат, Чебаркуль I, Мысовая, Карабалыкты V, Сайма и т. п.). Совпадают и размеры трапеций. Близко и соотношение их с другими типами орудий. Так, в Белт из 150 орудий раннемезолитического слоя падает 17 (11,4%), а в Янгельке на 321 орудие — 51 (15,6%) геометрических микролитов. Инвентарь мезолитического слоя стоянок Суртанды 6, Мурат, Мысовая представлен несколько меньшим количеством орудий, и геометрических изделий здесь также найдено меньше (от 14 до 16 экз.).

При некоторой специфике (асимметричные трапеции с боковой выемкой) памятники Южного Прикаспия (Белт, Хоту и др.) не выпадают из круга родственных культур Ближнего Востока. Так, сравнивая их инвентарь с материалами позднелолитических и раннемезолитических

Рис. 7

Рис. 8

памятников Северного Ирака типа Зарзи Б, Шанидар Б, Палегавра³⁰, можно заметить, что хотя в последних меньше микролитов с выемками и почти отсутствуют асимметричные трапеции, остальной инвентарь довольно сходен с прикаспийским. Некоторое сходство их можно найти и с южноуральскими памятниками. Похожи сегментовидные изделия и изделия типа микрорезцов, нигде в СССР, кроме Южного Урала и Средней Азии, не встречающихся. Так, микрорезцы стоянок Янгелька³¹, Карабалыкты V, Азопкино³², Мурат³³ близки по форме и характеру обработки подобным изделиям из пещеры Полегавра. Сходны также пластины с диагонально скопленным концом и другие изделия — ретушированные пластинки, пластинки с выемками и т. д.

Интересно, что для памятников типа Зарзи Б, как и для южноуральских, характерно наличие различного типа резцов³⁴, некоторые типы которых просто идентичны.

В последнее время ряд исследователей склонны объяснять сходство инвентаря различных памятников сходными формами хозяйства и другими факторами экономического и географического характера. Однако мелкие детали формы орудий и техники их изготовления, такие, например, как форма трапеций, наличие или отсутствие боковых выемок, характер ретуши, их размеры и т. п., вряд ли имели какое-то решающее значение в хозяйственной жизни и едва ли отражали какое-то сходство природных условий и способа хозяйства. Очевидно, трапеции с выемками и без них одинаково хорошо выполняли свои функции, тем более что отсутствие геометрических микролитов на соседней территории Южного Предуралья в одинаковых с Зауральем природных условий и при одинаковом способе хозяйства свидетельствует не в пользу мнения о том, что они вызваны к жизни этими факторами. Все это убеждает нас, что сходство суммы мелких признаков (форма геометрических микролитов, микрорезцов, острий, сверел и т. п.) Южного Урала и Прикаспия отражает реальные связи населения этих областей в эпоху мезолита. С другой стороны, это позволяет уточнить и датировку мезолитических памятников Южного Урала.

Существенно, что трапеции с боковой выемкой характерны для ранних мезолитических слоев пещеры Белт и почти отсутствуют в верхнем мезолитическом слое и неолите. На территории Ирака крупные трапеции, в том числе и с выемками, типичны для позднепалеолитических памятников типа Палегавра, Шанидар Б и др.³⁵ В памятниках более позднего времени (типа Джармо) трапеции меньше размером и более правильных очертаний, тут исчезают прямоугольники, появляются симметричные равно-сторонние треугольники и вытянутые сегменты³⁶. Такая же тенденция наблюдается и в Средней Азии, и на Южном Урале. Например, трапеции, встреченные в Средней Азии в памятниках типа Джейтун, более мелкие, правильных симметричных очертаний. Трапеции с боковыми выемками здесь отсутствуют³⁷. Единично крупные симметричные трапеции появляются в инвентаре стоянок Мурат и Долгий Ельник (рис. 9, 4, 18). Мелкие

³⁰ R. Braidwood and Howe. Prehistoric Investigations in Iraqi, Kurdistan. Chicago, 1960, стр. 28, 52, 57, табл. 24, R. Solecki. Shanidar Cave. A Palaeolithic Site in Northern Iraq and its Relationship to the Stone Age Sequence of Iraq. «Sumer», 1, 1955, стр. 14—38.

³¹ Г. Н. Матюшин. Неолитическая стоянка Янгелька на озере Чебаркуль. КСИА АН СССР, 101, 1964, рис. 24, 11, 12.

³² Г. Н. Матюшин. Стоянки с микролитическим инвентарем в горной Башкирии. КСИА АН СССР, 97, 1953.

³³ Г. Н. Матюшин. Стоянка Мурат...

³⁴ F. C. Howell. Upper Pleistocene Stratigraphy and Early Man in the Levant. «American Philosophical Society», Philadelphia, 1959, табл. 103, 1; R. S. Solecki. Prehistory in Shanidar Valley Northern Iraq. «New Roads to Yesterday», New York, 1965, табл. 3—9, h—l.

³⁵ R. Braidwood and Bruce Howe. Ук. соч., табл. 24.

³⁶ Там же, табл. 18, A, B.

³⁷ В. М. Массон. Средняя Азия и Древний Восток. М., 1964, рис. 5.

симметричные трапеции встречаются и в Южном Приуралье, но они относятся исследователями уже к неолиту³⁸. Все это дает, как нам кажется, основание датировать южноуральские памятники с асимметричными трапециями с боковыми выемками эпохой раннего мезолита и синхронизировать их с раннемезолитическим слоем пещеры Белт и Хоту.

Итак, несмотря на отсутствие пока абсолютных дат по C^{14} , мезолитический возраст перечисленных памятников достаточно убедительно доказывается:

1. Преобладанием в их инвентаре геометрических микролитов, которые не характерны ни для неолитических, ни для более поздних памятников как Урала, так и соседних с ним областей.

2. Близким сходством южноуральских геометрических микролитов с инвентарем южноприкаспийских раннемезолитических памятников (типа Белт, Хоту, Палегавра, Шанидор Б и др.).

3. Стратиграфией памятников. Слои с геометрическими микролитами на стоянке Мысовая, Мурат, Суртанды 6 и др. перекрываются слоем с ранне-неолитическим материалом.

4. Пыльцевыми анализами (на стоянке Ильмурзино слой с мезолитическими материалами залегают в позднеплейстоценовых — раннеголоценовых отложениях).

Безусловно, далеко не все мезолитические памятники Южного Урала можно отнести к рубежу плейстоцена и голоцена. Однако, если в Предуралье периодизацию памятников облегчает некоторое различие в стратиграфическом положении мезолитических памятников и наличие трехслойного памятника Ильмурзино, где слой финального палеолита перекрывается двумя мезолитическими горизонтами, то на восточном склоне Урала периодизация памятников мезолита более затруднительна.

Мощность антропогенных отложений, как правило, на восточном склоне Урала и в Зауралье незначительна. В большинстве случаев она составляет всего 1,5—2 м, а иногда и всего несколько десятков сантиметров. Естественно, что проследить чередование культурных слоев различного времени здесь очень трудно, а иногда и просто невозможно. Именно поэтому в процессе исследования основное внимание мы уделяли однослойным (чистым) памятникам. При первом взгляде на их инвентарь микролитические изделия кажутся однородными: в них преобладают вытянутые асимметричные треугольники, трапеции, очень редко встречаются сегменты и т. п. Однако более детальное изучение показывает и некоторые различия между комплексами геометрических микролитов различных памятников. Для того чтобы более отчетливо представить эти различия, обратимся к анализу геометрических микролитов южноуральских памятников (табл. 4).

Заметно, что преобладающую часть геометрических форм составляют трапеции. В литературе их принято считать поперечнолезвийными наконечниками стрел. Мы уже говорили о том, что вряд ли можно согласиться с этим однозначным функциональным определением³⁹. В связи с этим интересен комплекс находок со стоянки Долгий Ельник II на озере Зюраткуль. Памятник открыт в 1968 г. Раскопками вскрыта пока незначительная часть, всего 30 м². Изделий из яшмы, кремня и других пород камня — 1819. Более 50% их составляют ножевидные пластины и изделия из них, в том числе пять геометрических микролитов. Геометрические микролиты представлены только трапециями с боковыми выемками с одной стороны и скошенным, приостренным острием — с другой (рис. 5, 1—3, 6, 7). Одна из трапеций укороченной, почти симметричной формы (рис. 5, 1). Ос-

³⁸ А. А. Формозов. Кельтеминарская культура в Западном Казахстане. КСИИМК, XXV, 1949, рис. 15, 19—24; A. J. Brjussoff. Sur l'origine de la Culture d'andronova, A. Pedro, Bosch — Gimpera en el septuagésimo aniversario de su nacimiento, Mexico, XCMLXIII, рис. 4.

³⁹ Г. Н. М а т ю ш и н. Стоянка Мурат..., стр. 138.

тальные асимметричны (рис. 5, 2, 3, 6, 7). Если симметричная трапеция, судя по форме, и могла служить поперечнолезвийным наконечником, то асимметричные никак не могли быть использованы для этой цели. Одна на них (рис. 5, 3) настолько вытянута в длину, что представляет собой и по форме острие, а не трапецию. Интересно заметить, что все асимметричные трапеции с короткого бока имеют подработку, приостряющую тупой конец острия. Вероятно, все эти трапеции служили остриями — скорее всего наконечниками стрел. Впрочем, здесь найдены и несомненные на-

Т а б л и ц а 4

Памятники	Всего	Сегменты		Треуголь- ники		Трапеции			Ромбы	Прямоуголь- ники	Наконечники стрел на но- жевидных пластинах
		высокие	низкие	высокие	низкие	асимметрич- ные		симметрич- ные			
						целые	облом- ки				
Долгий Ельник	5					4		1			13
Карабалыкты V	2					1	1				
Мысовая	14		1	2		10				1	
Мурат	16		1	1	2	9		3			
Суртанды 6	16	1				8	2		1	2	
Янгелька	51	2		8		16	5				

нечники стрел на ножевидных пластинах. Число их значительно — 13 экземпляров. Ретушь в большинстве случаев перекрывает только часть пластинок — их край. По типу обработки они идентичны наконечникам мезолитических памятников, в частности стоянок Романовского типа. Однако по форме они довольно разнообразны. Большинство их (7 экз.) имеют подлистовидную форму (рис. 5, 8, 9), у трех срезано основание. Наиболее любопытны два экземпляра с боковой выемкой, напоминающие стрелы кельтимнарского типа. В отличие от последних, они имеют короткую боковую выемку, составляющую не более $\frac{1}{3}$, $\frac{1}{4}$ части длины наконечника (рис. 9, 28). По характеру ретуши (крутая только по краю пластинки) наконечники не отличаются от мезолитических изделий. Видимо, они представляют собой раннюю форму наконечников этого типа на Урале. Боковая выемка, оформляющая черешок, по сути не отличается от подобной выемки на микрорезцах, к которым они генетически, видимо, и восходят. По сути от последних эти наконечники отличает только пристроение на противоположном конце.

По всему характеру находок видно, что комплекс Долгого Ельника, как и стоянки Карабалыкты V, относится к наиболее поздним памятникам с геометрическими микролитами.

Среди инвентаря некоторых памятников обращает внимание наличие значительного количества обломков геометрических микролитов, особенно в инвентаре стоянок Янгелька и Суртанды 6. При более детальном рассмотрении оказалось, что и у значительной части геометрических форм этих памятников концы обломаны или затуплены. Первоначально нам казалось, что наличие большого количества обломков геометрических форм и трапеций, и треугольников с обломанными концами случайно. Однако одинаковый угол излома геометрических микролитов в инвентаре различных памятников и наличие специальной подработки на изломе заставил нас внимательно пересмотреть микролиты со сломанным концом. Оказалось, что угол излома геометрических форм, как правило, соответствует углу острого конца или выемке других трапеций или треугольников, образуя сплошную линию заходящих друг за друга микролитов (рис. 7, 8). При этом рабочей частью становится длинная сторона трапеции или тре-

угольника. При рассмотрении под увеличением этих сторон оказалось, что у микролитов с обломанными концами, как правило, на длинном лезвии имеются зазубрины, ретушь и другие следы работы (рис. 6, 1—8). Те микролиты, которые не имели излома или затупляющей подработки на конце, таких следов на лезвиях не несли. Исходя из этого можно было предполагать, что микролиты со сломанным концом служили вкладышами.

Т а б л и ц а 5

Памятник	Трапеции и треугольники			Высокие сегменты	
	с утонченной боковой стороной	с обломанным или закругленным концом	обломков	с обломанными концами	обломки
Зюраткуль	79	—	—	—	—
Мысовая	78,6	21,4	—	—	21,4
Мурат	25	18,9	12,5	—	31,4
Суртанды 6	12,5	56,4	6,25	6,7	62,7
Янгелька	9,8	29,4	49	3,94	78,4

У трапеций и треугольников без сработанности на концах и по длинным сторонам, как правило, тупая (тыльная) боковая сторона оказывалась в поперечном сечении приостренной (рис. 2, 17, 19; рис. 4, 1, 4, 5, 7; рис. 5, 2, 3, 6, 7). Противоположный конец таких микролитов представлял собой, как правило, острие. Как мы уже отмечали, на стоянке Долгий Ельник отдельные трапеции подобного рода по форме своей уже настолько были вытянуты и заострены, что представляли собой несомненно острия (рис. 6, 13). По всей вероятности, тыльная сторона таких орудий приострялась в поперечном сечении для закрепления ее в древке, а противоположная часть служила острием наконечника. Следовательно, данные геометрические микролиты превращались в наконечники стрел. Соотношение тех (вкладышей) и других (наконечников) форм геометрических микролитов в инвентаре памятников было различным (табл. 5). В пещере Белт у 14 из 18 изображенных на табл. VIII в книге Куна⁴⁰ геометрических микролитов концы либо закруглены, либо обломаны (рис. 8). Таким образом, можно предполагать, что более 78% микролитов пещеры Белт служили вкладышами.

Итак, выделяются прежде всего следующие сочетания:

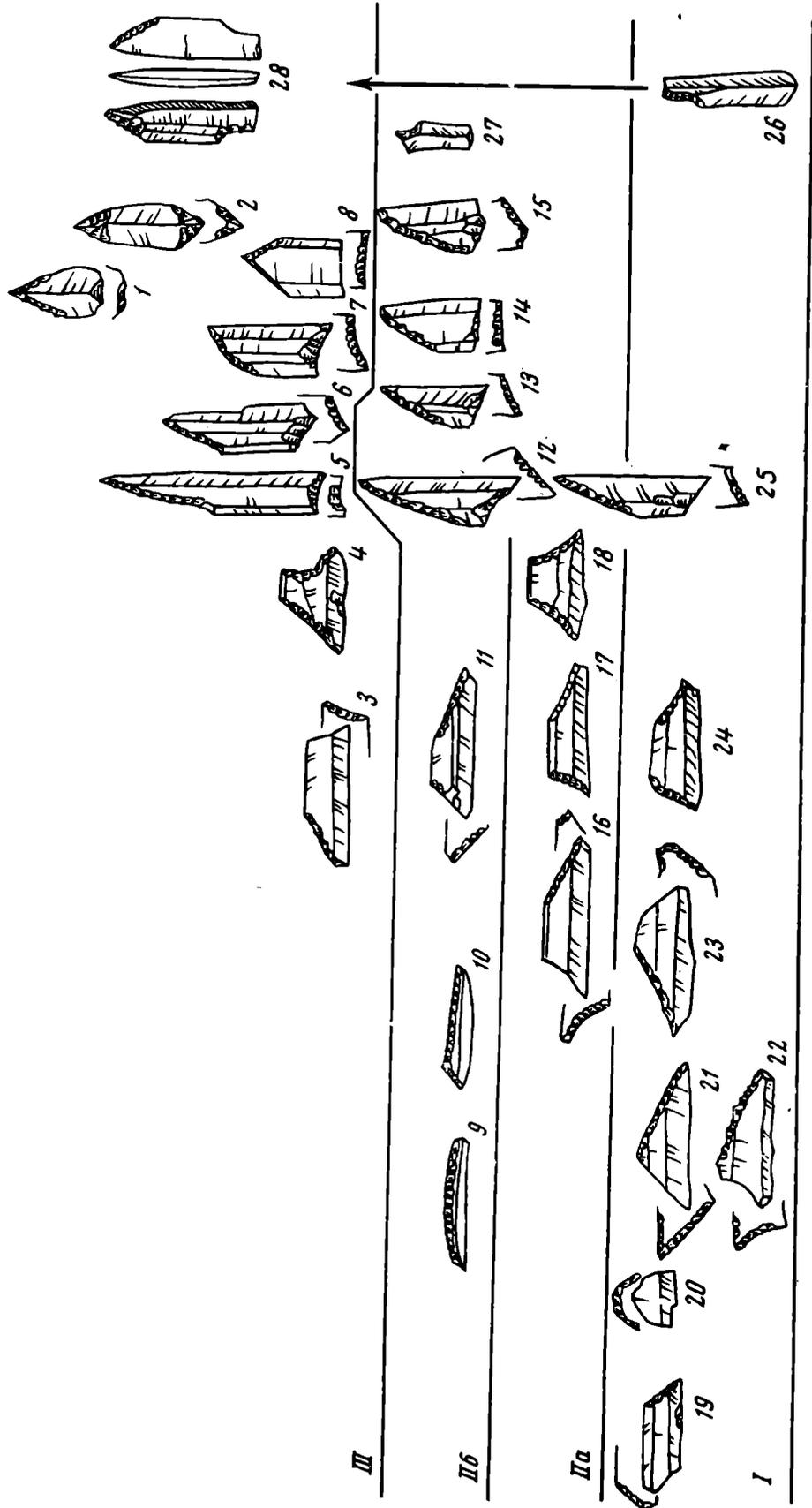
1. Вытянутые треугольники и сегменты вместе с большим количеством трапеций и треугольников с утонченной боковой стороной (наконечники стрел). Треугольники высокие единичны, сегменты высокие отсутствуют (Мысовая).

2. Редко утончена боковая сторона, преобладают формы с обломанным или закругленным «приподнятым» концом (вкладыши). Довольно много высоких треугольников асимметричной формы с боковыми выемками, имеются сегменты высокой укороченной формы. Отсутствуют сегменты и треугольники вытянутые, низкие типа *backed blades*, которые характерны для первой группы памятников. Много обломков и заготовок геометрических форм (Янгелька, Суртанды 6, Белт). Судя по аналогиям (Белт), памятники этого типа относятся к более раннему этапу. Анализ других форм также подтверждает это. Так, в Прикаспии высокие сегменты и треугольники характерны для памятников позднего палеолита (Палегавра) и раннего мезолита (нижние слои пещеры Белт), а вытянутые острия — треугольники и сегменты — встречаются и позднее. В гроте Дам-Дам-Чешме они представлены вплоть до верхних (2—3) слоев, которые относятся Г. Марковым уже к керамическому времени, в то время как для нижних

⁴⁰ С. Сооп. Cave Explorations...

Рис. 9. Схема периодизации геометрических микролитов Южного Урала

I — 19—23, 25, 26 — Янгелька; 24 — Суртанды 6; II — 9—14 — Мысовая; 16—18, 27 — Мурат; III — 1, 2, 4—8, 28 — Долгий Ельник; 3 — Карабалыкты V

(5—7) слоев характерны треугольники более высоких форм⁴¹. В пещере Белт более высокие треугольники асимметричной формы с боковыми выемками характерны только для нижних (раннемезолитических) слоев, в то время как острия типа вытянутых треугольников и сегментов встречаются и в более верхних горизонтах⁴² (Кун называет изделия этого типа — пластинками с притупленной спинкой — *backed blades*).

Итак, судя по аналогиям, комплексы типа Янгельки, Суртанды 6 и др., в которых преобладают трапеции асимметричной формы с боковыми выемками и аналогичными треугольниками с обломанными или загкругленными концами и высокие сегменты и где отсутствуют «сегменты» и «треугольники» низких вытянутых форм типа *backed blades* (рис. 9, I), могут быть датированы более ранним периодом нежели комплексы, в которых (типа Мысовая и Чебаркуль I) трапеции и треугольники преимущественно представлены формами с подработанным боком и где имеются вытянутые «сегменты» и «треугольники» и отсутствуют высокие сегменты, а формы с обломанными или загкругленными концами довольно немногочисленны (рис. 9, II).

И, наконец, к самому позднему этапу (возможно, уже к раннему неолиту), видимо, относятся памятники типа Карабалыкты V и Долгий Ельник, где количество геометрических форм резко падает, а сами они трансформируются уже в типичные острия-наконечники стрел (рис. 9, III). Срок жизни этих наконечников, видимо, невелик. Уже в инвентаре Долгого Ельника представлены и другие типы наконечников стрел на ножевидных пластинах (листовидные, с боковой выемкой и т. п.), которые в дальнейшем и вытесняют наконечники в форме вытянутых трапеций и треугольников (рис. 9, I, 2, 28).

Безусловно, эта первая попытка периодизации памятников мезолита Южного Урала ни в коей мере не может считаться окончательной. Имеющиеся в нашем распоряжении материалы пока еще, к сожалению, не позволяют наметить более обоснованную и детальную периодизацию памятников мезолита Южного Урала.

Возвращаясь к вопросу о границах распространения памятников янтельского типа, напомним, что геометрические микролиты, хотя и превратились, по выражению Кларка, в символ мезолита, но распространились далеко не по всем областям мира. Преимущественно они характерны для южных территорий Евразии. В СССР геометрические микролиты типичны для мезолитических памятников юга — Кавказа, Крыма и Средней Азии. Северная граница геометрических форм, по определению А. А. Формозова, проходит где-то в районе Среднего Дона, окрестностей Полтавы, западная — где-то между Днепром и Днестром⁴³. Восточную границу распространения геометрических форм А. А. Формозов, как мы уже отмечали, видит «между Волгой и Уралом»⁴⁴.

Однако наши исследования свидетельствуют о том, что восточная граница распространения геометрических форм должна быть отодвинута дальше за Урал, по меньшей мере до междуречья Урала и Тобола. Но и здесь северная граница распространения геометрических форм не выходит за пределы 55-й параллели и ограничивается пока восточными районами Южного Урала, так как ни одного геометрического микролита на Среднем Урале пока не найдено, нет их и в Западной Сибири. Практически нет их и в Западном Приуралье, если не считать единичных находок О. Н. Бадера в Прикамье.

До сего времени промежуточные между Уралом и Средней Азией области остаются белым пятном на картах мезолита Евразии. Учитывая сход-

⁴¹ G. Markov. *Dam-dam-Çeşme 2, Eine urgeschichtliche Höhle in Westturkmenien (Ost-Kaspi-Gebiet)*. Berlin, 1966, рис. 5, 3, 13—15, рис. 7, 7—9.

⁴² С. Сооп. *Cave Explorations...*, табл. VIII, 7—14.

⁴³ А. А. Формозов. *Этнокультурные области...*, стр. 75, 76.

⁴⁴ Там же, стр. 76.

ство янгельских микролитов с южнокаспийскими, мы высказали предположение о том, что и промежуточная между Уралом и Южным Прикаспием территория должна входить в зону распространения геометрических микролитов⁴⁵. Публикация А. А. Формозовым⁴⁶ отдельных трапеций из Казахстана, находки А. А. Марущенко на территории Мангышлака аналогичных южноуральским геометрическим микролитов, выявление трапеций в Восточном Прикаспии⁴⁷ как будто бы подтверждают наши предположения. Однако и здесь территория распространения геометрических форм ограничивается западными районами. Даже на юге Средней Азии, в Таджикистане они встречаются только на крайнем западе и отсутствуют на Памире. Особенно четко это видно на памятниках гиссарской культуры. В западных из них еще встречаются геометрические формы (видимо, отражая влияние соседней зоны геометрических микролитов). На востоке же Таджикистана их нет. Например, прямоугольники, трапеции и сегменты встречаются в слое III, IIa и II поселения Туткаул, но их нет в синхронных памятниках Восточного Таджикистана Ошхона, Мокони-мор и др.

Итак, последние работы позволяют нам в предварительном плане очертить границы зоны распространения геометрических микролитов на северо-востоке примерно где-то в междуречье Тобола и Урала, на юго-востоке где-то в предгорьях Памира. Южные же границы этой зоны выходят за пределы СССР, включая в себя Иран, Ирак, Средиземноморье и Южную Европу. Вся эта зона может быть объединена в одну культурную область, противопоставленную северной культурной области, где нет геометрических орудий, но много наконечников стрел из пластинок, не типичных для южных стоянок (рис. 10, 11). Однако внутри этой зоны геометрические микролиты далеко не однообразны. Даже для южнорусской группы А. А. Формозов выделял разные группы стоянок, отмечая, например, что если для Крыма характерны сегментовидные и трапециевидные геометрические орудия, то на украинских стоянках этой эпохи мезолита совсем нет сегментов, а кавказские стоянки по своему инвентарю занимают промежуточное положение между северными и южными мезолитическими стоянками⁴⁸.

Памятники с геометрическими микролитами Урала и Средней Азии отличаются от западнорусских (Крым, Кавказ, Украина) своеобразием асимметричных треугольников и трапеций и наличием микрорезцов, не характерных для южнорусской группы памятников.

Сходство южноуральских и прикаспийских памятников очевидно. Казалось бы, исходя из этого можно было предположить миграцию прикаспийского населения на север, в районы Южного Урала. Однако учитывая современное состояние вопроса и в частности отсутствие хорошо изученных памятников на промежуточной территории, вряд ли сейчас любое однозначное решение будет правильным. Причем вначале смущало и значительное расстояние между сходными памятниками Прикаспия и Южного Урала. Но если учесть площадь распространения других культур, например территорию распространения памятников с ямочно-гребенчатой керамикой, то вряд ли это расстояние между прикаспийскими и южноуральскими памятниками покажется значительным. Следует при этом учитывать, что большинство южноуральских памятников с трапециями связано с бассейном р. Урал, прямо соединяющей Южный Урал с Прикаспием. Конеч-

⁴⁵ Г. Н. М а т ю ш и н. Мезолит Урала, доклады и сообщения археологов СССР. МКУДП, Прага, 1966, стр. 74.

⁴⁶ А. А. Ф о р м о з о в. Кельтеминарская культура в Западном Казахстане, стр. 50, рис. 15, 18—24; его же. К вопросу о происхождении андроновской культуры. КСИИМК, XXXIX, 1951, рис. 2, 16.

⁴⁷ Г. Ф. К о р о б к о в а, Л. Я. К р и ж е в с к а я, А. М. М а н д е л ь ш т а м. К вопросу о неолите Прикаспия. Сб.: «История археологии и этнографии Средней Азии». М., 1968, стр. 57, рис. 2, 5, 24—28, рис. 3, 22, 23.

⁴⁸ А. А. Ф о р м о з о в. Этнокультурные области..., стр. 74, 75.

но, едва ли мы имеем дело с распространением памятников одной культуры.

По мнению В. А. Ранова, территория распространения микролитических культур переднеазиатского типа (группа А, по Ранову) Средней Азии ограничена западными прикаспийскими областями, восточнее которой расположены памятники иного восточноазиатского типа (группа Б по Ранову) ⁴⁹. Вполне вероятно, что последнее обстоятельство и послужило

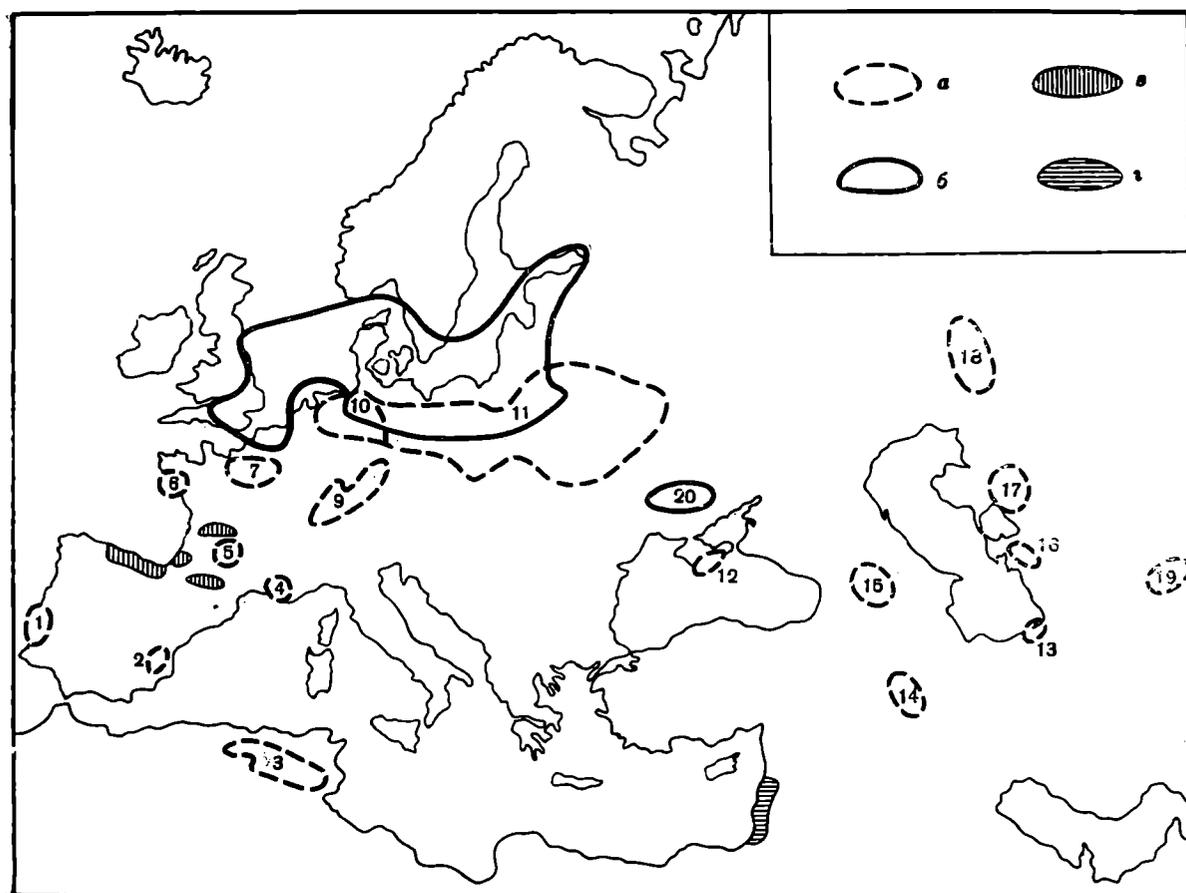

Рис. 10. Карты распространения культур с геометрическими микролитами. Схема размещения наиболее крупных мезолитических культур Европы и прилегающих к ней частей Северной Африки и Западной Азии

а — индустрия пластин и трапеций; б — маглемозе; в — азиль; з — натиф; 1 — Тагус, 2 — Кикина; 3 — Каспий; 4 — Прованс; 5 — Гуанна; 6 — Бретань; 7 — Иль-де-Франс; 8 — Маглемозе; 9 — Швейцария; Юго-Западная Германия; 10 — Северо-Западная Германия; 11 — Польша — Белоруссия; 12 — Крым; 13 — Южный Прикаспий; 14 — Северо-Восточный Ирак; 15 — Кавказ (Холодный Грот, Чох, Гварджилас Клде); 16 — Краснодарский полуостров (Дам-Дам-Чешме II — Джебел); 17 — карабугазские и мангышлакские находки; 18 — южноуральская (янгельская) мезолитическая культура; 19 — горный мезолит Средней Азии (Туткаул, Ошхана); 20 — днепро-донецкие стоянки

одной из причин распространения прикаспийских культур на север к Южному Уралу. При всех обстоятельствах южные связи мезолита Южного Урала несомненны, что, как нам кажется, убедительно доказывается сходством таких деталей материальной культуры (формы трапеций, микрорезцов и пр.), которое трудно объяснить конвергенцией или сходством географических или экономических факторов.

Все это позволяет с достаточной уверенностью предполагать, что южные связи населения Урала были более развиты, нежели западные или восточные. Больше того, сходство инвентаря мезолитических памятников Южного Урала с синхронными памятниками Прикаспия и Ближнего Востока позволяет отнести южноуральскую (янгельскую) мезолитическую культуру к кругу прикаспийско-ближневосточных микролитических культур.

⁴⁹ В. А. Ранов. Каменный век Таджикистана. Душанбе, 1965, табл. 13.

Но несмотря на поразительное сходство геометрических форм Урала и Южного Прикаспия, можно все же заметить и некоторое различие. Обработка геометрических микролитов Южного Урала, как правило, противоположная, в то время как в Южном Прикаспии микролиты обрабатывались преимущественно со спинки. Имеются и некоторые другие отличия, которые позволяют нам выделять Южный Урал в самостоятельную культурную область. Это своеобразие (а также отсутствие памятников с гео-

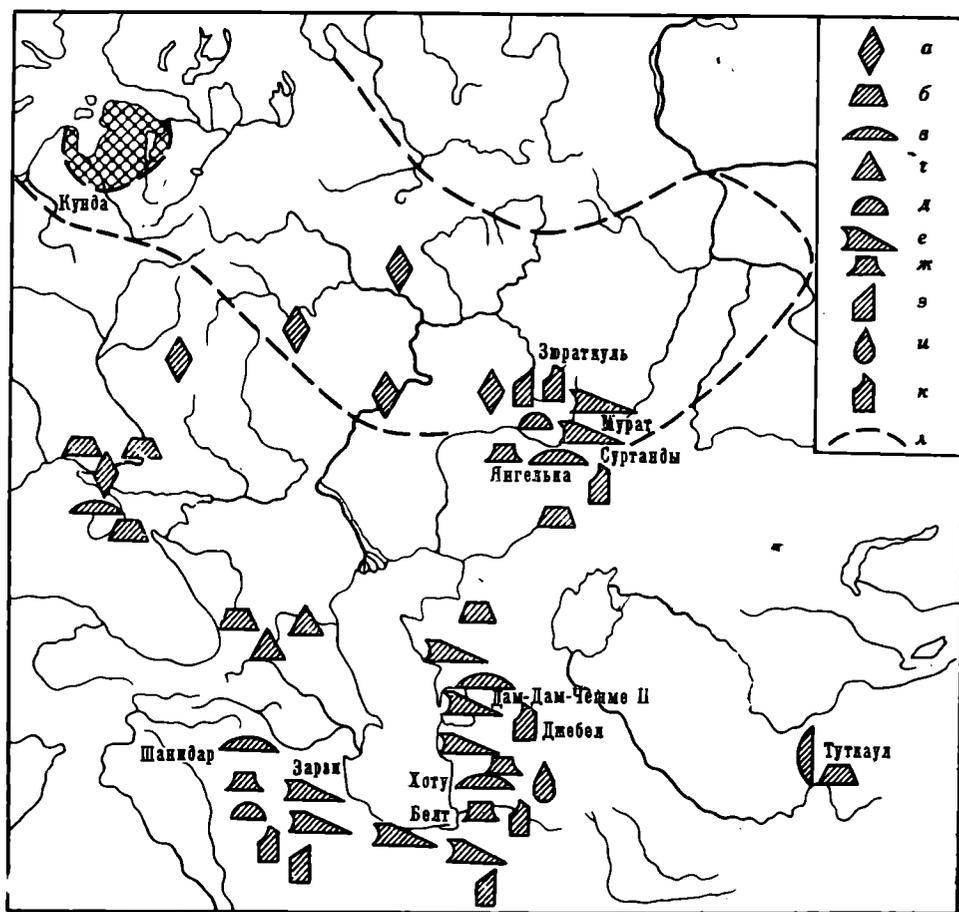

Рис. 11. Распространение культур с геометрическими микролитами

а — стоянки с наконечниками стрел; б — стоянки с симметричными высокими трапециями; в — стоянки с низкими сегментами; г — стоянки с высокими треугольниками; д — стоянки с высокими сегментами; е — стоянки с асимметричными трапециями с боковыми выемками; ж — стоянки с симметричными с боковыми выемками; з — скошенные острия; и — сверло; к — микрорезцы; л — граница зоны влияния культуры Кунда по Р. Индрекю. Заштриховано — ареал культуры Кунда

метрическими микролитами на соседних с Уралом территориях) и позволяет нам говорить о своеобразной для Южного Урала культуре (янгельской), отличной от приуральской (ильмурзинской). Для последней нехарактерны геометрические микролиты, а типичны наконечники стрел на ножевидных пластинах.

Следует заметить, что и в неолите Южного Урала и Средней Азии сохраняется значительное сходство. Так, на Урале мы встречаем глиняные изделия типа ближневосточных «шахмат», широко известные на Урале так называемые «утюжки», известные и на Ближнем Востоке. Сходны элементы орнамента и инвентаря.

Безусловно, между памятниками Южного Урала, Южного Прикаспия и Ирака есть и другие различия, но все они не настолько велики, как, например, различия между памятниками восточных и западных склонов Южного Урала. Все это зона близких культур, к которым, очевидно, относится и Южный Урал. Разрыв между Уралом и Южным Прикаспием объ-

ясняется, на наш взгляд, только с габой изученностью промежуточной территории.

Следует заметить, что предположение о южных связях мезолита Приуралья высказывалось до нас О. Н. Бадером. Анализируя материалы мезолитических памятников Прикамья, он пришел к выводу о том, что микролитический характер Камского мезолита «трудно объяснить иначе, как этническими сдвигами мезолитических племен из области Прикаспия, Поволжья или Причерноморья к северу, в Среднее Поволжье (?) и Приуралье»⁵⁰. Пока трудно говорить о происхождении связей мезолита Южного Урала. Однако новые материалы из раскопок мезолитических памятников Южного Урала позволяют, с одной стороны, подтвердить наличие южных связей, а с другой — и ограничить область этих связей районами Прикаспия. Наличие трапеций в Прикамье, на наш взгляд, объясняется скорее связями Прикамья с Южным Зауральем, нежели с Причерноморьем или другими отдаленными районами.

На Среднем Урале, к сожалению, пока неизвестны памятники бесспорно мезолитического возраста. Стоянка Голый Камень, исследованная В. М. Раушенбах⁵¹, настолько своеобразна и неопределенна, что ее хронологическая и культурная принадлежность до сих пор еще дискуссионна.

Относя Средний Урал к зоне влияния (Einflussgebiet) культуры Кунда, Р. Индреко⁵² основывался на сходстве костяных изделий, в частности гарпунов типа Б из Шигирского торфяника. Следует заметить, что шигирские находки, к сожалению, не связаны с какими-либо комплексами кремневого инвентаря, и отнесение их к мезолиту весьма условно, так как по существу неясны стратиграфические условия, в которых они найдены. Неизвестны даже точно места находок этих предметов⁵³. При этом идентичные шигирским костяные изделия известны на Южном Урале. Некоторые из них найдены при раскопках хорошо датирующихся поселений каменного века. Отсутствие хорошо изученных мезолитических памятников на Среднем Урале затрудняет сравнения.

Генетическая преемственность южноуральского мезолита и неолита убедительно иллюстрируется многотысячными коллекциями кремневого инвентаря позднемезолитических и ранне-неолитических памятников Южного Урала. Если учесть однотипность неолитических памятников Среднего и Южного Урала, то вполне уверенно можно предполагать общность их мезолитической подосновы.

Исходя из всего вышесказанного вряд ли можно согласиться в необоснованными стремлениями Р. Индреко отнести Урал к области влияния культуры Кунда.

Следует также учесть, что и расстояние между уральскими стоянками с трапециями и аналогичными среднеазиатскими памятниками вдвое меньше, нежели расстояние между уральскими и прибалтийскими мезолитическими памятниками (культуры Кунда).

Безусловно, для решения всех этногенетических проблем Урала требуются еще большие исследования как на Южном Урале, так и на прилегающих к нему территориях. Но при всех обстоятельствах стремление включать огромные территории в зоны влияния какой-либо культуры на основании какого-то одного типа изделий при неясности его происхождения, как это делает Р. Индреко, нам кажется по меньшей мере необоснованным.

⁵⁰ О. Н. Бадер. Основные этапы этнокультурной истории и палеогеографии Урала. МИА, 79, 1960, стр. 88—98.

⁵¹ В. М. Раушенбах. Мастерская каменных орудий на Голем Камне под Нижним Тагилом. СА, 1961, № 2.

⁵² R. Indreko. Ук. соч.

⁵³ В. М. Раушенбах. Среднее Зауралье в эпоху неолита и бронзы. Тр. ГИМ 29, М., 1956, стр. 86.

SUR LE CARACTERE DE LA CULTURE MATERIELLE DE L'OURAL SUD PENDANT LA PERIODE MESOLITHIQUE

G. N. Matiouchine

Résumé

L'auteur a exploré à l'Oural Sud 60 monuments se rapportant à l'âge de p parmi lesquels plus de 20 se distinguent par leur mobilier microlithique, reposant la glaise et la terre argileuse plus bas que les couches néolithiques. Les plus an d'entre eux sont datés, d'après le pollen, de la fin du pleistocène, tandis que ceu l'époque tardive se rapportent à l'holocène. Deux civilisations apparaissent dans le sclithe de l'Oural Sud: celle de la Cisouralie (Ilmourzinskaia) et celle de la Trans lie (Janguelskaia). Sont typiques pour les deux: des grattoirs sur bout de lame, de rins dièdres d'angle sur lame cassée, des lamelles à dos tronqué etc. Outre cela, les monuments de la Cisouralie (Ilmourzino, Romanovka II et autres) ont été trou des pointes de flèches sur des lamelles à dos. Le mésolithe du versant Est de l'O Sud (Janguelka, Myzovaia, Mourat, Sourtandy 6 et autres) est caractérisé par de trapèzes, des triangles, des segments et par d'autres microlithes géométriques. La semblance des complexes, l'indentité de menus détails dans les formes géométr rapprochent la civilisation de Jangueltsy du paléolithe tardif et du mésolithe pri du littoral Caspien et du Proche Orient. Les particularités des formes sont obse même dans les cas où les fonctions des microlithes géométriques étaient différente caractère du travail et les traces d'usure permettent de supposer que, pendant les ses primitives, du mésolithe, les trapèzes asymétriques et les triangles étaient ut principalement en qualité de dents, tandis qu'au cours des phases tardives ils appa sent comme des pointes de flèches, La stabilité des formes dans cette zone était demment déterminée par des traditions ethniques.

La supposition de R. Indréko, concernant l'influence de la civilisation baltiqu Kounda sur l'Oural, n'est pas confirmée par les prospections.

Б. В. ТЕХОВ

ОБ АЖУРНЫХ ПОЯСНЫХ ПРЯЖКАХ ИЗ ЮГО-ОСЕТИИ

Среди материалов позднекобанского периода, выявленных на территории Юго-Осетинской автономной области, особый интерес представляет серия массивных, поясных литых пряжек с изображениями фантастических сюжетов. Они, начиная с III в. до н. э., получают широкое распространение по всей Западной и Восточной Грузии, в том числе на нынешней территории Юго-Осетии. Об этих поясных пряжках писали исследователи дореволюционного¹ и послереволюционного периодов². В той или иной степени некоторые пряжки Грузии описаны в трудах иностранных исследователей³.

На территории Южной Осетии обнаружено 18 пряжек интересующего нас типа. Из них 8 связаны с погребальными комплексами (четыре экзем-

¹ И. И. Толстой и Н. П. Кондаков. Русские древности в памятниках искусства. СПб., 1890, стр. 120; П. С. Уварова. Христианские памятники. МАК, вып. IV, М., 1894, стр. 178; Б. Н. и В. Н. Ханенко. Древности Приднепровья. Вып. II, Киев, 1899, табл. XIV, 261; П. С. Уварова. Коллекции Кавказского музея. Т. V, Археология. Тбилиси, 1902, стр. 43, 47, 98; Е. С. Такашвили. Доклад о квадратных бронзовых пряжках из Квирильского ущелья. ИКОМАО, III, Тифлис, 1913, Протоколы, стр. 48—49 и др.; П. С. Уварова. Могильники Северного Кавказа. МАК, вып. VIII, М., 1900, стр. 350, 351, табл. СXXXIV.

² А. А. Миллер. Изображение собаки в древностях Кавказа. ИГАИМК, вып. II. Пг., 1922; И. И. Мещанинов. Змея и собака на вещевых памятниках архаического Кавказа. ЗВОРАО, XXVI; его же. Закавказские поясные бляхи. СМОМПК, вып. 45, 1926, стр. 195—232; его же. *Las représentations du Chien dans les antiquités du Caucase*. Paris, 1926; RA, III, стр. 81—102, табл. XXXI, 1, 2; Т. Ивановская. Материалы к изучению искусства древнего Кавказа. Кавказские бронзовые поясные пряжки. Харьков, 1926; его же. Материалы к изучению искусства древнего Кавказа. I. Бронзовые прямоугольные пряжки с изображением бегущего зверя. УЗНИКИУ, 1928, вып. III, стр. 417—423; А. А. Иессен. Северокавказские сосуды с изображением оленя. СГАИМК. 2, 1931, стр. 18; С. И. Макалатиа. Горная Рача. Тбилиси, 1930 (на груз. яз.); Г. Ф. Гобеджишвили. Отчет о проведенных археологических раскопках в с. Геби. ИИЯИМК, IV, вып. 3, 1939, стр. 345—361; его же. Древнегрузинские бронзовые пряжки. Канд. дисс., Тбилиси, 1943; Б. А. Куфтин. Археологические раскопки в Триалети. I, Тбилиси, 1941, стр. 25—29; его же. Археологическая маршрутная экспедиция 1945 года в Юго-Осетию и Имеретию. Тбилиси, 1949, стр. 21—24, табл. III; его же. Материалы к археологии Колхиды. I, Тбилиси, 1949, стр. 78—91; Г. Ф. Гобеджишвили. Археологические раскопки в Советской Грузии. Тбилиси, 1952, стр. 106—108, табл. XLIX и L; Ш. Я. Амиранашвили. История грузинского искусства. Тбилиси, 1944, стр. 80, 89, 97 (на груз. яз.); его же. История грузинского искусства. М., 1963, стр. 59, 62; М. М. Иващенко. Материалы к изучению культуры колхов. МИГК, вып. II, Тбилиси, 1941, стр. 25—37; Д. Л. Коридзе. Древнейшие памятники материальной культуры из Сачхерского района. Тбилиси, 1961, стр. 85—107; М. Ш. Хидашели. Грузинские бронзовые пряжки. Сабчота хеловнеба, 1968, 8, стр. 69—74.

³ F. Hančar. Einige Gürtelschliessen aus dem Kaukasus. ESA, VI, Helsinki, 1931, стр. 146—158; его же. Eine kaukasische Gürtelschnalle aus Bronze im Wiener Volkerkunde Museum. WPZ, Bd. XVIII, Wien, 1931; E. Chantre. Recherches anthropologiques dans le Caucase. II, Paris, 1886, стр. 54, фиг. 29; E. Fuhrmann. Das Tier in der Religion. München, 1922, рис. 60, стр. 136, текст стр. 75; F. Hančar. Kaukasus — Luristan. ESA, IX, 1934, стр. 91—94; David Marshall Lang. The Georgians. London, 1966, стр. 63, табл. 19, 20.

пляра из наших раскопок), остальные были найдены случайно. Пряжки из Сохта и Урсдзуар опубликованы Е. Г. Пчелиной⁴, а еще раньше те же пряжки частично были опубликованы Б. А. Куфтиным⁵, остальные публикуются впервые.

Имеющиеся в нашем распоряжении пряжки не связаны с одним или двумя определенными районами. Они происходят из разных пунктов и районов области: Сохта, Урсдзуар, Згубир, Стырфаз (Джавский район), Тигва, Паткнет, Ожора, Цнелис (Знаурский район), Джер, Ортеу, Цхинвал, Кливана, Гром (Цхинвальский район). Следовательно, в позднекобанский период они были распространены на обширной территории Внутренней Картли.

Пряжки эти различаются по размерам, по изображенным на них сценам и по орнаменту. На одних имеется трехрядный шнуровой узор, на других — однорядный, на третьих — узор из сдвоенных спиралей. На углах каждой пряжки имеются либо полусферовидные, либо конические выступы. На больших пряжках конические выступы окружены жгутом.

Рассматриваемые ажурные поясные пряжки по изображаемым на них животным можно разделить на несколько типов и подтипов. К первому типу относятся пряжки из погребений № 3 и 10 Паткнетского могильника, из сел. Гром, Згубир, Ортеу и из погр. № 3 могильника Сохта (рис. 1, 1—6). Они сравнительно больших размеров: 14,5 × 14,5, 13,5 × 13,5 и 13 × 13 см. Рамки широкие с тремя рядами спиралей или шнура, конические выступы окружены жгутами. Внутри рамок помещено по четыре животных. Основное (центральное) изображает фантастического оленя с длинным, приподнятым и отогнутым на спину хвостом, маленькой драконовидной головой и с нешироко разветвленными рогами. Отростки последних кончаются кружочками и, видимо, связаны с древом жизни, которое играло определенную роль в религиозных представлениях народов Закавказья и Древнего Востока еще с начала I тысячелетия до н. э.

Над центральным изображением пряжек первого типа стоит фигура быка с большими приподнятыми рогами, с отогнутым на спину хвостом, кончающимся спиральным завитком. Головы у них повернуты направо. К морде оленя снизу тянется собака, а вторая помещена под оленем, которого она кусает или сосет. На лопатке и крупе оленя имеются концентрические круги, которые связываются с небесными светилами, в частности с солнцем.

Три пряжки (рис. 1, 4—6) отличаются тем, что на рамке вместо шнурового узора они имеют трехрядный узор из спиральных завитков. Кроме того, на двух из них (рис. 1, 4, 6) рога быка украшены косыми нарезками. Пряжка из погр. № 10 Паткнетского могильника (рис. 1, 4) является подтипом первого типа и отличается тем, что под центральной фигурой вместо собаки изображена птица с раскрытыми крыльями. Вторым подтипом первого основного типа можно считать ожорскую пряжку (рис. 3, 1), на которой над центральной фигурой вместо быка изображена бычья голова, близкая по форме бронзовым привескам Стырфазского, Тлийского и Кубанского могильников, изображающим бычьей головы. Так же как и на первом подтипе, под центральным изображением на ожорской пряжке имеется птичка, только схематизирована она сильнее. Рамка этой пряжки украшена однорядным шнуровым узором. Центральная фигура совершенно лишена дополнительных украшений. Нет на ней ни концентрических кругов, ни спирального завитка на кончике хвоста. Совершенно аналогичная пряжка имеется в собрании А. А. Бобринского⁶.

⁴ Е. Г. Пчелина. Погребальные комплексы из Сохта, Урсдзуар и Рук Юго-Осетии. ИЮОНИИ, XV, Цхинвали, 1968, стр. 134, 137, 139, 140.

⁵ Б. А. Куфтин. Археологическая маршрутная экспедиция..., стр. 21—23, табл. III.

⁶ П. С. Уварова. МАК, вып. VIII, стр. 306, рис. 237.

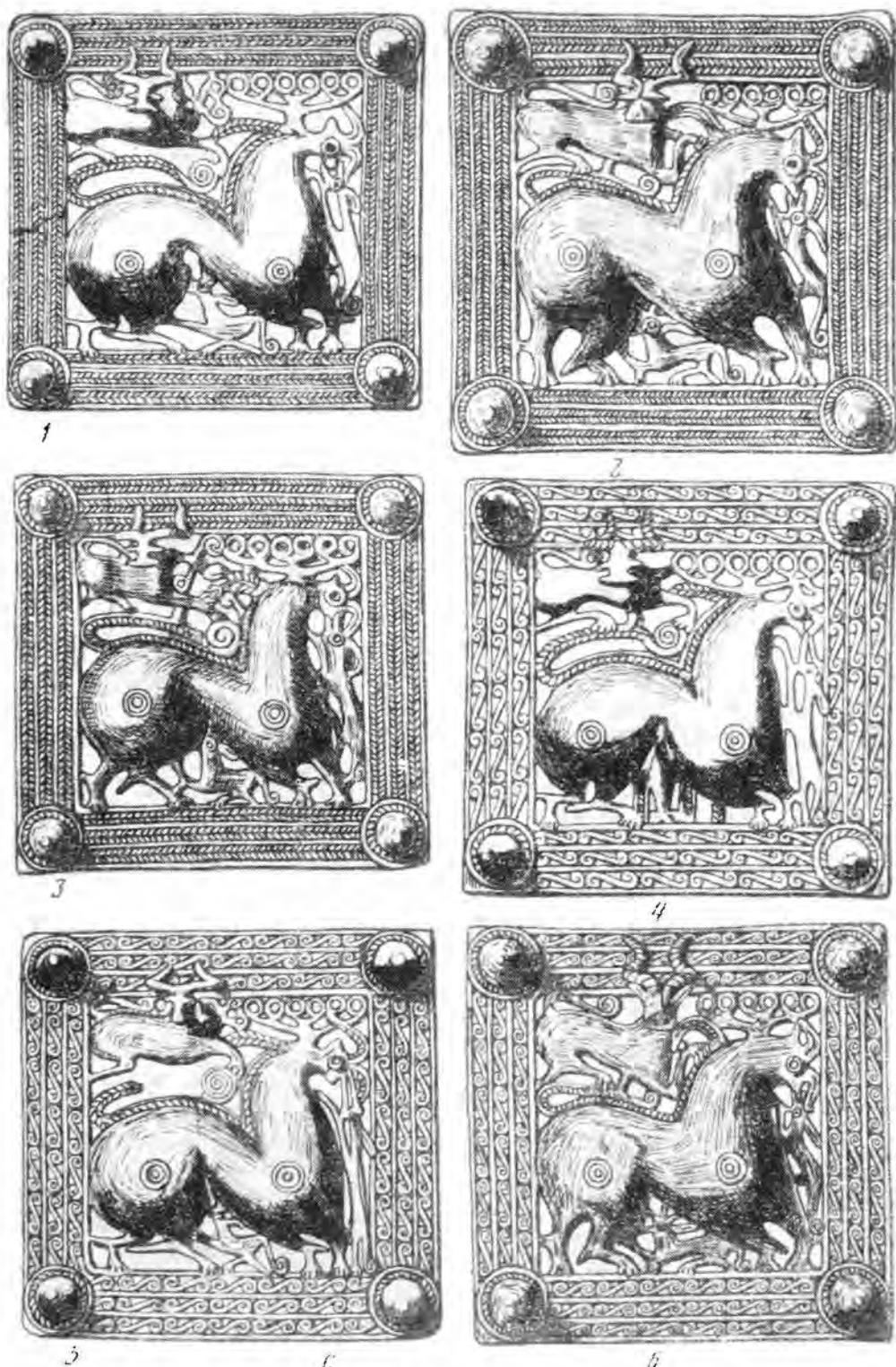

Рис. 1. Поясные пряжки I типа

1 — из погр. № 3 с. Паткнет; 2 — из с. Гром; 3 — из погр. № 3 с. Сохта; 4 — из погр. № 10 с. Паткнет; 5 — из с. Згубир; 6 — из с. Ортеу

Основными элементами для выделения первого типа и двух его под-типов являются центральная фигура и изображение быка, помещенное всегда в верхнем левом углу пряжки. Что касается остальных фигур, то они, по-видимому, заменялись другими по усмотрению мастера, делавшего их.

Ко второму типу относятся пряжки из сел Цнелис, Кливана, одна из паткнетских пряжек (рис. 2, 1—3) и сохтинская пряжка (рис. 2, 4). От пряжек первого типа они отличаются только тем, что вместо быка над

центральной фигурой изображена хищная птица. Остальные изображения полностью соответствуют изображениям пряжек первого типа. Исключение составляет пряжка (рис. 2, 4), на которой мы видим изображения птиц как над центральной фигурой (оленя), так и под ней и под мордой. На остальных пряжках второго типа под и перед центральной фигурой, наподобие пряжек первого типа, изображены собаковидные животные. Рамка сохтинской пряжки украшена сдвоенными спиралями, тогда как остальные пряжки на рамке имеют двух- или трехрядный шнуровой узор (рис. 2, 1—3). На рамке паткнетской пряжки между шнуровыми полосами имеется ряд сдвоенных спиралей (рис. 2, 2).

Таким образом, в пряжках второго типа одну (рис. 2, 4) можно выделить в подтип, так как она отличается по узору и по изображенным на ней фигурам птиц.

К третьему типу относятся пряжка из с. Джер (рис. 2, 5), сохтинский и цхинвальский экземпляры (рис. 2, 6, 7). Пряжки эти отличаются от других тем, что над центральной фигурой (оленя) изображена собака с открытой пастью, с круто загнутым на спину хвостом, кончающимся спиралеобразным завитком, в бегущей, как бы нападающей на центральное животное, позе. У собаки откинутае назад, довольно большое ухо. Передняя лапа собаки помещена между откинутым назад ухом и спиралевидным кончиком хвоста центрального животного. На сохтинской пряжке под и перед центральным изображением имеются не собаки, а птицы, которые, так же как и птицы на других пряжках, связываются с вещами птицами, хорошо отображенными в древних зерованиях народов Кавказа. На той же пряжке квадратная рамка, помимо шнурового узора, украшена сдвоенными спиралями — по одной на каждой стороне пряжки (рис. 2, 6). На цхинвальской пряжке имеется ряд сдвоенных спиралей, помещенный между полосами шнура (рис. 2, 7).

К этим пряжкам близок экземпляр из Тигва (рис. 3, 3). Рамка этой пряжки украшена двумя рядами шнура. Центральное изображение имеет повернутую вправо голову и отличается от других лирообразными рогами. Над центральной фигурой изображена собака, голова которой скрывается за правым рогом оленя-быка. Между передними лапами собаки и спиной оленя-быка спиральный завиток. Подобный знак стоит и под животным. Там же видны хвост и кончики крыльев птицы. Перед центральным изображением можно усмотреть изображение змеи, кусающей собаку.

Среди пряжек, имеющих в нашем распоряжении, есть одна, на которой фигура оленя имеет сильно повернутую назад голову. Морда оленя прикасается к короткому петлевидному хвосту. Рога ответвлены совершенно по-другому, чем у всех других изображений. Под оленьей фигурой изображенне птицы, сидящей на правой задней ноге основного изображения. Животное перед оленем заменено спиральным завитком. Подобными завитками украшена и рамка пряжки (рис. 3, 2). По классификации Г. Ф. Гобеджишвили подобные пряжки относятся к первой группе. Мы эту пряжку не отнесли к пряжкам первого типа, так как она сильно отличается от них и представлена единственным экземпляром. Кроме того, нам кажется, что она чуть моложе пряжек первого и второго типов. Хронологически она ближе к пряжкам третьего типа.

Рассматривая описанные поясные пряжки, нельзя не прийти к выводу, что они тесно связаны с позднебронзовой культурой Центрального Кавказа. На них мы видим продолжение богатого прикладного искусства кобанской и колхидской культур. Из материалов таких известных памятников, как Кобанский, Гебский и Тлийский могильники, явствует, что шнуровой узор был самым излюбленным мотивом в изобразительном искусстве древних кавказцев. Достаточно вспомнить богато орнаментированные топоры, кинжалы, пряжки, покрытые этим орнаментом, пояса из листовой бронзы, покрытые интересными сюжетами и фигурами животных и птиц. На некоторых экземплярах имеются такие же совместные изображения

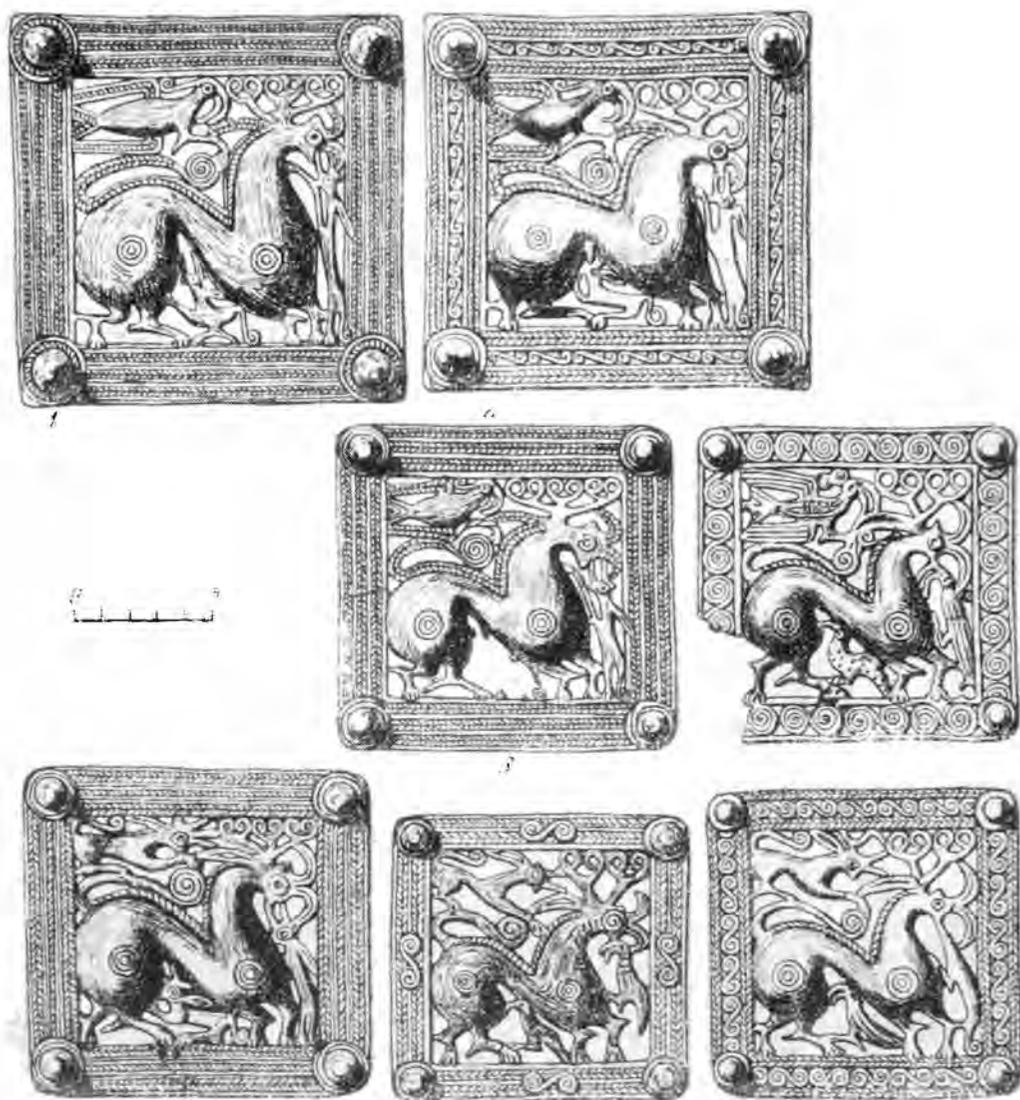

Рис. 2. Поясные пряжки II и III типов

1 — из с. Цнелис; 2 — из с. Паткнет; 3 — из с. Кливана; 4 — из с. Сохта; 5 — из с. Джер; 6 — из с. Сохта; 7 — из г. Цхинвали

оленя, змеи и птицы⁷. На приведенных изделиях, так же как и на рассматриваемых пряжках, переданы сюжеты, взятые из реального мира, дополненные фантастикой и рассказывающие о мифологии древних обитателей Центрального Кавказа вообще, Западной и Восточной Грузии в частности.

Почти на всех пряжках по четыре изображения. Центральное изображение принадлежит оленю (на 15 пряжках), оленю-быку (на одной пряжке), лошади (на двух пряжках). В кавказской мифологии олень занимает определенное место. У многих народов о нем сложены мифы и сказочные циклы. Судя по нартскому эпосу, сказкам и легендам народов Кавказа, олени выполняют самые разнообразные функции. Олень издревле считался благородным животным и поэтому его изображения украшают многочисленные бронзовые изделия колхидской и кобанской культур. Олень, судя по народному фольклору, на протяжении веков считался главным объектом охоты. Об этом могут свидетельствовать великолепные изображения на поясах из листовой бронзы Центрального Кавказа, изображение на одной из кобанских булавок со сценой охоты и большое число скульптурных изображений оленя (Кобан, Тли и др.). Видимо об

⁷ Б. В. Техов. Раскопки Тлийского могильника в 1960 г. СА, 1963, 1, стр. 173, рис. 9.

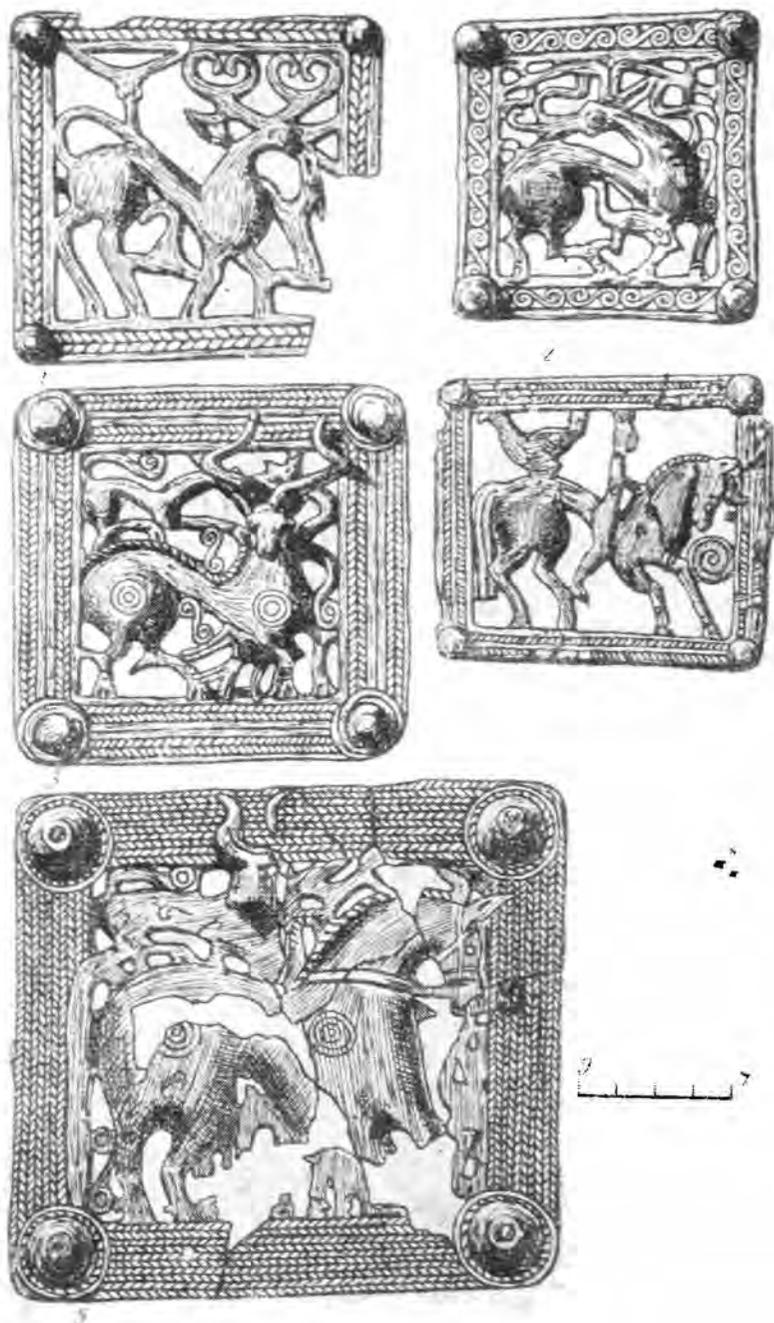

Рис. 3. Поясные пряжки

1 — из с. Ожора; 2 — из с. Урсдзуар; 3 — из с. Тигва; 4 — из с. Урсдзуар; 5 — из с. Стырфаз

этом говорят и олени рога, встречающиеся в святилищах Кавказа до настоящего времени.

На рассматриваемых нами бронзовых пряжках заслуживают внимания изображения быков с большими лировидными рогами или отдельной бычьей головы, как на ожорской пряжке (рис. 3, 1). Начиная с III тысячелетия до н. э., для многих племен Кавказа, в частности грузин, бык становится культовым животным. Постепенно, с появлением транспорта и пашенного земледелия, бык превращается в тягловую силу. Однако своего культового значения он не терял. В позднебронзовых материалах Центрального Кавказа часто попадаются бронзовые фигуры быков, отдельные изображения бычьей головы, булавки с подобными же изображениями, изготовленные с большим мастерством. Все эти изображения и фигуры не могли не оказать влияния на изобразительное искусство последующей эпохи. Пример этому — рассматриваемые нами пряжки. Различные изо-

бражения и эмблемы быка широко были распространены среди грузинских племен⁸. В VI—II вв. до н. э. в Колхиде чеканились монеты с изображением головы быка⁹. Среди мегрелов, имеретин, сванов и картлийцев засвидетельствованы легенды о божественных быках и оленях, чудесным образом появлявшихся в оградах храмов в дни сельских храмовых праздников, три раза обходивших вокруг церкви, а затем предоставлявших себя на заклание¹⁰.

С культом быка у грузин связан скотоводчески-аграрный праздник Бослоба, отображающий культ божества Босели — покровителя домашних животных и земледелия¹¹. Культ быка засвидетельствован в мифологии и фольклоре и других народов Кавказа. Так, по древним обычаям осетин в честь того или другого божества посвящали бычка, за которым следили особенно хорошо. Этих быков называли «посвященными» и закалывали в день празднования божества Галаргавдан (в последнее воскресенье февраля). Из приведенных материалов выясняется, что на Кавказе из домашних животных бык пользовался наибольшим поклонением. Видимо поэтому на рассматриваемых нами поясных пряжках изображение быка занимает определенное место. Очень интересные поверья, связанные с культом быка, засвидетельствованы у народов Средней Азии, особенно у населения Хорезмского оазиса¹². Бык являлся тотемом одной из фратрий иранских племен, населявших Среднюю и Переднюю Азию в древнейшие времена¹³.

Не менее интересны на бронзовых пряжках изображения собаки или собаки-волка. Они все в нападающей позе, с открытой пастью, в какой-то степени напоминающие охотничьих собак. Эти изображения, так же как и другие, тесно увязываются с изобразительным искусством Кавказа начала I тысячелетия до н. э. На бронзовых изделиях Центрального Кавказа эпохи поздней бронзы и раннего железа изображение собаки явление не редкое. Следует отметить, что большая часть этих изображений принадлежит не фантастической собаке¹⁴, а настоящей. Это с полной убедительностью доказано А. А. Миллером¹⁵.

Рассматривая изображения собак на ажурных поясных пряжках интересующих нас типов, нельзя не отметить и мифологический их смысл. В религиозных верованиях и фольклоре кавказских народов, особенно у грузин, культ собаки распространен довольно широко. На конкретном этнографическом материале кавказских народов можно проследить непрерывность и преемственность в развитии культа собаки из культа тотемного волка¹⁶. С именем волка связывается эпонимный герой у мегрелов Герпа, который представляет точную копию осетинского Уархага. Имя последнего есть не что иное как забытое старое осетинское слово, означавшее «волк». В какую-то весьма отдаленную эпоху предки осетин-алан почитали волка как тотем. На этой почве и создано сказание о родоначальнике нартов Уархаге-Волке и его сыновьях-близнецах Хсарте и Хсартаге¹⁷.

⁸ В. В. Бардавелидзе. Древнейшие религиозные верования и обрядовое графическое искусство грузинских племен. Тбилиси, 1957, стр. 200—203.

⁹ Д. Г. Капанадзе. Грузинская нумизматика. Тбилиси, 1950, стр. 25—27.

¹⁰ Арканджело Ламберти. Описание Мингрелии. Тбилиси, 1938, стр. 141—145; В. В. Бардавелидзе. Ук. соч., стр. 201.

¹¹ В. В. Бардавелидзе. Ук. соч., стр. 191.

¹² Г. П. Снесарев. Реликты домусульманских верований и обрядов у узбеков Хорезма. М., 1969, стр. 307—314.

¹³ С. П. Толстов. Пережитки тотемизма и дуальной организации у туркмен. ПИДО, 1935, № 9—10, стр. 3—41; Г. П. Снесарев. Ук. соч., стр. 311.

¹⁴ И. И. Мещанинов. Закавказские поясные бляхи. СМОМПК, вып. 45, 1926, стр. 215.

¹⁵ А. А. Миллер. Изображения собаки в древностях Кавказа. ИГАИМК, II, Пг., 1922.

¹⁶ В. В. Бардавелидзе. Ук. соч., стр. 47.

¹⁷ В. И. Абаев. Нартовский эпос. Изв. СОНИИ, X, вып. 1, Дзауджикау, 1945, стр. 25 и 32.

В мифологии народов Кавказа волк является самым опасным врагом скотовода и поэтому он выделяется из ряда других диких животных. У многих народов создавалось особое божество волков, например, у сванов Мамберн¹⁸, у осетин Тутир¹⁹ и т. д. Постепенно у некоторых народов эти божества волков — покровители крупных территориально-общинных организаций, были уже превращены в божества собак. По В. В. Бардавелидзе, этот процесс хорошо прослеживается в сванских и хевсурских пережитках²⁰. Собака с древнейших времен считалась верным помощником пастуха-скотовода. В то же время она была культовым животным и играла особую роль в фольклоре многих народов. Так, собаки хевсурских местных божеств назывались «подателями помощи» — мтцеварни (гончая собака), которые от обычных собак отличались своим внешним видом. По верованиям хевсур, мтцеварни немедленно отзывались на призыв оказавшегося в беде человека, в мановение ока появлялись около него и, незримо для окружающих, оказывали ему помощь²¹. По верованиям осетин, собака обладает до некоторой степени сверхъестественной силой. Именно поэтому до недавнего времени в семьях, где дети умирали, новорожденному часто давали имя Саукудз — «Черный пес», рассчитывая на то, что злые духи испугаются имени черной собаки и не тронут ребенка²². По тем же соображениям давались имена Кудзаг, Кавдын и т. д. Культовое значение собаки, первого животного, прирученного человеком, — явление, присущее многим народам мира. О культе собаки свидетельствуют многочисленные археологические материалы и, в первую очередь, графические изображения на древних бронзовых изделиях Кавказа, а также отдельные скульптурные изображения. Культ собаки особенно был развит у древних скотоводческих племен. Многочисленные факты живучести этого культа засвидетельствованы у народов Средней Азии²³.

Среди рассматриваемых пряжек, пожалуй, самой интересной является урсдзуарская пряжка с изображением всадника (рис. 3, 4). Она представлена в единственном экземпляре и поэтому не выделяется в отдельный тип. Рамка пряжки прямоугольная, по углам рамки полусферические выступы, на рамке «веревочный» орнамент. Внутри рамки изображение всадника в профиль. Лошадь с длинным пушистым хвостом. На крупе лошади сидит птица, повернутая назад. Голова лошади опущена вниз так, что морда касается нижней части шеи. Ноги и копыта очень реалистичны. Перед лошадью спиральный кружок. На голове всадника головной убор, видимо, папаха (некоторые археологи считают, что на голове всадника имеется шлем), на ногах, вероятно, шаровары и сапоги, в руке уздечка²⁴. По мнению Г. Ф. Гобеджишвили, на урсдзуарской пряжке изображен голый мужчина в шлеме, опоясанный широким поясом. Ш. Я. Ампранашвили видит в этом изображении божество плодородия мужского рода с «соответствующими атрибутами»²⁵. О каких атрибутах идет речь — непонятно. Ведь перед нами изображение всадника, которое отличается от фаллистических скульптурных изображений именно тем, что на нем отсутствуют сексуальные знаки и другие атрибуты. Этим оно отличается, например, от камунтского изображения²⁶. Поза всадника довольно широко распространена в археологических материалах всего Кавказа. Чаще всего она встречается в памятниках Грузии. Еще в конце II и начале I тысячелетия до

¹⁸ В. В. Бардавелидзе. Ук. соч., стр. 47.

¹⁹ Г. Ф. Чурсин. Осетины. Этнографический очерк. Отдельный оттиск из Трудов ЗНА. Тифлис, 1925, стр. 59—60; В. И. Абаев. Нартовский эпос, стр. 33.

²⁰ В. В. Бардавелидзе. Ук. соч., стр. 48.

²¹ В. В. Бардавелидзе. Ук. соч., стр. 49.

²² Г. Ф. Чурсин. Ук. соч., стр. 61.

²³ Г. П. Снесарев. Ук. соч., стр. 319—322.

²⁴ Е. Г. Пчелина. Погребальные комплексы Сохта, Урсдзуар и Рук, стр. 140; Ш. Я. Ампранашвили. История грузинского искусства, стр. 80.

²⁵ Ш. Я. Ампранашвили. История грузинского искусства, стр. 80.

²⁶ П. С. Уварова. МАК, вып. VIII, стр. 302, рис. 235.

н. э. на территории Грузии существовал обряд сопогребения коня с человеком (Земо Авчала²⁷, Дманиси²⁸, Триалети²⁹, Цинцаро³⁰, Ахалгори³¹, Цицамури³², Куланурхва³³). Этот обряд засвидетельствован и в памятниках более позднего времени (Бори, Мцхета)³⁴. В грузинской мифологии и фольклоре лошадь часто выступает как священное животное. Об этом свидетельствуют и памятники материальной культуры. Так, в с. Бори и в гробнице эристава Берсума на Армазисхевском могильнике найдены три серебряные чаши, на которых имеются изображения коня перед жертвенником³⁵. На территории Грузии часто встречаются небольшие бронзовые фигурки, изображающие коней или всадников, заставляющие думать, что лошадь занимала определенное место не только в материальной культуре, но и в религиозных представлениях грузин³⁶. На многочисленных надгробных памятниках Грузии периода средневековья можно заметить изображение всадника или же оседланную лошадь со всякого рода снаряжением. Как видно, сюжеты античного периода продолжают и в последующее время, когда они достигают своего совершенства и подлинного развития. Все эти изображения, по всей вероятности, связываются с культом «священного коня», который многими исследователями связывается с культом божества солнца Митры. Он был усвоен иранцами от древнейшего аборигенного населения Передней Азии³⁷. В Грузии культ коня-солнца появился на самостоятельной почве, подготовленной долгим использованием коня как в хозяйстве, так и в военном деле, обусловившим участие лошади или соответствующих изображений в погребальном ритуале вплоть до III в. н. э.³⁸

В археологических материалах Юго-Осетии кроме урдзуарской пряжки со всадником, изображение коня встречается еще на стырфазском экземпляре из погребения № 15, инвентарь которого состоит из глиняной кружки с сильно выступающей ручкой, с плоским дном и широким горлом, двух амулетов-трезубцев из листовой бронзы, небольшого колокольчика, бронзовой привески в виде бараньей головы, являющейся калкой бронзовых привесок эпохи поздней бронзы, бронзовой привески в форме колесика с двумя ушками, дугообразной фибулы с железной иглой (рис. 4). На дужке имеется елочный узор. Дугообразная фибула и привеска в виде бараньей головы выглядят очень архаично, так как истоки традиции их изготовления уводят вглубь, за пределы античной эпохи, а явные свидетельства их живучести налицо даже в I—II вв. н. э.³⁹ В рассматриваемый погребальный комплекс входят также бронзовый перстень, на плоском щитке которого сохранился хорошо отшлифованный, с одной стороны уплощенный сердоликовый камень, и, наконец, бронзовая серьга, на одном конце

²⁷ Г. К. Ниорадзе. Земоавчальское погребение. ВГМГ, VI, 1931, стр. 143 (на груз. яз.).

²⁸ Г. К. Ниорадзе. Дманисский некрополь и его особенности. ВГМГ, XIV-B, 1947, стр. 58.

²⁹ Б. А. Куфтин. Археологические раскопки в Триалети. I, Тбилиси, 1941, стр. 65, табл. XXI.

³⁰ Там же, стр. 40.

³¹ Я. И. Смирнов. Ахалгорийский клад. Тбилиси, 1934, стр. 39—43.

³² Б. А. Куфтин. Археологические раскопки в Триалети, стр. 47, рис. 45.

³³ М. М. Трапш. Грунтовые погребения с инвентарем скифского типа из с. Куланурхва. Тр. АБИЯЛИ, XXIV, 1951: его же. Памятники колхидской и скифской культур в с. Куланурхва. Сухуми, 1962.

³⁴ Г. А. Ломтатидзе. Некрополь II в. н. э. в Кддеети. Тбилиси, 1957, стр. 165, 193.

³⁵ А. М. Апакидзе, Г. Ф. Гобеджишвили, А. Н. Каландадзе, Г. А. Ломтатидзе. Мцхета. Итоги археологических исследований. I, Тбилиси, 1958, стр. 63—65.

³⁶ Там же, стр. 65.

³⁷ Н. А. Бердзенишвили, И. А. Джавахишвили, С. Н. Джанашиа. История Грузии. I, Тбилиси, 1950, стр. 98.

³⁸ Г. А. Ломтатидзе. Некрополь II в. н. э. в Кддеети, стр. 194.

³⁹ Там же, стр. 200.

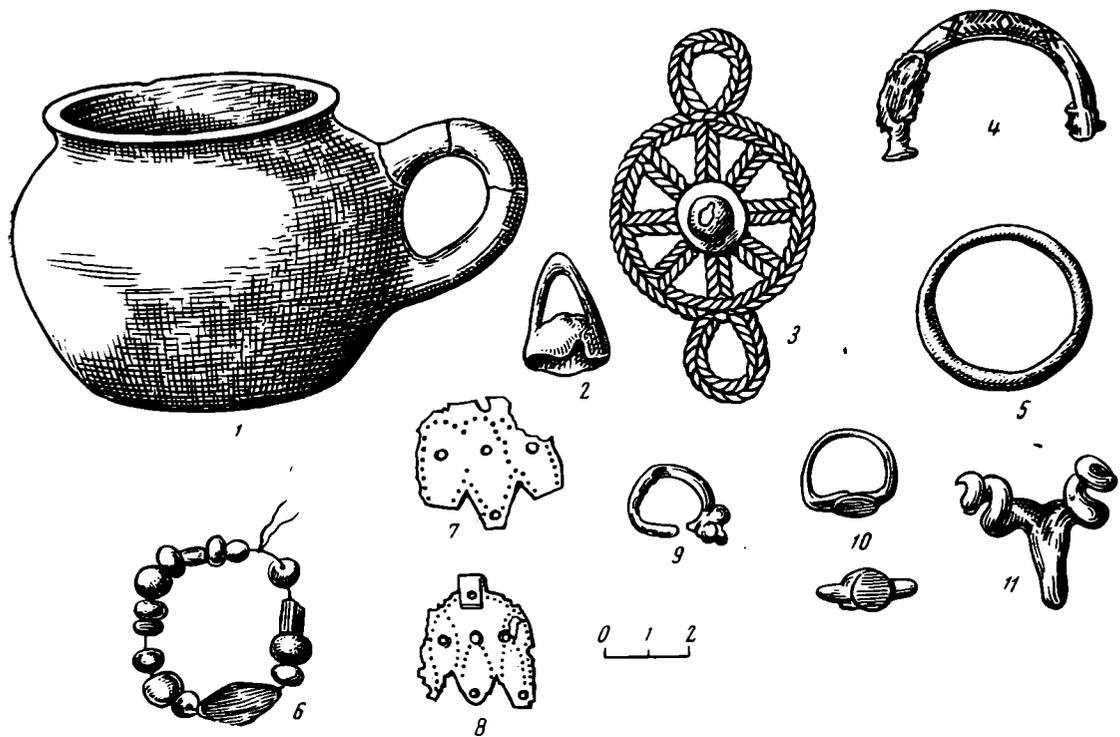

Рис. 4. Комплекс из погр. № 15 Стырфазского могильника

1 — глиняная кружка; 2 — бронзовый колокольчик; 3 — бронзовая привеска с двумя ушками; 4 — бронзовая дужка фибулы; 5 — бронзовое кольцо; 6 — бусы из сердолика и стекла; 7, 8 — привески-трезубцы из листовой бронзы; 9 — бронзовая серьга; 10 — бронзовый перстень; 11 — бронзовая привеска в виде изображения бараньей головы

которой имеется изображение ягодки винограда. Весь комплекс датируется временем не позже II в. до н. э. Этим же периодом датируются и паткнетские пряжки и сопровождающие их материалы. Что же касается сохтинских и урсдзуарских пряжек, то они были найдены в сопровождении фибул с подвесными приемниками, которые хорошо датируются II—III вв. н. э.⁴⁰ и хорошо представлены в материалах позднеантичного периода Западной и Восточной Грузии.

Любопытно отметить, что изображение всадника на урсдзуарской пряжке в какой-то степени связывается с некоторыми мотивами нартского эпоса, в частности с сюжетом, повествующим о путешествии героя нартов Сослана в страну мертвых. Положение передних ног и головы коня говорит о том, что всадник дальше не может двигаться. Перед ним крепкие непроходимые ворота. Перед всадником изображение спирального завитка, связанное с солнцем, ведь после захода солнца его не пустят через железные ворота. Птица на крупе лошади — священная: она должна будет сообщить нартам, если случится с Сосланом несчастье. Птицы (ворона, ласточка и др.) говорят у нартов человеческим языком, правда, по некоторым вариантам их понимают только отдельные герои эпоса. В сказании «Сослан в стране мертвых» говорится о том, что Сослану пришлось видеть странные и причудливые сцены. Описание загробного мира с его чудесами повторяется в таком же точно виде в обрядовой формуле посвящения коня покойнику⁴¹.

В нартских сказаниях лошадям приписываются интересные свойства: они понимают всякий человеческий говор, отвечают на все вопросы, убивают и поедают противников своего хозяина, дают советы и т. д. У осетин вера в сверхъестественные свойства коня сохранялась до начала XX в. По описанию Г. Ф. Чурсина, еще в 1924 г. в осетинских селах можно было

⁴⁰ А. К. Амброз. Фибулы юга европейской части СССР. САИ Д 1—30, М., 1966, стр. 52, табл. 9, 16.

⁴¹ В. И. Абаев. Нартовский эпос, стр. 54; К. Л. Хетагуров. Собр. соч. в 5 томах. М., 1960, т. I, стр. 104—109.

наблюдать насаженные на шест лошадиные черепа, которые якобы служили оберегами против дурного глаза и всякой напасти⁴².

Изображение коня или оленя на рассматриваемых поясных пряжках, как уже отмечалось выше, должно быть связано с искусством более раннего периода, когда на бронзовых изделиях наблюдаем прекрасно выполненные скульптурные или графические изображения быка, собаки, лошади на бронзовых топорах, поясах, пряжках, кольцах, булавках и т. д. Наряду с домашними животными на бронзовых предметах часто выступают олень, медведь и другие животные.

Именно с этого времени материальная культура Кавказа испытывает влияние киммеро-скифской, а позднее сарматской культуры. Влияние скифского изобразительного искусства на сюжеты рассматриваемых пряжек уже отмечалось в литературе⁴³. Они, по-видимому, не свободны и от влияния сарматской культуры — ведь к концу I тысячелетия до н. э. оно проникает в горные районы Центрального Кавказа. Однако мы вовсе не склонны интересующие нас пряжки приписать сарматам, ибо в погребениях, в которых они обнаружены, наблюдался скорченный обряд захоронения, а одной из характерных особенностей сарматского погребального обряда считается вытянутое труположение⁴⁴. В памятниках позднекобанского периода Юго-Осетии вытянутое положение погребенного с протянутыми вдоль туловища руками, как это характерно для сарматских захоронений, еще не зафиксировано, хотя в 1955 г. при контрольных раскопках в с. Стырфаз в коллективных погребениях встречались как скорченные, так и вытянутые скелеты. Что же касается раскопок 1964 г., они не дали ни одного погребения с вытянутым костяком. То же самое можно сказать и о западной ориентации покойников. И в Паткнети и в Стырфазском могильнике прослеживается неустойчивая ориентация. Костяки в погребениях лежали головой и к западу, и к северо-западу, к востоку и к юго-востоку.

Рассматриваемые нами ажурные пряжки являются местной продукцией, изготовлялись по древним традициям кавказского искусства местными племенами, но с некоторым влиянием скифо-сарматской культуры. Ведь в эпоху бытования рассмотренных выше пряжек горная полоса Восточной Грузии была населена в большинстве иберами, находящимися в соседстве и в родстве со скифами и сарматами⁴⁵. По мнению некоторых исследователей, термин «сарматы» объединяет много совершенно различных племен, в том числе аборигенные северо-кавказские племена⁴⁶. Они отличались от ираноязычных племен и входили в иберо-кавказскую группу племен. Потому они и находились в родстве с иберами, потому они и имели одинаковый с ними образ жизни. Через восточноскифскую и сарматскую среду, как это указывает Б. А. Куфтин, опираясь на сопоставления Тальгрена, интересующие нас пряжки связываются с изделиями южного Приуралья III—II вв. до н. э., что, в свою очередь, является косвенной опорой для хронологии этих пряжек⁴⁷. Ранние экземпляры, видимо, появились приблизительно в начале III в. до н. э., но основная часть этих пряжек падает на II в. до н. э. и I—II вв. н. э.

В определении хронологических рамок этих пряжек существуют различные мнения. Некоторые исследователи определяли их периодом по-

⁴² Г. Ф. Чурсин. Ук. соч., стр. 62.

⁴³ Ш. Я. Амирашавили. История грузинского искусства, стр. 62.

⁴⁴ В. В. Виноградов. Сарматы Северо-Восточного Кавказа. Грозный, 1963, стр. 83; Р. М. Мунчаев. Новые сарматские памятники Чечено-Ингушетии. СА, 1965, 2, стр. 178.

⁴⁵ В. В. Латышев. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе. ВДИ, 1947, 4, стр. 218; Г. А. Меликишвили. К истории Древней Грузии. Тбилиси, 1959, стр. 293 и 311.

⁴⁶ Г. А. Меликишвили. Ук. соч., стр. 356.

⁴⁷ Б. А. Куфтин. Археологические раскопки в Триалети, стр. 29.

явления скифов и до начала н. э.⁴⁸ Другие же датируют их с III в. до н. э. по III в. н. э.⁴⁹ Есть и такие, которые относят их к началу I тысячелетия до н. э.⁵⁰ Конечно, с последней датой никак согласиться нельзя. Ведь эти пряжки, их мифологические сюжеты, связаны с изобразительным искусством античного периода и появляются с III в. до н. э. Поэтому нам кажется более правдоподобной датировка Г. Ф. Гобеджишвили, по мнению которого они стали появляться с III в. до н. э. Во II — I вв. до н. э. на подобных пряжках появляются уже изображения реальных животных, в частности коня (рис. 3, 5). Этим периодом датируются и материалы из с. Икоти (Музей Грузии, инв. № 9—25), которые содержат бронзовые подвески и бляху-пряжку⁵¹.

Изображенные на интересующих нас пряжках бычьей головки с лировидными рогами стилистически спаяны с привесками, изображающими бычью голову и происходящими из позднебронзовых могильников Северного Кавказа (Кобан, Кумбулта, Рутха) и Закавказья (Тли, Стырфаз, Геби и др.). Таким образом, рассмотренные ажурные пряжки по некоторым деталям изобразительного искусства должны быть связаны с позднебронзовой культурой центрального района Большого Кавказа. Эта культура, в свою очередь, сыграла большую роль в формировании так называемого скифского стиля изображения животных. Это обстоятельство ярко выявляется в скифской культуре раннего периода⁵².

Ажурные, квадратной формы поясные пряжки были распространены не только в Западной, но и в Восточной Грузии. Почти все пряжки из Южной Осетии находят себе соответствующие аналогии в рачинских⁵³, сачхерских⁵⁴ и других материалах Западной Грузии. Здесь, так же как и в Восточной Грузии, центральное изображение этих пряжек из фантастического образа оленя постепенно переходит в изображение коня, причем последнее изображение более реалистично и почти полностью вытесняет оленя⁵⁵. Центр производства этих поясных пряжек должен был находиться где-то на южном склоне Большого Кавказа. Здесь, помимо основного центра, могли существовать и более узкие локальные районы. Одним из таких районов должна была быть территория нынешней Южной Осетии. Рассматривая ажурные поясные пряжки, М. И. Ростовцев высказал мнение о том, что они принадлежат специально Центральному и Северному Кавказу⁵⁶. Находки последних лет свидетельствуют о том, что область распространения этих весьма интересных пряжек в основном охватывает южный склон Центрального Кавказа, главным образом горные зоны Западной и Восточной Грузии. Распространение этих пряжек на северные склоны Главного Кавказского хребта происходило с территории Западной Грузии, где должен был быть основной центр их производства. Формально-стилистический анализ, а также анализ семантики сюжетов этих пряжек позволяют отнести их к предметам,

⁴⁸ F. Hantsch. Einige Gürtelschliessen aus dem Kaukasus, стр. 157; Б. А. Куфтин. Археологические раскопки в Триалети, стр. 28.

⁴⁹ Г. Ф. Гобеджишвили. Археологические раскопки в Советской Грузии, стр. 106; А. М. Апакидзе, Н. З. Бердзенишвили, Г. Ф. Гобеджишвили, О. М. Джапаридзе, А. Н. Каландадзе, Г. А. Ломтатидзе, Н. В. Хоштариа. Археология Грузии, стр. 275, 313.

⁵⁰ Д. Л. Коридзе. Ук. соч., стр. 107.

⁵¹ В. А. Куфтин. Археологические раскопки в Триалети, стр. 26, 29, рис. 31.

⁵² Ш. Я. Амиранашвили. История грузинского искусства, стр. 80—89.

⁵³ Г. Ф. Гобеджишвили. Археологические раскопки в Советской Грузии, стр. 106—108, табл. XLIX и L; его же. Древнегрузинские бронзовые поясные пряжки.

⁵⁴ Д. Л. Коридзе. Ук. соч., стр. 86—107.

⁵⁵ П. С. Уварова. МАК, вып. VIII, стр. 351, рис. 277; Ш. Я. Амиранашвили. История грузинского искусства, стр. 62, табл. 10, 1.

⁵⁶ M. Rostovtzeff. Bronze belt-clasps and pendants from the Northern Caucasus. Bull. of the Metrop. Museum of Art, vol. XVII, 1929, стр. 36.

раскрывающим древнюю мифологию грузинских племен. Постепенно мифологические сюжеты на этих пряжках превращаются в чисто декоративные. Широкое распространение этих пряжек, видимо, объясняется межплеменными связями обитателей южных склонов Главного Кавказского хребта с окружающим миром.

B. V. Tékhov

SUR LES BOUCLES DE CEINTURE AJOURÉES

Résumé

Parmi les matériaux de la période tardive de la civilisation de Koban, découverts sur le territoire de la Région Autonome Sud des Ossètes, une série de boucles de ceinture fondues aux sujets des ornements fantastiques présente un intérêt tout particulier. A commencer par le III s. avant notre ère, ces boucles ont une large diffusion dans toute la Géorgie Est et Ouest, y compris le territoire de l'Ossétie Sud d'aujourd'hui. Les boucles se subdivisent, d'après leurs sujets, en trois types essentiels dont le premier a deux groupes supplémentaires et le deuxième n'en a qu'un seul. Il est possible de distinguer quatre images presque sur chaque boucle. L'image centrale représente ou bien un cerf, ou bien un cerf-boeuf, dans deux cas c'est un cheval.

Les boucles de ceinture ajourées examinées par nous sont les produits de la fabrication locale, exécutés selon les anciennes traditions de l'art caucasien. Le centre de la fabrication de ces boucles devait se trouver quelque part sur le versant sud du Grand Caucase. La large diffusion de ces boucles s'explique évidemment par les liaisons des tribus du Caucase Central avec le monde environnant.

Les anciens exemplaires auraient paru au III s. avant notre ère., mais la partie essentielle de ces boucles tombe sur le II s. avant notre ère et sur les I—II ss. de notre ère.

М. И. ВЯЗЬМИТИНА

КУЛЬТУРА НАСЕЛЕНИЯ НИЖНЕГО ДНЕПРА ПОСЛЕ РАСПАДА ЕДИНОЙ СКИФИИ

В позднескифский период истории в жизни населения Нижнего Поднепровья происходит ряд изменений. Плодородные долины Нижнего Днепра, долгое время до того лишенные прочной оседлости, в конце V — IV вв. до н. э. начинают мало-по-малу обживаться. В это время на обоих берегах Днепра возникает ряд открытых селищ и два больших скифских укрепленных поселения: на севере — Каменское, расположенное на левом берегу и занимающее дюнную степь между Днестром, его притоком Конкой и Белозерским лиманом, а на юге — Белозерское, находящееся на правом берегу Днепровского лимана.

Часть селищ носила еще сезонный характер и принадлежала, по-видимому, полукочевому населению; другая часть имела черты более прочной оседлости. На левом берегу Днепра такие селища обнаружены в районе сел. Большая Знаменка, Каменка, Водяное¹ и южнее по Днепру — у с. Нижний Рогачик²; на правом берегу — южнее Никополя у сел Быстрицкое, Копулевское, Нижне- и Верхне-Покровское, Малые Гирлы и др. Они тянутся вдоль берегов рек и протоков на протяжении от 100—200 до 300—500 м, иногда расположены на узких мысах первой надпойменной террасы. Культурный слой этих селищ невелик, обычно 40—60 см, но иногда достигает 1 м и более. Подъемный материал, обнаруженный на них, состоит в основном из обломков амфор, лепной посуды, изредка небольших фрагментов чернолаковых сосудов, бронзовых наконечников стрел, прясел, точильных брусков, обломков зернотерок, кусков шлаков и железной руды и обожженной обмазки с оттисками прутьев. Находки датируются IV—III вв. до н. э. Подобный же материал известен на Каменском городище и в нижних горизонтах городищ Нижнего Днепра рубежа нашей эры.

Упомянутые селища, так же как и малые городища Нижнего Днепра, в большинстве случаев подстилаются материалами эпохи бронзы, но возникают иногда и на необжитых местах. Судя по находкам, они прекращают свое существование в разное время, доживая иногда до III в. Факт отсутствия между эпохой поздней бронзы и IV в. до н. э. промежуточных материалов позволяет высказать предположение, что обитатели поселений эпохи бронзы на Нижнем Днестре где-то в начале эпохи железа, по-видимому, их оставили: одна часть их ушла в степи и заочевала, другая же часть, возможно, передвинулась в более безопасные места. И лишь в IV в. до н. э. днепровские долины постепенно снова стали заселяться.

---

¹ Б. Н. Граков. Каменское городище на Днестре. МИА, 36, 1954, стр. 162.

² Д. Т. Березовець, С. С. Березанська. Поселення і могильник епохи бронзи біля с. Рогачик. АП, X, Київ, 1961, стр. 40.

Усилившийся в это время товарообмен с античными городами, главным образом с Боспорским царством, способствовал обогащению скифской степной аристократии, сосредоточившей в своих руках основные предметы торговли (скот, хлеб и рабы), и требовал увеличения сельскохозяйственной продукции. Удовлетворению этой потребности и мог служить переход некоторой части рядовых кочевников к эксплуатации природных богатств плодородной Гилеи. Еще Геродот (IV, 53) упоминал о превосходной пахотной земле, которая тянулась вдоль берегов Днепра, а его обитателей называл «земледельцами». Их зависимый характер по отношению к кочевой знати, которой они должны были сдавать часть продукции в качестве дани, подтверждается рассказом Полиена (Военные хитрости, VII, 44)³. В этом рассказе передается приказ Атея «земледельцам и коневодам» изображать наступление большого скифского войска, сопровождаемого стадами. Следует ли под названием «земледельцев» подразумевать здесь какую-то часть местного населения, продолжавшего жить на Нижнем Днепре с эпохи бронзы, за неимением в настоящее время промежуточных звеньев пока полностью решить нельзя. Однако не лишено возможности, что скифская знать могла привлекать к эксплуатации природных богатств Нижнего Днепра помимо рядовых кочевников и соседние земледельческие племена.

Очень слабая изученность нижнеднепровских селищ IV—III вв. до н. э., к тому же не подвергавшихся планомерным систематическим раскопкам, и незначительность собранного на них подъемного материала не дает возможности вполне удовлетворительно охарактеризовать их планировку и домостроительство, образ жизни и материальную культуру их основных производителей, а также представить и самый процесс оседания на землю кочевой части населения. Однако раскопки Каменского городища, хотя и резко выделяющегося из общей массы мелких селищ специализированным характером своего производства, все же позволяют в общих чертах конкретизировать те перемены, которые произошли в результате перехода части кочевых скифов к оседлости.

Изменение экономической основы жизни части причерноморских кочевых скифов существенным образом отразилось на общем укладе их жизни и материальной культуры. Они начинают обрабатывать землю и выращивать злаки. О возделывании в это время зерновых культур свидетельствуют как указания античных источников, так и археологические данные. Правда, Геродот не уточняет, какие именно злаки сеяли скифы-пахари, гелоны, каллипиды и алазоны, питающиеся хлебом, но находки самих зерен и их отпечатков на донцах лепных сосудов наглядно дополняют его слова. Установлено, что такие основные хлебные культуры, как пшеница, ячмень и просо, употреблялись здесь в пищу с древних времен. Что касается системы землевладения и землепользования, то земля у скифов, по сообщению Геродота (IV, 5), являлась собственностью патриархальной общины и подвергалась ежегодному переделу между членами этой общины.

Конечно, обитатели степной зоны Нижнего Поднепровья находились в ином положении по сравнению с жителями лесостепи, где земледелие, развиваясь в мирной обстановке, составляло основную отрасль их хозяйства с древних времен. В степной полосе, где население постоянно подвергалось опасности нападения со стороны воинственных кочевников, землю можно было возделывать только небольшими участками в защищенных от вражеского нападения местах, либо же земледелие здесь имело полукочевой характер с выездом на лежащие вне заселенной части поля. В силу этого у обитателей речных долин возделывание хлебных злаков не могло занимать ведущей роли в их хозяйстве и составлять главный продукт их питания. Они должны были вести комп-

³ Б. Н. Граков. Скифский Геракл. КСИИМК, XXXIV, 1950, стр. 10.

лексное хозяйство, в котором, наряду с земледелием, большое место занимало и скотоводство, обеспечиваемое «прекраснейшими и очень питательными пастбищами». Из Борисфена они вылавливали для соления превосходнейшую рыбу, а Гилея снабжала их разнообразной дичью, которая в изобилии водилась в ней. Кости сома, карпа и осетровых рыб, а также оленя и дикого кабана неоднократно находились в раскопках поселений скифского времени на Нижнем Днепре.

О комплексном характере хозяйства обитателей Нижнего Днепра свидетельствуют как вышеописанные находки на скифских селищах, так и само Каменское городище, где земледелие не играло ведущей роли уже в силу того, что благодаря естественным условиям — близости к источникам железной руды — основное ядро его населения составляли ремесленники-металлурги, жилища и мастерские которых занимали большую часть каменных кучугур. Помимо металлургического производства, в котором постепенно усвершенствуются различные приемы обработки железа, меди и бронзы (ковка, литье, волочение и применение термической обработки), здесь получает дальнейшее развитие и выделка лепной посуды; появляются новые виды ремесленной деятельности, связанной с домостроительством, которое на первых порах характеризуется деревообделочными работами с применением топора, тесла и пилы, а по мере роста населения и развития товарообмена с причерноморскими городами — обработкой камня⁴.

В результате падения скифского могущества в III в. до н. э. и сокращения пределов скифского царства на востоке и западе более или менее мирное развитие сельскохозяйственной деятельности на скифских селищах Нижнего Днепра нарушается тревожными событиями. На западе активизируются гетские племена. Под натиском сарматов, надвигавшихся с востока, из-за Дона, основная часть скифского кочевого и земледельческого населения передвигается на Таврический полуостров, который вместе с землями «за перешейком до Борисфена», обычно отождествляемых с областью Нижнего Днепра, получает название Малой Скифии. Другая часть скифов переселяется «за Тиру и Истр» в область Добруджи, также носившей название Малой Скифии.

Каменское городище сокращается до пределов акрополя. Центр скифов переносится в Крым, где так же, как и на Нижнем Днепре, происходил процесс оседания части кочевых скифов на землю и возникновения земледельческих селищ и укрепленных поселений, среди которых новым важным центром скифов становится Неаполь, возникший на перекрестке древних торговых путей и со II в. до н. э. превратившийся в крупную крепость.

Степи к востоку от Днепра занимают сарматы во главе с роксоланами, которые уже в III—II вв. до н. э. достигают левого берега Днепра, как о том свидетельствуют погребения вооруженных сарматских воинов у Вороной⁵ и Ушкалки⁶, а также у Михайловки⁷ и Нижнем Запорожье⁸. С запада в междуречье Днепра — Днестра проникают кельтские и гетские племена. Здесь же продолжают кочевать и разрозненные скифские племена, предводительствуемые своими «скентухами», а возможно, и какая-то часть прорвавшихся через Днепр сарматов, быть может языги, которые упоминаются в античных источниках II—I вв. до н. э. в междуречье Днепра — Днестра. С переходом господствующего положения в сте-

⁴ Б. Н. Граков. Каменское городище.

⁵ Н. Е. Макаренко. Археологические исследования 1907—1909 годов. ИАК, 43, СПб., 1911.

⁶ Д. Я. Телегин. Погребения скифского времени на Нижнем Днепре. КСИА АН УССР, 6, 1956.

⁷ Д. И. Эварницкий. Раскопки курганов в пределах Екатеринославской губ. Тр. XIII АС. I, М., 1907, стр. 114.

⁸ М. О. Миллер. Щоденник та журнали розкопок на терені Дніпрозаводбуду, 28.IV—28.VIII.1930. Архив ИА АН УССР, ф. 18, № 76.

пях к сарматам в истории Северного Причерноморья начинается новый, сарматский, период.

Население части скифских нижнеднепровских селищ с целью защиты от опасностей в III—II вв. до н. э. начинает ограждать их каменными оборонительными стенами, валами и рвами. Расположенные на крутых возвышенных берегах Днепра, они превращаются в единую стратегическую систему укрепленных пунктов, зрительно связанных и охраняющих подступы к себе как со стороны суши, так и реки и в то же время делающих доступным плавание по Днепру для торговых судов.

Возникшие на берегу Днепра укрепленные поселения состояли из внутренней крепости — акрополя площадью от $\frac{1}{3}$ до 3,65 га, огражденной каменными стенами двунанцирной кладки и иногда укрепленного еще дополнительным поясом в 1,1 и 1,3 м, и внешней крепости, также огражденной стенами либо земляным валом и рвом. Иногда они имели и третью линию ограждения. Общие размеры этих городищ колеблются от 3 до 32,5 га. Наряду с укрепленными поселениями существовали и селища, но исследования их не производились. Раньше других ограждаются оборонительными стенами поселения на левом берегу Днепра, открытые в сторону левобережной степи, как это отмечено на примере Знаменки, где каменные стены были воздвигнуты в конце III—II вв. до н. э., а позже — на правом берегу. Стены акрополя в Гавриловке сооружаются в конце II—I вв. до н. э., а стены внешней крепости, как и стены акрополя в Золотой Балке, на рубеже нашей эры. Такая одновременность сооружений оборонительных стен, очевидно, была связана с различной степенью опасности, периодически надвигающейся то со стороны сарматов, то со стороны кельтов и гетов. Недостаточная изученность городищ Нижнего Днепра не позволяет более точно установить время сооружения и разрушения оборонительных стен на городищах, так как из 16 известных городищ раскапывались только шесть, да и то лишь частично: Знаменка, Гавриловка⁹, Николаевка¹⁰, Каиры¹¹, Любимовка¹² и Золотая Балка¹³. Однако на основании археологических материалов можно определить, что жизнь на них прекращается в разное время. Раньше всех прекращают свое существование Знаменка и Каиры под ударом передовых отрядов сарматов, по видимому роксолан, начавших массовое передвижение на запад на рубеже нашей эры. Несколько позже, уже во II в., прекращают свое существование Золотая Балка и Гавриловка, пережившие до того катастрофические разрушения в I в. до н. э., возможно, во время гетского нашествия на Ольвию. Еще позднее, в IV в., прекращают свое существование поселения в южной части Нижнего Днепра.

Обитатели укрепленных поселений Нижнего Днепра объединяются в территориальные общины, управляемые особыми старейшинами, выделенными из зажиточной части населения. Они занимаются земледелием и огородничеством, используя для этого небольшие участки земли в защищенной части поселения размером от одной-двух соток до девяти в редких случаях до двенадцати соток, как это удается определить на основании подсчетов по фотосъемкам К. В. Шишкина¹⁴. На огородах они могли возделывать бобовые растения, лук, лен, коноплю, просо. Огороды обрабатывались

⁹ Н. Н. Погребова. Позднескифские городища на Нижнем Днепре. МИА, 64, 1958.

¹⁰ M. Ebert. Ausgrabungen bei dem «Gorodok Nikolajewka». «Praehistorische Zeitschrift», V, 1913.

¹¹ Н. Г. Елагина. Новое позднескифское городище на Нижнем Днепре. КСИА АН СССР, 89, 1962.

¹² Л. Д. Дмитров., В. Л. Зуд, Ф. Б. Копилов. Любимівське городище рубежу нашої ери. АП, X, стр. 78.

¹³ М. Вязьмитина. Золота Балка. Київ, 1962.

¹⁴ К. В. Шишкин. Применение аэрофотосъемки для исследований археологических памятников. СА, 1966, 3.

членами индивидуальной семьи, которая, выделившись из патриархальной семьи, становится в это время основной хозяйственной единицей. Что же касается пашенной земли, находящейся вне пределов поселения, и лугов для выпаса скота, то они составляли, несомненно, общественную собственность и использовались сообща в пределах, обеспечиваемых общественной охраной. Помимо занятия земледелием, для переработки продуктов которого наряду с примитивными применяются уже более усовершенствованные типы жерновов прямоугольной и круглой формы, обитатели нижнеднепровских поселений занимались скотоводством, рыбной ловлей и охотой на диких зверей. Из домашних ремесел отметим прядение и ткачество, выделку лепной посуды, обработку камня, кожи и кости, а частично и железоделательное производство.

Характерной особенностью городищ Нижнего Днепра являются большие зольники, находящиеся, в отличие от крымских городищ, обычно на склонах к реке, а иногда и к оврагу, что, возможно, было связано с предохранением последних от оползней, а с другой стороны, они могли служить и своего рода субструкциями под башни и оборонительные сооружения, а частично и для нивелировки площади под строительство. На городищах применяется принцип прямолинейной планировки и усадебной застройки, которая наблюдалась уже на каменных кучугурах в усадьбах металлургов.

Как можно судить на основании исследований Золотой Балки, где раскопки велись большой площадью, поселения состояли из ряда огражденных каменными стенами строительных комплексов, в которые входили жилые и хозяйственные постройки (рис. 1). Общественные же и культовые здания располагались вне усадеб. К ним можно отнести здание с деревянными колоннами на каменных базах и здание типа мегарон с кладкой «в елочку» в Золотой Балке; большое каменное здание, крытое черепицей, в Знаменке, и каменное здание, выходящее фасадом на мощеную улицу, на нижней террасе в Гавриловке. К культовым постройкам можно отнести здание с глиняным орнаментированным жертвенником из Золотой Балки, в котором обнаружено большое скопление глиняных сосудов, по большей части мисок, по-видимому, от приношений.

На городищах различаются три типа зданий: глинобитные, каменные и смешанного типа на каменном фундаменте с глинобитными стенами. Глинобитные постройки характеризуют собой более ранний период жизни на поселениях, датируемый позднеэллинистическим временем — II—I вв. до н. э. Несколько позже, на рубеже нашей эры особое развитие получает каменное домостроительство, характеризуемое к тому же внедрением новых архитектурных типов, как мегарон в Золотой Балке, имеющий свои аналоги в Неаполе, и кладка «в елочку», наблюдаемая в конце II—I вв. до н. э. в скифской крепости, открытой у санатория «Чайка» вблизи Евпатории.

Переход населения к новым формам хозяйственной жизни внес ряд изменений в их быт. В хозяйственном обиходе обитателей нижнеднепровских укрепленных поселений появляются зерновые ямы, каменные загородки-закрома для хранения зерна и других припасов, сдвоенные ямы для копчения рыб, круглые жаровни для выпечки и сушки зерна. Прежний немногочисленный ассортимент лепной посуды пополняется новыми формами: появляются крупные корчаги и пифосы для хранения зерна и сельскохозяйственных припасов, двуручные горшки для варки пищи, кувшины, цилиндрические и конические кубки и чашки с ручками, остросереберные миски, конические сосуды на полых ножках, служившие мисками, крышками и плошками, в зависимости от формы и размеров, и ряд других миниатюрных сосудов, бытующих в качестве детских игрушек и повторяющих формы больших сосудов (рис. 2). Одновременно появляется целый ряд сосудов и предметов культового назначения — жертвенные сосуды и курьельницы.

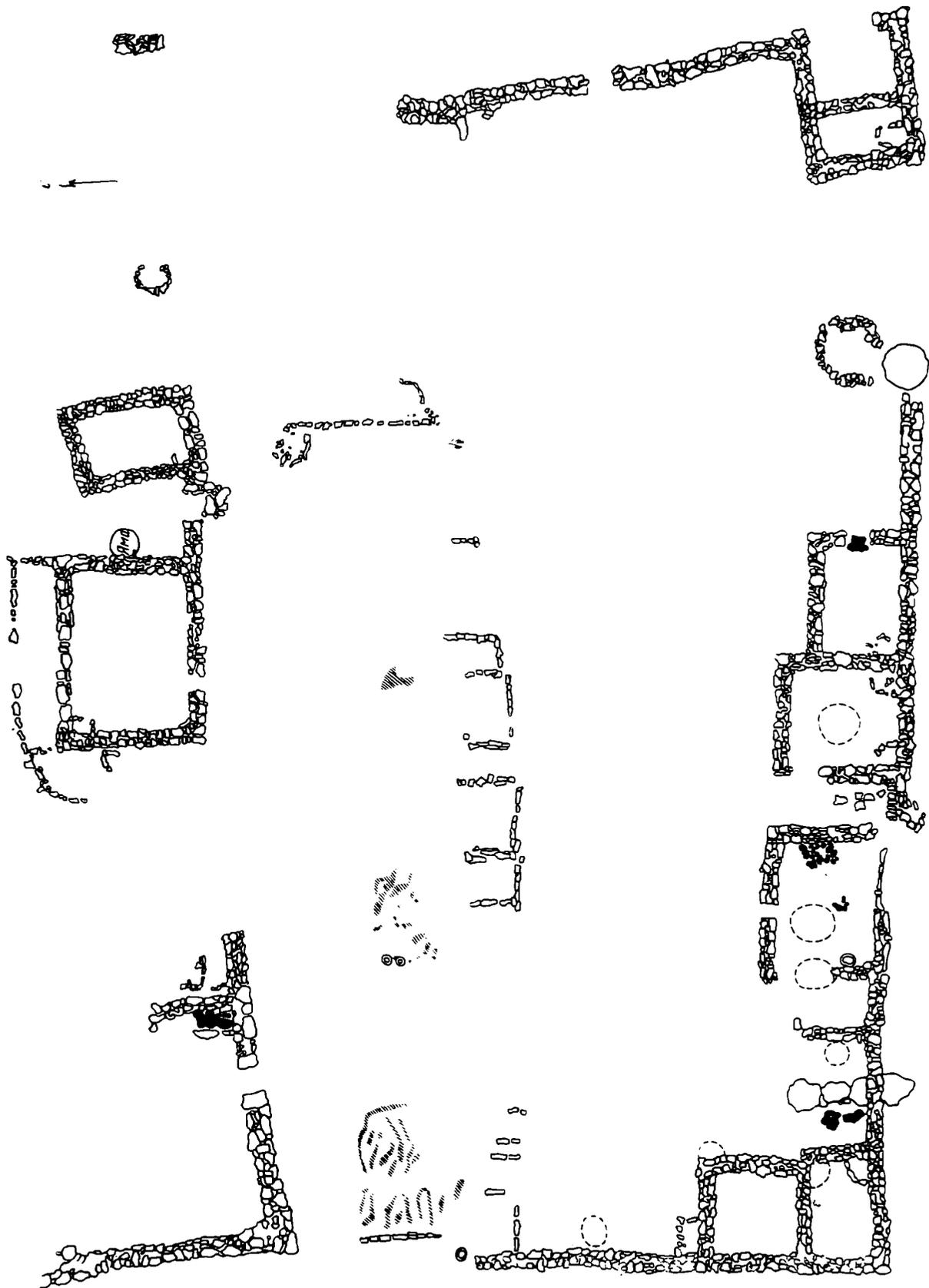

Рис. 1. План строительного комплекса (Золотая Балка)

Рис. 2. Лепные сосуды

Среди перечисленных форм одна часть является непосредственным продолжением форм лепных сосудов предшествующего скифского времени — горшок, полусферическая миска; другая часть напоминает формы, существовавшие на данной территории в эпоху бронзы и раннего железа, — биконические корчаги с валиковым орнаментом или с выступами-пишками в верхней половине тулова¹⁵, сосуды типа керносов. Остальные формы представляют собой новообразования, появившиеся здесь одновременно с развитием новой формы хозяйства и возникновением в быту новых потребностей. В них наблюдается сочетание различных элементов керамики скифской, античной, сарматской, зарубинецко-корчеватовской, латенской и фракийской культур. Элементы античного влияния в лепной керамике можно отметить в имитации некоторых деталей, таких как кольцевые ножки, профилированные венчики сосудов и т. д. Сарматские черты наблюда-

¹⁵ Этим мы отнюдь не настаиваем на существовании между ними прямой генетической связи. Хотелось отметить самый факт наличия подобных форм на данной территории, говорящий, по-видимому, о том, что фракийские влияния, нашедшие благоприятную почву в среде земледельческого поселения Нижнего Днепра на рубеже нашей эры, существовали здесь и в более ранние времена.

ются в особых формах лепных цилиндрических курильниц с горизонтальными налипными ребрами и точечным орнаментом по отогнутому горизонтальному бортику, в оформлении ручек кувшинов в виде живственных (рис. 3). В ряде форм сосудов (остроресберная миска, горшочек с боковой летельчатой ручкой, биконическая корчага с дугообразным налипком, конической формы чаша на высоком полом поддоне), а также в трактовке некоторых деталей (граненые венчики в мисках и корчагах) наблюдается

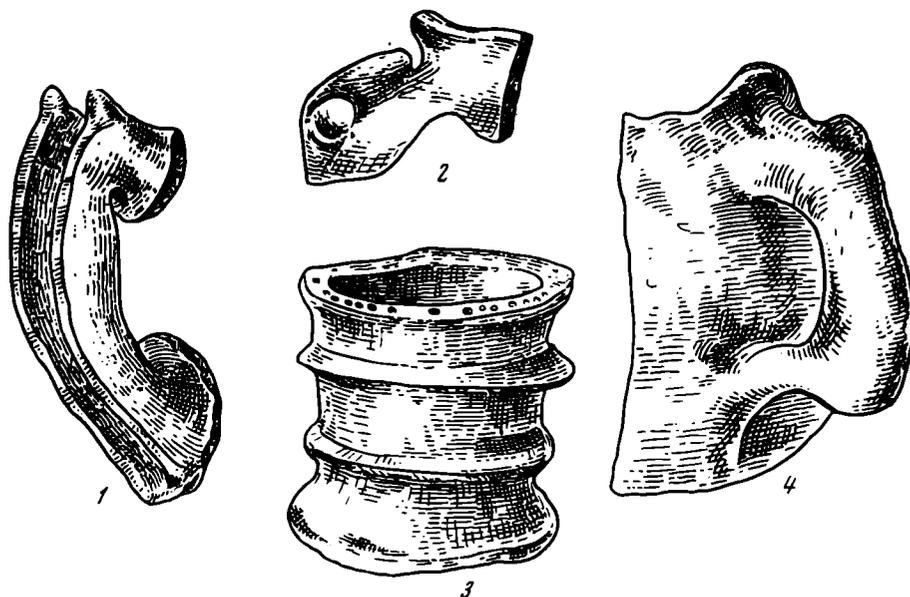

Рис. 3. Сарматские влияния в лепной керамике

сходство с зарубинецко-корчеватовскими сосудами Среднего и Верхнего Днепра и частично с сосудами типа Лукашевки — Поянешти (граненые венчики)¹⁶ Пруто-Днестровского бассейна. Однако лепная керамика Нижнего Поднепровья отличается от них большим разнообразием форм и налипного орнамента, а также отделкой и окраской поверхности (отсутствие чернolощеной блестящей облицовки) и рядом других деталей.

Что касается вопроса появления в данную эпоху форм мисок с вертикальным и вогнутым бортом, имевших широкое распространение на большой территории Днепровского бассейна и свои хронологические признаки и варианты, то происхождение их можно связывать с одним общим источником и двойным влиянием как античной, так и латенской культуры. Попутно отметим нахождение в Золотобалковском могильнике латенского меча рубежа нашей эры и ножа с изогнутым лезвием и кольцеобразно заканчивающейся ручкой (рис. 4), а также преобладание здесь позднелатенских фибул. Но особенно обращает на себя внимание сходство с фракийской керамикой приднестровских и придунайских стран, что нашло свое выражение в наличии больших корчаг с шишками в нижней части корпуса и валиковым орнаментом, столь распространенным на рубеже нашей эры на гетских поселениях (Пояна, Поянешти и др.), а также с налипным и врезанным очковидным и спиральным орнаментом. Это сходство наблюдается и в сосудах с широким устьем и горизонтальными ручками-упорами, и в наличии так называемых «дакийских чаш», цилиндрических одноручных кружек, кувшинов с угловатыми ручками.

Все указанные черты не лишают, однако, местную лепную керамику самостоятельного характера и определенного своеобразия. Оно проявляется в существовании особой формы прямоугольных и круглых в сечении жертвенных сосудов на высоком поддоне, снабженных четырьмя налипными вертикальными ребрами на гранях, заканчивающимися небольшо-

¹⁶ Г. Б. Федоров. Население Пруто-Днестровского междуречья в I тысячелетии н. э. МИА, 89, 1960, стр. 24.

Рис. 4. Меч и нож кельтского типа (Золотая Балка)

у кельтов и совершенно неизвестные у скифов в предшествующую эпоху. Они проникли сюда, по-видимому, при посредстве гетов, в обиходе которых они также отмечены. Развитие среди населения укрепленных поселений Нижнего Днепра новой формы хозяйства — земледелия — способствовало распространению древнего почитания производительных сил природы, небесных светил и установлению земледельческих праздников, но уже в новых модификациях. Это нашло свое выражение в появлении глиняных орнаментированных жертвенников и украшении их, а равно и дру-

ми миниатюрными углублениями — «чашечками» (рис. 5), служившими, очевидно, для возлияний и украшенными наlepным желобчатым орнаментом. Сосуды эти составляют особенность нижнеднепровских поселений, найдены преимущественно в Золотой Балке. Своеобразны и вазообразной формы подвесная курильница с тамгообразными знаками, и небольшие сосудики в форме песочных часов. Это своеобразие отмечается и в большем разнообразии наlepного желобчатого орнамента: помимо дугообразных, очковидных и спиральных мотивов, в орнаментации поверхности сосудов наблюдаются растительные стебли, овалы, «лестничка» (рис. 5, 2), поднятые руки и др. Отметим несколько иную форму корчаг по сравнению с фракийскими, служившими также в качестве урн; меньшее разнообразие валикового орнамента; единичность образцов «дакийских чаш» и т. д.

Синкретизм, отмеченный в материальной культуре населения, нашел отражение и в верованиях, в основе которых лежали древние традиции, но усложненные уже новыми представлениями и символами, нашедшими благоприятную почву в обстановке близкого соприкосновения и культурного взаимодействия скифо-сарматских и фракийских племен и античных городов Северного Причерноморья. Среди божеств домашнего пантеона главное место занимала великая богиня, культ которой был широко распространен у скифо-сарматского населения Северного Причерноморья. Одновременно с культом богини существовал культ конного всадника, известный у фракийских племен и отмеченный также в античных причерноморских городах. Графические и скульптурные изображения конного всадника известны в Золотой Балке¹⁷ и в Гавриловке¹⁸. Большое значение имел и культ огня и домашнего очага, у устья которого с обеих сторон обычно помещались так называемые «коньки» (рис. 6, 1, 3), широко распространенные

¹⁷ М. Вязьмитина. Золота Балка, рис. 86, 1.

¹⁸ Н. Н. Погребова. Позднескифские городища на Нижнем Днeпpe. МИА, 64, 1958, стр. 233.

гих культовых предметов солярными знаками; в наличии керносов, являвшихся неотъемлемой частью сезонных процессий, связанных с сельскохозяйственными праздниками; женских статуэток со своеобразным углублением в теменной части головы для возлияний; жертвенных сосудов; в изготовлении в глине хлебных «лепешечек», иногда с отпечатками зерен или их имитацией (рис. 6, б).

Ряд изменений происходит и в погребальном ритуале. Вместо захоронения в курганах обитатели укрепленных поселений хоронят своих сородичей в бескурганых могильниках: более зажиточные — в больших семейных склепах, состоящих из камер с широтной ориентацией и входной ямы, перпендикулярной к камере; рядовое же население — обычно в грунтовых ямах и подбоях с меридиональной ориентацией, а изредка и в каменных ящиках, сужающихся к ногам и находящихся в центре круглой каменной вымостки. Они кладут своих покойников в вытянутом положении, в камерах — головой на запад, в более ранних грунтовых ямах и в подбоях — головой на юг, а в более поздних — головой на север. Они снабжают их напутственной пищей и предметами повседневного обихода, различными оберегами — миниатюрными колокольчиками, зубами хищных зверей, ракушками, камешками с отверстием для подвешивания, одинарными и двойными ведерками. Над могилами они устраивают каменные вымостки круглой и прямоугольной формы, иногда ставят каменные стелы из уплощенных дикарных камней и устраивают тризны с возлияниями вина и жертвоприношениями животных (овцы, коня). В погребальном ритуале нижнеднепровских обитателей также наблюдается сочетание разнородных элементов, характеризующих как пережитки более древних традиций и генетические связи с предшествующей эпохой, так и появление новых черт. Такие явления, как каменные ящики, каменные вымостки над могилами и каменные стелы, отмечались на данной территории еще в культуре эпохи бронзы, на памятниках которой непосредственно и возникли нижнеднепровские поселения, как это отмечено в городищах, подвергавшихся раскопкам (Знаменка, Золотая Балка, Гавриловка). Подобные закладки известны и над скифскими погребениями в курганах¹⁹ и бескурганых могильниках²⁰. От скифских же погребальных сооружений ведут свое происхождение и погребальные камеры с входным вертикальным колодцем (обычно после совершения захоронения забитым камнями), и западная ориентация погребенных, положение их на спине с вытянутыми конечностями, помещение во входной яме у входа в камеру целой туши коня либо частей жертвенных животных (овцы, лошади), и снабжение погребенных напутственной пищей, и совершение тризны. Однако, несмотря на близость камерных могил Золотобалковского могильника со скифскими катакомбами Нижнего Приднепровья, между ними нет полного тождества. Камерные могилы Золотобалковского могильника сочетают в себе черты первого и третьего типов скифских катакомб (по Б. Н. Гракову²¹). По широтной ориентировке камеры и погребенного они сходны с первым типом скифской катакомбы, а по положению входной ямы перпендикулярно к камере — с третьим типом. Подобное взаиморасположение катакомбы и входной ямы характерно также и для первого типа катакомб в скифских курганах Тираспольщины²². Однако входная яма в камерную могилу в

¹⁹ М. Рудинський. Археологічна розвідка на Дніпрельстані. Зб. «Дніпропетровський краєвий історично-археологічний музей», І. Дніпропетровськ, 1929; А. Добровольський. Звіт за археологічні дослідження на території Дніпрельстану року 1927. Там же.

²⁰ Э. А. Симонович. О работах Криничанского отряда южнорусской экспедиции ИИМК АН СССР, 1958. Архив ИА АН УССР, 1958/25а.

²¹ Б. Н. Граков. Скифские погребения на Никопольском курганном поле. МИА, 115, 1962, стр. 83—85.

²² А. И. Мелюкова. Скифские курганы Тираспольщины. Там же, стр. 163.

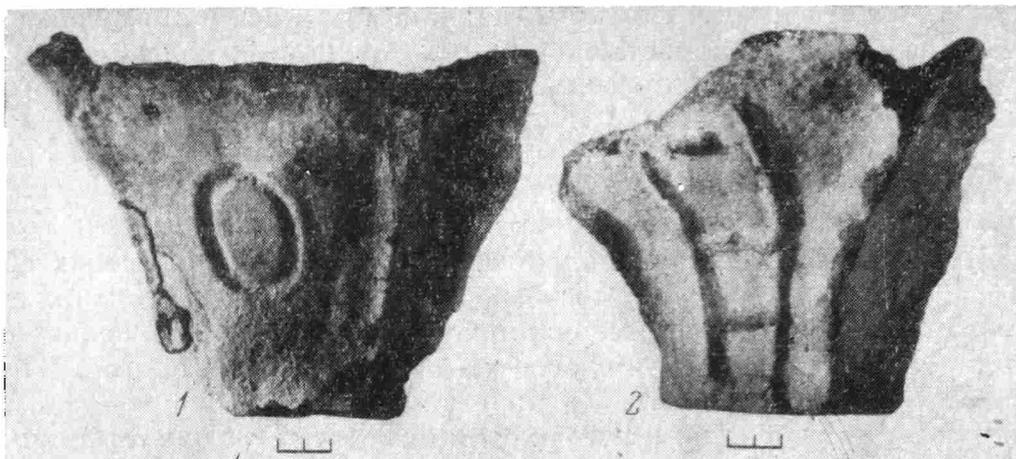

Рис. 5. Жертвенные сосуды (Золотая Балка)

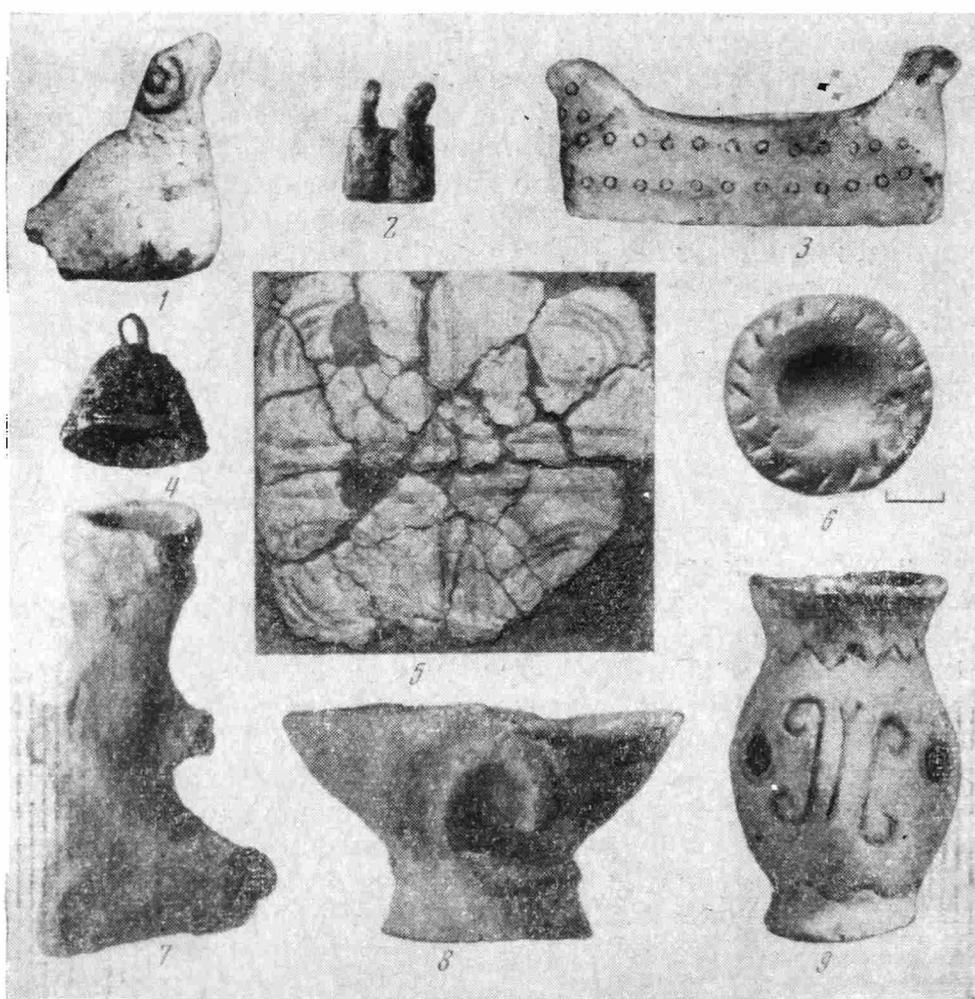

Рис. 6. Предметы культа

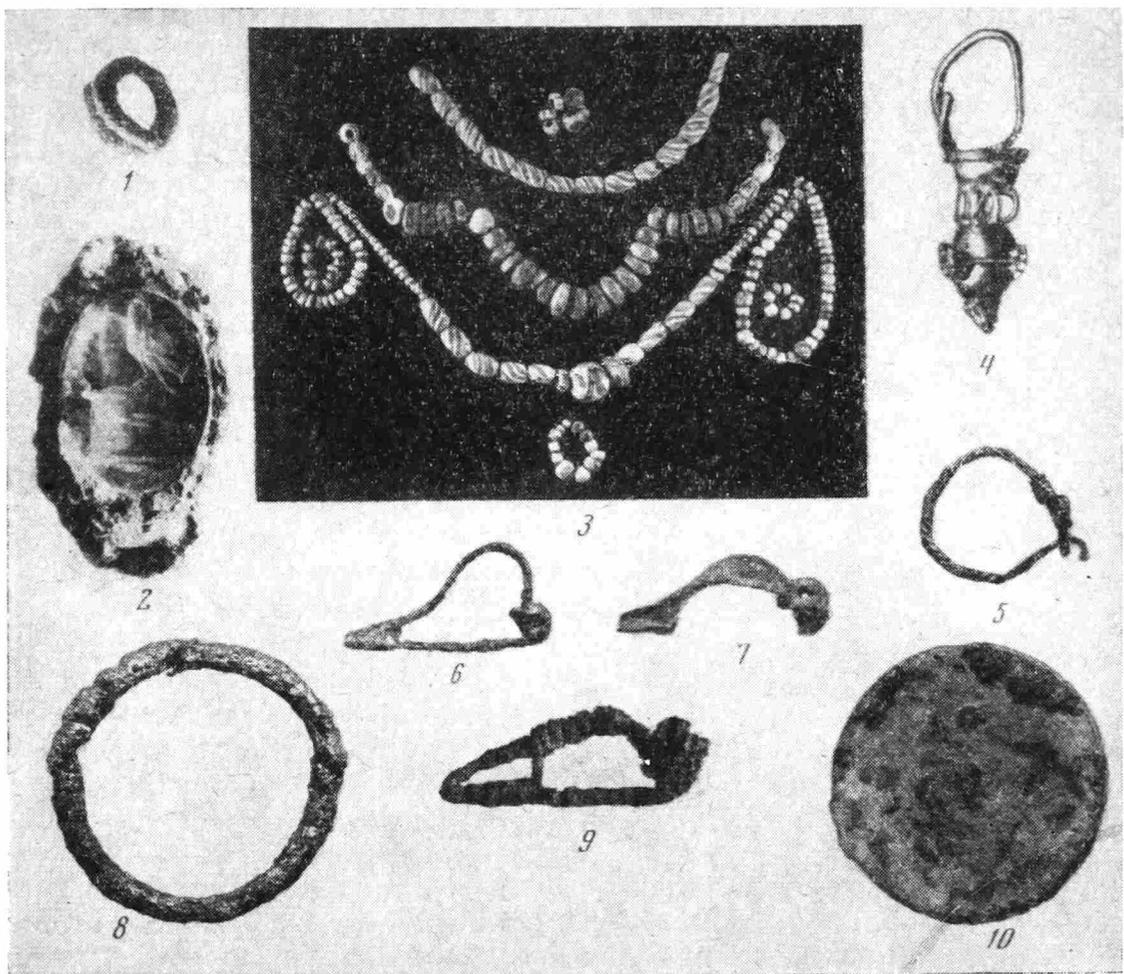

Рис. 7. Украшения

Золотобалковском могильнике имеет отличную от тех и других меридиональную ориентацию.

Наблюдается постепенное изживание некоторых обычаев, свойственных скифскому населению: все реже в могилах встречается напутственная пища; наряду с кровавыми тризнами, возможно под влиянием греческого населения причерноморских городов, совершаются и бескровные жертвоприношения в виде возлияний вина, хотя иногда еще и в сочетании с первыми.

Наряду со скифскими традициями, появляются и черты, свойственные сарматам, захоронения которых начинают встречаться изредка вместе с могилами местных обитателей. С ними можно связать внедрение нового типа погребальных сооружений — нишеобразного подбоя с меридиональной ориентацией и продольной входной ямой с восточной стороны, появившегося на данной территории в I в. и продолжающегося встречаться здесь еще в IV в. (Николаевка). С проникновением в состав населения сарматов связываются и такие черты в погребальном ритуале, как положение обеих рук либо одной правой или левой на животе, скрещение ног в щиколотках или ступнях, заворачивание в луб либо бересту, положение в могилу кусков мела, особенно распространившееся со II в., а также извести и угольков, разбивание зеркал. В погребальном инвентаре появляются такие изделия, как фибулы, небольшие дисковидные и подвесные зеркала, железные черешковые наконечники стрел, колесовидные удила, характерные для сармато-меотских погребений Кубани рубежа нашей эры и др.

Помимо сарматов состав населения нижнеднепровских поселений попол-

Рис. 8. Мраморная голова Геракла
(Золотая Балка)

территорий, частично уже отмеченные выше. Находясь на самом стыке культурных влияний Востока и Запада и поддерживая связи с античным Югом, обитатели нижнеднепровских поселений пользовались в своем быту разными импортными изделиями. На связи с Боспором, Херсонесом, Ольвией и Тирой указывают как отдельные находки на городищах изделий их мастерских, так и некоторые монеты. Наиболее тесные взаимоотношения с самого раннего времени установились у них с Ольвией. Она не только снабжала их продукцией своего производства (краснолаковая, красно- и сероглиняная посуда и некоторые металлические изделия — фибулы, браслеты и др.), но была и главным посредником в их торговле с заморскими античными центрами. В ранний период существования нижнеднепровских поселений, во II—I вв. до н. э., отмечаются связи со средиземноморскими центрами — Косом, Книдом, Родосом (изделия последнего отмечены преимущественно на левом берегу, в Знаменке, которая продолжает поддерживать связи, установленные еще в предшествующие времена), малоазийскими — Пергамом, Самосом, Синопой; в более поздний период, I в. до н. э. и I в. н. э. — с малоазийскими и изредка западсредиземноморскими (Николаевка) и итальянскими центрами (Золотая Балка). Во II—IV вв., в эпоху начинавшегося упадка античных городов, наблюдается уже определенное сокращение античного импорта и изменение направления торговых путей. В связи с появлением на Нижнем Днепре новых пришельцев — носителей черняховской культуры, располагавших свои поселения в соседстве с укрепленными нижнеднепровскими поселениями, появляются новые типы вещей: сероглиняные профилированные сосуды с черной блестящей поверхностью, арбалетные фибулы, костяные гребни, стеклянные кубки (возможно, среднеевропейского производства), фасетированные бусы. В состав импортного инвентаря нижнеднепровских городищ входили, помимо столовой глиняной и стеклянной посуды и амфорной тары, предметы вооружения, принадлежности личного убора и украшения (рис. 7), а также предметы искусства — мраморная скульптура (рис. 8), терракотовые (рис. 9) и пастовые статуэтки, резные геммы (рис. 7, 2).

Общий характер и форма таких изделий, как железные черешко-

нялся и другими этническими элементами, возможно выходцами их ольвийской хоры, быть может спасавшимися от гетского нашествия, всколыхнувшего массы населения в междуречье Днестра — Днепра, после чего скифы снова призывают греков наладить городскую жизнь и торговлю с Ольвией, нарушенную вторжением гетов. Вполне вероятно, что какая-то часть этих выходцев могла обосноваться на поселениях, способствуя внедрению на них некоторых приемов каменного строительства, прямолинейной планировки, усовершенствованию мукомольного дела с применением прямоугольной и круглой формы эллинистического и римского жерновов, а помимо того способствуя развитию товарообмена с Ольвией, что подтверждается всем археологическим материалом, обнаруженным на городищах.

Большой след в материальной культуре населения оставили торговые и культурные связи с причерноморскими городами и обитателями соседних

вые наконечники стрел, мечи с кольцевым навершием, фибулы и определенной формы пряжки, зеркала, браслеты, серьги, перстни, подвески, ожерелья из разнообразных стеклянных и пастовых бус и бус из гешира, янтаря и полудрагоценных камней, свидетельствуют о широком их распространении в самих причерноморских городах и среди населения соседних и глубинных областей, завязавших между собой в это время оживленные взаимоотношения. Все это способствовало постепенному сглаживанию локальных черт и общей нивелировке материальной культуры населения Северного Причерноморья в первые века нашей эры. Эта общая нивелировка культуры, связываемая с приходом сарматов, обычно характеризуется как «сарматизация», что не следует, однако, понимать в смысле этнического определения — она является лишь признаком сарматского времени.

Что касается взаимоотношений обитателей нижнеднепровских поселений с их восточными — сарматскими — и западными — фракийскими — соседями, то они имели попеременно то враждебный, то мирный характер. Это выражалось, с одной стороны, в наложении дани, которую земледельческое население обычно должно было выплачивать кочевникам, а с другой стороны — в установлении посреднических отношений и товарообмена. Следы этих взаимоотношений отмечаются в проникновении городищенских форм лепных сосудов (корчаги с дугообразными налепами, конические сосуды на полом поддоне, служащие крышками, горшки и др.) к сарматскому населению, оставившему Молочанский могильник, а сарматских форм сосудов (кувшины с звериными ручками, курильницы) — на городища.

Взаимоотношения с обитавшими выше по Днепру земледельческими племенами — носителями зарубинецко-корчеватовской культуры — имели, по-видимому, в основном посреднический характер и выражались в установлении товарообмена с причерноморскими городами, откуда шли на север по главным водным путям изделия городского ремесла.

Таким образом, в результате перехода части кочевого населения к оседлой жизни, с каменным домостроительством, новыми формами хозяйства и общественной жизни, применения в ряде отраслей более усовершенствованных орудий труда, развития различных видов ремесленной деятельности, оживленных торговых и культурных связей с населением различных областей, а частично и вследствие проникновения в состав населения новых этнических элементов, на рубеже нашей эры изменяется как самый состав населения, так и весь облик его материальной и духовной культуры. В ней мало-по-малу стираются основные признаки скифской культуры, которые дольше всего сохраняются в погребальном ритуале, и она приобретает синкретический характер, сочетая в себе различные культурные на-

Рис. 9. Терракотовые статуэтки (Золотая Балка)

Рис. 10. Здание типа мегарон (Зслотая Балка)

правления с заметным преобладанием фракийских влияний. Исчезновение признаков скифской культуры, господствующей у кочевого скифского населения Северного Причерноморья в предшествующий период, явилось естественным результатом изменения экономической основы их хозяйства и перехода его к оседлости и земледелию.

В культуре обитателей нижнеднепровских поселений рубежа нашей эры есть много общих черт с культурой населения скифского царства в Крыму, в политической зависимости от которого они находились, хотя в некоторые периоды своей истории они, по-видимому, могли пользоваться и известной автономией. Эти общие черты отмечаются и в самом характере укрепленных поселений, в их оборонительных сооружениях, в зданиях типа мегарона (рис. 10) и приемах домостроительства, а отчасти и в материальной культуре. Однако, несмотря на общие черты, в культуре нижнеднепровских поселений отмечается ряд локальных особенностей. Находясь на периферии скифского царства, население нижнеднепровских поселений в меньшей степени было затронуто эллинизацией, коснувшейся в основном зажиточных слоев. Общая же масса населения отличалась более скромным уровнем жизни и в большей степени сохранила местные черты (особенно в лепной керамике). Но в то же время, несмотря на известную «сарматизацию», в их культуре, по сравнению с населением скифского царства в Крыму, нашли свое более яркое отражение влияния фракийских приднепровских и придунайских стран, взаимоотношения с которыми у населения Нижнего Днепра исторически сложились еще с древнейших времен. Взаимоотношения эти в дальнейшем не прекращались и лишь в различные периоды принимали различные формы, а на рубеже нашей эры проникновением гетов в ближайшие античные города — Тирю и Ольвию — значительно расширились. Результаты этих влияний оставили свои следы в материальной и духовной культуре этих городов и их периферии, где нашли благоприятную почву среди земледельческого населения нижнеднепровских поселений.

Из других особенностей, отличающих культуру нижнеднепровских поселений от культуры поздних скифов в Крыму, отметим наличие среди погребальных сооружений каменных ящиков определенной формы, сужающихся к ногам; меньшее разнообразие типов погребальных сооружений

свидетельствующее о меньшей пестроте населения; выдержанность западной ориентации в камерных погребениях; отсутствие захоронений с большим количеством погребенных; меньшее разнообразие инвентаря (хотя в краснолаковой посуде здесь наблюдаются и довольно изысканные формы уникального характера). Все указанные черты говорят о более провинциальном характере культуры населения нижнеднепровских городищ.

Окончательно прекращают свое существование поселения, расположенные в южной части Нижнего Днепра, одновременно с античными причерноморскими городами и укрепленными поселениями Крыма, примерно в III—IV вв. (Николаевка, Бизюков монастырь, Любимовка), от совместного нашествия гунно-алан.

M. Viazmitina

LA CULTURE DE LA POPULATION DU DNIËPER INFÉRIEUR
APRÈS LA DISLOCATION DE LA SCYTHIE UNIFIÉE

R é s u m é

Aux IV—III ss. avant notre ère, par suite du passage d'une partie des Scythes nomades à l'agriculture, une série de camps saisonniers ou de stations permanentes apparaît sur les deux rives du Dnièper Inférieur et leur population commence à s'occuper de l'agriculture, de l'industrie primitive et de métiers. L'affluence du côté de l'Orient de nouveaux conquérants — Sarmates, la translation de la capitale de Scythie en Crimée, des liaisons économiques et culturelles avec les villes de la Pontide — tout cela amène une série de changements dans le genre de vie et le caractère général de la culture matérielle et spirituelle du peuple scythique. Une assimilation active des vallées fertiles du Dnièper se produit; les stations ouvertes, sans défense, se transforment en villages fortifiés, avec des constructions en pierre. Le rite funéraire subit aussi une série de changements. Les sépultures sous le tumulus sont remplacées par des inhumations en pleine terre on trouve des inhumations dans des niches, des cryptes de famille, le revêtement en pierres au-dessus des tombes, de cistes, des «stèles» tombales. Le régime clanal tend à disparaître, et la famille individuelle se raffermir pour représenter l'unité économique principale. Se trouvant sur l'aboutement des cultures de l'Orient et de l'Occident, la population du Dnièper Inférieur s'imprègne des éléments des cultures grecque, romaine, sarmate, latène, thrace et des civilisations de Zaroubintsy et de Kortchévatoïé, en prenant ainsi un caractère syncrétique.

П. Н. ТРЕТЬЯКОВ
ОБ ИСТОКАХ КУЛЬТУРЫ
РОМЕНСКО-БОРШЕВСКОЙ ДРЕВНЕРУССКОЙ ГРУППИРОВКИ

1

В течение последних десятилетий в Поднепровье и смежных с ним областях были обнаружены и исследованы многочисленные раннесредневековые славянские древности — места поселений и могильники с трупосожжениями. При этом оказалось, что накануне возникновения древнерусского государства, в третьей четверти I тысячелетия, культура восточнославянских, как и западнославянских, племен в разных местностях имела свои локальные особенности. В большинстве случаев, судя по археологическим данным, они были незначительными, отнюдь не затрагивающими основных черт культуры и быта. Их можно назвать «диалектными», не нарушавшими общности раннесредневековой славянской культуры в целом. Тем не менее эти особенности представляют первостепенный интерес. Они раскрывают перед археологией некоторые возможности изучения древних судеб отдельных славянских группировок, их взаимоотношений между собой и с неславянскими соседями, передвижений славянского населения и т. д.

Наиболее существенными были особенности, отличавшие славяно-русские группировки юга, т. е. лесостепи и южных частей лесной зоны Поднепровья и Поднестровья, и лесного севера. Они были следствием не только различной природной среды, обусловившей неодинаковые формы хозяйства и быта, но и того, что на севере славяно-русские группировки сложились при наличии мощного и неоднородного балтийского субстрата. На северных и северо-восточных окраинах, помимо этого, славяне сталкивались с финно-угорскими племенами, совсем чуждыми им по культуре. На юге у славяно-русского населения имелись совсем другие соседи.

Менее заметными были особенности, свойственные населению разных частей славянской лесостепи. Но и здесь археологи отличают волынскую «культуру Корчак» от культуры ранних поднепровских, тясминских и южнобужских поселений. Некоторыми особенностями обладают древности третьей четверти I тысячелетия в Верхнем Поднестровье и поречье Западного Буга. Мне представляется, что особенности культуры этих южных группировок, находящихся в более или менее равноценных природных и исторических условиях, имели глубокие исторические и этногенетические корни. Так, раннесредневековые среднеднепровские (тысминские, южнобужские) славяне, по моему глубокому убеждению, были потомками раннеславянских зарубинецких племен, в первых веках нашей эры обитавших в северных частях Среднего Приднепровья и южной части Верхнего Приднепровья, в частности на Десне¹. «Культура Корчак» имела какую-то

---

¹ П. Н. Третьяков. Финно-угры, балты и славяне на Днестре и Волге. М.—Л., 1966, стр. 190—220, 240—272; его же.— Зарубинецкая культура и поднепровские славяне. СА, 1968, 4.

иную основу, может быть также зарубинецкую, но усложненную некогда милоградским субстратом. В таком роде высказывался по давнему поводу В. П. Петров². По мнению львовских археологов, раннесредневековая славянская культура в области верхнего течения Днестра и Западного Буга сложилась, возможно, на основе своеобразного северо-западного (предположительно славянского) варианта черняховской (я бы сказал, «получерняховской») культуры³. Местные процессы между Днестром и Днестром были усложнены при этом передвижениями славянского населения в античное время на юг, а с появлением аварских племен — и на запад.

Одной из локальных группировок славяно-русского раннесредневекового населения, археологическое изучение которой насчитывает уже около столетия, является роменская или роменско-боршевская, распространенная в Левобережье Среднего и Верхнего Днестра, на Верхней Оке и в верховьях Дона. Когда-то роменские городища рассматривались в нашей литературе как характерные памятники дофеодальной восточнославянской культуры. Их время определялось тогда в широких хронологических рамках — не только концом I тысячелетия, но и третьей четвертью этого тысячелетия — антским периодом. Заслугой И. И. Ляпушкина было определение точной даты этих городищ в области днепровского лесостепного Левобережья. Оказалось, что они относятся здесь к IX—X вв., может быть, — к самому концу VIII в., но никак не к антскому времени. К такому же выводу пришли исследователи группы городищ в области Верхнего Подонья⁴. Иными словами, роменская культура — это левобережная культура периода возникновения древнерусского государства.

Каковы же особенности культуры населения роменских городищ, представленные в археологических материалах? Чем выделяются эти древности среди остатков культуры других группировок древнерусского населения? Только определив эти особенности и проследив их истоки, возможно будет подойти к вопросу о путях формирования древнерусской левобережной раннесредневековой группировки.

В современной археологической литературе термин «роменская» или «роменско-боршевская культура» обычен. В его правомерности никто никогда не сомневался, он воспринимается как нечто само собой разумеющееся. Но вместе с тем в литературе нет четкого определения специфических особенностей роменско-боршевских древностей. Это объясняется, по-видимому, тем, что археологов-славистов до сих пор интересовали не столько специфика роменско-боршевской культуры, сколько те черты, которые неразрывно связывали ее с культурой других областей раннесредневекового славянского мира. Особое внимание этим чертам уделяли и продолжают уделять исследователи, полагающие, что расселение славян и появление их в пределах нашей страны — факт относительно позднего времени, кануна средневековья. Общие черты культуры восточных и других славянских группировок рассматриваются при этом как наследие их непосредственных общеславянских предков.

Крупнейшим специалистом в области роменско-боршевских древностей являлся И. И. Ляпушкин. В своих работах он особо выделял роменскую культуру, определял ее границы, указывая, в частности, что ее западные рубежи в Левобережье проходили по нижнему течению Десны, Сулы и Ворсклы. Он писал, что в Левобережье «за этой линией вплоть до берегов Днестра ясно выраженные поселения роменско-боршевского типа неизвест-

² В. П. Петров. Памятники корчакского типа. МИА, 108, 1963.

³ В. Д. Баран. Черняховская культура в междуречье Верхнего Днестра и Западного Буга в свете новейших исследований. Доклад на совещании по проблемам черняховской культуры. Львов, февраль, 1968.

⁴ И. И. Ляпушкин. О датировке городищ роменско-боршевской культуры. СА, IX, 1947; П. П. Ефименко и П. Н. Третьяков. Древнерусские поселения на Дону. МИА, 8, 1948, стр. 55; А. Н. Москаленко. Городище Титчиха. Воронеж, 1965, стр. 142—151.

ны»⁵. Но в большинстве случаев его интересовало другое, а именно общеславянские элементы роменской культуры. И. И. Ляпушкин писал, что «памятники роменского и близкого им типа... распространены не только в Левобережье, но и в Правобережье, и в бассейне Южного Буга и Днестра и далее на запад и юго-запад за пределами нашей территории — в Чехословакии, Польше, Румынии и Болгарии»⁶. С особенной категоричностью говорилось об этом в статье «К вопросу о культурном единстве славян». Там указывалось, что славянские раннесредневековые древности повсюду — от Поднепровья до Румынии и Чехословакии — «не только близки, но в некоторых случаях просто ничем не отличаются друг от друга», что чешская раннесредневековая керамика (пражского типа) «ничем не отличается от наших памятников», что славянские древности раннего средневековья обнаруживают «поразительное сходство материальной культуры». И. И. Ляпушкин полагал, что днепровское Правобережье было занято славянами в третьей четверти I тысячелетия, а в Левобережье они продвинулись лишь в VIII в.⁷

То, что раннесредневековые славянские древности действительно имеют ряд общих и при этом существенных особенностей — факт бесспорный. Они заметно отличаются от синхронных им германских, лето-литовских (балтийских), салтово-маяцких (принадлежащих разноэтничному населению западной Хазарии) или древностей поволжских финно-угров и т. д.

Но тем не менее заметные локальные особенности, отличающие отдельные группы раннесредневековых славянских древностей, как уже говорилось выше, бесспорно имеются; роменско-боршевская группировка не составляет в этом отношении какого-либо исключения. И не случайно правобережные раннесредневековые древности в археологической литературе роменско-боршевскими никогда не называются. На локальные особенности раннесредневековых древностей пристальное внимание обращают археологи, полагающие, что славянское расселение — это не кратковременный, а весьма продолжительный период, начавшийся еще задолго до раннего средневековья. Восточные славяне, согласно этой точке зрения, прошли в области Поднепровья сложный и длительный путь исторического и этногенетического развития. Их раннесредневековые группировки ведут начало не от общеславянского предка, а от различных древних подразделений славянского мира (пшеворских, зарубинецких, некоторых северных черняховских). Мне представляется, что данная точка зрения находит все больше и больше подтверждений в фактических материалах. Такая картина древних судеб славян является несравнимо более реалистичной и соответствующей нашим общим представлениям об исторической жизни Европы I тысячелетия, чем картина однократного расселения раннесредневековых славян в VI—VII вв. из пределов первичной «родины», где сложились якобы все характерные для раннего средневековья особенности их культуры.

Упорные и многолетние поиски этой мифической «родины», как известно, не привели к каким-либо положительным результатам. Но иначе не могло и быть. Мысль, что славяне вплоть до третьей четверти I тысячелетия не выходили из пределов небольшой территории, которую археологи искали чаще всего в Повисленье, явно противоречит всему тому, что известно о варварском мире Средней и Восточной Европы по историческим и археологическим данным.

Конечно, расселение славян продолжалось, более того — усилилось в третьей четверти I тысячелетия. В это время они значительно расширили

⁵ И. И. Ляпушкин. Днепровское лесостепное Левобережье в эпоху железа. МИА, 104, 1961, стр. 217.

⁶ Там же, стр. 356.

⁷ И. И. Ляпушкин. К вопросу о культурном единстве славян. Сб.: «Исследования по археологии СССР». Л., 1961, стр. 203, 205, 207, 208.

свою территорию на севере, северо-востоке, северо-западе и особенно на юге, заселив обширные области на Балканском полуострове. Но нельзя думать, что плацдармом раннесредневекового расселения была небольшая и при этом безнадежно затерявшаяся сейчас территория. Стать хозяевами чуть ли не половины Европы, занявшими большие пространства в землях балтов, германцев и многоязычного населения Балканского полуострова, заставившими трепетать Византийскую империю, могли лишь многочисленные племена. И это были не просто завоеватели. Они колонизовали занятые ими области и ассимилировали жившее там местное население. Не следует при этом забывать, что уровень культуры славян в целом был не выше, чем у населения занятых ими областей, а на Балканах значительно ниже. В этих условиях ассимиляция славянами местного населения была возможна лишь при наличии их численного превосходства.

Все это говорит о том, что славяне действительно были многочисленными племенами и, конечно, не только в VI—VII вв., в период расселения, но и много раньше. А принимая во внимание уровень их древней культуры, лимитирующий плотность населения, обширной была и их древняя родина. Каждая эпоха, как учит нас демография, имеет свои возможности плотности и роста численности населения, и славяне, конечно, не составляли какого-либо исключения.

Поэтому правы те историки, археологи и лингвисты, которые считают, что область древних славян была весьма значительная европейская территория, включавшая на западе бассейн Верхней Вислы, а может быть, и часть поречья Одера, а на востоке — бассейн Среднего Днестра.

Естественно, что жившие здесь с «незапамятных времен» первобытные славянские племена не могли иметь общей единой культуры. Они не были народом, так как еще не достигли той ступени развития, когда складываются такого рода общности. Подобно культуре кельтов, германцев, балтов и других древних племен, первобытная славянская культура распалась на ряд вариантов, облик которых и их отношение друг к другу не раз менялись, особенно в беспокойные времена I тысячелетия до н. э. и I тысячелетия н. э.

Общие черты в культуре раннесредневековых славян, которые сторонниками «небольшой прародины» рассматриваются в качестве основного доказательства совместной жизни всех славян в пределах небольшой территории вплоть до середины I тысячелетия, доказательством этого отнюдь не являются. Конечно, культура — явление сложное, ее отдельные элементы имеют нередко длительную историю. Отдельные элементы в культуре раннесредневековых славян также являлись древним наследием. Таковы, например, жилища-полуземлянки или обряд трупозожжения. Несмотря на то, что и эти элементы культуры в течение веков так или иначе видоизменялись, изучение их эволюции дает очень много для понимания древних этнических процессов. Но в целом раннесредневековая славянская культура не являлась чем-то древним, традиционным. Прежде всего, она продукт своего времени — результат развития славянских племен в период распада первобытного строя, итог их истории, передвижений, политических и культурных связей в послеримское время, в период «великого переселения народов», к исходу которого славяне заняли одно из центральных мест в исторической жизни Средней, Восточной и Южной Европы.

Поэтому поиски каких-то древних славянских племен с единой культурой — мнимым концентратом и праобразом характерных черт славянской культуры раннего средневековья, поиски небольшой территории этих племен — занятие, по моему убеждению, явно обреченное на неудачу, идущее вразрез нашему пониманию исторического процесса в Европе накануне средневековья.

Обо всем этом мне приходилось писать уже не раз, причем значительно подробнее и обстоятельнее, чем сейчас, с необходимой аргументацией. Но традиционные гипотезы являются, к сожалению, особенно живучими. По-

этому, прежде чем перейти к теме настоящей статьи, я был вынужден еще раз сказать несколько слов по поводу традиционной концепции древней славянской истории, по моему мнению, давно устаревшей.

2

Вернемся к роменско-боршевской культуре, к вопросу о ее «этнографических» особенностях, не свойственных другим группировкам раннесредневековых славян. Такие особенности у «роменцев» действительно имелись, причем в археологических данных они выступают более отчетливо, чем особенности, отличавшие друг от друга различные днепровские правобережные или западные славянские группировки раннего средневековья. Анализ роменских особенностей приводит к выводу, что левобережные «роменцы» VIII—X вв. отнюдь не являлись потомками перешедших через Днепр группировок правобережного славянского населения.

То, что у «роменцев» среднеднепровского Левобережья были распространены укрепленные поселения, расположенные на труднодоступных местах, сравнительно редко встречающиеся в третьей четверти I тысячелетия на Правобережье, «этнографическим» признаком служить не может. Характер поселений в данном случае предопределила, прежде всего, историческая обстановка — соседство с беспокойным миром степей. Северные «роменцы», обитавшие в верховьях Десны или на Верхней Оке, т. е. в отдалении от кочевников, нередко жили в открытых деревнях. В настоящей статье я не буду говорить об особенностях в устройстве жилищ-полуземлянок. Незначительные особенности здесь, по-видимому, имелись. Но они требуют специального изучения, чем сейчас занимается П. А. Раппопорт. Судя по материалам исследованного И. И. Ляпушкиным Новотроицкого городища, известным своеобразием отличался у «роменцев» набор женских украшений, являвшихся в тот период существенным «этнографическим» признаком. Но было бы неосторожным делать какие-либо выводы по материалам одного городища и по тем отдельным находкам украшений, которые были сделаны на некоторых других городищах, подвергшихся раскопкам.

Очень существенным «этнографическим» признаком роменско-боршевской культуры являются детали погребальной обрядности. На левобережье Среднего Днепра погребальные памятники «роменцев» остаются почти неисследованными, если не считать нескольких могильников с сожжениями волынцевского типа. Одни археологи рассматривают их совместно с соответствующими им поселениями в качестве особой группы — волынцевской, другие не отличают волынцевские древности от обычных роменских. К этому спорному вопросу я вернусь в заключение этой статьи. В поречье Десны имеются роменские курганы с деревянными камерами, куда помещались результаты кремации, и деревянными оградками. Такие же курганы характерны для «роменско-боршевцев» Верхнего Подонья. Указание А. Н. Москаленко на наличие в курганных могильниках IX—X вв. в Верхнем Подонье также и других, упрощенных по своему устройству курганов⁸, сути дела не меняет. Столь же характерны курганы с деревянными камерами и оградками для «роменцев» бассейна Верхней Оки. Таким образом, этот признак можно рассматривать как роменскую особенность, хотя и с некоторой оговоркой. Единичные раннесредневековые курганы с остатками деревянных сооружений, известные в других славянских землях, от роменских в деталях отличаются.

Наиболее яркой особенностью культуры «роменцев», представленной на всей их территории и неизвестной за ее пределами, является их специфическая керамика. Она содержит комплекс признаков, отличающих ее от глиняной посуды других раннесредневековых славянских группировок.

⁸ А. Н. Москаленко. О возникновении древнерусских поселений на Дону. «Вопросы истории славян», 2, Воронеж, 1966, стр. 114—145.

А так как эта керамика делалась от руки, в домашних условиях, она является бесспорно полноценным «этнографическим» материалом.

Особенно типичны для роменской культуры высокие горшки с отогнутым наружу венчиком, плечиками, расположенными вверху сосуда, сужающимся конусообразно туловом и относительно узким плоским дном. Высота сосуда превышает его наибольший диаметр. Профиль тулова образуют прямые линии или, что особенно характерно, вогнутые. Выпуклый профиль встречается редко и, по-видимому, в более позднее время или же на поселениях, рано познакомившихся с посудой, сделанной на гончарном круге. Особенно однообразна и характерна посуда данного типа в верхнем течении Десны, Оки и Дона. Но и на левобережье Среднего Днепра этот тип посуды преобладает.

Встречаются иногда сравнительно низкие и широкие сосуды подобного типа. Их будет правильнее отнести к категории мисок. Большинство из них отличается более тщательной обработкой поверхности, что у больших и высоких сосудов встречается сравнительно редко. Обычно высокие сосуды очень грубы, их поверхность неровна и бугриста из-за выступающих зерен примесей к глине. В отличие от сосудов с грубой неровной поверхностью, гладкостенные сосуды являлись, вероятно, столовой посудой.

Другой формой роменской посуды являются горшки с вертикальным цилиндрическим венчиком, обычно более широкие, чем посуда первого типа, и чаще имеющие гладкую поверхность. Такие сосуды также встречаются во всех роменских областях, но сравнительно в небольшом количестве. Это менее характерная форма.

Обе охарактеризованные выше формы сосудов неизвестны ни на днепровских поселениях типа Пеньковка-Волошское, ни в «культуре Корчак» на Волыни. Ближе всего к роменской стоит лепная посуда Каневского поселения. Но она всегда имеет выпуклобокий профиль. Отличается от роменской лепная посуда с Южного Буга и из Поднепровья. Особенно же заметно отличается от нее по форме западнославянская керамика «пращского типа», имеющая яйцевидные очертания. Я не буду описывать здесь формы лепных сосудов из разных старославянских земель, а отошлю читателя к вышедшей в 1966 г. книге академика Я. Айзнера, большой раздел которой посвящен славянской керамике⁹.

Конечно, во всех раннесредневековых славянских областях при желании можно отыскать сосуды, по форме похожие на роменские. Но это будут отдельные, не характерные для этих областей экземпляры, встречающиеся преимущественно среди посуды небольших размеров.

Сделанная от руки раннесредневековая глиняная посуда во всех славянских землях — от Днепра на востоке и до Эльбы на западе — никогда не имела орнаментации. Исключение составляют лишь те случаи, когда «финальная» лепная керамика сосуществовала с ремесленной, сделанной на гончарном круге. В этих случаях на лепной керамике иногда появляется узор, подражающий орнаментации ремесленной кружальной посуды. Все это общеизвестно и не требует аргументации.

Единственным исключением среди славянской лепной керамики в этом отношении является роменско-боршевская. До половины сосудов имеют здесь украшение. Речь идет при этом о чрезвычайно своеобразной типично роменско-боршевской орнаментации, а не о линейно-волнистой орнаментации, подражающей узорам на кружальной посуде, богато представленной, например, на Новотроицком городище¹⁰.

Орнамент на роменско-боршевской посуде располагался по плечикам и наносился зубчатым (гребенчатым) штампом или штампом из «перевитой веревки». Отпечатки штампа, поставленные косо, составляли ряды

⁹ I. Eisner. *Rukovět slovanské archeologie*. Praha, 1966, стр. 137—312.

¹⁰ И. И. Ляпушкин. *Городище Новотроицкое*. МИА, 74, 1958, стр. 36, 37 сл.

(ординарные или двойные), «елочку», зигзаг (ординарный или двойной), а иногда и более сложные геометрические комбинации, напоминающие узоры на посуде эпохи бронзы. Архаичный облик придают роменско-боршевской керамике и отпечатки штампа по краю венчика; нередко венчик украшался отпечатками пальца или защипами. Ряд ямок, нанесенных пальцем, бывает иногда на плечиках сосуда. Не всякий роменский черепок — обломок венчика с отпечатками пальцев или защипами — можно отличить от скифского, хотя их и разделяют без малого полторы тысячи лет!

Если исходить из предположения, что роменцы — это первые славяне на среднеднепровском Левобережье, переселившиеся сюда на исходе третьей четверти I тысячелетия из Правобережья, то необходимо, очевидно, объяснить, почему в их среде распространилась такая своеобразная керамика, изобилующая при этом явно архаическими чертами. Принести ее с собой они не могли, это вполне очевидно. Трудно предположить, что это продукт их творчества, появившийся после переправы на левый берег Днепра. Уж очень не в духе эпохи было бы такое «нововведение». Нельзя также указать в лесостепном Левобережье и на какой-либо субстрат, наследием которого могли бы явиться отличительные черты роменской посуды. Соседей с подобной керамикой здесь тоже не было.

В последние годы стало известно, что в Левобережье роменско-боршевские племена имели предшественников, по-видимому, непосредственных, древности которых, относящиеся к третьей четверти I тысячелетия, раньше ускользали от внимания археологов. Люди, оставившие эти древности, жили в небольших поселках, расположенных по берегам рек, преимущественно на невысоких местах. Жилищами им служили квадратные полуземлянки, размером в среднем 4×4 м, с очагами или печами в правом заднем углу (считая от входа); около жилищ сооружались хозяйственные постройки, в частности ямы-погребки колоколовидной формы. Рядом с поселениями располагались могильники с трупосожжениями, урновые или безурновые. Другими словами, эти древности по всем своим основным признакам входят в круг раннесредневековой славянской культуры. Судя по формам лепной глиняной посуды (нередко ребристым, биконическим), совсем не похожей на роменскую, эта дороменская группировка составляла одно целое со славянским населением третьей четверти I тысячелетия, обитавшим вдоль правого берега Среднего Днепра от Киева до Надпорожья, на Тясмине и на смежных участках поречья Южного Буга. Древности этого рода во множестве выявляются на Десне в нижнем и среднем ее течении; они обнаружены на Сейме, в верховьях Сулы и Псла. Подобные им древности в большом числе известны в могилевском и гомельском Поднепровье, где они впервые были обнаружены еще в начале нашего века (Новобыховский могильник и др.).

В северных частях Верхнего Поднепровья древности третьей четверти I тысячелетия имеют совсем другой облик. По общему мнению, они оставлены восточнобалтийскими племенами¹¹.

Существенно, что никаких предроменских элементов в Левобережной культуре третьей четверти I тысячелетия не обнаружилось. Новые археологические открытия, показавшие, что «роменцы» были отнюдь не первыми славянами на днепровском Левобережье, не внесли, следовательно, ничего нового в решение вопроса о происхождении культуры населения роменско-боршевских городищ. Они лишь окончательно доказали, что

---

¹¹ П. Н. Третьяков. О древнейших русах и их земле. Сб.: «Древняя Русь». М., 1968; его же. Зарубинецкая культура и поднепровские славяне; В. А. Ильинская. Разведка в днепровском Левобережье. Сб.: «Археологические исследования на Украине в 1965—1966 г.». Киев, 1967; Л. Д. Побаль и А. Г. Митрафанаў. Проблема расселения славян на территории Беларуси в I тысячелетия н. э. ВАН БССР, 2, 1966, сер. грамад. н., стр. 50—52.

«этнографические» особенности этого населения не могли быть наследием местного субстрата.

Где же следует искать истоки этих особенностей, где сложилась роменско-боршевская культура?

3

Для меня этот вопрос имеет почти сорокалетнюю давность. Впервые он встал передо мной на рубеже 20-х и 30-х годов, когда я обрабатывал материалы из раскопок П. П. Ефименко на воронежских городищах (Большое и Малое Боршевское и др.) и когда в Верхнем Поволжье начались большие «новостречные» археологические исследования.

В 1933 г. я произвел небольшие раскопки на селище Красный Холм (Попадьинское) выше Ярославля на правом берегу Волги. Селище относится к познедьяковским середины I тысячелетия. Я был поражен тем, что многие сосуды по плечикам имели геометрический орнамент, близко напоминающий роменско-боршевский, хотя формы сосудов в большинстве случаев были иными. В те же годы подобная керамика была обнаружена в верхних слоях других верхневолжских дьяковских городищ — на Ивановском, Пекуновском, на городище у с. Городище около г. Калязина и др. Было отмечено, что ей сопутствуют обломки лощеной черной керамики мощинского (верхнеокского) типа, которая была встречена и на селище Красный Холм. Обломки посуды с узорами, напоминающими роменские, оказались и на некоторых городищах, исследованных еще в начале нашего века, например на Топорке¹². Но нужно отметить, что кроме селища Красный Холм, где такая керамика составляла заметный процент (5—6%), на других синхронных поселениях (городищах) встречались лишь отдельные такие черепки. А на многих городищах их совсем не было найдено. Например, на известном Березняковском городище, раскопанном полностью, откуда происходит свыше тысячи обломков от 100—120 глиняных сосудов, среди них не было ни одного с орнаментом, напоминающим роменский. А это городище расположено на правом берегу Волги всего лишь в нескольких десятках километров от селища Красный Холм, относится примерно к тому же времени и в основном однотипно с ним по находкам. В частности, на Березняковском городище также были найдены обломки нескольких сосудов с черной лощеной поверхностью.

Значительно в большем количестве керамика с орнаментацией, похожей на роменскую, встречена в бассейне Верхней Оки, в частности на городищах поречья Москва-реки. Такие находки были сделаны еще на Дьяковском городище, но осталось неясным, с каким из верхних слоев они связаны и не являются ли они подлинными роменскими. То же самое можно сказать о керамике Синьковского городища и ряда других городищ западной части Волго-Окского междуречья, известных в начале нашего века¹³. Раскопки дореволюционного времени на городищах Верхней Оки также не давали возможности внести ясность в вопрос о керамике, близкой или похожей на роменскую, единично встречающуюся на некоторых городищах.

Исследования последних десятилетий, произведенные на городищах бассейна Москва-реки и Верхней Оки, хотя и не дали исчерпывающий ответ на интересующий нас вопрос, но тем не менее внесли в него значительную ясность. Повсюду на городищах здесь имеются по два основных культурных слоя: верхний древнерусский, начальная хронологическая граница которого относится к XI, может быть иногда к X в., и нижний слой, охва-

¹² П. Н. Третьяков. Работы на строительстве Ярославской гидроэлектростанции. ИГАМИК, 109, 1935, стр. 118, 119; О. Н. Бадер. Древние городища на Верхней Волге. МИА, 13, 1950, стр. 96, 128 и др.; Ю. Г. Гендунев. Городище Топорок Тверской губернии Корчевского уезда. Тр. II Обл. Тверского АС. Тверь, 1906, стр. 267.

¹³ В. И. Сизов. Дьяково городище близ Москвы. Тр. IX АС, II, М., 1897, стр. 258, 262, табл. XXIV; А. А. Спицын. Новые сведения о городищах дьякова типа. ЗОРСА, VII, 1, СПб., 1905, стр. 85—90.

тывающий середину и вторую половину I тысячелетия до н. э. и несколько столетий I тысячелетия н. э. Во всех случаях между древнерусским и нижним слоями имеется хронологический разрыв в несколько столетий, в течение которых эти пункты пустовали. Другими словами, здесь наблюдается в основных чертах точно такая же картина, что и на городищах соседних территорий — поречья Десны, Верхнего Днепра и Волги. И там древние городища, содержащие остатки культуры раннего железного века, в хронологических рамках первой половины I тысячелетия (в одних местах в начале, в других в конце этого периода) повсеместно были оставлены своими обитателями, которые с этого времени стали жить на открытых поселениях, широко раскинувшихся на невысоких, удобных для жизни берегах рек. Причины этого следует искать во внутренних социально-экономических процессах — распаде большесемейных патриархальных общин, поселениями которых служили древние городища.

В древнерусское время многие пустующие городища обрели новых хозяев, они стали местами феодальных усадеб или других укрепленных поселений, от которых остались верхние культурные наслоения.

Такая картина отмечена М. В. Воеводским для поречья Десны, где на многих юхновских городищах после нескольких веков запустения сооружались древнерусские поселения. Так же обстояло дело в Верхнем Поволжье. В Верхнем Поднепровье начиная с первой половины или середины I тысячелетия жизнь на древних городищах также повсеместно прекратилась, но некоторые из них продолжали использоваться как убежища и святилища, пока в древнерусское время они не стали местами феодальных усадеб или центрами возникающих городов¹⁴.

В бассейне Верхней Оки и на Москва-реке древние (дорусские) культурные наслоения городищ распадаются (если отвлечься от деталей и локальных различий) на три основных горизонта. Первый, древнейший, относится к I тысячелетию до н. э. и представлен остатками культуры раннего железного века, близкой культуре древнейших городищ смоленского Поднепровья и среднего течения Западной Двины. В археологической литературе эта культура, принадлежавшая, судя по всему, одной из группировок восточно-балтийских племен, получила наименование днепродвинской. Второй горизонт представлен остатками культуры первых двух-трех веков нашей эры, по всем основным признакам соответствующей позднеюхновской культуре Подесения. Мной было высказано предположение, поддержанное и другими археологами, что на Верхнюю Оку и в западные области Волго-Окского междуречья в это время проникла какая-то часть юхновского (также восточнбалтийского) населения, теснимого с юга раннеславянскими зарубинецкими племенами. На многих верхнеокских городищах юхновский горизонт завершает свиту древних напластований и перекрывается после семисотлетнего перерыва древнерусским культурным слоем.

Но на некоторых древних городищах жизнь не прекращалась, и их наслоения имеют третий горизонт, относящийся к середине I тысячелетия, культура которого носит наименование мощинской по имени известного Мощинского городища. Таковы Огубское городище, Никола-Ленивец, Дешовское и ряд других, жизнь на которых продолжалась вплоть до середины и третьей четверти I тысячелетия.

По всем данным, культура третьего горизонта принадлежала тому же балтийскому населению, которое жило здесь и в начале нашей эры. Но это население к этому времени испытало на себе мощное влияние со стороны продвинувшихся в верховьях Десны, а может быть и еще дальше на север, уже упомянутых выше раннеславянских зарубинецких племен. За-

¹⁴ М. В. Воеводский. Городище Верхней Десны. КСИИМК. XXIV, 1949; П. Н. Третьяков. К истории племен Верхнего Поволжья в I тысячелетии н. э. МИА, 5, 1941, стр. 33, 44, 69, 83—85; П. Н. Третьяков и Е. А. Шмидт. Древние городища Смоленщины. М.—Л., 1963, стр. 41.

рубинецкие истоки ряда элементов в мощинской культуре совершенно очевидны (лощенная керамика, железные изделия и др.). Их признают и те археологи, которые не разделяют мопх взглядов на зарубинецкие племена, например В. В. Седов. При этом зарубинецкое влияние представлено особенно ярко в более южных областях, ближайших к зоне зарубинецких поселений. В более северных областях, скажем на Москва-реке и Волге, зарубинецкое влияние уже почти не прослеживается. Местные городища этого времени мощинскими не называются, но в их культуре исследователями всегда отмечаются отдельные мощинские черты¹⁵.

Генетическая преемственность от верхнеокской культуры первых веков нашей эры, близкой юхновской, до мощинской культуры середины I тысячелетия (в широких рамках) прослеживается по ряду элементов, прежде всего по характеру домостроительства, а также по грубой лепной посуде, составляющей и в мощинское время подавляющее количество керамического материала. Эта керамика нередко бывает орнаментирована в верхней части несложными узорами, продолжающими тысячелетние юхновские традиции. Но в этой орнаментации вместе с тем все большее место начинают занимать геометрические узоры, исполненные гребенчатым (зубчатым) штампом или «перевитой веревочкой», напоминающие роменско-боршевские. Появление таких узоров было зафиксировано еще на Десне — в верхних слоях юхновских городищ¹⁶. На этом основании В. П. Левенком было высказано некогда предположение, что роменская культура сложилась на базе юхновской. Но эта мысль не получила тогда признания, так как между той и другой культурой в бассейне Десны лежал хронологический интервал, протяженностью в три четверти тысячелетия. Но на Верхней Оке и ее притоках, куда зарубинецкие племена в начале нашей эры не проникли, где продолжали жить восточные балты, хотя и подвергавшиеся зарубинецкому влиянию, дело обстояло иначе. Там позднеюхновские элементы получили дальнейшее развитие.

Сошлюсь лишь на упомянутые выше памятники. На городище у дер. Никола-Ленивец на р. Угра, исследованном Т. Н. Никольской, среди керамики верхнего слоя, относящегося к середине I тысячелетия, имеются отдельные обломки сосудов, украшенных зубчатым чеканом или «перевитой веревочкой». На Огубском городище в слое мощинского времени «некоторые обломки сосудов очень близки керамике ранних городищ роменского типа». Причем формы сосудов на обоих городищах также приближаются к роменским. На Дешовском городище этого же времени на грубой лепной керамике среди орнаментов позднеюхновского типа встречаются отпечатки гребенки. Подобные же городища с отдельными роменскими элементами на керамике обнаружены Е. А. Шмидтом в верхнем (смоленском) течении р. Угры¹⁷.

Такие же «предроменские» элементы налицо на керамике Барвихинского городища около Москвы, хотя и здесь они количественно уступают позднеюхновским¹⁸. Больше всего таких элементов обнаружилось на керамике Троицкого городища в верховьях Москва-реки. При том из слоя в слой, от более древних горизонтов к поздним, их число увеличивалось. И. Г. Розенфельдт, изучившая керамику Троицкого городища, говоря

¹⁵ П. Н. Третьяков. Финно-угры, балты и славяне..., стр. 173, 231, 236.

¹⁶ В. П. Левенок. Юхновская культура. СА, 1963, 3, стр. 92 (Таблица характерных признаков керамики разного времени).

¹⁷ Т. Н. Никольская. Городище у дер. Никола Ленивец. СА, 1962, 1, стр. 231, рис. 7, 8; е е же. Огубское городище. КСИИМК XXXVIII, 1951, стр. 103; е е же. К этнической истории бассейна Верхней Оки. КСИА АН СССР, 107, 1966, стр. 12; Е. А. Шмидт. Археологические памятники бассейна р. Угры в пределах Смоленской обл. Сборник научных работ Смоленского краеведческого научно-исслед. института. Смоленск, 1958, стр. 106, 107.

¹⁸ Л. А. Евтюхова. Барвихинское городище. СА, III, 1937, стр. 120; Г. П. Латышева и И. Г. Розенфельдт. Раскопки Барвихинского городища. КСИА АН СССР, 102, 1964, стр. 84—86.

о верхних слоях, указывает, на «наличие узоров, известных по посуде роменского типа и также выполненных отпечатками веревочки, перевитой на палочке». Вместе с тем изменялась и форма сосудов. Появились более отогнутые наружу венчики и выпуклые плечики — элементы, отличающие роменскую керамику от слабопрофилированной посуды древних городищ¹⁹.

Читатель этих строк не может не заметить, что во всех приведенных выше случаях речь идет лишь о керамике с роменско-боршевскими элементами, и не более. Но это и понятно. Все указанные выше городища, как и другие городища мощинского характера, относятся к середине I тысячелетия. Их верхней хронологической границей является, по-видимому, VI в. И. Г. Розенфельдт допускает, что жизнь на Троицком городище продолжалась вплоть до VII в., так как «присутствие на Троицком городище посуды, близкой к роменской... позволяет ставить вопрос о более поздней дате»²⁰. Но это, конечно, не очень серьезное основание для датировки. Судя по многочисленным металлическим изделиям, жизнь на этом городище замерла в VI в.

Таким образом, керамику с развивающимися роменскими элементами, происходящую из городищ бассейна Верхней Оки, и посуду роменско-боршевских городищ отделяют два — два с половиной века. Выше речь уже шла о том, что эти века и у восточных славян, и у балтов представлены не городищами, а селищами, расположенными обычно на невысоких речных берегах. В Среднем Приднепровье — Левобережье и Правобережье — эти селища и сопровождающие их могильники с сожжениями характеризуются всеми признаками, присущими раннесредневековой славянской культуре. Севернее — в смоленском Поднепровье и на Верхней Оке с притоками — они принадлежали восточным балтам, уже в течение полтысячелетия, начиная с зарубинецких времен, находящимися в тесном контакте со славянами, приведшем в конце концов к ассимиляции балтов.

Селища третьей четверти I тысячелетия в бассейне Верхней Оки в настоящее время не только не изучены, но и мало известны, точно так же, как еще совсем недавно они оставались неизвестными в Среднем и Верхнем Поднепровье и поречье Десны. Следовательно, задача, которая здесь решается, — это «задача с одним неизвестным». Но ее положительное решение тем не менее представляется бесспорным, и какого-либо другого решения этой задачи не предвидится. Селища третьей четверти I тысячелетия, несомненно, очень скоро будут обнаружены и в бассейне Оки. Их материалы позволят изучить сложный процесс ассимиляции верхнеокских балтов и смешения их культуры с культурой продвинувшегося сюда славянского населения. Одним из итогов этого и явилось формирование здесь тех особенностей, которые характеризуют роменско-боршевскую группировку — группировку, строго говоря, уже не славянскую, а древнерусскую, поглотившую мощный восточнобалтийский субстрат.

И об этом говорит не только керамика, но и другие элементы культуры. Выше уже были упомянуты своеобразные «семейные» погребальные сооружения — курганы с деревянными «оградами», содержащие внутри ящики-домовины, куда помещались результаты кремаций в глиняных урнах. Еще в 1941 г. мной была высказана мысль, что в пределах западной части Волго-Окского междуречья в начале нашей эры был распространен обряд трупосожжения с последующим помещением результатов кремации в погребальном домике, подобном «домику мертвых», открытому на Березняковском городище, которое, как теперь вполне очевидно, является одним из наиболее восточных памятников середины I тысячелетия с элементами восточнобалтийской культуры. Недавно другой такой «домик», на этот раз полуземляночка с 24 сожжениями, был обнаружен Ю. А. и

¹⁹ И. Г. Розенфельдт. Посуда Троицкого городища. СА, 1965, 1, стр. 191 сл.

²⁰ Там же, стр. 192.

Н. А. Красновыми на позднедьяковском городище около Звенигорода. Последующей ступенью в развитии этого погребального сооружения являются деревянные ящики-домики, скрытые под курганной насыпью, широко распространенные в бассейне Верхней Оки в мощинское время. Два таких кургана открыты на Кветунском могильнике на Десне, относящемся к третьей четверти I тысячелетия, и в некоторых других пунктах в Верхнем Поднепровье. Кольцевые деревянные «ограды», нередко находимые под полами мощинских курганов, очень напоминают «ограды» языческих святилищ Смоленщины, принадлежащих местному восточнобалтийскому населению второй половины I тысячелетия. Наконец, курганы с таким же точно устройством характеризуют роменско-боршевские древности VIII—X вв. как в бассейне Верхней Оки, так и на Верхнем Дону, на Десне и, по-видимому, в отдельных пунктах днепровского лесостепного Левобережья. Именно на этом основании еще 30 лет тому назад я предполагал, что роменско-боршевская культура сформировалась в области бассейна Верхней Оки и по его западной периферии и уже оттуда передвинулась к югу. Тогда же я высказал мысль, что «руководящая форма» средневековой культуры вятичей — их височное кольцо — сложилось на основе синтеза славянских височных колец с височными украшениями, снабженными трапециевидными подвесками, во множестве известными на Смоленщине и, как теперь очевидно, восходящими к балтийским традициям²¹.

В последнее время стала известна еще одна серия археологических материалов, так или иначе свидетельствующих об участии северных элементов в сложении роменско-боршевской древнерусской культуры. Речь идет о керамике из длинных курганов Смоленщины — области, непосредственно примыкающей с запада к верхнеокскому бассейну. Оказалось, что среди глиняной посуды этих курганов имеется такая, которая и по форме, и по орнаментации практически не отличается от роменско-боршевской. Такая посуда найдена во многих могильниках — около дер. Слобода Глушица, у деревень Цурковки, Шугайлова, Дрокова и др.²² Е. А. Шмидт сообщил мне, что в материалах из длинных курганов, исследованных им в последние годы и еще неопубликованных, «роменская» керамика имеется повсюду и что она одинаково характерна как для курганов VIII—IX вв., так и для курганов VII—VIII вв.

Другими словами, на Смоленщине роменско-боршевская керамика появилась на столетие раньше, чем роменско-боршевские городища распространились в области днепровского лесостепного Левобережья.

В заключение — несколько слов об этнической истории днепровского лесостепного Левобережья во второй половине I тысячелетия и о распространении в этой области роменской культуры.

Выше уже шла речь о том, что городищам роменско-боршевского типа в этой области предшествовали остатки более древней славянской культуры. По моему мнению, эта древняя культура принадлежала прямым потомкам раннеславянских зарубинецких племен, живших со второй четверти I тысячелетия по северной черняховской периферии, т. е. в самых северных областях Среднего Поднепровья и южных частях Верхнего Поднепровья — на Гомельщине, Могилевщине и в поречье Десны. В более северных областях Верхнего Поднепровья это население оказалось в тес-

²¹ П. Н. Третьяков. Северные восточнославянские племена. МИА, 5, 1941, стр. 25, 41, 42, 49—53; его же. Финно-угры, балты и славяне..., стр. 236—239, 294—297; Ю. А. и Н. А. Красновы. «Домик мертвых» на городище дьяковского времени. Археологические открытия, 1966, М., 1967, стр. 34—36; Л. В. Артышевская. Могильник раннеславянского времени на р. Десне. МИА, 103, 1963.

²² Е. А. Шмидт. Длинные курганы у дер. Слобода Глушица. В кн. П. Н. Третьяков и Е. А. Шмидт. Древние городища Смоленщины. М.—Л., 1963, стр. 184, 187; его же. Длинные курганы у дер. Цурковки в Смоленском районе. СА, 1958, 3; его же. Археологические памятники второй половины I тысячелетия н. э. на территории Смоленской обл. Материалы по изучению Смоленской обл., V, Смоленск, 1963, стр. 109.

ном контакте с местными восточнобалтийскими племенами, перемешалось с ними, ассимилировало их и в свою очередь заимствовало ряд специфических особенностей их культуры, в частности тех, которые характеризуют роменско-боршевскую древнерусскую группировку.

В послечерняховское время, в период «великого славянского расселения» потомки зарубинецких племен вместе с другими более западными славянскими группировками стали передвигаться к югу. Это было не переселение, а расселение в пределы более плодородных земель. В Среднем Поднепровье славяно-русские группировки заняли лесостепное Левобережье, территорию современной Киевщины, Поросье, бассейн Тясмина, достигли Надпорожья, заняли поречье Южного Буга. На юге они оказались, по-видимому, в рамках аптского объединения.

Спустя некоторое время вслед за ними вдоль днепровского Левобережья стали расселяться к югу и более северные древнерусские группировки, несущие с собой роменско-боршевские особенности. При этом они наслаивались на местное славянское население — те его группировки, которые не приняли участия в движении далеко на юг. В лесостепной полосе Левобережья, куда «роменцы» пришли на рубеже VIII и IX вв., они также наслаивались на своих предшественников и, так как это были родственные племена, вскоре перемешались с ними. Этим и объясняется известная пестрота роменской культуры в лесостепном Левобережье, которая, в частности, породила стремление выделить там наряду с роменской еще и особую волынцевскую культуру. Судя по погребальному обряду (бескурганые могильники с трупосожжением) и наличию в керамическом материале сосудов относительно раннего салтово-маяцкого облика, сделанных на гончарном круге, «волынцевцев» возможно рассматривать как потомков более ранних славянских группировок, в культуре которых роменско-боршевские (в данном случае северянские) элементы сыграли роль мощного суперстрата.

P. N. Trétiakov

SUR LES SOURCES DU GROUPEMENT «ROMENSKO-BORCHEVSKY» DE L'ANCIENNE RUSSIE

Résumé

L'un des groupements locaux de l'ancienne population russe à l'aube du moyen âge était celui du IX—X ss., établi sur la rive gauche du Dniéper; ce groupement a reçu dans la littérature archéologique le nom de «romenskaia» ou «romensko-borchevskaia». La particularité la plus frappante des antiquités de ce groupement est représentée par les tumulus, sous le remblai desquels on trouve des locaux en bois, avec des restes des incinérations et entourés d'enceintes. La poterie «romensko-borchevskaia» est non moins caractéristique, faite à la main et ayant un ornement géométrique peu compliqué. A la lumière des données nouvelles, obtenues en résultat des recherches archéologiques pendant les dernières années, on a pu établir indubitablement que les sources des deux particularités se trouvent au nord, dans la région des hautes Desna et Oka; ces particularités y ont apparu et existé pendant le premier millénaire de notre ère dans le milieu des tribus locales se rapportant à un les groupes des anciens Baltes. Pendant la période du peuplement de la partie nord-est du bassin de Dniéper par les Slaves et l'assimilation par eux de la population locale, ces particularités de la culture locale n'ont pas disparu, mais se sont conservées dans le milieu de l'ancienne Russie comme un héritage du substrat.

Pendant le troisième quart du premier millénaire de notre ère les originaires de la région des hautes Desna et Oka ont occupé la rive gauche du Dniéper Moyen, le haut Don et ont atteint le bassin du Donetz en laissant après eux des antiquités du type romensko-borchevsky.

В. И. ЦАЛКИН

**ФАУНА ИЗ РАСКОПОК
БОРШЕВСКИХ И РОМЕНСКИХ ГОРОДИЩ**

Боршевские и роменские городища (VIII—IX вв.) обычно рассматриваются как древнейшие археологические памятники восточноевропейских славян в Подонье и Днепровском Левобережье. Первые из них расположены в низовьях р. Воронежа и в среднем течении р. Дона, вторые — по всему течению Десны, на Сейме, Суле, Ворскле и Псле. Древние письменные источники не сообщают об этническом характере населения упомянутых городищ. Большинство исследователей считают, что в конце I тысячелетия н. э. по верхнему и среднему течению Дона жили вятичи, среди которых встречались представители мордвы и алан; роменские городища населяли северяне.

Кости животных из раскопок боршевских и роменских городищ исследовались неоднократно, и некоторые данные о них уже публиковались на страницах археологических и биологических изданий. Следует упомянуть весьма содержательную статью В. И. Громовой¹, в которой описаны изученные ею костные остатки домашних и диких животных из раскопок городищ Боршево 1, Боршево 2 и Кузнецова дача, произведенных П. П. Ефименко и П. Н. Третьяковым еще в довоенные годы. Сведения о видовом составе костных остатков из принадлежащего той же группе Архангельского городища и 4 роменских (Макча и Кветунь — на Десне, Липинское и Шуклинское — на Сейме) были приведены нами в работе по домашним животным древней Руси². Аналогичные данные по роменскому городищу Новотроицкое, к сожалению неполные, имеются в монографии И. И. Ляпушкина³. Позднее тот же автор⁴ опубликовал сведения о составе костных остатков из городища роменской культуры Опошня.

В последние годы материал значительно пополнился за счет изучения костных остатков из городища Гочево, городища на р. Супруть и особенно Титчихи, где было найдено множество костей домашних и диких животных и где было определено костей больше, чем из всех остальных боршевских городищ, вместе взятых. Мы располагаем в настоящее время материалами из раскопок 5 боршевских и 8 роменских городищ, насчитывающими около 13 тысяч костей, которые происходят от более чем тысячи отдельных особей. Это дает возможность вернуться на новой и более широкой основе к изучению животноводства и охоты у восточноевропейских племен накануне возникновения древнерусского государства.

---

¹ В. И. Громова. Остатки млекопитающих из раннеславянских городищ вблизи г. Воронежа. МИА, 8, 1948.

² В. И. Цалкин. Материалы для истории скотоводства и охоты в древней Руси. МИА, 53, 1956.

³ И. И. Ляпушкин. Городище Новотроицкое. МИА, 74, 1958.

⁴ И. И. Ляпушкин. Днепровское лесостепное левобережье в эпоху железа. МИА, 104, 1961.

Видовой состав костных остатков животных из раскопок городищ боршевской культуры

Вид	Боршево 1		Боршево 2		Кузнецова дача		Архангельское		Титчиха	
	костей	особей	костей	особей	костей	особей	костей	особей	костей	особей
Крупный рогатый скот	445	13	20	2	172	5	65	27	1029	43
Овца и коза	48	5	1	1	38	5	19	8	155	20
Свинья	433	29	3	2	33	3	10	5	766	45
Лошадь	119	5	2	1	147	4	27	8	304	14
Верблюды	6	3	--	--	--	--	--	--	1	1
Собака	1	1	--	--	1	1	2	2	27	5
Зубр	--	--	--	--	--	--	--	--	16	6
Сайгак	1	1	--	--	--	--	--	--	1	1
Лось	496	16	10	1	30	2	1	1	559	27
Благородный олень	40	3	1	1	30	1	4	3	71	10
Косуля	145	8	1	1	128	11	2	2	99	17
Кабан	445	12	4	1	50	3	1	1	284	26
Медведь	37	5	--	--	6	1	--	--	75	13
Волк	4	1	--	--	1	1	2	1	2	2
Лисица	11	2	--	--	3	2	--	--	23	3
Дикая кошка	--	--	--	--	--	--	--	--	2	1
Барсук	6	3	--	--	--	--	--	--	7	2
Выдра	1	1	--	--	--	--	--	--	5	3
Куница лесная	7	1	--	--	2	1	--	--	4	3
Хорек (вид?)	1	1	--	--	--	--	--	--	1	1
Заяц беляк	12	2	--	--	--	--	--	--	4	2
Бобр	535	51	32	4	12	2	3	2	610	69
Сурок байбак	3	1	--	--	--	--	--	--	6	5
Белка	--	--	--	--	--	--	--	--	1	1
Всего	2846	164	74	14	653	42	136	60	4057	320

Видовой состав костных остатков животных, обнаруженных в культурном слое боршевских и роменских городищ, отличается большим разнообразием. Всего в настоящее время зарегистрировано 26 видов млекопитающих, из которых 7 приходятся на долю домашних и 19 — на долю диких видов (табл. 1 и 2). В перечень видов не включены некоторые мелкие грызуны и насекомоядные, не связанные непосредственно с хозяйственной деятельностью человека. Опущены в табл. 2 также данные о костных остатках из городищ Макча и Кветунь, поскольку из этих памятников в нашем распоряжении имелись лишь единичные находки.

Обратимся теперь к повидовому обзору животных.

Крупный рогатый скот

Кости крупного рогатого скота встречены в культурном слое всех боршевских и роменских городищ. Как обычно, среди них попадаются кости животных различного возраста. Ряд данных указывает, однако, на обилие и даже преобладание остатков молодых особей в городище Титчиха, например. На основании изучения состояния системы коренных зубов и процессов синостозирования эпифизов костей конечностей установлено, что весьма значительная часть особей крупного рогатого скота, найденных в упомянутом городище была использована в пищу в возрасте до 3 лет. Отмеченное обстоятельство ясно отличает городище Титчиху от более

Таблица 2

Видовой состав костных остатков животных из раскопок городищ роменской культуры

Вид	Гочево		Липинское		Шуклинское		Опошня		У с. Супруть		Новотроицкое *	
	костей	особей	костей	особей	костей	особей	костей	особей	костей	особей	костей	особей
Крупный рогатый скот	295	15	420	32	176	25	100	10	395	14	+	+
Овца и коза	54	5	77	17	25	9	21	3	45	7	+	+
Свинья	212	19	403	47	96	25	42	7	60	6	+	+
Лошадь	80	4	348	17	220	25	5	2	05	16	+	+
Собака	17	3	29	10	5	3	--	--	--	--	+	+
Лось	137	10	58	8	62	14	13	3	16	3	9	3
Благородный олень	--	--	--	--	--	--	3	2	9	2	39	16
Северный олень	--	--	4	2	--	--	--	--	--	--	--	--
Косуля	572	46	397	45	80	22	26	5	16	6	128	38
Кабан	65	9	12	4	40	12	3	2	1	1	251	65
Медведь	15	2	15	5	18	7	7	3	8	4	1	1
Волк	--	--	--	--	--	--	--	--	1	1	1	1
Лисица	--	--	1	1	--	--	4	3	--	--	11	6
Барсук	--	--	2	1	2	1	--	--	--	--	--	--
Выдра	13	3	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--
Кунница лесная	--	--	7	3	2	1	2	1	--	--	10	9
Зяец беляк	--	--	1	1	29	2	11	4	--	--	5	4
Бобр	98	12	34	6	24	10	5	1	4	4	55	33
Сурок байбак	--	--	1	1	--	--	--	--	--	--	--	--
Всего	1559	128	1810	201	779	156	242	46	760	64	--	--

* Точных данных о количестве костей и особей домашних животных не опубликовано.

поздних памятников восточноевропейских славян, где резко преобладают кости уже вполне взрослых животных, завершивших развитие скелета.

Для краниологической структуры крупного рогатого скота данных довольно мало. Еще В. И. Громова⁵ отметила, что в боршевских городищах встречается сравнительно мелкий и короткорогий скот, «какой характерен для нашего лесного севера». Вместе с тем она указывает на присутствие гораздо более крупных экземпляров, хотя и не достигающих размеров, наблюдающихся у серого степного скота или самых крупных быков трипольской культуры. Явление подобного же рода было обнаружено нами при изучении материалов, находившихся в нашем распоряжении из раскопок как боршевских, так и роменских городищ.

Обращает на себя внимание малочисленность найденных в рассматриваемых памятниках костных стержней рогов. Из раскопок городища Титчиha, откуда были получены более тысячи костей, стержни рогов составляют всего лишь 0,2%, и таким же примерно процентом представлены они в городищах у р. Супруть. В Липинском городище их 0,5% и только в Шуклинском, где найдено лишь 176 костей крупного рогатого скота, — 1,1%. Столь низкие цифры очень редко встречаются при изучении костных остатков скота из раскопок славянских памятников, но они весьма обычны для лесостепных городищ раннего железного века⁶. Можно предполагать, что среди скота, разводившегося племенами боршевцев и роменцев, более или менее широкое распространение имели комолые животные, как это наблюдается в популяциях скота степной и лесостепной полосы Восточной Европы в раннем железном веке.

⁵ В. И. Громова. Ук. соч., стр. 119.

⁶ В. И. Цалкин. Древнее животноводство племен Восточной Европы и Средней Азии. МИА, 135, 1966.

Изучение абсолютных размеров костей крупного рогатого скота из памятников боршевской культуры, с одной стороны, и роменской — с другой, не обнаруживают каких-либо существенных различий. Это позволяет рассматривать в дальнейшем скот боршевцев и роменцев как единую группу древнего скота. Но сравнивая между собой размеры костей боршевско-роменского скота с размерами одноименных костей скота из раскопок славянских памятников лесной полосы Восточной Европы и из городищ раннего железного века на территории северной лесостепи, мы получаем весьма показательные результаты. Оказывается, что среди костей боршевско-роменского скота не встречено очень мелких экземпляров, вполне обычных в культурном слое древнерусских памятников. Вместе с тем попадаются крупные кости, превосходящие по размерам одноименные костные остатки на славянских памятниках. Как верхние, так и нижние пределы изменчивости абсолютных размеров костей крупного рогатого скота оказываются в роменско-боршевских городищах более высокими, чем в славянских памятниках. Соответственно этому более высоки и средние арифметические значения всех рассмотренных признаков скелета. Различия по всем рассмотренным признакам статистически достоверны, и мы можем констатировать, что роменско-боршевский скот отличается от лесного древнерусского скота более крупными размерами костей. В то же время размеры костей боршевско-роменского скота и скота из раскопок городищ раннего железного века весьма близки между собой, и статистические различия между ними отсутствуют.

Имеющиеся серви метаподий позволяют восстановить рост в холке у скота, разводившегося жителями боршевских и роменских городищ. Варьируя в довольно значительных пределах, рост в холке должен был составлять в среднем около 113 см. Интересно сопоставить эту цифру с аналогичными данными по другим группам древнего скота:

боршевско-роменский	112,95 ± 1,00
раннего железного века	112,30 ± 0,80
в лесостепной полосе	
древнерусский	106,30 ± 0,16

Не трудно заметить, что роменско-боршевский скот сильно отличается от древнерусского и практически не отличается от скота раннего железного века.

Для установления структуры стада скота у боршевцев и роменцев данных пока еще мало. Поскольку о ней можно судить на основании имеющегося у нас материала, она характеризуется следующими соотношениями:

коровы	79
быки	16
волы	5
	<hr/>
	100%

Как всегда, численно преобладают коровы. Но обращает на себя внимание относительная многочисленность быков и лишь незначительное количество волов.

Мелкий рогатый скот

Подобно крупному рогатому скоту, овцы и козы представлены костными остатками в культурном слое всех изученных городищ; исключение составляют только Макча и Кветунь, из раскопок которых костей вообще очень мало. Большая часть остатков происходит от молодых животных, имеет плохую сохранность и дает мало возможностей для остеометрической характеристики овец и коз.

Козы из боршевских и роменских городищ не отличались, видимо, сколько-нибудь существенно от большинства других древних домашних

коз Восточной Европы. Единственный метаподий овец, найденный на городище Титчиха, отличается крупными размерами, которые вполне обычны у лесостепных овец раннего железного века, но крайне редки среди древнерусских.

Свинья

Найдена во всех городищах, кроме Макчи, и во многих весьма многочисленна. В большинстве случаев представлена костями молодых животных. Всего лишь около $\frac{1}{3}$ общего количества свиной были использованы в пищу в возрасте старше 1,5—2 лет, остальные же — в более раннем возрасте.

Почти по всем изученным остеологическим признакам домашние свиньи роменцев и боршевцев несколько уступают лесостепным свиньям раннего железного века, но превосходят животных из раскопок древнерусских памятников.

Лошадь

Представлена костными остатками во всех боршевских и роменских городищах. Она превосходит в этом отношении мелкий рогатый скот, уступая, однако, крупному рогатому скоту и свинье, хотя в некоторых городищах по количеству найденных костей занимает второе (Кузнецова дача) или даже первое место (Шуклинское).

Обращает внимание малочисленность костей молодых животных. Характер разрушения костей не оставляет сомнения, что население городищ использовало в пищу конину, но для этой цели служили почти исключительно взрослые особи.

Изучение сохранившихся длинных трубчатых костей конечностей устанавливает, что боршевские и роменские лошади имели довольно плотное телосложение. Крайне тонконогих и тонконогих животных среди них не обнаружено совершенно, основная масса рассматриваемых лошадей принадлежала к полутонконогим и средненогим.

Высота в холке у боршевских и роменских лошадей варьировала преимущественно в пределах 128—144 см, составляя в среднем 135 см. Подобные размеры вообще очень характерны для многих субфоссильных лошадей Восточной Европы, в том числе и древнерусских, и степных, и лесостепных лошадей раннего железного века. Только лесные лошади раннего железного века выделяются на общем фоне своими особенно мелкими размерами⁷.

Двугорбый верблюд

Остатки этого вида были найдены только на городищах Боршево 1 и Титчиха, из раскопок которых было получено наибольшее количество костей животных. Таким образом, населению боршевских городищ верблюд уже был известен. Но столь же несомненно, что в этих местах он был очень редок и сколько-нибудь значительной роли в местном животноводстве не играл. Обнаружение верблюда в двух упомянутых городищах свидетельствует лишь о связях боршевцев с более южными степными племенами. В роменских городищах верблюд не найден вообще.

Собака

В. И. Громова обратила внимание на почти полное отсутствие костей собак в материалах из раскопок боршевских городищ. Это обстоятельство послужило основой для несколько поспешного заключения, что боршевцы

⁷ В. И. Цалкин. Материалы для истории скотоводства и охоты...; его же. Домашние и дикие животные Северного Причерноморья в эпоху раннего железа. МИА, 53, 1960; его же. Животноводство и охота в лесной полосе Восточной Европы в раннем железном веке. МИА, 107, 1962.

собакой для охотничьих целей не пользовались и что она вообще не играла какой-либо роли в жизни населения городищ. По-видимому, В. И. Громова столкнулась с чисто случайным явлением, потому что в исследованных нами остатках из раскопок таких боршевских городищ, как Архангельское и особенно Титчиха, не говоря уже о роменских, кости собак вполне обычны.

Т а б л и ц а 3

Соотношения между домашними и дикими животными в костных остатках из раскопок боршевских и роменских городищ

Городища	Всего		В том числе особей, %	
	костей	особей	домашних	диких
Боршево 1	2846	164	34,1	65,9
Боршево 2	74	14	42,9	57,1
Кузнецова дача	653	42	42,9	57,1
Архангельское	136	60	83,3	16,7
Титчиха	4055	319	58,4	41,6
Всего по боршевским городищам	7764	599	43,0	57,0
Липинское	1810	201	61,2	38,8
Гочево	1559	128	35,2	64,8
Шуклинское	779	156	55,8	44,2
Макча	6	3	100,0	—
Кветунь	14	7	71,4	28,6
У с. Супруть	760	64	67,2	32,8
Опошня	248	46	47,8	52,2
Новотроицкое	—	—	≈ 60,0	≈ 40,0
Всего по роменским городищам	5176	605	54,4	45,6
По боршевским и роменским городищам вместе	12 940	1204	48,7	51,3

Анализируя состав костных остатков животных, найденных в культурных слоях боршевских и роменских городищ, мы обращаем внимание, прежде всего, на удивительное обилие в них костей диких животных (табл. 3). В городище Титчиха, например, давшем наибольшее количество костных остатков, дикие животные составляют 41,6% общего количества особей, и еще более высоким процентом представлены они в других боршевских памятниках, а в городище Боршево 1 образуют почти $\frac{2}{3}$ всего обнаруженного поголовья. Только в Архангельском городище, по причине общей малочисленности исследованного материала нерепрезентативном, диких животных относительно мало. В среднем по всем 5 боршевским городищам дикие животные составляют 57% общего количества особей, превосходя в этом отношении домашних животных.

Среди роменских городищ особо выделяется многочисленностью остатков диких животных Гочево, в указанном смысле напоминающее городище Боршево 1. Много диких животных было обнаружено и в остатках из раскопок городища Опошня⁸. В обоих этих памятниках дикие животные по количеству превышают домашних. Заметно ниже процент их в Липинском

⁸ И. И. Ляпушкин. Днепровское лесостепное левобережье.

и Шуклинском городищах, где они составляют 38,8—44,2% общего количества особей. Как сообщает И. И. Ляпушкин⁹, такой же примерно результат дало изучение костей, собранных на Новотроицком городище. Около 1/3 общего количества особей составляют дикие животные и в городище у с. Супруть. Данные по городищам Макча и Кветунь не имеют самостоятельного значения, поскольку полученный из их раскопок материал совершенно ничтожен. В среднем по 8 изученным городищам на долю диких животных приходится 45,6% общего количества особей.

По-видимому, диких животных в остатках из раскопок роменских городищ относительно меньше, чем в боршевских. Несомненно, однако, что в обеих группах рассматриваемых памятников они приближаются по количеству особей к домашним животным, а иногда и значительно преобладают над ними. Явления подобного рода в памятниках древней Руси встречаются крайне редко. Хотя костные остатки из раскопок древнерусских памятников изучались в очень широких масштабах и о составе их накоплено в настоящее время уже много данных, можно указать всего лишь несколько из них, в которых дикие животные представлены столь же высоким процентом особей, как в боршевских и роменских городищах. Так, например, в остатках из раскопок древнего Гродно¹⁰ диких животных оказалось в среднем почти 55% общего количества особей, причем по отдельным слоям памятника цифры колеблются от 48,3 до 59,8%. Сходная картина обнаружена В. В. Щегловой и Я. Г. Зверуго¹¹ в древнем Волковыске, в культурном слое которого дикие животные составляют в среднем 52,1% общего количества особей. Очень много диких животных было найдено нами в остатках из раскопок феодального замка Любеч (59,0% особей). Можно привести также упоминаемые И. Г. Пидопличко¹² такие славянские городища на Украине, как Карачевское и Петровское: в весьма немногочисленных материалах из раскопок этих городищ дикие животные составляют соответственно 55,4 и 53,4% общего количества особей.

Вот в сущности все известные в настоящее время археологические памятники восточных славян, в культурных слоях которых дикие животные превосходят домашних по количеству особей или представлены близким процентом. Во всех остальных количество диких животных невелико и не превышает обычно 10—15% особей. В памятниках северо-западных славян (кривичей), например, датируемых второй половиной I тысячелетия н. э., диких животных в среднем 14,3% общего количества особей, т. е. приблизительно в 3—4 раза меньше, чем в боршевских и роменских городищах. Мы не говорим уже о городах древней Руси, где остатков диких животных часто ничтожно мало.

Таким образом, если среди археологических памятников древних славян встречаются отдельные городища, которые богаты остатками диких животных, то они представляют редкое исключение. И наоборот, боршевские и роменские городища характеризуются именно обилием в их культурном слое остатков диких животных; исключения из этого правила редки и вызваны, видимо, просто недостаточностью исследованного материала. В этом проявляется одно из резких типологических различий между двумя рассматриваемыми комплексами археологических памятников.

Приведем теперь данные о количестве остатков диких животных в памятниках различных археологических культур раннего железного века, выраженном в процентах от общего количества особей:

⁹ И. И. Ляпушкин. Городище Новотроицкое.

¹⁰ В. И. Цалкин. Фауна из раскопок в Гродно. Приложение к книге Н. Н. Воронина. Древнее Гродно. МИА, 41, 1954.

¹¹ В. В. Щеглова и Я. Г. Зверуго. Фауна древнего Волковыска. Белорусские древности. Минск, 1967.

¹² И. Г. Пидопличко. Матеріали до вивчення минулих фаун УРСР. I, Київ, 1938; 2, Київ, 1956.

ветлужские городища	63,7	милоградские городища	13,7
ананьинские городища	52,4	городища скифского времени в Молдавии	13,3
зарубинецкие городища	47,6	городища скифского времени на Западной Украине	12,7
верхнеокские городища	41,6	городища скифского времени на Среднем Дону	12,5
городища в северной лесостепи юхновские городища	39,0	городища скифского времени на Северном Донце	12,0
скифские городища на Нижнем Днепре	20,6		
дьяковские городища	20,5		
городища скифского времени на Сейме, Суле и Псле	18,4		

Мы не упоминаем здесь о многих других группах археологических памятников Восточной Европы скифского и черняховского времени, поскольку они вообще очень бедны остатками диких животных и приводить их для сравнения в данном случае просто нет необходимости.

Рассматривая приведенные выше цифры, легко заметить, что примерно столь же высоким, как в роменских и боршевских городищах, процент диких животных в костных остатках характеризуются лишь сравнительно немногие памятники даже раннего железного века. Это либо городища лесных культур (ветлужские, ананьинские, зарубинецкие, верхнеокские), либо городища, расположенные в северных районах лесостепной полосы. Заслуживает внимания, что в городищах скифского времени на Среднем Дону, существовавших примерно за тысячу лет до появления на той же территории боршевских городищ, диких животных довольно мало и процент особей их в остатках в 4—5 раз меньше.

Все это свидетельствует о значительном своеобразии боршевских и роменских городищ, занимающих по составу костных остатков совершенно особое место среди памятников восточноевропейских славян и сближающихся в указанном отношении с городищами лесных культур раннего железного века. Нет сомнения, что в хозяйственной жизни боршевцев и роменцев охота играла выдающуюся роль, но более детальное представление о ней дает анализ состава охотничьей добычи.

В культурном слое упомянутых городищ обнаружено по крайней мере 19 видов диких млекопитающих, бывших для местного населения объектами охоты. Одни из них встречаются редко, так что мы располагаем лишь единичными находками их; другие, наоборот, отмечены во всех памятниках, из раскопок которых имеется сколько-нибудь значительное количество костных остатков. К этим последним принадлежит довольно ограниченный комплекс, всего 6—7 видов. Из копытных к ним относятся лось, косуля и кабан, отчасти благородный олень; из хищных — медведь; из грызунов — бобр. На долю этих немногих видов приходится от 80 до 93% особей диких животных, найденных в костных остатках, так что именно они и составляли основной контингент охотничьей добычи жителей боршевских и роменских городищ.

В охотничьей добыче роменцев явно преобладали копытные (почти 70% в Новотроицком городище, на Псле, и даже 75,7% в городищах на Сейме). Только в таких городищах, как Опошня, и у с. Супругь копытных животных несколько меньше (50—57% особей). Добывались копытные, как известно, главным образом ради мяса и примерно только $\frac{1}{4}$ — $\frac{1}{3}$ часть добытых роменцами животных могла быть источником пушнины. Совершенно иное положение наблюдается в боршевских городищах, где копытные составляют всего около 45% и основная масса добычи приходится на долю пушных зверей, прежде всего бобра.

Если охота на диких копытных дает продукцию, предназначенную почти исключительно для местного употребления, то пушнина могла служить и для обмена с соседними племенами. Сильное развитие охоты у населения боршевских и роменских городищ и преобладание в охотничьей добыче боршевцев пушных зверей (главным образом бобра) дает основание предполагать, что пушнина была у них важным источником обмена. Это обсто-

Соотношения между видами сельскохозяйственных животных по количеству особей в костных остатках из раскопок боршевских и роменских городищ

Городища	Всего		В том числе особей, %			
	костей	особей	крупного рогатого скота	мелкого рогатого скота	свиней	лошадей
Боршево 1	1045	52	25,0	9,6	55,8	9,6
Боршево 2	26	6	33,3	16,7	33,3	16,7
Кузнецова дача	390	17	29,4	29,4	17,7	23,5
Архангельское	121	48	56,2	16,7	10,4	16,7
Титчиха	2254	122	35,2	16,4	36,9	11,5
Всего по боршевским городищам	3836	245	36,7	15,9	34,3	13,1
Липинское	1248	113	23,3	15,1	41,5	15,1
Гочево	641	43	35,0	11,5	44,2	9,3
Шуклинское	517	84	29,8	10,7	29,8	29,7
Макча	6	3	65,7	--	--	33,3
Кветунь	10	4	50,0	--	25,0	25,0
Опошня	168	22	45,5	13,6	31,8	9,1
Новотроицкое	--	--	43,1	19,4	26,8	10,7
Петровское	--	--	41,0	21,0	26,0	12,0
Всего по роменским городищам	2590	269	31,9	12,7	30,8	18,6
По боршевским и роменским городищам вместе	6426	514	34,3	14,2	35,6	15,9

ательство еще более подчеркивает значение охоты в экономической жизни рассматриваемых племен и дает основание видеть в ней одну из важнейших областей их хозяйственной деятельности.

Нам предстоит теперь обратиться к анализу количественных соотношений между видами сельскохозяйственных животных, поскольку они открывают возможность не только характеризовать роль отдельных видов в мясном питании населения, но и получить известное представление о структуре стада.

Сравнивая данные по боршевским городищам (табл. 4), легко убедиться, насколько сильно колеблется процент особей одного и того же вида в остатках из раскопок отдельных памятников. Крайнее место среди них занимает городище Боршево 1, в котором наблюдается наибольший процент свиней и минимальный процент крупного рогатого скота, мелкого рогатого скота и лошадей. В Архангельском городище процент свиней в сравнении с городищем Боршево 1 снижается в 5 раз, а процент крупного рогатого скота возрастает в 2 раза. В городище Кузнецова дача мелкого рогатого скота и лошадей примерно в 3 раза больше, чем в первом Боршевском. Возможно, конечно, что упомянутые различия отражают в какой-то мере локальные особенности хозяйства, но не менее вероятно, что они представляют собой случайное явление обусловленное ограниченностью исследованного материала. Методически правильнее, по-видимому, пользоваться для характеристики хозяйства боршевцев средними данными по всем пяти городищам, устраняя тем самым влияние чисто случайных сочетаний. То же надо сказать и о роменских городищах.

Сравнивая между собой данные, полученные для всей совокупности изученных костных остатков из боршевских городищ, с одной стороны, и

роменских — с другой, можно констатировать, что в количественных соотношениях между видами сельскохозяйственных животных в обоих случаях наблюдается много общего. Наиболее многочисленные виды — это крупный рогатый скот и свинья, на долю которых приходится приблизительно по $\frac{1}{3}$ общего количества особей; остальную треть образуют мелкий рогатый скот и лошадь. Различия между обеими группами городищ в интересующем нас отношении невелики и сводятся по существу только к тому, что у боршевцев несколько выше процент крупного и мелкого рогатого скота, а у роменцев — свиней и лошадей.

Т а б л и ц а 5

Соотношения между видами сельскохозяйственных животных в костных остатках из раскопок памятников различных археологических культур Восточной Европы

Культура	Всего особей	В том числе, %			
		крупного рогатого скота	мелкого рогатого скота	свиней	лошадей
Боршевские городища	245	36,7	15,9	34,3	13,1
Роменские городища	269	31,9	12,7	36,8	18,6
Северо-западные поселения Восточных славян (кривичей)	1240	34,6	16,8	40,9	7,7
Дьяковские городища	1729	21,7	11,5	45,9	20,9
Верхнеокские городища	301	26,2	20,9	24,9	28,6
Городища раннего железного века в северной лесостепи	340	35,9	10,9	22,1	31,1
Городища раннего железного века на Среднем Дону	271	35,4	18,8	17,8	28,0

Много общего в рассматриваемых соотношениях обнаруживается между боршевско-роменскими городищами и северо-западными поселениями восточноевропейских славян (кривичей). Наиболее заметное различие между ними заключается, пожалуй, в том, что процент лошадей в костных остатках у боршевцев и роменцев приблизительно в 2—2 $\frac{1}{2}$ раза выше, чем в поселениях кривичей (табл. 5).

Обилие остатков лошадей в культурном слое, как правило, совершенно не свойственно древнерусским археологическим памятникам. Среди них известны, конечно, отдельные городища, в которых процент лошадей довольно велик и выражается теми же цифрами, что в боршевских и роменских памятниках. Но подобные городища редки, представляют собой исключение, отчетливо выделяясь на общем фоне археологических памятников древней Руси. Вряд ли можно сомневаться, что в мясном питании боршевцев и тем более роменцев лошади принадлежало гораздо более важное место, чем у населения городов и городищ древней Руси. Различия по этому признаку между боршевско-роменскими и древнерусскими памятниками выражены совершенно отчетливо. Поэтому утверждение П. П. Ефименко и П. Н. Третьякова¹³, что у боршевцев «лошадь почти уже не употреблялась в пищу», лишено объективных оснований. В связи с этим можно напомнить, что в остатках из раскопок городищ Боршево 2 и Кузнецова дача, которые были проведены упомянутыми исследователями, лошадь достигает 16,7 и даже 23,5% общего количества особей сельскохозяйственных животных. В среднем по роменским городищам мы констатируем тот же приблизительно процент лошадей, что в городищах дьяковской культуры (табл. 5). Если учесть, что в сравнении с дьяковскими боршевские и роменские лошади крупнее, то это еще более подчеркивает значение их в питании населения. И. И. Ляпушкин¹⁴, отмечая, что все кости лошади, найденные на Новотроицком городище, принадлежали только взрослым

¹³ П. П. Ефименко и П. Н. Третьяков. Русское население на Дону в VIII—X вв. МИА, 8, 1948.

животным, видит в ней в первую очередь тягловое животное, использующееся в пищу только при голоде или когда оно уже становилось непригодным для работы.

Как полагают в настоящее время археологи¹⁵, основу хозяйства у роменцев и боршевцев составляло пашенное земледелие, и, следовательно, потребность в рабочих животных была достаточно велика. Вполне вероятно, что лошадь предназначалась в основном именно для работы, на что указывают и некоторые письменные источники. Однако вряд ли использование ее в пищу имело только эпизодический характер, как это представляется И. И. Ляпушкину; можно думать, что оно было и более регулярным, и более широким, на что указывает относительно высокий процент лошади в костных остатках.

По соотношению между видами сельскохозяйственных животных боршевские и роменские городища хорошо отличаются и от памятников раннего железного века. В городищах дьковской культуры мы встречаемся со значительно меньшим процентом крупного рогатого скота и высокой численностью свиней, значительно превосходящих в этом отношении все другие виды. Верхнеокские городища, как и городища в северных районах лесостепи и в Среднем Подонье, выделяются весьма незначительным процентом свиноводства и очень высоким процентом лошадей.

Подводя итоги исследования костных остатков животных из раскопок боршевских и роменских городищ, следует констатировать весьма существенные отличия их в ряде отношений от памятников восточноевропейских славян. Различия эти проявляются в физическом облике домашних животных (более крупные размеры крупного рогатого скота, овец, свиней, массивность скелета лошадей), в значительном обилии остатков диких млекопитающих, свидетельствующем об очень высоком значении охоты, наконец, в многочисленности остатков лошадей, указывающей на несвойственное восточноевропейским славянам широкое использование этих животных в пищу.

Отмечая своеобразие древнерусских памятников конца I тысячелетия н. э., П. Н. Третьяков писал: «Если сравнить археологические памятники IX—X столетий с русскими древностями последующего времени, то различие между ними будет настолько значительным, так мало общего будет между теми и другими, что неизбежно встает вопрос: действительно ли принадлежат эти памятники одному и тому же населению»¹⁶. Результаты произведенного нами исследования полностью подтверждают обоснованность этого скептического обобщения.

V. J. Tsalkine

L'ETUDE DES OSSEMENTS

Résumé

L'étude des restes des ossements d'animaux dans les fouilles des camps près de Borchévo et de Romny (VIII—IX ss. de notre ère) établit sept espèces de mammifères domestiques et dix-neuf espèces de carnassiers (tabl. 1 et 2). La chasse jouait un très grand rôle dans la vie économique de la population des camps: les ossements nous montrent que la quantité des carnassiers surpasse souvent celle des animaux domestiques (tabl. 3). Parmi ces derniers, le gros bétail et les cochons prédominaient; la chair de cheval était utilisée comme nourriture dans une quantité considérable; les brebis et les chèvres étaient peu nombreuses (tabl. 4).

Les camps de Borchévo et de Romny se diffèrent beaucoup des monuments plus récents des slaves de l'Europe Est. Ces différences se révèlent dans l'extérieur des animaux domestiques, dans l'abondance des restes des carnassiers et dans une large consommation de la chair de cheval.

¹⁴ И. И. Ляпушкин. Городище Новотроицкое.

¹⁵ И. И. Ляпушкин. Городище Новотроицкое; А. Н. Москаленко. Городище Тигчиха. Воронеж, 1965.

¹⁶ П. Н. Третьяков. Археологические памятники древнерусских племен. Уч. зап. ЛГУ, 85, сер. истор. наук, 13, 1949.

Ю. Л. ЩАПОВА

СТЕКЛЯННЫЕ БРАСЛЕТЫ И ДАТИРОВАНИЕ ГОРОДСКОГО КУЛЬТУРНОГО СЛОЯ

На любом древнерусском городском поселении стеклянных браслетов — зеленых, желтых, фиолетовых — очень много, причем настолько много в городах и так мало в деревне, что стеклянные браслеты признаны специфически городским украшением¹.

Долгое время считалось, что стеклянные браслеты характерны для домонгольского времени, для XI—XIII вв. Одно время казалось возможным удревнить их дату, переместив нижнюю границу во вторую половину X в.² Однако новые исследования не подтвердили столь ранней даты. Существенно изменили хронологию стеклянных браслетов археологические исследования в Новгороде. Раскопками на Славне было выяснено существование браслетов в Новгороде в XIV в.³ Иными словами, целое столетие спустя после разорения Киева татарами стеклянные браслеты в Новгороде были достаточно хорошо известны. Раскопками на Неревском конце было подтверждено наблюдение А. В. Арциховского о появлении стеклянных браслетов в Новгороде в XII в.⁴, причем проверено, уточнено и подтверждено на колоссальном материале — 5526 браслетов⁵. Стеклянные браслеты в Новгороде, согласно М. Д. Полубояриновой, появляются в середине XII в., максимально распространены в первой половине XIII в. и исчезают к середине XIV в. Некоторое время считали, что стеклянные браслеты в Новгороде появились позже, чем на остальной территории Руси. Однако разработанная дендрохронологическая шкала для Полоцка⁶ значительно изменила датировку слоев в раскопках А. Г. Митрофанова и В. Г. Штыхова, и все браслеты в Полоцке переместились из XI в. в XII в. и даже в его вторую половину. Все полоцкие браслеты были распределены по хорошо датированным слоям и сосчитаны. Распределение стеклянных браслетов по слоям оказалось тождественным распределению новгородских браслетов. Повторилась уже известная по Новгороду картина, когда начальный период существования браслетов приходился на середину XII в., максимума количество находок достигало в первой половине XIII в., причем в последующие десятилетия XIII, а затем и XIV в. стеклянные браслеты в Полоцке, постепенно сокращаясь в числе, продолжают бытовать. Заметим, что даты в обоих случаях (в Новгороде и Полоцке) абсолютно надежны. Все вместе взятое навело на мысль сравнить браслеты Новгорода и Полоцка более подробно.

¹ А. В. Арциховский. Курганы вятичей. М., 1930, стр. 25, 26.

² Б. А. Рыбаков. Ремесло древней Руси. М., 1948, стр. 396, 397.

³ А. В. Арциховский. Раскопки на Славне. МИА, 11, 1948, стр. 124.

⁴ А. В. Арциховский. О новгородской хронологии. СА, 1959, 4, стр. 116, 118; е го же. Ответ Б. А. Рыбакову, СА, 1961, 3, стр. 125, 126.

⁵ М. Д. Полубояринова. Стеклянные браслеты древнего Новгорода. МИА, 117, 1963, стр. 164—199.

⁶ Б. А. Колчин. Дендрохронология древнего Полоцка. Сб. «Новое в советской археологии», М., 1965, стр. 262—266.

Исследованием браслетов Полоцка было установлено, что стеклянные браслеты из свинцово-кремнеземного стекла, так же как и в Новгороде, встречаются не только в домонгольское время, но и в следующие за монгольским разорением полтора столетия⁷. С другой стороны, браслеты из калиево-свинцово-кремнеземного стекла во второй половине XIII в. в Полоцке не встречаются. Это открытие, естественно, определило вывод о поступлении браслетов разного состава из разных источников. Один из производственных центров был уничтожен в середине XIII в., а другой функционировал далее, и браслеты оттуда непрерывно продолжали поступать на полоцкий рынок.

Рядом сопоставлений удалось с достаточной долей вероятности доказать, что браслеты из калиево-свинцово-кремнеземного стекла поступали в Полоцк из Киева. Подробно восстанавливать цепь доказательств вряд ли уместно, основные же аргументы имеет смысл повторить.

В самом Киеве браслеты, изготовленные из свинцово-кремнеземного стекла, не встречаются. Если они и есть, то их так мало, что они не выходят за пределы случайных встреч⁸. Другие изделия из калиево-свинцово-кремнеземного стекла, такие как перстни, бусы и особенно посуда и оконное стекло, встречаются только в домонгольских слоях и исчезают одновременно со всем рядом изделий южнорусского происхождения⁹. И, наконец, стеклянные браслеты состава калий-свинец-песок в канун монгольского завоевания изобилуют даже в самых небольших городках-крепостях, расположенных недалеко от Киева. Этот последний аргумент не самый главный, но достаточно существенный, поскольку география находок не раз помогала если не установить самый источник происхождения¹⁰, то исключить из районов поисков такого источника наименее вероятные.

В киевском происхождении основной части браслетов из калиево-свинцово-кремнеземного стекла вряд ли можно сомневаться. В самом Киеве есть мастерские, где браслеты изготавливались¹¹, есть база-фактория, откуда новгородцы везут браслеты к себе на север¹².

История же стеклянных браслетов из свинцово-кремнеземного стекла более сложная. Самое их существование было выявлено не так давно и только благодаря широко примененному методу определения состава древних стекол с помощью спектрального анализа. Браслеты этого состава встречаются, кроме Полоцка и Новгорода, в Смоленске¹³, Церковище¹⁴ (летописная Воищина, под Смоленском), Друцке¹⁵, Костроме, единичные экземпляры можно встретить в Минске¹⁶, Прибалтике¹⁷.

В Церковище браслеты из свинцово-кремнеземного стекла составляют 95% общего числа находок стеклянных браслетов. В Полоцке, Новгороде, Смоленске, Друцке таких браслетов около трети, в Костроме и Москве около 10%. В таких городах, как Минск или Новогрудок, не более 1%.

⁷ Ю. Л. Щапова. Стеклянные браслеты древнего Полоцка. СА, 1965, 2, стр. 225—235.

⁸ Ю. Л. Щапова. Стеклянные браслеты Киевщины. «Археологія», XXII, Киев, 1968.

⁹ Ю. Л. Щапова. Стеклянные изделия древнего Новгорода. МИА, 117, стр. 104—163.

¹⁰ Б. А. Рыбаков. Ремесло..., стр. 431—481.

¹¹ М. К. Каргер. Древний Киев. I, М.—Л., 1958, стр. 402—406.

¹² В. А. Богусевич. До історії склоробного виробництва в Київській Русі. «Нариси з історії техніки», 4, Київ, 1957; его же. Мастерские XI века по изготовлению стекла и смальты. КСИА, УССР, 3, 1954.

¹³ Книга регистрации результатов спектрального анализа. Хранится на кафедре археологии МГУ.

¹⁴ В. В. Седов. Сельские поселения Смоленской земли. МИА, 92, 1961, стр. 78—81.

¹⁵ Ю. Л. Щапова. Стеклянные браслеты Полоцкой земли. КСИА, АН СССР, 104, 1965.

¹⁶ Ю. Л. Щапова. Стеклянные браслеты Полоцкой земли...

¹⁷ Ю. Л. Щапова и И. В. Дайга. Стеклянные бусы и браслеты асотского городища. Материалы и исследования по археологии Латвии. II, Рига, 1961, стр. 185—199.

Пункты с находками браслетов из свинцово-кремнеземного стекла по числу таких находок разделились на несколько групп, рассмотрение каждой из них представляется весьма существенным.

Будучи совершенно одинаковыми по основному составу, стекло браслетов этих городов различается набором микропримесей. В стекле полоцких браслетов можно было бы отметить стабильно высокий процент содержания титана, магния и кальция, в смоленских — стеклах, даже прозрачных, заметно довольно высокое содержание окиси олова, в церковиченских — титана, без магния и калия, а в новгородских — сурьмы. Таким образом, несмотря на сходство в основном, браслеты этих городов различаются в деталях — свитой микропримесей. По другим примерам из истории древних производств нам хорошо известно значение микропримесей¹⁸.

Микропримеси естественно сопутствуют сырью, различают его и помогают установлению происхождения если не самого сырья, то помогают выделить из серии однотипных вещей те, которые связаны между собой не только типологически, но и производственно. Браслеты Церковища, Полоцка, Новгорода, Смоленска производились по одному рецепту, но из сырья разного происхождения. Объяснить такое положение можно только тем, что в каждом из этих городов производились свои собственные браслеты. По набору микропримесей из серии браслетов одного состава мы выделяем браслеты разного происхождения. Оказалось, например, что в Друцке 18% браслетов подобны полоцким, 1% — смоленским, аналогов 8% свинцово-кремнеземных браслетов найти не удалось. Почти для всех 10% свинцово-кремнеземных браслетов Костромы удалось найти подходящие аналогии, связывающие их либо с Новгородом, либо со Смоленском. Единичные находки стеклянных браслетов в разных местах древней Руси также без большого труда можно увязать с одним из производственных центров.

Вернемся к распределению браслетов. Мы видели, что распределение браслетов разного происхождения разное. Обнаружение стеклянных браслетов в послемонгольском слое является весьма существенным симптомом возможного существования в данном пункте собственного производства. Интерес к местным производствам всегда очень велик. Существенно помочь в этих поисках может простой подсчет находок. Подсчет находок с учетом стратиграфии (пласты, слои, горизонты) позволяет с большей или меньшей точностью выяснить характер распределения браслетов на данном памятнике. Поскольку распределение во времени, на памятниках, изученных ранее, нормальное, то вправе ожидать его и на новом объекте.

Мы уже говорили, что стеклянные браслеты в Новгороде и Полоцке появляются одновременно, в середине XII в. их становится настолько много, что о них можно говорить как о распространенной археологической категории. Очень близкую картину дают Новогрудок¹⁹, Туров²⁰, Москва²¹. Следовательно, появление стеклянных браслетов именно в XII в. одинаково характерно для многих древнерусских городов (весьма существенно, что среди них те, где датирование слоев проведено современными и наиболее объективными методами, такими как дендрохронология).

¹⁸ Б. А. Колчин. Черная металлургия и металлообработка в древней Руси. МИА, 32, 1953; Е. Н. Черных. История древнейшей металлургии Восточной Европы. МИА, 132, 1966.

¹⁹ Данные о распределении браслетов в Новогрудке сообщила Ф. Д. Гуревич. Пользуюсь случаем поблагодарить ее за необходимые и весьма важные консультации.

²⁰ М. Д. Полубояринова. Раскопки древнего Турова (1961 г.). КСИА АН СССР, 96, 1963, стр. 45—47.

²¹ А. Ф. Дубынин. Археологические исследования в Зарядье (Москва). КСИИМК, 65, 1956, стр. 120; его же. К истории московского посада. КСИИМК, 67, 1957, стр. 123—128; его же. Археологические исследования 1965 года в Зарядье (Москва). КСИИМК, 77, 1959, стр. 90—103; А. Ф. Дубынин, Д. А. Соболева. Археологические работы в Зарядье, Москва (1957—1961 гг.), КСИА АН СССР, 96, 1963, стр. 55—63.

Одновременное появление браслетов и уже обнаруженное сходство характера распределения браслетов в Новгороде, Полоцке, Новогрудке, Москве позволяют надеяться, что на остальной территории древней Руси картина бытования стеклянных браслетов может быть если не совсем одинаковой, то очень сходной с той, которая сейчас вырисовывается.

Рассмотрим количественное распределение браслетов по слоям, грубо разделив время с момента их появления до татаро-монгольского нашествия на четыре периода, из которых каждый соответствует полустолетию. В Новгороде на первую половину XII в. приходится 1,5% браслетов, а на все время начиная с середины X в. — около 2%. На вторую половину XII в. приходится уже 18%, итого на весь XII в. — 20%. На первую половину XIII в. приходится чуть больше половины всех находок, причем максимальное количество на 20-е и 30-е годы. На все следующее затем столетие приходится 30% браслетов, при условии существования собственного производства. В Полоцке на весь XII в. приходится почти 13% браслетов (в доверительных интервалах это 7—21%)²², на первую половину XIII в. — 66% (47—75%), на все последующее время — 21% (14—30%). Так распределяются браслеты при наличии собственного производства. Учитывая доверительные интервалы, полученные результаты в Новгороде и Полоцке можно считать очень близкими, почти одинаковыми.

Автор последних раскопок в Турове и Пинске П. Ф. Лысенко представил в наше распоряжение коллекцию стеклянных браслетов, превышающую 1000 экземпляров. Рассмотрев распределение браслетов по слоям, мы убедились, что на годы, непосредственно предшествующие татаро-монгольскому завоеванию, приходится максимальное количество браслетов — 26—30% от общего числа. Максимальное количество стеклянных браслетов непосредственно в предмонгольских слоях отмечает ряд авторов: Н. Н. Воронин, М. Д. Полубояринова и А. Ф. Дубынин и многие другие.

Можно утверждать, что в канун монгольского нашествия на Русь стеклянные браслеты достигли максимального распространения.

Что касается времени появления стеклянных браслетов, то и здесь, несмотря на силу традиции, многие авторы постепенно признают, что стеклянных браслетов русского производства в слоях XI в. нет. В XII в. стеклянные браслеты уже хорошо известны, их продают, покупают, с русскими браслетами знакомо не только население Руси, их знают и ближайшие соседи, латгалы и земгалы например²³.

Итак, мы установили две постоянно повторяющиеся закономерности: начальный момент и максимум развития явления совпадают по времени. Исходя из этого можно было бы допустить сходство характера распределения и в нисходящей части. Но именно здесь обнаруживаются различия: например в Турове на XIII—XIV вв. приходится только 11% браслетов, в Москве — 20% (одинаково по кремлевскому раскопу²⁴ и по раскопу в Зарядье), в Полоцке — 20%, в Новгороде — более 20%, в Пинске — около 15%, совсем мало в Новогрудке. Со всей очевидностью вырисовываются две группы городов: в одних в монгольское время браслетов менее 20% (10—15%), в других 20% и более. Примечательно, что среди последних — Новгород и Полоцк, где собственное производство браслетов можно считать доказанным. Следовательно, по аналогии можно предполагать производство браслетов и в Москве.

Во многих городах, разгромленных татарами, жизнь угасла навсегда, в других она возродилась довольно быстро. И если в первых поздних

²² Учтены доверительные интервалы, так как изучено только 70 находок.

²³ Э. С. Мугуревич. Восточная Латвия и соседние земли X—XIII вв. Рига, 1965, стр. 77.

²⁴ Н. Н. Воронин, М. Г. Рабинович. Археологические работы в Московском Кремле. СА, 1963, 1, стр. 258; Т. В. Равдина. Еще раз о датировке древнего слоя Москвы. Там же, стр. 101—104.

браслетов, естественно, нет, то во вторых они могут быть: в городах, избежавших татарского разгрома, стеклянные браслеты существуют непрерывно, правда, в значительно меньшем, чем раньше, количестве.

Стеклянные браслеты — украшение, рождение которого определила мода и производство. Неизбежно, как всякое украшение, браслеты, пережив начальную и высшую стадии развития, должны были исчезать постепенно, именно постепенно. А в том случае, когда внезапно иссякал основной источник поступления, немедленно должен был возникнуть другой, поступления из которого должны были заполнить образовавшуюся нехватку модного украшения. Именно в монгольское время, после того как прекратился ввоз киевских браслетов, стали особенно заметны браслетные мастерские Полоцка.

Большая часть браслетов, найденная в городах и на городищах, так или иначе связанных с Киевом или стоящих на торговых путях, идущих от Киева в любом направлении, — киевского происхождения. Это все браслеты из калиево-свинцово-кремнеземного стекла, окрашенного марганцем, медью (или марганцем и медью одновременно) в фиолетовый, бирюзовый, зеленый или синий цвета. Кстати, определению происхождения браслетов в немалой степени может помочь установление соотношения браслетов по цвету. Этот показатель оказался более существенным, чем соотношение браслетов по форме.

Соотношение браслетов по цвету (в %)

Город	Коричневый	Фиолетовый	Синий	Зеленый	Бирюзовый	Желтый
Туров	28	14	11	24	17	6
Пинск	40	20	10	15	12	5
Новогрудок	37	9	29	9	9	6
Серенск	22	60	6	6	2	4
Изяславль	45	24	8	8	10	5
Киев *	12-35	20-32	12-22	8-17	12-22	3-9
Новгород	46	8	6	19	10	10
Полоцк	42	4	11	20	11	11
Кострома	43	23	5	13	13	4
Минск	38	12	25	11	12	2
Церковище	40	2	—	45	11	9
Друцк	36	6	12	26	14	6

* Данные приведены в доверительных интервалах.

В кажущемся беспорядке есть некоторые закономерности. Аналогичное или очень близкое к Киеву соотношение браслетов по цвету наблюдается в таких городах, как Изяславль, Кострома, Новогрудок. Правда, всюду больше, чем в Киеве, браслетов коричневых, меньше фиолетовых и синих. Всюду в этих городах половина браслетов — коричневые, четверть — фиолетовые, около 5% — желтые, остальные в различных сочетаниях синие, бирюзовые, зеленые. Иным оказывается соотношение цветов браслетов в Новгороде, Полоцке, Друцке. В этих трех городах значительно меньше браслетов фиолетовых (в 3—4 раза), чуть меньше синих, почти столько же бирюзовых и в 1,5 раза больше желтых и зеленых. Выделяется также цветовая гамма браслетов с городища Церковище, где 90% браслетов коричневых и зеленых, а все остальные цвета вместе составляют 10%. Сочетание же браслетов по форме (крученые, гладкие, витые) остается одинаковым во всех трех группах.

Итак, после всего сказанного становится очевидной последовательность изучения стеклянных браслетов. Начинаем со счета: сколько браслетов найдено последовательно в каждом пласте (штыке), идеально — слое, ярусе, горизонте. В том случае, когда стеклянных браслетов много, на

первых стадиях исследования можно довольствоваться распределением находок по пластам, так как большое число находок, в конце концов, исправляет и сглаживает возникающие при учете находок по пластам хронологические неточности. Заметим, что подсчет числа браслетов может помочь установить какие-то нарушения в слое.

Небезынтересно, сколь велико должно быть такое число. Это можно определить, обратившись к уже рассчитанным доверительным интервалам. Минимально такое число равно 250. Практически это означает, что имея 250 браслетов, можно считать распределение по пластам.

Если в результате подсчетов окажется, что на время после середины XIII в. приходится около 20% браслетов, можно искать доказательств местного их производства. Существенно помогает в этом деле рассмотрение цветовой гаммы браслетов, поскольку собственное производство неизбежно вносит изменения в картину, которая складывается непосредственно под влиянием вывоза браслетов из Киева. Правда, и в тех случаях, когда все браслеты поступают из Киева, под влиянием местных вкусов и традиций может сложиться отличная от Киева картина, как например, в Минске или Новогрудке, но таких случаев немного. Более характерен пример городища Церковище. Как отмечалось, соотношения браслетов разных цветов здесь совершенно особое. Своеобразие цветовой гаммы сочетается с нигде более не известным соотношением типов стекла — калиево-свинцово-кремнеземного и свинцово-кремнеземного; последних в Церковище 95%. В Друцке, Полоцке, Новгороде свинцово-кремнеземных браслетов — треть. В других городах, куда основная масса браслетов поступает из Киева, их совсем немного, около 1%.

Итак, подсчет браслетов по пластам и по цвету позволяет ответить на несколько практических вопросов.

Во-первых, надежно выделяются слои второй половины XII в., отдельно слои первой половины XIII в. Причем в слоях, предшествующих непосредственно татаро-монгольскому игу, встречается наибольшее количество стеклянных браслетов.

Во-вторых, цветовая гамма браслетов в значительной степени помогает решению вопроса происхождения основной массы стеклянных браслетов. К настоящему времени установлено не менее пяти источников поступления браслетов на древнерусский рынок: Киев, Новгород, Полоцк, Смоленск, Воищина.

В-третьих, наличие в монгольских слоях большого количества стеклянных браслетов (20% и более от общего числа) делает обоснованной гипотезу о производстве браслетов в данном пункте.

J. L. Chtchapova

LES BRACELETS EN VERRE ET LA DATATION DE LA COUCHE CULTURELLE DES ANCIENNES VILLES RUSSES

Résumé

Il s'agit de la datation des bracelets en verre qui sont la spécialité de l'ancienne Russie.

On peut constater leur parution depuis le deuxième quart du XII siècle. Dès ce temps-là jusqu'à la fin du XII siècle, il en a été produit un quart ou un tiers de toute la quantité connue. Pendant la première moitié du XIII s., il en a été produit une demie ou trois quarts.

Ce n'est qu'à la suite de la destruction de Kiev par les Mongoles-Tartares en 1240 qu'a cessé la production des bracelets. Après ce temps-là on ne voit plus de bracelets dans les couches culturelles des villes médiévales russes.

Cependant, on peut y trouver de 10 à 15 pour-cent de ces objets, les habitants les ayant gardés pendant plusieurs années.

Le fait qu'il y a à notre disposition plus de 20 pourcent de bracelets trouvés dans la couche culturelle, prouve que cette ville avait sa propre production de ces bracelets après 1240.

К 70-ЛЕТИЮ ВЛАДИМИРА ДМИТРИЕВИЧА БЛАВАТСКОГО

В августе 1969 г. исполняется 70 лет профессору, доктору искусствоведения Владимиру Дмитриевичу Блаватскому, большому ученому, педагогу и неутомимому исследователю.

Более 45 лет своей жизни В. Д. Блаватский отдал науке, около 30 лет он ведет преподавательскую работу в Московском государственном университете и вот уже 25 лет, как он стоит во главе сектора античной археологии Института археологии Академии наук СССР.

Владимир Дмитриевич родился в 1899 г. в г. Ленинграде. Но вся его научная деятельность неразрывно связана с Москвой, где он провел свои студенческие годы и всю последующую жизнь и где он создал большой коллектив археологов-антиковедов, подавляющее большинство которых являются его учениками. Энтузиазм В. Д. Блаватского, его влюбленность в науку о классических древностях, универсальность его знаний, широта научных интересов и поразительная трудоспособность способствовали тому, что в настоящее время он является виднейшим советским ученым в области античной археологии и искусства. Его труды широко известны и в нашей стране и за рубежом.

Владимир Дмитриевич окончил факультет общественных наук Московского государственного университета и прошел аспирантуру в Институте археологии и искусствознания РАНИОН. Его увлекло изучение искусства, архитектуры, бытовых памятников Греции и Рима и особенно античных государств Северного Причерноморья.

Своим учителем в области полевой античной археологии Владимир Дмитриевич считает Б. В. Фармаковского, под руководством которого он работал на раскопках в Ольвии. В. Д. Блаватский принял методику раскопок Б. В. Фармаковского, усовершенствовал ее, разработал новые приемы фиксации массового археологического материала в процессе раскопок и передал ее своим многочисленным ученикам.

С 1924 г. В. Д. Блаватский работает в Государственном музее изобразительных искусств им. А. С. Пушкина. Он был организатором археологического отдела музея. Годы упорного труда над музейными коллекциями принесли молодому антиковеду большой успех: ему удалось при расчистке одной из амфор обнаружить под слоями краски XIX века рисунок с подписью Полигнота, аттического вазописца середины V в. до н. э. Тем самым оказалось, что наша страна обладает пятой вазой с подписью

этого знаменитого мастера (две вазы Полигнота хранятся в Британском музее, одна — в Сиракузах и одна в Брюсселе).

Свои первые самостоятельные археологические раскопки В. Д. Блаватский начал в Хараксе (Ай-Тодор) в 1931 г. За три сезона работ ему удалось выяснить стратиграфию городища, которая ранее не была известна, и раскопать некрополь позднеантичного времени, представляющий большой научный интерес (Харакс. МИА, № 19). В 1936—1940 гг. Владимир Дмитриевич ведет раскопки Фанагории — второй столицы Боспорского царства. Им установлена стратиграфия городища, его историческая топография, им начато исследование грунтового некрополя.

Археологические раскопки В. Д. Блаватский успешно сочетает с научной преподавательской работой. С 1933 г. он является доцентом института аспирантуры Государственного Исторического музея, а с 1935 г. он работает над вопросами истории античной архитектуры в Академии Архитектуры СССР. Одновременно он преподает в Институте истории, философии и литературы, а с 1939 г. в МГУ.

В этот период выходят из печати его работы: Архитектура древнего Рима (1938 г.), Архитектура античного мира (1939 г.), Греческая скульптура (1939 г.), написанный им раздел — Архитектура Северного Причерноморья для Всеобщей истории архитектуры и много статей по различным вопросам истории античной культуры.

В целом довоенный период работы Владимира Дмитриевича характеризуется преимущественным вниманием к истории античного искусства. В этой области он вступил в борьбу с имевшими тогда хождение тенденциями рассматривать искусство в отрыве от конкретной исторической обстановки. Весьма плодотворным явился обоснованный им тезис о параллелизме в развитии античной скульптуры и других разделов идеологии, прежде всего философии и литературы.

Успешная научная и преподавательская деятельность Владимира Дмитриевича была прервана в период Великой Отечественной войны, когда в 1941 г. В. Д. Блаватский вместе с профессорами, преподавателями и студентами МГУ пошел в ополчение. После демобилизации из армии, в 1943 г. в Москве на филологическом факультете, где тогда была кафедра искусствоведения, он защитил докторскую диссертацию, разработав новую, мало исследованную еще тему о технике изготовления античной скульптуры. В 1944 г. он был утвержден профессором кафедры археологии МГУ и в этом же году был избран членом-корреспондентом Академии Архитектуры СССР.

Многие студенты МГУ, специализировавшиеся по археологии, посещали его интересные лекции и семинарии. В Университете им были прочитаны курсы: античная археология, античная архитектура, античная керамика, история Боспорского царства, античная мифология и др. Особо упомянем семинарий, посвященный анализу античной керамики — здесь В. Д. Блаватский учил студентов восстанавливать форму сосудов по отдельным фрагментам, определять их дату по форме, по качеству лака и по росписи.

В тяжелые послевоенные годы, когда наша страна только начинала восстанавливать свою экономику, ликвидировать громадные разрушения, нанесенные немецкими захватчиками, Владимир Дмитриевич вместе с другими археологами проводит обследование археологических памятников, выявляет урон, причиненный им войной.

В 1945—1949 и 1953—1958 гг. он руководит Пантикапейской археологической экспедицией, ставя задачей раскопок восстановить древнюю топографию Пантикапея и исследовать различные кварталы этого города. Его интересные наблюдения по истории и археологии Пантикапея опубликованы в различных работах: Пантикапей (М., 1964), Историческая топография Пантикапея (МИА № 19), Архаический Боспор (МИА № 33, М., 1954 г.).

С 1950 г. В. Д. Блаватский начинает большие работы по исследованию сельской территории Боспорского царства. Его можно считать пионером и вдохновителем систематических исследований боспорской хоры, которые затем продолжали его ученики. Необходимо отметить, что археологическое изучение античной хоры открыло перед специалистами обширную группу новых источников по социально-экономической истории. В разработке этой проблемы советское антиковедение занимает ведущее место. Возглавляемая им Синдская экспедиция в течение пяти лет, с 1950 по 1954 гг. вела работы на Таманском полуострове. В результате этих исследований была во многом дополнена и уточнена топографическая карта Таманского полуострова, выявлен характер многих сельских поселений Синдики различных исторических периодов. Одновременно в 1950—1951 гг. им были проведены разведки на Керченском полуострове на части трассы намечающегося Северо-Крымского канала.

Во всех экспедициях при раскопках и разведках Владимир Дмитриевич всегда принимал самое активное участие. В течение всего рабочего дня и даже после его окончания, когда усталые студенты и сотрудники спешили отдохнуть, начальник экспедиции находил в себе энергию обойти все раскопы, просмотреть все находки, поделиться опытом с молодыми археологами, проверить чертежи.

Огромная полевая практика Владимира Дмитриевича и глубокие знания античного мира позволили ему успешно осуществлять научное руководство большой экспедицией, производившей археологические раскопки Аполлонии Иллирийской в 1958—1960 гг. Результаты этих великолепных раскопок, по независящим от В. Д. Блаватского обстоятельствам, нашли лишь очень слабое освещение в печати. Но и краткие информации позволяют увидеть большое значение этих раскопок для археологии Адриатики.

Успех археологических экспедиций, возглавляемых Владимиром Дмитриевичем, во многом определялся опытом, знаниями, а главное огромной увлеченностью их руководителя. Способность увлекаться работой, отдаваться своей идее и заражать этим своих учеников Владимир Дмитриевич пронесит через всю свою жизнь.

Присущее В. Д. Блаватскому особое умение создавать новые методы и изыскивать новые средства для развития антиковедения в полной мере проявилось при первом же знакомстве его с аквалангом. Владимир Дмитриевич сразу начал готовить археологов-подводников. С 1957 по 1965 гг. он проводит первые в нашей стране подводные археологические исследования. Забывая о своем возрасте, он плавает с молодыми спортсменами-подводниками, направляет спортивный азарт молодежи на решение научных вопросов. Он впервые разработал приемы подводных работ по изучению затопленных частей древних городов. Благодаря его работам, была найдена граница Фанагории в той части города, которая ныне оказалась под водой на глубине 2—3-х метров ниже поверхности моря. Экспедиция производила работы по изучению затопленных участков Ольвии, Херсонеса и других античных городов.

Послевоенный период оказался наиболее плодотворным для уже зрелого ученого. Он публикует массу статей и несколько монографий по самым различным вопросам истории и археологии античного мира. Обращаясь к изучению основных проблем древнейшей истории юга нашей страны В. Д. Блаватский публикует ряд статей, в которых создает убедительную картину процесса исторического развития античных государств Северного Причерноморья. Весьма важна для понимания истории Греции периода вывода апойкий, предложенная им экономическая характеристика раннего населения Пантикапея. Не меньший интерес для уяснения основных путей развития античного мира представляет тезис В. Д. Блаватского о прото-эллинистическом периоде в истории Северного Причерноморья. Он пишет историю античной расписной керамики

(М., 1953); публикует прекрасную монографию «Земледелие в античных государствах Северного Причерноморья» (М., 1953), в которой он исследует вопрос об основе экономики различных античных государств Северного Причерноморья. Эта книга до сих пор остается лучшим исследованием о земледелии в районе Причерноморья. Выдвинутая в ней новая характеристика экономики Боспора, опровергающая прежнее мнение о преобладании там торговли, в последующие годы получила полное подтверждение.

Пристальное внимание В. Д. Блаватского к основным вопросам экономики и социального строя античных государств Северного Причерноморья нашло отражение в его обстоятельных исследованиях о рабстве в северопонтийских центрах и о боспорском ремесле.

Другие его монографии «Очерки военного дела в античных государствах Северного Причерноморья» (М., 1954), так же как «Античная археология Северного Причерноморья» (М., 1961), являются прекрасными пособиями для студентов и всех интересующихся античностью на территории нашей страны.

Особого внимания достойна монография «Античная полевая археология» (М., 1967), содержащая выводы Владимира Дмитриевича из его многолетней полевой практики. Стремясь систематизировать разработанные им и его учениками приемы изучения античных памятников, В. Д. Блаватский стройно излагает здесь методику античной полевой археологии. Чрезвычайно важен последний раздел этой книги, в котором автор ставит вопрос о методике построения исторических выводов на основе материала раскопок. Рассматривая слой как особый вид исторического источника, Владимир Дмитриевич анализирует закономерности слоеобразования в зависимости от историко-экономических условий.

Работы Владимира Дмитриевича Блаватского заслуженно принесли ему большой научный авторитет. В настоящее время В. Д. Блаватский является членом нескольких зарубежных археологических обществ. В 1962 г. он был избран членом-корреспондентом Венгерского общества классических исследований, с 1966 г. он почетный член Югославского археологического общества и выбран членом-корреспондентом Германского археологического института.

В. Д. Блаватский неоднократно представлял советскую науку на различных международных конгрессах и конференциях. В 1958 г. он читал доклад на VII конгрессе по классической археологии в Риме, в 1960 г. выступал с докладом в Стокгольме на XI международном конгрессе историков, в 1963 г. — в Париже на VIII конгрессе по классической археологии, а в 1965 г. на конференции ученых стран социалистического лагеря по классической филологии и истории в г. Будапеште.

Несмотря на возраст и ухудшившееся здоровье, трудоспособность В. Д. Блаватского не понизилась, он полон творческих сил и научных планов.

Пожелаем Владимиру Дмитриевичу исполнения всех его планов, написания задуманных работ, которые обогатят нашу Советскую науку.

И. Т. Кругликова

К 70-ЛЕТИЮ БОРИСА НИКОЛАЕВИЧА ГРАКОВА

В 1969 г. исполняется 70 лет Борису Николаевичу Гракову — профессору Московского государственного университета, одному из лучших знатоков греческой эпиграфики, античной и скифо-сарматской археологии.

Борис Николаевич родился 1 (14) декабря 1899 г. в г. Онеге Архангельской губ. в семье лесничего. После смерти отца в 1906 г. мать с детьми переехала в Москву. В 1918 г. Б. Н. Граков окончил 7-ю Московскую гимназию, а в 1922 г. — историко-филологический факультет МГУ по отделению классической филологии.

Интерес к древней истории и классическим языкам сложился у него уже в гимназические годы. В университете под руков. М. М. Покровского Б. Н. Граков изучает греческую и римскую филологию, историю и литературу, сосредотачивая свое внимание на греческой эпиграфике и истории греко-римского быта. Это, в свою очередь, приводит его в археологию.

Еще будучи студентом (в 1919 г.) он работает в ГИМ, а после окончания МГУ до 1929 г. Борис Николаевич — научный сотрудник отдела археологии этого музея. В 1928 г. он закончил аспирантуру РАНИОН по специальности классическая археология, успешно защитил кандидатскую диссертацию на тему «Древнегреческие клейма с именами астиномов», был зачислен научным сотрудником секции археологии РАНИОН, а с 1931 г. — Института археологии АН СССР.

В 1939 г. Б. Н. Граков защитил докторскую диссертацию на тему «Древнегреческая клейменная тара эпохи эллинизма, как источник для истории производства и торговли». В 1943—1947 гг. Борис Николаевич — зав. сектором вспомогательных дисциплин, с 1947 по 1953 гг. — зав. сектором скифо-сарматской археологии ИА АН СССР.

Параллельно с большой научной деятельностью Б. Н. Граков ведет и преподавательскую работу. С 1932 г. он преподавал древние языки, а с 1937 г. и археологию в ИФЛИ, с 1941 и по настоящее время он — профессор кафедры археологии истфака МГУ.

В 1925 г. Борис Николаевич начал археологические раскопки в Поволжье и Приуралье. С 1937 г. он ведет полевую работу на Украине.

Первая научная статья Б. Н. Гракова «Эпиграфические клейма на горлах некоторых эллинистических остродонных амфор» была опубликована еще в 1926 г. (Труды ГИМ, вып. I).

В 1928 г. вышли из печати две работы, основанные на археологических материалах. Одна из них посвящена наиболее яркому памятнику савроматской культуры Нижнего Поволжья и его связи с другими памятниками Поволжья и Южного Приуралья (*Monuments de la culture scythique entre la Volga et les monts Oural*. ESA, III, 1928). Во второй — «Древности Яблоновской курганной группы из собрания Д. Я. Самоквасова» (Труды РАНИОН, вып. II) — разработан вопрос о датировке раннескифских погребальных комплексов на основании местной керамики и вещей.

С тех пор греческая эпиграфика и проблемы скифо-сарматской археологии становятся двумя основными темами статей и книг Б. Н. Гракова, отражая главные направления его научной деятельности.

В греческой эпиграфике Б. Н. Гракова привлекает главным образом исследование керамических клейм и граффити. Лапидарной эпиграфикой он специально не занимается, но в этой области ему принадлежит чрезвычайно важная сводка «Материалы по истории Скифии в греческих надписях Балканского полуострова и Малой Азии», опубликованная в 1939 г. (ВДИ, № 3). Хотя сводка эта составлена по различным зарубежным эпиграфическим изданиям, осуществленные Б. Н. Граковым мастерские переводы греческих текстов и разносторонние комментарии к надписям филологического и историко-археологического характера делают эту работу значительной вехой на творческом пути Бориса Николаевича. Для всех исследователей Северного Причерноморья сводка эта является обязательной настольной книгой, наряду с «*Inscriptiones...*» и «*Scythica et caucasica*» В. В. Латышева.

В изучении керамической эпиграфики Б. Н. Гракову бесспорно принадлежит ведущая роль в мировой науке. Уже в первой своей печатной работе «Энглифические клейма» он выделил, классифицировал и определил хронологически одну очень интересную группу амфорных клейм, оставшуюся до того времени загадкой. Выдвинутое им предположение о принадлежности этой группы клейм Гераклею Понтийской было принято затем всеми исследователями античности. Вышедшая три года спустя монография Бориса Николаевича «Древне-греческие керамические клейма с именами астиномов» по существу заложила основы научного изучения античных керамических клейм вообще. И на этот раз предметом его исследования стала одна из групп амфорных и черепичных клейм, особенно богато представленная в находках из Северного Причерноморья и поэтому ранее определявшаяся как «южнорусская» или «понтийская». В результате всестороннего исследования Б. Н. Граков пришел к выводу о синопском происхождении этой группы клейм. Далеко не все ученые и не сразу согласились с этой атрибуцией астиномных клейм, но проведенные в начале 50-х годов раскопки в Синопе блестяще подтвердили предположение Б. Н. Гракова. За 40 лет, прошедшие после опубликования монографии Б. Н. Гракова, был накоплен огромный материал, появились совершенно новые методы и формы исследований, стали известны многие новые факты и взаимосвязи. Естественно, что некоторые уточнения приходится сейчас вносить и в классификацию и хронологию гераклеийских и синопских амфорных клейм, но основы изучения этих клейм, заложенные тогда Борисом Николаевичем, остаются незыблемыми до сих пор, и именно с его трудов начинается всякое знакомство с этими керамическими материалами.

В монографии, посвященной синопским клеймам, Б. Н. Граков разобрал вкратце основные проблемы исследования керамических клейм вообще: методы хронологического определения, вопросы смысла и назначения клеймения амфор, техники и характера клеймения, значения клейменной тары для изучения экономической, социальной и культурной истории древнего мира. С гораздо большей полнотой и на более значительном материале эти проблемы были освещены в докторской диссертации Бориса Николаевича «Клейменная керамическая тара эпохи

эллинизма, как источник для истории производства и торговли». В этом капитальном труде разбираются все группы эллинистических амфорных клейм и на основании их изучения даются весьма важные выводы об экономических связях, торговых путях, некоторых отраслях производства античного мира. Керамические клейма впервые выступают в работах Б. Н. Гракова как полноценный исторический источник. По существу Б. Н. Граков превратил керамическую эпиграфику в науку, определив круг ее задач в системе исторического исследования и разработав ее методику. Все последующие работы советских и зарубежных исследователей в этой области идут по пути, проложенному Борисом Николаевичем. Докторская диссертация Б. Н. Гракова осталась, к сожалению, неопубликованной, как и некоторые другие его работы, посвященные керамическим клеймам, например рукопись о фасосских клеймах и торговле фасосским вином, написанная в 1938 г. Но основные положения диссертации широко используются всеми советскими учеными-антиковедами, считающими для себя обязательным знакомство с архивным экземпляром рукописи.

Настоящим научным подвигом Б. Н. Гракова было завершение им монументального III тома *Inscriptiones orae septentrionalis Ponti Euxini*, посвященного керамическим клеймам. Этот большой том был начат много десятилетий тому назад Е. М. Придилом, но большая часть его создана руками Б. Н. Гракова. Он включает описание более 30 тысяч керамических клейм, найденных в Северном Причерноморье, и представляет собой единственный в своем роде свод, значение которого не только для исследования специально эпиграфических вопросов, но и для всей экономической и историко-культурной истории древнего мира невозможно переоценить. Он является ныне одним из основных источников по истории Северного Причерноморья.

Огромно значение работ Б. Н. Гракова по скифской истории и археологии. Прекрасно владея письменными и археологическими источниками, обладая широкой эрудицией и исследовательским талантом, он создает труды, в которых раскрывается этническая, экономическая, социальная и политическая история скифов, их культура, торговые и этно-культурные взаимоотношения с соседними и более отдаленными племенами, а также с греческими городами.

В 1947 г. вышла из печати книга «Скифы» (на укр. яз.), написанная еще в предвоенные годы. Это был первый за советский период общий очерк о скифах, рассчитанный на широкий круг читателей. Не претендуя на полноту исследования сложных вопросов скифоведения, автор выразил в ней свою концепцию, отличную от концепции М. И. Ростовцева. Многие положения, высказанные в книге, получили развитие в ряде последующих статей. Решение проблемы этнической принадлежности и этногеографии скифов, предложенное в ней, в основных чертах совпадавшее с господствовавшим тогда представлением о распространении скифов в степи и лесостепи Северного Причерноморья, вскоре перестало удовлетворять исследователя. В 1952 г. он по-новому подошел к разрешению этой проблемы. В докладе на первой конференции ИИМК по вопросам скифо-сарматской археологии и затем в ряде статей Б. Н. Граков подверг критике точку зрения о скифах, как о термине собирательном и убедительно показал, что Геродот и некоторые другие древние авторы подразумевали под скифами этнически родственные племена, объединенные политически. Рассматривая Скифию, как союз родственных ираноязычных племен, он считает территорией этого союза лишь степную часть Северного Причерноморья.

Новую концепцию Б. Н. Гракова разделяют отнюдь не все специалисты. Показательно, однако что те скифологи, которые возражают против нее, придерживаются взглядов, высказанных в книге «Скифы».

Новые и интересные идеи внес Б. Н. Граков в разработку проблемы о

происхождении скифов. В статье «Скифский Геракл» (КСИИМК, вып. XXXIV, 1950) и книге «Каменское городище на Нижнем Днепре» (МИА, № 36, 1954) он развивает положение о двойственности этногенетических легенд, переданных Геродотом, утверждающих, с одной стороны, местный, с другой, пришлый характер скифского населения. Эти легенды трактуются, как две разных версии одного и того же мифа, принятого кочевыми и оседлыми племенами и объединяющего всех скифов в одно целое.

В советской науке 30-х — 40-х годов большое внимание было уделено проблеме общественного строя скифов. Борис Николаевич сделал существенные дополнения к ее решению. Ему принадлежит вывод о возникновении государства у скифов еще в IV в. до н. э., в эпоху царя Атея, но наиболее важным вкладом является разработка вопроса о взаимоотношениях кочевого населения Скифии с земледельческим.

В 1938 г. Б. Н. Граков начал раскопки Каменского городища — самого крупного скифского городища в степной части Северного Причерноморья. Прерванные войной, раскопки продолжались после ее окончания до 1952 г. Материалы из этих раскопок легли в основу упомянутой выше монографии «Каменское городище на Нижнем Днепре» и позволили с достаточной полнотой восстановить историческую обстановку в Скифии времени существования памятника. Исследователь блестяще доказал, что Каменское городище в IV—III вв. до н. э. было ремесленным, торговым и, вероятно, политическим центром Скифии; осветил исторический процесс, предшествующий возникновению городища и те изменения, которые произошли в Скифии после прекращения жизни на большей его части. Сделанные выводы сыграли важную роль в развитии науки о скифах.

В 1937 г. и позднее параллельно с Каменским городищем под руководством Б. Н. Гракова производятся систематические раскопки курганов рядового скифского населения под Никополем. Результаты этих работ были освещены в ряде публикаций, обобщены в статье «Скифские погребения на Никопольском курганном поле» (МИА, № 115, 1962 г.) и использованы при написании другой большой статьи «Погребальные сооружения и ритуал рядовых общинников степной Скифии» (Археологический сборник ГЭ, вып. 6, 1964 г.). До настоящего времени эти работы являются единственными, на основании которых можно судить о погребениях рядовых скифских общинников, а тщательно разработанная классификация погребальных сооружений постоянно используется всеми археологами, имеющими дело со скифскими курганами.

Внимание Бориса Николаевича привлекают и лесостепные памятники. Совместно с А. И. Тереножкиным он производил исследование Субботовского городища чернолесской культуры, а вместе с Б. А. Шрамко — раскопки Бельского городища — одного из самых крупных в лесостепи городищ скифского периода.

Отличаясь тонкой наблюдательностью и умением выявлять факты, не замеченные ранее, Б. Н. Граков опубликовал много сравнительно небольших, но оригинальных статей, заставляющих по-новому воспринимать ряд явлений в истории и культуре скифских и соседних с ними племен. В качестве примера приведем лишь некоторые из статей: «Термин $\Sigma\kappa\upsilon\lambda\iota$ и его производные в надписях Северного Причерноморья» (КСИИМК, вып. XVI, 1947), «Чи мала Ольвія торговельні зносини з Поволжям і Приураллям в архаїчну та класичну епохи?» (Археологія, I, Київ, 1947), «Старейшие находки железных вещей в Европейской части СССР» (СА, 1958, № 4), «Греческое граффито из Немировского городища» (СА, 1959, № 1), «Бронзовая рукоять меча из-под Мурома» (СА, 1961, № 4).

Более 40 лет экспозицию Гос. Исторического музея украшают великолепные савроматские изделия из кости, выполненные в зверином стиле. Они происходят из знаменитого савроматского кургана Блюменфельд А-12, исследованного Б. Н. Граковым в 1925 г., в Заволжье. Именно в

20-е годы наряду с П. А. Рыковым и П. Д. Рау Борис Николаевич заложил основы изучения сарматской культуры в степях Евразии. Раскопки курганов в Поволжье и Южном Приуралье, проводившиеся под его руководством в 20-х — начале 30-х годов, дали большие новые материалы, чрезвычайно важные для изучения истории сарматских племен и их культуры. На основании этих материалов и используя все данные, полученные к тому времени другими исследователями, Б. Н. Граков создал работы, в которых первым оценил и показал огромное значение сарматов в древней истории нашей Родины, наметил пути их исторического развития на протяжении целого тысячелетия. Уже в 1928 г. им была дана общая характеристика культуры ранних кочевников Поволжья и Приуралья в VI — IV вв. до н. э. («Monument de la culture scythique ètre la Volga et les monts Oural». ESA, III, Helsinki, 1928). В работе «Deux tombeaux de l'èpoque scythique aux environs de la ville d'Orenbourg» (ESA, IV, Helsinki, 1929) он отметил своеобразие приуральского варианта этой культуры, близкого к поволжскому, а в статье «Курганы в окрестностях пос. Нежинского Оренбургского уезда по раскопкам 1927 г.» (Труды секции РАНИОН, IV, М., 1928) представил основные хронологические эталоны для ранней сарматской (прохоровской) культуры IV — II вв. до н. э.

Борисом Николаевичем впервые была предложена и обоснована общая четырехчленная периодизация истории и культуры сарматских племен Поволжья и Приуралья. Кратко она изложена в «Материалах к Всесоюзному археологическому совещанию» (М., 1945 г.), гораздо полнее и подробнее в статье Γυναικοκρατορις (Пережитки матриархата у сарматов, ВДИ, 1947, № 3). По мере накопления новых материалов периодизация, созданная Б. Н. Граковым, уточняется, развивается и углубляется, но основы ее остаются непоколебимыми. Более того, лишь с небольшими коррективами, периодизация Б. Н. Гракова может быть применена и к другим территориям сарматского расселения, к таким, как Северный Кавказ и Северное Причерноморье.

В той же статье Б. Н. Граков осветил одну из особенностей сарматского общества на ранних ступенях его развития (савроматской и раннесарматской) — сохранение матриархальных явлений, зафиксированное в письменных источниках. В подтверждение письменных свидетельств он привел яркие и убедительные данные археологии. Отмеченные Борисом Николаевичем пережитки матриархата у савроматов блестяще подтвердились в дальнейших исследованиях его учеников.

Огромное значение имеет преподавательская деятельность Б. Н. Гракова. Щедро отдавая все свои богатейшие знания студентам, аспирантам и всем тем, кто обращается к нему за консультацией, Борис Николаевич больше, чем кто-либо другой, способствовал созданию кадров специалистов по скифо-сарматской археологии и греческой эпиграфике. Ученики и последователи Б. Н. Гракова работают в этих областях науки в различных городах нашей страны и за рубежом.

Забота о молодом поколении археологов сказывается, в частности, в том, что он готовит к изданию расширенный и дополненный курс своих лекций по раннему железному веку. Другой курс лекций в виде книги о скифах и соседних с нею племенах в скором времени должен выйти из печати. Он также работает над книгой «Сарматы». Эти монографии будут ценным пособием для студентов, вместе с тем они представляют собой научные исследования, интересные для всех тех, кто занимается изучением истории и археологии племен раннего железного века на территории СССР.

Поздравляя Бориса Николаевича с юбилеем, его ученики и друзья с благодарностью отмечают все сделанное им для исторической науки и желают ему здоровья, многих лет жизни и новых выдающихся успехов на поприще науки.

А. И. Мелюкова, К. Ф. Смирнов, Д. Б. Шелов

К 70-ЛЕТИЮ АЛЕКСЕЯ ПЕТРОВИЧА СМИРНОВА

Исполнилось семьдесят лет одному из виднейших советских археологов, доктору исторических наук, профессору Алексею Петровичу Смирнову.

А. П. Смирнов родился 29 мая 1899 г. в Москве в семье адвоката. В 1916 году он окончил реальное училище. В 1922—1924 гг. учился на факультете общественных наук Московского университета. Затем с 1926 по 1929 г. А. П. Смирнов — аспирант РАНИОН. В это время он формируется как археолог. Первые его занятия по археологии связаны с участием в раскопках, руководимых проф. В. А. Городцовым, чье влияние на молодого ученого было весьма сильным. В 1924 г. А. П. Смирнов предпринимает самостоятельные раскопки курганов у с. Никольского Московской области. В эти же годы возникает интерес молодого ученого к истории народов Поволжья и Прикамья. Бесписьменные в прошлом народы в годы своего национального возрождения и оформления в автономные республики хотели знать свою историю. На помощь им могла прийти только археология, так как письменных источников по древнейшим периодам их истории не было или было очень мало. А. П. Смирнов берется за изучение археологии Прикамья, совершает ряд археологических поездок в Коми, проводит археолого-этнографические экспедиции в Удмуртию. Первые печатные работы А. П. Смирнова посвящены финно-угорским древностям и общественному строю древних финских народов. Эти исследования завершаются кандидатской диссертацией «Прикамские финны в X—XIV вв.», защищенной в 1929 г.

Интерес к финно-угорским народам, к их истории и этнографии перерос впоследствии в одно из главных направлений научных работ А. П. Смирнова. Десятки статей, ряд монографий посвятил он этой тематике. Среди них такое капитальное исследование, ставшее настольной книгой всех специалистов по финно-угорской археологии, как «Очерки древней и средневековой истории народов Среднего Поволжья и Прикамья», изданной в серии МИА (№ 28) в 1952 г. Сейчас финно-угорская археология — широкая бурно развивающаяся отрасль археологии СССР. Она стала такой благодаря фундаменту, который был заложен трудами А. П. Смирнова и других ученых. А. П. Смирнову в этом деле принадлежит ведущая роль. Хронология древностей финно-угорских народов, их искусство и культура, расселение древних племен мордвы, марийцев,

удмуртов, веси, генезис этих народностей, их экономика и общественный строй — все это нашло в лице А. П. Смирнова вдумчивого исследователя.

В 1933—1937 гг. А. П. Смирнов проводит археологические раскопки на Суваре — одном из главных городов Волжской Болгарии. Это было началом другого направления творческой деятельности А. П. Смирнова. Археология Волжской Болгарии в современном ее виде создана трудами А. П. Смирнова. Раскопки Великих Болгар, давшие сенсационные открытия, раскрывшие нам все стороны культуры, общественной жизни, искусства и хозяйства этого средневекового государства, расположенного на важнейшем узле торговых путей Восточной Европы, были начаты А. П. Смирновым в 1938 году и ведутся под его руководством по сей день.

Кто не знает сейчас открытый раскопками А. П. Смирнова в Болгарах замечательный памятник быта, архитектуры и искусства — баню XIV века с ее мраморными бассейнами, окрашенной красной штукатуркой, с ее айванами, нишами, сводами, кирпичными полами, сложной системой водоподачи и обогрева? Широко известны раскопки А. П. Смирнова архитектурных сооружений Болгара — Черной Палаты, Соборной Мечети «Четырехугольника», зданий и могильника в армянской колонии г. Болгара и т. д.

Широкие разведки районов расселения волжских болгар, изучение их замков и селищ в Татарской и Чувашской АССР, а также в Ульяновской области сочеталось у А. П. Смирнова с исследованием памятников других эпох на этой же территории. Будучи начальником огромной новостроечной Куйбышевской археологической экспедиции А. П. Смирнов руководил работой нескольких отрядов, изучавших как саму столицу Волжской Болгарии, так и неолитические поселения, и срубные курганы, и поселения приказанской культуры. Четыре тома трудов этой экспедиции, изданных под редакцией А. П. Смирнова — таков итог этих грандиозных археологических исследований. Книга А. П. Смирнова «Волжские Болгары» (1951 г.), его докторская диссертация, которую он защитил в 1944 г., стала классической книгой, необходимой для всех, занимающихся историей этого народа. Труды А. П. Смирнова по Волжской Болгарии широко известны за рубежом, особенно в Болгарии. Выросла школа А. П. Смирнова — его учеников, специалистов-археологов, работающих над проблемами истории Поволжья, Прикамья, Урала, Коми и т. п.

А. П. Смирнов исследователь необычайно широкого профиля. В 1930-х годах он проводил археологические исследования в Фанагории, в Южной Осетии, на строительстве Московского метро. В эти годы зародился интерес А. П. Смирнова к скифской археологии. Им была поставлена проблема рабовладельческого строя у скифов. Эти научные интересы А. П. Смирнова нашли свое отражение в его интересной популярной книге «Скифы» (1966 г.).

Не прошел А. П. Смирнов и мимо проблем славяно-русской археологии. Взаимоотношения болгар и Руси, русский элемент в болгарской культуре, русские на юге Восточной Европы — вот далеко не полный перечень вопросов древнерусской истории и археологии в работах А. П. Смирнова.

После работ Куйбышевской экспедиции наступил период больших работ в Чувашии: новые болгарские поселения, новые памятники городецкого типа, новые памятники срубной и абашевской культур пополняют археологический «счет» А. П. Смирнова. Выходит монография о железном веке Чувашского Поволжья (1961 г.) и выпуск свода археологических источников, посвященный городецкой культуре (совместно с Н. В. Трубиной, 1965 г.)

Параллельно ведет А. П. Смирнов исследования древностей Башкирии эпохи железного века. Взаимоотношения скифо-сарматской степи и лесных племен находят интересное освещение в его работах 1950—1960-х гг. И каждый год экспедиции. Сейчас А. П. Смирнов руководит большой Поволжской археологической экспедицией, которая уже много лет работа-

ет в Татарской, Чувашской АССР, Ульяновской, Волгоградской и Астраханской областях, исследуя главным образом памятники средневековой эпохи.

А. П. Смирнов опытный и вдумчивый педагог. Он начал свою преподавательскую деятельность в 1932 г. Его лекции в Московском университете по финно-угорской археологии были весьма ценными для студентов-археологов. Десятки студентов и аспирантов находили и находят сейчас в нем внимательного, взыскательного и отзывчивого руководителя.

Нельзя не отметить большую административную деятельность А. П. Смирнова. Работая в Институте археологии АН СССР с 1937 г., он неоднократно занимал там руководящие посты и сейчас работает заведующим сектором. Его организаторский талант и энергия принесли огромную пользу и археологии, и музейному делу, особенно Государственному Историческому музею, которому А. П. Смирнов отдал много лет своей жизни. Музейные экспозиции и путеводители, большая работа по собиранию коллекций и охране памятников культуры — все это совмещалось с заботой о воспитании музейных кадров, об их научном росте. А. П. Смирнов принимал участие в реставрации многих архитектурных памятников Москвы, охранных раскопках, в организации археологических заповедников.

А. П. Смирнов, уже будучи ученым с большим именем, в первые же дни войны ушел добровольцем на фронт. Он участвовал в боях с немецкими фашистами. После демобилизации А. П. Смирнов много работает по выявлению и обследованию разрушений немецкими захватчиками памятников культуры.

За заслуги в изучении истории татарского и чувашского народов и в деле подготовки национальных кадров А. П. Смирнову присвоены звания заслуженного деятеля культуры Татарской АССР и Чувашской АССР.

Археолог с мировым именем, автор множества научных работ и больших книг, А. П. Смирнов сохраняет ту скромность, которая всегда свойственна большому ученому. Друзья, его ученики, коллеги, все его читатели желают ему бодрости, здоровья, успехов, новых книг, новых открытий.

Г. А. Федоров-Давыдов

К 60-ЛЕТИЮ ПЕТРА НИКОЛАЕВИЧА ТРЕТЬЯКОВА

В ноябре 1969 г. исполняется 60 лет одному из ведущих советских археологов-славистов, члену-корр. АН СССР, старшему научному сотруднику Института археологии АН СССР, д-ру исторических наук Петру Николаевичу Третьякову. Его имя неразрывно связано с достижениями советской славяно-русской археологии. Необычайно широк диапазон его научных исследований, хронологически охватывающих период времени от мезолита до раннего средневековья, а территориально — от предгорий Урала до Средней Европы и от Белого моря до Балкан и Черного моря. Его исследованиям свойственны большой размах и целеустремленность, они обнаруживают широкую эрудицию и глубину теоретических обобщений.

Петр Николаевич Третьяков родился 13 ноября 1909 г. в г. Костроме в семье преподавателя гимназии. Еще в школьные годы он увлекался археологией, работая в костромском музее и Научном обществе по изучению местного края, принимая активное участие в археологических исследованиях известного археолога-краеведа В. И. Смирнова. Кроме того, в 1924 г. он участвовал в раскопках В. А. Городцова на Галичской стоянке, а в 1925 г. — в экспедиции А. Я. Брюсова на Чухломском озере. Все это, а также знакомство с археологической литературой навсегда определили интересы П. Н. Третьякова. В 1926 г., после окончания костромской средней школы, он поступает в Ленинградский государственный университет на факультет языка и истории материальной культуры, который оканчивает в 1930 г., получив специальность археолога-музееведа.

В университете в то время вел занятия по славянской археологии А. А. Спицын, кроме того, П. Н. Третьяков слушал лекции А. А. Миллера, П. П. Ефименко, Б. Л. Богаевского, В. И. Равдоникаса, А. В. Шмидта. Наибольшее влияние на П. Н. Третьякова имел П. П. Ефименко — крупнейший специалист не только в области палеолита, но и по археологии славян и поволжских финно-угров. Одновременно с занятиями в университете П. Н. Третьяков с 1926 г. стал работать под руководством П. П. Ефименко в Государственной академии истории материальной культуры (ГАИМК). В декабре 1927 г. он был зачислен в штат ГАИМК на должность научно-технического сотрудника. Ряд лет он участвовал в раскопках, производимых П. П. Ефименко, и в обработке собранных им материалов. В 1928 и 1929 гг. он работал в экспедиции по изучению древнерусских городищ IX — X вв. на Дону, в районе Воронежа.

В 1929 г. П. Н. Третьяковым были проведены первые самостоятельные полевые работы на р. Мсте, в районе Вышнего Волочка. В следующем, 1930 г. он, став младшим научным сотрудником, вел полевые работы на территории Чувашской АССР, во время которых у дер. Атли-Косы впервые были исследованы памятники своеобразной культуры эпохи бронзы, впоследствии получившие название балановской. Опубликованы результаты этих раскопок в 1931 г. в статье «Из материалов Средневожской экспедиции», которая и была его первой печатной работой.

В 1933 г. в связи с начавшимся тогда строительством верхневолжских гидроэлектростанций на Верхней Волге были начаты большие археологические работы. Руководство ими было поручено П. Н. Третьякову, теперь уже старшему научному сотруднику ГАИМК. Эти исследования продолжались вплоть до конца 30-х годов и охватили огромную территорию, в пределах которой были обнаружены и исследованы многочисленные памятники, начиная от мезолитических и кончая русскими средневековыми. Итоги работ в Верхнем Поволжье были освещены П. Н. Третьяковым в ряде публикаций. Особое внимание было обращено им на древности I тысячелетия н. э., среди которых нужно особо отметить дьяковское городище у дер. Березняки Ярославской области. Итогом работы было создание убедительной картины поселка патриархальной общины, ведущей неразделенное земледельческо-скотоводческое хозяйство и занимающейся железодельным промыслом. Городище Березняки занимает в археологии совершенно особое место. Хозяйство и быт насельников удалось выяснить там с такой полнотой и обстоятельностью, какой не достигал еще ни один археолог. Городище раскопано целиком. Строгая методичность исследования позволила П. Н. Третьякову сделать такие наблюдения, каких археологи еще не делали нигде. Например, в каждом из шести домов левая половина оказывалась мужской, там встречались орудия труда и оружие, а правая — женской, там была посуда. Выясняя систему отопления домов, П. Н. Третьяков доказал, что она соответствует описанию Ибн-Русте, и разрешил тем самым вековые недоумения ученых, считавших, что этот автор спутал русские жилища с банями. Особенно интересными оказались на городище общественные здания: кузница с крицами, дом женских работ, где было много пряслиц и шильев, и, наконец, дом, где сосредоточены все зернотерки этого поселка; там, очевидно, производился размол. Общинный характер всех производственных сооружений позволил сделать правильный вывод о социальном строе. Не менее интересно и погребальное сооружение — домик мертвых. Проследив этот домик, автор попутно решил тревожившую многих исследователей загадку дьяковских погребений: почти все русские археологи писали о непонятном отсутствии могильников при городищах. В особом срубе лежали вместе пережженные кости многих покойников, а при них орудия труда, украшения и т. п. Материалы городища Березняки заняли центральное место в большой обобщающей работе П. Н. Третьякова «К истории племен Верхнего Поволжья в I тысячелетии н. э.», опубликованной в 1941 г. В этой работе, в частности была высказана мысль о том, что древности I тысячелетия н. э. в Волго-Окском междуречье составляют две группы — восточную и западную. Первая принадлежала финно-угорским племенам. Вторую П. Н. Третьяков ошибочно связывал тогда со славянами. Позднее, в свете новых данных, полученных в Верхнем Поднепровье, стало ясно, что западная группа древностей принадлежала восточнобалтийским племенам, в конце I тысячелетия н. э. поглощенным славянами. Это было обосновано в его работах 50-х годов.

Помимо исследований в Верхнем Поволжье, П. Н. Третьяков в 30-х годах выступил с рядом обобщающих исследований, послуживших значительным вкладом в завершающуюся в те годы перестройку археологической науки на марксистско-ленинской основе. Им были опубликованы тогда работы «Подсечное земледелие в Восточной Европе», «Первобытная охота в Северной Азии», «К истории доклассового общества Верхнего По-

волжья», посвященные проблемам истории хозяйства, культуры и общественного строя древних племен, населявших некогда центральную и северную полосу территории СССР. Общие контуры исторического процесса прослеживались в этих работах от каменного века до средневековья. Рассматривались вопросы истории земледелия и скотоводства, в частности вопросы о переходе от подсечного земледелия к пашенному. На основе археологических данных были сделаны выводы об изменении в общественных отношениях древнего населения Восточной Европы.

В 1937 г. Государственная академия истории материальной культуры — научно-исследовательское учреждение с широким историко-филологическим профилем — была реорганизована в Институт истории материальной культуры (ИИМК) — специализированное учреждение Академии наук СССР. Это открыло перед советской археологией новые широкие возможности. П. Н. Третьяков, получивший в 1938 г. ученую степень кандидата исторических наук без защиты диссертации, принял активное участие в перестройке своего учреждения. Под его редакцией выходит в свет том «Материалов и исследований по археологии СССР», он участвует в создании серии «Кратких сообщений ИИМК», является одним из авторов подготовляемого институтом коллективного труда «История СССР» (тома I, II). В 1940 г. он был назначен заместителем директора ИИМК.

Одновременно П. Н. Третьяков читал курсы по методике полевых археологических исследований и славянской археологии на историческом факультете Ленинградского университета. Он вел также большую общественную и пропагандистскую работу. В 1940 г. он был принят в члены КПСС.

После завершения работ в Верхнем Поволжье интересы П. Н. Третьякова все больше и больше сосредоточиваются вокруг славянской тематики, которая впоследствии стала основным направлением его работ. Впрочем, эта тематика привлекала его и раньше. Еще будучи студентом П. Н. Третьяков проработал в Костромском музее материалы курганов XII — XIV вв., опубликовав их в 1932 г. в работе «Костромские курганы». В 1937 г. он выступил с дискуссионной статьей «Расселение древнерусских племен по археологическим данным».

Для П. Н. Третьякова было ясно, что серьезные исследования восточнославянских древностей невозможны без новых полевых работ в Поднепровье — области, в пределах которой протекала древнейшая история восточных славян, где сложилась некогда древнерусская народность. Попытка обобщить известные по старым работам археологические материалы Верхнего Поднепровья и определить основные группы днепровских древностей раннего железного века и I тысячелетия н. э. была предпринята П. Н. Третьяковым в работе «Северные восточнославянские племена», опубликованной в 1941 г. Здесь были намечены варианты культуры в разных областях Поднепровья, дана их хронология и поставлены проблемы, связанные с этногенезом восточных славян. Работа подготовила почву для последующих полевых исследований. Она имела, однако, серьезный недостаток, связанный с тем, что ее автор во многом исходил из ошибочных взглядов акад. Н. Я. Марра на пути этногенетического процесса. Древние племена Поднепровья оценивались им как стадияльные предшественники славянского населения. Полевые работы в Поднепровье П. Н. Третьяков начал в 1938 г., когда были проведены обследования славянских городищ в лесостепном Левобережье, на Полтавщине. В 1940 г. П. Н. Третьяков обследовал древности на Правобережье, в области киевского полесья. Однако Великая Отечественная война прервала эти исследования.

В июле 1941 г. П. Н. Третьяков уходит в ряды Советской армии. Он был на пропагандистской и преподавательской работе в системе Главного Политического управления РККА, читал лекции в Военно-политической академии им. В. И. Ленина и на Высших военно-политических курсах. В 1945 г. в составе лекторской группы Главного Политического управления РККА он объехал почти всю восточную часть Германии. В это время

был награжден орденом Красной Звезды. Осенью 1945 г. П. Н. Третьяков демобилизовался из рядов Советской Армии и возвратился в Ленинград на должность заместителя заведующего Институтом истории материальной культуры и заведующего Ленинградским отделением ИИМК. В 1945 г. книга «К истории племен Верхнего Поволжья в I тысячелетии н. э.», подводящая итоги многолетним полевым исследованиям, была защищена П. Н. Третьяковым в качестве докторской диссертации.

Зимой 1946 г. во главе группы советских археологов и этнографов, куда входили А. В. Арциховский, Б. А. Рыбаков, В. И. Равдоникас, С. А. Токарев и П. Д. Богатырев, П. Н. Третьяков совершил трехмесячную поездку по странам Балканского полуострова — Болгарии, Югославии и Румынии. Советские ученые во время этой поездки информировали научную общественность этих стран о своих работах, прочитали многие десятки лекций для широкой аудитории, знакомились с состоянием археологических и этнографических исследований, изучали музейные собрания, памятники архитектуры и искусства и т. д. Впервые были установлены научные контакты, положившие начало тому содружеству археологов и этнографов Балканских стран и СССР, которое существует и в настоящее время.

В конце 1946 г. П. Н. Третьяков был привлечен на работу в отдел науки Управления пропаганды и агитации ЦК КПСС, в связи с чем состоялся его переезд из Ленинграда в Москву. Вскоре он был утвержден профессором Академии общественных наук при ЦК КПСС по кафедре истории СССР. В 1951—1953 гг. он являлся главным редактором журнала «Вопросы истории». В 1951 г. по ходатайству АН СССР П. Н. Третьяков был освобожден от работы в отделе науки и утвержден директором Института славяноведения АН СССР, а вскоре по совместительству — заместителем академика-секретаря Отделения исторических наук АН СССР. Здесь он работал вплоть до 1959 г. с академиками-секретарями отделения Б. Д. Грековым, А. М. Панкратовой, М. Н. Тихомировым и Е. М. Жуковым.

В Институте славяноведения П. Н. Третьяков организовал работу по написанию коллективных обобщающих трудов: «История Болгарии», «История Польши», «История Чехословакии», в составлении первых томов которых он участвовал и как автор и как редактор. В связи с работами Института славяноведения П. Н. Третьяков много раз выезжал в Польшу, Чехословакию, Болгарию и Югославию. Он активно участвовал в работах Славянского комитета СССР и Общества дружбы с зарубежными странами (ВОКС). Он не раз выезжал в славянские страны, а также в Албанию и Венгрию, где участвовал в работе археологических съездов и конференций.

Несмотря на большую научно-организационную, педагогическую и общественную деятельность, П. Н. Третьяков не прерывал работы в Институте истории материальной культуры, в 1959 г. переименованном в Институт археологии АН СССР. Под его редакцией вышел в свет 1-й том «Очерков по истории СССР», работа над которым была начата еще до войны. Вместе с А. Л. Монгайтом он выпустил перевод книги Л. Нидерле «Славянские древности». В соавторстве с П. П. Ефименко он опубликовал работу «Древнерусские поселения на Дону» и материалы из раскопок абашевских курганов в Чувашской АССР. Им были опубликованы научно-популярные книги «Восточнославянские племена» (издания 1948 и 1953 гг.) и «Древнейшие памятники чувашского Поволжья». В связи с лингвистической дискуссией 1950 г. П. Н. Третьяков уделил большое внимание вопросам теории этногенетического процесса. Им был опубликован ряд статей, посвященных анализу распространенных тогда в советской археологии концепций акад. Н. Я. Марра.

В 1952 г. как один из авторов коллективного труда «История культуры Древней Руси» П. Н. Третьяков был удостоен звания лауреата Государственной премии. Его научная, научно-организационная и общественная деятельность получила высокую оценку: он был награжден орденом Ленина.

Археологические исследования в Поднепровье П. Н. Третьяков возоб-

новил еще в 1948 г., когда были произведены обследования в бассейнах Роси и Тясьмина. В последующие годы он вел исследования на берегах Горыни и Случи. В итоге их П. Н. Третьяков пришел к мысли, что понятие исторического процесса, протекавшего в Среднем Поднепровье в I тысячелетии н. э., в частности решение вопросов восточнославянского генеза, не будет иметь успеха без проведения исследований в Верхнем Поднепровье, древности которого оставались почти неизученными. С 1950 г. он начинает археологические работы в Верхнем Поднепровье, продолжаясь и по сей день. В 1950—1953 гг. работы велись в южной части верхнего Поднепровья, на Гомельщине. Особое внимание было уделено исследованию зарубинецких древностей. При участии Ю. В. Кухарко и О. Н. Мельниковской были исследованы Чаплинское городище, мыкающий к нему могильник, Моховское II городище и обследованы многочисленные другие памятники.

В последующие годы свои работы П. Н. Третьяков перенес в область Смоленского Поднепровья, где они и продолжались до 1960 г. Наиболее важные результаты исследований на Смоленщине были получены в результате раскопок на городищах Верхнего Посожья. Было исследовано городище Тушемля — второй после Березняковского городища целиком разобраный памятник такого рода в лесной полосе Восточной Европы. На городище Тушемля открыто три разновременных культурных слоя (вторая половина I тысячелетия до н. э., начало нашей эры, вторая половина I тысячелетия н. э.), были обнаружены остатки оборонительных, жилых и культовых сооружений. Так же полностью было исследовано городище дер. Слобода-Глушица, одновременное верхнему слою Тушемли; частично исследован путем раскопок ряд других городищ. В итоге была создана культурно-хронологическая шкала смоленских древностей I тысячелетия до н. э. и I тысячелетия н. э., изучено изменение культуры местного населения. При этом городища Смоленщины были определены как древности восточных балтов — коренного населения этих мест, что получило в советских археологах общее признание.

Археологические исследования П. Н. Третьякова приняли наибольший размах с конца 50-х годов, когда он был избран в 1958 г. членом-корреспондентом АН СССР и вскоре возвратился из Москвы в Ленинград, целиком посвятив себя проблемам славянской археологии. Им был выпущен МИА, посвященный зарубинецкой культуре, в составлении которого принял участие большой коллектив авторов. П. Н. Третьяков опубликовал в этом томе результаты работ на Чаплинском городище. В работе «Древности городища Смоленщины» им были подведены итоги работ в Смоленском Поднепровье. Большое внимание он уделил организации исследований в Верхнем Поднепровье. В этот период там производили раскопки многие археологи — большей частью его сотрудники и последователи. Мало-помалу начала складываться новая концепция древней истории и этнографии восточного славянства, о которой будет сказано ниже.

С 1961 г. П. Н. Третьяков перенес свои исследования в восточные районы Верхнего Поднепровья, на Десну. Им выяснено, что восточнославянские древности, соответствующие смоленским, относятся здесь лишь к времени I тысячелетия до н. э. Их сменяют остатки культуры совсем иного характера, на Смоленщине почти не представленные, — позднезарубинецкие древности начала нашей эры и древности более поздние, по-видимому генетически с ними связанные, относящиеся к середине и третьей четверти I тысячелетия. П. Н. Третьяков исследовал в Подесенье позднезарубинецкие селища позднего времени, такие как Посудичи и Смольянь. Последующие годы П. Н. Третьяков вел полевые работы на Десне, в восточной части Черниговской области УССР. И в этих местах были обнаружены как позднезарубинецкие древности, так и остатки культуры середины и третьей четверти I тысячелетия нашей эры, близкие упомянутым выше Посудичи и Смольяни и еще более близкие среднеднепровским раннесредневековым

поселениям. Все это привело П. Н. Третьякова к выводу, что накануне нашей эры восточнославянские группировки занимали широкие пространства в Среднем Приднепровье, оставив древности зарубинецкого типа. В начале нашей эры в результате начавшегося «переселения народов» их главные центры переместились в южные и восточные области Верхнего Поднепровья, занятые ранее восточнобалтийским населением. Середина и третья четверть I тысячелетия н. э. были временем, когда в Верхнем Поднепровье развернулся процесс ассимиляции балтов славянами, имевшими более высокий уровень культуры и общественного строя. Одновременно днепровские славяне начали расширять свою территорию в южном направлении в области Среднего Поднепровья, обезлюдившие в послечерняховское время. В конце I тысячелетия н. э. они объединились здесь в обширный союз — «Русскую землю». Области Поднестровья и Волыни в то время принадлежали славянским группировкам другого происхождения (культура Корчак).

Вместе с тем П. Н. Третьяков пришел к выводу, что древняя история славянских племен не может получить объективного освещения без изучения их соседей, прежде всего балтийских, финно-угорских и сармато-аланских племен. Все они в той или иной мере были компонентами древнерусской народности. Все эти представления были изложены П. Н. Третьяковым в ряде статей и книге «Финно-угры, балты и славяне на Днепре и Волге», опубликованной в 1966 г. В настоящее время им завершена работа над книгой «У истоков древнерусской народности», которая является как бы продолжением предыдущего труда.

Одновременно с научной деятельностью Петр Николаевич Третьяков ведет преподавательскую работу на кафедре археологии исторического факультета Ленинградского государственного университета, продолжает руководить аспирантами. Многие его ученики являются в настоящее время крупными исследователями.

Более чем 40-летний творческий научный труд Петра Николаевича получил широкое признание. Он автор 140 печатных работ, ряд которых переведен и опубликован за рубежом. Он член Польского археологического общества, член ученого совета Государственного музея этнографии народов СССР, лектор общества «Знание».

Отмечая 60-летний юбилей одного из ведущих русских археологов, хотелось бы пожелать Петру Николаевичу Третьякову новых больших творческих успехов.

Е. А. Шмидт

Публикации

В. В. СИДОРОВ

СТОЯНКИ КАМЕННОГО ВЕКА В ЦЕНТРАЛЬНОЙ ТУВЕ

Каменный век Тувы остается практически неизученным. В 1926 г. С. А. Теплоухов собрал свыше 200 кремней на р. Ангачи в центральной Туве, к юго-востоку от Кызыла¹. Четыре орудия из этой коллекции издал Г. П. Сосновский, сравнив их с енисейскими палеолитическими². Кроме того, С. А. Теплоухов нашел отщепы и ножевидные пластины на р. Баян-кольчик и керамику неолитического облика у с. Туран³.

В 1955 г. С. И. Вайнштейн вскрыл 16 м² на стоянке, растянувшейся на 700 м по берегу р. Тонмак в Тодже. В том же году в 10 км от берега Хемчика на выдувах собран каменный инвентарь с развеянной верхнепалеолитической стоянки Ийме⁴. Отдельные верхнепалеолитические находки в юго-западной Туве упомянуты Л. Р. Кызласовым, например на р. Тээли, у пос. Карасук⁵.

В 1957 г. Л. Р. Кызласовым был собран подъемный материал на р. Саглы, а в 1959 г. на р. Ангачи, примерно в тех же местах, где побывал С. А. Теплоухов. Материал собирали по отдельным скоплениям — пунктам, что позволяет разделить комплексы разновременных стоянок. Л. Р. Кызласов произвел также сборы на дюнах по р. Чааты в 1959—1960 гг. и на р. Баянкольчик в 1960 г.⁶ Немного дали сборы М. Х. Манпай-Оола в 1960 г. у с. Торгалык: два нуклеуса, скребок, отщепы⁷.

На р. Саглы А. Д. Грачем собрана небольшая коллекция отщепов и орудий мустьерского облика. В 50-х годах небольшая позднепалеолитическая коллекция собрана на склоне к р. Чаа-Холь⁸.

С 1965 г. начались работы палеолитического отряда Саяно-Тувинской экспедиции АН СССР. С. Н. Астахов обследовал палеолитические стоянки и местонахождения в долинах рек Демир-Суг, Эйлиг-Хем, Куйлуг-Хем.

¹ Коллекция частично издана. Л. Р. Кызласов. Этапы древней истории Тувы. ВМГУ, Истор.-филолог. сер., 1958, 4; хранится в Гос. Эрмитаже, ОИПК, № 4608. Далее мы эту коллекцию будем называть Ангачи III.

² Г. П. Сосновский. Новые палеолитические местонахождения Южной Сибири. КСИММК, VII, 1940.

³ Л. Р. Кызласов. Ук. соч., стр. 72—74; хранятся в Гос. Эрмитаже, № 5133.

⁴ С. И. Вайнштейн. Археологические раскопки в Туве в 1955 г. Уч. зап. ТНИИЯЛИ, 12. Кызыл, 1956; его же. Некоторые итоги работ археологической экспедиции Тувинского НИИЯЛИ в 1956—57 гг. Уч. зап. ТНИИЯЛИ, VI, Кызыл, 1958; Отчет за 1955 г. Архив ИА АН СССР, № 1247, 1247-а, М; История Тувы, I, М., 1964.

⁵ Л. Р. Кызласов. Ук. соч., стр. 72.

⁶ Коллекции хранятся на кафедре археологии МГУ. Приношу благодарность Л. Р. Кызласову за разрешение использовать неопубликованные материалы.

⁷ М. Х. Манпай-Оол. Итоги археологических исследований ТНИИЯЛИ в 1961 г. Уч. зап. ТНИИЯЛИ, X, Кызыл, 1965.

⁸ С. Н. Астахов. О путях первоначального заселения человеком долины Енисея. «Доклады и сообщения археологов СССР», VII Международный конгресс доисториков и протоисториков. М., 1966, стр. 65—66.

К более позднему времени С. Н. Астахов относит находки из местности Карбей, несколько пунктов на плато Эйлиг-Хем и Куйлуг-Хем, предположительно неолитического возраста, стоянку-мастерскую в урочище Бийче-Оймак (эпоха бронзы) ⁹.

Хотя почти весь каменный инвентарь происходит из поверхностных сборов, он все же дает возможность заметить некоторые особенности культуры Тувы в каменном веке. В настоящей работе использован каменный инвентарь из коллекций Л. Р. Кызласова со стоянок Ангачи I, Ангачи II, который удастся разделить на комплексы разновременных стоянок: пункт 3, пункт 5 и пункт 6, Боянкольчик, Чааты, привлечены материалы коллекции С. А. Теплоухова Ангачи III, а также использованы сведения о других стоянках из литературы.

Основным каменным сырьем в Туве является серый с черными пятнами кварц или кварцит, такой же как в Минусинской котловине и на Алтае. Он прочен, просвечивает даже в толстых кусках, поверхность сколов матовая, а края фасеток нечеткие. Некоторые, наиболее грубозернистые, непрозрачны и темноокрашены. Меньше светло-серого прозрачного халцедоновидного кварца с блестящей поверхностью скалывания; орудия из него имеют более правильную форму, фасетки ретуши четкие. Часто встречается серый яшмовидный кремний с голубоватым или зеленоватым оттенком. Довольно мало серого или коричневого кремня, со слегка волнистой поверхностью скалывания. Редко употреблялась розовая яшмовидная порода, довольно мягкая и крупнозернистая, легко принимающая плоскую ретушь.

С. Н. Астахов отмечает леваллуа-мустьерский облик наиболее ранних находок в Туве, что сближает их с мустьерскими памятниками как Монголии, так и Алтая ¹⁰. Верхний палеолит представлен стоянкой Ийме и рядом еще неопубликованных памятников, открытых С. Н. Астаховым.

Стоянка Ийме находится в 10 км от берега р. Хемчик, на восток от пос. Ийме, в безводной местности. В выдуве на площади 1 га собрано 148 каменных предметов. Кроме отщепов и 32 пластин здесь найдено 6 нуклеусов и 12 орудий. Четыре нуклеуса призматические, довольно высокие, основание их скошенное, приостренное с одной стороны ретушью, а с другой — грубой оббивкой. Два других нуклеуса призматические, с плоским основанием, с них скалывались более грубые короткие и широкие пластины. Среди орудий наиболее яркая серия — остроконечники. Три из них сделаны из крупных миндалевидных отщепов, оформлены короткой краевой ретушью со стороны спинки, длина их 7—8 см, четвертый сделан из массивной грубой, треугольной в сечении пластины, слегка изогнутой, ретушь ее и форма такие же, как у остроконечников из отщепов, длина 13 см. Подобные остроконечники хорошо представлены в позднем палеолите Сибири, особенно характерны они для Забочки ¹¹. Из массивной пластины сделан скобель. Из шести скребков три сделаны из массивных подпрямоугольных отщепов, края их оформлены тщательной ретушью. Остальные три, по-видимому, круглые. Назначение «овально-миндалевидного» орудия, изготовленного двусторонней оббивкой, неясно, для нуклеуса (дисковидного) оно слишком мало, размеры его 5,2 × 4,4 см. Комплекс стоянки однороден, и нет оснований предполагать какую-то смешанность.

К палеолиту относится часть находок с речки Ангачи. С. А. Теплоухов не уточнил, где именно на Ангачи он проводил сборы подъемного материала в августе 1926 г. По дороге из Кызыла в с. Балгазик, южнее оз. Чедер, в 1959 г. Л. Р. Кызласов провел разведку примерно в том же месте. Там, где дорога подходит к речке, между невысокими горами Атлыг, от-

⁹ С. Н. Астахов. Изучение памятников каменного века в долине Енисея. Сб. «Археологические открытия 1965 года». М., 1966.

¹⁰ С. Н. Астахов. О путях первоначального заселения...

¹¹ З. А. Абрамова. О локальных различиях палеолитических культур Ангары и Енисея. СА, 1966, 3, стр. 12.

стоящими на 500—800 м от ее берегов, по левому берегу на невысокой надпойменной террасе, отлого поднимающейся к горам, имеются развееенные дюны. Как раз против выхода дороги к реке по самой кромке террасы идет цепь выдувов длиной около километра. В самом большом из них — два больших скопления вещей неолитического возраста — стоянка Ангачи I. В 1,5—2 км севернее, ниже по течению, видны дюны, оставшиеся необследованными. Вверх по течению от Ангачи I, в 1 км на юго-юго-запад снова начинается цепь больших выдувов. В первом же из них, Ангачи II, пункт 3, собрано 87 кремней (есть и поздние вещи). В соседней котловине 4 скопления: пункт 4 у северного края котловины дал 55 кремней, пункт 5 в середине котловины, в 20—25 м от четвертого, — 11 кремней, пункт 6, в 30 м от него у южного края котловины, — 332 кремня, на склоне к реке вместе с поздними вещами найдено 12 кремней — пункт 7. В следующем выдуве находок камня не было, далее шли пустые выдувы¹².

Большая часть террасы представляет собой нетронутую степь, и часть выдувов в то время, когда здесь побывал С. А. Теплоухов, могла еще не существовать: Ангачи I осталась не замеченной им. В выдуве Ангачи II пункты 4 и 5 дали явно неполный состав находок: или они еще не были достаточно обнажены к тому моменту, когда их нашел Л. Р. Кызласов (что допустимо для пункта 4, но невероятно для пункта 5), или они были обобраны раньше. Только в материалах этих двух пунктов и в коллекции С. А. Теплоухова есть вещи с пятнами побуревшего (загоревшего) известкового натека. Только в них имеется розовая яшмовидная порода, причем в коллекции С. А. Теплоухова оказались ножевидные пластинки из нее и много мелких отщепов, а в пункте 4 — нуклеус и скребло, но не хватает отходов производства. Эти совпадения позволяют предположить, что по крайней мере часть коллекции С. А. Теплоухова происходит из той же стоянки, которую позже обнаружил Л. Р. Кызласов.

Наиболее архаично выглядят два скребла из коллекции С. А. Теплоухова. Первое из них, массивное скребло-скобель, сделано из плоской гальки зеленоватого крупнозернистого кварцита (рис. 1, 1). Более всего сработано вогнутое одностороннее лезвие, одна боковая сторона грубо оббита, со скоблевым лезвием она образует массивный выступ, который тоже мог быть использован в работе (размеры 8 × 6, 5 × 3 см). Другое скребло (рис. 1, 2) сделано из овального скола с гальки кремнистого сланца. Рабочий край на длинной выпуклой стороне скола, с которого галечная корка была снята еще на нуклеусе. Скребок ретушь есть и на округлом загибающемся конце, так что его можно использовать и как концевой скребок (размеры 7,5 × 4 × 0,9 см).

Треугольное скребло из пункта 4 сделано из розовой яшмовидной породы (рис. 1, 5). Одна сторона его плоская, другая — выпуклая — выровнена широкими фасетками, направленными от двух толстых краев, третий край односторонней ретушью превращен в лезвие, заходящее на закругленный конец орудия — эта часть сильно заполирована. Таким орудием удобно резать и скрести, зажав его большим и средним пальцем и надавливая указательным (размеры 5 × 5,2 × 1,6 см).

В пункте 5 Ангачи II найдено интересное орудие (рис. 1, 3). В профиль оно похоже на крупный нуклеус-скребок: бока выглажены широкими плоскими сколами, направленными от дугообразного края, который дополнительной ретушью превращен в острое симметричное лезвие, две трети его сильно сработались и видна повторная подправка заостряющей ретушью. Орудие имеет форму сектора около 80° (размеры 6,1 × 5,5 × 2,3 см). Г. П. Сосновский определил одно из орудий из сборов С. А. Теплоухова (оказавшееся при ближайшем рассмотрении нуклеусом (рис. 1, 21) как «дисковидное рубило». Очень похоже на наше секторовидное

¹² Л. Р. Кызласов. Отчет об археологических работах в Хакасии и Туве в 1959 г. Архив ИА АН СССР, № 1973.

орудие есть на Енисее на стоянках Каменный Лог и Переселенческий Пункт¹³. На материалах Ангачи II начинает проявляться связь их с нуклеусами-скребками: в пункте 4 найден едва начатый нуклеус-скребок с таким же заполированным острым дуговидным краем (рис. 2, 11). Еще больше сходства с секторовидным орудием у трех маленьких нуклеусов-

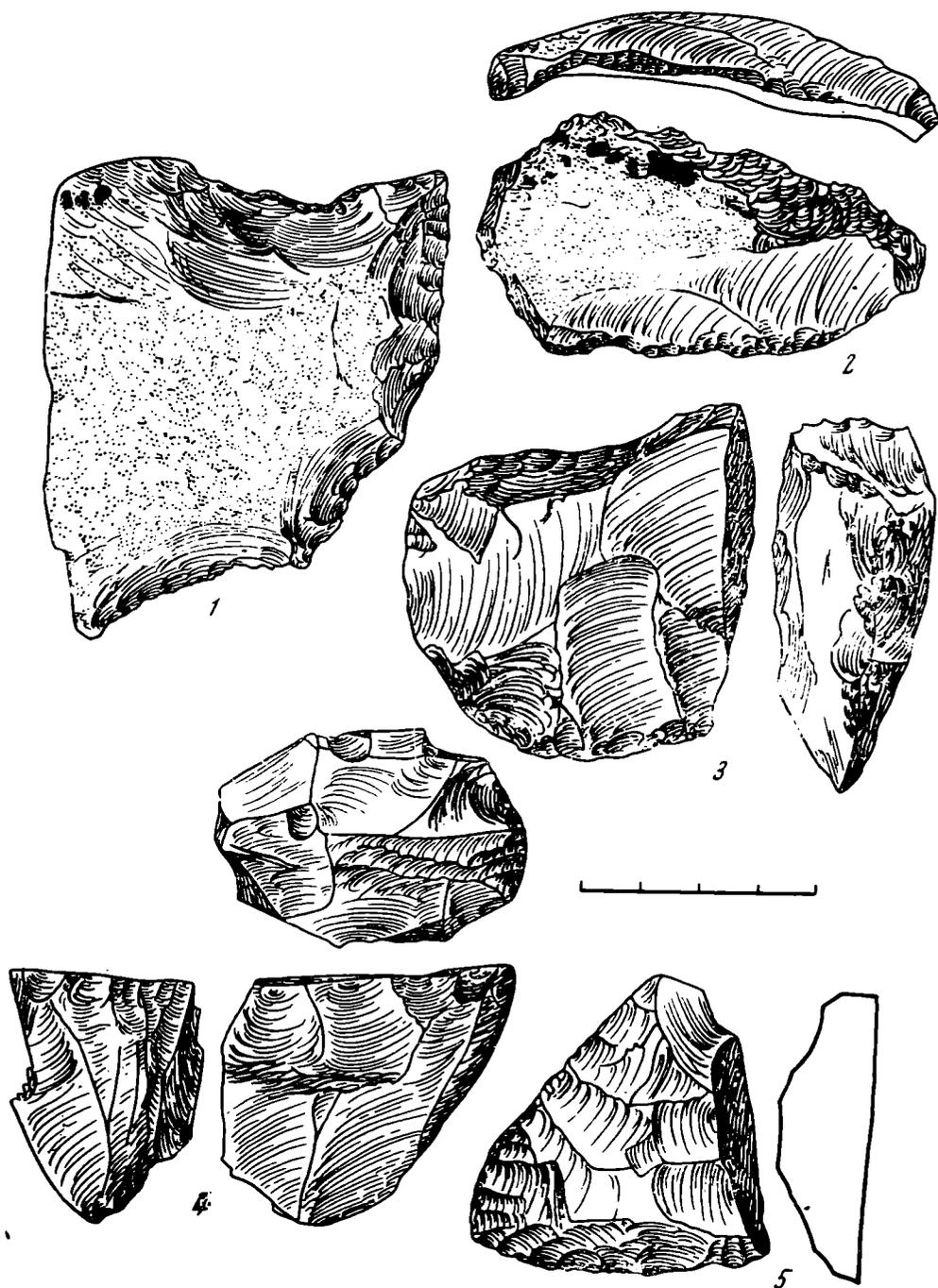

Рис. 1. Скребла и нуклевидный скребок

1, 2 — Ангачи III; 3 — Ангачи II, пункт 5; 4, 5 — Ангачи II, пункт 4

скребков (высотой около 2,5 см) из пункта 6: совпадают форма и характер ретуши лезвия, его заполированность (рис. 2, 7, 8).

Нуклеусы с дуговидным ребром из Ангачи II пункт 4 (рис. 2, 11) и коллекции С. А. Теплоухова (рис. 3, 21) оба довольно крупные (высота 4 и 4,6 см), ребро начинается у задней части площадки и выходит на фронтальную часть, с которой скалывались пластинки. Оба использованы очень

¹³ Г. П. Сосновский. Позднепалеолитические стоянки Енисейской долины. ИГАИМК. 118, 1935, рис. 15, 1; 26, 11.

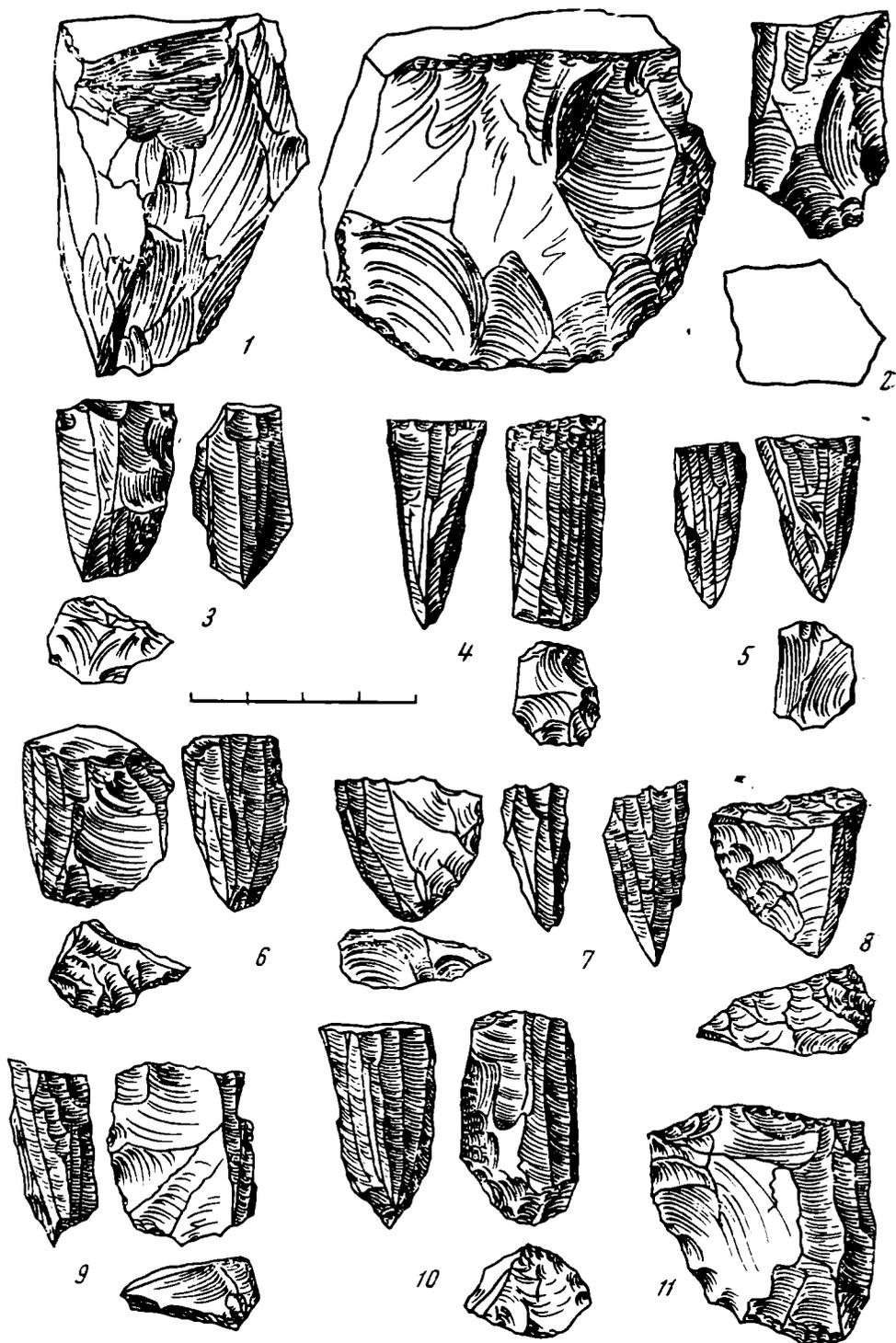

Рис. 2. Заготовки нуклеусов и нуклеусы

1—4 — Ангачи; 5, 11 — Ангачи II, пункт 4; 6—8 — Ангачи II, пункт 6;
9 — Баянкольчик; 10 — Саглы

мало: на нуклеусе из Ангачи II негативы 3 грубых пластинок, нуклеус из коллекции С. А. Теплоухова был испорчен при первой же попытке снять пластину — трещина пошла глубоко в тело его. Три нуклеуса из Ангачи III имеют скошенное острое ребро в основании, такое же, как у нуклеусов из Ийме, но высота их в среднем меньше (4, 3,2 и 3 см), площадки и бока оформлены тщательно (рис. 3, 20, 22). В этой же коллекции есть два маленьких нуклеидных куска (высота 2,5 и 2,1 см) (рис. 3, 19). Из пункта 4 Ангачи II происходит небольшой конический нуклеус (рис. 2.5) с плоской спинкой и двумя фронтами снятия пластин, подправка площадки простая — два встречных чешуйчатых скола, высота 2,8 см, использо-

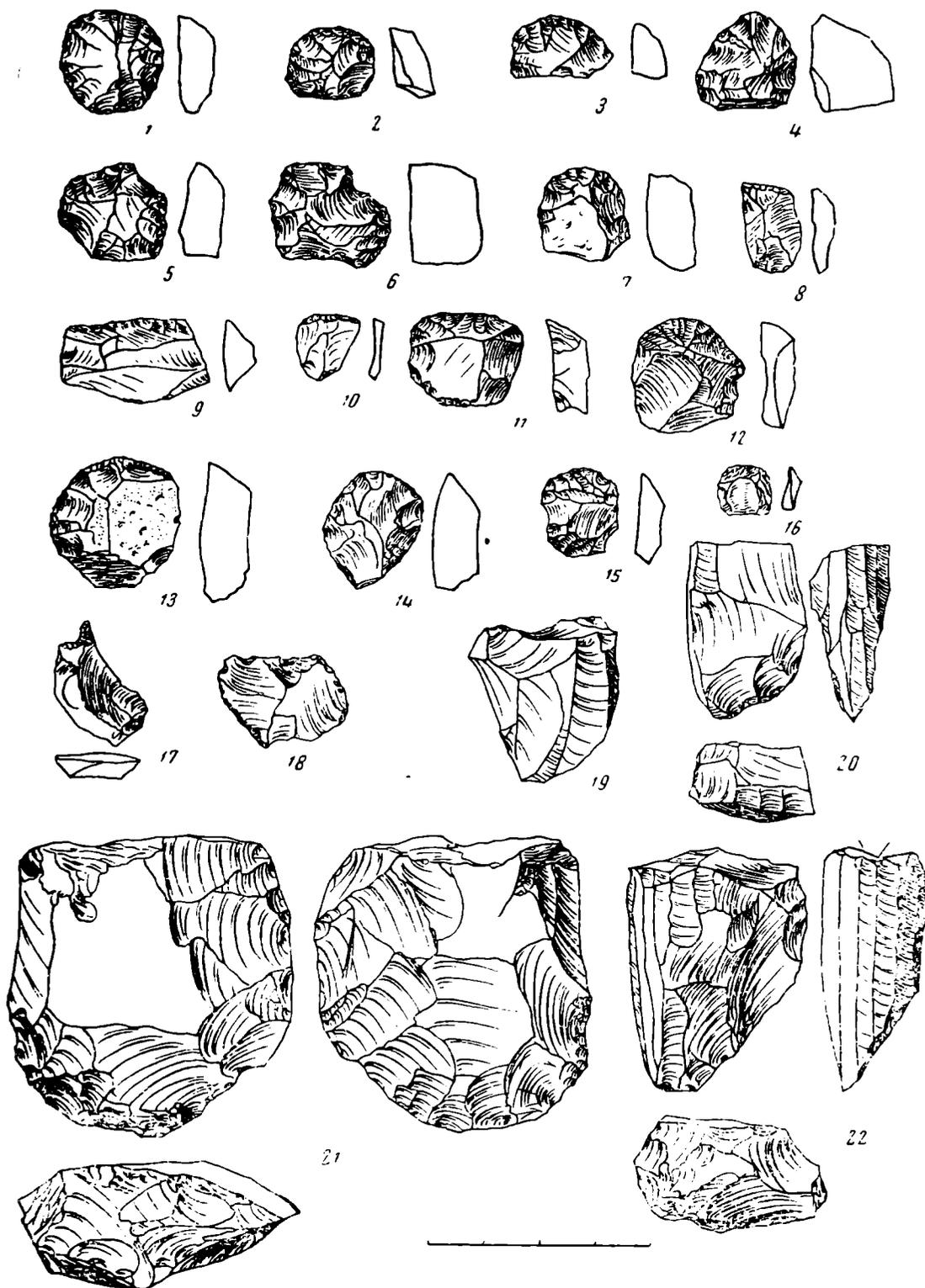

Рис. 3. Круглые скребки. Отщепы со следами употребления, проколка и скобелек, нуклеусы

1—10, 17, 18 — Ангачи I; 11, 12 — Ангачи II, пункт 4; 13—16, 19—22 — Ангачи III

ван довольно полно. Нуклеус из яшмовидной породы, упомянутый выше (рис. 1, 4). Площадка его не имеет подправки, откальываемые пластинки и отщепы изгибались и закругляли нижнюю часть нуклеуса. После того как с одного из боков не удалось снять длинный отщеп, а после повторных попыток образовался ступенчатый залом, нуклеус был использован как скребок высокой формы, о чем говорит заполированность края ударной площадки.

Режущие орудия немногочисленны. К ним относятся широкий нож из плоского отщепа пятнистого кварцита (рис. 4, 1). Спинка его выровнена

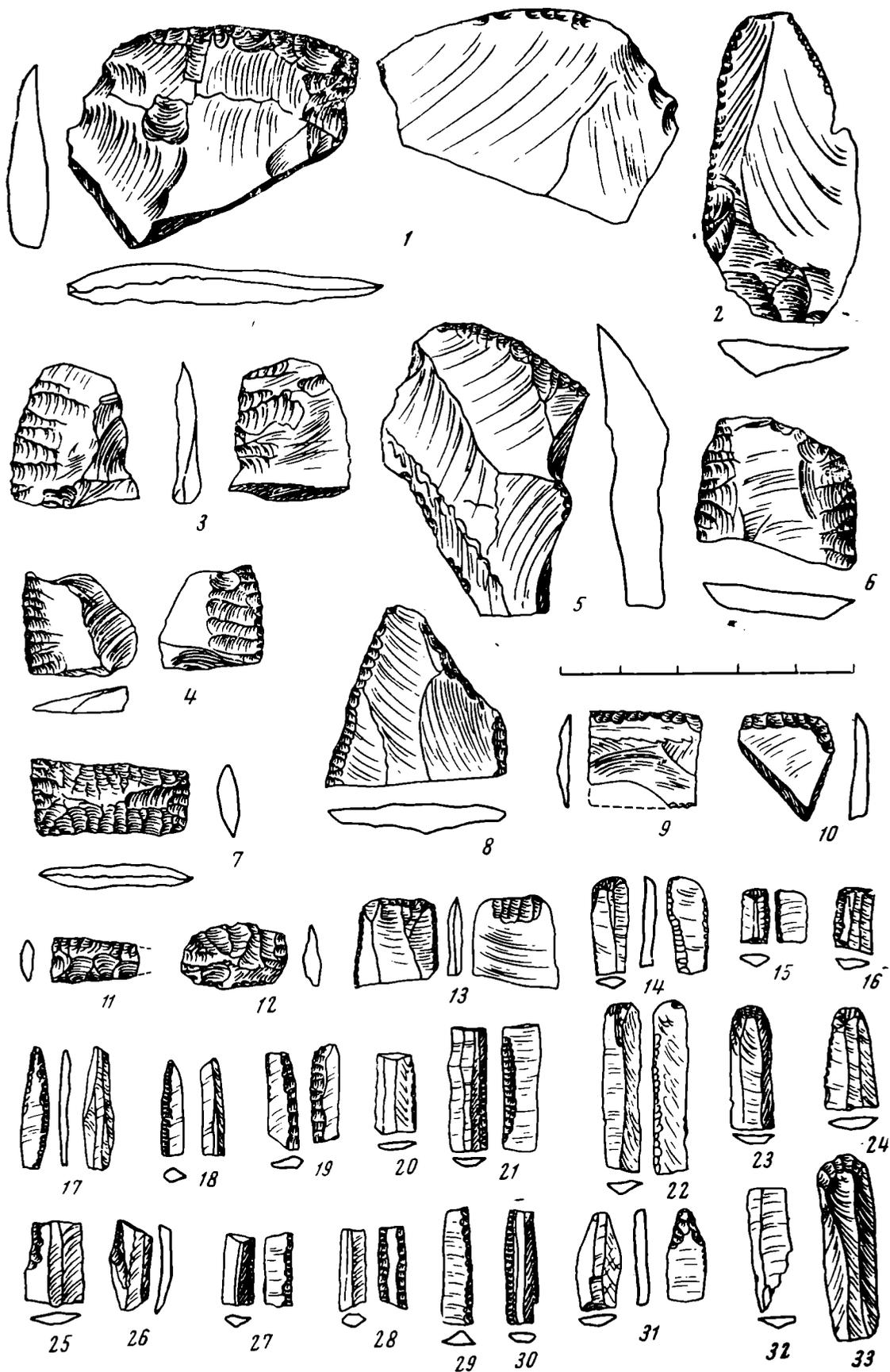

Рис. 4. Ножи, вкладыши и ножевидные пластины

1, 9, 10, 24, 31-33 — Ангачи III; 2 — Ангачи II, пункт 4; 3, 4 — Чааты; 5, 6 — Ангачи II, пункт 6; 7 — Ангачи II, пункт 7; 8, 20, 21 — Ангачи II, пункт 3; 11-19 — Ангачи I; 22, 23 — Баянкольчик; 25-30 — Чааты

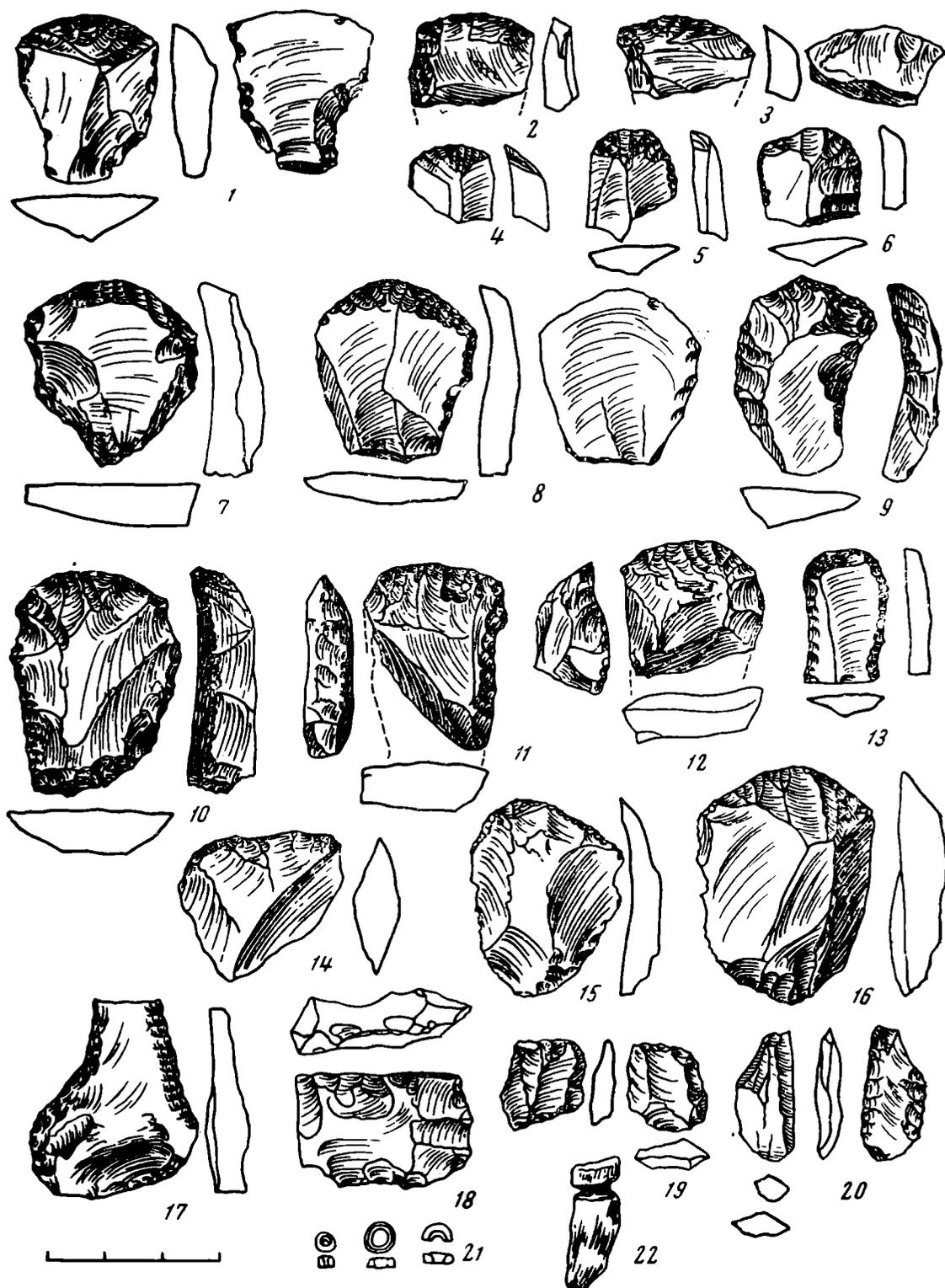

Рис. 5. Концевые скребки, скобель, пила, рёбра есаилее, многофасеточный резец (?), костяные бусинки, каменная подвеска

1—5, 20, 22 — Ангачи I; 6 — Ангачи II, пункт 5; 7, 8, 10—12 — Ангачи II, пункт 6; 9, 17, 18 — Ангачи II, пункт 4; 13—16 — Ангачи III; 19 — Чааты; 21 — Ангачи II, пункт 3

крупными фасетками, острота тонкого выпуклого рабочего края, имеющего к тому же легкую подправку с брюшка, не позволяют считать его скребком, как это сделал Г. П. Сосновский. Ретушь небольшого орудия из плитки коричневого кварцита не характерна для скребков (рис. 4, 10), — это, скорее, резак. В качестве ножа использовался пластинчатый отщеп черного кремнистого сланца из пункта 4 (рис. 4, 2), более толстый край его затуплен ретушью, а тонкий — скорее всего в процессе работы.

Не вполне ясно назначение небольшого орудия из светло-серого кремня (рис. 5, 18). Бока его и две торцовых грани оформлены крупными упло-

щающими сколами, а две другие — грубой ретушью превращены в лезвия с двумя зубцами каждое. Зубцы лежат в разных плоскостях, как у металлической разведенной пилы. Употребление его в качестве пилы вполне возможно (размеры $3,1 \times 2 \times 0,8$ см).

Скребок в материале из пунктов 4, 5 — 4 экз., из Ангачи III — 11, в том числе 8 небольших круглых скребочков из массивных отщепов. Рабочий край, как правило, охватывает более трети периметра. Скребки из Ангачи II шириной 2 см, размеры скребков из Ангачи III колеблются от 2,5 до 1 см. У всех можно заметить смятость краев, не имеющих скребковой ретуши, и некоторую суженность тыльной части, что свидетельствует о закреплении их в рукояти (рис. 3, 11—16). Концевой скребок из пункта 5 сделан из довольно крупного изгибающегося трапециевидного отщепа (рис. 5, 9), тыльная часть сужена ретушью для закрепления в рукояти. В Ангачи III найдено четыре концевых скребка иного типа (рис. 5, 14—16). Они делались из массивных прямых отщепов с плоскими спинками. Длина двух целых экземпляров 3,5 и 4,2 см, ширина рабочего края 2,2—3 см. Еще один концевой скребок (рис. 5, 13) сделан из небольшого пластинчатого отщепа, края его оформлены крутой скребковой ретушью.

Единственный скобель найден в пункте 4 (рис. 5, 17). Он сделан из плоского, но массивного отщепа, вогнутый, скобелевый край сработан сильно, противоположный край заостряющей ретушью превращен в режущее орудие.

Ножевидных пластин найдено в пунктах 4 и 5 — 8 экз., в Ангачи III — 63. Крупных среди них нет совершенно, а ретушь употреблялась только для утоньшения верхней части пластины (рис. 4, 23, 24, 33). Единственные ретушированные пластинки — это маленькая проколочка, конец которой оформлен довольно крутой ретушью (рис. 4, 31), и широкий вкладыш из того же материала, что и резак (рис. 4, 9), но это скорее пластинчатый отщеп, чем пластинка; один край его, более массивный, приострен одно-сторонней ретушью, другой (обломанный) затуплен мелкой ретушью. Отщепы здесь найдены в среднем более крупные, но на них почти нет следов употребления.

Так же, как в Ийме, в материалах пунктов 4, 5 Ангачи II и Ангачи III имеются архаичные орудия — остроконечники в одной и скребла в другой стоянке, значительна роль массивных концевых скребков из отщепов, нуклеусы в среднем довольно крупные — архаичная черта, характерная и для монгольских позднепалеолитических памятников, среди нуклеусов имеются экземпляры с ретушированным ребром, а также довольно грубые.

В обеих стоянках отсутствуют резцы, *pieces ecaillées*. Однако примесь более поздняя в составе материалов Ангачи II и III имеется, об этом говорит присутствие здесь наконечника стрелы.

Пункт 6 Ангачи II дал более однородную коллекцию. Из четырех нуклеусов — три небольшие нуклеусы-скребки, довольно полно сработанные. Бока их уплощены, а ребро тщательно заострено ретушью, отжимные площадки несколько вогнуты и оформлены весьма тщательно, но на фронтальной части есть следы снятия лишь довольно плохоньких и мелких пластин — они сильно изогнуты и имеют не параллельные грани. Именно такие пластинки и составляют большинство среди ножевидных пластин пункта 6. Об использовании здесь главным образом нуклеусов-скребков говорит и обилие ребристых сколов: 33 скола на 75 пластин, часть пластин сохранили на нижнем конце фасетки ребра, выходящего, как и на нуклеусе из Ангачи III, на фронтальную часть. Пластинки примерно тех же размеров, что и в Ангачи III. Ретушировались они крайне редко, бывает лишь мелкая ретушь, больше похожая на затупленность. Четвертый нуклеус (рис. 2, 6), высотой 3 см, довольно массивен, заднее ребро образовано грубыми сколами сверху и основание несколько смято. Площадка

получилась неудобная — выпуклая, однако пластинки с него получались более качественные, чем с нуклеусов-скребков.

Круглых скребков нет, но концевые сделаны более тщательно, чем на стоянке Ангачи III и в пункте 4. Два скребка из массивных трапецевидных изогнутых отщепов с полукруглыми тщательно оформленными лезвиями. Тыльная часть их сужена поперечной ретушью (рис. 5, 7, 8). Три скребка из массивных прямых отщепов с уплощенными поперечными сколами спинками и с выпрямленными ретушью краями сделаны из прозрачного халцедонового кварца. Два из них сломаны, размеры целого: длина — 3,8 см, ширина рабочего края — 2,6 см, толщина до 1 см; сломанные были таких же размеров (рис. 5, 10—12).

Режущие орудия — два массивных плоских отщепа, приостренных пологой односторонней ретушью (рис. 4, 5, 6). У одного из них сужена тыльная часть, и на ребрах и выступах ее заметны щербинки, получившиеся в результате закрепления ее в рукояти. У второго два одинаково острых лезвия.

Среди отщепов все еще довольно много относительно крупных, степень использования их увеличивается значительно. Комплекс пункта 6 близок более архаичным — пункту 4, 5 и Ангачи III, хотя в нем самых архаичных черт уже нет. Развились концевые скребки, нуклеусы-скребки предельно выработаны, развивается вкладышевая техника с использованием крупных сечений пластин без ретуши.

Предметы	Стоянки						Боян- коль- чик
	Ийме	Ангачи					
		III	п. 4,5	п. 6	п. 3	I	
Всего пластин	32	63	8	75	29	159	38
в том числе:							
длинной 2—3,5 см	13	29	2	30	1	23	5
с сечением 9—16 мм	7	4	1	10	13	45	8
с сечением 5—8 мм	—	—	2	—	9	41	11
с ретушью	+	5	—	3	4	20	11
Ребристые сколы	+	6	—	33	1	5	—
Всего отщепов	98	113	39	246	55	394	33
в том числе:							
длинной более 15 мм		80	31	133	19	113	4
со следами использова- ния		3	6	19	9	71	—
соотношение пластин и крупных отщепов и орудий из них, %		37	20	35	70	52	88

Неолит Тувы представлен материалом стоянок Ангачи I, Ангачи II, пункт 3, Боянкольчик и отдельными находками из Чааты, Ангачи II, пункт 7, с Хемчика, стоянкой на р. Тонмак в Тодже, которые могут относиться и к эпохе бронзы.

Пункт 3 Ангачи II и Боянкольчик бедны находками, здесь не обнаружено ни стрел, ни керамики; орудия — два небольших круглых скребочка и три нуклеуса клиновидных с грубым, почти без подправки ребром, основание сильно смято, высота 2,8—3,2 см (рис. 2, 9). С них снимались тонкие правильные пластинки. Основная общая черта неолитических комплексов Тувы — развитие вкладышевой техники.

Более полное представление о неолите Тувы даст стоянка Ангачи I. Две «линзы» находок диаметром 10 м лежали в одном выдуве, в 70 м друг от друга. Южная — более богатая, но материал обоих скопления не различался ни по составу предметов, ни по сырью: два небольших легких жилища стояли здесь практически одновременно.

Нуклеусы, найденные в южном скоплении, узкие и довольно высокие, с клиновидным узким основанием. У одного из них спинка плоская, а пластины снимались с трех сторон, два других (считая обломок) имеют на спинке короткое ребро, четвертый — заготовка нуклеуса подобного же типа (рис. 2, 2—4). Здесь же найден крупный кварцитовый отбойник, возможно, из заготовки нуклеуса. Бока его оббиты крупными сколами, направленными от извилистого очень сильно забитого ребра (рис. 2, 1).

Ножевидных пластин 159, большинство из них тонкие и узкие, не шире 4—5 мм, лишь 2 коротенькие пластинки, ретушированные по краю и с удаленными ударными бугорками 13—14 мм шириной. Почти все пластины имеют следы использования их в качестве вкладышей, встречается как односторонняя, так и двусторонняя ретушь, с брюшка или со спинки. У двух ретуширован конец — для более плотного соединения с соседним вкладышем (рис. 4, 14, 15). Две прозрачные пластинки очень тонкой ретушью превращены в микроострия (рис. 4, 17, 18). Найденны здесь два полностью ретушированных вкладыша (рис. 4, 11, 12).

Из 25 скребков 20 круглые. Они несколько более массивны, чем ранние круглые скребки, рабочий край у них нередко составляет прямой угол с брюшком, очень сильно изношен в работе по твердому материалу, вероятнее всего кости, часто рабочих краев несколько — их употребляли в съемной рукояти. Много мелких отщепов носят следы использования их в качестве скребков (рис. 3, 8—10). Два небольших концевых скребочка (рис. 5, 4, 5) закреплялись в рукояти таким же образом, как круглые, но лезвие их гораздо острее и не имеет следов работы по очень твердому материалу, они, как и концевые скребки на отщепах, вероятно, употреблялись при работе по дереву. Один из них, довольно правильной формы с суженным черешком (рис. 5, 1), восходит к скребкам из Ангачи II, пункт 6, но сделан еще тщательней; два других, из черного кремня, очень острые и с острыми выступами по концам рабочего края, обломаны (рис. 4, 2, 3).

Не вполне ясно назначение небольшого орудия из молочно-белого кварца (рис. 4, 20). Конец его обломан, но видно, что он был заострен вертикальными сколами, какие бывают на многофасеточных резцах. Очень заметно увеличилось на стоянке Ангачи I использование различных случайных отщепов в качестве орудия недолгого пользования: они употреблялись как проколки, иногда с незначительной ретушью (рис. 3, 17), как скобельки для заточки костяных острий (рис. 3, 18), как режущие орудия.

На стоянке Ангачи I найдено 18 наконечников стрел и 4 их мелких обломка. Делались они из коричневого кремня (рис. 6, 1—3), из серого и пятнистого кварцита (рис. 6, 4—7, 9—14, 16—18), из прозрачного кварца (рис. 6, 8, 15). Качество ретуши зависит от качества сырья: стрелы из коричневого кремня оформлены очень тонкой и ровной ретушью, из прозрачного кварца, имеют ретушь крупную, но ровную, хотя еще не струйчатую, обе стрелы из него — самые крупные, стрелы из кварцита ретушированы иногда довольно беспорядочно, у некоторых она не покрывает всей поверхности; более правильная ретушь двух миндалевидных кварцитовых стрел. Однако сырье еще не определяло качества ретуши: стрелы из Чааты сделаны из того же пятнистого кварца, но ретушь их хорошая (рис. 6, 22, 23). В Ангачи I преобладают мелкие (в среднем $17,5 \times 13$ мм) треугольные наконечники стрел, чаще с прямым основанием, широких пропорций (1:1,28). Почти все они с округлыми боками. У некоторых скруглены углы при основании, что сближает их с миндалевидными. Три миндалевидных наконечника почти одинаковы: длина их 21—22 мм, ширина 11—12 мм, наиболее широкая часть несколько ниже середины, а основанием служила выемка из 1—3 фасетки.

Три обломка двусторонне обработанных орудий, линзовидных в сечении, дают возможность реконструировать их форму — это дротики миндалевидной формы с округлым основанием, длиной 7—9 см, шириной 2,5—3 см (рис. 6, 28—30).

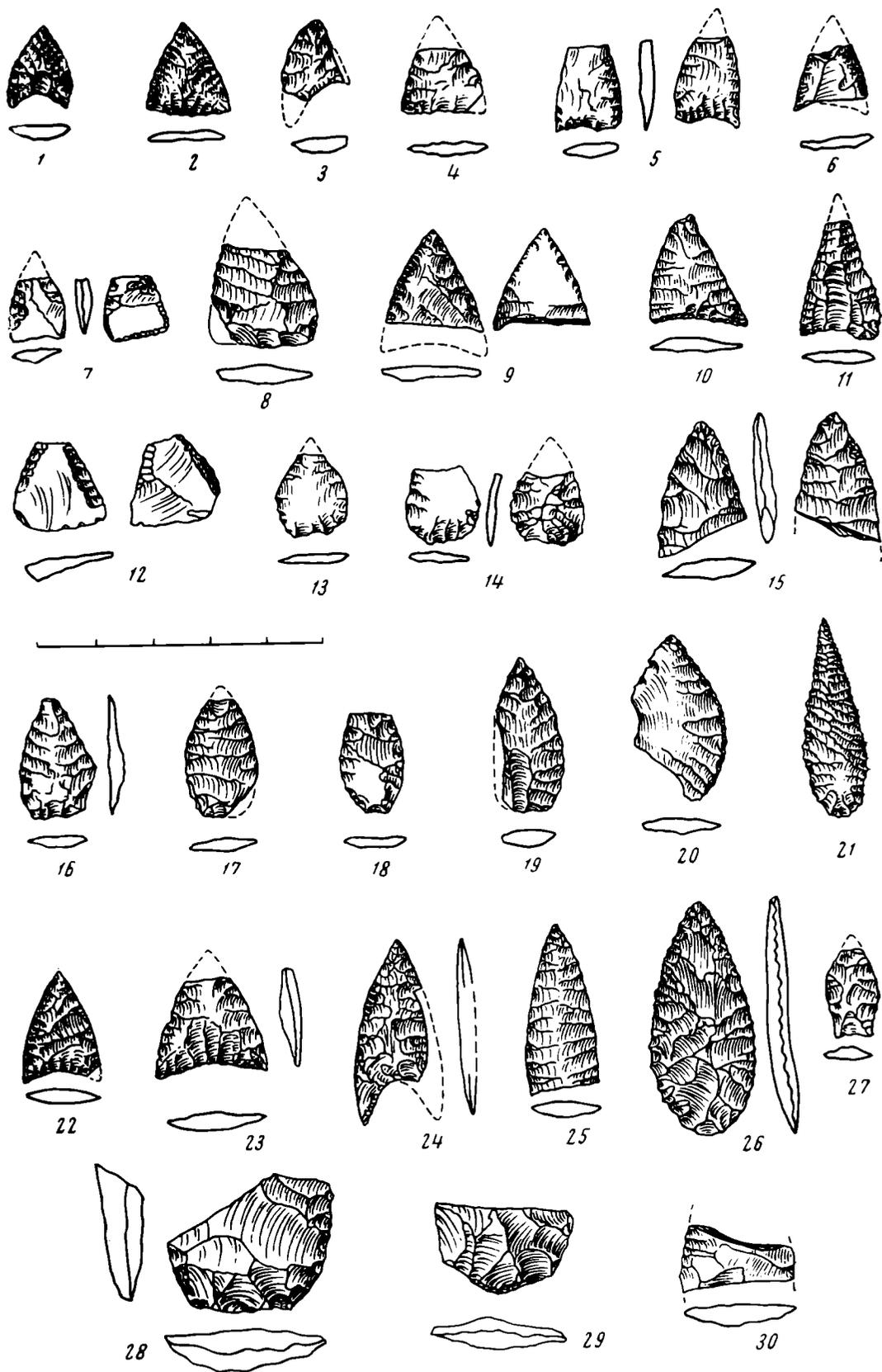

Рис. 6. Наконечник стрел и дротиков

1—18, 28—30 — Ангачи I; 19 — Ангачи II, пункт 7; 20 — Ангачи III; 21 — р. Хемчик; 22—27 — Чааты

На стоянке Ангачи I найдено 11 мелких фрагментов керамики, по крайней мере от 4 сосудов. Орнамент в виде горизонтальных полос, нанесенных редким острозубым штампом, есть на одном фрагменте. Керамика плотная, тесто со значительной примесью песка, толщина стенок 6—8 мм. Кроме того, здесь найден валиковый курант зернотерки.

К неолитическим предметам украшения относятся три мелкие бусинки-бисеринки из кости (рис. 5, 21), найденные в пункте 3 Ангачи II, анало-

тичные костяному бисеру из неолитического погребения у ручья Гремячего под Красноярском¹⁴. В Ангачи I найдена подвеска из мягкого камня в виде клыка (рис. 5, 22).

Развитие каменной техники продолжалось и после времени Ангачи I, но сколько-нибудь цельных комплексов пока в нашем распоряжении нет. На дюнах по р. Чааты найдено шесть наконечников стрел (рис. 6, 22—27). Два из них — шпирокие треугольные наконечники, относятся к тому же типу, что и часть стрел Ангачи I. Очень широкую распространенность треугольных наконечников стрел отмечают многие исследователи, полагая поэтому, что они «наименее интересны для культурной и хронологической характеристики памятников»¹⁵. Однако, кроме общих очертаний, есть много других типов признаков: размеры, пропорции, глубина выемки, особенности ретуши¹⁶. В Прибайкалье, например, неизвестны широкие треугольные наконечники с округлыми боками, подобные тувинским. К северу от Саян округлость боков у широких треугольных наконечников встречается редко. Аналогии стрелам из Чааты на западе имеются в памятниках ранней бронзы: Хара-Патка, Горбуновский торфяник. На востоке такой тип стрел характерен для бассейна Амура, но есть аналогии и более близкие: такие стрелы находят в Западной Монголии¹⁷.

Стрелы миндалевидной формы встречены в Туве в меньшем количестве. Крупный и широкий наконечник есть в материале Ангачи III, сделан он из тонкого отщепы пятнистого кварцита и по технике аналогичен стрелам из Ангачи — ретушь не покрывает его сплошь. После того как он был сломан, его использовали в качестве ножа (рис. 6, 20). Миндалевидный наконечник из серого камня найден в пункте 7 Ангачи II (рис. 6, 19). Узкий миндалевидный наконечник с пильчатой ретушью найден на р. Хемчик (рис. 1, 21). Другой миндалевидный наконечник с пильчатой ретушью найден на Чааты (рис. 6, 26). Он оформлен широкими плоскими фасетками ретуши, не встреченными на других изделиях¹⁸. Наконечники стрел с пильчатой ретушью — оружие явно боевое, а не охотничье. Об этом свидетельствует и весьма позднее появление их, они встречаются с конца гаринского этапа турбинской культуры, резко выраженные зубцы имеют некоторые «ланцетовидные» глазковские наконечники.

Маленький наконечник из матового кварцита, найденный на Чааты, небрежной работы (рис. 6, 27), слегка сужен выше основания, что придает ему рыбовидную форму — черта, общая для стрел эпохи бронзы различных культур от Камы до Байкала. Узкие длинные наконечники стрел с аккуратной струйчатой ретушью, подобные наконечнику из Чааты, сделанному из белого кварца (рис. 6, 25), встречаются в памятниках конца неолита и ранней бронзы (Томский могильник, Басандайка, неолитические погребения под Красноярском). Наконечник стрелы из розовой яшмовидной породы по качеству ретуши не уступает другим стрелам с Чааты (рис. 6, 24). Форма его очень правильная. В основании глубокая выемка,

¹⁴ З. К. Глусская. Новое в искусстве неолита на Енисее. Материалы и исследования по археологии, этнографии и истории Красноярского края. Красноярск, 1963.

¹⁵ В. И. Канпвев. Канинская пещера. М., 1964, стр. 51.

¹⁶ Типологическую характеристику каменных стрел, разработанную В. А. Городцовым, использовал В. Г. Карпов при исследовании стрел, хранящихся в Красноярском музее. В. Г. Карпов. Материалы к археологии Красноярского района. Красноярск, 1929. Асимметричность выемки, которую А. П. Окладников считает важным типологическим признаком, стоит учитывать только когда она выражена достаточно ярко.

¹⁷ В. Е. Даричев, В. В. Волков. Мустьерские и неолитические памятники Южной Гоби. АЭДВ. Новосибирск, 1964, стр. 168; Находятся, аналогичные тувинским, встречаются и в других частях Монголии. Там же, стр. 164 и сл.

¹⁸ История Тувы, I, М., 1964, стр. 20.

¹⁹ Широкая плоская чешуйчатая ретушь встречается у некоторых поздних дропиков, например, из карасукского могильника Хара-Хая, раскопки Л. Р. Кызласова, 1958 г.; коллекция хранится на кафедре археологии МГУ.

что совершенно не характерно для глазковских и китойских стрел Прибайкалья, но часто встречается у стрел из афанасьевских погребений, где удлиненные треугольные стрелы с округлыми боками и глубокой выемкой в основании находят вместе с миндалевидными.

Сама миндалевидная форма наконечников стрел распространена достаточно широко, но характерна она для Средней Азии и Казахстана. В неолитических памятниках Западной Сибири она встречается как случайная вариация узких листовидных стрел с острым насадом, которых в Туве не найдено. Неизвестны в Туве и черешковые наконечники, столь характерные для таежной зоны и изредка встречающиеся в степях. Сибирские формы каменных орудий (ножи, тесла, стрелы) проникали в Монголию, но они почти полностью миновали Туву — для нее оставались характерны степные элементы быта: малое количество керамики, отсутствие шлифованных орудий, двусторонне ретушированных ножей, микролитическая техника²⁰, иные формы стрел. Сказывалось, по-видимому, тупиковое положение Тувы, хорошо доступной только с юга. Лишь очень немногие сибирские формы (полностью ретушированные вкладыши рис. 4, 7, 11, 12) попали каким-то путем в Туву.

Переход от палеолита (Ийме, Ангачи II, пункты 4, 5, Ангачи III) к мезолиту (Ангачи II, пункт 6, Торгалык?, Саглы?) совершался, по-видимому, без этнических изменений. Неолитическое население Тувы, вероятно, также генетически связано со своими предшественниками; изменения в каменной технике произошли значительные, но для их объяснения не требуется привлекать переселенцев со стороны, хотя культурный облик неолитического населения Тувы близок казахстанскому и родствен монгольскому²¹. Более значительны перемены при переходе от неолита к бронзе, но именно по этому периоду у нас меньше всего материалов. Появление типов стрел, имеющих широкое распространение и не местное происхождение на рубеже неолита и бронзы — явление не узко локальное: то же можно отметить на рубеже китойского и глазковского этапов в Прибайкалье. В Туве в это время продолжает развиваться техника ретуши — можно отметить появление двусторонней ретуши на режущих орудиях в материалах с Чааты. Не ясна судьба микролитической техники: вместе со стрелами нуклеусов не найдено, а немногочисленные ножевидные пластинки длиннее более ранних.

В Туве в конце неолита и начале бронзы можно ожидать несколько очень разных культур. Одна из них представлена в материалах с р. Ангачи, другая — Тонмакской стоянкой, отличающейся обилием керамики. С. И. Вайнштейн видит аналогии тонмакской керамики в Усть-Собакинской стоянке, Л. Р. Кызласов отмечает афанасьевские черты в ее орнаменте, каменный же инвентарь, по-видимому, близок к Ангачи I, хотя стрел там не найдено. Керамику, найденную С. А. Теплоуховым у с. Туран, Л. Р. Кызласов считает неолитической²², орнаменту ее аналогии пока неизвестны: вся она покрыта оттисками ромбического штампа, в виде сетки

---

²⁰ Термин «микролитическая техника» мы употребляем для обозначения техники с преобладанием вкладышевых орудий над цельнокаменными. Сводить микролитическую технику к геометрическим микролитам, как это делают Е. В. Ларичев и А. П. Окладников, значит второстепенную этнографическую деталь выдавать за определяющую техническую тенденцию. Вкладышевая техника может влиять на весь облик индустрии, тормозя развитие одних типов орудий и способствуя развитию других. Один из способов показать степень микролитизации, применяемый О. Н. Бадером, — учесть процент ножевидных пластин в сумме всех пригодных для работы кремней.

²¹ Близость облика культуры населения азиатских степей в значительной степени может объясняться существованием единой культурно-хозяйственной зоны степных охотников и собирателей; А. А. Формозов. О микролитических культурах Азиатской части СССР. СА, 1959, 2.

²² Л. Р. Кызласов. Этапы древней истории Тувы.

с ячейками около 1 см, в середине ромба оттискивается шишечка. Различный угол наклона, различная густота отпечатков создают некоторое разнообразие этого технического орнамента. Кремня вместе с ней не найдено²³, но если она все-таки относится к неолиту, то это будет еще одна не похожая на Ангачи I неолитическая культура в Туве.

V. Sidorov

UNE STATION DE L'AGE DE PIERRE DANS
LA TOUVA CENTRALE

Résumé

La collection des matériaux transportables, rassemblés par S. A. Teploukhov, L. R. Kyzlassov et S. I. Wainstein, permettent de donner la première caractéristique de l'âge de pierre révélé dans les steppes du haut Jénissei. Le paléolithé tardif, représenté par la station d'Jimé, point 4, Angatchi II, Angatchi III décèle une certaine affinité avec la civilisation de Kokorévo. Les complexes mésolithiques d'Angatchi point 6 et partiellement d'Angatchi III se distinguent par des nucléus grattoirs, par de gros grattoirs et par des lamelles-couteaux menues, fortement courbées, sans retouche. La technique des dents n'atteint son plein développement que pendant le néolithé, représenté par les stations d'Angatchi I, II, point 3, et par celle de Boiankoltchik. On récolte ici de larges et menues pointes de flèches, triangulaires d'abord et amigdaloides ensuite, de menus grattoirs ronds abondant, la poterie est représentée faiblement. Les trouvailles des articles plus tardifs sont très rares. Le néolithé de la Touva se diffère considérablement de celui de taïga Sibérienne et rentre dans le cycle des civilisations microlithiques des steppes de l'Asie Centrale.

---

²³ Л. Р. Кызласов, табл. I. Коллекция хранится в Гос. Эрмитаже, ОИПК, № 5133

А. П. ДЕРЕВЯНКО, А. П. ОКЛАДНИКОВ
ДРЕВНИЕ КУЛЬТУРЫ ВОСТОЧНЫХ РАЙОНОВ МНР

**(К итогам археологических исследований
1949 и 1967 гг.)**

Советско-монгольская археологическая экспедиция за последние годы провела широкие археологические исследования на юго-востоке, юго-западе и западе Монголии. В этих районах открыто значительное число археологических памятников, относящихся как к ранним этапам каменного века Монголии, так и поздним — к неолиту, бронзовому и железному векам.

В 1967 г. экспедиция работала на востоке МНР в районах, обследованных А. П. Окладниковым еще в 1949 г. Восточные районы выбраны для работ в силу нескольких причин. Во-первых, как показала экспедиция 1949 г., этот район был густо заселен в каменном веке и особенно в эпоху неолита. В 1949 г. были обнаружены такие памятники, как группа древних поселений у г. Чойбалсан; замечательное поселение с остатками жилищ-землянок, близких по структуре к амурским, в Тамцак-Булаке; остатки древнейшей известной сейчас в этих районах МНР культуры каменного века в ряде пунктов на берегах р. Халхин-Гол, в том числе на горе Хере-Уул. Во-вторых, этот район являлся колыбелью монгольского народа. Выявление древнейших культур, предшествовавших развитому железному веку, позволило бы восстановить историю племен и народов, населявших эту территорию в древности, помогло бы решить многие этногенетические проблемы. В-третьих, Восточная Монголия — область, исключительно важная для восстановления и понимания многих исторических процессов, происходивших в Центральной и Восточной Азии в каменном веке. Развитая система таких рек, как Керулен, Халхин-Гол и, наконец, Амур, позволяла древним обитателям Восточной Монголии находиться в тесных контактах с племенами многих соседних территорий.

Вопрос о первоначальном заселении Восточной Монголии нельзя считать окончательно решенным, хотя экспедиции 1949 и 1967 гг. дали ряд очень интересных наблюдений. На юге и западе Монголии экспедициями последних лет открыт ряд нижнепалеолитических памятников, позволивших связывать ранние культуры этой территории с леваллуа-мустьерскими культурами Запада и в первую очередь со Средней Азией. На востоке Монголии наиболее древними можно пока считать памятники, обнаруженные в районе г. Чойбалсан.

Первые находки палеолитических орудий были сделаны в 20 км к северу от Чойбалсана в местности Ульбит-Нуур. С востока на запад в этом районе тянется глубокий ров. В 200 м на восток от железнодорожной насыпи на дне рва найдено палеолитическое скребло, изготовленное из массивной гальки. Один край ее обработан широкими сколами и превращен в прекрасное рабочее лезвие. По краю лезвия нанесена более мелкая ретушь. Скребло обработано крупными сколами с одной стороны по всей по-

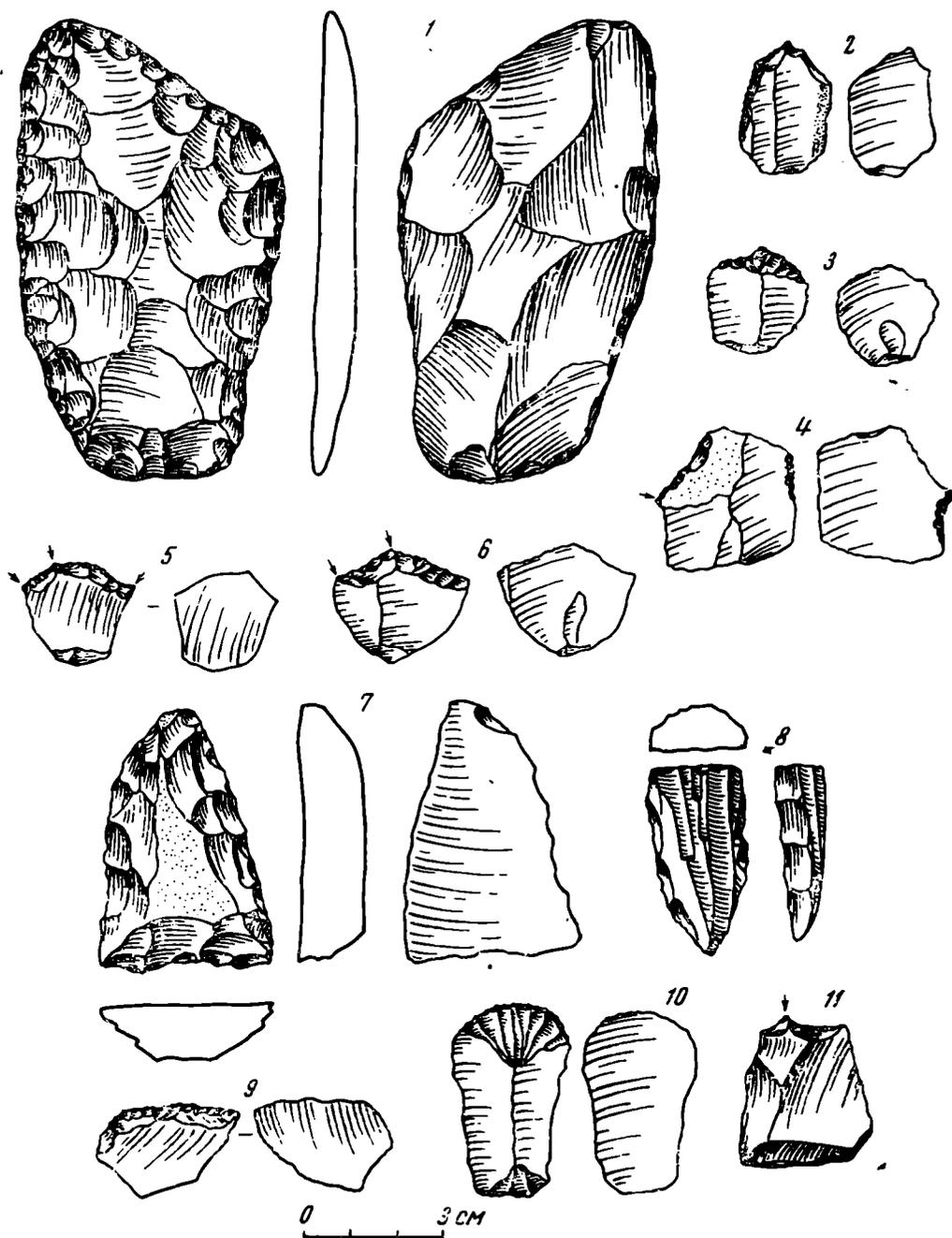

Рис. 1. Кремневые орудия со стоянок Монголии

верхности, с другой — до половины. Скребло сильно патинизировано и покрыто известковой корочкой. Неподалеку от скребла в стенке рва обнаружены остатки ископаемой челюсти какого-то крупного быка или оленя. Фауна находилась на глубине 1 м от современной поверхности. Перекрывал ее довольно мощный (до 50 см) слой крупнозернистой, хорошо уплотненной супеси с примесью крупных галек и щебня. Это или пролювиальные отложения, связанные с ледником, или древние озерные отложения. В этом слое были обнаружены отщепы из красной яшмы и колотое окаменелое дерево. Скребло, обнаруженное здесь, очень близко по форме и степени обработки к верхнепалеолитическим скреблам таких стоянок, как Афонтова гора на Енисее. Подобного типа скребло обнаружено на правом берегу Керулена, на поверхности второй надпойменной террасы. Скребло изготовлено из черного кремня. Лезвие скребла имеет овальную форму, с обеих сторон оно оббито сколами. По краю рабочее лезвие с одной стороны подправлено мелкой ретушью (рис. 1, 1).

Второе местонахождение палеолитических орудий находится у источника Хуйтын-Булак, в 130 км от Чойбалсана по направлению к Халхия-

Голу. Дорога к сомону идет здесь по обширной низине, окаймленной с запада и востока отчетливо выраженными уступами — древними берегами. Высота уступов 30—40 см. Края их изрезаны довольно глубокими оврагами. По самой низине виден второй уступ террасы высотой 2—3 м. На этом уступе в большом количестве лежала хорошо окатанная галька изверженных пород, в том числе базальта и очень редко халцедона. На этом месте была, по-видимому, древняя мастерская. На сравнительно небольшой площади было собрано несколько сот колотых галек, среди которых можно выделить несколько руководящих форм.

Наибольший процент составляли галечные орудия: чопперы, чоппинги и скребла. Чопперы изготовлялись из крупных базальтовых и андезитовых галек. Несколькими сильными поперечными ударами у них с одной стороны затесывалось лезвие. Лезвие могло быть прямым, скошенно-овальным и в виде острья. Изредка по лезвию наблюдалась дополнительная подправка более мелкими сколами. Пятка орудия сохраняла галечную корку. Чоппинги также изготовлялись из массивных галек. На одном конце с двух сторон у них затесывалось в виде клина лезвие и дополнительно подправлялось по краю ретушью. Рабочее лезвие у чоппингов обработано более тщательно. Сколами чоппинги обрабатывались наполовину, а иногда и на две трети, пятка оставалась необработанной. Скребла сделаны также на гальках, но в отличие от рубящих орудий у них сколами обрабатывался не узкий конец гальки, а широкий. И по размерам скребла несколько меньше, чем рубящие орудия. Некоторые скребла обработаны сколами с одной стороны, а иногда и с двух, по всей поверхности. Лезвие у них — прямое или овальное — ретушировалось по краю.

Среди обработанных галек выделено более двух десятков нуклеусов. Среди нуклеусов трудно выделить четкие руководящие формы. Но все же имеются нуклеусы типа леваллуа, дисковидные и грубоподпризматические. Среди леваллуазских только один законченный и хорошо оформленный. По всему периметру с одной стороны имеется подтеска, характерная для леваллуазских нуклеусов. Особенно хорошо оформлена ударная площадка. Нуклеус был подготовлен к дальнейшему скалыванию пластин. Среди дисковидных нуклеусов были также, которые могли употребляться и в качестве скребел. У отдельных экземпляров сравнительно хорошо подготавливалась ударная площадка. Сколотые отщепы небольших размеров. Подпризматические нуклеусы изготовлялись из удлиненных галек, у которых на одном конце поперечными сколами создавалась ударная площадка, всегда несколько скошенная. С таких нуклеусов снимали массивные пластинчатые отщепы. Среди орудий труда найдено несколько отбойников. Почти все изделия, найденные у источника, сильно патинизированы, что косвенно свидетельствует о их древности.

Судя по находкам у г. Чойбалсана и у источника Хуйтын-Булак, формирование палеолитической культуры Восточной Монголии происходило под влиянием двух районов: Западной Монголии с леваллуа-мустьерской и галечной индустрией, а также района Забайкалья, Лены и Ангары, о чем свидетельствуют характерные скребла сибирского типа.

Последующий, мезолитический, этап представлен поселением у горы Хере-Уул, которая находится на левом берегу р. Халхин-Гол в 200—300 м от реки. Она поднимается над уровнем реки и поймой на 150 м и круто, почти отвесно, опускается к ее долине. Противоположный склон горы более отлогий и постепенно переходит в высокую террасу, поднимающуюся над уровнем реки на 40—50 м. Терраса изрезана несколькими глубокими широкими впадинами. С западной стороны террасу огибают речка Алтын-Гол, впадающая в Халхин-Гол. Терраса сложена светлыми супесями и песками, и только цоколь террасы каменист. На западном склоне горы видно несколько выдувов, которые в настоящее время в значительной степени уже задернованы.

Поселение находится на западном склоне горы, где нами вскрыта пло-

щадь около 30 м². Находки залежали на глубине 40—50 см от дневной поверхности в слое слабо гумусированной супеси.

Наиболее многочисленную группу находок составляли нуклеусы и заготовки нуклеусов. Типологически они образуют одну большую группу гобийских нуклеусов или нуклеусов-скребков. Все они сравнительно небольших размеров. Пластины снимали с одной грани. Две другие грани образуют ребро, которое у всех экземпляров обработано ретушью и представляет превосходное режущее лезвие. Многие специалисты считают эти изделия орудиями. Пластины, снимаемые с таких нуклеусов, очень миниатюрны и, вероятно, не могли применяться в работе. Заготовки нуклеусов также небольших размеров. Тщательная подработка одного ребра ретушью, безусловно, вызвана не технической необходимостью, а специфичностью назначения такого нуклеуса в качестве режущего или скоблящего инструмента. Подобные нуклеусы могли применяться в качестве скобелей-рубанков. Рабочей поверхностью в этом случае им служит ударная площадка, которая всегда хорошо уплощена и выравнена.

Орудия труда, обнаруженные при раскопках, немногочисленны, но характерны. Наибольшее количество приходится на концевые скребки, которые изготовлялись на массивных пластинах или пластинчатых отщепках. Представлены они несколькими типами: с высокой спинкой и изготовленные на сравнительно тонких пластинах, с прямым лезвием и округлым. Кроме скребков имеется два скребла. Скребла изготовлены из плоских, сравнительно тонких плиток черного сланца. Лезвия у них несколько вышуклые, обработаны крутой тонкой ретушью.

Миниатюрные ножевидные пластины, скалываемые с нуклеусов-скребков, в большинстве не имеют дополнительной подправки. Кроме них на поселении обнаружены и более крупные ножевидные пластины, краевые сколы с нуклеуса, а также специфические изогнутые в плане пластины, так называемые лыжевидные, получаемые при подготовке ударной площадки гобийских нуклеусов, когда с нее скалывался длинный продольный скол при ее подживлении. На ряде больших пластин нанесена по краю ретушь. На одном из краевых сколов с нуклеуса изготовлен многофасеточный срединный резец. Из одной ножевидной пластины изготовлено комбинированное орудие. Один край ее обработан ретушью и мог применяться в качестве ножа. На конце этой пластины имеется диагональный резцовый скол. Это комбинированное орудие типа резец-нож. Каменный инвентарь поселения на горе Хере-Уул имеет близкие аналогии в целом ряде палеолитических и мезолитических памятников Восточной Сибири, Дальнего Востока и Японии. В этом отношении наибольший интерес представляют такие памятники Восточной Сибири, как палеолитическая стоянка Красный Яр и Верхоленская Гора¹.

За последние годы большая работа по выявлению древних памятников была проделана на Камчатке Н. Н. Диковым. Новый ценный материал по палеолиту и мезолиту собран в Забайкалье, в том числе по соседству с восточными районами МНР (раскопки в Чинданте и Икарале на р. Онон, в бассейне р. Ингоды), а также в Приморье. Сравнивая находки на Халхин-Голе, на горе Хере-Уул с этими памятниками, нетрудно увидеть много общего между ними. Таковы, прежде всего, галечные нуклеусы, скребла лолулуновой формы — «сибирского типа», чопперы и чоппинги. Для более поздних памятников типа Хере-Уул типичны, прежде всего, гобийские нуклеусы-рубанки, концевые скребки, резцы типа «арайя». Кроме того, находки в восточных районах МНР, на Камчатке и в Приморье (Тадуши) сближаются наличием специфических лыжевидных сколов с площадок

¹ З. А. Абрамова, В. Е. Ларичев, Е. Ф. Седякина. Новые данные по древней истории Прибайкалья. Научная конференция по истории Сибири и Дальнего Востока. Тезисы докладов. Иркутск, 1960; Г. И. Медведев. Археологические исследования многослойной палеолитической стоянки Красный Яр на Ангаре в 1964—1965 гг. Отчеты археологических экспедиций за 1963—1965 годы. Иркутск, 1966, стр. 5.

гобийских нуклеусов. Нельзя не упомянуть также докерамических комплексов Японии и отчасти Аляски, где мы видим немало сходных элементов, общих для всего этого обширного района Азии и Северной Америки.

Наиболее обильные материалы собраны в Восточной Монголии по неолиту: открыто и обследовано около 40 стоянок и поселений. Остановимся на характеристике нескольких наиболее изученных. По дороге из Соловьевского в г. Чойбалсан, не доезжая 10 км до ст. Ховирга, на оз. Ямат-Нуур обнаружена обширная неолитическая стоянка. Озеро мелкое, в стадии усыхания. Ширина его 250—300 м. Зеркало воды находится от древнего берегового вала на расстоянии 300—400 м. В высохшей части озера поднимаются невысокие мысовидные возвышенности — островки, поросшие солянкой и дэрасуном. Южный и северный берега низкие, постепенно, без резких переходов сплываются с окружающим ровным плато. Юго-западный берег высокий, около 15—20 м. Сложен он желтыми сероватыми песками и супесями. Цоколь террасы каменист. Современную дневную поверхность составляют пролювиальные отложения, в которых встречались в большом количестве различных размеров халцедоновые желваки.

Каменные орудия встречались в двух пунктах. Первый пункт — высокий юго-западный берег. Здесь найдено несколько призматических и подпризматических нуклеусов, ножевидные пластины, некоторые из них были обработаны мелкой ретушью по краю — вкладыши для ножей, мелкие концевые скребки и отщепы.

Основная часть коллекции была собрана внизу, на северной и северо-западной стороне озера, а также по краю древней береговой террасы, прилегающей к высокому юго-западному берегу. Каменный инвентарь концентрировался у невысоких холмиков, находившихся некогда на дне озера. По-видимому, человек поселился на этом месте уже после того, как озеро отступило. Это свидетельствует о продолжительности процесса усыхания озера. Собранный на озере материал имеет хорошо выраженные специфические черты. Нуклеусы в основном пластинчатые. Среди них наибольший процент принадлежит призматическим и подпризматическим, с которых пластины снимались с трех или четырех сторон. Ударная площадка у большинства нуклеусов перпендикулярная по отношению к продольной оси нуклеуса, но имеются экземпляры, у которых площадка скошена. Пластины с таких нуклеусов снимали с одной или двух сторон. Незначительную часть составляют нуклеусы-скребки или заготовки таких нуклеусов. Нуклеусы-скребки небольшие по размерам. У двух экземпляров имеется подтеска со стороны ударной площадки. Эти нуклеусы могли употребляться в качестве скобелей-рубанков. Кроме пластинчатых нуклеусов найдены также желваки кремня, которые не имели специальной обработки. С таких желваков скалывали отщепы, которые также шли для производства орудий труда.

Большую часть коллекции составляют пластинчатые отщепы, пластины и отщепы. Из готовых орудий труда необходимо отметить концевые скребки, изготовленные как на отщепах, так и на пластинах, вкладные лезвия, резцы. Концевые скребки обрабатывались крутой ретушью. Вкладные лезвия сделаны в основном из ножевидных пластин. Мелкая ретушь наносилась с брюшка. Некоторые экземпляры подправлены и со спинки.

Резцы трех типов. Первую наиболее многочисленную группу составляют боковые резцы. Резцовый скол делался по краю пластины или пластинчатого отщепа. Ко второй группе относятся срединные резцы. Третью группу составляют резцы с диагональным резцовым сколом. Среди каменных изделий встречаются также комбинированные орудия: резцы-ножи, проколки-скребки, скребки-ножи.

Особую группу составляют своеобразные тесловидно-скребовидные инструменты. Таких орудий найдено около 10. Они четко подразделяются на две группы. К первой группе относятся инструменты овальные или

сегментовидные в поперечном сечении. В плане они подтреугольной формы. Одна сторона их обрабатывалась по всей поверхности широкими сколами. Противоположающая сторона также обрабатывалась сколами по всей поверхности или наполовину. Нижнее широкое лезвие подрабатывалось по краю мелкой ретушью. Этот вариант тесловидно-скребловидных инструментов очень близок к изделиям подобного типа громатухинской культуры Среднего Амура. Ко второй группе относятся орудия, изготовленные на плитках. В плане их очертания подпрямоугольные, несколько сужающиеся к обушку, сечение прямоугольное или трапециевидное. По краям эти орудия обработаны сколами, и на нижнем широком лезвии есть дополнительная подправка — мелкая ретушь. Этот тип инструментов имеет близкие аналоги в памятниках Забайкалья: неолитических поселений у с. Чиндант, Будулан и др.

Серия неолитических стоянок и поселений обнаружена вокруг г. Чойбалсана. По правому берегу Керулена, напротив города тянется невысокая (6—10 м) береговая терраса, которая расчленена глубокими оврагами на мысовидные возвышенности. На протяжении 20—30 км вдоль террасы попадались каменные орудия. Они встречались по самому краю террасы десятками, иногда и сотнями. Наиболее обильные находки сделаны у возвышенности Барун-Ульдзит, где выделено три местонахождения.

Пункт № 1. На южном склоне горы, в том месте, где склон переходит в надпойменную террасу, на площадке шириной 30—40 м, на протяжении 300—400 м, прямо на поверхности собрана большая коллекция каменного инвентаря. Нуклеусы, обнаруженные в этом пункте, в основном пластинчатые: конические и подпризматические (рис. 1, 8). Почти все они сработаны до предела. Судя по негативным отпечаткам, с отдельных нуклеусов диаметром 1—2 см скалывали до десяти и более пластин. Среди нуклеусов имеются три заготовки. Они сравнительно небольших размеров. Форма одной из заготовок в сечении близка к ромбу. Со всех сторон заготовка обработана сколами, ударная площадка уплощена, опорная — несколько приострена. Другая заготовка сделана из окаменелого дерева. В поперечном сечении она прямоугольна. Опорная площадка затесана на клин. Орудия труда изготавливались из ножевидных пластин и пластинчатых отщепов. Среди них наибольший процент составляют скребки и небольшие скобели. Скребки в основном концевые типа. Их можно разделить на три группы. К первой относятся скребки на длинных ножевидных пластинах. Крутой ретушью у них обрабатывался один конец. Рабочее лезвие прямое или овальное. Вторую группу составляют скребки со скошенным или округлым рабочим лезвием (рис. 1, 2, 3, 5, 6, 9). К третьей группе относятся языковидные скребки (рис. 1, 10). Изготавливались они на пластинчатых отщепах миндалевидной формы. Ретушью обрабатывался широкий конец. Около 10 скребков изготовлено на отщепах. Они обрабатывались ретушью почти по всему периметру. Небольшой процент составляют также боковые скребки из ножевидных пластин.

Скобели изготавливали из крупных отщепов. Лезвие у них выемчатое, обработано крутой ретушью. Небольшие выемки, образованные ретушью, имеются на целом ряде ножевидных пластин и пластинчатых отщепов (рис. 1, 4, 11). Значительный процент ножевидных пластин отретуширован по краю. Они употреблялись в качестве ножей (более крупные экземпляры) или вставлялись в костяные оправы составных ножей и кинжалов. Для пункта № 1 также характерны двусторонне ретушированные орудия труда. Это в первую очередь вкладыши для ножей и проколки. Все орудия труда из пункта № 1 небольшие по размерам.

Пункт № 2 находится в 1 км от горы по течению реки. Терраса, прилегающая к горе Бурун-Ульдзит, сильно прорезана небольшими оврагами — ложками. На ее поверхности имеются также глубокие выдувы. На одном из выдувов на восточном его склоне обнаружен очаг. На поверхности выступали отдельные обожженные камни (базальтовые, гранитные)

и мелкие кости животных. Очажное пятно прослеживалось на глубине 10—15 см от дневной поверхности, слабо задернованной. Перекрывающий очаг слой — гумусированная уплотненная супесь с включениями мелкой окатанной дресвы. При горизонтальной зачистке очажного пятна с глубины 8—10 см от современной поверхности стали попадаться в большом количестве дробленые, сильно обожженные кости травоядных (преимущественно ребра). Очажное пятно (хорошо прокаленная супесь) отчетливо вырисовывалось в виде овала на фоне темной гумусированной супеси. Диаметр очажного пятна около 30 см. В западной части очага заполнение его было окрашено в более красный цвет. Заполнение очага — прокаленная супесь с мелкими вкраплениями угольков в верхней части заполнения и зольных включений — в нижней. Последние встречались на глубине 30 см от современной поверхности на площади около 2—3 м². В разрезе очажное заполнение прослеживается в виде линзы толщиной в центре до 15 см.

С северо-восточной стороны к очагу примыкали скопления крупных реберных костей, по-видимому, дикой лошади. В самом очаге и за его пределами обнаружены отщепы, ножевидные пластины. С западной стороны, почти в самом очажном заполнении, лежал скребок сильно обожженный и потрескавшийся, изготовленный из плоского массивного халцедонового пластинчатого отщепа. Рядом со скребком лежали пять конических нуклеусов, сильно сработанных. С юго-западной стороны, в 30 см от очага, обнаружено скопление мелких трубчатых костей (барана или козы). Рядом с фауной лежало несколько отщепов и нуклеус из светло-зеленого кремня.

На противоположном западном склоне выдува в 25 м от очага обнаружено погребение. Погребение было впущено в светло-желтый песок. Перекрывающий слой частично развеян, и верхняя часть черепа раздавлена. Костяк лежал в скорченном положении на левом боку. Голова склонена к груди. Затылок погребенного обращен вверх. Руки согнуты в локтях, и кисти лежали между бедренными костями.

По краю береговой террасы на протяжении нескольких километров с небольшими перерывами был собран подъемный материал: нуклеусы, скребки, резцы, проколки, вкладные лезвия, специфические тесловидно-скребловидные инструменты (рис. 1, 7), ножевидные пластины, отщепы.

В 300—400 м от погребения вверх по Керулену на самом краю террасы обнаружена площадка, на поверхности которой выступала черная жженная земля, обогащенная углестыми включениями и золой. При расчистке было выявлено шесть очагов. Все они концентрировались на площади около 20 м².

Очаг № 1 располагается в северной части раскопа на расстоянии 1 м от очага № 3 и на расстоянии 60 см от очага № 2. При горизонтальной расчистке слоя отчетливо вырисовывалось темное очажное пятно на фоне белого и светло-желтого песка с примесью крупной дресвы. В плане очажное пятно имело овальную форму, несколько вытянутую с запада на восток, размеры его 75 × 60 см. Заполнен очаг темной, с вкраплениями мелких угольков супесью. В отдельных частях прослеживался хорошо прокаленный песок красноватого цвета. Толщина заполнения 20 см. Очаг в разрезе имеет форму линзы с довольно крутыми стенками. В верхней части заполнения очага встречено значительное число отщепов и ножевидных пластин, два нуклеуса конической формы, а также кости животных.

Очаг № 2 находился в восточной части раскопа на расстоянии 40 см от очага № 4. Имел в плане округлую форму, диаметр около 80 см. Дно очага ровное. Заполнение его в центре темное с включением угольков и зольных пятен. По краям очага заполнение имеет более светлую окраску. Очажная яма вырыта в светлом уплотненном песке. С западной стороны к очагу примыкала яма диаметром 25 и глубиной 40 см, заполненная темной супесью. В очажном заполнении обнаружены кости мелких и круп-

ных животных, один нуклеус подпризматической формы, один тесловидно-скребловидный инструмент, три концевых скребка, 40 отщепов и 14 ножевидных пластин. Тесловидно-скребловидное орудие изготовлено из светло-серого камня, две грани его образуют прямой угол. Третья — овальная — обработана по краю мелкой ретушью и превращена в нож. Нижнее широкое основание обработано по краю ретушью. Это было, по-видимому, комбинированное орудие — нож, скребло и тесло.

Очаг № 3 почти вплотную примыкает к очагам № 4 и № 5. В плане очаг имел овальную форму, диаметр около 1 м. Заполнение очага — темная супесь с вкраплениями мелких угольков в центральной ее части. Дно плоское, края крутые, хорошо выраженные. В заполнении очага найдены кости животных. Трубчатые кости расколоты и сильно обожжены. В заполнении найдены также три ножевидные пластины, два скребка и одно орудие типа скребка или скобеля с несколько вогнутым лезвием. Тесловидно-скребловидный инструмент имеет подпрямоугольное сечение. Одна сторона его плоская, сохраняет желвачную корку, вторая обита почти по всей поверхности. Орудие в верхней части сужается. Нижнее основание обработано сколами.

Очаг № 4 имел в плане овальную форму, несколько вытянутую с севера на юг. Размеры его 80×60 см. В разрезе очажная яма грушевидной формы. Глубина в центре 50 см. Заполнение — темно-серый песок с вкраплениями золы. Особенно мощный зольный слой прослеживался в южной части очага. В заполнении обнаружены кости животных, два нуклеуса, два грубых желвака, восемь отщепов, четыре ножевидные пластины.

Очаг № 5 вытянут с севера на юг, в плане удлиненно-овальной формы, размеры его 120×70 см. Между очагами № 5 и № 6 — тонкая (до 10 см) перемычка. На площади очажного пятна видны два хорошо выраженных небольших пятна с более темным углистым заполнением. Дно очажной ямы неровное. В его северной и южной части толщина очажного заполнения наибольшая и достигает 35—40 см. В заполнении очага обнаружено пять ножевидных пластин, 12 отщепов, нуклеус, заготовка нуклеуса, скребок, а также кости мелких и крупных животных.

Очаг № 6 располагался в непосредственной близости от очагов № 4 и № 5. В плане он вытянуто-овальной формы. Размеры его 75×50 см. Заполнение очага в центре — темный гумусированный песок, к краям заполнение светлее. Толщина очажного заполнения в центре 35 см, к краям — 10—15 см. Дно очажной ямы сравнительно ровное. На небольшом расстоянии от очага найдено пять нуклеусов (три клиновидных, два подпризматических), круглое скребло, фрагмент тесловидно-скребловидного инструмента. Скребло изготовлено из плоской плитки мелкозернистого плотного песчаника. По краям оно обработано крупной ретушью. Подобного типа скребла известны из неолитического поселения с. Константиновки на Среднем Амуре, относящегося к новопетровской культуре пластин. На небольшом расстоянии от очагов на площади нескольких десятков квадратных метров встречались в большом количестве каменные орудия.

Пункт № 3 находился в 3 км от пункта № 2, вниз по течению р. Керулен. На высокой террасе, поднимающейся над поймой на 3—6 м и сложенной слоистыми песками и супесями, в одной из глубоких траншей обнаружено три древних ямы. Первая имела плоское дно, впущенное в слоистый песок. Стенки у нее почти отвесные, глубина около 50 см, ширина 1,8 м. На дне ямы отчетливо прослеживалась углистая прослойка толщиной 5—10 см. Выше ее находились еще две прослойки темного цвета с включениями мелких угольков. Эти прослойки залегали в темно-коричневой супеши. Толщина каждой прослойки 3—10 см. В заполнении ямы обнаружены несколько фрагментов костей небольших животных, а также сработанные концевые нуклеусы, отщепы и один превосходно оформленный концевой скребок.

В 1,3 м от первой ямы находилась вторая, значительно меньшая по

размерам. Наполнена она гумусированным песком. В ней не обнаружено темных углистых прослоек, но на дне ямы хорошо прослеживалась светло-серая линза золы. Над линзой лежали объемистые плоские камни. В верхней части заполнения обнаружено несколько фрагментов реберных костей. Ширина ямы 75 см.

Неподалеку от этих двух ям, в стенке противотанкового рва на глубине 40 см от древней дневной поверхности торчали каменные плитки и несколько отщепов из белого полупрозрачного халцедона. Рядом с находками четко вырисовывался контур очажной ямы, заполненной черным углистым заполнением с прослойками красной обожженной супеси.

В целом каменный инвентарь, обнаруженный в пункте № 3, не отличался от инвентаря пункта № 2. К этим местонахождениям по типу каменных орудий близко еще одно, расположенное в 23 км на юг от Чойбалсана, неподалеку от дороги на Халхин-Гол, у оз. Барун Шорвог. На западной стороне озера имелось несколько глубоких выдувов, где и была собрана коллекция каменных орудий. Нуклеусы подпризматические и конические. Ножевидные пластины снимались у большинства экземпляров с одной стороны. Несколько экземпляров имеют скошенную ударную площадку. Из готовых изделий найдены скребки, скобели, вкладные лезвия, наконечники стрел. Скребки трех типов: концевые, боковые и языковидные. Концевые скребки изготовлялись как на пластинчатых отщепах, так и на ножевидных пластинах. Рабочее лезвие у них прямое или овальное. Ретушь крутая, мелкая. Боковые скребки делались на ножевидных пластинках. Языковидные скребки выполнены на удлиненных отщепах. Расширенная часть обработана по краю крутой ретушью. Суженная часть — рукоять — оставлена без дополнительной подправки.

Скобели делали из массивных отщепов. Один край оформлялся сколами, образующими вогнутое лезвие. По краю лезвия наносилась дополнительная подправка ретушью. Вкладные лезвия изготовлялись из ножевидных пластин с дополнительной подправкой одного или двух краев ретушью или из специальных заготовок с ретушью со всех сторон.

Наконечники стрел треугольных очертаний с вогнутым основанием. У двух экземпляров жальца асимметричны. Наконечники обработаны тонкой ретушью. У нескольких экземпляров обломано основание, но, судя по очертаниям, оно могло быть или прямым, или овальным. На стоянке найден один листовидный наконечник, сплошь патинизированный. Длина его 7 см. Своими размерами он значительно превосходит все имеющиеся наконечники стрел. С обеих сторон он тщательно обработан ретушью.

В коллекции из Барун Шорвог имеется несколько орудий с одним или двумя шипами. Эти изделия делали из пластинчатых отщепов. Глубокой крутой ретушью у них тщательно оформлялся шип. У одного такого орудия шипы сделаны с двух сторон. На одном пластинчатом отщепе из желтой яшмы нанесена пильчатая ретушь.

Многие формы каменных орудий описанных местонахождений близки к забайкальским (типа Чинданта и Будулана) и к инвентарю громатухинской культуры бассейна Среднего Амура и Зеи².

Большое неолитическое поселение у сомона Тамцак-Булак было обнаружено А. П. Окладниковым в 1949 г. Экспедицией 1967 г. на поселении было раскопано жилище.

Поселение расположено в 7 км к востоку от сомона, около ключа, на краю высокой (10—12 м) надпойменной террасы некогда большого озера, от которого сейчас остались мелкие озера и заболоченная пойма. Края террасы сильно изрезаны оврагами и рвами. На протяжении 2—3 км к востоку

² А. П. Окладников. Археология долины реки Зеи и Среднего Амура. СА, 1966, 1; А. П. Деревянко. Древние культуры Среднего Амура. Автореф. канд. дис., Л., 1965, стр. 9—14; его же. Неолит Среднего Амура. Материалы по истории Сибири. I, Улан-Удэ, 1966, стр. 654, 655; его же. Громатухинская культура. «Древняя Сибирь и ее соседи», III, Новосибирск, 1968, стр. 268—275.

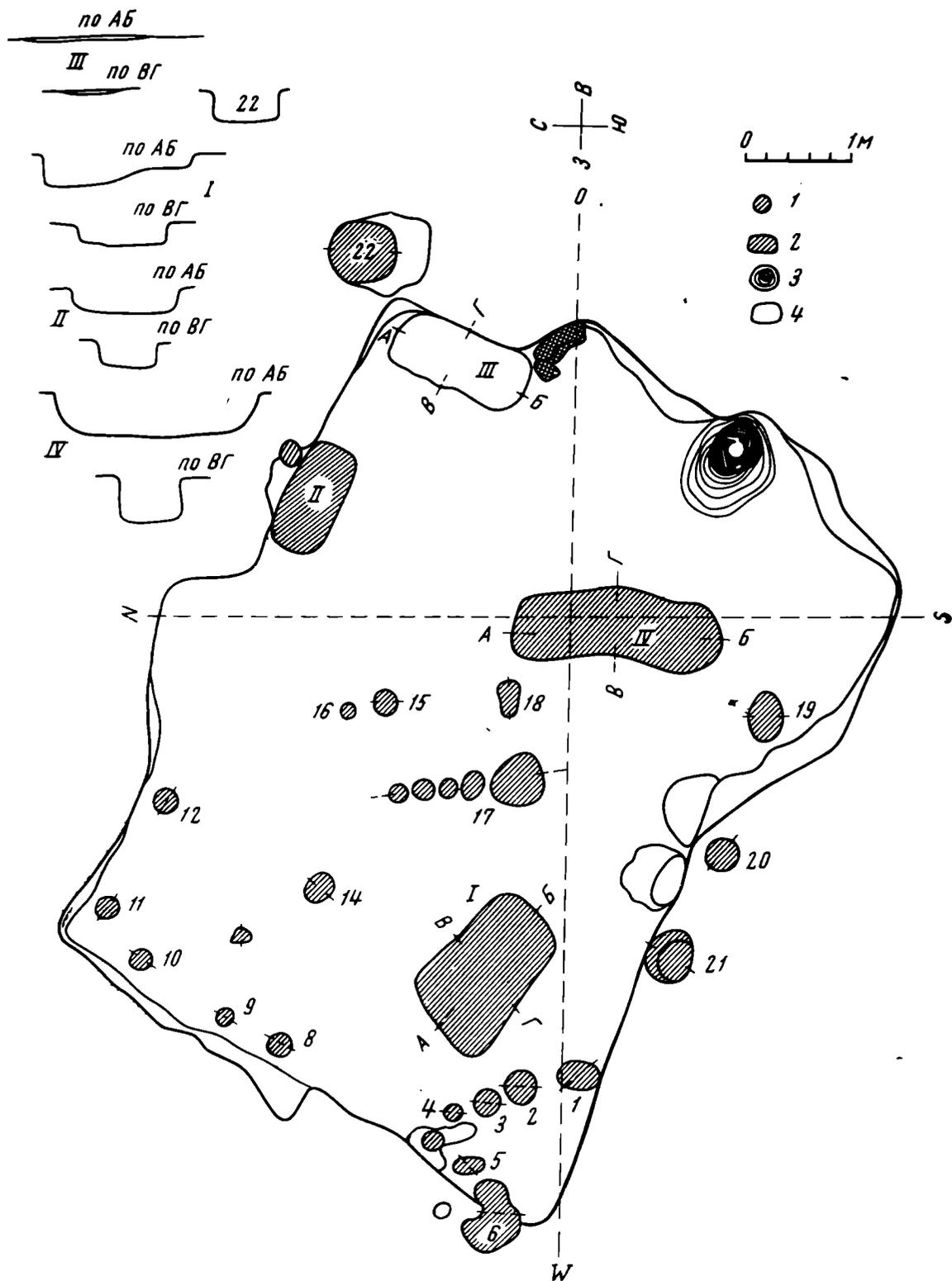

Рис. 2. План жилища № 1 на поселении Тамцак-Булак.

1 — ямки от столбов; 2 — хозяйственные ямы; 3 — захоронение; 4 — угловое пятно

ку и западу от ключа по краю террасы прослеживается культурный горизонт. На поверхности часто попадаются отщепы, пластины, нуклеусы, срудия труда, фауна. В обнажениях хорошо прослеживались западины, заполненные темной гумусированной супесью. Эти западины, имеющие четко выраженный подъем стенок, являются остатками древних жилищ. Для раскопок было выбрано одно такое жилище, как оказалось впоследствии, почти полностью сохранившееся. С юго-западной стороны край жилища обрывался в сторону старого карьера. У этого края прослеживалось наиболее мощное заполнение — более метра. На северо-восток наблюдалось значительное понижение. Такой профиль дневной поверхности объясняет-

ся тем, что северо-восточная часть, обращенная к пойме, сильно размыта и часть заполнения уничтожена. Стратиграфия участка следующая:

1. Сверху залегал дерн (10—15 см) — темно-коричневая супесь. Под дерном в некоторых частях жилища наблюдался поздний наброс.

2. Темная гумусированная хорошо уплотненная супесь, в которой встречались отщепы и орудия труда (30—40 см).

3. Прослойка светло-бурой и желтой слабо уплотненной супеси (10—20 см), которая отделяла верхнее заполнение жилища (по-видимому, остатки крыши и засыпки) от нижнего (пола).

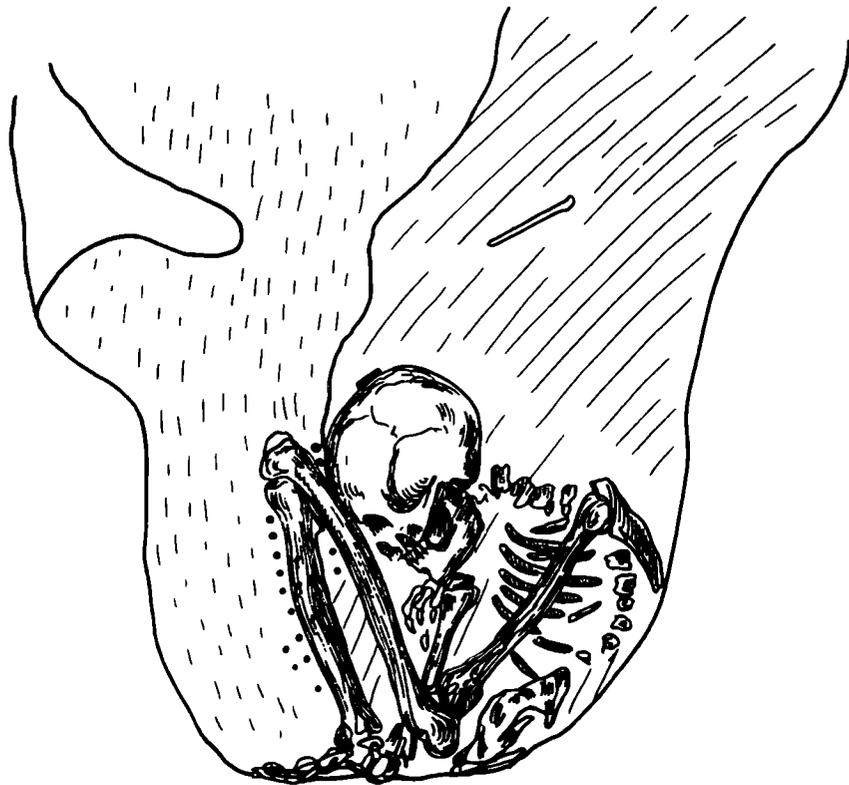

Рис. 3. Разрез погребения № 2 на поселении Тамцак-Булак

4. Черная хорошо гумусированная супесь, в которой встречались вкрапления угольков и углистая масса (30—60 см).

5. Светлая материковая слабо уплотненная супесь.

Второй, третий и четвертый слои непосредственно относились к заполнению жилища. В разрезе контрольных бровок хорошо был виден подъем стен жилища. Границы жилища также хорошо прослеживались после горизонтальной зачистки (рис. 2). Заполнение вынималось по слоям. Находки начинали встречаться уже в верхнем слое темной гумусированной супеси. В центре жилища находок было значительно меньше, чем у стенок.

При зачистке второго штыка заполнения у западного края жилища обнаружено шесть нуклеусов, изготовленных из темного кремня. Ножевидные пластины с них снимались с одной или двух сторон. Опорная площадка у большинства нуклеусов скошена и имеет корытообразную форму. Лежали они недалеко друг от друга. Рядом с ними найдено орудие типа терочника. Один конец его сильно сбит. По-видимому, оно использовалось и в качестве отбойника. Здесь же лежали два фрагмента эпифизов козы или барана.

Наибольшее количество находок было обнаружено при выемке заполнения нижней части жилища. Здесь обнаружено скопление, состоящее из трех нуклеусов, обломка хорошо зашлифованного камня — точила, костяного орудия (шила), фрагментов костей и одного фрагмента керамики.

Рис. 4. План погребения № 2 на поселении Тамцак-Булак

Керамика толстостенная, с примесью толченых раковин и древесины, украшена прочерченными линиями.

В юго-восточном секторе жилища обнаружено большое овальное пятно с примесью золы. В дальнейшем оказалось, что это часть большой ямы, впущенной в жилище. В ней на глубине 15—30 см от современной поверхности обнаружены кости крупных животных, а также семь бабок, принадлежавших, видимо, лошадям. Из костей выделяется гигантский рог: ширина его 12, длина 35 см. Яма прорезала часть стенки жилища. В верхней части ямы обнаружено зольное пятно удлинено-овальной формы. На краю пятна найдено обожженное изделие из глины. Оно имело подпрямоугольную в плане форму, несколько сужающуюся к одному концу. Высота изделия 18, ширина, 12, толщина 5 см. Возможно, это был сердечник для какой-то литейной формы. Все находки располагались на одном уровне на расстоянии 30 см от пола. Несомненно, что этот комплекс впущен в жилище в более позднее время. В разрезе бровки хорошо видно, как зольное пятно прорезает заполнение жилища. С северной стороны впущенная яма сильно сужается и углубляется, прорезая пол жилища.

При выемке заполнения этой ямы обнаружено погребение (рис. 3), находившееся под полом. Дно ямы почти дошло до черепа, но не затронуло его. Захоронение было сделано обитателями жилища. Яма для погребенного вырыта у самой стенки жилища. Это была узкая шахта, куда опустили покойника в скорченном положении, сидя. Череп лежит на бедренных костях, лицом покойник обращен на запад, руки опущены вниз, колени подняты. На голове, бедренных и плечевых костях обнаружены мелкие перламутровые бусины — остатки украшения на одежде покойника (рис. 4). В верхней части ямы обнаружено три костяных оправы для составных вкладышевых кинжалов (рис. 5; 6, 6). В поперечном сечении два из них имеют двутавровую форму. С плоских сторон посередине проходят желобки. По одному краю у них имеются узкие желобки, куда вставляли каменные лезвия. В одном из кинжалов сохранились два таких лезвия,

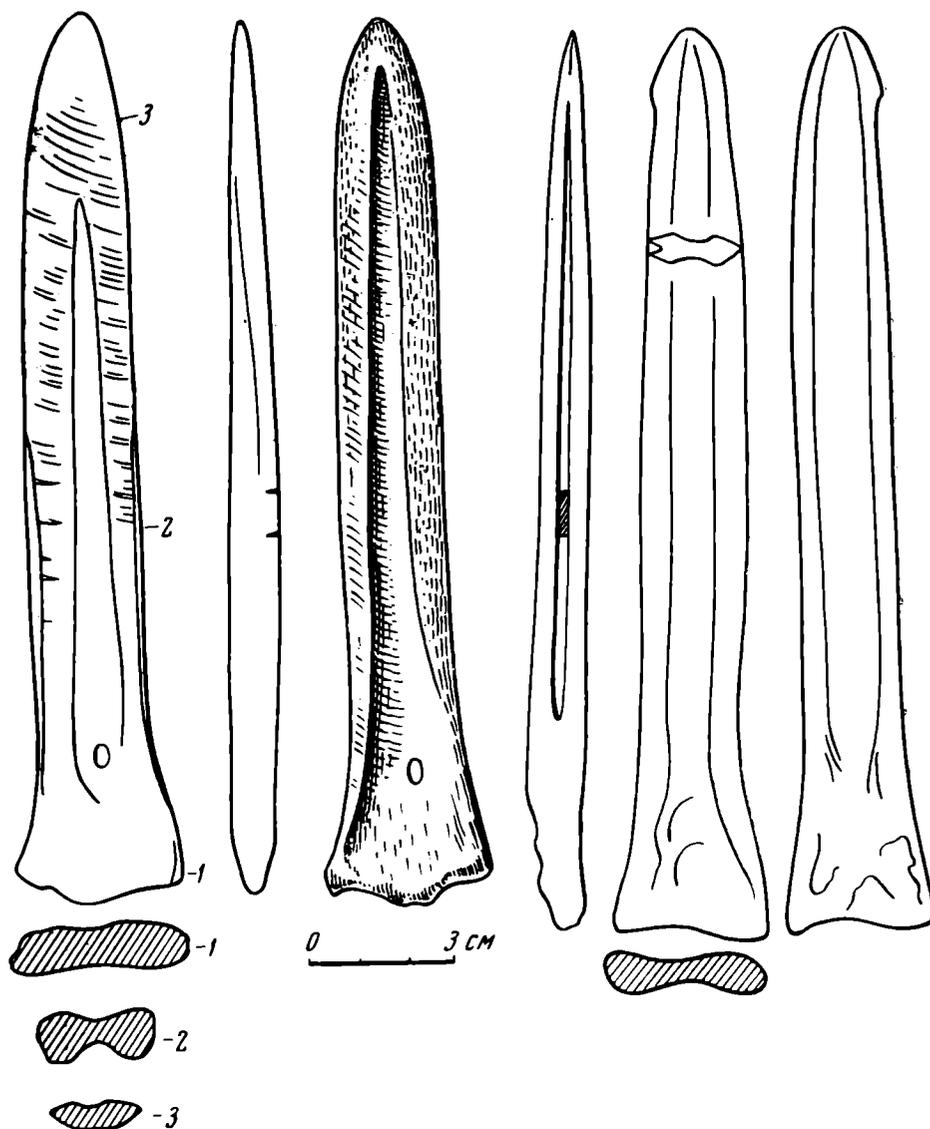

Рис. 5. Костяные орудия с поселения Тамцак-Булак

превосходно отретушированных со всех сторон. Поверхность костяных оправ хорошо отполирована. Длина их достигает 20, ширина 2,5 см.

Наличие погребения в жилище свидетельствует об определенных верованиях и представлениях у племен этой эпохи. По всей видимости, здесь был погребен мужчина — воин или охотник.

После того как все находки на полу жилища были занесены на план, была произведена окончательная зачистка пола и стенок жилища. Почти везде отчетливо прослеживались крутые, почти отвесные стенки. Пол жилища ровный. Очага и выхода в жилище не удалось обнаружить.

На полу жилища (светло-желтая материковая супесь) хорошо видны темные пятна различной формы и размеров. При выемке из заполнения оказалось, что часть их относится к столбовым ямам, а часть к хозяйственным.

В жилище зафиксированы три большие хозяйственные ямы, подпрямоугольной в плане формы. Одна из них расположена у стены и ориентирована параллельно ей. Другая расположена почти в центре жилища. Площадь каждой из них около 1 м². Ямки от столбиков находятся по краям жилища, а также в центре. Диаметр их 10—23, глубина 12—30 см. Жилище в плане прямоугольной формы. Длина его 7,6, ширина 5,6 м. Длинной осью оно ориентировано по линии СЗ — ЮВ.

По конструкции жилище Тамцак-Булак находит близкие аналогии на Дальнем Востоке, в Приморье и Приамурье. Особенно близок этот тип к жилищам новопетровской культуры на Среднем Амуре.

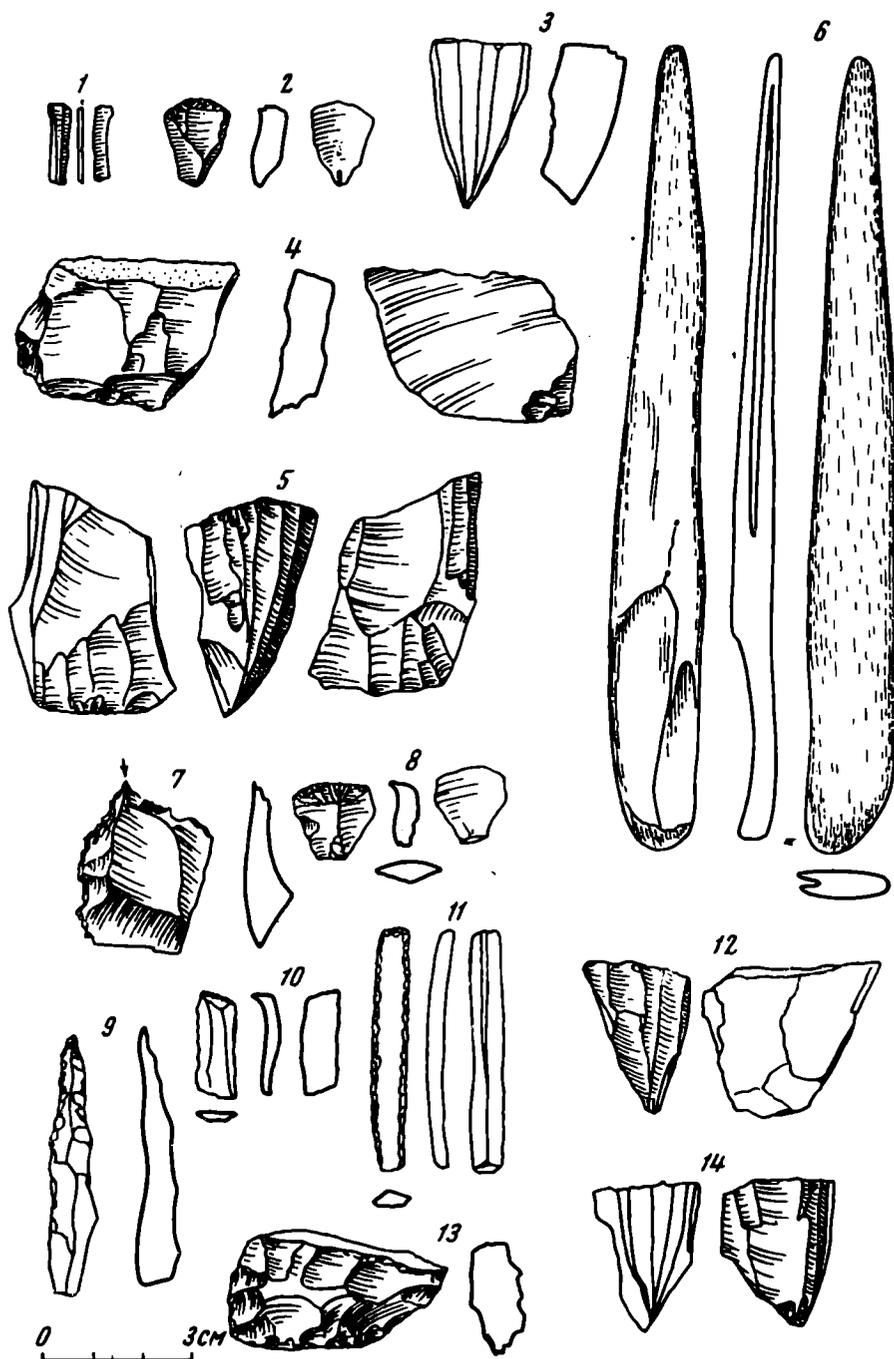

Рис. 6. Кремневые и костяные изделия с поселений Монголии

Каркас стен такого жилища состоял из вертикально поставленных столбов, расположенных на расстоянии 40—60 см. На верхние концы этих столбов клалась горизонтальная обвязка, являющаяся опорой для нижних концов каркаса перекрытия. Верхние концы перекрытия укладывались на внутреннюю обвязку, опорой для которой служили столбы, поставленные в центре жилища. Входили в жилища, по-видимому, сверху, через дымовое отверстие, по специально изготовленной лестнице. Подобная система наблюдалась этнографами вплоть до XIX в. у многих народов Севера. Жилище, вскрытое в Томцак-Булаке, является пока единственным раскопанным неолитическим жилищем в Монголии.

Кроме раскопок жилища на поселении на значительной площади собран подъемный материал, а также вскрыто еще одно погребение, обнаруженное в стенке глубокого рва. Сверху погребение прикрывал песчаный нанос толщиной 20—30 см. В плане яма имеет овальную форму, длина 1,2 м, глубина 70 см. Погребенный был опущен в яму, как и в первом

погребении, сидя с подогнутыми к голове коленями. Лицом покойник ориентирован на восток. Руки опущены вниз, к ступням. Череп лежит на бедренных костях, затылком вверх. Теменная кость сильно разрушена корнями растений, но в целом череп имеет удовлетворительную сохранность. С покойником было положено костяное орудие в виде лопаточки.

В целом комплекс из Тамцак-Булака, по-видимому, двухслойный. Здесь представлен неолит и более поздний этап, связанный, по-видимому, с выплавкой металла.

Об истории племен Восточной Монголии в эпоху ранней бронзы свидетельствуют находки у источника Хуйтын-Булак. Западнее источника, в 400 м от палеолитической мастерской, тянутся небольшие пересыхающие озера. Между цепью озер и источником поднимается ряд невысоких солончаковых холмов, густо поросших дэрасуном. Эти возвышенности сложены сверху эоловыми песками толщиной 30—40 см, серыми песками и илом мощностью 1—1,5 м. Ниже по склону залегает торфянистая коричнево-желтая земля, очень сырая и рыхлая. На размытых склонах возвышенностей выделяются скопления обожженных, растрескавшихся базальтовых, реже кварцитовых галек. В одних местах, менее размытых, скопления лежат компактно, в других камни выступают на площади нескольких квадратных метров. Вокруг скоплений камней лежат в большом количестве кости животных, отщепы, ножевидные пластины, готовые изделия. В отдельных местах выступает прокаленная красного цвета супесь. Это остатки очагов, которые располагались друг от друга на расстоянии 10—30 см. До зачистки они представляли пятна гумусированной супеси с частыми вкраплениями угольков.

Расчищено четыре очага. Наибольший интерес представляет одна очажная площадка. При горизонтальной зачистке обнаружено овальное в плане очажное пятно диаметром 1,5 м. Оно хорошо прослеживалось благодаря частым вкраплениям отдельных угольков и больших пятен углистой массы. Очажные камни почти не сохранились. С западной стороны по краю очага лежало два крупных валуна, и в самом очажном заполнении встречались обожженные и растрескавшиеся гальки из базальта. Возможно, крупными валунами выкладывался очаг, а более мелкие гальки употреблялись для приготовления пищи. В очаге и за его пределами находились массивные фрагменты костей крупных животных: в центре очага — фрагмент большого эпифиза, с северной стороны очага — еще один крупный эпифиз лошади или верблюда. С восточной стороны, на самом краю очага, лежали остатки костей черепа более мелкого животного. Глубина очажного заполнения достигала 30—35 см. Под очагом хорошо прослеживались трещины, которые образовывали довольно правильную радиальную сетку. Ширина трещин различна (от 2 до 8 см). Трещины, проходившие через очаг, заполнены темной углистой супесью. За пределами очага трещины заполнены светло-желтым песком. Глубина заполнения достигала 40 см. Наличие трещин свидетельствует, по-видимому, о сухом климате, установившемся в этом районе после того, как отсюда ушли люди.

В 20 м от этого очажного комплекса вскрыт еще один очаг, значительно меньший по размерам. По краям его стояло три камня: на западной стороне — вертикальная округлая плитка темно-серого цвета, на восточной — небольшой камень. Рядом с последним при расчистке найдены мелкие кости и фрагменты керамики. У массивного камня лежали обломки эпифизов крупных животных (лошади или верблюда). Каменный инвентарь, собранный вокруг очагов и на небольшом удалении от них, содержит большой процент готовых изделий. Орудия изготовлялись в основном из халцедона. Значительно реже употреблялся кремень. Вокруг очагов удалось собрать коллекцию двусторонне ретушированных наконечников стрел. Наконечники представлены тремя типами: с прямым основанием, с асимметричными жальцами и с округлым основанием — лавролистные. Наконечники стрел очень близки по форме и технике к наконечникам Прибайкалья.

Среди наконечников всех типов встречаются как удлиненные экземпляры, так и более широкие, массивные. Все наконечники стрел очень тщательно обработаны тонкой ретушью. Кроме наконечников стрел найдено около 10 скребков и вкладных лезвий для ножей.

Работы 1949 и 1967 гг. позволили по-новому взглянуть на палеолит, мезолит и неолит восточных районов Монголии. Особенно много новых фактов получено по неолиту. Как видно из сказанного выше, неолит восточных районов МНР представлен явно разновременными и разнохарактерными памятниками. Так, неолитическое жилище в Тамцак-Булаке замечательно полным отсутствием двусторонне ретушированных наконечников стрел, столь характерных для Забайкалья и Прибайкалья. Вместо них здесь широко применялись костяные шиловидные наконечники. В этом комплексе отсутствует также керамика обычного для Забайкалья и Прибайкалья типа. Принципиально иной вещественный комплекс дают другие поселения: двусторонне ретушированные наконечники стрел типа серовских в Прибайкалье.

Не менее интересны и черты бытового уклада неолитических обитателей этих районов МНР. Наряду с очагами из булыжников, такими как в Прибайкалье, здесь обнаружены достаточно обширные по площади котлованы древних полуподземных жилищ, сходные с найденными на Дальнем Востоке.

Резко своеобразны погребения неолитического времени: в узких ямах-шахтах и в сидячем положении. Погребения эти напоминают некоторые захоронения на Ангаре, где костяки находятся также в сидячей позе.

Таким образом, локальные черты сочетаются здесь с признаками, характерными для неолитических культур соседних территорий — лесной прибайкальской и оседло-рыболовецкой амурской.

Новые материалы по неолиту восточных районов МНР интересны и тем, что ставят проблему возникновения скотоводства. Обилие костей быка и лошади, возможно, свидетельствует о том, что одомашнивание этих животных происходило здесь же, на месте, еще на основе уклада охотничьих бродячих и полуседлых племен. Значение такой возможности для истории Центральной Азии трудно переоценить.

A. P. Okladnikov, A. P. Dérévianko

LES ANCIENNES CIVILISATIONS DES REGIONS EST DE LA REPUBLIQUE DU PEUPLE DE LA MONGOLIE

Résumé

En 1967 l'expédition archéologique soviéto-mongolique a constaté à l'Est de la République de la Mongolie la présence d'une civilisation paléolithique pour laquelle sont caractéristiques l'utilisation des grattoirs du type sibérien (à bord de travail ovale), de même que l'existence des articles spécifiques en galets. Cela témoigne de ses liaisons avec la Région du Baïkal et les rayons occidentaux de la Mongolie.

Le mésolithé de Khalkhingol révèle des liaisons avec la Région du Baïkal, le Littoral, les îles de Japon et la Kamtchatka, de même qu'avec les civilisations correspondantes de l'Amérique Nord («nucléus de Godi», burins, «éclats en forme de skis»).

Le néolithé est représenté par une série de villages appartenant à des époques différentes. On doit souligner la présence des restes des habitations mi-souterraines, de même que des sépultures néolithiques d'un genre spécifique: assis, accroupis. Deux groupes de villages sont mis à part: le premier — aux pointes de flèches retouchées des deux côtés, l'autre — aux pointes aculéiformes, en os. Le troisième type des villages offre des articles du genre des outils à tailler et à gratter en galets. A ce qu'il paraît, les villages du troisième type sont les plus anciens, ceux aux flèches retochées des deux côtés ont apparu plus tard que les deux autres tandis que la place intermédiaire appartient au néolithé aux pointes de flèches aculéiformes.

Э. В. ХАНЗАДЯН

РАННЕБРОНЗОВОЕ ПОСЕЛЕНИЕ БЛИЗ с. АРЕВИК

Арагатская долина, одна из крупнейших и плодороднейших долин Ближнего Востока, сердце Армянского нагорья, с древнейших времен является экономическим, политическим и культурным центром армянского народа.

Благодаря благоприятным климатическим условиям долина была заселена раннеземледельческими общинами начиная с V тысячелетия до н. э. В раннебронзовую эпоху — в III тысячелетии до н. э. — плотность населения особенно возросла.

В Арагатской долине уже выявлено около 30 ярких памятников, среди которых особое место занимают такие, как Шенгавит (в юго-западной части Еревана), Шреш-Блур и Кюль-Тепе (в Эчмиадзинском районе), Кюль-Тепе I и II (в Нахичевани), Джраовит (в Арташатском районе), Малаклю, Гекчели и Яйджи на правом берегу Аракса (в Турции) и др.

Изучение ряда многослойных памятников Арагатской долины — Мепамора, Армавира, Двина, Муханнат-Тепе — показывает, что они были заселены начиная с III тысячелетия до н. э.

Новый памятник III тысячелетия до н. э. — Аревик находится в окрестностях Армавира, у дороги, ведущей в село Аревик (Арчах).

Это искусственный зольный холм, который был разрушен при строительстве дороги. Кроме того, в течение многих лет он разрушался местными жителями. Сейчас Аревик представляет собой ряд маленьких холмов, на поверхности которых рассеяны обломки зернотерок, подковообразных очажных подставок и чернолощенная керамика.

В 1962—1963 и 1966 гг. автор производил разведочные раскопки относительно хорошо сохранившейся части Аревика, на правой стороне дороги.

Раскопки были непродолжительны, и наши стратиграфические наблюдения еще не совсем полны. В одном раскопе культурный слой кончается на глубине 1,5 м, а в других продолжается вглубь.

В одном из трех раскопанных квадратов обнаружена часть круглого жилища, стены которого сложены из сырцового кирпича без каменного фундамента. В центре этого жилища выявлены очаг с подставкой, костяные шилья, дисковидная крышка, тонкостенные чернолощенные кубки, обсидиановый скребок и т. д.

На глинобитном полу в другом раскопе была обнаружена «гидрия», украшенная грубо врезанным орнаментом. Рядом с «гидрией» находились ладьевидная зернотерка, навершие веретена, каменное колесико, а в некотором отдалении — подставка, чернолощенные сосуды, украшенные ямочным орнаментом.

Третий раскоп богат различными очажными подставками, каменными и костяными орудиями труда.

Во всех раскопах были обнаружены кости крупного и мелкого рогатого скота.

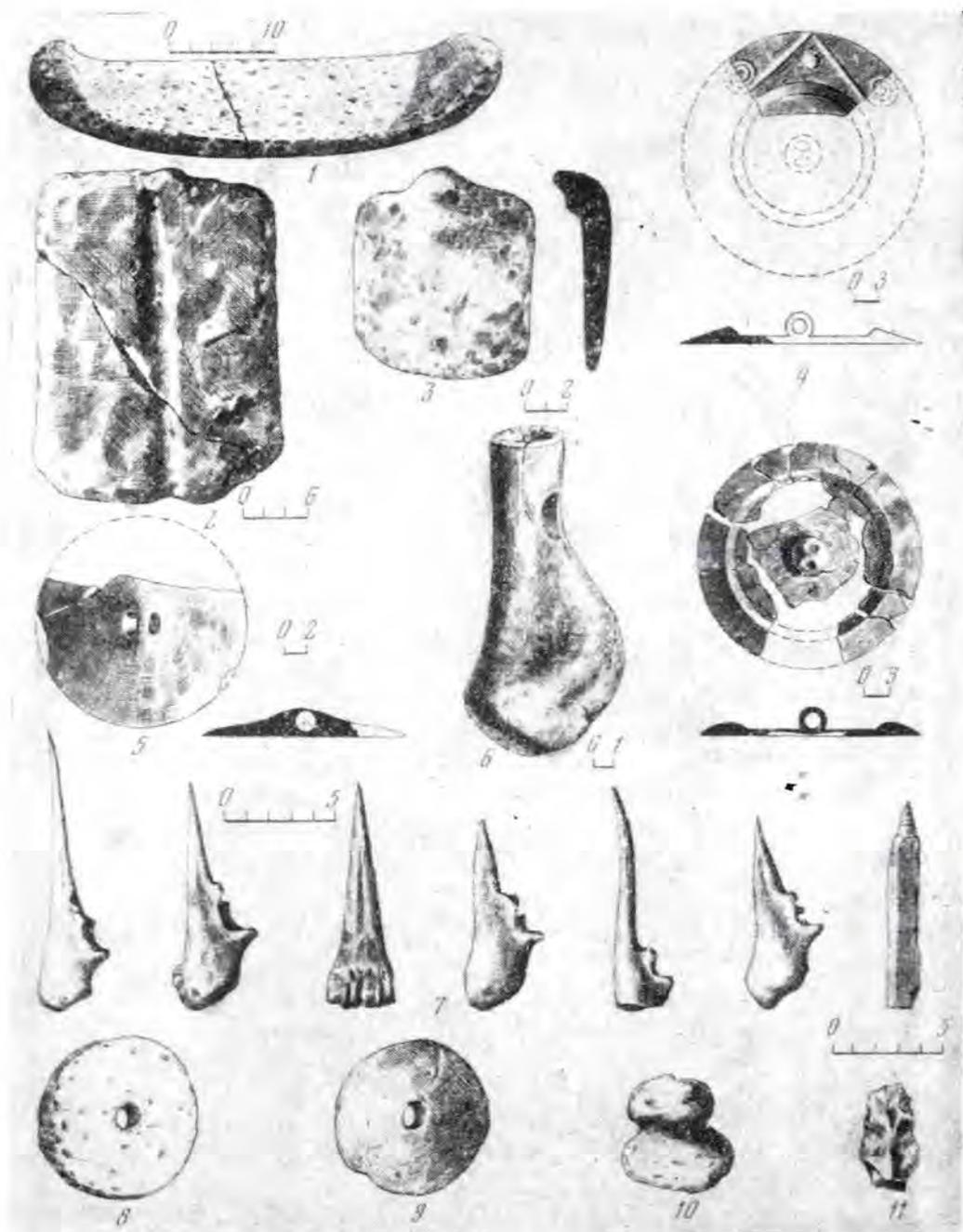

Рис. 1. Предметы из Аревика

1 — ладьевидная зернотерка; 2 — каменное орудие; 3 — идолообразный предмет из камня; 4, 5 — дискообразные крышки; 6 — орудие из кости, напоминающее коло-тушку; 7 — костяные шилья-проколки; 8, 9 — колеса от моделей повозок; 10 — грузило; 11 — ножевидная пластинка из обсидиана

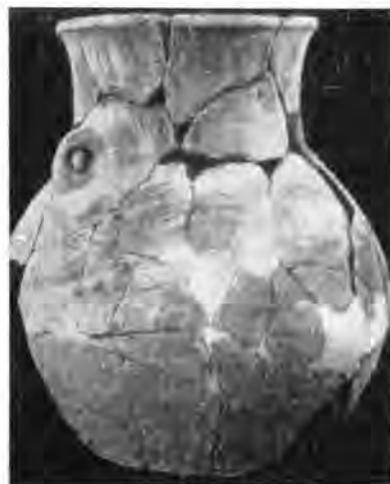
На поселении Аревик богато представлены орудия труда из камня: зернотерки, терочники, песты, грузила, лоцила, ножевидные пластины из обсидиана, орудия неизвестного назначения и т. д. (рис. 1). На глинобитном полу жилища кучами лежали обуглившиеся зерна. Обилие зернотерок, терочников и пестов на поселении, как и во всех памятниках Кавказа III тысячелетия до н. э., свидетельствует об интенсивном развитии зерновой культуры в эпоху ранней бронзы.

На поселении был найден маленький клиновидный топорик (№ 2248/77), который в обушной части с двух боков имеет желобчатые углубления, возможно, для прикрепления к рукояти. Клиновидная лопасть к концу слегка сужается. Длина топорика 11, ширина 4, высота в обушной части 2,5 см. Лоцила из Аревика (№ 2248/78) черного и серого галечника, рабочие поверхности их плоски и отполированы.

Найдены также массивные камни с круглым отверстием в верхней части (№ 2248/70, 2289/14). По всей вероятности, они употреблялись как грузила. Изготовлены они из розового камня (рис. 1, 2).

Большой интерес представляет орудие, форма которого напоминает утюг (рис. 2, 2). Передняя часть острая с двускатным клиновидным носом. Одна сторона орудия сильно вогнута, другая имеет форму седловины. Орудие изготовлено из пористого легкого камня (длина орудия 15, высота 8,5, ширина 10 см). Назначение неизвестно.

Найдены каменные и глиняные колеса от моделей повозок (рис. 1, 8), грузило из серого камня для примитивного ткацкого станка (рис. 1, 10) или же для рыболовной сети, обсидиановый скребок и ножевидная четырехгранная пластина с зазубренными краями (рис. 1, 11).

3

Рис. 2. Орудия труда и гидрия из Аревика

1 — песты и терочки; 2 — каменное орудие неизвестного назначения; 3 — гидрия

Кроме перечисленных орудий труда при раскопках Аревика найдены и незавершенные орудия: шаровидный камень с двусторонними углублениями, возможно, заготовка для навершия булавы, яйцевидный камень с желобком посередине, по всей вероятности, служил молотком. Небольшой четырехугольный камень с закругленными углами и выступом, изготовленный из красноватого туфа, возможно, имел культовое назначение (рис. 1, 3).

Среди костяных изделий особенно много шильев-проколов. Это остроконечные шилья, которые могли употребляться как проколки при изготовлении обуви из кожи, или при шитье одежды из шкуры, или, наконец, как орудие для орнаментации керамики. Кроме того, есть шилья с тупым концом, которые, возможно употреблялись при обработке шкур (рис. 1, 7).

Обнаружены орудия, применяемые в ткацком деле, например: головки веретена, костяное орудие, рабочий кончик которого имеет спиралеобразные витки (рис. 1, 7, справа).

Особое место занимает орудие, напоминающее колотушку (рис. 1, 6). Изготовлено оно из нижней части бедренной кости крупного животного. Верхняя часть трубчатая, посередине имеется отверстие для прикрепления рукоятки. Нижний расширяющийся конец заканчивается ровной гладкой площадкой, на которой хорошо видны следы обработки и упот-

ребления. Среди костяных изделий III тысячелетия до н. э. подобные орудия неизвестны.

Вышеописанный материал свидетельствует, что в поселении земледельческо-скотоводческого характера были развиты разные ремесла — обработка камня и кости, ткачество, выделка кожи.

О выплавке металла свидетельствует большое количество металлургического шлака, обнаруженного в разных слоях поселения.

Из металлических изделий в Аревице пока найдено только четырехгранное шило.

В материалах Аревика особое место занимают керамические изделия, которые по форме и функциональному назначению можно разделить на следующие основные группы: 1) сосуды больших размеров с высокой прямой цилиндрической шейкой, 2) глубокие горшки с резко отогнутым венчиком, 3) кубки, 4) урны, 5) цилиндрические кружки, 6) чаши, 7) очаг и очажные подставки.

Сосуды крупных размеров с высокой цилиндрической шейкой в виде «гидрий» снабжены у венчика выступающим угловатым кантом. Шейка отделена от вздутых плечиков перегибом. Над линией перегиба сделаны две полушаровидные ручки, которые прикреплены одним концом к основанию шейки, другим — к корпусу. Один почти целый сосуд найден в центре раскопа № 2, на глубине 1,5 м.

Сосуд тяжелый, толстостенный. Изготовлен из грубо обработанной розоватой глины. Снаружи плохо отполирован и покрыт тонким слоем ангоба желтого цвета. Венчик, шейка и вздутые плечики украшены группами груборезных орнаментов, которые несимметричны и выполнены небрежно. Орнамент нанесен зубчатым штампом (рис. 2, 3).

Несмотря на то что эти сосуды по форме и по технике изготовления имеют параллели в материалах других поселений Армении, например в Гарни (№ 2235/63) и Эларе (№ 127/165), однако они не характерны для керамики III тысячелетия до н. э. и, скорее, сближаются с керамикой эпохи средней бронзы. Их можно рассматривать как прототип крашенных гидрий первой половины II тысячелетия до н. э.

Украшение венчика, шейки и плечиков сосуда отвесными линиями или зигзагами особенно характерно для керамики эпохи средней бронзы, с той лишь разницей, что здесь они выполнены на красном фоне блестяще-черной краской и выделяются симметрией и четкостью изображения¹.

Глубокие чернолощенные горшки с резко отогнутым венчиком, которые составляют вторую группу, имеют выпуклое тулово, постепенно суживающееся ко дну (рис. 3, 1, 2, 4). Один из этих горшков украшен спиральными завитками (рис. 3, 1). На другом сочетаются рудиментарная ручка и круглая ямочка (рис. 3, 2). У третьего орнамент покрывает всю поверхность горшка. Здесь основу композиции составляют сходящиеся в центре углом парные дугообразные линии, которые с двух сторон заканчиваются спиральными завитками. Над центром композиции сверху расположены три круглые ямки (рис. 3, 4).

Вышеописанная композиция полнее и богаче представлена в орнаментации керамики Шреш-Блура и Кюль-Тепе Эчмиадзинского района².

Параллели Аревикским горшкам можно видеть в керамике из Яйджи (Игдирская долина). Здесь встречаются точно такие же чернолощенные горшки с резко отогнутым венчиком³.

Третью группу керамики Аревика составляют кубки-кружки. Они имеют цилиндрическую шейку, раздутое тулово и конусообразное дни-

¹ Например, керамика из курганов и погребений Кировакана (инв. № 1861/22, 26), Элара (инв. № 1813/16), Гарни (инв. № 1965/224) и т. д.

² Э. В. Х а н з а д я н. Керамика Шреш-Блура и Кюль-Тапы и ее искусство. «Историко-филологический журнал», 3, Ереван, 1964, стр. 221, табл. 1, рис. 4, 6, 7.

³ С. А. B u r n e y. Eastern Anatolian in the Chalcolithic and Early Bronze Age. AS, VIII, 1958, стр. 191, рис. 128.

Рис. 3. Керамика из Аревика

1, 2, 4 — фрагменты горшков; 3, 6—8 — фрагменты кубков; 5 — фрагмент чаши с точечно-резной орнаментацией; 9 — фрагмент чаши с ямочным орнаментом

ще, отделенное от тулова острым ребром. Венчик выгнут наружу и окантован узкой лентой. Шейка отделена от плечиков перегибом. У всех имелись ручки, которые одной стороной прикреплялись к верхней части горла, а другой — к корпусу. От них остались только следы. Некоторые имеют рудиментарные маленькие ручки у основания шейки.

Кубки-кружки бывают в основном тонкостенными, чернолощенными с серебристым оттенком. Изнутри они также прекрасно вылощены и покрыты розоватым и светло-бурым ангобом.

Только в одном случае найден почти целый толстостенный кубок (№ 2248/5), изготовленный из розоватой глины, снаружи и внутри покрытый тонким слоем желтого ангоба. Поверхность без лощения. На днище сохранились следы копоти. Кубок украшен парой глубоких ямок, которые помещены в нижней части корпуса (высота кубка 11,5, диаметр венчика 15, высота горла 3—3,5, диаметр дна 4 см).

Для кубков поселения Аревик характерно разнообразие орнаментальных мотивов. Орнамент нанесен обычно на лицевой части корпуса.

Рис. 4. Кубки-кружки из Аревика

Встречаются композиции, основу которых составляют сходящиеся в центре дугообразные ленты, которые оканчиваются спиралевидными завитками. В центре композиции круглая ямка (рис. 4, 6, 7), иногда ямки бывают и по сторонам спиралей (№ 2289/6, 7). Некоторые кубки украшены просто одной волнообразной узкой лентой, которая с двух сторон заканчивается спиралевидными завитками (№ 2289/86). У некоторых кубков орнаментальную композицию составляют парные ямочки, которые группами помещены на боковых частях лицевой части корпуса (№ 2289/9а), на одном кубке в центре этих ямок помещена птица с треугольным туловом и высокой шеей (рис. 4, 1). Фигурка птицы матовая, хорошо выделяется на фоне лощеной поверхности кубка (2289/9в). Техника подобного изображения встречена на керамике Аревика впервые.

Большой интерес представляет и орнамент на одном из кубков. Через середину корпуса кубка проходит пояс парных шевронов, а в образованных ими углах размещены изображения, напоминающие плаваю-

щих птиц (рис. 3, 8). Эта композиция немного позже, в эпоху средней бронзы, становится самым излюбленным мотивом в орнаментации крашеной керамики⁴.

Кубки — самая распространенная форма керамических изделий в III тысячелетии до н. э. не только на Армянском нагорье, но и во всем Закавказье. Отдельные их разновидности составляют локальные группы.

Четвертую группу керамики из Аревика представляют урны, которые отличаются от кубков в основном размерами, они гораздо больше.

Сохранилась часть урны, украшенной парными глубокими ямками, которые помещены в нижней части вздутого тулова, над биконическим ребром.

Точно таким орнаментом украшены урны, найденные в Шенгавите (№ 1330/237, 239, 241), Гарни (№ 2235/66, 136, 140а), и урна из Франканоца (№ 588, вздутое тулово ее с одной стороны украшено рельефной орнаментацией, а с другой — парными ямками).

Цилиндрические кружки, которые составляют пятую группу керамики, имеют широкое плоское дно и вертикальные стенки. Найдена одна почти целая и четыре фрагмента таких кружек (рис. 4, 3, 5).

У одной кружки венчик немножко расширен (высота кружки 11, диаметр венчика 17, диаметр дна 15 см) и выступает наружу, а у остальных венчик окаймлен рельефно выступающей узкой лентой. Все они толстостенные, изготовлены из розовой глины, снаружи полированные, но без блеска, покрыты тонким слоем ангоба бледно-розового цвета. У всех на тулове имелись полушаровидные ручки, от которых сохранились лишь основания.

Одна кружка украшена характерной для Аревика орнаментацией — сходящимися в центре двумя дугообразными лентами, которые заканчиваются спиральными завитками, а в центре композиции ямочка. Точно такие же, но без орнамента кружки найдены недалеко от Аревика в Армавире⁵, Джрарате (№ 1939/34), во II слое Нахичеванской Кюль-Тепе⁶, Тигнисе (Турция)⁷, Заглике⁸.

Шестую группу составляют чаши двух типов: с вогнутой шейкой и без шейки.

Чаши первого типа имеют короткую вогнутую шейку, вздутое тулово и биконически суживающееся днище.

Шейка одной из чаш украшена линейно-точечным орнаментом (рис. 3, 6). На выпуклом тулове — резной орнамент из прямых линий и точек, в центре помещена длинноногая птица с треугольным телом и длинным клювом. Птицу с двух сторон окружают меандрообразные заштрихованные фигуры (рис. 3, 5).

По форме и орнаментации описанная чаша имеет параллели в Шенгавите (№ 1618/16, 1442/86, 42).

Чаши второго типа имеют рельефный выгнутый наружу венчик, который окаймлен узкой лентой. Тулово выпуклобокое, украшено ямками и рудиментарными ручками (рис. 3, 9). Эти чаши характерны для керамики эларского типа (№ 2245/28, 2246/34, 50, 54).

В Аревике найден один очаг чашеобразной формы с широким горизонтальным венчиком и закругленным туловом (№ 2289/47). Он неболь-

⁴ Например, крашеная керамика Гарни (№ 1965/224), с. Кармир (на выставке в ГИМе), Элара (№ 1805/32), Триалети (Б. А. Куфтин. Археологические раскопки в Триалети. Тбилиси, 1941, стр. 397, табл. LXXI), Зурнабада (Я. И. Гуммель. Крашеная керамика в долине Ганджачая. Изв. Азерб. фил. АН СССР, 5, Баку, 1939, рис. 1) и т. д.

⁵ Б. А. Куфтин. «Урартский колумбарий» у подошвы Арарата и куро-аракский энеолит. ВГМГ, XIII — В, Тбилиси, 1943, стр. 92.

⁶ О. А. Абибуллаев. Археологические раскопки в Кюль-Тепе (на азерб. яз.). Баку, 1959, табл. 30, рис. 1, 2.

⁷ Кружка находится в Историческом музее Армении, инв. № 636.

⁸ Б. А. Куфтин. «Урартский колумбарий», стр. 91, рис. 49, табл. XX, 4.

шого размера, высота 28, диаметр венчика 33 см. На очаге была круглая подставка, украшенная спиралевидными завитками. Очаг этот не похож на шенгавитские, но имеет параллели в мангалах II слоя Нахичеванской Кюль-Тепе⁹.

В материалах Аревика особое место занимают разнообразные очажные подставки, которые по форме можно разделить на следующие основные группы: 1) круглые, 2) подковообразные, 3) роговидные, 4) трехпозные.

Все они, кроме последних, изготовлены из грубого теста розоватой глины, нередко с крупной органической примесью, но покрыты ангобом желтого цвета.

Подставки первой группы представляют собой массивные плоские круги, внутреннее пространство которых разделено двумя маленькими

выступами на два неровных полукруга (рис. 5). Найдены две целые (восстановлены) и несколько фрагментов таких подставок.

Горизонтальная поверхность одной подставки украшена только парными спиралями (рис. 5, 2), у другой же (рис. 5, 1) вся поверхность покрыта рельефно вогнутым и ямочным орнаментом. Часть поверхности занимает зигзагообразная лента, напоминающая букву М и оканчивающаяся спиралевидными завитками. В центре композиции большая ямка, а в двух углах, образованных зигзагом, маленькие ямки. На остальной части поверхности подставки процарапан геометрический орнамент.

Кроме Аревика круглые подставки найдены также в Кара-Тепе (№ 1461), Шенгавите (№ 1130/180).

За пределами Армении такие подставки пока не найдены.

Подковообразных подставок на поселении много (обнаружено около 30 фрагментов, рис. 6, 1—7).

Рис. 5. Кругообразные плоские подставки из Аревика (1, 2)

У большинства подставок нижняя сторона плоская, но встречаются и такие, у которых имеются ножки в виде усеченного конуса (рис. 6, 1, 5), а у некоторых концевые плоские ножки соединены друг с другом арочками (рис. 6, 3).

В верхней части ступнеобразных концов бывают или конусообразные выступы, или рудиментарные ручки полушаровидной формы с двумя ямками вместо отверстия (№ 2248/41).

Центральные выступы подставок тоже разнообразны. В центре подставок имеются выступы, оформленные или в виде четырехгранной колонны, или конусообразные, или антропоморфные (рис. 6, 6, 7).

⁹ О. А. Абибуллаев. Археологические раскопки в Кюль-Тепе, табл. 31, рис. 1, 2.

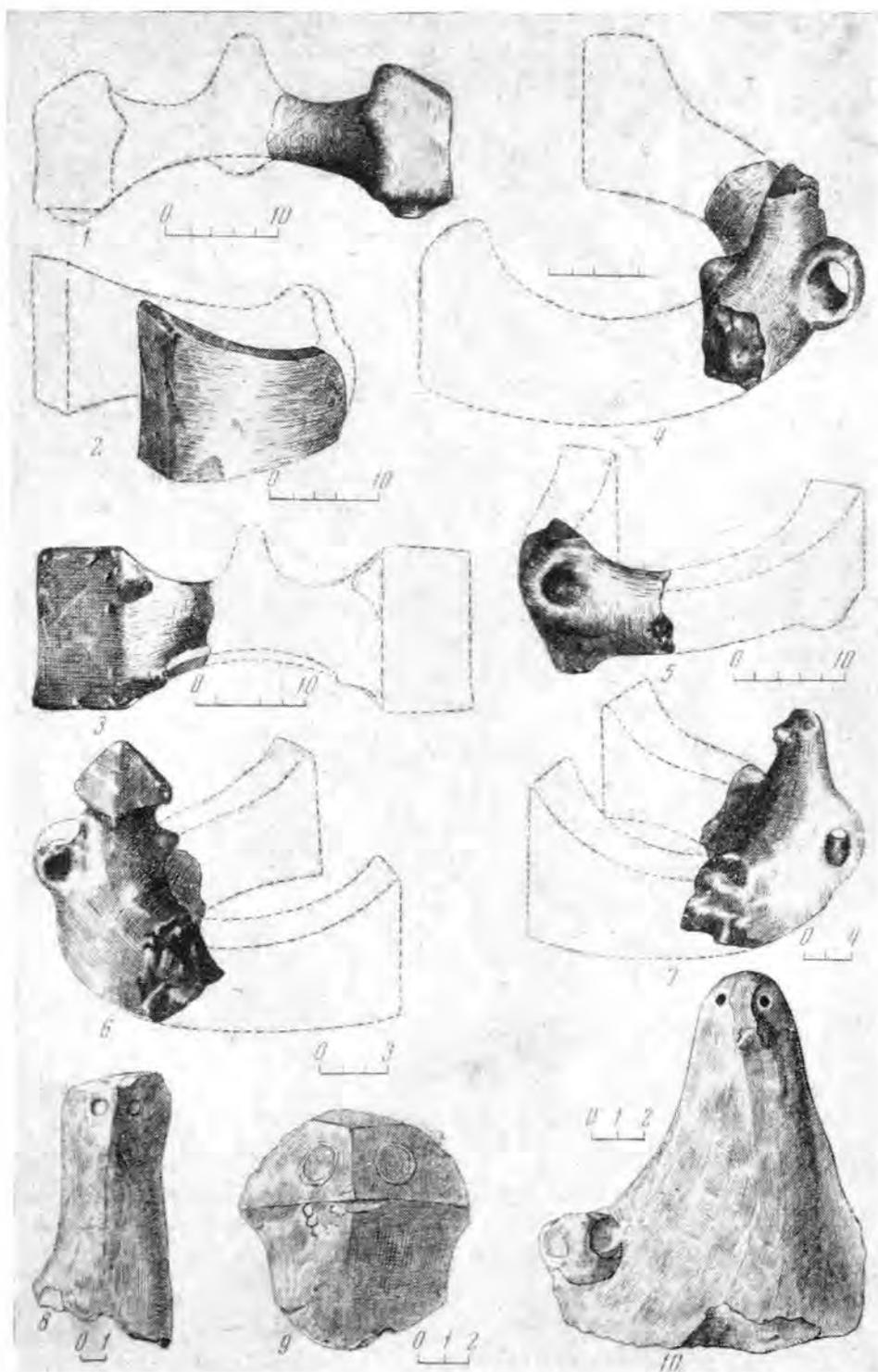

Рис. 6. Подковообразные подставки из Аревика (1—7), Шреш-Блура и Кюль-Теше (8, 9), Гарни (10)

Подковообразные подставки встречающиеся в Аревике, характерны и для всех памятников III тысячелетия до н. э. Армянского нагорья. Например, они найдены в Армавире ¹⁰⁻¹¹, зольных холмах Эчмиадзинского района (№ 766/155, рис. 6, 8, 9), Шенгавите (№ 1442/88ab, 1618/73, рис. 7, 2), Гарни (№ 2234/118, 2235/108, 2176/40, 1964/24, рис. 6, 10).

На территории исторической Армении (Турция) подковообразные подставки найдены в с. Мечитли (Карской области) ¹², с. Малаклю (в до-

¹⁰ П. С. Уварова. Коллекции Кавказского музея. V, «Археология», Тбилиси 1902, стр. 130, № 2920—2922.

¹¹ Б. А. К у ф т и н. «Урартский колумбарий...», табл. XVII, 1, 5.

¹² П. С. Уварова. Ук. соч., стр. 131, № 2932.

Рис. 7. Фрагменты антропоморфных подковообразных подставок из с. Мечитли (1) и Шенгавита (2)

лине Игдыр)¹³, Тигнисе (Баш-Шорагяльский район, рис. 7, 1)¹⁴, Каразе (близ Эрзрума)¹⁵. Такие подставки найдены также в Нахичеванской Кюль-Тепе¹⁶ и т. д.

Единичные образцы подковообразных подставок известны в Грузии из Озни¹⁷, Амиранис-Гора, Згудрис-Гверда¹⁸ и в пещере Шау-Легат¹⁹ Северной Осетии. На юге они вместе с так называемой куро-аракской керамикой во второй половине III тысячелетия до н. э. дошли до Сирии и Палестины. Подковообразные подставки из Табара-Эль-Акрад и Бет-Шана²⁰ напоминают наши подставки с антропоморфными изображениями. Такие же подставки найдены и в Мерспне²¹.

С. Гуд и Г. Геннинг сообщают, что такие подставки найдены также в Малой Азии, Алпшаре в слоях конца III тысячелетия и начала II тысячелетия до н. э.²²

В Аревикике найден один фрагмент роговидной подставки (рис. 9, 2). Обычно они представлены в виде стилизованной фигуры быка, тело которого спереди резко поднимается. На спине имеются полусферические крупные ручки, от которых тянется

назад рельефный пояс, напоминающий хвост животного.

На подставке из Аревики сохранилась только часть фигуры быка со следами полусферической ручки. Точно такие же подставки найдены в Шреш-Блуре, Кюль-Тепе (№ 766/155, 157, 158, рис. 8, 7, 8), Звартноце (№ 145) и Тигнисе (№ 634).

Роговидные подставки почти прямоугольной формы с точно такими же роговидными выступами, ручкой и рельефным поясом, как вышеописанные, найдены в Шреш-Блуре и Кюль-Тепе (№ 766/156, 779/15, рис. 8, 5, 6).

Там же найдены стилизованные массивные глиняные фигурки быка.

¹³ Б. А. Куфтин. «Урартский колумбарий»..., стр. 80, рис. 39, табл. XVII, 2, 4.

¹⁴ Подставки находятся в Гос. ист. музее Армении, инв. № 631.

¹⁵ Н. З. Косая. К. Tufan. Erzurum-Karaz kazisi garogu, Türk Tarih Kurumi. Belleten. XXIII, 1959, 91, стр. 396, рис. 15, а.

¹⁶ О. А. Абибуллаев. Археологические раскопки в Кюль-Тепе, табл. 31, рис. 3-6.

¹⁷ А. Б. Куфтин. Археологические раскопки 1947 г. в Цалкинском районе, стр. 36.

¹⁸ В. П. Любин. Археологическая разведка в окрестностях г. Сталинира. КСИМК 60, 1955, стр. 15, рис. 1, 8, стр. 21.

¹⁹ Р. М. Мунчаев. Древнейшая культура Северо-Восточного Кавказа. МИА, 100, 1961, стр. 125.

²⁰ S. Hood. Excavations at Tabara el Akrad, 1948-1949. AS, 1, 1951, стр. 117, табл. XI, А, рис. 9; стр. 139, табл. 70.

²¹ Exploration in Cilicia Excavation at Mersin, 1938-1939. Pt. I-II. «Annals of Archaeology and Anthropology», XXV, 3-4, Liverpool, 1938, стр. 93, табл. XXVIII, 26.

²² Там же, стр. 139. H. Henning von der Osten. The Alischar Hüyük, season of 1930-1932. I, Chicago, стр. 207, рис. 205, табл. 607.

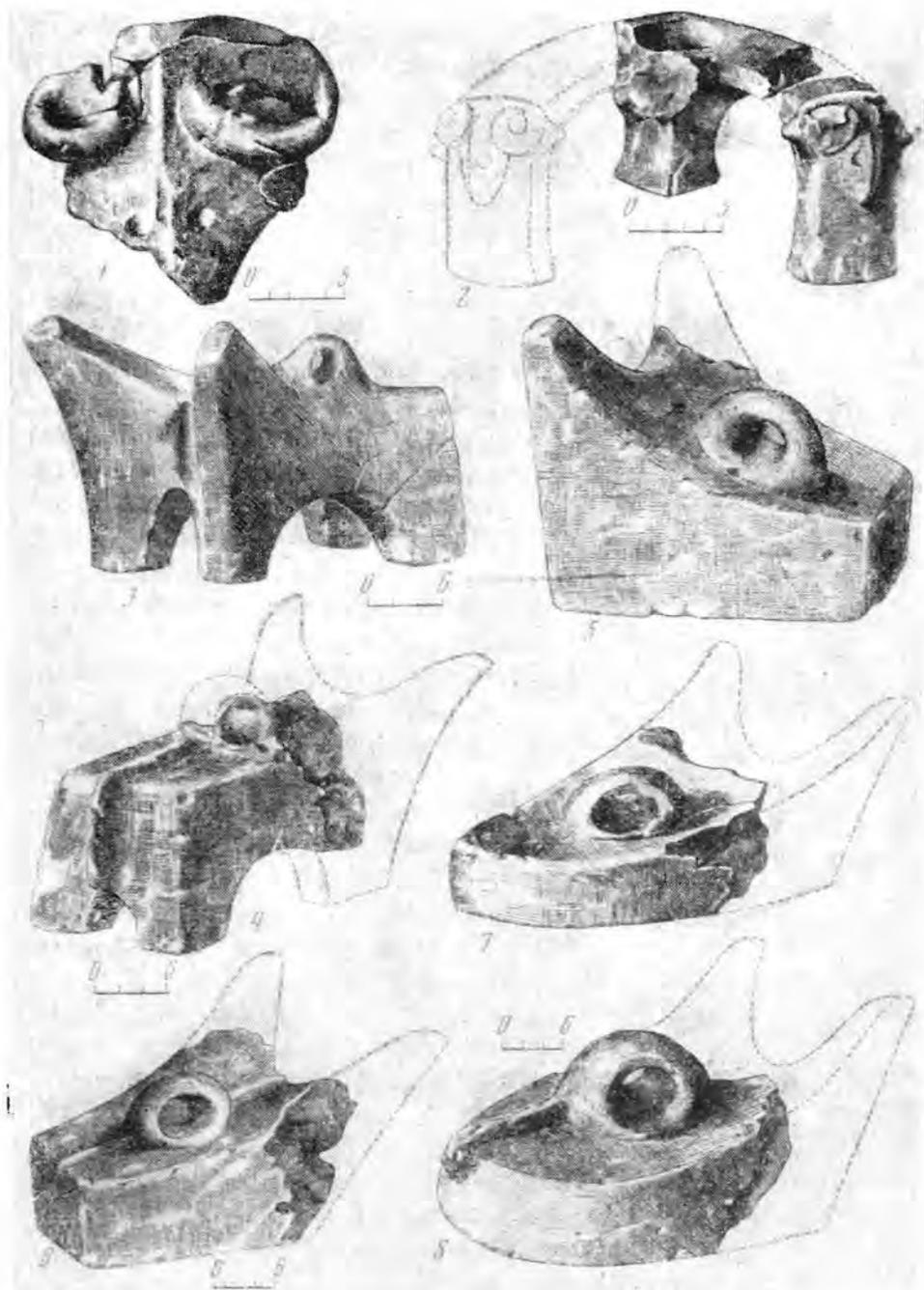

Рис. 8. Подковообразные и роговидные подставки

1, 2 — фрагменты подковообразных подставок с зооморфными изображениями из Шенгавита; 3—8 — роговидные подставки — стилизованные фигурки быков из Шреш-Блур и Кюль-Тепе

В отличие от аревикских они стоят на четырех ножках (№ 766/11528, 779/18, 1228, рис. 8, 3, 4).

Рассмотренные роговидные подставки, по-видимому, связаны с культом быка.

Другие разновидности роговидных подставок найдены в Грузии в Кулохоми²³, в Земо Авчале²⁴, на Северном Кавказе в пос. Луговом²⁵, Долинском²⁶. Характерны они и для крито-микенской культуры, где появ-

²³ О. Джапаридзе. К истории грузинских племен на ранней стадии медно-бронзовой культуры. Тбилиси, 1961, стр. 45, рис. 4, 1, стр. 77.

²⁴ Там же, стр. 77, 82, рис. 17, 5.

²⁵ Е. И. Крупнов. Прикаспийская археологическая экспедиция. КСИИМК, 55, 1954, стр. 99.

²⁶ А. П. Круглов и Г. В. Подгаецкий. Долинское поселение у г. Нальчика. МИА, 3, 1941, стр. 171, табл. III.

ляются начиная с неолита²⁷. Подставки такого же типа найдены в Иордан-Тепе²⁸, в Мерсине, в XVI—XII слоях Юмук-Тепе²⁹. Однако роговидные подставки Армянского нагорья образуют отдельную, специфическую локальную группу.

В Аревице найден также фрагмент трехножной подставки с плоской поверхностью и отвесными стенками, которые заканчиваются ножками

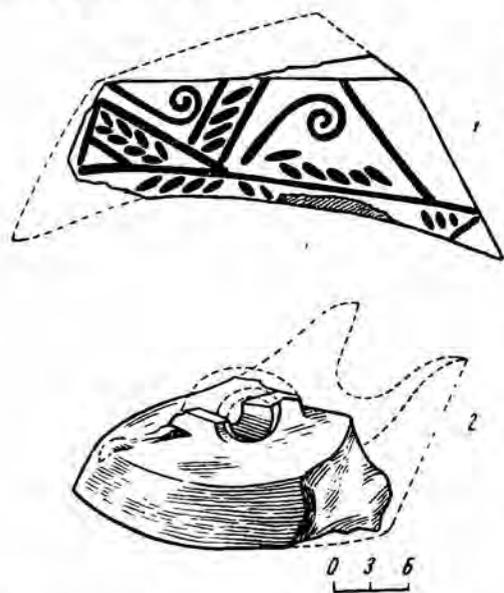

Рис. 9. Треножник (1) и роговидная подставка (2) из Аревики

(рис. 9, 1). Лицевая часть их украшена композицией, составленной зерновидными ямками и спиралями. Параллели этой подставке имеются в Шреш-Блуре, Кюль-Тепе (№ 605, 766/113, 117, 607/22, рис. 10), Шенгавите (№ 1618—31а, 1442/95, 27, 121, 38), Двине, Гарни (№ 2235/105в) и др.

По-видимому, на эти трехножные подставки во время обряда ставились статуэтки и предметы, связанные с культом. Но не исключена возможность, что они имели и бытовое назначение.

За пределами Армянского нагорья треножные подставки пока не обнаружены.

Кроме перечисленных семи групп найдены части мисок, венчики которых украшены линейно-точечными или желобчатыми орнаментами (№ 2248/

22с.). Имеется фрагмент посуды (№ 2248/26) с многогранными стенками. Встречаются обломки сосудов с широкими желобчатыми и рельефно-спиралевидными завитками.

Найдены фрагменты крышек дисковидной формы (рис. 1, 4). На бортике одной из них нанесен орнамент из очковидных спиралей и ямочек (№ 2289/39). Одна крышка простая (рис. 1, 5), покрыта желтым ангобом и по форме отлична от остальных (№ 2289/46).

Для сосудов из Аревики характерны ручки полушарные и овальные с широким горизонтальным цилиндрическим отверстием, а также ручки без отверстия, рудиментарные. Иногда венчик как бы переходит в ручку.

Вся керамика из поселения Аревик изготовлена от руки. Кухонная посуда сделана из плохо обработанной, нередко с крупной органической примесью розоватой глины, как правило, поверхность ее покрыта тонким слоем желтоватого ангоба.

Обычно кухонная посуда украшена парными ямками или сочетанием очковидных спиралей и ямок, иногда встречается груборезной орнамент.

Художественная керамика чернолощеная и имеет характерный серебристый оттенок. Она отличается искусной обработкой поверхности и тонким черепком.

Рис. 10. Треножник из Шреш-Блур

²⁷ A. Evans. The Palace of Minos. II, 2. London, 1928, стр. 332, рис. 189.

²⁸ R. Starr. Nuzi Report on the Excavation at Jordan-Tepe, near Kirkuk. I, Cambridge — Massachusetts, 1939, стр. 443, табл. 188, a, b.

²⁹ J. Garstang. Prehistoric Mersin. Oxford, 1953, стр. 135, 143, рис. 90; стр. 166, 167, рис. 106.

В орнаментике художественной керамики из Аревика наблюдаются следующие характерные черты.

1. Украшена лишь лицевая сторона посуды.

2. На керамике из Аревика встречаются почти все типы орнаментации, характерные для керамики III тысячелетия до н. э. на Армянском нагорье.

3. Наиболее распространен узколинейный выемчато-выпуклый, рельефный и ямочный орнамент. Иногда встречается также желобчатый. Орнамент наносился на необожженную глину.

4. Линейно-точечный орнамент наносился двумя способами: вдавливанием и резьбой. Обычные мотивы — заштрихованные углы, треугольники, ромбы, меандры, птицы и т. д.

5. Применялся совершенно новый способ нанесения орнамента — путем удаления блеска (птица и S-образная фигура).

6. Ямочки большей частью встречаются в сочетании с композицией, заканчивающейся спиралевидными завитками, или двойными спиралями, или группами остrokонечных желобков-«успков» или, наконец, стилизованным изображением птицы.

Как мы видели, орнаментальные композиции, встречающиеся на керамике из Аревика, в основном построены на сочетании парных спиралей с ямками или птиц с ямками. Спираль — самый излюбленный мотив в орнаментации керамики Армянского нагорья в III тысячелетии до н. э. — символизирует, по всей видимости, змею.

В верованиях многих древних народов змея символизировала бессмертие, вечность. Она выступала как хранительница богатства, древа жизни.

У многих народов существовал культ ужа. В орнаментации Трипольской керамики змея изображалась в виде спиралей и выступала как охранительница плода и чрева, вынашивающего плод³⁰.

Уж играл большую роль в земледелии как враг вредных грызунов — мышей и крыс. Хеттскими законами запрещалось уничтожение змеи.

Однако змея в основном воплощала культ воды, связывалась с влагой и, как отмечает Б. Рыбаков, уж в сознании первобытного земледельца был связан с появлением дождя и, очевидно, представлялся посредником между землей и небом³¹. По утверждению Э. Церена, змея в Египте и других местах являлась древнейшим символом луны³².

По представлениям первобытных людей, вода, которая дает силу жизни, хранится только на небе, и «из лунной чаши течет вода жизни»³³.

Возможно, что орнамент в виде ямочных углублений, который очень характерен для керамики III тысячелетия до н. э., символизирует лунную чашу, из которой льется животворная вода.

Основная композиция керамики Аревика — парные спирали с ямочным углублением в центре, — возможно, изображает лунную чашу, которую с двух сторон охраняют парные змеи (рис. 4, 3, 6).

Не случайно, что эти ямочки — лунные чаши — изображены на сосудах, в которых содержалась жидкость — «животворная вода».

Ямочные чашеобразные углубления очень характерны также для предметов культового назначения. Они воспроизведены на круглых очагах и очажных подставках из Шенгавита (рис. 8, 2), Аревика (рис. 5, 1), на «вишапах» — стелах из Арагаца³⁴ и из с. Гандза³⁵.

³⁰ Б. А. Рыбаков. Космогония и мифология земледельцев энеолита. СА, 1, 1965, стр. 36.

³¹ Там же, стр. 37.

³² Э. Церен. Библийские холмы. М., 1966, стр. 107.

³³ Там же, стр. 143.

³⁴ Б. Б. Piotrovskiy. Вишапы. Л., 1939, стр. 14.

³⁵ Л. Меликсет-Бекоев. Вишапы и вишапойды Грузии. КСИИМК, XV, 1947, стр. 34, рис. 10.

Орнамент в виде птицы с треугольным телом — также излюбленный мотив на керамике III тысячелетия до н. э. У многих древних народов птица была символом солнца³⁶. В орнаментации III тысячелетия до н. э. изображение птицы чаще всего сочетается со спиралью, т. е. со змеей (символом луны). Следовательно, подобная композиция могла символизировать солнце и луну.

На Древнем Востоке змея и голубь — это Луна и Венера³⁷.

Изображение птицы и змея мы видим на керамике из Шенгавита. На одном из карасов из Шенгавита³⁸ в композиционном центре помещена птица-солнце, окруженная с двух сторон спиралью-змеями, т. е. луной.

Птица-змея изображена на расписной магической чаше из Шенгавита³⁹.

Птицы с хвостом в виде спирали известны на керамике из Кировакана (№ 1455), на очажной подставке из Кара-Тепе (рис. 5, 3), на наскальных изображениях в Гегамских горах.

Таким образом, если исходить из предложенного толкования орнаментации керамики III тысячелетия до н. э. на Армянском нагорье, можно заключить, что в верованиях племен, населявших его, главное место занимал культ луны и солнца как божеств воды и огня, плодородия.

В Аревикской керамике обобщены черты, характерные для керамики предыдущих этапов, и в то же время появляются новые признаки, которые развиваются в эпоху средней бронзы.

Исходя из этих особенностей, мы можем предварительно датировать открытое поселение последней четвертью III тысячелетия до н. э.

E. V. Khanzadian

LE VILLAGE D'AREVIK DE L'ÉPOQUE PRIMITIVE DU BRONZE

Résumé

Parmi les nombreux monuments marquants de la vallée d'Ararat, la colline artificielle en cendre — Arévik, située aux environs du village d'Armavir, occupe une place à part. Des fouilles prospectives de courte durée ont montré que ce village a un caractère d'élevage et agricole, aux habitations rondes; les instruments aratoires, figurant en grand nombre, témoignent d'une culture intense des céréales. Certains métiers ont été développés dans ce village, tels — le travail des pierres et des os, le tissage, le corroyage. De grandes quantités de scories métalliques, trouvées dans des horizons différents, témoignent du travail du métal.

Dans les matériaux d'Arévik une place à part est occupée par des poteries, — ce sont des vases, des foyers et des supports de foyer. Le motif principal dans l'ornementation sur les poteries consiste en spirales géminées avec une fossette au centre; on peut supposer que cela représente le calice lunaire gardé par des serpents. La poterie d'Arévik, tout en gardant et en généralisant les traits caractéristiques des étapes précédentes de l'époque primitive du bronze, contient aussi de nouveaux éléments, ce qui permet de la considérer comme un groupe local à part que l'on peut dater préalablement du dernier quart du III millénaire avant notre ère.

³⁶ Б. Б. Piotrovskij. Археология Закавказья. Л., 1949, стр. 93.

³⁷ Э. Церен. Ук. соч., стр. 119.

³⁸ С. Сардарян. Первобытное общество в Армении. Ереван, 1967, стр. 40.

³⁹ Там же, стр. 187, табл. XI.

В. И. КОЗЕНКОВА

РАНЕКОБАНСКИЙ МОГИЛЬНИК У СЕЛА СЕРЖЕНЬ-ЮРТ

Могильник у с. Сержень-Юрт (ЧИАССР) открыт в 1958 г. Раскопанные два погребения¹, как и повторные разведочные раскопки 1965 г.², дали находки, аналогичные материалам поселения Сержень-Юрт, расположенного в 500 м к юго-востоку от могильника³.

Могильник расположен на склоне первой надпойменной террасы р. Хулхулау в лесистой предгорной местности. Отсутствие внешних признаков могил обусловило раскопки памятника широкой площадью, которая за два сезона в 1966 и 1967 гг. составила 360 м². Исследовано 24 грунтовых захоронения. Могилы располагались рядами, вытянутыми в направлении СВ — ЮЗ. Расстояние между рядами 2—2,5 м, между могилами — 1,5—2 м. Глубина захоронений от современной поверхности 0,5—1 м; чем выше они располагались по склону террасы, тем глубже их залегание. Объясняется это тем, что склон, размываемый частыми паводками и дождями, оползая, постепенно обнажал погребения.

В некоторых случаях могильные ямы в верхних слоях нарушены. Несмотря на плохую сохранность костей, можно установить положение погребенных. Могильные ямы, содержавшие одно захоронение, имели прямоугольную в плане форму (табл. 1). Захоронения сопровождалась погребальным инвентарем: бронзовыми украшениями, оружием из бронзы и железа, многочисленными сосудами, стоявшими на дне могилы или обнаруженными в верхнем слое засыпи могильных ям (погр. № 8, 11, 16).

Для Сержень-Юртовского могильника характерна малочисленность мужских погребений. Наряду с погребениями, содержащими большое количество инвентаря, были погребения, сопровождавшиеся двумя-тремя сосудами (например № 19).

Помимо раскопанных погребений, на исследованной площади между могилами найдены отдельные сосуды и вещи. Они находились примерно на глубине открытых погребений и являлись, возможно, поминальными приношениями (17 сосудов, бочковидные бронзовые бусы, бронзовые височные кольца, порфиритовая буса, железный кнжал-акпнак).

Устойчивость погребального обряда сказывается в первую очередь в конструкции могилы. Все погребения совершены в грунтовых ямах. Отдельные ямы имели следы обжига стенок до уровня захоронения (погр. 16). Почти все погребения совершены на древесной подстилке и, возможно, имели древесное покрытие (погр. 9). Покойники были захоронены скорченно, на левом боку, с руками, прижатыми к груди, головой на северо-восток. Исключение составляли погр. 14 и 24, где положение рук отличалось

---

¹ Р. М. Мунчаев. Новые данные по археологии Чечено-Ингушетии. КСИА АН СССР, 84, 1961, стр. 59, 60.

² В. И. Козенкова. Исследование памятников раннего железного века у сел. Сержень-Юрт. КСИА АН СССР, 112, 1967, стр. 85; рис. 27, стр. 88, 89.

³ В. И. Козенкова, Е. И. Крупнов. Исследования Сержень-Юртовского поселения (по раскопкам 1964). КСИА АН СССР, 106, 1966, стр. 81—87.

Таблица 1

№ погребения	Абсолютная глубина, м	Размеры могильных ям *, м	Наличие подстилки	Ориентировка	Поза погребенных				Пол погребенных
					скорчено	на левом боку	руки у груди	одна рука вытянута	
1	1,56	—	+	С—В	+	+	+	—	Ж
2	1,97	—	+	?	?	?	?	?	»
3	2,12	1,2×1	?	С—В	+	+	+	—	»
4	1,8	—	С—В	?	?	?	?	?	»
5	1,85	1,4×1,2	—	С—В	?	?	?	?	»
6	2,65	2,4×1,6	+	С—В	+	+	+	—	М
7	2,28	1,7×1,5	+	С—В	+	+	+	—	»
8	2,84	1,3×1,25	+	С—В	+	+	+	—	Ж
9	2,92	1,4×0,8	+	С—В	?	?	?	?	»
10	1,75	—	+	С—В	+	+	+	—	»
11	2	—	+	С—В	+	+	+	—	»
12	2,65	—	+	С—В	+	+	+	—	»
13	2,08	1,1×1,4	+	С—В	+	+	+	—	»
14	1,78	1,5×1,1	+	С—В	+	+	+	—	»
15	1,21	1,1×1,1	+	С—В	+	?	?	?	Д?
16	2,2	1,9×1,3	+	С—В	+	+	+	—	М
17	1,48	1,4×0,9	+	С—В	+	+	+	—	Ж
18	1,33	1,4×1,2	+	С—В	+	+	+	—	»
19	1,44	—	—	С—В	+	+	+	—	?
20	0,86	—	+	С—В	+	+	—	+	Ж
21	1	—	+	С—В	+	+	+	—	»
22	0,8	—	—	?	?	?	?	?	?
23	0,53	—	+	?	?	?	?	?	?
24	0,9	1,4×1,3	+	Ю—В	+	+	—	+	М

* В некоторых случаях контуры могильных ям не могли быть установлены, в других случаях устанавливаются приблизительно. В остальных случаях несмотря на то, что контуры не были прослежены, границы могильных ям определены по находкам, подстилке и остаткам костяка.

лось. Одна рука была прижата к груди, вторая вытянута вдоль туловища. Кроме того, погр. 24 отличалось также юго-восточной ориентировкой костяка.

В погребальном обряде Сержень-Юртовского могильника прослеживаются черты сходства с другими могильниками северо-восточного Кавказа VI—V вв. до н. э., отнесенных Е. И. Крупновым к восточному локальному варианту кобанской культуры (могильники Исти-Су, Луговой, Урус-Мартановский, Нестеровский, Моздокский) ⁴. Сюда же, вероятно, следует включить и Зандакский могильник ⁵. Но в то же время выявилось и значительное своеобразие. Так, одним из признаков погребального обряда могильников скифского времени является грунтовая яма, заполненная булыжником ⁶. Грунтовые ямы Сержень-Юртовского могильника такой насыпи или обкладки не имели. Ближе всего к Сержень-Юртовскому стоит обряд Нестеровского могильника, где из 53 могил 40 не имели курганной насыпи и больше половины могил не имели булыжной обкладки ⁷.

В Зандакском могильнике почти половину составляли грунтовые погребения без обкладки ⁸. Свообразен и обычай обжиги могилы и наличие

⁴ Е. И. Крупнов. Древняя история Северного Кавказа. М., 1960; Р. М. Мунчаев. Луговой могильник (исследование 1956—1957). Сб.: «Древности Чечено-Ингушетии», М., 1963, стр. 138—212; О. А. Артамонова-Полтавцева. Культура Северо-Восточного Кавказа в скифский период. СА, XIV, 1950, стр. 25; стр. 34, 41.

⁵ В. И. Марковин. Новые материалы по археологии Северной Осетии и Чечни. КСИА АН СССР, 98, 1964, стр. 81—89.

⁶ Е. И. Крупнов. Ук. соч., стр. 179.

⁷ Там же, стр. 420, табл. II.

⁸ В. И. Марковин. Ук. соч., стр. 84.

древесных подстилок в Сержень-Юртовском могильнике. Эти черты отсутствуют в названных выше могильниках восточного варианта, и, возможно, как отголосок их в Луговом могильнике зафиксирован случай обкладки могилы деревом⁹. Что касается положения костяков на левом боку, то аналогии им известны в могильнике Истп-Су (3 погребения)¹⁰, Нестеровском могильнике (9 погребений)¹¹ и Луговом (8 погребений)¹². Особенностью погребального обряда Сержень-Юртовского могильника является также положение рук у груди. Лишь отдельные погребения Лугового могильника имеют отдаленное сходство с этим обычаем (так, в погр. 45/109 руки у погребенного лежали на поясе, в погр. 90/154 одна рука погребенного была на поясе, а вторая вытянута вдоль туловища)¹³. Устойчивость северо-восточной ориентировки костяков — одна из особенностей Сержень-Юртовского могильника, аналогии которой имелись лишь в Нестеровском могильнике. Другие могильники восточного варианта кобанской культуры, родственные исследуемому, имели юго-западную ориентировку. Кроме Нестеровского лишь некоторые погребенные Зандакского могильника были положены головой на северо-восток¹⁴. Одной из черт, характеризующих Сержень-Юртовский могильник, являлось захоронение вместе с человеком животных. Так, в погр. 6 в ногах скелета обнаружены кости лошади. Подобное явление прослежено в Зандакском могильнике, где в погр. 2 находился целый скелет лошади, ориентированный головой на юго-восток¹⁵. Кости овцы имелись и в погребениях Лугового могильника (погр. 52, 54, 56, 75)¹⁶. Одной из особенностей погребального обряда изучаемого памятника являлось наличие при некоторых погребениях (№ 20, 21) ритуальных площадок с углем и кусочков реальгара.

Вероятно, отзвуком близкого обычая является находка около скелетов в области таза и груди угольков (Зандакский могильник¹⁷, погребения в слое Сержень-Юртовского поселения) а также находка низкой площадки с нагаром внутри в комплексе вещей VI—V вв. до н. э., происходящих из Шали¹⁸.

В отличие от могильников скифского времени, на территории Чечено-Ингушетии, где половина погребений были мужскими, в Сержень-Юртовском могильнике поражает их малочисленность. Лишь три погребения из 28 можно достоверно считать мужскими (погр. 6, 16, 24). Мужскими, вероятно, являлись также погр. 7 и 19.

Материалы Сержень-Юртовского могильника позволяют говорить об имущественной дифференциации погребенных. В одних погребениях был обильный и богатый погребальный инвентарь, в других он очень скромный, а в отдельных случаях (погр. 19) инвентарь состоял лишь из двух сосудов.

Погребальный инвентарь Сержень-Юртовского могильника однороден: в него входят оружие, орудия труда и украшения.

Оружие найдено в мужских погребениях. Это наконечники копий, кинжалы, топор, навершие булавы.

Наконечники копий располагались в погребениях перед лицом погребенного (погр. 24) или за его затылком (погр. 6 и 16). Из трех найденных один наконечник бронзовый, два железных. Бронзовый наконечник копья (рис. 1, 1) имеет листовидную форму пера и круглую цельнолитую втулку

⁹ Р. А. Мунчаев. Ук. соч., стр. 202.

¹⁰ О. А. Артамонова-Полтавцева. Ук. соч.

¹¹ Е. И. Крупнов. Ук. соч., стр. 420, табл. II.

¹² Р. М. Мунчаев. Ук. соч., стр. 148, 160, 163, 166, 175, 182, 184.

¹³ Р. М. Мунчаев. Ук. соч., стр. 166; стр. 198.

¹⁴ М. И. Пиккуль. Эпоха раннего железа в Дагестане. Махач-Кала, 1967, стр. 20.

¹⁵ В. И. Марковин. Ук. соч., стр. 84.

¹⁶ Р. М. Мунчаев. Ук. соч., стр. 165, 166, 190.

¹⁷ М. И. Пиккуль. Ук. соч., стр. 19.

¹⁸ Сборы В. Б. Виноградова в 1967 г. из разрушенных погребений. Республиканский музей г. Грозного.

цилиндрической, чуть расширяющейся книзу формы. На втулке — два отверстия для крепления древка. Подобные наконечники широко известны на Кавказе в памятниках эпохи поздней бронзы и раннего железа, появились всюду, по мнению А. А. Иессена, более менее синхронно и существовали до скифского времени¹⁹. Поразительно сходство изучаемого экземпляра с наконечниками из Самтавро, где они бытуют на протяжении трех

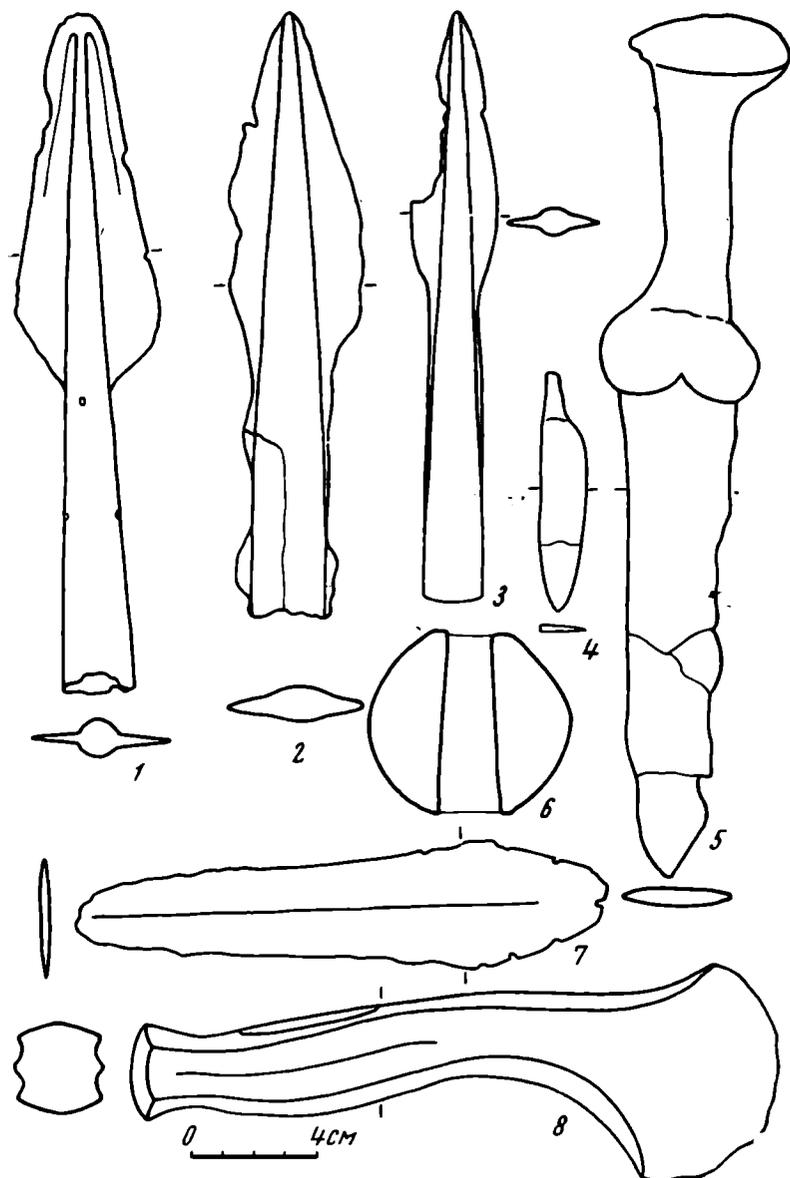

Рис. 1. Оружие из погребений Сержень-Юртовского могильника X—VI вв. до н. э.

1 — бронзовый наконечник копья (погр. 6); 2 — железный наконечник копья (погр. 16); 3 — железный наконечник копья (погр. 24); 4 — железный нож (погр. 24); 5 — железный кинжал-акинак (между погребениями в слое); 6 — каменное навершие булавы (погр. 16); 7 — бронзовый кинжал (погр. 6); 8 — бронзовый топор (погр. 6)

этапов существования могильника с XIII до VIII в. до н. э.²⁰ Близок по форме к изучаемому наконечник копья из Зандакского могильника. Он отличается лишь двумя рельефными кольцами на втулке. В. И. Маркович считает такие наконечники чисто закавказским оружием²¹. Этого же мне-

¹⁹ А. А. Иессен. Прикубанский очаг металлургии и металлообработки. МИА, 23, 1951, стр. 112.

²⁰ Б. А. Куфтин. Раскопки в Триалети. Тбилиси, 1941, стр. 70, рис. 746; стр. 71, рис. 75; Р. М. Абрамшвили. К вопросу о датировке памятников эпохи поздней бронзы и широкого освоения железа, обнаруженного на Самтаврском могильнике. ВГМГ, XIX-A, XXI-B, Тбилиси, 1957, табл. 1, стр. 139, 140.

²¹ В. И. Маркович. Ук. соч., стр. 85, рис. 24, 1.

ния придерживался и А. А. Иессен²². Наконечники близкой формы известны среди находок из Дагестана²³ и Кабардино-Балкарии²⁴.

Несмотря на то что этот тип наконечников копий в Закавказье датируется XIII—X вв. до н. э., комплекс материалов Сержень-Юртовского могильника позволяет в данном памятнике ограничить время их бытования X—VIII вв. до н. э.

Железные наконечники копий архаичны по форме, напоминают бронзовые. Один из них (рис. 1, 2) близок железному наконечнику из курганного погребения Каменноостского могильника на Малке, датированному, А. А. Иессеном VII—VI вв. до н. э.²⁵ Древко этого копья украшало бронзовое кольцо. Эта архаичная черта прослежена в погребениях X—VIII вв. до н. э. в Самтаврском могильнике, но на Северном Кавказе она, возможно, доживает до VII в. до н. э.

Второй железный наконечник копья (рис. 1, 3) с более узким пером имеет аналогии в памятниках кобанской культуры VII — первой половины VI в. до н. э. (могильники Тлийский, Луговой, Нестеровский)²⁶.

В Закавказье такие наконечники копий найдены в Так-килисинском, Самтаврском и Кулунархвском могильниках и датируется VII—VI вв. до н. э.²⁷ Учитывая архаичность других предметов из комплекса погр. 24 Сержень-Юртовского могильника, можно предполагать, что изучаемый наконечник относится к начальному периоду появления такого типа оружия и датируется не позднее первой половины VI в. до н. э.

Из четырех найденных кинжалов три бронзовые (рис. 1, 7). Их клалли погребенному на правое бедро. Форма треугольно-вытянутая, на черешке — от трех до шести отверстий для крепления деревянной рукояти. Судя по многочисленным кавказским аналогиям, форма кинжалов архаична. В Закавказье близкие экземпляры известны из погребений конца II — начала I тысячелетия до н. э. в Самтаврском²⁸ и Мцхетском могильниках²⁹, на территории северных и западных районов Внутренней Картли (с. Хвце, Корнис)³⁰. На территории Центрального Кавказа близкие формы известны в Тлийском могильнике³¹ и в погребениях могильника Верхняя Рутха близ сел. Кумбулта³². Обнаруженные здесь бронзовые кинжалы, особенно из комплекса № 15, поразительно напоминают сержень-юртовские. Е. И. Крупнов относит этот тип кинжала к началу первого этапа кобанской культуры (IX—VIII вв. до н. э.)³³. Наиболее близки к описываемым кинжалы из Зандакского могильника³⁴.

Таким образом, наш анализ материала показывает, что все известные кинжалы такого типа входят в погребальные комплексы, датирующиеся последними веками II тысячелетия до н. э. и не позднее VIII в. до н. э.

²² А. А. Иессен. Археологические памятники Кабардино-Балкарии. МИА, 3, 1941, стр. 20.

²³ А. П. Круглов. Северо-Восточный Кавказ во II—I тысячелетии до н. э. МИА, 68, 1958, стр. 75, рис. 18, 4.

²⁴ А. А. Иессен. Археологические памятники..., стр. 16; стр. 42, табл. II, 7.

²⁵ Там же, стр. 21, рис. 4, 3.

²⁶ Б. В. Техов. Раскопки Тлийского могильника в 1960 г. СА, 1963, 1, стр. 170, рис. 6, 1; Е. И. Крупнов. Древняя история..., табл. LXII, 6; табл. LXIII, 4; Р. М. Мунчаев. Луговой могильник..., стр. 146, рис. 4, 4.

²⁷ Б. А. Куфтин. Раскопки в Триалети..., стр. 267, 305, табл. XXI; XXXV; Г. Ф. Гобеджишвили. Археологические раскопки в Советской Грузии (на груз. яз.). Тбилиси, 1952, табл. XXVI; М. М. Трапш. Памятники колхидской и скифской культур в селении Куланурхва Абхазской АССР. 1962, стр. 46, 47, табл. XVI.

²⁸ Р. М. Абрамишвили. Ук. соч., табл. 1, 230.

²⁹ Т. Н. Чубинашвили. Древнейшие археологические памятники Мцхета. Тбилиси, 1957, стр. 74, 75.

³⁰ Б. В. Техов. Раскопки Тлийского могильника в 1960. СА, 1963, 1, стр. 168.

³¹ Б. В. Техов. Ук. соч., стр. 168, рис. 4, 1, 2.

³² Е. И. Крупнов. Древняя история Северного Кавказа..., табл. VI, 3; табл. X, 1.

³³ Там же, стр. 237.

³⁴ В. И. Марковин. Ук. соч., стр. 85, рис. 24, 4; М. И. Пякуль. Ук. соч., рис. 2, 7—8.

Железный кинжал, найденный в слое Сержень-Юртовского могильника вне комплекса погребения, по форме близок акинакам скифского типа с брусковидным навершием и почковидным перекрестием (рис. 1, 5). На Северном Кавказе они найдены на Тамгацкском поселении³⁵ и в погребениях Минераловодского могильника³⁶. Ранняя дата таких кинжалов — первая половина VI в. до н. э. Довольно близки к изучаемому по пропорциям и длине железные кинжалы из Тлийского могильника.

Боевой бронзовый топор найден в одном погребении Сержень-Юртовского могильника (рис. 1, 8) за спиной погребенного. Топор был изготовлен литьем и по форме напоминает топоры, отливавшиеся в литейной форме, найденной на Сержень-Юртовском поселении. Лезвие топора было заключено в деревянный футляр. Во втулке сохранились остатки рукояти из грушевого дерева³⁷. Аналогии этому топору широко известны не только на Северном Кавказе, но и в Закавказье. Е. И. Крупнов считал такие топоры «одинаково множественными как на территории прикубанской и кобанской, так и колхидской культуры»³⁸. Всюду на Кавказе они характерны для памятников первой половины I тысячелетия до н. э.³⁹ и бытуют не позднее VIII в. до н. э.

Шаровидное навершие булавы из зеленоватого порфирита с круглым сверленным отверстием найдено за спиной погребенного на уровне пояса (рис. 1, 6). Подобные навершия встречаются в памятниках эпохи бронзы на протяжении II тысячелетия до н. э.⁴⁰ В памятниках кобанского времени каменные навершия встречаются редко, и форма их несколько иная⁴¹. Близкие по форме навершия, найденные в слое Сержень-Юртовского поселения, указывают, что они доживают на данной территории до эпохи распространения железных предметов.

Украшения. Самую большую группу погребального инвентаря составляют украшения, детали головного убора, одежды и обуви, они найдены и в женских, и в мужских погребениях.

Бронзовые височные кольца найдены в 13 женских погребениях. Они делятся на четыре типа. I тип (рис. 2, 1; погр. 4, 9, 10, 13, 14, 17, 18, 20) представляет собой спираль, скрученную из круглой в сечении проволоки в 2,5—3 оборота. II тип (рис. 2, 3; погр. 3, 8, 21) близок по форме I типу: кольца изготовлены из проволоки, треугольной в сечении, свернутой в спираль в 3 оборота, они были найдены близ виска. У III типа (рис. 2, 2; погр. 3, 8, 20, 21) кольца изготовлены из тонкой свернутой в 2 оборота бронзовой пластинки с узким перехватом посередине. IV тип (рис. 2, 4) близок III типу, но кольца по форме овальные, изготовлены из бронзовой проволоки, овальной в сечении и уплощенной на концах.

Первые два типа височных колец известны по находкам в слое IX—VIII вв. до н. э. Сержень-Юртовского поселения. III тип кроме Сержень-Юртовского поселения известен в Шалинской коллекции Борцагова⁴² и в

³⁵ Е. И. Крупнов. Ук. соч., стр. 143, рис. 12, 1.

³⁶ Н. М. Егоров. Могильник скифского времени близ г. Минеральные Воды, КСИИМК, 58, 1955, стр. 58, рис. 20, 1а.

³⁷ Определение дерева проведено в лаборатории ИА АН СССР Г. Н. Лисициной.

³⁸ Тип IV по классификации Е. И. Крупнова; Е. И. Крупнов. Древняя история..., стр. 83, рис. 8, 4; стр. 84.

³⁹ П. С. Уварова. Могильники Северного Кавказа. МАК, VIII, М., 1900, табл. III, 3, 4. F. H a n s a g. Die Beile aus Koban in der Sammlung Kaukasischer Altertümer. «Wiener prähistorische Zeitschrift», XXX, Wien, 1934; О. М. Джапаридзе. Бронзовые топоры Западной Грузии. СА, XVIII, 1953, стр. 284; М. М. Трапш. Ук. соч., стр. 38.

⁴⁰ В. И. Маркович. Новый памятник эпохи бронзы в Горной Чечне. Древности Чечено-Ингушетии. М., 1963, стр. 89, рис. 23, 5; Е. И. Крупнов. Материалы по археологии Северной Осетии докобанского периода. МИА, 23, 1951, стр. 45, рис. 9, 8.

⁴¹ Б. В. Техов. Раскопки Тлийского могильника в 1960 г. СА, 1963, 1, стр. 177, рис. 14, 2.

⁴² Коллекции Первобычного отдела Гос. Эрмитажа. Инв. № 451.

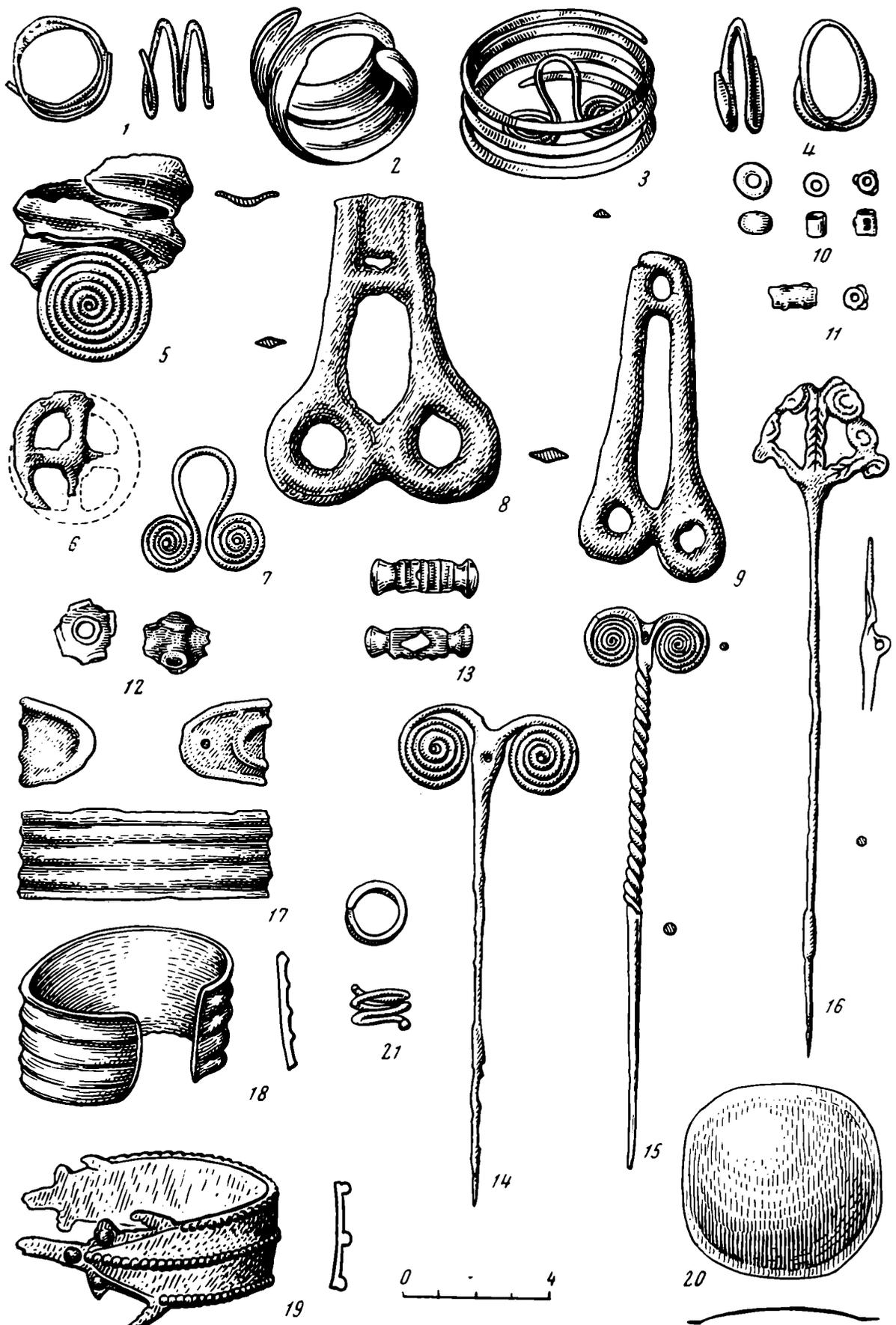

Рис. 2. Украшения из бронзы и стекла Сержень-Юртовского могильника
 1—4 — височные кольца; 5 — концевая спираль головного украшения; 6—9 — подвески;
 10—11 — стеклянные бусы; 12—13 — бронзовые бусы; 14—16 — булавки; 17—19 — браслеты;
 20 — блиха от нагрудной перевязи (погр. 24); 21 — перстень

Веденской коллекции Н. Орла. Последняя была опубликована А. П. Кругловым⁴³ и признана им как своеобразная, необычная для каякентско-хорочоевской культуры форма. Можно думать, что украшения этого типа, судя по отсутствию аналогий в других памятниках Северного Кавказа, являются продукцией местного производства. Происхождение их, вероятно, следует связывать с круглыми подвесками с заходящими концами, широко известными на Северном Кавказе в более раннее время (курганы в Кабардинском парке, Гатынкалинский могильник, Мекенские курганы в Чечено-Ингушетии и т. д.). Височные кольца четвертого типа А. П. Круглов считал характерными для памятников каякентско-хорочоевской культуры⁴⁴. Такого же мнения придерживается и В. И. Марковин на основании материалов Зандакского могильника⁴⁵. Для Сержень-Юртовского могильника IV тип височных колец нехарактерен и проник сюда в результате контакта с племенами каякентско-хорочоевской культуры.

Бронзовые массивные спирали — деталь женского головного убора (погр. 3, 8, 11, 12, 13, 14, 18). Форма этих спиралей своеобразна и не имеет аналогий в памятниках Кавказа. Спирали прикреплялись к головному убору у висков и опускались в виде кос на грудь. Они состояли из 20—21 височного кольца III типа, нанизанных на твердую основу, и только последнее кольцо имело спиральный завиток (рис. 2, 5).

Внутренняя твердая основа украшения состояла из пучка древесных прутьев, туго обкрученных тонким кожаным шнурком.

Бусы и пронизки из бронзы, стекла, сурьмы и сердолика входили в состав ожерелий и головного убора. Бронзовые бусы представлены следующими типами: цилиндрические, бочковидные; шаровидная бусина с гнездами для вставок представляет собой, вероятно, подражание стеклянным глазчатым бусам скифо-сарматской эпохи (рис. 2, 12); буса в форме параллелепипеда с перетяжками по краям имеет овальное отверстие в одной из сторон (рис. 2, 13).

Цилиндрические бусы Сержень-Юртовского могильника аналогичны бусам из слоя Сержень-Юртовского поселения.

Стеклянные бусы по форме менее разнообразны. Наиболее распространены бочковидные и цилиндрические ярко-желтого цвета (рис. 2, 10, 11). Бусы такого типа входили в состав ожерелья, нашивались на головной убор и, вероятно, служили основой для сетки, украшавшей затылочную часть головного убора. Цилиндрические светло-желтые бусы с коричневыми глазками имеют аналогии в памятниках скифо-сарматского времени Северного Кавказа (Луговой могильник; Сержень-Юртовское поселение; могильник Исти-Су)⁴⁶.

Сурьмяные бусы были найдены лишь в погр. 8. Они имели неопределенную форму и небольшое отверстие для продевания нити. Кроме бус в составе ожерелья имелась сурьмяная пронизка в виде кольца с ушком. Пронизка была грубо отлита в односторчатой форме.

Бронзовые подвески в погребениях Сержень-Юртовского могильника трех типов.

I тип (рис. 2, 7; погр. 3, 11, 17, 18): подвески очковидной формы, изготовлены из бронзовой, круглой в сечении проволоки. Входили в состав украшений головного убора, прикрепляясь к височным кольцам, или подвешивались на шнурках, крепивших концы бронзовых браслетов. Близкие по размерам и деталям очковидные подвески найдены в слое X—VIII вв. до н. э. Сержень-Юртовского поселения.

⁴³ А. П. К р у г л о в. Северо-Восточный Кавказ..., стр. 68.

⁴⁴ Там же.

⁴⁵ В. И. М а р к о в и н. Новые материалы по археологии Северной Осетии и Чечни..., стр. 85, рис. 24, 8.

⁴⁶ Р. М. М у н ч а е в. Луговой могильник. Древности Чечено-Ингушетии, стр. 170. рис. 18, 7—10.

II тип (рис. 2, 6; погр. 13): подвеска в виде круга с крестовиной в центре, литая в одностворчатой форме. Аналогичные предметы, характерные для памятников кобанской культуры, были в слое Сержень-Юртовского поселения и датируются VII—VI вв. до н. э.⁴⁷ Подобные подвески находят как около головного убора, так и у тазовых костей (Эчкивапский могильник около Кисловодска), так же и в Сержень-Юртовском могильнике. Возможно, что этот тип украшения играл роль священного амулета-оберега.

К III типу (рис. 2, 8, 9; погр. 13) относятся ножницевидные подвески. Они изготовлены в двустворчатой литой форме; аналогии им известны в памятниках центральной части Северного Кавказа более раннего времени⁴⁸. Ножницевидные подвески из Сержень-Юртовского могильника, несомненно, местный поздний вариант такого типа украшений.

В Сержень-Юртовском могильнике были также найдены бляхи различных форм: полушарные, выпукло-вогнутые, овальная, выпукло-вогнутые, подквадратные, с закругленными углами (рис. 2, 20). Все они, изготовленные из тонкой листовой бронзы, служили для украшения головного убора, нашивались на одежду.

В одном из погребений подквадратные бляхи были нашиты на широкую, вероятно кожаную, ленту перевязи захороненного воина. Перевязи были весьма характерной принадлежностью военачальников в VIII—VII вв. до н. э. в Закавказье и Передней Азии; они известны по изображениям на ассирийских рельефах⁴⁹ и в уратской пластике⁵⁰. Находки такой перевязи в Сержень-Юртовском могильнике — свидетельство распространения с юга деталей костюма воина.

Булавки — характерное украшение женского костюма (погр. 10, 14, 17, 18). Большинство их бронзовые, но найдена и одна костяная. Выделяются следующие типы бронзовых булавок. I тип: с круглым или витым стержнем и волутообразным навершием (рис. 2, 14, 15). II тип: с круглым стержнем и веерообразным ажурным навершием, представляющим сложное сочетание волутообразного орнамента и орнамента в виде имитации плетеного шнура. С тыльной стороны имелась выпуклая петля (рис. 2, 16). Оба типа булавок, особенно первый, характерны для памятников кобанской культуры⁵¹. II тип не имеет точных аналогий, но все же по отдельным деталям навершия напоминает булавку, найденную на территории Кабардино-Балкарии и отнесенную А. А. Иессеном к предскифскому времени⁵². Возможно, они являются локальным вариантом головных булавок, широко известных из раскопок в Центральном Кавказе могильников кобанской культуры и названных П. С. Уваровой булавками в виде павлиньего пера⁵³. В погребениях все булавки находились в области шеи погребенных, они сопутствовали сложному головному убору. Можно предполагать, что они служили для скрепления деталей головного убора.

Браслеты из бронзы найдены и в женских, и в мужских погребениях; они делятся на два типа. I тип (рис. 2, 17, 18) пластинчатые, с 3—5 выпуклыми параллельными ребрами на лицевой стороне; тыльная сторона предмета гладкая, концы пластин оформлены различно. II тип (рис. 2, 19) — пластинчатые, украшенные на лицевой стороне тремя поясками выпукло-

⁴⁷ А. А. Иессен. Археологические памятники Кабардино-Балкарии. МИА, 3, 1951, стр. 22; Е. И. Крупнов. Древняя история..., табл. V; А. Рунич. Археологические разведки в районе Кисловодска. Отчет за 1966 г., стр. 25. Архив ИА, Р-1, д. № 2869, погр. 8.

⁴⁸ Б. Е. Деген. Курганы в Кабардинском парке г. Нальчика. МИА, 3, 1941, стр. 261, рис. 40, 12.

⁴⁹ H. Barthel. Die Kulturgeschichte des Assyrischen Flachbildes. Bonn, 1965, табл. 41, 4; 51, 2.

⁵⁰ Б. Б. Пиотровский. Искусство Урарту. Л., 1962, табл. III; табл. XIII.

⁵¹ А. А. Иессен. Археологические памятники Кабардино-Балкарии. МИА, 3, стр. 44, табл. IV, 5.

⁵² Там же, стр. 22, стр. 44, табл. IV, 6.

⁵³ П. С. Уварова. Могильники Северного Кавказа. МАК, VIII, табл. XXXVII, 12.

го «жемчужника», их концы завершаются тремя острыми отростками и тремя отдельными «перлами» на каждом конце и имеют форму стилизованного изображения морды животного. Судя по некоторой шероховатости внешней и особенно внутренней поверхности, а также по сложности орнамента, можно предполагать, что отливались такие браслеты по восковой модели.

Браслеты I типа более многочисленны, их найдено 32, II тип встречается реже. I типу браслетов мы находим широкие аналоги в памятниках кобанской культуры⁵⁴. Е. И. Крупнов относит их к первому этапу развития кобанской культуры IX—VIII вв. до н. э. II тип браслетов изредка встречался в памятниках на территории Восточного Предкавказья. Один из браслетов, так же как и круглое височное кольцо, есть в Шалинской коллекции Берцагова, второй найден при раскопках погребения № 9 Зандакского могильника X—VIII вв. до н. э.⁵⁵, причем весь комплекс этого погребения имеет большое сходство с комплексами погребений Сержень-Юртовского могильника.

Перстни редко встречаются в погребениях Сержень-Юртовского могильника. Два перстня из круглой в сечении проволоки, свернутой в спираль в 2,5 оборота, аналогичны найденным в слое IX—VIII вв. до н. э. Сержень-Юртовского поселения и в погребениях VI—V вв. до н. э. Лугового могильника⁵⁶ (рис. 2, 21).

Помимо оружия и украшений в погребениях Сержень-Юртовского могильника найдены железные черешковые ножи (рис. 1, 4) с прямой спинкой и выгнутым лезвием, а также оселки овально-уплощенной формы из серого камня.

В каждом из погребений описываемого нами могильника было найдено от 3 до 20 сосудов. Все они изготовлены от руки из теста с примесью шамота, обжиг сосудов слабый и неравномерный, поверхность красновато-коричневая. Выделяются следующие группы сосудов: горшки, миски, кружки, плошки.

Горшки представлены двумя типами. I тип (рис. 3, 1, 8) баночной формы, венчик прямой (за исключением двух сосудов), дно небольшое, неустойчивое. Пропорции сосуда удлиненные или приземистые⁵⁷.

II тип (рис. 2, 7) — горшки биконической формы с прямым венчиком, значительно отогнутым наружу, дно маленькое, неустойчивое⁵⁸.

Найденные в погребениях миски двух типов: I тип (рис. 3, 5): приземистая с широким устьем миска на маленьком, выделенном дне. Венчик округлый загнут внутрь. II тип (рис. 3, 6): миска с высоким краем и ребром посередине корпуса, венчик прямой.

Кружки (рис. 3, 3). В погребениях и между могилами найдено четыре целых кружки и обломок ручки от пятой. Они имели баночную форму, прямой венчик, слегка выделенное дно. Небольшая петлевидная ручка (овальная в сечении) прилеплена к самому краю⁵⁹.

Плошки низкие, небольшие, баночной формы с прямым венчиком и широким дном. Одна из плошек имела слегка выступающее ребро посередине корпуса (рис. 3, 4).

Орнаментальные налепы имеются на горшках и частично на мисках и кружках. На горшках баночной и биконической формы самым распространенным украшением являются короткие налепы на корпусе сосуда, расположенные с четырех сторон: горизонтально, вертикально или по диагонали. Иногда налепы попарные: два горизонтальных, два по диагонали.

⁵⁴ Е. И. Крупнов. Древняя история..., стр. 460, табл. XXXVIII, 16.

⁵⁵ В. И. Марковин. Новые материалы..., стр. 86, рис. 25, 6.

⁵⁶ Р. М. Мунчаев. Луговой могильник..., стр. 176, рис. 22, 12.

⁵⁷ Высота сосудов от 9 до 23, диаметр устья от 9,5 до 2,2, диаметр дна от 6,5 до 11 см.

⁵⁸ Высота сосудов от 15 до 25, диаметр устья от 16 до 22, диаметр дна от 8 до 13 см.

⁵⁹ Диаметр устья от 7 до 9,2, высота от 6,5 до 9,7, диаметр дна от 5 до 6,8 см.

Некоторые горшки украшены двумя или тремя параллельными короткими налепами, расположенными горизонтально на тулове сосуда. Довольно редко встречаются такие налепы, как кольцевидный, дуговидный, дуговидный с отростком посредине, крестовидный, налеп из трех «перлов», прилегающих друг к другу, налеп-змейка, налепной валик с защипами по краю венчика.

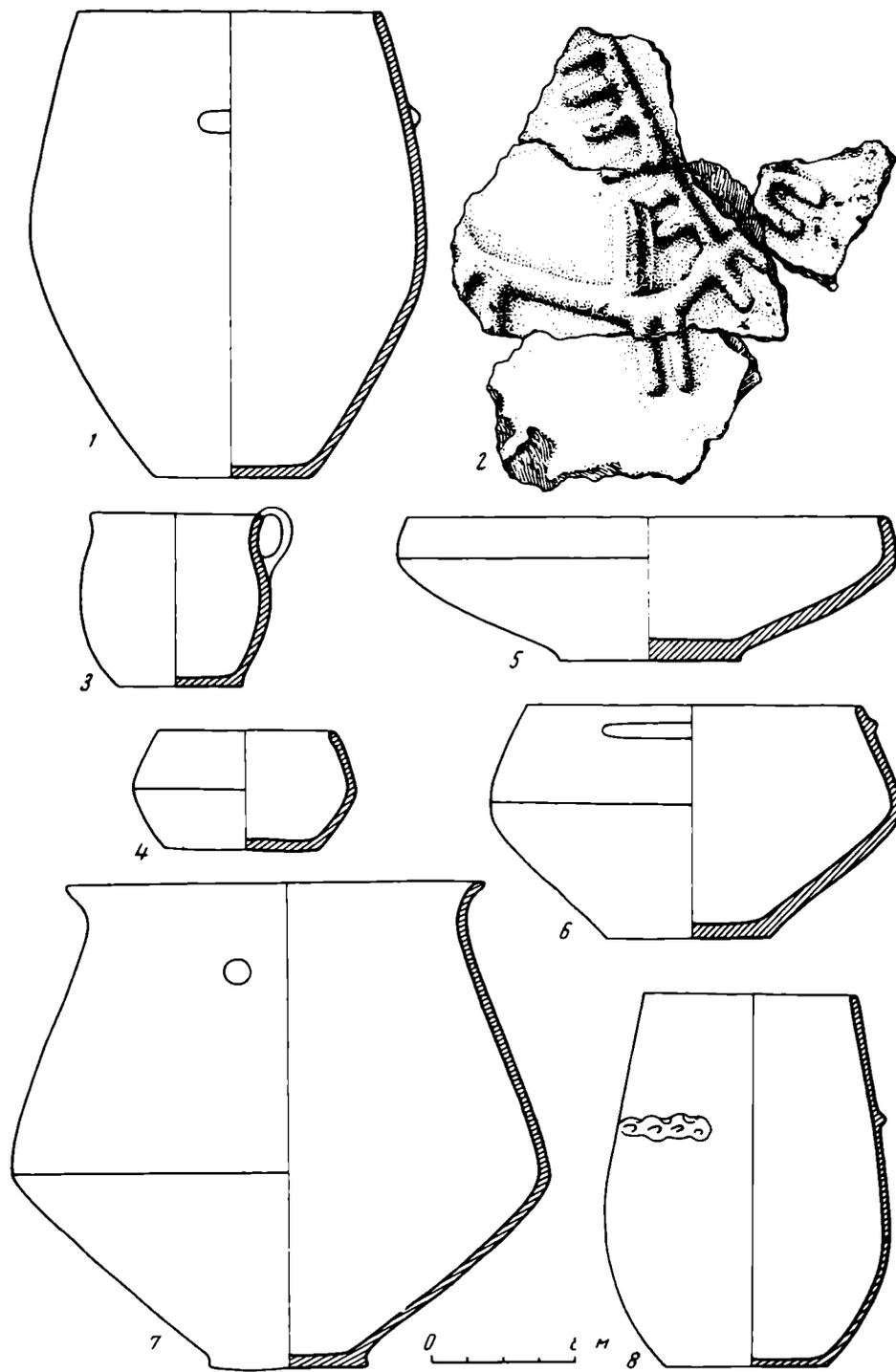

Рис. 3. Керамика из погребений Сержень-Юртовского могильника

Биконический сосуд из погр. 12 был украшен зооморфным и антропоморфным рельефными изображениями. На верхней части сосуда вылеплен олень с огромными ветвистыми рогами, на спине которого сидит схематически изображенный всадник (рис. 3, 2). Одна из мисок у венчика была украшена короткими горизонтальными налепами; налепы в виде четырех выпуклин — «перлов», располагавшихся у венчика, украшали одну из кружек.

Формы сосудов и их орнаментальные приемы имеют аналогии в керамике Сержень-Юртовского поселения (крестовидные налепы, дуговидные с отростком посредине — мотив, уходящий корнями в эпоху ранней бронзы). В слое IX—VIII вв. до н. э. найден обломок стенки сосуда, украшенный рельефным изображением лося. Прочерченный зооморфный орнамент на сосудах известен на Кавказе и, в частности, на сосудах кабардино-пятигорского варианта кобанской культуры⁶⁰; истоки рельефного зооморфного орнамента на Кавказе следует искать, вероятно, южнее, в районах Передней и Малой Азии, а также Северо-Западного Ирана, где известны глиняные сосуды, украшенные рельефными изображениями животных. Так, в Кюль-Тепе в Северной Анатолии на керамике из слоя середины II тысячелетия до н. э. известно изображение газели⁶¹, в Луристане в слое IX—VIII вв. до н. э. в Хассанлу найден сосуд с рельефным изображением козла⁶². Это, вероятно, объясняется воздействием южного древнего очага цивилизации, которое наблюдается и в более раннее время. Аналогии некоторым формам сосудов и орнаментам на них из Сержень-Юртовского могильника имеются в материалах могильников VI—V вв. до н. э., особенно в керамике могильника Исти-Су⁶³. В материалах Лугового могильника известен орнамент в виде крестовидных налепов⁶⁴.

Материалы из раскопок Сержень-Юртовского могильника позволяют говорить о взаимосвязи элементов кобанской культуры Центрального Кавказа, каякентско-хорочоевской культуры горной части Северо-Восточного Кавказа, культуры Закавказья эпохи поздней бронзы. Это объясняется в какой-то степени местоположением изучаемого памятника, находившегося на стыке двух больших культурных областей.

Входя в круг памятников восточного варианта кобанской культуры, материалы Сержень-Юртовского могильника находят аналогии в памятниках кобанской культуры Центрального Кавказа (топор, железный наконечник копья, пластинчатые браслеты первого типа, все типы бронзовых булавок, очковидные и крестовидные подвески и т. д.). Своеобразие изучаемой локальной группы проявляется, с одной стороны, в некоторой архаичности ряда предметов, первоначальные формы которых прослеживаются в культуре Северного Кавказа докобанского периода; с другой стороны, — в существовании автохтонных форм украшений и керамики. Так, архаичны формы кинжалов, круглых височных колец, кольцевидных привесок из сурьмы, каменного навершия булавы. Черты автохтонности проявились и в спиральных-наконечниках и отдельных типах бус, формах браслетов.

Единичные находки некоторых типов украшений (например, височные кольца) отражают соседские связи Сержень-Юртовского комплекса с каякентско-хорочоевской культурой.

Бронзовые и железные наконечники копий, орнаментальное кольцо для древка копья, остатки перевязи — результат продолжения функционирования мощного закавказского очага бронзовой металлургии, распространявшего определенную моду на типы оружия и воинский костюм.

Украшения, керамика и особенно типы оружия позволяют отнести основную массу погребений Сержень-Юрта к X—VIII вв. до н. э., и только два погребения (7 и 24), отличавшиеся поздними чертами инвентаря (наконечник железного копья с маленьким пером, стеклянные глазчатые бусы, типы железных ножей), могут быть датированы VII — первой половиной VI в. до н. э. К этому же времени относится часть предметов, найденных между могилами, и в первую очередь железный кинжал-акинак.

⁶⁰ Е. И. Крупнов. Древняя история..., стр. 194, рис. 30.

⁶¹ H. Th. Bossert. Altanatolien. Berlin, 1942, стр. 42, рис. 384—386.

⁶² R. Ghirschman. Perse. Gallimard, 1963, стр. 25.

⁶³ О. А. Артамонова-Полтавцева. Культура Северо-Восточного Кавказа, стр. 28, рис. 6; стр. 37, рис. 12.

⁶⁴ Р. М. Мунчаев. Луговой могильник..., стр. 151, рис. 7, 3.

Своеобразие изучаемой этнокультурной группы продолжало сохраняться и в более позднее время, что прослеживается по материалам могильников VI—V вв. до н. э. (Исти-Су, Урус-Мартановский, Луговой, Нестеровский, Моздокский, Шалпский, Цаведенский). В них проявляется сочетание и почти органическое слияние позднекобанских и степных скифо-савроматских элементов.

Особенно следует подчеркнуть единство материалов Сержень-Юртовского могильника эпохи поздней бронзы и Сержень-Юртовского поселения. Оно проявляется не только в территориальной и хронологической близости, но и в общем облике материальной культуры, позволяющим видеть в обоих памятниках единый культурно-исторический комплекс. Последнее обстоятельство определяет и выдающееся значение этих двух объектов. До недавнего прошлого эпоха первой половины I тысячелетия до н. э. на территории Чечено-Ингушетии характеризовалась лишь разрозненными, случайными находками. На отсутствие связующего звена между памятниками конца II тысячелетия до н. э. и памятниками скифской эпохи указывал в свое время А. П. Круглов, ошибочно полагая, что это звено будет отражать последующий этап развития каякентско-хорочоевской культуры⁶⁵ и что в нем следует искать истоки видимого своеобразия материальной культуры памятников VI—V вв. до н. э. Мы же считаем, что памятники Сержень-Юртовского комплекса отражают не дальнейшее развитие каякентско-хорочоевской культуры, как думали прежде, а утверждают существование раннего этапа соседней самостоятельной культуры, синхронной каякентско-хорочоевской — существовавшей в виде восточного локального варианта все той же кобанской культуры, не известной ранее на территории Чечено-Ингушетии.

V. I. Kozenkova

UNE SEPULTURE DE LA CIVILISATION PRIMITIVE
DE KOBAN PRES DU VILLAGE DE SERJEN-YOURT

Résumé

La publication est consacrée à la sépulture découverte en 1958 près des villages bien connus de Serjen-Yourt (Tchéchéno-Ingouchétié). 24 inhumations en pleine terre ont été explorées. L'auteur donne une analyse détaillée du rite funéraire et du mobilier qui est analogue aux matériaux de la station située tout à côté.

En se basant sur l'analyse des parures, de la poterie et des types d'armes, l'auteur date la masse principale des inhumations des X—VIII ss. avant notre ère. L'auteur trouve que les matériaux de la sépulture de Serjen-Yourt entrent dans le cercle des monuments de la variante orientale de la civilisation de Koban, tout en présentant en même temps un groupe local. Son originalité se manifeste, d'un côté, par un extérieur suffisamment archaïque d'une série d'articles, dont les formes primitives peuvent être suivies dans la civilisation du Caucase Nord pendant la période qui précède celle de Koban; de l'autre côté, cette originalité se révèle aussi dans l'existence des formes autochtones pour les parures et la poterie.

⁶⁵ А. П. К р у г л о в. Северо-Восточный Кавказ..., стр. 94.

Т. К. ИВАНОВ

РИМСКАЯ И РАННЕВИЗАНТИЙСКАЯ КРЕПОСТЬ ЯТРУС НА ДУНАЕ (НРБ)

Крепость (кастелл) Ятрус — один из многочисленных укрепленных пунктов римского и ранневизантийского лимеса на правом, высоком берегу Дуная в провинции Нижняя Мезия (теперь в Народной Республике Болгарии) и в то же время самая северная крепость укрепленной системы на нижнем течении р. Ятры, впадающей в Дунай в 2 км к северу от Ятруса (рис. 1). Крепость названа по одноименной реке Iatrus (ныне Янтра), упоминаемой античными авторами Herod., 4, 49; Plin., Nat. hist., 3, 149 (Ieterus); Iord., Get., 18 (Iatrus) и др. Наименование р. Ятры далеко-мизийского происхождения и означает «быстрый, буйный, смелый» от индоевропейского *etro-* или *etru-*¹. Известно множество примеров, когда город, поселение или крепость носит название протекающей поблизости реки, например г. Экус у р. Экус, г. Альмус у р. Альмус и другие в провинциях Нижняя Мезия, Верхняя Мезия и пр.

Письменные источники о крепости Ятрус весьма скудны и отрывочны, но они связаны с важными историческими событиями. Самое раннее упоминание о Ятрусе встречается в *Tabula Peutingeriana*, составленной во второй половине II и первой половине III в., но получившей окончательную редакцию в IV в. Там указано, что кастелл *Latro* (вместо *Iatro*) отстоит на 9 римских миль от римского города Нове (*Novae*, ныне г. Свищов) и в 16 римских милях от крепости Тримаммум (ныне с. Пиргово Русенского округа). По этим данным и на основании одинакового с р. Янтрой наименования крепости Ятрус было определено её местоположение у с. Кривина Русенского округа. Из *Not. Dignitatum*, ог. 40, 8, составленной между 390 и 437 гг., узнаем, что крепость Ятрус (упоминаемый там под названиями *Latris Latius*) находилась под начальством дукса провинции Вторая Мезия и что в нем стоял отряд конников-щитноносцев (*cupeus equitum scutariorum*). *Proc. De aedif.* IV, 7 сообщает, что император Юстиниан I (527—565 гг.) «возобновил новой стройкой и пострадавшие части так называемых укреплений Ятрус (*Ἰατροῦ*) и Тигас». Это сообщение свидетельствует о неизвестных нам событиях, в результате которых Ятрус подвергся разрушению и впоследствии потребовалось его восстановить. *Theophyl. Simocata* в своем труде *Historiae*, VI, 1, VII, 13 упоминает город Ятрус в связи с нашествиями аваров и славян в земли Второй Мезии (прежде Нижняя Мезия) в 596 и 600 гг. В сущности его сведения относятся к последним годам существования кастелла (города) Ятрус. Анонимный географ из Равенны, автор сочинения «Космография»,

¹ В. Георгиев. Българска етимология и ономастика. София, 1960, стр. 30—31; его же. Въпроси на българската етимология. София, 1958, с. 115 и 117; его же. За произхода на древното население от северозточната част на Балканския полуостров. «Известия на Археологическия институт», София, XIX, 1955, стр. 318 и сл.; его же. Тракийският език. София, 1957, стр. 66. О фракийском происхождении названия *Iatrus* см.: D. Dečev. Die Thracischen Sprachreste. «Schriften der Balkankommission, Linguistische Abteilung», XVI, Wien, 1957, стр. 7 и сл.

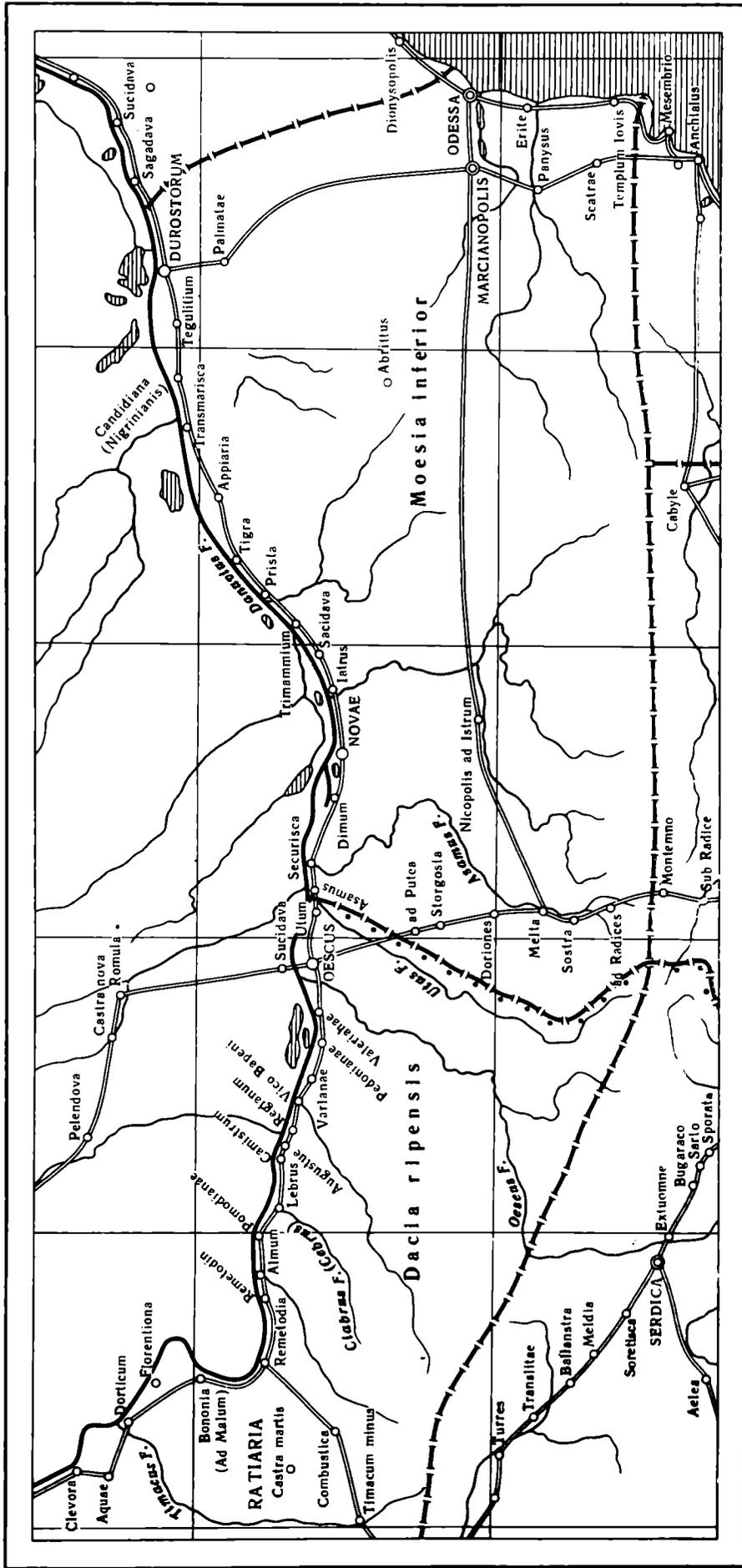

Рис. 1. Карта Нижней Мезии и Прибрежной Дакии

написанной в конце VII или начале VIII в., следует *Tabula Peutingeriana*. Перечисляя города вдоль правого берега Дуная с востока на запад, он помещает город (*civitas*) Ятрус (у него написано *Larton* вместо *Iatron*) между Тримаммум и Нове. Позднее Ятрус не упоминается в письменных источниках, так как уже был разрушен аварами и, вероятно, славянами в самом начале VII в.

Долгое время «Городище» у с. Кривина, как местное население называет развалины крепости Ятрус, служило карьером, откуда брали камень для сельских построек и даже для строительства пристани в г. Свищов на Дунае, в 18 км к западу от с. Кривина. Больше всего при этом пострадали крепостные стены, сложенные из хорошо обтесанных квадров. Из юго-западной части крепостной стены в 1898 г. был вынут надгробный памятник с рельефными изображениями членов семьи (отец, мать, сын и дочь) с латинской надписью². Из развалин Ятруса происходит также мраморная голова мужчины³.

Большие заслуги в археологическом исследовании Ятруса у К. Шкорпила, одного из основоположников археологии и музейного дела в Болгарии. В продолжение ряда лет он усердно исследовал римский лимес вдоль правого берега Дуная от Силистрии (Дуросторум) до Лома (Альмус). С присущей ему добросовестностью он объездил упомянутый район и исследовал видимые остатки крепостных стен, нанес на план ряд крепостей и описал случайные находки, но он не имел возможности производить раскопки. К. Шкорпилу мы обязаны первыми сведениями о топографии Ятруса и обнаруженными там находками⁴. На основании особенностей строительства крепостных стен и употребленных в качестве строительных материалов эпиграфических памятников он относит Ятрус к византийской эпохе. Под византийской эпохой К. Шкорпил, вероятно, понимает ранне-византийскую эпоху, т. е. V—VI вв.

Ст. Стефанов, бывший директор городского музея в г. Свищове, первый отметил, что в крепости Ятрус существовала жизнь в болгарское средневековье⁵.

В 1958 г. были начаты систематические раскопки в крепости Ятрус, проведенные Институтом греко-римских древностей Германской Академии наук в Берлине (ГДР) совместно с Археологическим институтом и музеем Болгарской Академии наук в Софии. До сих пор было проведено пять кампаний — в 1958, 1960, 1962, 1966 и 1968 гг. Раскопки продолжаются и в настоящее время; целью раскопок является методическое исследование крепостей пограничной укрепленной системы (лимеса) в Нижней Мезии на территории Народной Республики Болгарии: изучаются топография, крепостные стены, градостроительный план, общественная и жилищная архитектура, быт, искусство, религия и т. д. населения в отдельные исторические периоды.

В настоящей статье будут сообщены вкратце самые важные результаты проведенных раскопок.

Крепостная стена. Крепость Ятрус расположена на одной из последних излучин р. Янтры. Мимо неё пролегла важная придунайская дорога Сингидунум — Виминациум — Бонния — Эскус — Дуросторум и оттуда вдоль Западного Причерноморья на Адрианополь — Константинополь. К. Шкорпил упоминает об остатках этой дороги, ведущей к западу от Ятруса в направлении к Нове, и об одном мосте через Янтру⁶.

² Ныне находится в Археологическом музее Болгарской Академии наук в Софии, инв. № 1601 — Античный отдел.

³ Хранится там же, инв. № 1600.

⁴ К. Шкорпил. Некоторые изъ дорогъ Восточной Болгарии, ИРАИК, X, 1905, стрр. 456, табл. XCIX e и CII.

⁵ Ст. Стефанов. Старините по долния басейн на Янтра. София, 1956, стр. 9 сл., обр. 1, А и Б.

⁶ К. Шкорпил. Ук. соч., стр. 455 и сл.

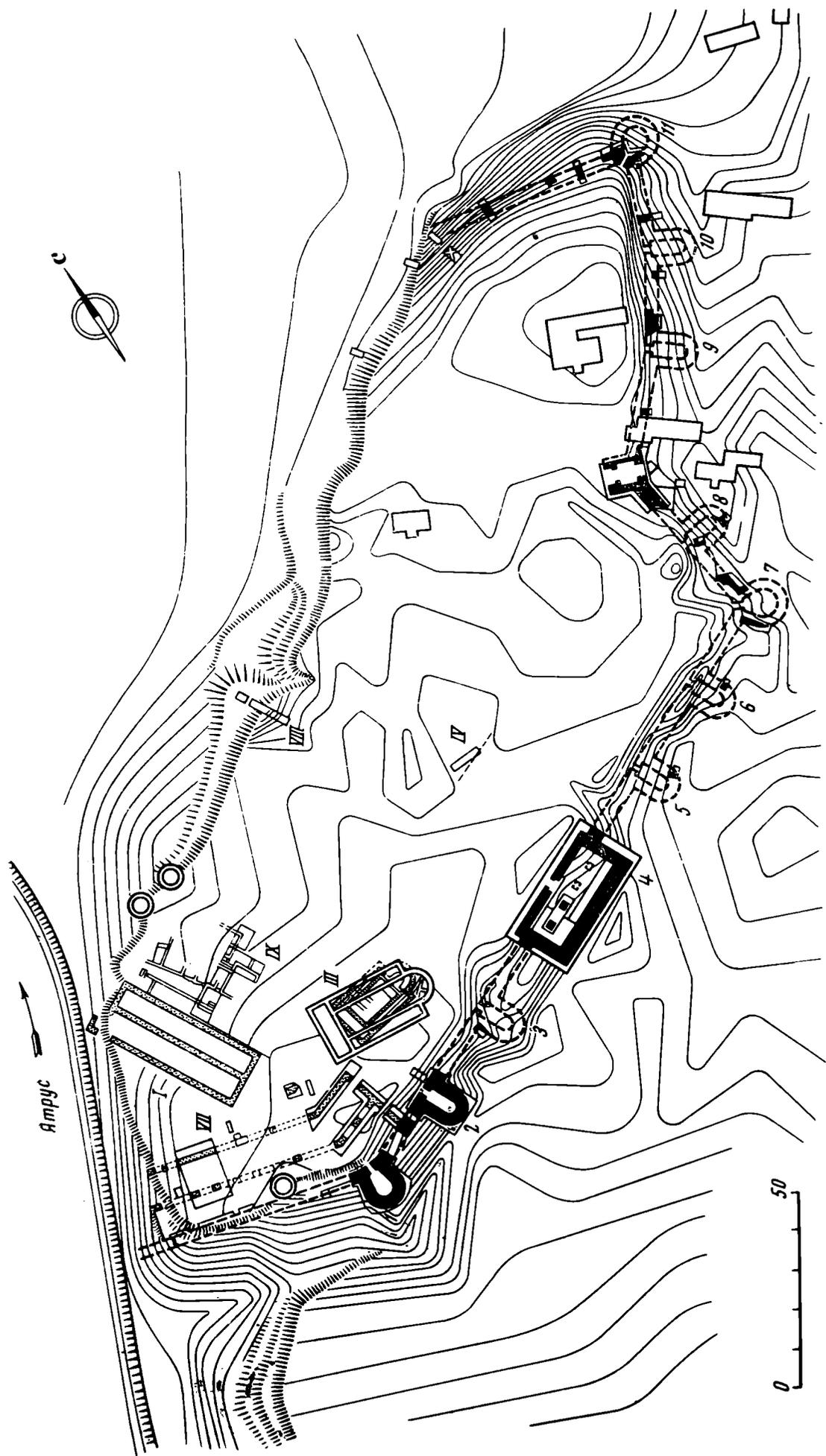

Рис. 2. Общій план крѣпости Ятрус (счит арх. Г. Петровым)

Рис. 3. Юго-западная башня № 1

Крепость занимает небольшое плато неправильной формы с наклоном с юго-запада к северо-востоку. Это место естественно защищено крутыми склонами с севера, северо-востока и юго-запада. На юго-востоке от крепости простирается равнина. Раскопки дали возможность установить форму и размеры крепости, а также устройство укрепленной системы. Крепость, следуя очертаниям плато, имела форму неправильного семиугольника с продольной осью длиной около 300 м, ориентированной в направлении северо-восток — юго-запад (рис. 2). Сохранившаяся в настоящее время ширина его около 100 м, но первоначально она была значительно больше, так как северная часть вместе с крепостной стеной была разрушена водами Дуная, которые при половодье до недавнего времени (до 1956 г.) разливались до самого «Городища». В современных своих очертаниях крепость занимает площадь 3 га⁷. Юго-западная, короткая стена, в настоящее время достигающая 60 м, параллельна северо-восточной стене. Северо-западная, разрушенная стена была параллельна одному из секторов восточной стены, а юго-восточная, длинная стена была параллельна разрушенной ныне северо-восточной.

Фундамент крепостных стен Ятруса из грубо обтесанных камней сложен на известковом растворе. Глубина их доходит до 1,5 м, толщина стен под землей 3,5 м. Наружная сторона стен облицована большими камнями, обтесанными в виде рустов, плотно прилегающих друг к другу. С внутренней стороны стены сложены из более мелких прямоугольных камней. Пространство между наружной и внутренней поверхностью стен, так называемый эмплектон, заполнено грубо обтесанными камнями и белым известковым раствором.

Надземная часть (суперструкция) стен довольно сильно разрушена. Местами высота ее достигает 1,5 м над бермой основы. До сих пор не обнаружена внутренняя каменная лестница, по которой можно было бы определить первоначальную высоту крепостных стен.

Система укрепления Ятруса представляет собой сочетание трех различных по форме башен, выступающих наружу за куртину. Угловые башни подковообразной или веерообразной формы (рис. 2 и 3), промежуточные башни U-образны, и лишь одна башня (№ 4) юго-восточной стены прямоугольной формы (рис. 2). У башен та же кладка, что и у куртины. Сохранился первый ряд рустики каменной облицовки внешней стороны

⁷ Т. I v a n o v. Die Festungsmauer des Kastells Iatrus. «Klio», 47, 1966, стр. 23 сл.

башен, непосредственно над бермой фундамента. Неизвестно, были ли башни сложены из таких квадратов на всю их высоту или же только цоколь. В римском г. Абритус близ г. Разград (северо-восточная Болгария) только цоколь состоит из одного ряда больших квадратов, сложенных в систему Binder — Läufer, как в Ятрусе, а внешняя облицовка над цоколем сложена из более мелких тесаных камней с прямоугольной лицевой поверхностью⁸. Длина U-подобных башен 9,84 м (например, башня № 2), причем закругленная часть начинается в 6 м от куртины с наружной стороны (рис. 2 и 5). Ширина этих башен 9 м (внешние размеры), причем толщина стен башни достигает 3 м и ширина внутреннего пространства башни тоже 3 м. Внутренняя длина U-подобных башен 8,6 м, в которую входит 1,7 м толщины куртины. Вход находится обычно в середине башни и имеет в ширину 1,7 м. Внешние размеры прямоугольной башни № 4 следующие: длина 30,45 и ширина 15,25 м и внутренние размеры: длина 23,35 и ширина 9,5 м. Здесь наблюдается особенность, не встречающаяся в остальных башнях крепости Ятрус. Внутренняя продольная стена толщиной 2,10 м не является частью куртины, а представляет самостоятельную стену, выступающую на 2,10 м внутрь крепости. Таким образом, зодчий получил необходимую внутреннюю ширину 9,5 м, не выдвигая слишком наружу башню, подобно тому как в римских кастеллах Кашидава, Ульметум, Трезмис и других в провинции Малой Скифии (ныне Добруджа в Румынии).

Рис. 4. Столбы в прямоугольной башне № 4

В прямоугольной башне № 4 находились четыре массивных пилона (столбы), сложенных из хорошо обтесанного камня. Из них раскопаны лишь два в западной половине башни (рис. 4). Фундамент их находится на 1,90 м в земле и имеет прямоугольную форму 2,26 × 1,65 м, а наземная часть 1,75 × 1,20 м. Расстояние между пилонами 3 м. Несомненно, они поддерживали половину второго яруса башни. Пилоны были связаны между собой сводами, представляющими наиболее подходящую несущую конструкцию в подобных случаях.

Расстояние между башнями крепостных стен Ятруса в среднем около 16 м, т. е. небольшое по сравнению с расстояниями между башнями Абритуса, Экуса, Нове и других крепостей позднеимперского времени.

У нас имеются достоверные данные пока лишь о восточных воротах Ятруса (рис. 2 и 6). Ворота не было ни в юго-западной, ни в юго-восточной стене. Это было установлено произведенными нами раскопками и снятым планом крепости. Заслуживает быть отмеченной одна особенность восточных ворот. Прежде всего, эти ворота отступают внутрь стены, представляющей собой ломаную линию. Причины этого — рельеф местности и стратегические соображения. Кроме того, фланкирующие ворота U-образные башни № 8 и 9 расположены не непосредственно рядом с проемом ворот, как северные и западные ворота г. Абритус и других укрепленных горо-

⁸ Т. И в а н о в. Укрепительная система на Абритус. «Археология», VIII, 4, София, 1966, стр. 18 сл.

Рис. 5. Башня № 2

дов и крепостей римского времени в Болгарии, а отстоят от него на 15 м. Таким образом, атакующие восточные ворота Ятруса попадали в клин, подвергаясь обстрелу с фланкирующих башен. Совершенно аналогичным примером служат южные ворота Абритуса⁹.

Восточные ворота Ятруса имели в плане прямоугольную форму. Их внешние размеры были 9,20 м (в направлении восток — запад) и 9,40 м (в направлении север — юг). Вход запирался наружным подъемным полотном ворот и внутренними двустворчатыми воротами. Между ними находился квадратный проугнакулум размерами 5,50 × 5,50 м. Ширина каждой из створок ворот составляла 4,05 м. Стенки входа были сложены по системе Binder — Läufer из хорошо обтесанных квадров, связанных между собой железными скобами в гнездах в форме ласточкина хвоста, залитых свинцом. Этот способ кладки широко применялся в эллинистическую и римскую эпохи.

Пропугнакулум вымощен булыжником, так же как и выходящая из ворот главная дорога, ведущая и в город, и на улицы крепости. Такая же мостовая имеется в ряде крепостей и городов Нижней Мезии и Фракии (Хисар, Абритус и др.)¹⁰. От восточных ворот начиналась главная улица Ятруса *via principalis*, шедшая в направлении северо-восток — юго-запад, открытая в 1966 и 1968 гг.

⁹ Т. Иванов. Укрепительната система..., стр. 18.

¹⁰ Т. Иванов. Градоустройството през римската и късноантичната епоха в България. «Археология», IX, 4, София, 1967, стр. 16 сл.

Интересно отметить, что из-за крутизны плато, на котором построен Ятрус, в юго-западной и северо-восточной крепостных стенах нет выступающих наружу из куртины башен, подобных имеющимся в юго-восточной и восточной стенах. Мы не знаем, были ли башни в северной стене, которая давно разрушена, можно лишь предположить, что башни были.

Находки из раскопок у башен крепостных стен Ятруса составляют фрагменты керамики, монеты и предметы быта позднеримского и ранне-византийского времени (конец III — конец VI в.).

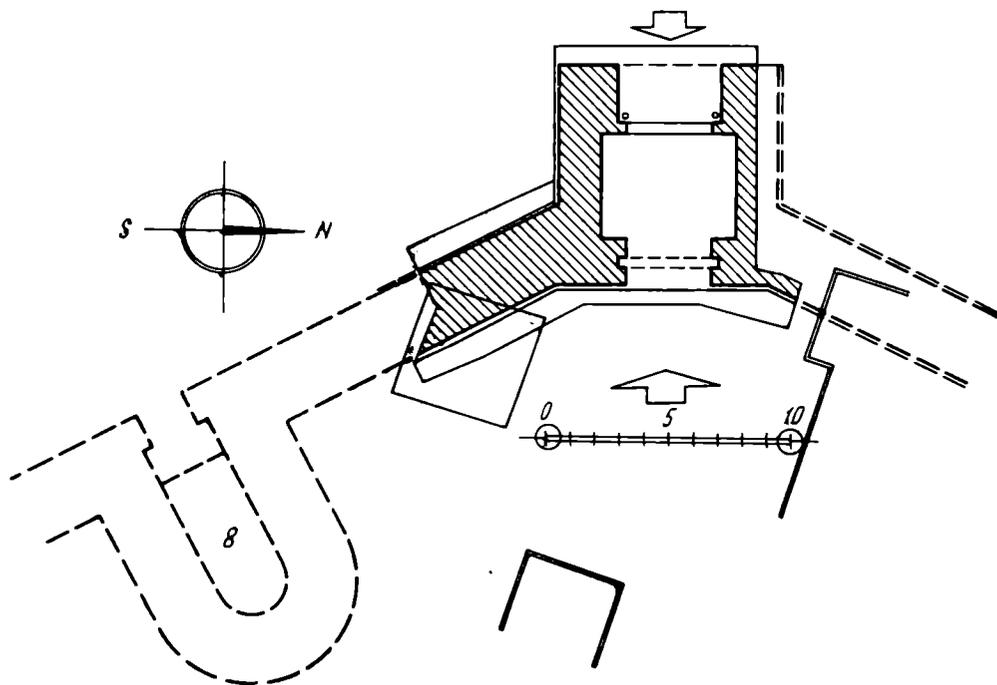

Рис. 6. Восточные ворота крепости Ятрус (план снят арх. Т. Петровым)

Система укреплений крепости Ятрус по своему устройству очень похожа на крепостные стены ряда крепостей и укрепленных городов в Нижней Мезии, Малой Скифии и других провинциях Римской империи. Указать все подобные примеры здесь нет возможности, поэтому мы ограничимся только некоторыми из них. Римский город Абритус близ Разграда (северо-восточная Болгария) был защищен такой же системой укреплений — сочетанием трех типов башен, выступающих наружу из куртины: веерообразных (угловые башни), U-образных (промежуточные башни) и прямоугольных (две башни южной стены)¹¹. Поразительно сходство с крепостной системой г. Тропеум Траяни (*civitas Tropeensium*) у с. Адамклинси в Добрудже (ныне в Румынии), в особенности западной его стены с юго-восточной стеной Ятруса. Северная часть западной стены Тропеум Траяни представляет собой совершенно то же сочетание и порядок чередования семи выступающих наружу за куртину башен трех указанных выше форм. В этой части семь башен как в юго-восточной стене Ятруса: средняя башня прямоугольная, промежуточные четыре башни — U-образные, а две угловые башни — веерообразные. На основании найденной во время раскопок 1887 г. латинской надписи на камне в Тропеум Траяни становится ясно, что город был восстановлен во время совместного правления Лициния и Константина I (между 18 октября 315 г. и 26 июля 317 г.)¹². Перед тем он был разрушен в 295 г. готами и другими племенами. К тому же времени относятся крепостные стены кастеллов Трез-

¹¹ Т. Иванов. Укрепительная система на Абритус, стр. 18—32.

¹² V. Pârvan. Cetatea Tropeum. «Bul. com. mon. istor.», IV, 1911, стр. 165—191; Gr. Tocilescu. Fouilles et nouvelles recherches archéologiques en Roumanie. Bucarest, 1900, стр. 89 сл., рис. 54; C. Patsch. Beiträge, III, 1, стр. 11.

мис (ныне с. Иглица)¹³ и Ульметум (ныне Верхний Пантелимон)¹⁴ в Добрудже, у которых те же три типа башен и тот же способ их чередования.

Приведенные параллели и данные раскопок в крепости Ятрус показывают, что его крепостные стены были построены в конце III в. или, вернее всего, в начале IV в. Эта датировка совпадает с историческими событиями, происходившими на Нижнем Дунае в правление Аврелиана (270—275 гг.) и последующих императоров. Римские войска были выведены из Дакки и расположены на правом берегу Дуная в провинциях Нижняя Мезия и Малая Скифия. Дунай снова стал пограничной укрепленной системой (лимес). Началось строительство 'кастеллов, бургов и башен¹⁵. Во время Диоклетиана была построена крепостная стена Трансмариски (ныне Тутракан)¹⁶, а в правление Константина I была построена крепость Константинова Дафне на левом берегу Дуная, против Трансмариски, но точное местонахождение ее пока еще не установлено¹⁷. Тогда же были построены мост через Дунай между Эскусом и Сукидавой¹⁸, крепостная стена Сукидавы у с. Челей близ г. Корабпи в Румынии¹⁹ и другие.

Из письменных источников мы знаем, что Ятрус после его разрушения был восстановлен Юстинианом I (527—565 гг.)²⁰.

Архитектура. Параллельно с исследованием крепостных сооружений велись раскопки внутри крепости Ятрус. Начатые с юго-западной стороны, они постепенно продвигались к центральной части и на восток. Раскопки дали возможность установить сравнительно точную стратиграфию. Были разграничены два основных культурных слоя: римско-ранневизантийский (III—VI вв.) и средневековый болгарский (VIII—XIV вв.). В первом слое были прослежены отдельные пласты, которые позволили получить более ясное представление о развитии крепости в течение веков. Были раскопаны (частично или целиком) общественные и жилые здания, исследованы приемы строительной техники и строительные материалы разного времени. Найдены были разнообразные по назначению, форме, типу и технике изготовления глиняные и стеклянные сосуды, железные орудия труда, применявшиеся в земледелии, при обработке дерева, в различных ремеслах, а также отдельные произведения художественных ремесел, надписи на латинском языке, римские и ранневизантийские монеты и т. д. Установленная стратиграфия Ятруса важна и для исследования других современных крепостей и укрепленных городов на правом берегу Нижнего Дуная в провинциях Нижняя Мезия и Малая Скифия.

Вкратце мы дадим описание исследованных зданий римско-византийского слоя.

Здание в секторе VII. Это здание примыкает непосредственно к юго-западной крепостной стене Ятруса, которая служила ему четвертой стеной (рис. 2 и 7)²¹. По размерам и способу постройки это было солидное

¹³ Gr. Todilescu. Monumentele epigrafice si sculpturale ale Muzeului National de Antichitati din Bucuresti. I. Bucuresti, 1902. стр. 75, 79, 81; C. Patsch. SBAK, Wien. 208, 1928, 2, рис. 33.

¹⁴ V. Pârvan. Cetatea Ulmetum. Anal. Acad. Rom., mem. sect. istor., 34, 1913—1914, стр. 245—420; 37, 1914—1915, стр. 265—304.

¹⁵ C. Patsch. Beiträge, III, 1, стр. 9 сл.; V. Velkov. La construction en Thrace à l'époque du Bas-Empire (d'après les écrits). «Archeologia», Warszawa, X. 1958, стр. 124 сл.

¹⁶ C. Patsch. Beiträge, III, 1, стр. 4; Polaschek. RE, VI, A, 2171; G. Todilescu. Monumentele epigrafice.... стр. 173.

¹⁷ Prosop. De aedif. IV, 7, 7; Amm. Marcell., 27, 5, 2; 5, 3; C. Patsch. Beiträge, III, 1, стр. 21—22, прим. 5.

¹⁸ D. Tudor. Popul lui Constantin cel Mare. Arhivele Olteniei. XIII, nr. 71—74, 1934; стр. 1—20; C. Patsch. Beiträge, III, 1, стр. 20 сл.

¹⁹ D. Tudor, E. Bujor, A. Matrosenco. Sucidava V. MCA, VIII, 1961, стр. 474; Sucidava VI. MCA, VIII, 1962, стр. 555.

²⁰ Prosop. De aedif. IV, 7.

²¹ Т. Иванов. Археологически проучвания в кастела Ятрус. «Археология», III, 3, София, 1961, стр. 24 сл.; V, 4, 1963, стр. 12 сл. Подробное описание и исследование см. у В. Döhle. Der Sektor VII. «Klio», 47, 1966, стр. 57—136.

общественное здание. Оно расположено вдоль юго-западной и юго-восточной крепостных стен. Внешние его размеры 61,50 м в длину и 16,50 м в ширину. Вход в здание, шириной 2,68 м, находится на его длинной северо-восточной стороне (в 28 м от его северо-восточного угла и в 18 м от излома постройки). На месте сохранился каменный порог длиной 2,68 и шириной 1,08 м. Дверь была двустворчатой, о чем можно судить по тому, что на обоих концах порога сохранились круглые отверстия, в которые вставлялись вертикальные оси створок. Фундамент здания сложен из

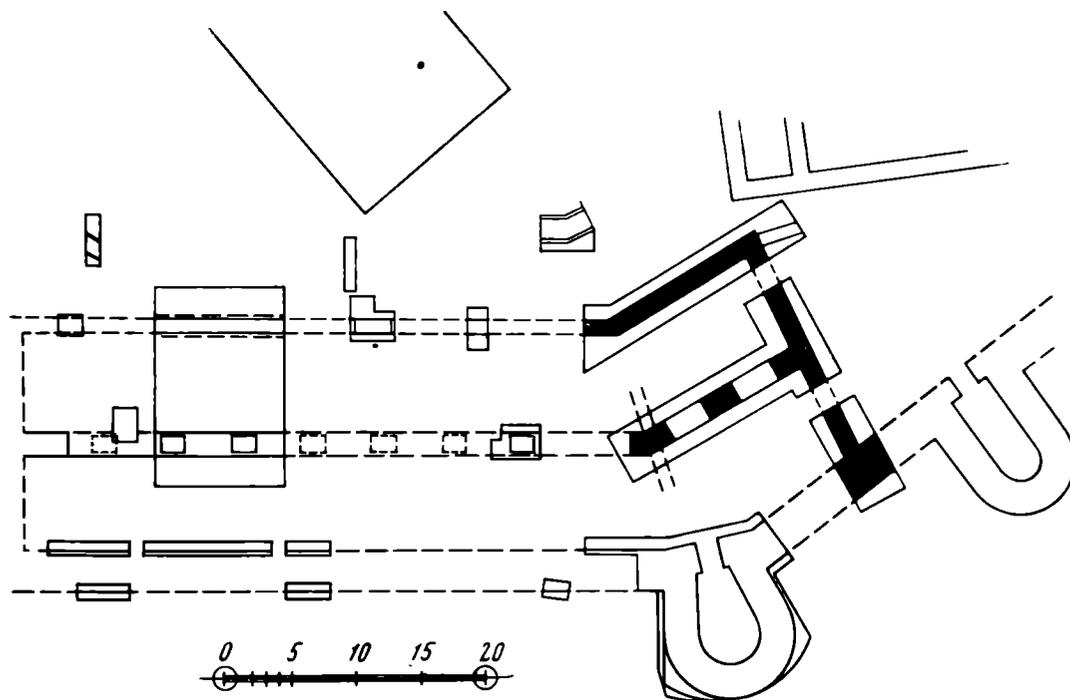

Рис. 7. План здания в секторе VII и части крепостной стены

тесаного камня на известковом растворе, смешанном с мелкими кусочками красного кирпича. Фундамент шире стен на 0,40 м, поэтому и с наружной, и с внутренней сторон образуется берма шириной 0,20 м. Толщина стен 1,25 м, кладка смешанная (*opus mixtum*), т. е. последовательно чередуются ряд камней с несколькими рядами кирпича. Число рядов кирпича в поясе не установлено, вероятно, были три или четыре. Швы между рядами кирпича — толщиной в кирпич. Вдоль продольной оси здания, по его середине, проходил массивный стилобат длиной 60,72, шириной 2 и глубиной 2,05 м, достигающий уровня пола здания, органически связанный с двумя короткими стенами. Над стилобатом возвышаются 10 пилонов (столбов) прямоугольного сечения $1,85 \times 1,56$ м, и только пилон № 10 имеет в сечении $2,44 \times 1,56$ м. Пилоны были сложены из хорошо обтесанных квадров с гладкой или рустованной лицевой стороной (рис. 8). Кроме этих 10 пилонов, из обеих коротких стен выступает по пилястру (построенному той же техникой, что и стены), выполняющему функции пилонов. Таким образом, общее число пилонов составляет 12. В 1958—1962 гг. были целиком или частично открыты семь пилонов. Расстояние между пилонами равняется 3,45 м. По своей структуре и функциональному назначению описанные пилоны очень похожи на пилоны в прямоугольной башне № 4 Ятруса (см. рис. 5). Вне всякого сомнения, что пилоны поддерживали пол второго яруса здания. Между собой они были связаны полуцилиндрическими сводами. Пол здания выстлан известковым раствором, смешанным с красной кирпичной крошкой. Под этим полом находится пол более раннего времени, из известкового раствора.

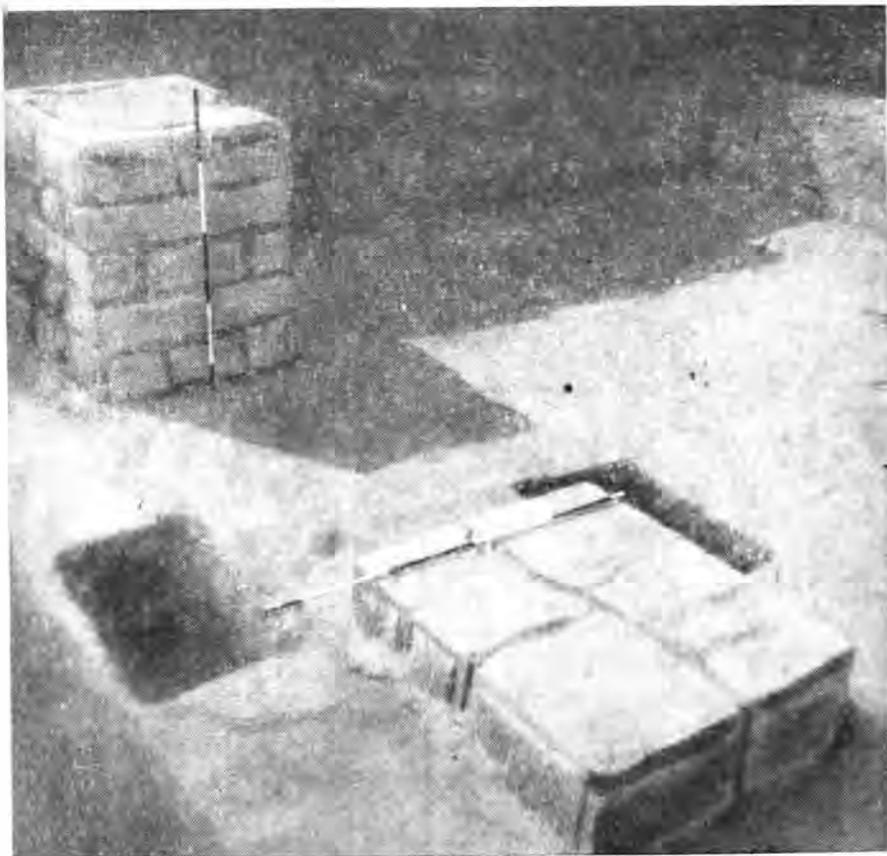

Рис. 8. Столбы здания в секторе VII

Для определения времени постройки этого здания заслуживают внимания следующие факты: в известковом растворе стилобата, между пилонами № 2 и 3, найдена бронзовая монета Констанция II (345—354 гг.). Кроме того, это здание было выстроено после возведения крепостных стен, что произошло не позднее начала IV в. Применение смешанной кладки с тремя или четырьмя рядами кирпича в поясе и известкового раствора с кирпичной крошкой также характерно для IV в. На основании этих особенностей мы склонны отнести время постройки здания в секторе VII к середине IV в. Здание было разрушено одновременно с базиликой I, находящейся в непосредственной близости от него в секторе III. В построенных на развалинах базилики I помещениях из камня на глине (в фундаменте) и кирпича-сырца (в стенах) были употреблены каменные квадраты, взятые из пилонов здания в секторе VII. По-видимому, рассматриваемое здесь здание не было восстановлено после его разрушения, а на его месте были построены жилища из кирпича-сырца.

Для того чтобы решить вопрос о назначении этого здания, надо припомнить, что единственный вход в угловую юго-западную башню № 1 вел из него (рис. 7). Этот факт свидетельствует о том, что между зданием и крепостной стеной существовала органическая, функциональная связь. Мы склонны полагать, что это здание было связано с обороной крепости. Оно служило, вероятно, казармой или большим складом боеприпасов или продовольственных запасов. По своему плану и устройству здание напоминает прямоугольную башню № 4, с той разницей, что оно было расположено с внутренней стороны крепостной стены. С наружной стороны городской стены здесь не было башен, выступавших за куртину.

Здание в секторе I. Это здание отстоит всего на несколько метров к северу от здания в секторе VII, но ориентировано иначе (рис. 2)²². Зда-

²² В. D ö h l e. Der Sektor I. «Klio», 47, 1966, стр. 137—151.

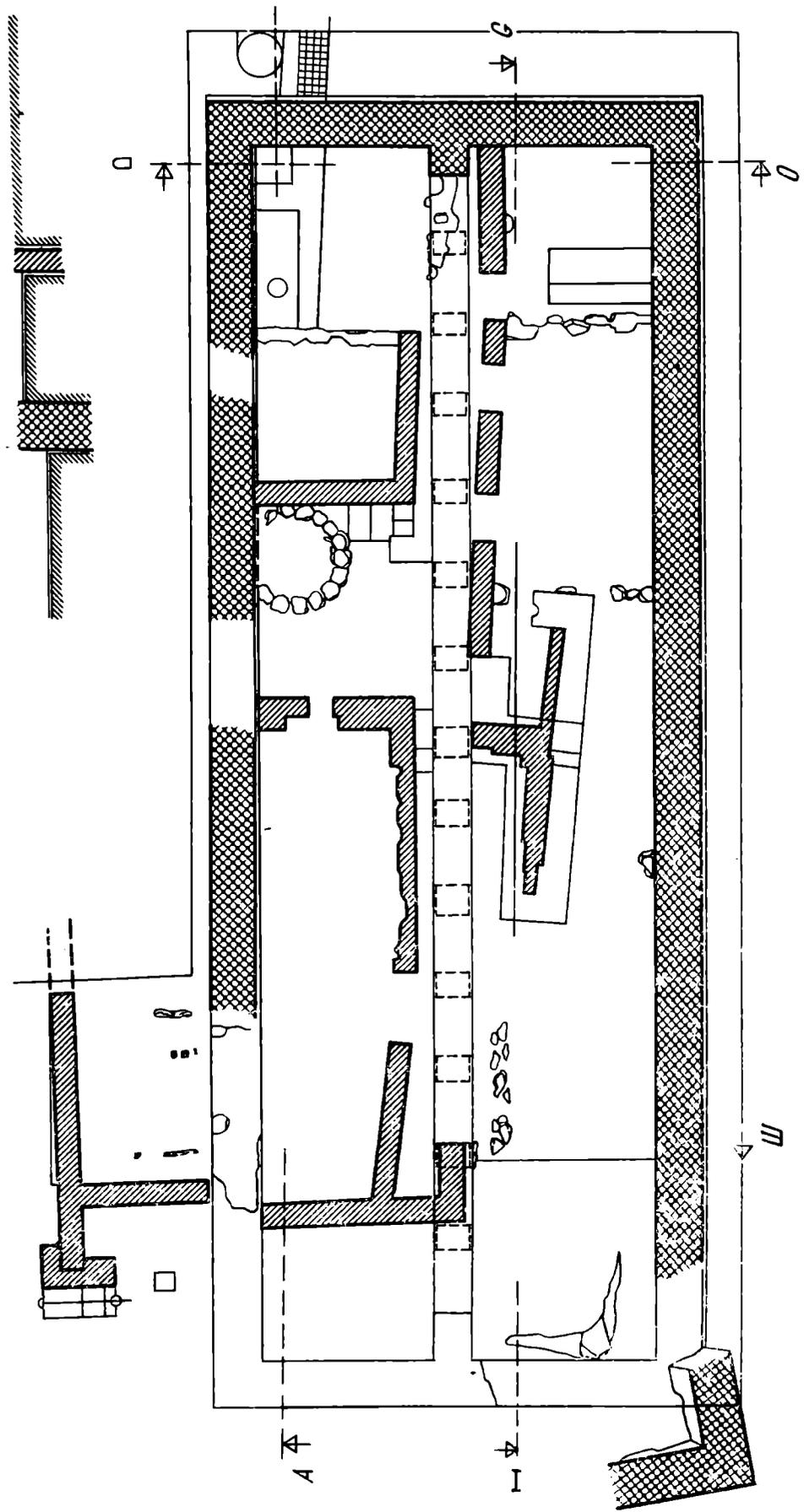

Рис. 9. План здания IV в. и ранневизантийские жилища V—VI вв. в секторе I (план снят арх. Т. Петровым)

ние прямоугольное в плане с внешними размерами 38,90 м в длину и 14,30 м в ширину (рис. 9), его продольная ось направлена с северо-запада на юго-восток, короткая юго-восточная сторона параллельна юго-восточной крепостной стене. Постройки к северо-востоку от здания в секторе I параллельны его длинной стороне. Вход расположен на длинной северо-восточной стороне, на 15—30 м от юго-восточного угла. Толщина

Рис. 10. Здание и жилища в секторе I

стен 1,30—1,35 м. Сложены они так же, как и стены здания в секторе VII, т. е. смешанной кладкой с четырьмя рядами кирпича в поясе (ныне сохранились у входа). Раствор известняковый, смешанный с красной кирпичной крошкой. Шов между рядами кирпичей — 0,05 м. Фундамент стен имеет в ширину 1,70 м и сложен из грубо обтесанного камня на известковом растворе. По середине здания, вдоль его продольной оси, пролегает сложенный из необтесанного камня стилобат шириной 1,15 и глубиной 1,50 м на известковом растворе. На стилобате возвышался ряд пилястров, как у здания в секторе VII. Стилобат разделял здание на две одинаковые части, внутри шириной каждая по 5,35 м. Это здание было двухэтажным, как и здание в секторе VII. Деревянная конструкция крыши несла на себе тяжелые черепицы (*tegulae* и *imbrices*). По способу стройки это здание полностью сходится со зданием сектора VII. Вот почему время его постройки следует отнести к середине IV в. Нет сомнения в том, что рассматриваемое здание было общественным и служило для военных целей.

Однако оно было разрушено одновременно со зданием в секторе VII. Его кирпичи, начиная с первого снизу пояса, были растащены еще в ранневизантийское время (V в.). Это видно потому, что сырцовые стенки ранневизантийских жилищ внутри этого позднеимперского здания были построены на его разрушенных стенах. Пилоны стилобата здания были разрушены, и через стилобат проходила очень узкая тропа, отделявшая ранневизантийские жилища, которые были расположены по обеим ее сторонам. Внутренние стенки между этими помещениями были сделаны из

сырцового кирпича. Последние жилища тоже подверглись пожару, вследствие чего кирпич-сырец превратился в обожженный кирпич (рис. 10).

Две древнехристианские базилики и другие здания в секторе III. Сектор III находится непосредственно к северу от юго-восточной крепостной стены, против башни № 2 (рис. 2). Произведенные здесь раскопки дали очень важные данные по относительной стратиграфии крепости Ятрус.

Были обнаружены два основных культурных слоя и несколько ясно разграниченных пластов (рис. 11). Под желтыми полосами травы мы определили план большой ранне-византийской базилики (II)²³. В продолжение пяти кампаний (1958—1968 гг.) была вскрыта и исследована вся площадь базилики II до материка. Толщина культурных слоев оказалась около 5 м. Из всей толщины только 1,80 м находится ниже уровня порога башни № 2, избранного условно нулевым для отсчета глубин находок во всей крепости. Это обстоятельство показывает, что здания и находки ниже нулевого уровня древнее возведения крепостных стен Ятруса. Перечисление культурных пластов в восходящем порядке, от самого раннего до самого позднего, следующее:

Пласт I характеризуется остатками фундаментов зданий, сложенных из бутового камня на глине. При них не было находок, которые бы помогли датировать точно этот пласт. На основании следующего пласта его следует отнести ко II в.

В пласте II было обнаружено массивное здание, сложенное из тесаного камня на известковом растворе, смешанном с красной кирпичной крошкой. Такая же структура зданий наблюдалась в секторах I и VII. Здание стояло не совсем параллельно юго-восточной крепостной стене. Оно существовало в IV в. и было разрушено стихийным пожаром в начале V в. На глиняном полу было найдено множество бронзовых монет конца IV и самого начала V в. (самые поздние монеты — императоров Аркадия и Гонория — 395—408 гг.). Тогда же пострадали и другие здания в крепости, как это показали раскопки 1968 г. в секторах IX и XI.

Пласт III. Позднее на развалинах этого здания, без использования его стен, была выстроена небольшая трехнефная базилика (I) с нарфником, полукруглой апсидой и синтроном (рис. 11 и 12). Это произошло после начала V в. Стены базилики сложены смешанной кладкой. Сохранились первый каменный пояс и первый пояс из кирпичей (лишь три ряда кирпича, но, вероятно, их было четыре). Раствор известковый, смешанный с кусочками дробленого красного кирпича. Пол был кирпичным. Новый сильный пожар уничтожил базилику I в середине или во второй половине V в.

Пласт IV. К западу от базилики I было построено новое помещение, вероятно экзонарфник.

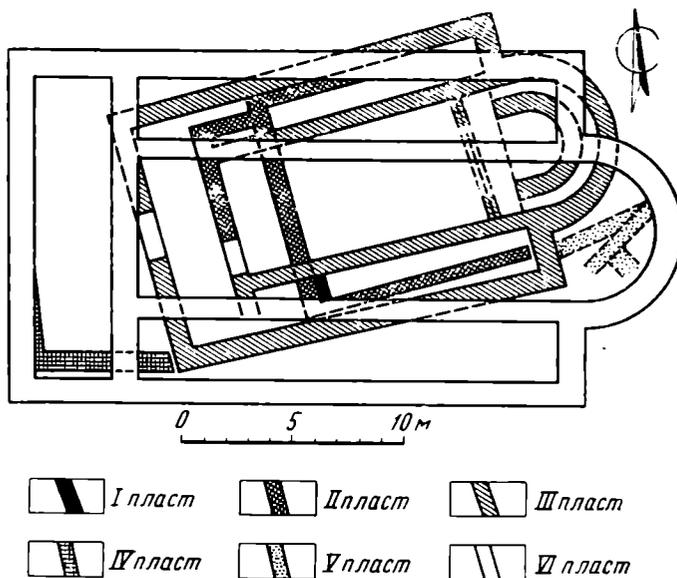

Рис. 11. План здания в секторе III: базилика I, базилика II и др. (план снят арх. Т. Петровым)

²³ T. Ivanov. Zwei altchristliche Basiliken des 4.—6. Jhs. «Klio», 47, 1966, стр. 153—191.

Рис. 12. Базилика I начала V в. под базиликой II (VI в.)

Пласт V. На развалинах базилики I и экзонарфика были выстроены довольно примитивные ранневизантийские жилища с фундаментами из камня на глине и стенами, сложенными из кирпича-сырца. Эти помещения тоже были разрушены большим пожаром.

Пласт VI. Этот пласт самый поздний римско-византийского слоя. Он датируется VI в. На развалинах базилики I и ранневизантийских жилищ была построена большая трехнефная базилика (II), план которой прослежен по желтым полосам травы, росшей на месте стен. Внутри помещения базилики II трава была зеленой (рис. 11 и 12). От базилики сохранился только фундамент, углубленный на 4 м. От стен ее, от архитектурного и живописного украшения не сохранилось ничего. Ее кирпичный пол прослежен лишь в отдельных местах, на глубине 0,80 м от поверхности почвы. Постройка базилики II должна быть отнесена, самое раннее к началу VI в. Она просуществовала, вероятно, до конца VI и начала VII в.

Стропильный материал из базилики II был растащен еще в ранневизантийскую эпоху. Установить не удалось, где этот материал был вторично использован — в самом ли Ятрусе или в какой-либо другой близкой к нему крепости.

Спустя известное время, нефы базилики II использовались как жилища славяно-болгарами, что красноречиво засвидетельствовано найденными глиняными горшками с резным волнистым и другим орнаментами, двумя железными мечами (IX в.), глиняным горшком с девятью золотыми византийскими монетами третьей четверти X в. (Константина VII, Романа II, Никифора II, Василия II — 945—963 гг.), керамкой с граффити (XII—XIV вв.) и другими находками²⁴. Клад золотых монет был зарыт, по всей вероятности, во время похода киевского князя Святослава на Византию. Не только на месте базилики II, но вообще на всей территории крепости Ятрус обнаруживались основы древнеболгарских полуземлянок и наземных жилищ с очагами и интересным домашним инвентарем.

Раскопки, произведенные в других секторах (IX, X и XI) Ятруса, снова подтвердили стратиграфические наблюдения в секторах I, III и VII. Данные стратиграфии связываются с типологией глиняных сосудов, монетам и другими находками в отдельных пластах²⁵.

В римское время Ятрус был правильно планирован, но более поздние постройки V и VI вв. отчасти нарушили первоначальный градостроительный план и вызвали наблюдаемые сейчас некоторые отклонения от направления улиц и кварталов. Остается пока невыясненным вопрос о времени возникновения Ятруса. О II в. мы судим только по найденным монетам, но о III в. мы располагаем более точными данными. Расцвет кре-

²⁴ V. Dimova. Mittelalterliche Keramik. «Klio», 47, 1966, стр. 257—279; H. Krummrey. Slavische Töpfermarken, стр. 281—289; E. Kluge. Münzfunde, стр. 397—398; G. Gomolka. Kleinfunde, стр. 291 сл.

²⁵ G. Bockisch, B. Böttger. Spätromische und frühbyzantinische Keramik. «Klio», 47, 1966, стр. 209—256; B. Böttger. «Klio», 48, 1967, стр. 251—314, табл. XI—XVIII; E. Kluge. «Klio», 47, 1966, стр. 397 сл.; H. Krummrey. Inschriften, стр. 357—396.

пости был в конце III и IV в., когда были построены крепостные стены и большие общественные здания. Затем начался упадок, отразившийся, прежде всего, в строительной технике и применявшихся строительных материалах. Это период построек из кирпича-сырца (V—VI вв.). Только общественные здания в это время строятся из кирпича на известковом растворе (например, базилики I и II). Поздние постройки отнюдь не похожи на военные, а скорее выглядят жилыми зданиями укрепленной крепости-города Ятрус. Мы уже в начале настоящей статьи упомянули, что в письменных источниках VI в. и позднейших веков Ятрус упоминается как город (πολις).

Древнеболгарское поселение существовало с VIII до XIV в. Оно тоже было уничтожено большим пожаром. Новые раскопки проливают свет на жизнь и культуру населения римско-византийского и особенно болгарского средневекового времени.

T. K. Ivanov

LA FORTERESSE YATRUS SUR LE DANUBE, SE RAPPORTANT
AUX EPOQUES ROMAINE ET BYZANTINE DE LA PREMIERE
PERIODE

Résumé

On expose dans cet article les principaux résultats des fouilles exécutées au cours des années 1958, 1960, 1962, 1966 et 1968 dans le gorodichtché près du village de Krivna (district Roussensky, Bulgarie); ce gorodichtché est identifié à la forteresse Yatrus. A été exploré ici le système des fortifications élevées au commencement du IV s. de notre ère: murs de pierre, tours de différents types et la port Est. Il est connu que sous Justinien I les fortifications de Yatrus ont été restaurées après la destruction.

Les fouilles à l'intérieur de la forteresse ont découvert deux couches: la couche romano-byzantine (III—VI ss.) et celle qui se rapporte à la Bulgarie médiévale (VIII—XIV ss.). A la première couche appartiennent l'édifice dans le secteur VII relié au mur de la forteresse (milieu du IV s.), l'édifice dans le secteur I (milieu du IV s. également), deux basiliques se rapportant à la période primitive du christianisme et d'autres édifices dans le secteur III. Dans la dernière partie fouillée on a pu suivre l'alternative de six couches périodes différentes — II—VI ss.

La question concernant la date de naissance de Yatrus n'est pas résolue définitivement; mais son épanouissement tombe sur la fin du III s. et sur le IV. Ensuite vient la décadence qui trouve son reflet sur les matériaux de construction et la technique. Plus tard Yatrus perd son importance comme forteresse et on doit le considérer déjà comme une ville fortifiée ordinaire.

Э. В. ЯКОВЕНКО

КЛЫКИ С ЗООМОРФНЫМИ ИЗОБРАЖЕНИЯМИ

С древнейших времен человек использовал в качестве украшений и амулетов клыки хищных животных. На ранних этапах развития общества подобные украшения связывались с определенными тотемистическими представлениями. В более позднее время клыки-амулеты теряют свои магические свойства и превращаются в обычные украшения.

Многочисленные клыки вепрей и имитирующие их бронзовые изделия широко известны в скифское время на обширной территории. Так, просверленные клыки-псалли и клыки-перекрестья для ременной узды встречаются в погребениях скифского времени на Приднепровье¹. Есть они и в савроматских памятниках Поволжья² и Приуралья³.

Кабаньи клыки были обычными украшениями узды у ранних кочевников Алтая⁴, в их погребениях наряду с натуральными клыками, встречаются имитации клыков из дерева, бронзы, рога и золота⁵. Имитация кабаньего клыка из бронзы была найдена в сокровищнице Персеполя⁶.

Среди всей массы приведенных выше украшений особо примечательны орнаментированные клыки вепря и их имитации, известные до последнего времени главным образом на территории Поволжья⁷. Это, прежде всего, разные клыки из кургана А-12 у Блюменфельда; клык с односторонним резным изображением хищника, происходящий из второго Бережновского могильника, клык с гравированным изображением оленя из погребения Калиновского могильника и очень потертый клык со следами резной головы хищника из Фриденберга.

Всего поволжская серия клыков с зооморфными изображениями насчитывает шесть кабаньих клыков и шесть их бронзовых имитаций. Бронзовые клыки были найдены при раскопках в Блюменфельде (кург. А-12, узда 1), в курганном могильнике Пятимары-1 и в погребальном комплексе урочища Мечет-Сай (кург. 2, погр. 2).

Полная сводка поволжских орнаментированных клыков дана в монографии К. Ф. Смирнова «Савроматы», где автор в разделе, посвященном звериному стилю, подробно рассматривает особенности резных клыков-украшений, характерных, по мнению исследователя, для области расселения савроматов⁸.

Находки последних лет на Украине значительно дополнили небольшую группу подобных изделий, известных на Поднепровье. Это позволило нам рассмотреть все резные клыки Северного Причерноморья в целом.

¹ ДП, II, Киев, 1899, табл. XXXII, 513, 514.

² К. Ф. Смирнов. Савроматы, М., 1964, стр. 306, рис. 13, 46, 4в.

³ К. Ф. Смирнов. Вооружение савроматов, МИА, 101, 1961, рис. 50, 8.

⁴ М. П. Завитухина. Могильник времен ранних кочевников близ г. Бийска, «Археологический сборник», ГЭ, Л., 1961, 3, стр. 104.

⁵ Там же.

⁶ Schmidt. The Treasure of Persepolis. Chicago, 1939, стр. 47, 3, рис. 367.

⁷ К. Ф. Смирнов. Савроматы, стр. 370, рис. 78.

⁸ Там же, стр. 230.

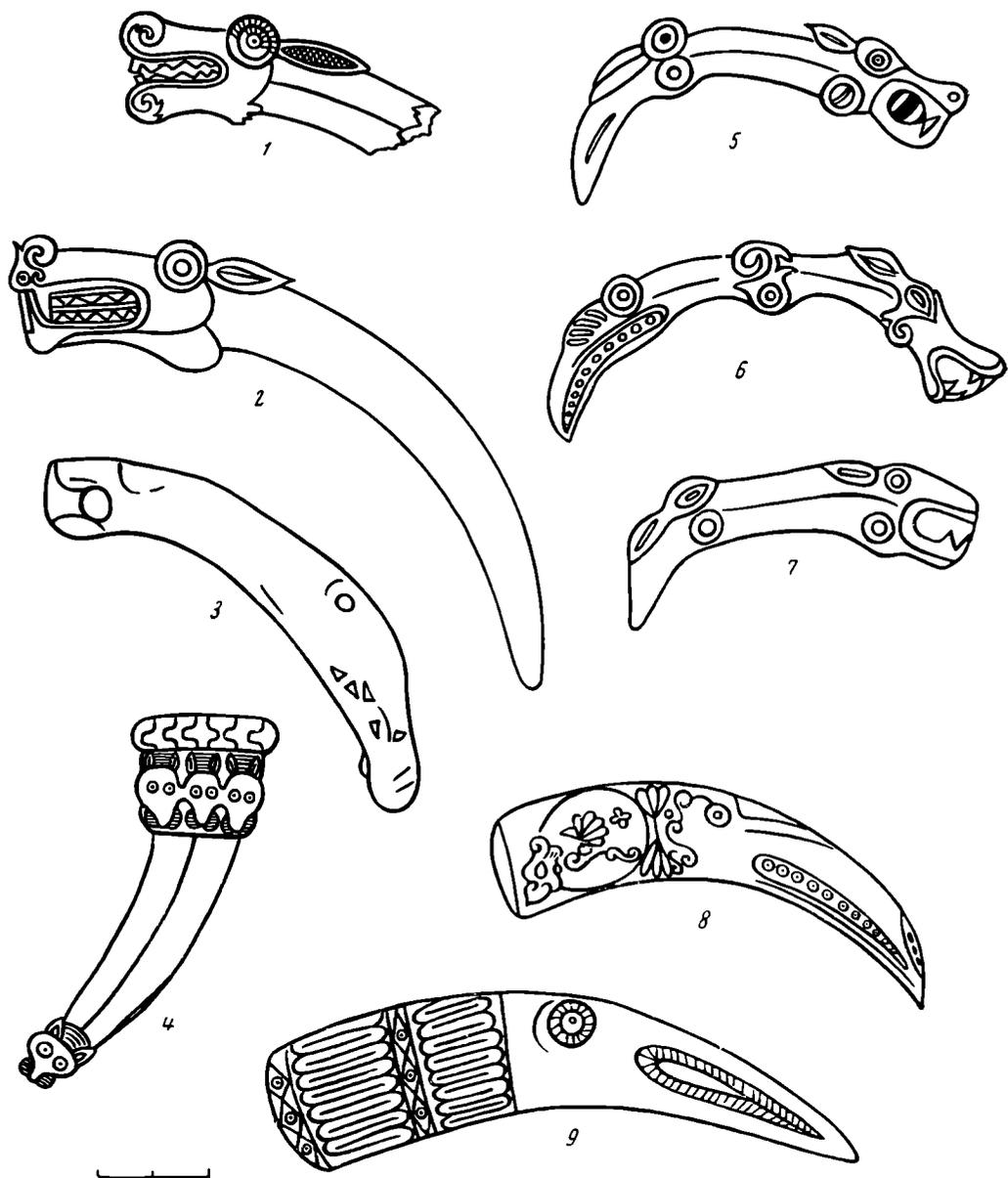

Рис. 1. Клыки с зооморфными изображениями из Поднепровья

1 — Медерово; 2 — Киевский исторический музей; 3 — Журовка; 4 — Киевский исторический музей; 5 — Макеевка; 6—7 — Пастырское городище; 8 — Роменский уезд; 9 — Гуляй-город (1—4, 8—9 — клыки; 5—7 — бронза)

Серия поднепровских резных клыков состоит из девяти кабаньих клыков и трех их бронзовых имитаций. Два из них опубликованы еще в дореволюционных изданиях А. Б. Бобринским и Б. Н. и В. И. Ханенко.

1. Клык из раскопок Мазараки в Роменском уезде⁹. На его узкой части изображена голова длинноклювой птицы; вдоль нижней части клюва проходит петлеобразная полоса с вписанными циркульными кружками, воспроизводя приоткрытый рот с зубами. Подобная полоса меньших размеров изображена на конце клюва сверху. Глаз выделен простым циркульным кружком, а вправо от него несколькими резными линиями намечено надклювье. Голова птицы отделена от широкой части клыка стилизованными головами грифонов в виде спирального орнамента, за ними, на корневой части, т. е. на шее птицы, в технике резьбы изображено свернувшееся животное; в контуры его очень стилизованного туловища включена пальметка и четырехлепестная розетка (рис. 1, 8).

2. Второй клык происходит из Гуляй-города¹⁰. На нем также изображена голова длинноклювой птицы. Приоткрытый рот ее передан петлеоб-

⁹ ДП, II, стр. 36, табл. XXXI, 512.

¹⁰ А. А. Бобринский. Курганы и случайные археологические находки близ местечка Смелы. II, СПб., 1894, табл. II, 2.

разной полосой с косыми насечками. Такие же насечки нанесены и вокруг круглого глаза с точкой-зрачком. На корневой части клыка двумя широкими орнаментальными полосами из узких петель переданы перья на шее птицы. Они разделены полоской из ромбов с вписанными циркульными кружками, такая же полоска заключает корневую часть (рис. 1, 9) клыка.

3. Обломок клыка с зооморфным изображением был найден А. И. Тереножкиным в 1964 г. во время раскопок кургана V в. до н. э. у станции Медерово Кировоградской области¹¹.

На широкой корневой части клыка резьбой и гравировкой нанесено одностороннее изображение головы хищника с оскаленной пастью. В пасти видны заходящие один за другой два изогнутых клыка (концы их обломаны). Линия губ передана волнообразной полосой, нижнее закругление которой в виде стилизованной головки грифона образует подбородок, а верхнее таким же образом — ноздрю. Большой рельефный круглый глаз с точкой-зрачком выпукло выделяется на длинной морде животного, за ним следует прижатое к шее удлиненное ухо, заполненное внутри резной кривой решеткой. С обратной стороны у корневой части имеется отверстие для подвешивания (рис. 1, 1).

4. Резной клык очень плохой сохранности; он был найден в одном из Журовских курганов¹². На корневой части сильно затертого клыка можно различить оскаленную пасть хищника, где, вероятно, изображен язык; линии губ и глаз едва заметны. Узкий конец был оформлен, вероятно, в виде головы птицы: сохранился округлый глаз, чуть выделенное надклювье и несколько выемчатых треугольников — следы орнаментации (рис. 1, 3).

И. А. Зарецкий в отчете о раскопках кургана Опишлянка у с. Деревка Полтавской области так сообщает о находке резного клыка: «кабаньей клык с зубцами на углах и с дырочкой у основания, служившей для привязки; на большой наружной грани клыка вырезано какое-то однорогое чудовище в момент прыжка и на конце клыка — два знака вроде клинописных письмен»¹³.

Два клыка из коллекции Ханенко, найденные, по сведениям, на Левобережье Днепра, хранятся в Киевском историческом музее.

5. Один из них¹⁴, более крупный, отлично заполирован. На корневой его части одностороннее изображение в технике резьбы и гравировки головы оскаленного хищника. За двумя передними клыками идут два ряда зубцов: три вверху и пять внизу; между ними двумя линиями обозначен ровный язык. Линия губ, как обычно, передана волнообразной кривой, нижнее закругление ее обломано, а верхнее, образуя ноздрю хищника, переходит в голову грифона с циркульным кружком-глазом, небольшим надклювьем и массивным закрученным клювом. Круглый рельефный глаз хищника с выделенным зрачком выступает несколько за контуры головы. За ним следует овальное острое ухо, прижатое к шее. В нижней части морды хищника, при переходе к шее, выделена свисающая бакенбарда овальной формы. Узкий конец клыка гладкий, без изображений. С обратной стороны, у корневой части, имеется круглое отверстие, через которое продевался ремень (рис. 1, 2).

6. Второй клык из Исторического музея, зооморфные изображения на нем отличны от всех известных нам на предметах данного типа. Изображение одностороннее: по краю корневой части клыка помещена полоса геометрического орнамента в виде сочетаний П-образных резных линий,

¹¹ Пользуюсь случаем выразить благодарность А. И. Тереножкину за любезное разрешение опубликовать эту находку.

¹² Известен нам по рисунку Б. З. Рабиновича.

¹³ А. А. Z a c h a r o v, J. A. Z a r e t s k y s. Excavations in the Government of Khar'kov. ESA, VII, Helsinki, 1932, стр. 78.

¹⁴ Фонды Киевского исторического музея (№ Б-2277).

Ниже расположены три слитные медвежьи головки¹⁵. Глаза у медведей сделаны циркульными кружками; сверху к каждой головке примыкают небольшие овальные уши, между которыми пять горизонтальных насечек изображают складки кожи на шее. Морда каждого животного опирается на передние лапы, на которых когти переданы насечками. Изобразительный прием резчика таков, что одна медвежья голова переходит в следующую без каких-либо разделительных линий, представляя собою как бы голову трехликого существа¹⁶.

Противоположный конец клыка заканчивается одной, точно такой же, головкой животного (рис. 1, 4).

7. К этой же серии украшений, несомненно, примыкает и кабаньий клык из кург. № 3 в б. имени Талаевой в Крыму¹⁷. На его широкой части изображена голова хищника с оскаленной пастью, в которой проделано отверстие для подвешивания. Узкий конец клыка оформлен в виде головы кабана.

Кроме приведенных выше резных клыков в поднепровской коллекции есть три бронзовые имитации.

1. Одна из них опубликована в «Древностях Поднепровья»¹⁸, она была найдена В. В. Хвойко при раскопках курганного могильника у Пастырского городища. На широком конце изделия изображена голова хищника, в оскаленной пасти которого видны четыре клыка; линия губ передана округлой П-образной полосой. Глаз животного — рельефный кружок с точкой, к нему примыкает узкое ухо, прижатое к шее. Под глазом изображен еще один рельефный кружок с точкой. На противоположном узком конце клыка помещена головка длинноклювой птицы. Ее надклювье выделено двумя углубленными линиями: глаз, как и у хищника, сделан в виде рельефного кружка, под ним также помещен еще один кружок. Через всю среднюю часть украшения проходит продольная грань, имитирующая грань натурального клыка. С обратной стороны у широкого конца есть П-образная петля для подвешивания (рис. 1, 5).

2. Второй бронзовый клык почти полностью повторяет сюжетно-композиционные особенности предыдущего изделия. Он был найден Е. Ф. Покровской в одном из курганов первой половины V в. до н. э. у с. Макеевки¹⁹.

На широкой части макеевского клыка также изображена оскаленная пасть хищника с четырьмя клыками, линия губ передана рельефной полосой. В пасти, между челюстями, есть сквозное отверстие, через которое видна на оборотной стороне предмета большая петля для подвешивания. На кончике носа хищника выделена выступающая ноздря с точкой; глаз передан рельефным кружком, к нему примыкает рельефное овальное ухо, острый конец которого выступает слегка за общие контуры предмета. Под глазом, как и в предыдущем случае, помещен еще один рельефный кружок. На узком конце изображена голова длинноклювой птицы, надклювье и клюв которой выделены углубленными линиями; глаз передан рельефным кружком, под которым есть еще один такой же величины. Посредине клыка идет слабовыраженная продольная грань. Длина предмета 7,5 см (рис. 1, 7).

3. Последний бронзовый клык из этой серии был найден в 1955 г. на Пастырском городище²⁰ (подъемный материал). Повторяя основные мотивы

¹⁵ В литературе это изображение известно, как «медведь в жертвенной позе», см. А. В. Збруева. История населения Прикамья в ананьинскую эпоху. МИА, 30, 1952, стр. 134.

¹⁶ Т. Н. Троицкая. Скифские погребения в курганах Крыма. Дис. канд. истор. н., 1954, стр. 49.

¹⁷ Фонды Киевского исторического музея, № Б-2278.

¹⁸ ДП, II, табл. II, 399.

¹⁹ Е. Ф. Покровская. Розкопки курганів V ст. до н. е. поблизу м. Шполи. «Археологія», XI, Київ, 1957, стр. 150—151.

²⁰ Е. В. Яковенко. Пастырське городище скіфського часу. «Археологія», XXI, Київ, 1968, стр. 184.

вы описанных выше украшений, он имеет ряд отличительных особенностей. Узкая морда оскаленного хищника с раскрытой пастью, в которой видны два острых клыка, слегка сужена в средней части. Линия губ передана рельефной полосой, завитки которой соответственно образуют ноздрю и подбородок.

Глаз и ухо связаны единой композицией из двух рельефных ромбов, меньший из которых изображает прижатое к шее ухо с острым концом, а больший, слегка закругленный, — глаз с узким рельефным зрачком. Вниз от глаза опущен завиток, образующий вместе с глазом головку грифона. Такая же головка грифона помещена и посредине клыка. На остром конце изделия изображена головка длинноклювой птицы. Во рту, намеченном петлеобразной рельефной полосой, видны круглые зубы. Массивное надклювье, выделенное четырьмя вертикальными рельефными полосками, завершается круглым рельефным глазом с точкой-зрачком. С обратной стороны, в широкой части, есть П-образная петля для подвешивания (рис. 1, б).

Для чего служили подобные украшения? Благодаря неоднократным находкам *in situ* в погребальных комплексах известно, что резные клыки и их имитации служили для украшения ремней конской узды или портупей меча. Так, два больших резных клыка из кургана А-12 у Блюменфельда были украшением лобной части узды, а третий, меньших размеров, найден был при мече²¹, подобно клыкам из Фриденберга и Калиновского могильника²². Бронзовый клык из Туяхтинского могильника на Алтае был найден при хорошо сохранившейся узде — он служил околосушной подвеской²³.

Вероятнее всего, что и поднепровские резные клыки служили либо уздечными подвесками, либо украшениями ножен меча.

Среди зооморфных изображений на клыках выделяются несколько сюжетных мотивов — длинноклювая птица, морда хищника с оскаленной пастью в сочетании с головой птицы или вепря и голова медведя, лежащая на передних лапах. Чаще всего встречается изображение оскаленной морды хищника.

Наиболее интересным по выразительности и качеству исполнения является хищник на клыке из Медеро. Удлиненная морда зверя чуть сужена в средней части, свирепый оскал подчеркнут рельефной линией губ и слегка разомкнутыми челюстями — создается впечатление раскрывающейся пасти; выразительный рельефный глаз и прижатое к шее ухо передают напряженную позу животного, как бы застывшего перед прыжком. Стилизованные головки грифонов на носу и подбородке хищника очень условны, они превращены в орнаментальный мотив. Сравнительно менее стилизована головка грифона на клыке из Исторического музея, образующая ноздрю хищника. Морда этого хищника более тяжеловесна: прямые сомкнутые клыки и ровная линия языка, заключенные в широкий овал пасти, придают всему изображению статичность.

Такой же оскаленный хищник «в момент прыжка», судя по описанию И. А. Зарецкого, изображен на резном клыке из Опишлянки. Можно предположить, что острое ухо зверя было случайно принято автором за рог.

Изображение хищника с оскаленной пастью сочетается в ряде случаев с изображением длинноклювой птицы. Лучше всего эта композиция представлена на бронзовых имитациях, причем в бронзе полностью повторены детали натуральных резных клыков — продольная грань, манера передачи губ животного и т. д. Особенно интересен бронзовый клык, найденный в 1955 г. на Пастырском городище. Свирепую оскаленную пасть хищника на нем можно сравнить по выразительности лишь с мордой зверя на меде-

²¹ В. Г. Раков. *Monuments de la culture scythique entre le Volga et le monts Oural*. ESA, III, Helsinki, 1928, стр. 28 сл.

²² К. Ф. Смирнов, В. Г. Петренко. *Савроматы Поволжья и Южного Приуралья*, САИ, М., 1963, Д1-2, табл. 22, 14, 15.

²³ С. В. Киселев. *Древняя история Южной Сибири*. М., 1951, стр. 296, табл. XXVIII, 11.

ровском клыке. Правда, в литье утрачены некоторые мелкие детали — зубы, спиральные завитки волюты — пасти. Зубы хищной птицы на узком конце клыка с Пастырского городища переданы рельефными кружками — такой же прием есть и на роменском клыке, где зубы птицы изображены циркульными окружностями, встречается он и при изображении птиц в савроматском искусстве²⁴.

Хищники на поднепровских зооморфных клыках имеют удлиненные морды и острое овальное ухо, прижатое к шее. Подобные стилистические приемы свойственны изображениям волка-собаки. Хищники кошачьей породы — барсы, пантеры, львы — отличаются более округлой тупой мордой с широкими, закругленными в основании, короткими ушами, чаще настороженными.

Близкие нашим изображения волков есть в искусстве савроматов. Это прежде всего несколько изображений хищника, «припавшего к земле», среди которых наиболее выразителен волк на костяной рукоятке плети из кургана Черная Гора у с. Абрамовки. По стилистическим особенностям он близок некоторым ананьинским изображениям и связан, скорее всего, с Востоком²⁵.

Интересная серия волчьих голов представлена в савроматском могильнике Пятимары 1 — у них удлиненные оскаленные морды с горбатым носом, схематично обозначенные глаза и прижатое к шее длинное ухо²⁶. Этот своеобразный тип хищника чужд искусству Скифии, ближайшие аналогии ему есть в Южной Сибири и на Алтае²⁷.

Особый интерес для нас представляет оскаленная морда хищника в сочетании с головой длинноклювой птицы на бронзовой имитации клыка из кургана А-12 у Блюменфельда (узда I).

Как отмечает К. Ф. Смирнов, этот налобник по стилистическим особенностям стоит ближе всего к поднепровским, что лишний раз свидетельствует о тесных культурных связях между Поволжьем и Приднепровьем²⁸.

Много изображений волков известно в зверином стиле ананьинской культуры, где особенно популярны были медведь и волк. В ананьинском искусстве изображения волков есть на бронзовых топориках²⁹, бляшках³⁰, пряслицах³¹, крючках³² и т. д. Есть они и среди предметов, найденных на Гляденовском костыце — культовом памятнике ананьинских племен.

Изображения волков на топорах и крючках часто сочетаются с изображением птицы. Интересно, что раскрытая пасть волка нередко передается в ананьинском искусстве волютой, которая своими закрученными концами образует ноздрю и подбородок животного. Подобные композиционные особенности и стилистические приемы наблюдаются и на зооморфных изображениях клыков из Поднепровья.

Анализируя подобные композиции на блюменфельдских клыках, К. Ф. Смирнов пришел к выводу, что они родственны некоторым на воронежских и ананьинских крючках. Мы присоединяемся к этой точке зрения и полагаем, что изображение волка с оскаленной мордой на зооморфных клыках поднепровской серии позаимствовано, скорее всего, из ананьинского искусства через посредство сарматских племен, которые были связующим звеном между Скифией и культурой Прикамья и Урала.

Интересно отметить, что отдельные стилистические особенности изображений на крючках мы встречаем на бронзовых клыках. Так, морды хищ-

²⁴ К. Ф. Смирнов. Савроматы, стр. 369, рис. 77, 19, 25.

²⁵ Там же, стр. 227.

²⁶ Там же, рис. 79, 2—5.

²⁷ Там же, стр. 233.

²⁸ Там же, стр. 233.

²⁹ А. В. Збруева, Ук. соч., стр. 134, рис. 14.

³⁰ Там же, стр. 37, табл. IV, 14.

³¹ Там же, табл. XXV, 3.

³² I. R. Aspelin. Antiquités du Nord Finno-Ougren. Helsingfors, 1877, табл. 112, 452; табл. 114, 470—473.

ников на крючках в ряде случаев изображены в фас: два уха и два глаза помещены по краям широкой части предмета, но оскаленная пасть дана в профиль. Причем в ней не два клыка, а четыре, т. е. столько, сколько видно в фас. Так же изображены головы волков на бронзовых клыках из Макеевки и Пастырского городища.

Наиболее интересен из всей поднепровской серии резных клыков экземпляр из Исторического музея (№ Б-2278), где изображена голова медведя, лежащая на передних лапах.

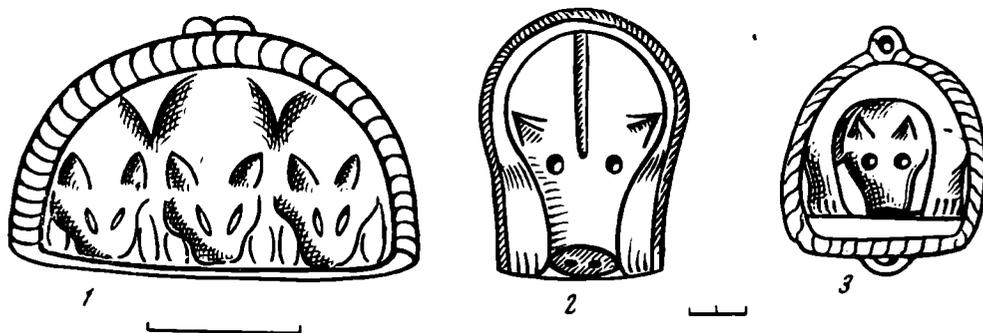

Рис. 2.

1—3 — бронзовые бляхи с изображением медведя (Гляденовское костище)

Подобные изображения известны в Правобережной лесостепи³³, в Поволжье³⁴ и на других смежных со Скифией территориях, — все они связаны с кругом ананьинских памятников, где широко были распространены бронзовые бляшки с такими изображениями, особенно в пьяноборское время.

Среди находок Гляденовского костища А. А. Спицын отмечает чеканные бляхи с изображением «медвежьих голов и передних лап» (рис. 2, 1—3). На одной бляхе помещены «три одинаковые головы вместо одной»³⁵. Это представляет для нас особый интерес, так как на нашем клыке изображены именно такие «три одинаковые головы вместо одной».

Подобное сходство дает прямое указание на сюжетную связь зооморфных изображений поднепровских резных клыков с ананьинским звериным стилем. Но в среде племен Поднепровья образы ананьинского искусства под влиянием местного звериного стиля претерпевают ряд изменений. Так, на мордах волков завитки волют заменяются стилизованными изображениями грифонов, характерными для скифского звериного стиля, изображения медведя становятся более схематичными и отличными от ананьинских прототипов.

К какому времени следует отнести зооморфные клыки с Поднепровья? В Поволжье все эти украшения были найдены в хорошо датированных комплексах одного хронологического периода — конца VI — первой половины V в. до н. э. В Поднепровье лишь несколько экземпляров найдены в датированных комплексах — это клык из Медерова (V в. до н. э.), клык из Опишлянки (вторая половина VI в. до н. э.), клык из третьего Талаевского кургана (V в. до н. э.), клык из Макеевского кургана (V в. до н. э.). Это обстоятельство и позволяет всю группу клыков с зооморфными изображениями из Поднепровья отнести к концу VI — началу V в. до н. э.³⁶

³³ ДП, III, табл. LI.

³⁴ К. Ф. Смирнов. Савроматы, рис. 16, 2 к. л.

³⁵ А. А. Спицын. Гляденовское костище, ЗРАО, XII, 1—2, СПб., 1901, стр. 242.

³⁶ Следует отметить, что резной клык нашей серии с изображением головы медведя несколько не соответствует датировке Гляденовского костища. Однако и А. А. Спицын, и В. А. Збруева отмечают, что среди огромного количества предметов, найденных на Гляденовском костище, не все относятся к пьяноборскому этапу, часть сюжетов относится к более раннему, ананьинскому времени.

Таким образом, при подробном изучении всей приднепровской коллекции резных клыков выясняется, что наряду с известными ранее украшениями такого типа в Поволжье и Приуралье, существует значительная группа этих вещей и на территории Украины, где сейчас известны девять клыков и три бронзовые имитации. И у савроматских племен, и в Скифии эти украшения бытовали одновременно в один довольно узкий хронологический период — в конце VI — первой половине V в. до н. э.

Однако если в Поволжье сюжеты зооморфных изображений на клыках довольно разнообразны — это и хищник кошачьей породы, и волк, и птица, и даже олень, — то на Поднепровье сюжетная композиция была устойчива, здесь подавляющее большинство изображений — это волк в сочетании с птицей. Данный сюжет проникает в Северное Причерноморье в конце VI в. до н. э. из ананьинского искусства через посредство савроматских племен. Но если на территории Поднепровья эти новые мотивы органично вошли в состав сюжетов скифского звериного стиля и получили новую переработку, то в Поволжье широкого распространения они не имели.

E. V. Iakovenko

LES DENTS LANIAIRES AUX FIGURES ZOOMORPHES

Résumé

Dès les temps les plus reculés, l'homme utilisait en qualité de parures et d'amulettes les dents laniaires des bêtes féroces. Pendant la période scythique, sur le vaste territoire de l'Eurasie, ces dents étaient largement répandues comme ornements de bride de cheval. En particulier, les défenses de sanglier et leur imitations en bronze sont remarquables, elles sont surtout connues dans la région du Volga.

Dans l'article donné, sont décrites les dents laniaires sculptées trouvées dans le bassin du Dnieper. Elles sont ornées d'une tête d'oiseau à long bec ou bien d'une tête d'ours ou d'une gueule de loup qui montre les dents. L'analyse de ces images permet de supposer qu'elles sont empruntées à l'art de la civilisation d'Ananino par l'intermédiaire des Sauromates. Sur le territoire du bassin du Dniéper ces sujets subissent une série de transformations sous l'influence du style thériomorphe local.

Les analogies les plus proches parmi les monuments sauromates permettent de dater tout ce groupe de dents laniaires aux figures zoomorphes du bassin de Dniéper de la fin du VI — commencement du V ss. avant notre ère.

В. А. ПАДИН

РАСКОПКИ ПОСЕЛЕНИЯ В УРОЧИЩЕ МАКЧА БЛИЗ ТРУБЧЕВСКА

Материалы, полученные в результате раскопок поселения на Макче в 1956 г., дополняют разведки предшествующих лет¹.

Поселение, как мы уже писали, состоит из городища и селища². Было заложено четыре раскопа (№ 1, 2, 4 — на городище, № 3 — на селище) общей площадью 127 м². В среднем каждый раскоп занимал около 35 м². Культурный слой — гумусированная однородная супесь толщиной 0,5—0,8 м — стерильных прослоек не имел, поэтому исторические периоды памятника устанавливались лишь по обломкам сосудов.

В раскопе № 1 (8 × 4 м) на материке, состоявшем из светлого песка, были встречены (в виде неправильного пятна 5 × 2 м) остатки расплывшегося очага (видимо, глинобитной печи) толщиной в центре 24 см. Он занимал пространство в 8 м² и заходил под южную стенку раскопа. Здесь найдены обломки глиняных сосудов, кости, куски обожженной глины, мергеля и глиняной обмазки с отпечатками прутьев. Под очагом имелась неглубокая впадина, из нее в материк углублялась колоколовидная хозяйственная яма (диаметр дна 1,1 м, устья 0,75 м), имевшая с востока несколько пологий спуск. Такие ямы были встречены на Донецком, Маяцком, Роменском³, Большом Борщевском⁴ и других городищах. Известны они и на Десне⁵. Яму заполнял культурный слой, в котором были найдены несколько костей животных и фрагмент лепного раннеславянского сосуда. Расширить раскоп не удалось из-за растущих фруктовых деревьев. Несмотря на отсутствие следов сооружений, можно полагать, что жилище было наземным, о чем свидетельствуют очаг и остатки обмазки стен.

В раскопе № 2 (рис. 1) открылись остатки жилища квадратной формы (4,30 × 4,20 м), яма которого углублялась в материк в среднем на 30 см (вместе с полом). Пол жилища (толщ. 6—20 см), выложенный из плашек, был засыпан 4—6-сантиметровым слоем песка. В северо-западном углу под настилом лежала обуглившаяся (как и плашки настила) березовая плаха длиной 1,5 м.

В юго-западном углу жилища была вскрыта колоколовидная хозяйственная яма (аналогичная яме из раскопа № 1), в 80 см от которой находилась вторая, округлая в плане, котлообразная яма диаметром 1,4 м, глубиной 0,40 м. Дно и стенки первой ямы обожжены, судя по оранжевому цвету песка и его плотности. Ямы заполнялись песком с перегноем. В заполнении второй ямы найден окислившийся железный предмет (шило?), много рыбьих костей и чешуи, а также несколько костей животных. Между

¹ В. А. Падин. Роменское поселение в районе Трубчевска. КСИИМК, 41, 1951, стр. 109—113.

² Там же, стр. 109.

³ П. П. Ефименко и П. Н. Третьяков. Древнерусские поселения на Дону. МИА, 8, 1948, стр. 33, рис. 33.

⁴ Там же, стр. 33, рис. 19.

⁵ А. Е. Алихова. Авдеевское селище. КСИИМК, XXXVIII, 1951, стр. 107.

ямами под настилом лежало дубовое обуглившееся бревнышко — подкладка длиной 1,5 м. За пределами северной стенки жилища, рядом с ним были прослежены ямки от четырех столбиков — остатки наземной части жилища, видимо плетневой. В северо-восточном углу находилась печь, сложенная из больших (40 × 50 см) обломков болотной руды, стоявших верти-

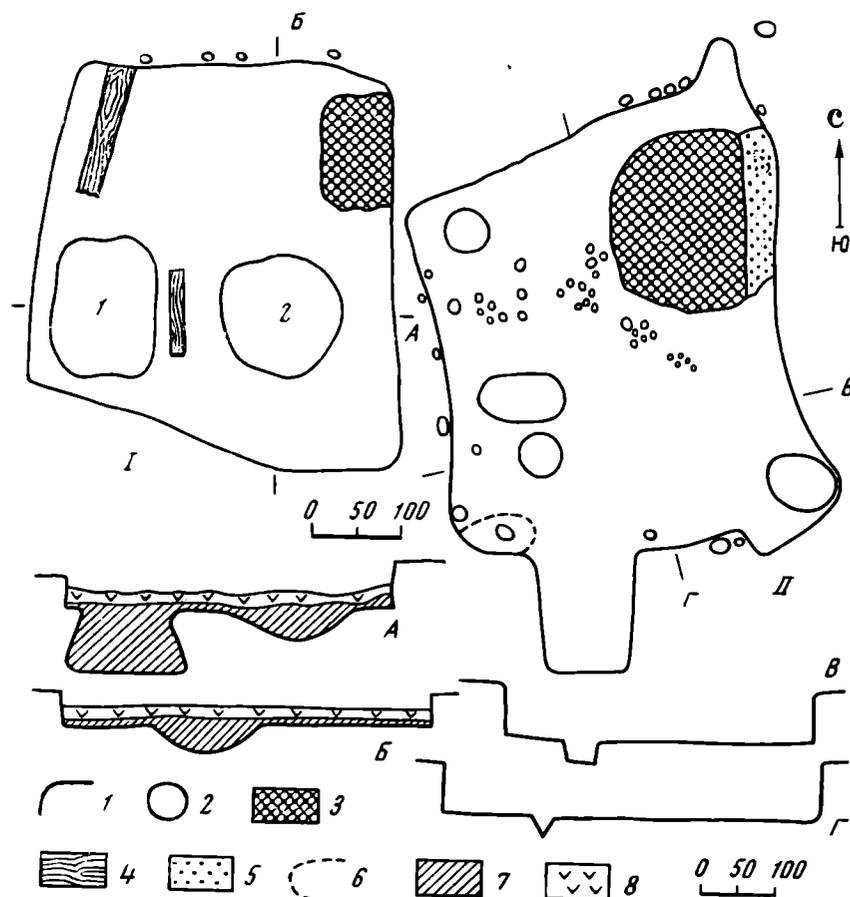

Рис. 1. Жилища из раскопов 2 и 3

I, А, Б — жилище в раскопе 2 (на городище); II, В и Г — в раскопе 3 (на селище). Масштаб планов несколько крупнее масштаба профилей.

1, 2 — ямы; 3 — развалы печей; 4 — горелые бревна; 5 — обожженный песок; 6 — пятно смешанного песка; 7 — культурный слой; 8 — уголь

кально. Размер печи 1,36 × 0,80 м. Она примыкала к восточной стене жилища и стояла на материке. Среди обломков руды находилось много золы, угля и обожженных комков глины, сконцентрированных главным образом в центре печи, что говорит об их принадлежности к сводам, а также много обломков глиняных конусов (диаметр основания 9 см, высота 13—15 см), входивших в конструкцию печи. В поселении у Шестовиц⁶ подобные конусы являлись заполнением верхней части печных сводов. Находки конусов часты в жилищах роменского типа⁷. В завале печи найдены обломки лепной славянской кухонной посуды. Вне жилища, у его северо-западного угла (на 10—15 см выше материка) в раскоп попал край скопления блоков, золы и обожженной глины — возможно, след наземного жилища.

На городище же в раскопе № 4 было открыто наземное четырехугольное жилище, крыша которого покоилась на 12 столбах толщиной от 6 до 40 см. Остатки очага состояли из глины (толщ. слоя 15—20 см), осколков мергеля, глиняных блоков с отверстиями, кусков прокаленной обмазки с

⁶ Д. І. Бліфельд. Дослідження в с. Шестовицях. АП, III, Київ, 1952, стр. 126.

⁷ И. И. Ляпушкин. Материалы к изучению юго-восточных границ восточных славян VIII—X вв. КСИИМК, XII, 1946, стр. 124.

отпечатками плашек и бревнышек. Как и в раскопе № 1, здесь очаг находился над колоколовидной ямой (сверху и снизу диаметр около 1,3 м, в перехвате около 1 м). Очаг лежал на бревнышках толщиной 4—5 см, покрывавших яму. Судя по прослеженной нами прослойке угля, это жилище имело деревянный пол. Северная часть жилища углублялась в материк на 10 см из-за неровности площадки.

На селище (раскоп № 3) также вскрыто жилище размером 4 × 4,90 м, углублявшееся на 70—75 см в материк, ориентированное с ЮЮВ на ССЗ. Северо-восточный и юго-восточный углы полуземлянки вытянуты, вход длиной 1,40 см находился с юга. Интересны конструктивные особенности этого жилища. В 50 см от северо-западного угла была обнаружена ямка от столба диаметром 49 см, прямо срубленного, врытого в материк на 48 см. Ямка от столба диаметром 48 см, глубиной 30 см находилась и в 90 см от входа. Как и в самом жилище (слева от входа), так и за его пределами (у северо-восточного угла) были открыты еще три столбовых ямки диаметром в среднем по 20 см. На этих столбах, очевидно, держалась крыша. Кроме этого, в различных местах у стен прослежено 14 ямок от 13 столбов и одной плахи диаметром от 20 до 6 см, являющихся частями стен.

В северо-восточной части землянки, на материке, открыт развал печи, состоявший из обломков руды, мергеля, глины. От стенки жилища печь отделялась 20-сантиметровым слоем прокаленного песка. В развале печи найдена славянская керамика. У печи прослежены 23 ямки от заостренных колов разной толщины. Такие же ямки были и в 50 см от западной стенки, являвшиеся, может быть, следами стоявшего здесь стола. Пол жилища сплошь обожжен, в нем имелись две хозяйственные ямы глубиной 60 и 70 см. Как на городище, так и на селище в остатках жилищ найдены куски глиняной обмазки с отпечатками прутьев и плашек, что говорит о характере наземных частей постройки. Форма жилищ, обнаруженных в раскопе № 2 и на селище, конструктивные особенности и размещение печей аналогичны жилищам Волынцевского поселения⁸, а также на городищах роменского типа. Как было сказано выше, в раскопах № 1 и 4 встречены остатки наземных жилищ. Как известно, и на Пастерском городище вместе с полуземлянками существовали и наземные жилища⁹. Эта отличительная черта крайне интересна. Жилища и ямы, сопровождавшие их, принадлежали славянам, что видно по находкам керамики. В них раннеславянская посуда (VI—VII вв.) сосуществовала с так называемой роменской. Часть посуды, найденной на памятнике, относится к типу керамики уже поздней¹⁰ (роменская, эпохи Киевской Руси), но большая часть керамического материала принадлежит иным типам.

Керамiku наших раскопок мы делим на четыре группы.

Первая группа (рис. 2). К более древней, найденной на городище, относится посуда с имитацией отпечатков ткани и штрихованная, встречающаяся в средних штыках, но тяготеющая книзу. Глина такой посуды плотная, с примесью дресвы и мелкими блестками слюды. На шероховатых стенках часто проступают зерна дресвы. Толщина стенок сосудов 6—10 мм, цвет серый и бурый. Венчики прямо срезанные (только у сетчатой) и округленные, несколько отогнутые или прямые, иногда несколько вогнутые внутрь. Наружная, а иногда и внутренняя сторона стенок сосудов покрыта или оттисками ткани, или штриховкой, покрывающей их сплошь, с промежутками, косо, наклонно, вертикально, горизонтально. На границе плечиков и шеек обычны круглые глубокие ямки, создающие на внутренней стороне небольшие бугорки. Обжиг неравномерный, иногда хороший.

Бросается в глаза сходство «текстильной» и штрихованной посуды по

⁸ Д. Т. Березовець. Дослідження на території Путивльського району Сумської області. АП, III, стр. 247.

⁹ М. Ю. Брайчевский. Работы на Пастерском городище в 1949 г. КСИМК, XXXVI, 1951, стр. 162.

¹⁰ В. А. Падин. Ук. соч., стр. 110—112.

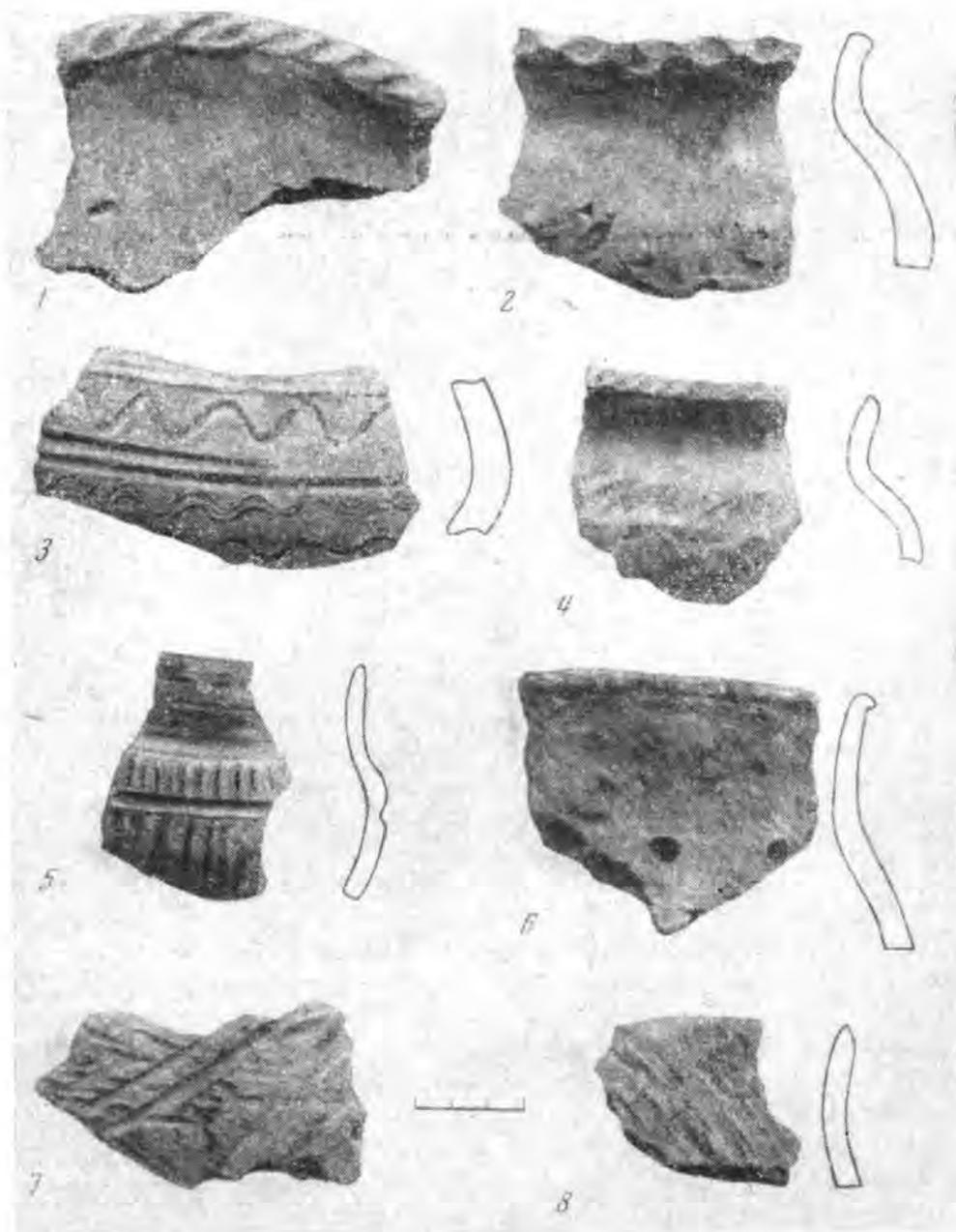

Рис. 2. Керамика

1, 2, 4, 6—8 — лепная; 3, 5 — гончарная; 1, 2, 4 — 3-й группы; 3, 5 — 4-й группы; 6—8 — 1-й группы

тесту, толщине стенок, профилю, а также частично и орнаментации (ямки на границе плечиков и шейки). Один черепок имел лишь ямочный орнамент. Эта керамика имеет аналогии в позднедьяковских городищах Верхнего Поволжья, Оки и верховий Днепра, а также на поселениях Прибалтики. Вместе с тем керамика штрихованная характерна для средней Белоруссии и известна на Киевщине¹¹.

На Десне единичные обломки текстильной керамики встречены в Новгород-Северском районе¹². Необходимо отметить, что в Эстонии верхняя хронологическая граница существования текстильной и штрихованной керамики доходила до V—VI вв.¹³

¹¹ В. А. Ильинская и А. И. Тереножкин. Новая находка блюх с эмальми на Киевщине. КСИИМК, 60, 1955, стр. 148.

¹² М. В. Воеводский. Городища Верхней Десны. КСИИМК, XXIV, 1949, стр. 72.

¹³ М. Х. Шмидехельм. Городище Рыуге в Юго-Восточной Эстонии. Тр. ПОКЭ, I, М., 1959, стр. 162.

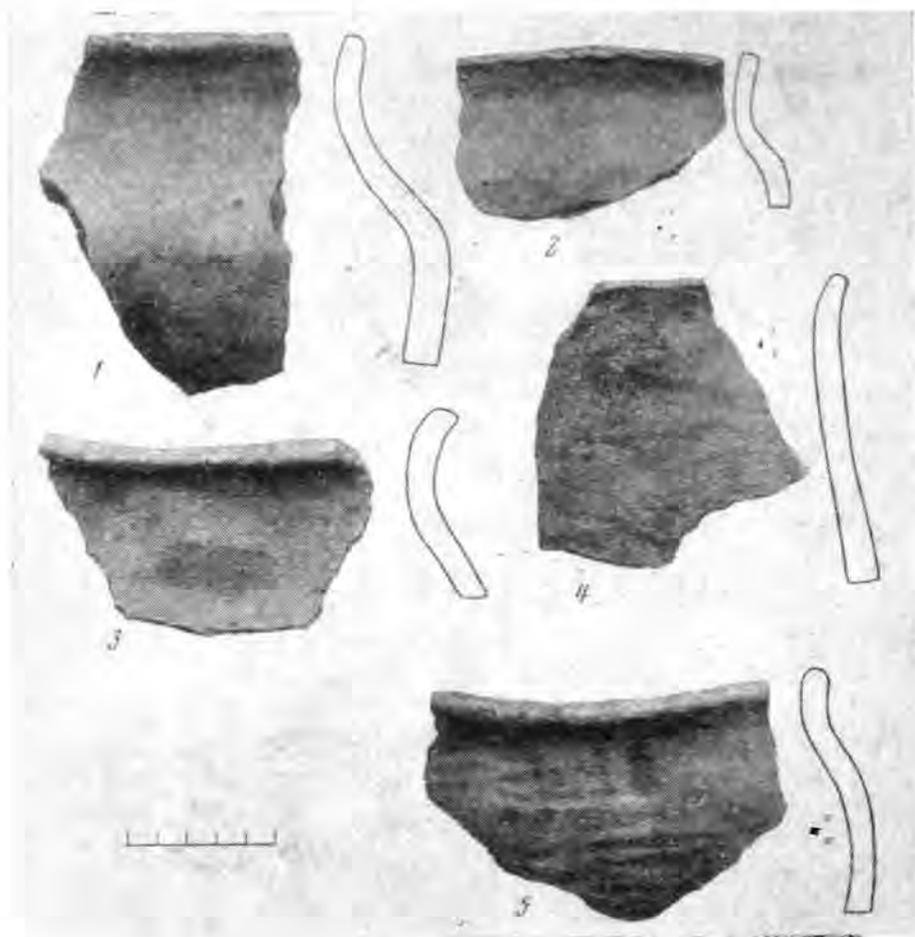

Рис. 3. Лепная керамика 2-й группы

Наличие в тесте текстильной и штрихованной керамики слюды, возможно, доказывает ее местное производство. Находки подобной керамики на Макче немногочисленны, черепки встречались среди славянской посуды (на отдельных участках), это позволяет предположить перемешанность древнего слоя поселения, отчего он и не улавливался стратиграфически.

Во вторую группу (рис. 3) мы выделяем лепную, преимущественно с лощением или заглаженную посуду. Сосуды сделаны из плотной, хорошо промешанной глины с примесью дресвы или песка, с мелкими блестками слюды. Венчики сосудов несколько отогнутые наружу, прямо срезанные или несколько округленные. Толщина стенок лощеных сосудов 6—8, нелощеных 8—11 мм, цвет бурый, серый и коричневатый, в изломе серый, обжиг неравномерный. Черепки с лощением имели преимущественно коричневатый, иногда черный цвет. Эта посуда аналогична посуде с поселения Хохлов вир¹⁴. Среди найденных на Макче фрагментов имелись обломки боков более ранних реберчатых сосудов. Один фрагмент бока коричневатого залощенного сосуда орнаментирован двумя рядами ямок, нанесенных тонкой заостренной палочкой или костью. Орнамент, очевидно, покрывал весь сосуд. Судя по фрагменту, сосуд имел хорошо выраженную, может быть, высокую шейку и выпуклые бока.

Интересны черепок от сосуда с лощением коричневато-бурого цвета, еще без шамота (хорошей глины, с песком), некоторой неровностью стенок и формой, приближающейся к роменской посуде, и фрагмент от сосуда с серым лощением, с выраженными плечиками и отогнутым, как у роменских горшков, венчиком, сделанный из плотной, хорошо промешанной глины, его венчик прямо срезан и орнаментирован по краю типичными

¹⁴ В. А. Падин. Раннеславянские поселения и могильник в районе Трубчевска. СА, 1960, 3, стр. 318.

для роменской посуды косыми отпечатками зубчатого штампа. Среди обломков найдены фрагменты (один с серым лощением), как профилем стенок, так и тестом идентичные урне из погр. № 1 могильника у Крахмального завода¹⁵.

Следует отметить, что обломки посуды рассмотренной группы составляют в раскопах большинство. К этой группе относятся и фрагменты больших сосудов с прямыми или несколько отогнутыми наружу, прямо срезанными и чуть скругленными венчиками. Бока таких сосудов круто изогнуты, шейка слабо выражена, горло широкое, днище узкое с оттянутым бортиком (рис. 4). Глина плохо промешана, но крепкая. На стенках видны штрихи или желобки от вертикального (на шейке), горизонтального или косоуго (на тулове) заглаживания. В стенках иногда есть отверстия, просверленные снаружи. Среди примесей в глине замечены комочки мергеля. Эти сосуды очень похожи на урну из Роменского уезда Полтавской области, изданную Н. Макаренко¹⁶.

Третью группу составляет посуда, уже близкая к роменской, находящая преимущественно в первом штыке культурного слоя. Ниже ее количество совсем незначительно (но и в первом штыке она численно не превосходит керамику второй группы). Эта посуда — грубая, плохого обжига, толщина стенок 9—15 мм, поверхность бугристая грязно-серого цвета, иногда желтовато-бурая. Венчики отогнуты наружу незначительно.

Встречаются также обломки сковородок с орнаментом, типичным для роменской посуды (пальцевые вдавления, косые насечки). Они обычны для роменских поселений (Новотроицкое¹⁷, Опшмянское¹⁸ и др.).

На селище горшки, относящиеся к этой группе, в значительном числе орнаментированы «защипами» или пальцевыми вдавлениями по краю венчика. Несколько таких фрагментов встречено и на городище. Следует заметить, что часть керамики с защипами имеет незначительное включение мелких зерен шамота или вовсе без него. Посуда с такой орнаментацией известна из могильника у с. Волинцево¹⁹, а также из других славянских поселений Днепровского лесостепного Левобережья (рис. 5, 4)²⁰.

В четвертую группу (рис. 5) нами выделена посуда, собранная в основном на селище, отличающаяся прекрасными технологическими качествами, сделанная на гончарном круге из тонкой глины, с хорошим ровным обжигом, с хорошо заглаженной, иногда залощенной поверхностью стенок (особенно внешней) серого, черного и светло-коричневого цвета. Орнамент на сосудах линейный, волнистый и гребенчатый. Кроме того, сосуды орнаментированы вертикальными, несколько скошенными, пролощенными полосами или клетками (чаще на нижней части посуды) и ромбами.

Рис. 4. Глиняный сосуд 2-й группы

¹⁵ Там же, рис. 1, 1.

¹⁶ Н. Макаренко. Археологические исследования в 1907 г. ИАК, 43, СПб., 1911, стр. 119, рис. 99.

¹⁷ А. А. Монгайт. Археология в СССР. М., 1955, стр. 325.

¹⁸ И. И. Ляпушкин. Ук. соч., стр. 121.

¹⁹ Д. Т. Березовец. Ук. соч., стр. 249.

²⁰ И. И. Ляпушкин. Равнеславянские поселения Днепровского лесостепного Левобережья. СА, XVI, 1952, стр. 28.

Некоторые фрагменты принадлежат сосудам с короткой шейкой и несколько отогнутым наружу скругленным венчиком. Такого типа посуда близка посуде времени Киевской Руси, но в то же время отличается от нее. Значительная часть фрагментов серого и светло-коричневого цвета принадлежит сосудам с высоким (до 5 см), прямым, с прямо срезанным скругленным или заостренным венчиком. Толщина стенок этих сосудов колеблется от 7—8 до 13 мм (рис. 5, 1—3, 5). Среди обломков керамики этого типа есть часть небольшого горшочка с прямым, высоким (25 мм) венчиком и с выпуклым плечиком, по которому нанесены вертикальные оттиски узкого гребенчатого штампа, внизу ограниченные глубокой нарезной линией, ниже которой спускаются несколько углубленные чуть скошенные лощеные линии. На границе плечиков и венчика следы нарезных линий. Венчик внутри и снаружи горизонтально залощен (рис. 2, 5).

Посуда четвертой группы имеет прямые аналогии в посуде Волинцевского поселения и могильника²¹. В жилище, раскопанном на нашем селище, посуда указанного типа составляла 50—60% от общего количества. Керамика из могильника и поселения у с. Волинцево датруется VII—VIII вв. На городище и селище Макча такая посуда, видимо, относится к VIII—X вв.²²

Кроме керамики, на Макчинском городище были найдены железный наконечник стрелы лавроволистной формы, аналогичный наконечнику из Старой Рязани²³, синяя стеклянная многогранная бусина, костяное шило, куски болотной руды, точильный брусок, обломок каменной плитки, нож с горбатой спинкой (аналогичный найденному на Пастерском городище²⁴), два биконических пряслица, сделанных из чистой, хорошо промешанной глины, тщательно заглаженные, темно-серого цвета (рис. 6). Похожие пряслица с Большого Борщевского городища²⁵ определены как привозные. Нам найдено также прясло из белого камня (рис. 6, б) и пряслице, аналогичное найденному в могильнике у Крахмального завода²⁶.

Из подъемного материала с селища представляет интерес поделка из рога лося, имеющая на одной стороне три ямки с отшлифованным дном, на другой — три больших и четыре маленьких (две тройные) ямки. Прямых аналогий, в том числе и этнографических, найти нам не удалось. Этот предмет, возможно, имел культовое назначение²⁷ (рис. 7).

Найденные на Макчинских городище и селище кости животных определил В. И. Цалкин. Почти все они принадлежат домашним животным (крупный рогатый скот, свинья, лошадь, мелкий рогатый скот). Дикие животные представлены лишь костями бобра и выдры.

Несмотря на небольшую раскопанную площадь, на Макчинских памятниках добыт керамический материал, позволяющий по сходству с керамикой из могильников у Крахмального завода и Хохлова вира расширить хронологические границы поселения до VI в. (здесь нами не принята во внимание керамика, относящаяся к более раннему времени).

Необходимо отметить, что дороменская керамика встречается далеко (в 250 м) на ССВ и ЮЗ от Макчинского городища, что говорит о большой территории, находившейся под поселением.

В связи с интенсивным развитием стада охота на диких мясных животных для жителей макчинских поселений значения уже не имела (встречены лишь кости пушных животных).

²¹ Д. Т. Березовец. Ук. соч., стр. 246, табл. 1. 4.

²² В. А. Падин. Роменское поселение..., стр. 113.

²³ А. Л. Монгайт. Старая Рязань. МИА, 49, 1955, стр. 184, рис. 143, 11.

²⁴ М. Ю. Брайчевский. Ук. соч., стр. 161, рис. 46.

²⁵ П. П. Ефименко и П. Н. Третьяков. Ук. соч., стр. 52, табл. X, 13.

²⁶ В. А. Падин. Раннеславянские поселения и могильник в районе Трубчевска. СА, 1960, 3, рис. 2. 4.

²⁷ Похожая поделка из рога «сленя» происходит из Пастырского городища, также не разгаданная. М. Ю. Брайчевский. Нові розкопки на Пастырському городищі. АП, V, Київ, 1955, стр. 72, рис. 6.

Предметов, относящихся к земледелию, не встречено, но оно несомненно являлось основным источником существования, о чем говорят найденные у одного из пойменных поселений с керамикой второй группы (урочище Прорва у Трубчевска) следы большого подсечного поля. Видимо, разбросанность таких поселений в пойме, на останцах, связана не только с выпасами, но главным образом с плодородием поймы, которая была мень-

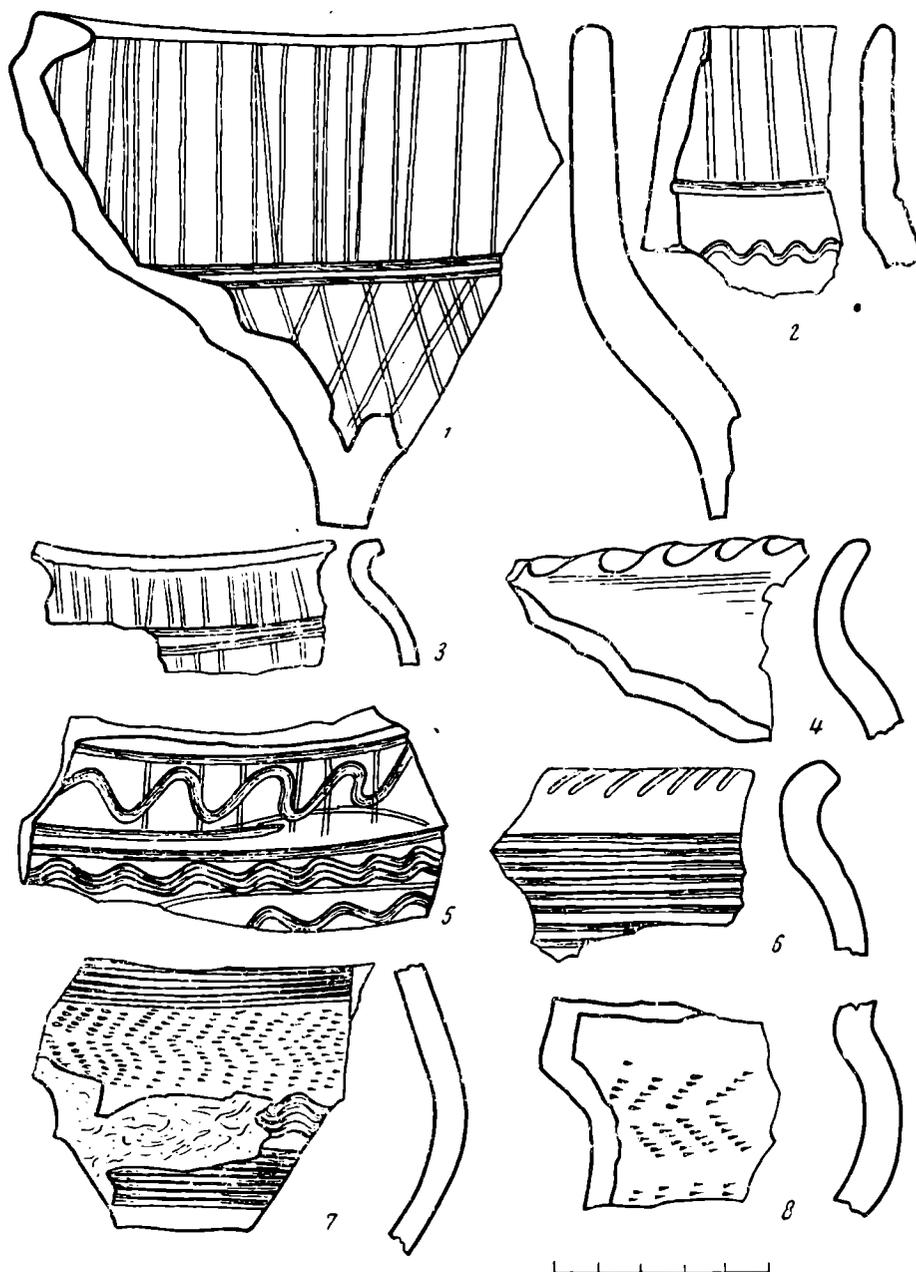

Рис. 5. Керамика 4-й группы
1, 2, 3, 5 — с полосатым лощением

ше облесенной, чем плато, и, следовательно, ее обработка требовала меньших затрат труда, принося в то же время более высокие урожаи²⁸.

Культура керамики второй группы ждет изучения, так как ей до последнего времени не уделялось внимания. Первый крупный шаг в этой области был сделан Л. В. Артишевой, исследовавшей курганный могиль-

²⁸ А. А. Величко, В. А. Падин, Р. В. Федорова. О комплексном изучении Арельского поселения на р. Десне. СА, 1960, 2, стр. 245, 246.

ник Дуля в районе Трубчевска, датирующийся V—VII вв.²⁹ Несомненно, культура этого круга принадлежит славянам. Некоторые исследователи пытаются связать ее с балтами, переоценивая данные гидронимии. Но ведь балтийские гидронимы бассейна Десны не датированы, а некоторые из них, приписываемые В. Н. Топоровым и О. Н. Трубчевым балтам, спор-

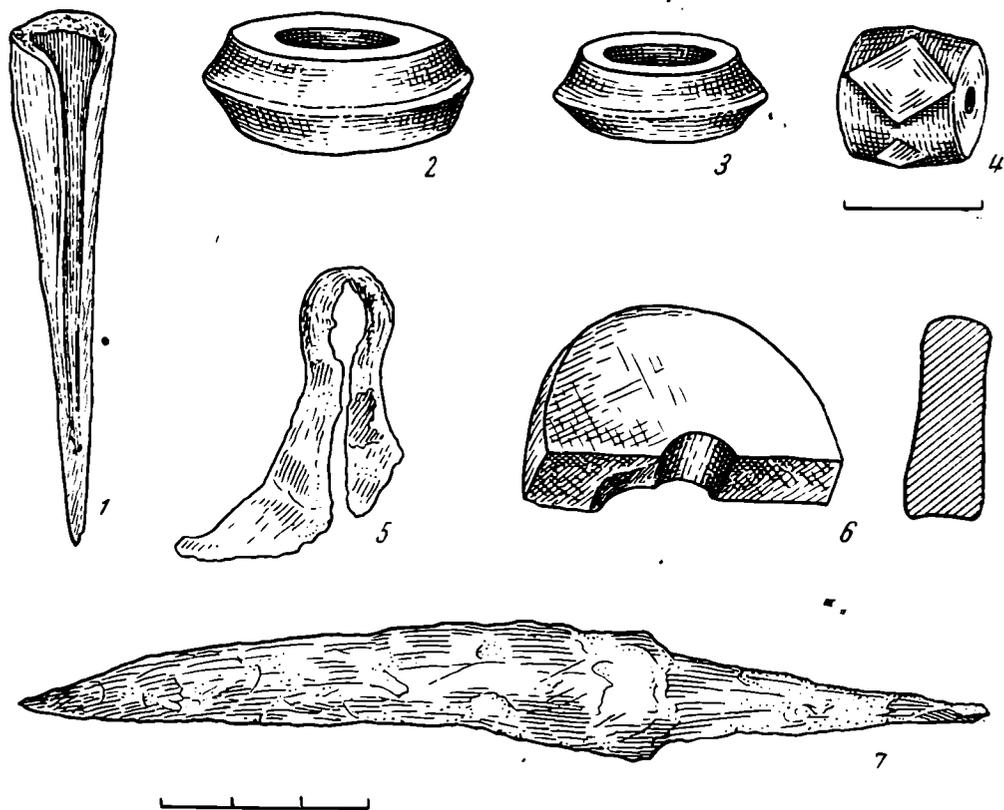

Рис. 6. Вещи с городища Макча

1 — кость; 2, 3 — глина; 4 — синее стекло; 5, 7 — железо; 6 — белый камень

ны, например, название левого притока Десны р. Навля³⁰, которое является славянским (нава — «русалка», Навля — «русалочья»)³¹.

Мне, помимо раскопок памятников на Макче и грунтового могильника у Крахмального завода, удалось разведать несколько поселений с керамикой второй группы у населенных пунктов: Уты, Лески, Манцурово, Ивановский, Радутино, Радчино, Верхний и Средний Городец, Телец, Макарьзна, Кветунь, Любец, в урочищах: Лука, Устье-Комаровка, Брянов Рог, Шакин Ров, Прорва, Малушково, находившихся на коренных берегах и в поймах Десны и ее притоков Навли и Посори (рис. 8). Культурный слой этих памятников, к сожалению, полностью распахан или размыт, чему способствовало их расположение на пологих склонах, на пойменных участках, доступных талым и дождевым водам, и отсутствие фортификационных сооружений, хорошо сохраняющих памятники. Судя по Макче и Кветуни, отдельные поселения занимали до 50 000 м², являясь центрами разбросанных вокруг мелких поселений. В дальнейшем, с развитием производительных сил, один из таких центров — Кветунь — становится городом³².

Возле некоторых поселений имеются следы распаханых курганов или

²⁹ Л. В. Артишевская. Могильник раннеславянского времени. МИА, 108, 1963, стр. 95.

³⁰ В. Н. Топоров, О. Н. Трубчев. Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Поднепровья. М., 1962, стр. 197.

³¹ В. А. Никонов. Краткий топонимический словарь. М., 1966, стр. 282.

³² В. А. Падин. Поселения домонгольского времени в районе Трубчевска. КСИИМК, XXIII, 1948, стр. 91; Материалы из раскопок кветунских курганов X—VIII вв. СА, 1958, 2, стр. 225.

отдельные захоронения, аналогичные грунтовым захоронениям в могильнике у Крахмального завода, на Макче и Прорве, а иногда и то и другое вместе. Курганные и грунтовые захоронения, видимо, сосуществовали, но территориально были как-то обособлены. Археологическая культура с керамикой второй группы, как говорилось выше, принадлежит ранним славянам. Что же касается роменского слоя макчинских памятников, то он говорит о последующем этапе истории славян Подесенья, что хорошо заметно в керамике (одновременные находки посуды второй и третьей группы в завале печей жилищ, горшки с тестом и выработкой, характерными для второй группы, но уже с роменскими формами и орнаментом), в погреб-

Рис. 7. Изделие из рога лося (а, б)

бальном обряде (так называемые роменские захоронения, встреченные нами при раскопках Кветунского древнерусского могильника в небольших грунтовых ямках, характерных для раннеславянских могильников), а также в характере жилищ, которые из несколько углубленных в землю к VIII—XI вв. становятся значительно углубленными. Любопытно отметить, что в одном из погребений могильника у Крахмального завода пережженные кости лежали каждая вытянуто с востока на запад. Положение сожжений с ориентировкой восток — запад замечено нами и в Кветунских ранних (IX—X вв.) древнерусских курганах, что свидетельствует о самобытности и древности этого обряда.

Из макчинских материалов видно, что керамика типа Волинцевского могильника бытовала и значительно севернее района, очерченного И. И. Ляпушкиным (Сосница — Сумы — Ромны)³³, что также довольно интересно в свете изучения вопроса о происхождении восточных славян. Любопытно отметить, что мною на большинстве раннеславянских пойменных поселений роменская посуда не встречена. На этих поселениях найдены обломки крышек горшков с утолщенными краями, напоминающими крышки сосудов из Корчака. Интересно и то, что в отдельных случаях на древних останках обнаружены поселения с одной так называемой роменской керамикой.

³³ И. И. Ляпушкин. К вопросу о памятниках волинцевского типа. СА, XXIX—XXX, 1959, стр. 80, 81.

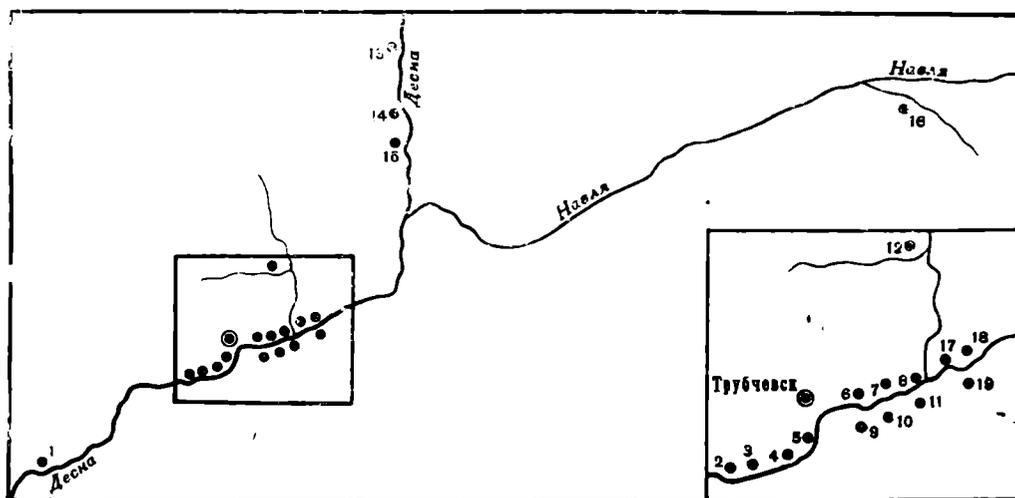

Рис. 8. Памятники с керамикой 2-й группы

1 — Старый Любец, 2 — Кветунь, 3 — Макарна, 4 — Телец, 5 — Прорва, 6, 9 — Городец, 7 — Макча, 8 — устье р. Посори, 10—11 — Брянов Рог, 12 — Радчино, 13 — Уты, 14 — Мандурово, 15 — Ивановский, 16 — Лески, 17 — Крахмальный завод, 18 — Лука, 19 — Хохлов вир

Нам ранее ставился вопрос о возможной связи раннеславянских племен с зарубинецкими³⁴, обитавшими на Десне в I—IV вв. н. э.³⁵. Дело в том, что ареалы этих культур совпадают и наблюдается очень много общего в погребальном обряде (небольшие ямки с сожжениями). Кроме того, в раннеславянской керамике имеются отдельные черты, характерные для зарубинецкой посуды (например, остросереберность боков, встреченная на Мачке). Очень близки по конструкции и жилища этих культур, близка топография поселений, аналогичны колоколовидные ямы-погребя.

В решении этого вопроса исследуемый нами памятник представляет большой интерес. Мачкинские поселения дают новые ценные данные, свидетельствующие о локальном и сложном процессе формирования славянских племен Подесенья во второй половине I тысячелетия н. э.

V. A. Padine

FOUILLES SUR LA MACTCHA

Résumé

Lors des fouilles sur les rives de la Mactcha on a dégagé quatre habitations rectangulaires aux cheminées en pisé ou en argile au teneur d'hématite brune. Les toitures de deux maisons reposaient sur les poutres. Dans la couche de l'agglomération fortifiée la céramique à hachures et à filet est découverte. Dans les logis, y compris dans les ruines des cheminées, on a décélé les poteries slaves primitives (VI—VII ss.) et celles du type de Romny. La vaisselle slave primitive a parfois les panses à encoignure semblables à celles du type de Zaroubintsy. Les vases du type de Volyntsévo aux lignes et aux carreaux lustrés ainsi que les poteries du temps de la Russie de Kiev ont été trouvés lors des fouilles de l'agglomération fortifiée et du hameau.

La vaisselle aux panses à encoignure permet de dresser la question de la parenté culturelle éventuelle entre les monuments du type de Mactcha avec ceux de Zaroubintsy dont l'existence sur les rives de Desna se rapporte aux I—IV ss. La conformité de leur extension, de leur topographie, le rituel funéraire et la construction des habitations à peu près analogues le prouvent. Les matériaux de Mactcha démontrent un trait local du processus complexe de l'organisation des tribus slaves à la veille de la formation de l'ancien état russe.

³⁴ В. А. Падин. Археологическое обследование бассейнов Ипути и Навли. «Брянский краевед», 2—3, Брянск, 1961, стр. 52.

³⁵ П. Н. Третьяков, Е. А. Шмидт. Древние городища Смоленщины. М.—Л., 1963, стр. 24.

Р. С. МЕПИСАШВИЛИ

РЕЛЬЕФЫ РУБЕЖА X—XI ВВ. СО СЦЕНАМИ СТРОИТЕЛЬСТВА В ХРАМЕ У СЕЛЕНИЯ КОРОГО

Искусство средневековой Грузии, развивавшееся в сложных политических и социально-экономических условиях, выработало свою яркую национальную специфику и на отдельных исторических этапах достигало вершин художественного мастерства. Процесс развития пластики в Грузии, охарактеризованный Г. Н. Чубинашвили, прослеживается на произведениях, выполненных в благородном металле и в камне¹. Каменные рельефы, являющиеся в большинстве своем фасадной скульптурой, воспринимались в основном как декоративная скульптура, соответственно акцентировалась именно декоративная сторона². Рельефы храма в Корого в этом отношении существенно выделяются; на первый план здесь выдвинута чисто смысловая сторона изображений, что делает их особенно интересными³.

В ущелье притока р. Арагви, в нескольких километрах от Военно-Грузинской дороги, среди высоких, покрытых альпийскими лугами и увенчанных снежными вершинами гор Большого Кавказского хребта, в историческом Мтиулетн находится селение Корого, а приблизительно в 1 км от него — исследуемый нами средневековый архитектурный комплекс, типичный для этой местности.

Расположен он на небольшой отлогой площадке крутого склона высокой горы и состоит из церкви, почти вплотную примыкающей к ней башни с большим помещением с юга — Сабчео (место собраний старейшин) и маленького прямоугольного в плане здания — святилища (рис. 1).

Все здания в той или иной мере повреждены. Церковь имеет большие трещины в стенах и своде. Существенных изменений она не претерпела и дошла до нас в основном в своем первоначальном виде.

Церковь представляет собой небольшое, четырехугольное в плане, покрытое двухскатной кровлей строение, особо выделяющееся решением внутреннего пространства. Внутри здания поставлены три столба, на которые опирается вся сложная система перекрытия (своды и арки). Установленные в восточной половине два столба и перекинутые от них к вос-

---

¹ Г. Н. Чубинашвили. Грузинское чеканное искусство. Тбилиси, 1959; его же. Памятники типа Джвари. Тбилиси, 1948, гл. III и др.

² Н. Аладашвили. Рельефы Никорцминда. Тбилиси, стр. 107 (на груз. яз., резюме на русском яз.).

³ Никаких сведений о памятнике в Корого в исторических документах не сохранилось. В научной литературе упоминание о нем встречаем в следующих работах: С. Макалатиа. Мтиулетн. Тбилиси, 1930, стр. 180; Ир. Сонгулашвили. Тринадцать дней по Мтиулетской Арагвской долине. Бюллетень ГМГ, X-V, Тбилиси, 1940, стр. 267 (на груз. яз.); С. Бедукадзе. Разработка камня в Мтиулетн. МЭГ, V, Тбилиси, 1951, стр. 38 (на груз. яз.); Р. С. Меписашвили. Архитектурный памятник Корого и его рельефы. Тезисы доклада, прочитанного на IX научной сессии Института истории грузинского искусства АН ГрузССР в 1955 г., стр. 13; Д. Мшвениерадзе. Строительное искусство в древней Грузии. Тбилиси, 1959, стр. 64; С. Бедукадзе. Орудия и способы обработки камня в Грузии. ВГМГ, XXII-V, Тбилиси, стр. 190, 200 (на груз. яз.).

Рис. 1. Храм Корого. Общий вид с запада

точной стене арки создают трехчастное деление алтарной части здания. Третий столб, воздвигнутый в западной половине, делит западную часть пространства на две части (рис. 2).

Памятник украшен как снаружи, так и внутри. Внутри декоративно выделены капители столбов и импосты подпружных арок. Снаружи акцентированы проемы окон и единственного южного входа, а также карниз северной стены. Особое внимание привлекает карниз западного фасада здания, покрытый скульптурными изображениями (рис. 3—6). Кроме того, у входа сохранились столб и капитель, на которых также высечены фигуры.

Стены церкви возведены из небольших плоских камней местной породы. Все конструктивно важные элементы — свод, конха алтаря, подпружные арки, столбы и др. — выполнены из тесаных камней. Снаружи тесаные камни использованы в проемах и для карниза. Камни довольно больших размеров, например, столбы, высотой в 1,50 м и в поперечнике 55 см, высечены из цельных камней. Значительны по своим размерам также капители и карнизные плиты.

Карниз западного фасада, покрытый рельефами, имеет высоту 50 см и состоит из верхней полочки, вертикального высокого среднего поля, ограниченного внизу валиком. Полочка на 10 см выпущена вперед, валик же выдвинут на 2,5—3 см. Валик служит как бы основанием сцен, полочка ограничивает их сверху. Головы фигур вплотную примыкают к полочке, которая частично срезает головные уборы. Высота фигур — 35 см.

Карниз сложен из 12 отдельных плит различной ширины. На каждой плите представлена одна сцена. Для каждой сцены подобраны соответствующие ей по размеру камни.

В щипце помещено поясное изображение богородицы с младенцем. К ней с обеих сторон направляется длинный ряд строителей. Богородица, находящаяся в центре композиции, благословляет строителей, их труд (рис. 3).

Мастер, руке которого принадлежат рельефы, не пользовался какими-либо ранее известными примерами. Он изображал реальные моменты строительства данного здания. Рельефы, повествующие об усердной работе строителей, характеризуются большой выразительностью, стремлением правдиво передать реальный сюжет.

Фон композиций гладкий. Фигуры, выполнены высоким рельефом. При свободной расстановке фигур фон максимально заполнен. Почти все фи-

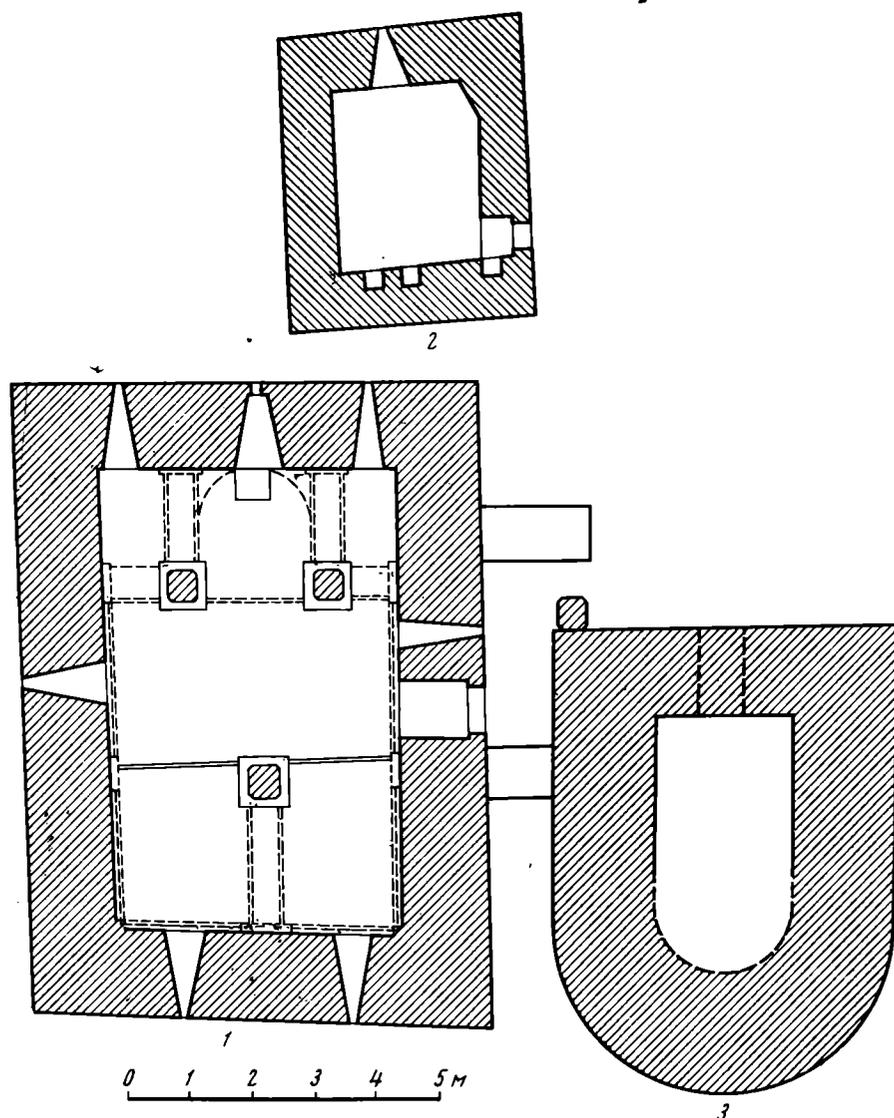

Рис. 2. План комплекса Корого

1 — церковь, 2 — башня, 3 — святилище

гуры даны в момент действия, с соответствующей этому действию жестикующей и наклоном туловища и головы. Фигуры, изображенные в статичных позах, поставлены вертикально (по отношению же к линии самого карниза несколько наклонно).

Головы фигур высечены наиболее высоким рельефом (5—6 см). К ногам рельеф постепенно (до 2,5—3 см) снижается. Головы несколько увеличены в размерах по сравнению с туловищами, что особенно ощущается у фигур с длинными бородами.

Фигуры изображены в фас, три четверти и профиль. Поверхность фигур уплощена, края плавным закруглением переходят к фону. Головы, высеченные в три четверти или профиль, округлые. У некоторых фигур особо рельефно выделены плечи и бедра, иногда подчеркнуты сочленения рук. На лицах резко выделенные носы объединены с четко обрисованной дугообразной выпуклостью бровей, очерчен овал глаз, с точками, обозначаю-

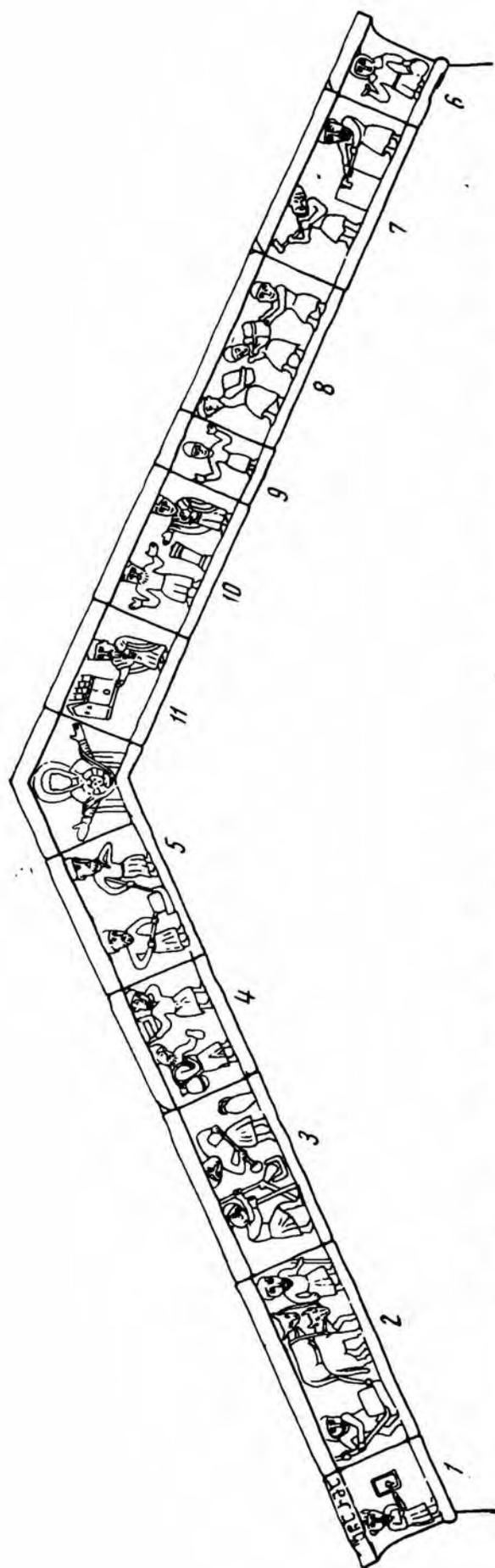

Рис. 3. Схема рельефных сцен, изображенных на карнизе западного фасада храма Корого

Рис. 5. Храм Корого. Деталь рельефа

Рис. 6. Рельефы на правом крыле карниза западного фасада храма Корого

щими зрачки. У некоторых фигур обозначены верхние веки. Особо выделены уши, иногда волосы. У большинства фигур имеются бороды и усы. Бороды длинные (заостренные и раздвоенные) или короткие и закругленные.

Предметы, изображенные на сценах, — модель храма, сани, квадры камней, кувшины — даны таким же высоким рельефом, как и сами фигуры.

Одеяние всех строительных рабочих одинаково — суженные в талии платья (иногда обозначены пояса), наверху гладкие, с длинными рукавами, внизу со сборками (у большинства), длиной по колено, иногда много ниже. Правая половина верхней части платья заходит на левую, что четко прослеживается у некоторых фигур. Шапки круглые. Обувь не обозначена. Две фигуры вправо от богоматери имеют иное одеяние (рис. 3, 10, 11).

На левом угловом камне (рис. 3, 1; рис. 4) стоящая фигура изображена почти фронтально. Ноги поставлены в профиль. Мужчина с длинной бородой и усамп одет в такое же, как остальные рабочие, платье, но шапка несколько другая, она имеет отворот, покрытый вертикальными черточками. За ухом видны волосы, или возможно, опущенный край шапки. Мастер держит обеими руками молоток, которым он обрабатывает четырехугольный камень. Один конец молотка широкий, другой острый, немного закругленный. Квадр слабо рельефный. Его контур срезан косо по отношению к фону. Как изображение квадра, так и форма молотка, которая

применяется для обработки поверхности камня⁴, показывает, что тут изображен каменотес, выполнявший особо ответственные работы⁵.

На втором, широком камне изображена сцена перевоза каменного блока на санях⁶. В небольшие сани впряжены два быка. На санях лежит камень, который передан более высоким рельефом, чем сами сани, что подчеркивает его массивность. Рабочий, который идет впереди, держит в правой руке веревку упряжи, левой опирается на палку. Изображен он фронтально. Движение фигуры передано наклоном ее вперед и широко расставленными ногами. Рабочий имеет длинную раздвоенную бороду и длинные усы.

За санями, вернее рядом с ними, идет другой рабочий. Он обеими руками держит длинную палку, нижний конец которой подложен под камень: рабочий помгает направлять сани по узкой горной дороге и время от времени поправляет камень, чтобы он не свалился с саней. Физическое напряжение человека хорошо передано постановкой всей фигуры — в движении рук, повороте головы, в расставленных ногах (правая, оголенная доверху, согнута в колене) и, наконец, ощущается в легком повороте фронтально изображенного торса. Борода у него закруглена, а не остроконечна, как у впереди идущего, усы менее четко вырисовываются.

Быки изображены в профиль, с повернутыми в фас головами. Они высечены один над другим, так что ноги заднего быка закрыты туловищем переднего. Быки медленно ступают, т. е. находятся в движении, как и оба рабочих. На шее у быков лежит ярмо. От него протянуты оглобли, прикрепленные к саням. Место прикрепления ясно отмечено. Быки изображены высоким рельефом, так же как и человеческие фигуры. Головы выделяются особо. Очерчена линия носа, прочерчены овалом глаза с точками в середине. Высечены отдельно рога и уши, видны длинные хвосты.

Третья сцена особенно интересна по своему смысловому значению. В середине стоит сосуд, показанный в разрезе. В него опущен расширяющийся книзу предмет (прослеживается только его контур), своей верхней частью как-то скрепленный со стержнем, который дан в наклонном положении. Его нижний конец находится у ноги мастера. Мастер руками держится за две стойки. Правый рабочий подносит к сосуду лопату. На краю сцены стоит большой кувшин. Движение ног левого мастера, вытянутые руки, наклон всего торса и особенно головы показывают, что для выполнения работы ему приходится применять физическую силу. Правая фигура также имеет наклон к сосуду, однако движения ее значительно спокойнее.

Четвертая сцена по сюжету, по-видимому, связана с третьей (рис. 3, 4; рис. 4). Правый рабочий несет на плече сосуд, изображенный, как и в предыдущей сцене, в разрезе. Уровень массы в сосуде указан горизонтальной линией, выше которой рельеф немного понижен. Левый рабочий несет на спине большой кувшин, привязанный за веревку, конец которой он держит в правой руке. В левой руке мастера — еще один кувшин.

Обе эти сцены изображают один из видов строительных работ, вероятнее всего приготовление и доставку раствора. В середине сцены помещено какое-то устройство, переданное схематически. Это приспособление, явно механизмирующее процесс, возможно, далекий прототип современной бетономешалки. Один мастер лопатой ссыпает в сосуд материал, необходи-

⁴ Н. Рехвиашвили. Железные орудия для обработки камня. ВГМГ, XVII-Б, Тбилиси, 1953, стр. 62 (на груз. яз.).

⁵ Отличительные черты головного убора, быть может, также подчеркивают характер деятельности этого человека.

⁶ Доставка этих камней на место по узким и извилистым горным дорогам являлась одной из самых тяжелых и трудоемких работ. В статье С. Бедукадзе. «Разработка камня в Мтиулети», МЭГ, V, стр. 45, автор указывает на сохранившиеся предания, в которых упоминается местонахождение каменных карьеров. Эти пункты находятся в окрестностях Корого. Мтиульцы пользуются этими карьерами и сегодня. Добытый камень высокого качества; он применяется для мельниц, молотилок, а также для надгробных плит и др. Автор замечает, что в Мтиулети каменотесы летом занимаются добычей камня, а зимой перевозят его.

мый для приготовления раствора, и из кувшина наливает воду, другой движением ноги приводит в движение лопатообразный предмет, опущенный в сосуд, смешивая или размельчая таким образом массу.

Следующая сцена передает доставку изготовленного раствора на место. Правый мастер несет на плече сосуд с раствором, а левый в большом кувшине — воду, необходимую для смачивания камней (камни вытягивают влагу из раствора, и последний ослабевает). В малый кувшин вода сливается из большого для того, чтобы было удобнее производить смачивание камней.

Изображение или упоминание о такого рода приспособлениях в Грузии более не встречается. Не удалось найти его пока и в доступном мне материале других стран⁷.

Для изготовления обычно применяемого раствора, состоящего из гашеной извести, песка и воды, не нужна большая затрата физической силы, и, следовательно, необходимости в механизации этого процесса в прошлом как будто не возникало. Однако, если предположить, что раствор здесь приготавливался с примесью добавок, требующих размельчения, или же по какой-то особой технологической схеме, то в таком случае применение специального устройства не может быть неожиданным⁸. Вполне допустимо, кроме того, что целесообразность такого устройства заключается в необходимости тщательного перемешивания раствора⁹. Детальное исследование состава растворов, использованных при строительстве комплекса Корого, даст возможность с большей уверенностью подойти к раскрытию содержания этих сцен.

---

⁷ Прибор для изготовления раствора, изображенный на рисунке Леонардо да Винчи, совершенно иной конструкции (Б. П. Михайлов. Леонардо да Винчи архитектор. М., 1952, рис. 47). Особые устройства, используемые на строительстве, начиная с первых веков до нашей эры и на протяжении всей дальнейшей истории, являлись в основном подъемными механизмами, редко — катками (Витрувий. Десять книг об архитектуре. М., 1936, стр. 192; сб. «Эллинистическая техника», М.—Л., 1948; Ю. К. Милон. Строительная техника Византии. Всеобщая история архитектуры. III. Л.—М., 1966, рис. 29, 31, 32, 130 и др.). В грузинских литературных источниках, например, в «Житии св. Нины» (IX в.), упоминается «машина», при помощи которой были подняты и поставлены большие колонны (Ив. Джавахишвили. Материалы по истории вещественной культуры грузинского народа. I, Тбилиси, 1946, стр. 155, на груз. яз.). На миниатюре XII в. (рукопись Н-65) изображен подъемник (Ш. Амиранашвили. Грузинская миниатюра, М., 1966, табл. 64).

На основании этнографического материала С. Бедукадзе. (Орудия и способы обработки камня... стр. 190, на груз. яз.) попыталась найти иное раскрытие данных сюжетов. Автор предполагает, что на третьем камне изображен вожной молот для толчения взрывчатого вещества, применяемого сегодня в Мтиулети на карьерах для добычи камня взрывным путем. С. Бедукадзе указывает на близкие по конструкции приспособления, сохранившиеся в этнографической среде Грузии, предназначенные для приготовления пороха. Изображенные на четвертой сцене три сосуда, возможно, как пишет автор, содержат три составные части взрывчатки: селитру, серу и уголь. Предложенное С. Бедукадзе разъяснение третьей и четвертой сцен нам не кажется убедительным, поскольку автор связывает свое объяснение со сложным вопросом о времени распространения в Грузии взрывчатого вещества, пока мало изученным. Кроме того, предложенные С. Бедукадзе сюжеты выпадают из общего содержания сцен всего фриза.

⁸ В книге И. Л. Значко-Яворского (Очерки истории вяжущих веществ от древнейших времен до середины XIX в., М.—Л., 1963) приведены результаты исследования большого количества растворов. Среди них даны сведения о грузинских памятниках, находящихся в основном в зоне Черноморского побережья. В виде добавок автором здесь указаны цемянка и карбонатные наполнители. В памятниках других стран известны добавки в раствор каменноугольной золы, пережженных костей, сажи из каминов и т. д. Это разнообразие добавок указывает на отсутствие в средние века установившихся представлений в этой области. Автор приводит примеры сухого гашения извести в местах, где имеются залегающие глинистых известняков.

⁹ Интересны высказывания В. М. Северегина о том, что твердость и долговечность мертеля (раствора) объясняется применением пуцолланы и тщательным перемешиванием: «был месим несколько дней сряду», а мертель с золой Турне (достается из топков известковых печей), по словам Северегина, «требует сильного колочения» (И. Л. Значко-Яворский, Ук. соч., стр. 355).

В пятой сцене повторен момент перевоза камня на санях, но на ручных (рис. 3, 5; рис. 4). Передний рабочий тянет сани за веревку, перекинутую через плечо. Сзади идет второй рабочий, который палкой подталкивает камень и поправляет его.

Описание рельефов на правом крыле карниза начинаем с юго-западного угла. На угловом узком камне (шестом по нашему счету) изображена фронтальная фигура (рис. 3, 6; рис. 6). В левой руке она несет предмет, похожий на корзину (место это повреждено, прослеживается лишь контур), а в правой, поднятой, держит как будто чашу (здесь камень также поврежден). Платье этой фигуры такое же, как у остальных, однако оно очень длинное и с поясом в виде жгута. Головной убор иной, спускающийся на плечи. Подобный головной убор, закрывающий шею, принят был в Грузии, по-видимому, для женщин¹⁰. Что здесь изображена именно женщина, показывает также длина платья и декоративно обработанный пояс. Женщина эта в левой руке несет строителям в корзине пищу, а в правой — сосуд для воды или вина.

На седьмом камне представлена сцена раскалывания камня (рис. 3, 7; рис. 6). В середине изображен большой, квадратный блок. Правый каменщик заложил, как обычно бывает, в заранее сделанное углубление молот, по которому левый приготовился бить другим тяжелым молотом. Правый каменщик, с вытянутыми руками, повернутой в три четверти головой и поставленными одна перед другой ногами, ожидает удара тяжелого молота, а левый, с расставленными в разные стороны ногами (что придает его фигуре большую устойчивость), замахнулся молотом, и от применяемого им усилия его туловище, особенно голова, получили наклон. Обе фигуры имеют длинные бороды и усы. На восьмом камне три фигуры (рис. 3, 8; рис. 6). Двое рабочих, согнувшись, несут на спине камни, третий помогает. Первый руками придерживает камень, у второго камень обвязан веревкой, концы которой он держит в руках. Помощник придерживает камень, чтобы он не соскользнул вниз. Все три фигуры представлены в профиль. У первого голова в профиль, у второго — в три четверти, третий смотрит на нас. Все фигуры бородатые. Лица их повреждены, особенно в нижней части. Наклон фигур, их расставленные ноги создают впечатление движения: рабочие идут.

На девятом, узком камне изображен мужчина с воздетыми руками, в позе моления (рис. 3, 9; рис. 6). Деталью своего одеяния он не отличается от остальных. Лицо его немного повреждено, но округлость подбородка заставляет предполагать существование небольшой бороды. То, что эта фигура изображена на отдельном камне в позе моления, рядом со сценой освящения церкви (см. ниже), дает основание думать, что тут изображено лицо, которое выполняло более ответственную работу на строительстве, чем мастера-рабочие.

В «Житии Серапиона Зарзмели» (X в.) приведены подробные сведения, касающиеся организации строительства. Во главе строительства, сказано там, стояли хуротмодзгвари — архитектор и зедамхедвели — смотритель¹¹. Можно предположить, что на этом камне изображен зедамхедвели.

На десятом камне в середине изображен алтарь, по бокам которого стоят двое мужчин (рис. 3, 10; рис. 6). Правая фигура, с накинутой поверх платья мантией, протягивает обе руки к алтарю. Правая рука, которая находится над алтарем, несколько увеличена в размере. Левая фигура с воздетыми руками одета так же, как описанные выше мастера. Сцена эта передает момент освящения церкви — ритуал, который выполнялся до

¹⁰ Например, рельефы в Вале (Р. Мепишвили. Храм в с. Вале и два основных периода его строительства. «Ars Georgica», 3, Тбилиси, 1950, табл. 12), Петобани (Н. Аладашвили. Ук. соч., табл. 32), Цкаростави (МАК. XII. М., 1909, табл. IX).

¹¹ Памятники древнегрузинской агиографической литературы; перевод и редакция К. С. Кекелидзе. Тбилиси, 1956, стр. 90.

Рис. 7. Храм Корого. Изображение ктитора на карнизе западного фасада

начала строительства и после По «Житию Григория Хандзийского»: — «Освятили они места святых церквей и заложили основание» и после окончания увидел Григорий, что «церковь заканчивается и готова для освящения». Поскольку на камне изображен алтарь, нужно полагать, что сцена передает момент освящения церкви после окончания строительства, так как до начала строительства место обычно освящали крестом¹². Правая фигура, по-видимому, священнослужитель, а левая, не отличающаяся своим одеянием от остальных мастеров, но занимающая почетное место рядом с алтарем, представляет, возможно, архитектора. Обе фигуры имеют длинные бороды.

На одиннадцатом камне рядом с богородицею изображен ктитор с моделью церкви в правой руке (рис. 3, 11; рис. 7). Он в гиматии, подобно священнослужителю. Отличается от остальных шапка ктитора. Она ровная, с плоским донышком и опущена над ухом. Борода у ктитора длинная, раздвоенная. С такой же тщательностью, как все остальное, передает мастер модель храма, выполненную высоким рельефом. Внизу выделен цоколь, наверху — карниз. На кровле изображены лещадные плиты. По продольному фасаду обозначены дверь и окно, по торцевому — два окна. Модель большая, высотой в половину фигуры и благодаря высокому рельефу резко выделяется.

Богородица, занимающая центральное место композиции, дана в символическом изображении «Знамения» (рис. 8). На груди — оглавное изображение младенца. Отведенное для богородицы поле в шипце возвышается над остальным рельефом карниза, и благодаря поясному изображению она крупнее остальных фигур, чем подчеркивается ее значение во фризе. Воздетые руки богородицы с увеличенными кистями особо подчеркнуты. Выполненная в общем в той же манере, что и остальные рельефы, эта внушительная фигура выделяется несколькими чертами — тонким ликом и мягкими складками мантии, но при этом обращает внимание оде-

¹² Георгий Мерчули. Житие Григория Хандзийского. Тексты и разыскания по армяно-грузинской филологии. VII, СПб., 1911, стр. 113, 116 сл.

Рис. 8. Изображение богородицы в щипце карниза западного фасада Корого

ревенелость жеста и жесткость складок рукавов. Можно предположить, что мастер, выполняя это изображение, воспользовался готовым образцом. Иконографический тип «Знамения» в Грузии не известен, вернее сказать, пока не выявлен¹³.

Кроме рельефного фриза западного фасада в храме близ Корого сохранились скульптурные изображения на столбе и капители. Оба эти фрагмента, встроенные ныне в стены небольшой южной пристройки позднего времени, первоначально, по-видимому, относились к портику. На передней грани столба, украшенного по углам валиками, высечена большая, высотой в 1 м, фигура. Поверхность фигуры повреждена, дошли до нас лишь общие ее формы. Фигура высечена высоким рельефом: голова выступает из фона на 12 см. Верхняя часть головы плоская; возможно, это донышко такой же шапки, как у ктитора, изображенного на карнизе. Фигура одета в длинное платье. Руки с небольшими кистями простерты вправо. Ноги поставлены в профиль. Поверхность фигуры уплощена. Это наиболее крупное скульптурное изображение памятника. Здесь, вероятно, представлен один из участников строительства, либо какое-то историческое лицо. Повреждение этого крупного изображения тем досаднее, что подобные изображения в грузинской скульптуре до нас дошли лишь в единичных случаях.

Рельефы, имеющиеся на капители этого столба, значительно лучше сохранились (рис. 9). На передней стороне капители стоят в ряд три фигуры. Капитель поверху завершена высокой полочкой, а по низу ограничена витым валиком. Для создания достаточного поля для фигур полочка обозначена только в левой части, а валик — лишь в правой половине. Фигуры отличаются большими головами, сравнительно узкими плечами, небольшими кистями рук и непропорционально малыми ступнями ног. Первая справа фигура самая большая, средняя меньше, а крайняя самая маленькая. Правая фигура в левой руке держит большой предмет четырехуголь-

¹³ В Византии подобный тип был распространен в X—XII вв. (Н. П. Кондаков. Иконография богородицы. II. СПб., 1915, стр. 105). В Грузии сохранились иконы «собора» архангелов с изображением Христа в медальоне. (Г. Н. Чубинашвили. Грузинское чеканное искусство, стр. 602).

Рис. 9. Рельефное изображение на капители храма Корого

ного очертания. Правая рука у нее лежит на груди. Две меньшие фигуры стоят с молитвенно простертыми руками.

Выполняя рельефы карниза, мастер учитывал их возможное обозрение только издали, поэтому разработаны они общо, к выполнению же рельефов капители, которые обозревались вблизи, он подошел несколько иначе. Детали здесь проработаны тщательнее, одежда дана большим количеством складок, достаточно подробно переданы детали костюмов — обувь, шапки. На лицах крупные глаза обрисованы тонкой выпуклой линией, передающей веки. Обозначены кружками зрачки. Брови сильно рельефны (носы у всех отломаны). У первого мужчины поверх платья накинута мантия. Шапка точно повторяет фасон шапки ктитора, изображенного на карнизе. Платья двух других фигур, с обильными складками, опоясаны ниже талии. На рукавах прослеживаются нашивки¹⁴.

Круглые шапки наверху завершены пуговками. Шапка средней фигуры имеет отворот. Из-под шапки, над ухом, видны волосы. У первых двух фигур обозначены башмаки. Они высокие, со швом сбоку и вокруг ступни. У правой фигуры подбородок несколько припухлый, так, по-видимому, передана небольшая борода. Две другие фигуры без бороды. Это юноши.

Четырехугольный, высоким рельефом (4 см) выступающий предмет, который держит первый мужчина, имеет плоскую поверхность. Внутри его контура тонкой линией прочерчен второй четырехугольник, завершенный поверху трехлопастной линией (левая часть ее немного повреждена). Рельефы в целом, так же как и поза каждой фигуры, передают известную композицию моления. Следовательно, предмет, который держит первая фигура, должен по смыслу соответствовать модели церкви, которая часто представлена в таких сценах и которую мы видели на карнизе нашего храма. Четырехугольная форма предмета с трехлопастным верхом наиболее близко передает план церкви с тремя абсидами с востока.

¹⁴ Нашивки на рукавах встречаются в виде инсигний и как украшение (Ив. Джавахишвили. Материалы к истории материальной культуры грузинского народа. III, IV, Тбилиси, 1962, стр. 152, на груз. яз.).

Одного общего сходства по начертанию было бы, конечно, недостаточно, если бы мы не имели в грузинских источниках неоднократных упоминаний о том, что здания здесь строились по заранее задуманному плану.

Вопрос о том, какой материал в древности служил архитекторам основным при возведении зданий, до сих пор является предметом обсуждения, поскольку ни один из дошедших до нас рисунков по своему характеру не дает возможности предположить, что он мог быть рабочим чертежом. То же самое можно сказать про модели, выполненные в камне и изображенные на стенных росписях, в той или иной мере обычно отличающиеся от натуры.

Материал, который дошел до нас, различного времени и носит различный характер. К III—II тысячелетию до н. э. относятся несколько планов (план, изображенный на доске, лежащей на коленях статуи Гудеа, план вавилонского дома и план гробницы Рамзеса)¹⁵, к эллинистическому времени — делосская надпись 279 г., в которой говорится об изготовлении доски для черчения¹⁶, затем — указания Витрувия о пропорциональном построении зданий по принципу модульной системы¹⁷ и работы ряда древних авторов, в которых указаны расчеты сооружений и механические устройства для строительства¹⁸.

От времени, более близкого ко времени постройки церкви у Корого, сохранился план монастыря св. Галлы (IX в.), который является либо реальным, планом, либо идеальным¹⁹, а также сведения армянских историков, упоминающих, в связи с проведенными Трдатом восстановительными работами св. Софии в Константинополе, о предварительно выполненном плане и модели купола²⁰.

Материал этот несколько увеличивается лишь с XII в., а в период XIII—XIV и XV вв. мы имеем уже не отдельные примеры, как раньше, а целые собрания изображений²¹.

Ю. К. Милонов в работе, посвященной строительной технике эпохи раннего и зрелого средневековья, высказывает предположение, что строительство такого сложного сооружения, как София Константинопольская, не могло быть осуществлено без предварительно выполненных чертежей. Далее автор приводит сведения относительно строительства Миланского собора и замечает, что проектирование его продолжалось в течение всего строительства²².

На основании данных русской метрологии и анализа найденных при археологических раскопках изображений «вавилонов» Б. А. Рыбаков предлагает интересное раскрытие методов выполнения чертежей древнерусскими зодчими в XI—XII вв.²³ Вопросам роли и характера чертежей в строительной практике России и Западной Европы посвящен за последние годы ряд статей²⁴.

Пьер дю Коломбье в специальном исследовании, основанном на материале, сохранившемся в Западной Европе, приходит к заключению, что

¹⁵ Б. П. Михайлов. Витрувий и Эллада. М., 1967, стр. 34, рис. 7, 8, 9.

¹⁶ Сб. «Эллинистическая техника», стр. 58.

¹⁷ Витрувий. Десять книг об архитектуре, I, 3 и др.

¹⁸ А. В. Мишулин. Греческие полиоркеттики об искусстве осады городов — Апполодор, Афинея, Аноним Византийский. ВДИ, 1940, 3—4, стр. 390; Th. Vesck. Beitrage zur Geschichte des Maschinenbauers. Berlin, 1900.

¹⁹ Pierre du Colombier. Les chantiers des cathédrales. Paris, 1953, стр. 63.

²⁰ К. Л. Оганесян. Зодчий Трдат. Ереван, 1951, стр. 89.

²¹ Особого внимания среди них заслуживает альбом Виллара д'Оннекура — собрание рисунков, хранящихся в Вене (Album de Villard de Honnecourt... par J. V. A. Lassus. Paris, 1968), и др.

²² Ю. К. Милонов. Всеобщая история архитектуры. III, стр. 182; IV, Л.—М., 1966, стр. 653.

²³ Б. А. Рыбаков. Архитектурная математика древнерусских зодчих. СА, 1957, I, стр. 83.

²⁴ А. А. Кузин. Чертежное дело в России (до XVIII в.). Тр. ИИЕТ, 2, М., 1955, стр. 131; В. П. Зубов. К вопросу о роли чертежей в строительной практике западноевропейского средневековья. Тр. ИИЕТ, 7, М., 1956, стр. 233.

существовали определенные методы (возможно, сохраняемые в секрете), благодаря которым архитекторы могли в процессе строительства производить уточнение рисунков, т. е. существовали возможности, основанные на расчетах и геометрических построениях, позволявшие архитекторам возводить сооружения, пользуясь небольшими и неточными изображениями. Рисунки, по мнению автора, вероятно, делались и для того, чтобы показать заказчику замысел будущего здания²⁵.

По сведению грузинского агнографа Василия Зарзмели, Серапион, т. е. заказчик, решил сам изобразить храм и дал это изображение архитектору, который должен был им руководствоваться²⁶.

Поскольку план является основным чертежом для возведения здания, естественно, что изображения, дошедшие до нас от раннего времени, представляют именно планы, а от более позднего — непременно включают планы в общий комплекс рисунков того или иного здания. Воспроизведение планов на рисунках не могло быть затруднительно для мастера. Ведь после подготовки строительной площадки на ней делали разбивку плана (очевидно, шнуром и кольями), возможно, по модульной системе, т. е. путем откладывания определенных отрезков в длину и ширину; когда был готов фундамент и на нем начинали возводить стены, вскоре полностью очерчивался и план здания. Таким образом, он представлял не абстрактную, а существующую в натуре фигуру, и изображение его в уменьшенном виде было вполне доступно мастеру.

Каменные модели храмов известны в большом количестве. Храмы на стенных росписях изображены в основном в символических сценах (ктитор преподносит модель церкви святому), представляющих верность служению святому, во имя которого построена церковь. Изображение таких моделей для художника или скульптора также не являлось трудной задачей, поскольку он воспроизводил, в меру своих возможностей, уже существующее здание. При этом от художника, по-видимому, требовалась передача лишь приближенного сходства с натурой.

План, изображенный на капители храма близ Корого, как и макет, высеченный на западном фасаде здания, также не представляет точного воспроизведения здания. Церковь с востока имеет только одно абсидальное закругление, а не три, как это дано на рисунке плана. Не показаны здесь и столбы. Мастер в данном случае прибегнул к совершенно необычной вообще (и, очевидно, для него также) передаче изображения церкви. Он изобразил ее план в виде общей, схожей с натурой картины²⁷.

Фигуры, изображенные на капители, судя по одежде, относятся к лицам высшего сословия (в подобной одежде изображались правители в X—XIII вв.)²⁸.

Композиция западного фризa продумана и цельна. В центре ее фронтальная фигура богоматери. К богоматери направляются следующие одна

²⁵ Fierre du Colombie. Ук. соч., стр. 64—67.

²⁶ Ранняя феодальная грузинская литература, стр. 179. Аналогичные сведения встречаем относительно строительства Георгиевского собора в Юрьеве. Летописец сообщает: «сам князь бѣ мастер», см. Б. А. Рыбаков. Ремесло древней Руси. М., 1948, стр. 431.

²⁷ Церковь в Корого, как было отмечено выше, в отношении построения внутреннего пространства (с тремя столбами) представляет совершенно необычное здание. Подобных решений нам найти не удалось не только в Грузии, но и за ее пределами. Возникает вопрос, не начертил ли план церкви Корого один из ктиторов, подобно тому, как это сделал Серапион Зарзмели. Быть может, именно этот момент отражен на рельефе; ктитор держит в руках план. В тех случаях, когда мы имеем изображения двух ктиторов, они либо оба держат в руках по модели, например в Ошки (Е. Такайшвили. Археологическая экспедиция 1917 г. в южные провинции Грузии. Тбилиси, 1952, табл. 54), либо оба держат одну модель, например в Пестобани, Шепяке (Л. Рчеулишвили. Один из памятников X в. в Триалетском эрц-стве, «Ars Georgica». 6. Тбилиси, 1963, табл. 72, на груз. яз.) и др.

²⁸ Ив. Джавахишвили. Материалы к истории материальной культуры грузинского народа. III—IV; Чопикашвили. Грузинский костюм. 1964 (на груз. яз.).

за другой фигуры. По углам композиция фланкирована фронтальными статичными фигурами, замыкающими движение. Нижний валик карниза служит основанием всех композиций.

По особенностям своего исполнения рельефы памятника могут быть разделены на три группы: 1) богоматерь, скопированная с готового изображения; 2) ктиторские изображения, в основе которых лежат готовые схемы; 3) большое количество изображений, передающих труд строителей. — результат творчества самого художника. Эта последняя группа рельефов наиболее интересна.

Совершенно особый характер заказа — изображение процесса строительства данного здания и полное отсутствие каких-либо догматических установок — дали возможность мастеру с полной свободой подойти к решению возложенной на него задачи. Значение фриза для строителей храма ограничивалось его сюжетной стороной. Отсюда строго деловой подход к передаче сюжета и отказ от декоративных приемов в его разработке. Построение каждой сцены ставит целью возможно яснее раскрыть действие. Этим обусловлена постановка фигур, движение их рук, ног, торса, головы.

Умение свободно расставить фигуры и придать им нужное движение дало возможность мастеру убедительно передать изображаемые трудовые процессы.

Порожденное новой христианской идеологией искусство Грузии, в частности скульптура, прошло свой путь развития. Памятники скульптуры V—VI вв. еще носят воспринятые от раннехристианского, античного и древнеперсидского искусства черты, пересмысленные на базе грузинского народного творчества. В VIII—IX вв. скульптура отбрасывает эти навязанные извне особенности и становится на самостоятельный путь освоения пластических форм. Художественная особенность произведений этого времени еще заключается в плоскостности и графичности выполнения. Сложный процесс пластического развития был пройден на протяжении X в. и завершен в первой половине XI столетия²⁹.

Основное достижение X в. — переход от плоскостного решения к объемной фигуре, т. е. от линейности к пластичности. Эта тенденция с полной остротой выявилась уже в начале X в., затем интенсивно развивалась на протяжении столетия путем высвобождения фигур от подчинения фону и замены приемов экспрессивной выразительности пластической выразительностью.

Как всякий период становления, X в. сложен тем, что дает картину не равномерного развития, а некоторые забегания вперед или отставания. На протяжении X в. понятие эмоциональности нередко выражалось и в увеличении размеров голов и рук, и в линейной манере исполнения. Периодом проявления новых исканий на фоне еще не изжитого старого является рубеж X—XI вв.

Массивные, резко выступающие фигуры церкви Корого самостоятельно осмысленны в пространстве и резко противопоставлены фону. Стремление к выявлению объемных форм, характеризующее эпоху X в., обозначено здесь не только высоким рельефом фигур, особенно голов, но и оформлением фигур скульптурно. На некоторых изображениях прослеживается развитие в сторону многоплановости, выражающей более сложные пластические измерения. Например, на третьей сцене у левой фигуры округлая спина, выделенное правое плечо и особенно правое бедро составляют первый план изображения. Второй план дан в пониженном рельефе — левая рука и левая нога. В сцене перевоза камня на санях задняя фигура поставлена за санями, т. е. мастер дает третье измерение, направляет картину вглубь. Эти особенности выполнения рельефов вместе с

²⁹ Г. Н. Чубинашвили. Болниси. Изв. ИЯИМК, IX, Тбилиси, 1940, стр. 155, 188; его же. Памятники типа Джвари, стр. 145; его же. Грузинское чеканное искусство, стр. 605.

свободной расстановкой фигур, отсутствием скованности движения, при экспрессивном подчеркивании сюжетной стороны изображений указывают на период последней четверти X в. Учитывая отдаленность Корого от центральных районов, т. е. возможное отставание от основной линии развития, мы, быть может, не ошибемся, если появление этих рельефов отнесем ко времени рубежа X—XI вв.

Население Грузии, которое жило в нагорных местах, в глубоких ущельях Большого Кавказского хребта, — сваны, хевсуры, мтиульцы и др., — в политическом, социальном и экономическом отношении развивалось несколько отлично от основных, относительно равнинных, районов.

Мтиулетин являлся частью феодальной Грузии. Но Мтиулетин и ряд других горных районов не был полностью втянут в процесс феодализации страны, начавшийся в VI в. и достигший своего наивысшего развития в X в. Борьба между пережитками первобытнообщинного строя и феодализмом не прекращалась здесь на протяжении всей истории феодализации Грузии, что отражено в этнографической действительности и прослеживается по историческим источникам³⁰. Известно, что мтиульцы в IV в., затем на протяжении многих последующих веков жестоко сопротивлялись принятию христианской религии. Как показывает этнографический материал, в идеологии мтиульцев христианство представлено слитно, совместно с сильными пережитками языческого культа³¹.

Мтиулетин был для грузинского государства географически значительным пунктом. По ущелью р. Арагви проходила дорога, соединяющая Грузию с Северным Кавказом. Мтиулетин был укреплен множеством крепостей. Мтиульцы несли воинскую службу. Благодаря своему расположению в труднодоступной местности Мтиулетин при нашествии врагов служил надежным укрытием для жителей равнинных местностей Грузии. В судебнике, составленном для Мтиулетина по инициативе царя Георгия Блистательного в первой половине XIV в., говорится, что Георгий собрал местных «хевисберни и херованни» и совещался с ними. По возвращении же в Тбилиси он взял с собой управителей Арагвского ущелья: «темис эрставни, хевиставни, хевисберни и херованни»³². Следовательно, в XIV в. Мтиулетин представляет управляемую местными хевисберни и херованни единицу, находящуюся в определенном взаимоотношении с арагвским эрставством. Основной целью составления этой книги было утверждение и упрочнение влияния феодализма в Мтиулетине.

Памятник в Корого дает интересный историко-культурный материал X в. Ктиторы, изображенные на карнизе и капители, — представители высшего сословия; строители, помещенные на карнизе здания, — представители низших слоев населения. Но фигура ктитора, помещенная среди строителей, не выделяется ни своими размерами, ни отведенным ей местом. Все это указывает на установившееся относительное равенство взаимоотношений тех и других. В Мтиулетине и других нагорных районах христианские храмы, заступившие место святилищ, обладали богатым движимым и недвижимым имуществом, охраняемым, используемым и обрабатываемым общиной³³. Можно полагать, что строительство храма в Корого, так живо и реалистично переданное в его рельефах, произведено

---

³⁰ Р. Харадзе. Пережитки общинного управления у мохевцев. Тр. ИИАН ГрузССР, IV, 2, Тбилиси, 1959, стр. 163 (на груз. яз., резюме на русск. яз.); Р. Харадзе, А. Робакидзе. Мтиульское село в прошлом. Тбилиси, 1965, (на груз. яз., резюме на русск. яз.).

³¹ Л. Бочоришвили. Хевсурский Джвари. Материалы к этнографии Грузии, V, 1951, стр. 68 (на груз. яз.); М. Чиковани. История грузинской народной словесности. Тбилиси, 1956, стр. 247 (на груз. яз.).

³² Ив. Джавахишвили. История грузинского права. I, 1928, стр. 95 (на груз. яз.).

³³ В. Бардавелидзе. Земельные владения древнегрузинских святилищ. СЭ, 1949, 1, стр. 92.

членами общины. Подобная сюита изображений, воплощающая процесс строительства, нам более не известна³⁴. Рельефы Корого содержат ценные данные не только относительно строительного искусства Грузии того времени, но и драгоценный материал по вопросу о социальных отношениях в X в.

R. S. Mépissachvili

LES RELIEFS DE KOROGO AVEC DES SCÈNES DE CONSTRUCTION

Résumé

Le monument de Korogo est situé dans la partie nord de la Géorgie, parmi les hautes montagnes de la crête Caucasienne. Il présente un intérêt exceptionnel avec ses reliefs qui rendent le processus de la construction d'une manière expressive et avec beaucoup de sincérité. Les reliefs sont sculptés sur la corniche de la façade occidentale, de même que sur le pilier et le chapiteau. Dans une partie du corniche nous voyons l'image en buste de Notre — Dame avec l'enfant Jésus, et une longue file de constructeurs se dirige vers elle des deux côtés. Onze scènes représentent les différents moments de production.

Les particularités stylistiques et artistiques des reliefs définissent le temps de leur apparition par le dernier quart du X s. ou bien les premières années du XI.

Nous ne connaissons pas d'autres suites pareilles incarnant le processus de la construction.

---

³⁴ Сцены с изображением трудовых процессов встречаются на некоторых памятниках из других стран. Например, несколько сцен с изображением сбора винограда известны в армянском храме Ахтамар (915 г.) Сцены эти здесь, так же как и весь фриз, в который они включены, имеют декоративно-символическое решение. (Seraprie der Nersessian. Aght'amar Church of the Holy Cross. Cambridge, Massachusetts, 1965, табл. 31, 39, 53 и др.).

На портале собора св. Марка (XII в.) изображены сцены различных процессов труда. Появление этих сцен связывается с быстрым развитием ремесел в Венеции, опередившей в этом отношении другие города Италии (O. Demus. The Church of San Marco in Venice. Washington, 1960, стр. 161, табл. 80—83).

Заметки

Ю. А. МОЧАНОВ

ДЮКТАЙСКАЯ ВЕРХНЕПАЛЕОЛИТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА И НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ЕЕ ГЕНЕЗИСА

В сентябре 1967 г. во время работ Приленской археологической экспедиции Якутского филиала АН СССР была обнаружена и частично исследована пещера, получившая название «Дюктайской» (рис. 1). Она расположена на р. Дюктай, впадающей справа в Алдан, в 1030 км от его устья.

Рис. 1. Вид Дюктайской пещеры в процессе раскопок

Максимальная толщина рыхлых отложений, содержащих культурные остатки, достигала в приустьевой части пещеры 4 м. Голоценовые отложения, мощность которых колебалась от 10 до 30 см в пещере и 80—120 см на предпещерной площадке, представлены дерном и лежащей под ним рыхлой коричневатой супесью, насыщенной щебнем. Здесь найдено около 500 костей лося, северного оленя, бурого медведя и других животных, характерных для голоцена Якутии¹. Наряду с остатками фауны зафиксировано около 300 фрагментов керамики, кремневых отщепов, пластин и каменных орудий, относящихся к неолиту и железному веку Алдана. В самом низу голоценовых отложений на отдельных участках обнаружены

¹ Определение О. В. Егорова.

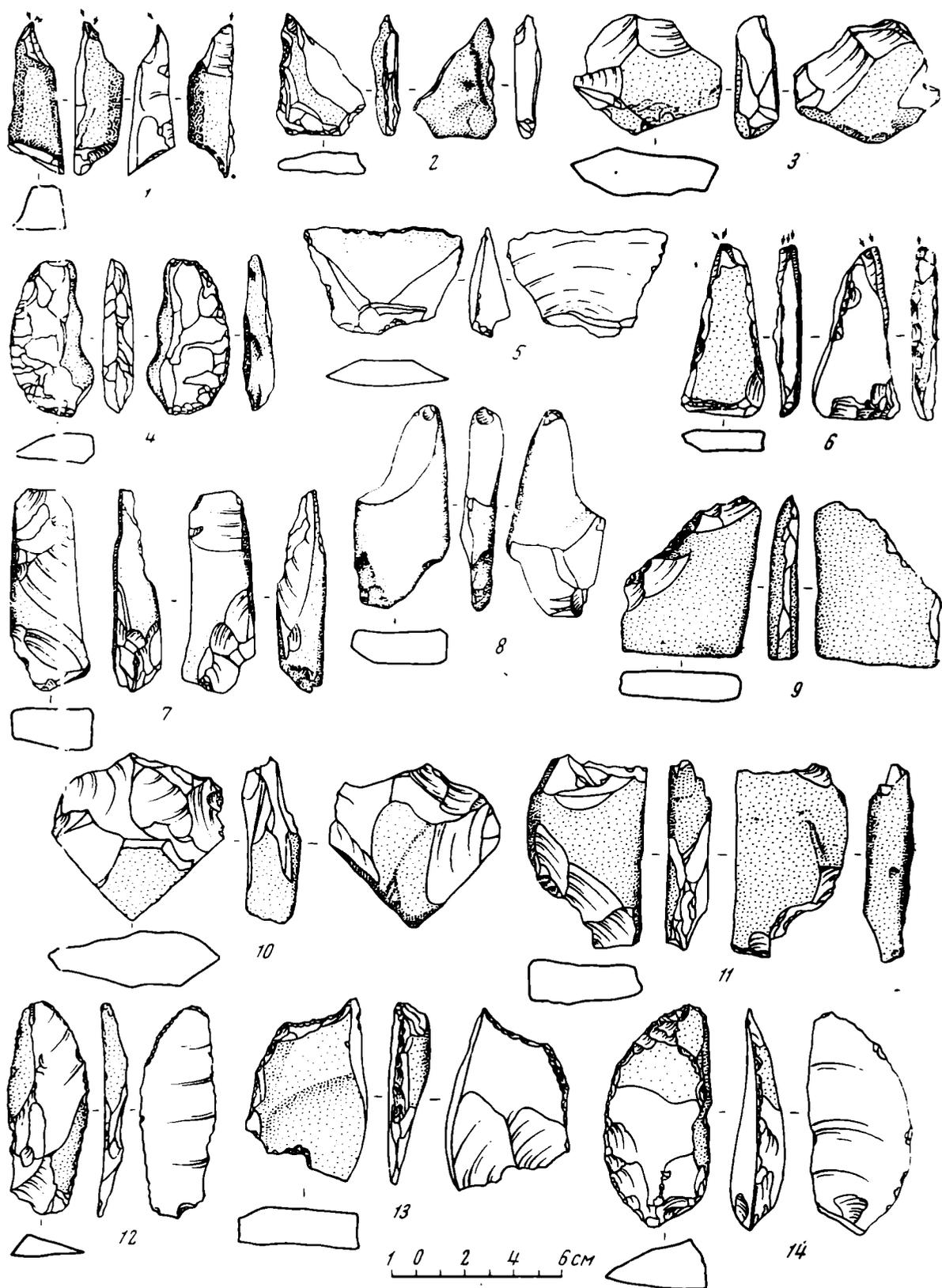

Рис 2. Кремневые изделия из Дюктайской пещеры

единичные изделия сумнагинской культуры, время существования которой на основании стратиграфического положения характерных для нее памятников и многочисленных абсолютных дат определяется VIII—V тысячелетиями до н. э.²

Наибольший интерес представляют находки, сделанные в серовато-желтой супесчано-суглинистой толще, залегающей под остатками сумна-

² Ю. А. Мочанов. Древнейшие этапы заселения Северо-Восточной Азии и Аляски. СЭ, 1969, 1.

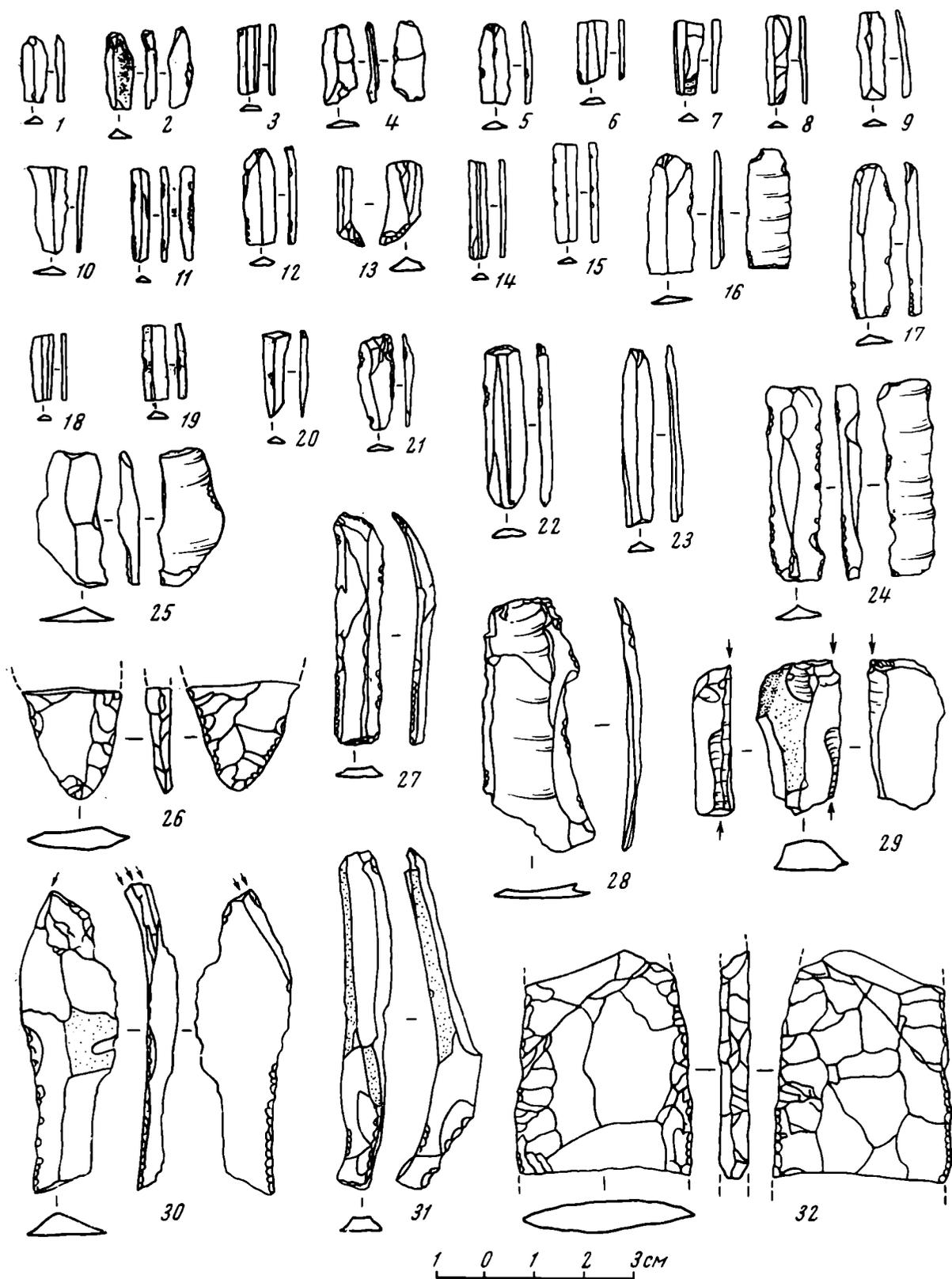

Рис. 3. Кремневые изделия из Дюктайской пещеры

инской культуры. Здесь найдено около 15 000 костей, принадлежащих мамонту, бизону, лошади, овцебыку, копытному леммингу и другим животным, обитавшим в Южной Якутии в верхнем плейстоцене³. Вместе с остатками фауны обнаружено около 10 000 обработанных человеком кремней. находки из отдельных горизонтов снизу вверх заметных отличий пока не имеют. Они скорее всего относятся к единому культурному комплексу.

Среди каменных орудий наиболее характерны двусторонне обработан-

³ Определение О. В. Егорова, Э. А. Вангенгейм и В. С. Зажигина.

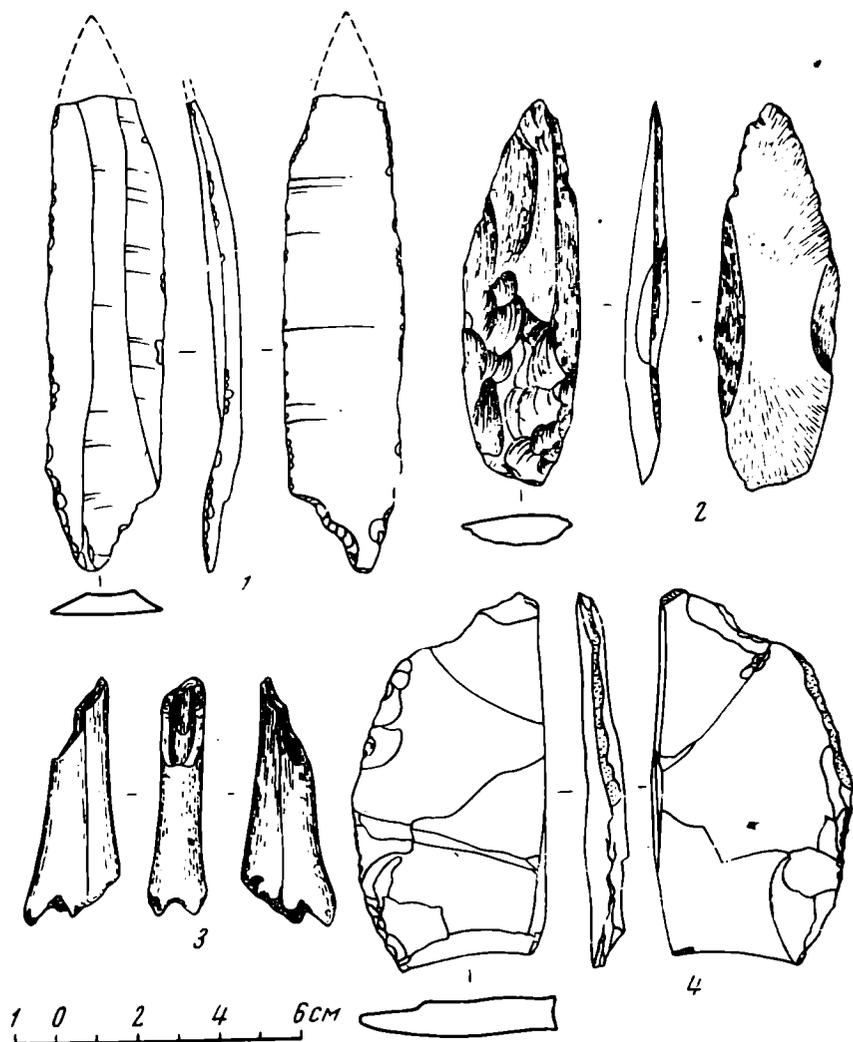

Рис. 4. Кремневые и костяные изделия

1 — кремневый наконечник копья — Усть-Дюктай I; 2 — наконечник копья из бивня мамонта; 3 — обработанная кость; 4 — скребло — Дюктайская пещера

ные кремневые наконечники копий и ножи треугольной и овальной форм; дисковидные, леваллуазские и клиновидные нуклеусы; многофасеточные резцы срединного и бокового типов, массивные полулунные скребла и миниатюрные концевые скребки на пластинах. Кроме того, встречаются односторонне обработанные кремневые овальные ножи и массивные кремневые пластины с боковой выемкой у основания. Из костяных орудий важное значение имеет удлиненно-треугольный, хорошо отретушированный с одной стороны наконечник копья, сделанный из отщепа бивня мамонта (рис. 4 — 2).

Стратиграфически отложения, содержащие каменные орудия, сопровождаемые остатками мамонтовой фауны, относятся ко времени аккумуляции пойменной фации аллювия, формирующего первую надпойменную террасу Алдана. Для средней толщи этих отложений по углю, взятому на предпещерной площадке, получена радиоуглеродным методом абсолютная дата 13070 ± 90 ЛЕ-784.

Отдельные находки, аналогичные изделиям из плейстоценовых отложений пещеры, зафиксированы в 1967—1968 гг. на стоянках открытого типа Усть-Дюктай I, Усть-Билир II и Усть-Миль III. Эти стоянки находятся в среднем течении Алдана и стратиграфически привязываются к пойменным отложениям первой и второй надпойменных террас. Они относятся к верхнему плейстоцену — к сартанскому оледенению, возраст которого в абсолютных датах составляет 10—22 тыс. лет от наших дней.

Своеобразие культурных остатков, обнаруженных в 1967—1968 гг. в пещере и на стоянках открытого типа, их довольно резкое отличие от синхронных им памятников Сибири, очевидно, свидетельствуют, что они относятся к особой верхнепалеолитической культуре Северо-Восточной Азии. Для нее можно предложить название «дюктайская культура».

Для выяснения генезиса дюктайской культуры исключительно важны два обстоятельства. Первое: дюктайский комплекс в настоящее время нельзя прямо вывести ни из одной верхнепалеолитической культуры Сибири. Второе: дюктайский комплекс находит много аналогий на среднепалеолитических памятниках Центральной Азии, в частности, на стоянке Динцунь в Дунбее⁴ и на стоянках Сары-Арка в восточном Казахстане⁵. Для них характерны леваллуазская техника раскалывания камня и хорошие серии ручных рубил ашельского облика. Верхняя граница этих среднепалеолитических памятников, исходя из их стратиграфического положения, сейчас может быть определена примерно в 35—40 тыс. лет.

Отсюда, на наш взгляд, следует вывод, что на Алдане зафиксированы остатки лишь средней и заключительной стадий дюктайской культуры. Остатки ранней стадии, переходной к среднему палеолиту, предстоит еще обнаружить. Они, очевидно, будут встречены как в Южной Сибири, так и в Якутии. Эта уверенность основана на том, что известные сейчас остатки дюктайской культуры имеют очень близкое сходство с изделиями палеоиндейских культур типа сандиа, кловис, лерма, существовавших на юге Северной Америки около 10—20 тыс. лет назад⁶.

Находки дюктайской культуры и палеоиндейских культур относятся к одной культурной традиции, но в настоящее время не могут считаться производными друг от друга. Сходство их, скорее всего, свидетельствует, что они происходят от единого культурного субстрата. Весьма вероятно, что этот субстрат был представлен не обнаруженной еще ранней стадией дюктайской культуры. Открытие и изучение памятников этой стадии будет иметь важнейшее значение для решения проблемы начальных этапов заселения Америки и Северо-Восточной Азии.

---

⁴ H. L. Movius. New Palaeolithic Sites Near Ting-Ts'un in the Fen River. Shansi province, North China. «Quaternaria», Roma, 1956.

⁵ А. Г. Медоев. Каменный век Сары-Арка в свете новейших исследований ИАН КазССР, сер. обществ. н., 6, Алма-Ата, 1964.

⁶ R. E. Bell. Guide to the Identification of Certain American Indian Projectile Points. «Special Bulletin of the Oklachaoma Anthropological Society», 1, 1958; 2, 1960; Ю. А. Мочанов. Древнейшие культуры Америки. СЭ, 1966, 4.

В. А. ПАЗУХИН

МЕДНЫЕ СЛИТКИ ИЗ ОРЕНБУРГСКОГО МУЗЕЯ

Сведения о слитках (табл. 1), которым посвящена настоящая заметка, мне любезно прислал сотрудник музея С. А. Попов вместе с их фотографиями (рис. 1—7) и образцами меди для химического анализа. Химический анализ был выполнен И. Н. Карязиной и Л. И. Блохиной в Институте металлургии АН СССР. Спектральные анализы на примеси в меди мне предоставил Е. Н. Черных (табл. 2).

Первые два слитка (рис. 1, 2) были найдены при прокладке тепловода в г. Соль-Илецке зимой 1952 г. вместе с разбитыми глиняными горшками на глубине 1,6 м. По узорам на горшке, который удалось собрать (рис. 8), А. С. Попов отнес его к андроновской культуре (алакульское время), что определяет, естественно, и возраст самих слитков¹.

¹ С. А. Попов. Археологические находки на территории Оренбургской области. АЭБ, 11, Уфа, 1964, стр. 262.

Третий слиток (рис. 3) случайно обнаружили в 1959 г. в 65 км восточнее Соль-Илецка, около реки Домбар. От места находки этих трех слитков ближайшие древние копи находятся в 60—70 км к северу, близ впадения Бердянки в р. Урал, повыше Оренбурга. Там незадолго до приезда П. С. Палласа открыли Сайгачий рудник. П. С. Паллас встретил при осмотре рудника старинные «ширфы» и штольни, среди которых одна была

Таблица 1

Вес и размеры оренбургских слитков и вес и плотность образцов от них

Номер слитка	Инв. №	Место находки, год	Вес, кг	Поперечник, см		Толщина, см до	Вес, г	Плотность, г/мл		Пористость, %
				от	до			объемная	расчетная	
1	2886/6	г. Соль-Илецк 1959	3,85	23	20	3,0	125,30	7,95	8,75	8,6
2	2886/7	То же 1959	3,35	22	18	2,7	11,53	8,28	8,75	5,0
3	4638	ур. Домбар 1959	2,20	21	18	2,2	16,93	7,80	8,78	11,0
4	5217	с. Белоусовка 1960	2,10	18	18	2,2	13,35	7,70	8,79	12,0
5	2102	д. Алмалы —	1,16	14	13	2,0	14,52	6,73	8,80	23,5
6	24	Неизвестно —	2,00	14	13	2,7	7,43	8,05	8,81	9,0
7	24/40	То же —	1,75	19	16	1,5	11,56	6,70	8,75	23,5
Среднее			2,40	19	16	2,4				

«еще в хорошем состоянии... пространная и во многих местах разработанная»; при расчистке ее нашли «лепишки» сплавленной меди, горшки белой глины, «в которых медь плавил, да костяки засыпанных землей рабочих». Это были, вероятно, погребения в отработанных проходках. С. А. Попов писал мне недавно о штольне на Сайгачем, которая все еще

Таблица 2

Примеси в пробах меди от оренбургских слитков по спектральным и химическим определениям
(в процентных долях или в г/т)

Номер слитка	Свинец	Железо	Серебро	Мышьяк	Никель	Сера
1	0,007	0,035	0,035	0,017	0,0015	0,86
2	0,005	0,04	0,03	0,011	0,0015	0,72
3	0,009	0,070	0,05	0,04	0,0018	0,77
4						0,78
5	0,008	0,008	0,013		0,0016	0,81
6	0,004	0,027	0,07	0,07	0,0009	0,9
7	0,006	0,09	0,05	0,075	0,002	0,71
Среднее г/т	60	440	410	420	16	7920

сохранилась, но археологами не исследована, как и прочие древние копи Оренбуржья. По Палласу, на Сайгачем не было видно ни малейших следов плавильных печей, а о залегании руды он писал: «Опока, в которой руда лежит то твердыми слоями, то гнездами и глыбами», состояла «из рыхлого песчаного шифера (сланца), в котором поверх руды видны слои мягкого вапа» (известняка)².

Четвертый слиток (рис. 4) — случайная находка у дер. Алмалы в верховьях Большого Урала, притока р. Самары³.

² П. С. Паллас. Путешествие по разным провинциям Российского государства. 1. СПб., 1809, стр. 369, 370.

³ П. В. Жуковский. Заявление к протоколу № 15 от 9 дек. 1897 г. Тр. ОУАК, IV, Оренбург, 1898, стр. 35.

Пятый слиток (рис. 5) обнаружили в 1960 г. у дер. Белоусовки на берегу р. Средней Каргалки школьники. Оба слитка оказались на территории обширного и знаменитого в прошлом веке округа Каргаллинских рудников, изобилующего и теперь древними копиями и большими отвалами, протянувшимися полосой на 50×10 км. Там, в древних коях, тоже находили плавленные горшки и другие остатки рудного дела, а нередко и слитки до 20 см в поперечнике⁴. Руда залегает в двух горизонтах: в верхнем — гнездами, на глубине от 2 до 15 м — начисто выработанном в прошлом веке, и в нижнем — почти нетронутым, мощностью до 6 м, на глубине 20—70 м⁵.

От Оренбурга вниз по р. Уралу, близ устья р. Токмаковки, в станции Татищевской (ныне пос. Рычковский) в 1915 г. в овраге, на глубине около метра нашли 22 слитка общим весом 3 пуда 26 фунтов (59,6 кг)⁶. Весь клад поступил в Оренбургский музей, но был впоследствии утерян. С. А. Попов предполагает, что шестой и седьмой слитки (рис. 6, 7) представляют собой остатки клада, хотя вес их (2,0 и 1,75 кг) меньше среднего веса слитков в кладах — 2,7 кг. Однако по составу меди они похожи на прочие слитки из Оренбуржья, и нет причин сомневаться, что медь татищевского клада была примерно того же состава.

Кроме меньших веса и размеров, оренбургские слитки угловатостью и бугристостью с обеих сторон отличаются от гладких снаружи и круглых карагузских чаш-корок и вообще от большинства древних слитков, явно застывавших в тигле или прямо на дне горна. Подобно карагузским чашам, медные слитки, круглые или овальные, снизу более или менее гладкие, а с верхней плоской стороны — бугристые. Таковы, например, слитки Минусинского музея и в их числе один, железистый, толщиной до 5 см и поперечником в 19 см⁷, или слитки примерно от 6,5 до 22 см в поперечнике и весом от 700 до 3300 г из Бериславского клада с Нижнего

Днепра, от которых до нас дошли куски общим весом 24,2 кг, позволившие установить примерный вес и размеры целых слитков⁸. Вероятнее всего,

Рис. 1. Медный слиток из г. Соль-Илецка, инв. № 2886/6.

Рис. 2. Медный слиток из Соль-Илецка, инв. № 2886/7

⁴ б/а. Очерки горного дела в Оренбургской области. Оренбург, 1896, стр. 6.

⁵ А. А. Зеленецкий, И. И. Зяблицкий, В. А. Малютин. Полезные ископаемые Чкаловской области. Оренбург, 1942, стр. 200—202.

⁶ Отчеты и протоколы за 1914 и 1915 гг. Тр. ОУАК, Оренбург, 1917, стр. 42.

⁷ И. В. Богданова-Березовская. Химический состав металлических предметов Минусинского музея. Сб.: «Новые методы в археологических исследованиях». М.—Л., 1963, стр. 267.

⁸ А. В. Добровольский. Бериславский скарб бронзовой доби. «Археология», II, Київ, 1948, стр. 154—158.

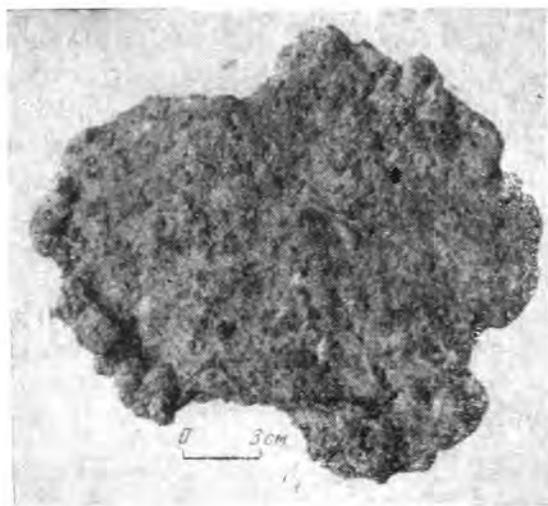

Рис. 3. Медный слиток с реки Домбар, инв. № 4638

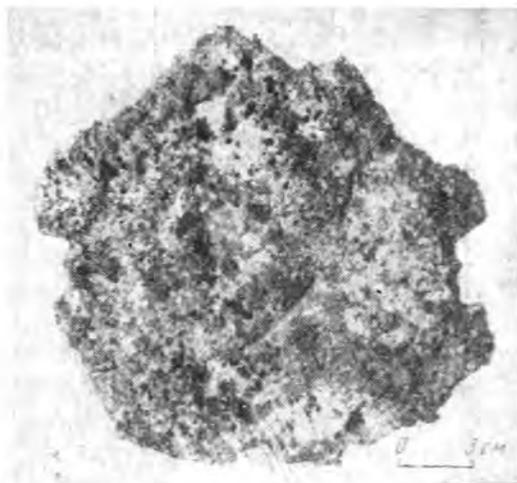

Рис. 4. Медный слиток из с. Белоусовки, инв. № 5217

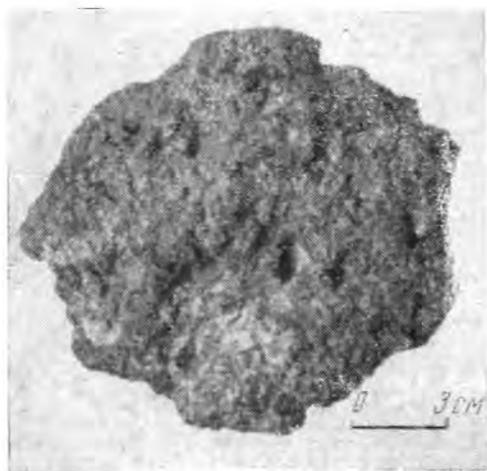

Рис. 5. Медный слиток из дер. Алмалы, инв. № 2102

Рис. 6. Медный слиток неизвестного происхождения, инв. № 24

Рис. 7. Медный слиток неизвестного происхождения, инв. № 24/40

Рис. 8. Глиняный горшок из Соль-Илецкого клада, инв. № 2886/5

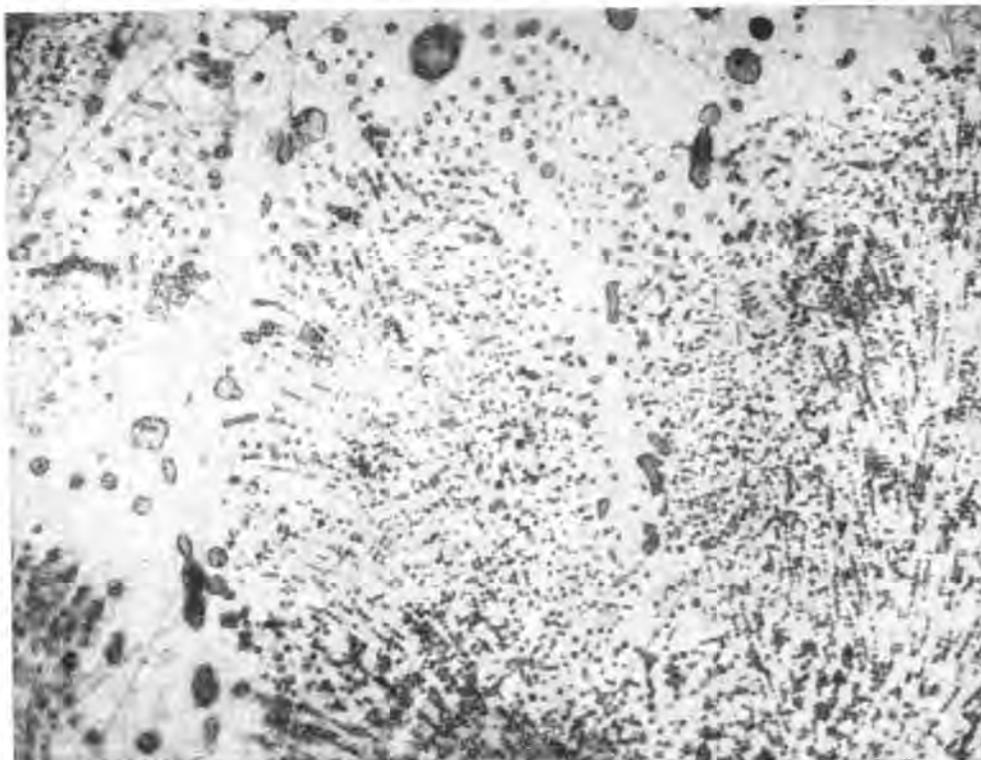

Рис. 9. Микроструктура медного слитка, инв. № 2886/6. Шлиф травленный, ув. 900

оренбургские слитки застывали не в тигле и не в горне, а в случайных углублениях на земле, в которые сразу или по частям сливали выплавленную в тиглях медь, как это делали на Карагузе и на Зюзельке, оставив нам в кладах только корки-чаши.

Примечательно отличие слитков от чаш по составу: медь у всех слитков сернистая и содержит в пересчете на сульфид от 3,6 до 4,7% его, против эвтектики с 3,85% полусернистой меди. В меди же от чаши оказалось всего 0,01% серы или 0,05% сульфида. На всех шлифах образцов от слитков под микроскопом видны включения сульфида двух видов: то они чрезвычайно малые, точечные и рассеяны в толще крупных кристаллитов меди, как видно, например, на микроснимке при большом увеличении (рис. 9), то видны зерна сульфида покрупнее как внутри медных кристаллитов, так и по границам (рис. 10); местами же, особенно на краях образцов, заметны скопления сульфида от первичной кристаллизации и ликвации. Преобладание точечных включений сульфида объясняет, почему при столь сернистой меди образцы слегка поддаются ковке и допускают некоторый наклеп.

Будучи расплавленной, такая медь, окисляясь воздухом, кипит и застывает пузыристой сверху массой; но пористость ее быстро убывает к середине слитка. Так, у крупного обломка от первого слитка средняя пористость (по отношению объемной плотности к истинной с учетом доли сульфида в меди) оказалась 8,6%, а у кусочка меди из середины излома на нем, т. е. дальше от поверхности слитка, пористость была всего 5%, как и у многих ваводских слитков. Таким образом, древнее литье из сернистой меди могло быть достаточно плотным и прочным. Только два малых образца от слитков 4 и 6 оказались с пористостью по 23,5%, у прочих же она была от 13 до 19%.

По прочим примесям медь во всех оренбургских слитках также была очень похожей. Из малых примесей преобладают железо, серебро и мышьяк (в сотых долях процента), а доли никеля и свинца — на один порядок меньше. В столь сернистой меди, которая заведомо не очищалась окислительным плавлением, примесей железа не больше 0,09%, значит, медь выплавлялась из сернистых руд, с весьма малой долей железа и малыми про-

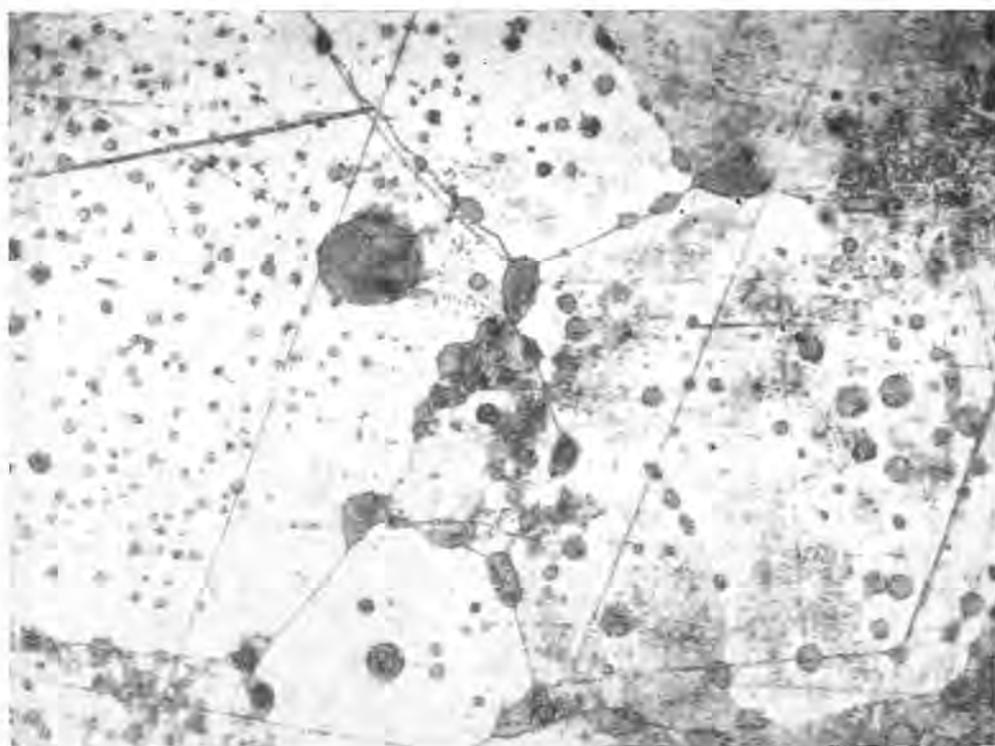

Рис. 10. Микроструктура медного слитка, инв. № 2886/7. Шлиф травленный, ув. 340

чими примесями. Наоборот, упомянутый выше минусинский слиток с 1% железа в меди происходит из железистой руды, первичной или вторичной — сказать пока нельзя, не зная доли серы в нем.

Бесспорно, что музейные слитки происходят из первичных или смешанных руд пластовых месторождений Оренбуржья и, быть может, из смежных разработок. В таких месторождениях первичное оруденение представлено обычно, и особенно в верхних частях, медным блеском с малыми примесями, а в смешанных рудах, переходных к окисленным, его спутниками бывают красная медная руда, малахит и реже самородь⁹. Медный блеск в них то вкраплен мелкими серо-голубыми зернами (руды-голубники), то округлыми стяжениями — «пупками» или «пульками», похожими на свинцовые (руды-пульники)¹⁰, то образует метаморфозы по ископаемой древесине, до стволов включительно, полностью затем окремнелой. В прошлом веке на Каргалинских рудниках такие скопления встречали нередко, а пульники бывали рядовой рудой. Вообще в тех округах первичные пластовые руды залегают глубоко, но местами их могли достигать и древние горняки. Они добывали их предпочтительно перед вторичной рудой, так как «пупки» медного блеска легче отделять от пустой породы, чем малахит, хотя, быть может, часть отходов приходилось толочь, чтобы отмыть от пустой породы остатки сульфида. Было бы большой удачей найти при обследовании археологами сохранившихся древних проходов, забои с первичной рудой.

Известен лишь один пример древних разработок типичного пульника. Они открыты по вади Тимме на Ближнем Востоке. Там, на обрывах среди железистых рыжих пластов, выходит пласт белого песчаника, оруденелого «пупками» медного блеска, частью окисленных снаружи. Руду там добывали широкими, но низкими и короткими проходками. По плавильным и прочим находкам там выделили два периода медной плавки. В древнейшем,

⁹ В. И. Вернадский. Опыт описательной минералогии. II, Собр. избр. соч., III, М., 1959, стр. 259, 378.

¹⁰ Антипов. Характер рудоносности и современное состояние горного, т. е. рудного дела на Урале. Горный журнал, 2, СПб., 1860, стр. 157.

восходящем к раннему медному веку, отобранную руду, сперва растолченную и отвеянную от пустой породы, насыпали на костер из сучьев (или угля) акации и после медленного прогревания для обжига, хотя бы наполовину, спекали и оплавливали по мере раздувания жара горячим ветром пустыни. Спек толкли, чтобы отвеять остатки от медных королек и сгустков, и затем переплавляли последние в тигле. Позже руду плавил с дутьем на медь, застывавшую в горне-ямке¹¹.

В Оренбуржье добыче первичных руд, очевидно, предшествовала более или менее длительная разработка руд окисленных. Медь из таких руд выплавляли, как доказано раскопками андроновских поселений, в плоских тиглях на ножке и в горне ямкой¹².

Кроме того, в Оренбуржье могли выплавлять сернистую медь и из медного блеска, после обжига его томлением на тигле-плошке.

¹¹ B. Rothenberg. Copper Industries in the Western Arabah. «Palestin exploration quarterly», XCIV, 1962, стр. 57—59.

¹² П. А. Дмитриев, К. В. Сальников. Археологические работы на трассе Уфа — Ишимбай. АИР, Л., 1941, стр. 131; О. А. Кривцова-Гракова. Алексеевское поселение и могильник. Тр. ГИМ, XVII, М., 1948, стр. 105, 106.

Н. В. ЛЕОНТЬЕВ

КУНДУСУКСКИЕ РОСПИСИ

Несмотря на сравнительно хорошую изученность Хакасско-Минусинской котловины, ее южные окраинные таежные районы остаются на археологической карте почти сплошными белыми пятнами. В 1961 г. геологами Минусинской комплексной экспедиции в верховьях р. Амыла на правом берегу, в 1,5 км ниже устья р. Кундусук, в 120 км выше с. Верхний Кужебар — ближайшего населенного пункта на краю тайги — и в 30 км к северу от основной цепи гор Саянского хребта, были замечены две скальные росписи. Предварительный их осмотр, произведенный в 1965 г., показал, что помимо этих двух изображений на скале есть еще значительное количество рисунков, выполненных красной охрой. Обследование их было завершено в 1967 г.

Скала, на восточном склоне которой располагаются росписи, сложена из коренных горных пород девонского происхождения. Высота ее около 25—30 м, но изображения располагаются только у основания, на высоте от 1,5 до 3 м от уровня земли. Вершина, часть пологих склонов и подножие скалы поросли хвойными деревьями. Тайга подступает непосредственно к реке, оставляя лишь узкую полоску затопляемого в половодье берега.

Изображения располагаются на скале тремя небольшими беспорядочными скоплениями. Во всех трех группах представлены однородные антропоморфные изображения с полосами раскраски на «лицах» (рис. 1, 2). Хорошо сохранились только две росписи; остальные находятся в гораздо худшем состоянии: линии их рисунка расплывчаты и покрыты лишайни-

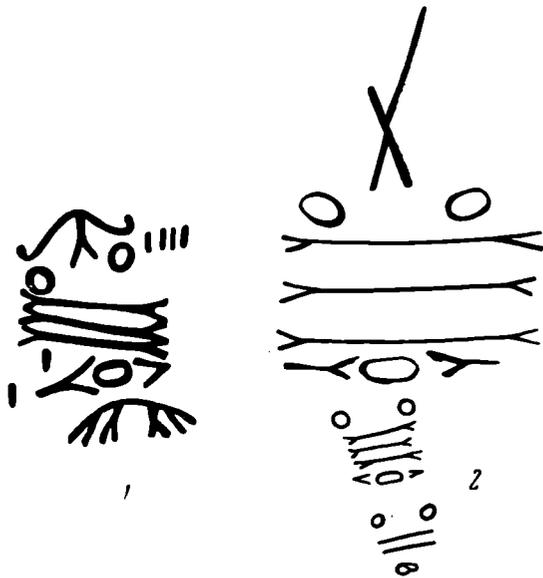

Рис. 1. Кундусукские росписи

ками. Отдельные изображения предстают в виде бесформенных красноватых пятен охры. Первое скопление, наиболее удаленное от берега, состоит из четырех антропоморфных росписей (рис. 2, 1—4), кружка и расплывчатого охристого пятна. Второе, на 5 м ближе к берегу, включает в себя девять росписей (рис. 1, 1; 2, 5—12) и несколько неразборчивых пятен охры. Последнее скопление, состоящее из двух росписей (рис. 1, 2; 2, 13), удалено на 8 м от центрального и на 10—12 м от берега. Размеры изобра-

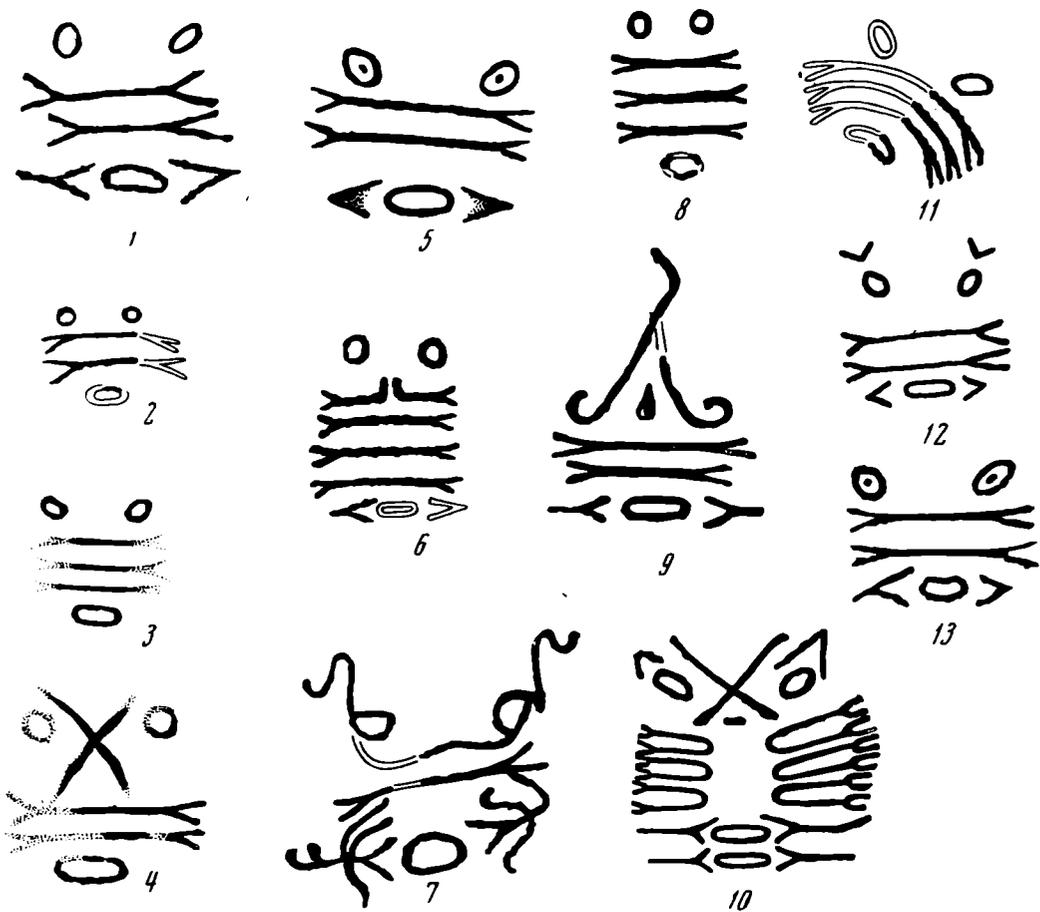

Рис. 2. Кундусукские росписи

жений во всех трех скоплениях колеблются в пределах от 15×20 до 45×60 см.

Уже то, что росписи находятся в глубине труднодоступного горно-таежного района, ставит под сомнение возможность принадлежности их к кругу степных памятников. Малохарактерна для степной части котловины и техника исполнения писаниц охрой. Подавляющее большинство наскальных изображений там выбито или гравировано.

Все изображения стилистически очень близки друг к другу. Каждое из них имеет по два «глаза», в виде кружков или овалов. Только на одной росписи глаза переданы спиральями, являющимися продолжениями надглазных полос (рис. 2, 9), а на другой от овалов глаз поднимаются изогнутые линии налобной раскраски, внизу же овалы соединены горизонтальной линией (рис. 2, 7). Эти необычные варианты изображения глаз заставляют усомниться в том, что на всех росписях кружками и овалами обозначены реальные глаза. Очевидно, это полосы раскраски, проводившиеся вокруг них. Рты на росписях переданы удлиненными овалами. На одном рисунке «ртом» два (рис. 2, 10). Это опять наталкивает на мысль, что овалы обозначают лишь раскраску. Единственные реальные детали человеческих лиц — это точки зрачков, имеющиеся на двух изображениях (рис. 2, 5, 13). Поэтому правильнее будет назвать кундусукские росписи не личинами, как это принято для близких им по типу изображений, а татуировками, на-

носившимся путем раскраски на лица реально существовавших людей и впоследствии скопированными с них для изображения на скале. Между полосами раскраски глаз и ртов на всех росписях проведены две-три горизонтальные полосы с раздвоенными окончаниями, и только у одной татуировки их четыре (рис. 2, 6). Необычны горизонтальные полосы у двух татуировок: у одной нет раздвоенных окончаний (рис. 1, 2), а у другой полосы оформлены в виде положенных плашмя букв U, по три на каждой щеке (рис. 2, 10). По краям овала ртов у большинства татуировок имеются уголки. У одной из них они соединяются с нижней горизонтальной полосой и дополнены ветвистыми линиями (рис. 2, 7). Надглазной раскраски у большинства татуировок нет, у имеющих ее она во всех случаях индивидуальна (рис. 2, 7, 9, 10 и др.). Датировка кундусукских росписей значительно облегчается тем, что в степях Минусинской котловины известно большое количество каменных стел с изображениями антропоморфных личин, датируемых временем окуневской культуры¹.

Для этих памятников тоже характерны глаза-кружки, рты в виде удлинённых овалов с уголками или без них и горизонтальные полосы раскраски. Однако, в то время как самые примитивные степные антропоморфные изображения отличаются от кундусукских лишь техникой исполнения, отсутствием раздвоенных окончаний горизонтальных полос и надглазной раскраски, более сложные выделяются той или иной степенью условно-реалистической передачи черт божеств (кроме глаз и рта намечены линии носа, ноздри, уши, овалы лиц, а иногда даже волосы, груди, руки, украшения одежды и головных уборов). Росписи лиц у них значительно сложнее. Но, учитывая то, что и примитивные, и сложные антропоморфные изображения синхронны, отличие кундусукских росписей будет заключаться лишь в иной технике исполнения и в наличии раздвоенных окончаний горизонтальных полос раскраски. Таким образом, при сравнении степных антропоморфных изображений как единого комплекса памятников с кундусукскими росписями почти не выявляется применение в последних каких-либо новых деталей для передачи росписи лиц, но каждое отдельное степное изображение при наличии того или иного элемента сходства всегда имеет и черты, не свойственные кундусукским росписям, как, например, лобные значки, «солярные знаки», ноздри и т. п.

Исходя из стилистического единства кундусукских татуировок можно предположить, что они являются памятником какой-то однородной культурной общности, близкой к степным окуневским племенам, но в то же время имевшей некоторые самобытные черты. Известны находки еще нескольких групп таежных писаниц. Наибольший интерес для данной работы представляют росписи, открытые в 1963 г. А. Н. Липским² у впадения р. Джой в Енисей. Скальный навес р. Джой подобно кундусукской скале имеет большое количество исполненных охрой татуировок. Стилистическая близость их с кундусукскими несомненна. Многие джойские татуировки словно копируют кундусукские, повторяя оформление овалов глаза, количество горизонтальных полос раскраски с раздвоенными концами, овалы ртов с уголками и формы надглазных линий. Расхождение лишь в процентном соотношении татуировок с различным количеством горизонтальных полос: на кундусукской скале преобладают с двумя, тремя полосами, а на джойском навесе татуировки с количеством полос от одной до четырех представлены примерно одинаково и даже есть одна татуировка с пятью полосами. Много на последнем памятнике и отдельно выписанных кружков, а на кундусукской скале был замечен только один. Стилистическое единство этих двух групп росписей тем более поразительно, что их разде-

¹ М. П. Грязнов, Е. Р. Шнейдер. Древние изваяния Минусинских степей. МЭ, IV, 1929, рис. 1—55; Э. Б. Вадецкая. О новых находках изваяний в Минусинской котловине. СА, 1965, 4.

² А. Н. Липский. Наскальные росписи (охрой) в Саянах на Енисее. Архив ИА АН СССР, Р-1, № 2553.

ляет свыше 200 км труднопроходимой горной тайги, в то время как ближайшие изваяния степных районов, расположенные в 60 км от джойских и в 200 км от кундусукских росписей значительно отличаются от них. Различия эти, судя по тому, что одна татуировка джойско-кундусукского типа, выбитая на плите, была найдена А. Н. Липским в зольнике с фрагментами окуневской керамики на р. Таштып³, были обусловлены не хронологическими факторами, а локальными особенностями культуры племен, заселявших таежную зону котловины. Отсутствие сколько-нибудь ярко выраженных стилистических различий между джойскими и кундусукскими писаницами — свидетельство существования довольно прочных связей между отдельными группами населения тайги.

Таким образом, все эти, хотя и немногочисленные пока, находки писаниц в таежных районах свидетельствуют о том, что в раннем бронзовом веке расселение племен Хакасско-Минусинской котловины не совпадало с современными границами природно-географических зон степи и лесостепи. Наряду с этническими группами, хозяйство которых основывалось на скотоводстве и зарождающемся земледелии, существовали и племена с охотничье-рыболовным укладом хозяйства, расселенные по берегам горных рек бассейна верхнего Енисея. Культура их испытывала сильное влияние более передовой культуры степи и лесостепи. Заселяя территорию, которая на юге граничит с Тувой, а на севере — с лесостепью Минусинской котловины, таежные охотники, видимо, были посредниками в торгово-обменных связях между этими областями. Интересно отметить, что кундусукские росписи находятся непосредственно у тропы, связывающей восточные районы Минусинской котловины с Тоджинской котловиной Тувы. М. А. Кастрен, побывавший здесь в середине XIX в., считал эту тропу очень древней⁴.

В настоящей работе, поскольку она базируется только на анализе росписей, не делается попытки решить вопросы, связанные с проблемами формирования, этнической принадлежности и дальнейших исторических судеб таежного населения. Для решения их необходимы новые систематические обследования саянской тайги и прилегающих к ней районов.

³ Хранится в Хакасском областном музее.

⁴ М. А. Кастрен. Путешествия. «Магазин земледелия и путешествий», 6. II. М., 1860, стр. 398—403.

Г. ЛОРДКИПАНИДЗЕ

НАКОНЕЧНИК ТАРАНА ИЗ ВАНИ

Раскопки Ванского городища, крупного политико-экономического центра античной Колхиды, наряду с другими разнообразными находками¹ дали значительное количество оружия: каменные ядра разного калибра для камнеметов (остатки арсенала), камни пращей, железные стрелы стрелометов, бронзовые и железные наконечники стрел, наконечники дротиков и копий, боевые топоры, фрагменты мечей и чешуйчатых панцирей. Цель данной заметки — публикация железного наконечника тарана, который относится к числу редчайших археологических находок и поэтому заслуживает особого внимания.

Наконечник имеет форму огромного копья (рис. 1) и выкован из цельного массивного железного листа толщиной 0,5 см. У тарана острая трехлопастная головка, круглый в сечении ствол и воронкообразная раскрытая втулка диаметром 30 см. Длина тарана 1,05 м.

¹ О результатах раскопок последних лет см. Н. В. Хоштариа, Р. В. Пугуридзе, О. Д. Лордкипанидзе. Археологические находки в Вани. «Сабчота хеловнеба», 1968, 1, стр. 33—40 (на груз. яз. с русским резюме).

Судя по втулке, наконечник тарана надевался на заостренный конец бревна. К каким таранам — катковым или подвесным² — принадлежал наш наконечник, определить трудно, но несомненно, что благодаря своей массе и обтекаемой форме, он должен был обладать большой разрушительной силой.

По своей форме публикуемый наконечник ближе всего ассирийским остроконечным образцам, изображения которых встречаются начиная с

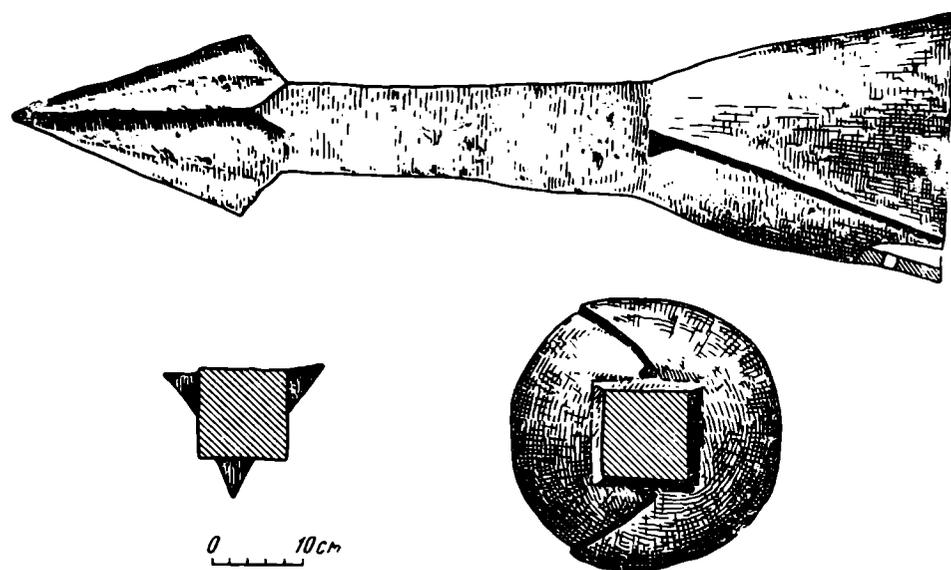

Рис. 1. Наконечник тарана из Вани

IX в. до н. э.³ Остроконечные тараны известны и в эллинистическом мире. По-видимому, в эту эпоху тараны были распространены довольно широко. Пользовались ими и скифы. По мнению исследователей, именно при помощи тарана во II в. до н. э. скифы пробили огромную брешь в крепостной стене Херсонеса⁴. В римское время, по описаниям Витрувия, Флавия Иосифа и Вегеция, преобладали тараны с загнутым массивным концом. По Вегецию, таран назывался бараном (*aries*), потому что имел твердый лоб и «по примеру баранов он отскакивает назад, чтобы ударить с тем большей силой и стремительностью» (*Veg., ERM, IV, 14*). Аналогичного происхождения грузинское название тарана — «вердзи».

Наконечник тарана был обнаружен в Вани в 1966 г. на глубине 2,5 м между развалинами разновременных каменных зданий. Нижнее сооружение датируется IV—III вв. до н. э. К концу II в. до н. э. оно уже было разрушено и на его развалинах, перекрытых почти стерильным глинистым слоем, построили храм. Каким-то образом в этот слой попал наконечник тарана. В середине I в. до н. э. воздвигнутый на скорую руку храм был сожжен и разрушен до основания, а его мозаичный пол из крупной гальки разбит и перевернут, причем один значительный фрагмент толщиной 0,24 м лег на жертвенник. Таран, найденный на глубине всего 0,20 м от уровня пола этого храма (рис. 2), был направлен лезвием в сторону жертвенника. Создавалось впечатление, что храм был разрушен машинами типа

² Описание таранов см. DAGR, I, Paris, 1873, стр. 422—423, рис. 513—516; А. В. Болдырев, И. Я. Боровский. Техника военного дела. Сб.: «Эллинистическая техника», М.—Л., 1948, стр. 301—306, рис. 109.

³ R. D. Barnett. *Assyrische Palastreliefs*. Prag, 1959, табл. 35, 38, 40; И. Лурье, К. Ляпунова, М. Матье, Б. Пиотровский, Н. Флитнер. Очерки по истории техники древнего Востока. М.—Л., 1940, стр. 120, 121. Здесь же — реконструкция ассирийского тарана и библиография вопроса.

⁴ В. Д. Блаватский. Очерки военного дела в античных государствах Северного Причерноморья. М., 1954, стр. 27.

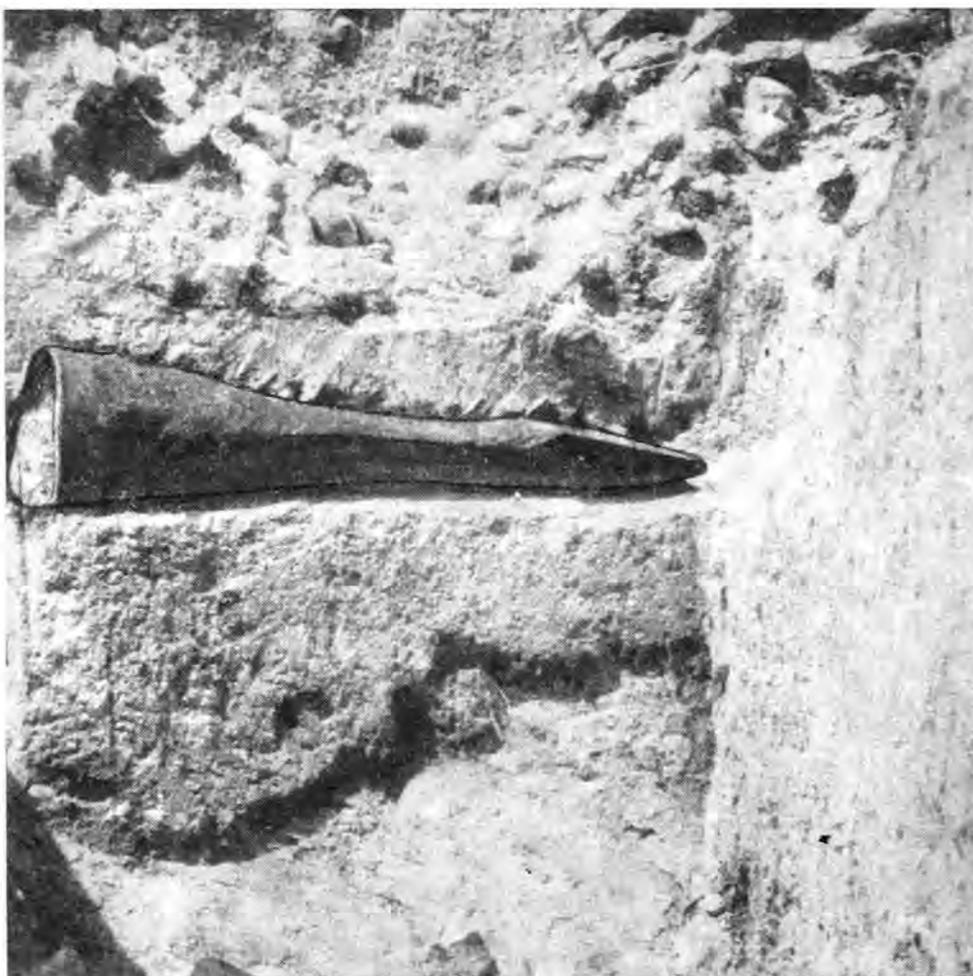

Рис. 2. Положение тарана в раскопе

таранов, а наконечник одного из них из-за поломки балки застрял под полом храма. Но против этого свидетельствуют некоторые другие обстоятельства находки: таран лежал в строго горизонтальном положении по направлению с юго-запада на северо-восток, в 0,75 м от западной стены нижней постройки, на глубине 0,12 м от ее сохранившейся поверхности. На данном отрезке стена не носит никаких следов разрушения тараном. Не пробив эту стену, наконечник тарана, находившегося в действии, не смог оказаться в указанном положении. Если бы наконечник тарана имел наклон хотя бы на 25° , то можно было бы без колебаний связать его с разрушением храма в середине I в. до н. э.

Учитывая все условия находки, мы можем сделать следующий вывод. Наконечник тарана, не носящий следов длительного использования в качестве стенобитного орудия, был преднамеренно закопан в землю во время засыпки древних развалин в конце II — начале I в. до н. э. Не исключено, что он, будучи закопан под храмом, имел какое-то культовое назначение.

Находка наконечника тарана и другие разнообразные виды оружия, обнаруженные на Ванском городище, позволяют предположить наличие высокоразвитого военного дела в античной Колхиде.

ПОЛЬСКИЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В НОВЕ В 1968 г.

Девятая кампания археологической экспедиции Варшавского университета в Западном секторе в Нове (Болгария) продолжалась с 27 августа до 2 октября 1968 г.¹ Личный состав экспедиции был следующим: руководитель экспедиции — автор настоящего сообщения; научные сотрудники — профессор Стефан Парницки-Пуделко, доцент Людвика Пресс, магистры Станислава Колкувна, Збигнев Табаш, Вальдемар Шуберт, Тадеуш Сарновски, фотограф Тадеуш Биневски. Кроме того, в работах экспедиции приняли участие студенты-практиканты Варшавского и Познанского университетов. Исследования проводили: на V участке — С. Парницки-Пуделко, на IV (восток) — Л. Пресс, на IV (запад) — З. Табаш, на VII и зондаж на восток от него — С. Колкувна².

На V участке (рис. 1) исследования продолжались на территории, где в прошлые годы были открыты остатки южной стены *porta decumana* (квадраты VIII 337, 357—359, 376—379), и каменный постамент с надписью в честь Юпитера Депульсора (*Juppiter Depulsor*)³. Кроме того, начаты исследования в квадрате VIII 317, с тем чтобы найти архитектурные остатки северной стены ворот. В квадратах VII 375 и 374 прослежено на участке в 4,80 м окончание южной стены *porta decumana*. Общая длина вскрытой стены равняется теперь 21,70 м. Южная стена поворачивает под прямым углом на юг и продолжается на расстояние около 9 м. Ее вскрыли на ширину 2,40 м. Общая ширина стены неизвестна ввиду того, что ее восточный край пока не исследован. Возможно, что это не что иное, как часть квадратной башни, расположенной у южной стены *porta decumana*. К ней прилегает с запада вымостка из неправильных каменных плит. Она, по всей вероятности, относится к позднеантичному периоду.

Углубляя квадраты VIII 376 и 377 на восток от сводчатого отверстия в упомянутой южной стене ворот, мы обнаружили на протяжении 2,40 м ряд терракотовых плит, которые прилегали к северной стороне этой стены. Плиты вымостки лежали на 1,10 м ниже основания рустованных блоков. В квадратах VIII 357, 358, 377, 378 в *propugnaculum* открыта наиболее ранняя мостовая размерами 6,25 × 3,00 м. Уровень этой мостовой совпадает с самым нижним рядом рустованных блоков в восточной части южной стены ворот. Это позволяет нам предполагать, что упомянутая мостовая относится, вероятно, к тому же периоду, что и восточная часть южной стены ворот. Недалеко от мостовой найден фрагмент водоотводного канала длиной 3 м. Стены его построены из неотесанных камней. Сверху канал был прикрыт каменными плитами.

Среди керамического материала заслуживает внимания большое количество обломков строительной керамики с оттисками клейма LEG I ITAL и клеймами (еще не прочитанными) других мастерских, а также три каменных шара и жернов.

¹ Сообщения о восьми предыдущих сезонах работ, проведенных в Западном секторе в Нове в 1960—1967 гг., были опубликованы в «Советской археологии» (1961, 4; 1962, 4; 1963, 4; 1964, 4; 1965, 4; 1966, 4; 1968, 1, 3), а предварительные отчеты с необходимой документацией на польском языке с резюме на русском и французском языках изданы в ежегоднике «Archeologia», XII, 1961 (1962); XVIII, 1967 (1968).

² Общий план исследований в Нове, проводимых болгарской и польской археологическими экспедициями, см. K. M a j e w s k i. Kultura rzymska w Bulgarii. Варшава, Вроцлав, 1969, стр. 45; его же. Польские археологические исследования в Нове (Болгария) в 1966; план Западного сектора в Нове, исследованного польской археологической экспедицией, см. СА, 1968, 1, стр. 242, рис. 1, а также «Archeologia», XVII, 1966 (1967), стр. 144, рис. 1.

³ Надпись на этом постаменте исследовал J. K o l e n d o. Inscription de 227 en l'honneur de Jupiter Depulsor découverte à Novae, «Archeologia», XIX, 1968.

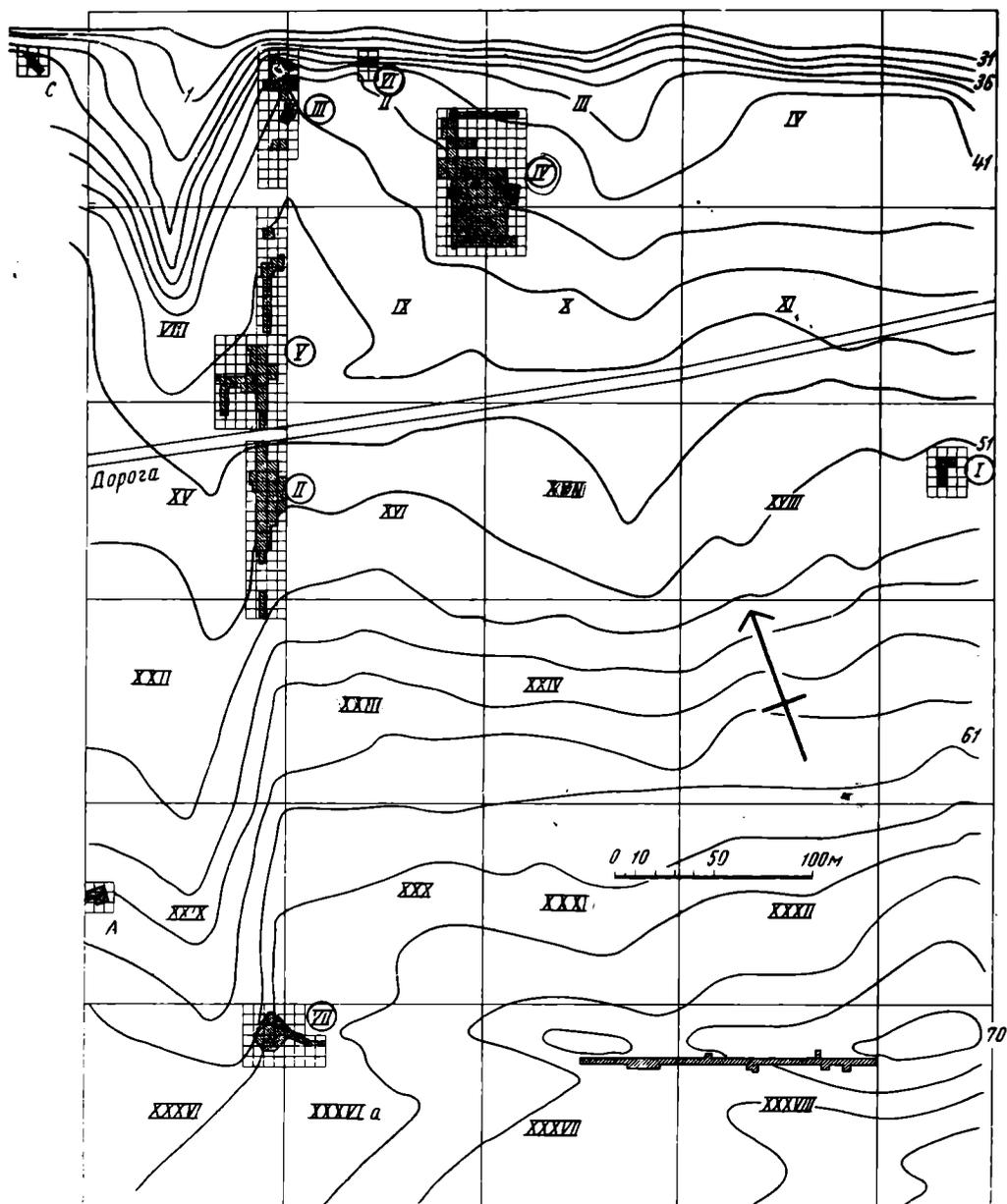

Рис. 1. Нове, 1968, Западный сектор. План

В квадрате VIII 337 прослежены остатки предполагаемой северной стены *porta aescimana*, открытые еще в 1966 г. В квадрате VIII 317 на расстоянии около 2,50 м от северной стены ворот частично вскрыта прямоугольная стена из тесаных камней (размеры вскрытого участка 1,94 × 2,66 м). С восточной стороны ее раскопали до высоты 1,66 м.

На участке IV (восток), где в течение прошлых кампаний был открыт большой строительный комплекс с двумя портиками, колодцем и купальными помещениями, мы приступили к дальнейшим исследованиям внутри помещения J. Раскоп доведен до глубины 2,70 м, т. е. почти до уровня пола из терракотовых плит, открытых в 1966 г. в западной части этого помещения⁴, а также до уровня каменной ступени, у южной стены, близ юго-восточного угла помещения J. Второй вход в помещение J обнаружен в его северной стене. За северной стеной помещения J мы продолжали углубление северной части квадрата III 341. На этом квадрате с запада и севера обнаружены две стены, соединенные под прямым углом. Эти стены со средней толщиной около 0,70 м были встречены на глубине от 0,50 до 0,70 м, в квадратах II 340, 360; III 321, 322, 341, 342. Однако в данном сезоне мы

⁴ К. Маевский. Польские археологические исследования..., СА, 1968, 1, стр. 245, рис. 4; «Archeologia», XVIII, 1967 (1968), стр. 154.

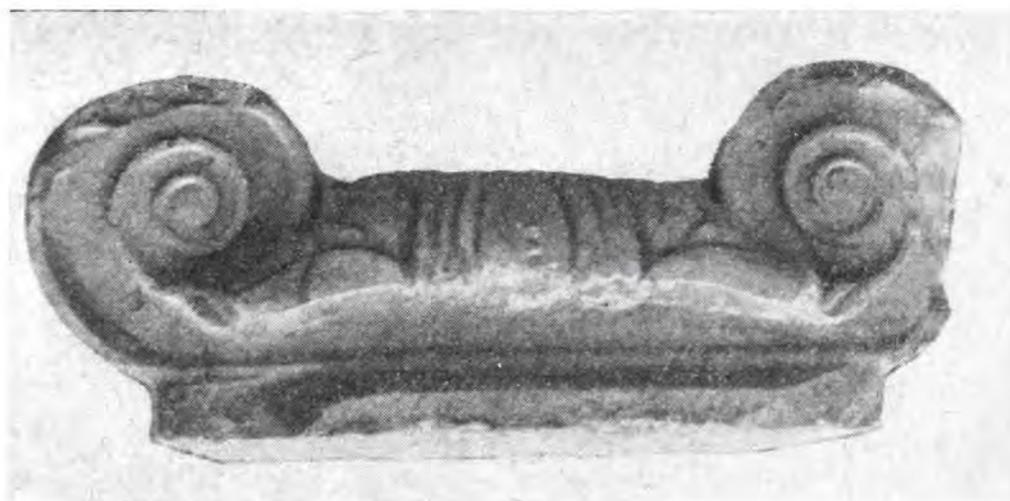

Рис. 2. Нове, 1968, участок IV (восток). Каменная поническая капитель
 Длина 0,52, ширина 0,50, высота 0,32 м. Свиштов, музей Нове. Инв.
 № 77/68w, Фот. Арх. № 2219e

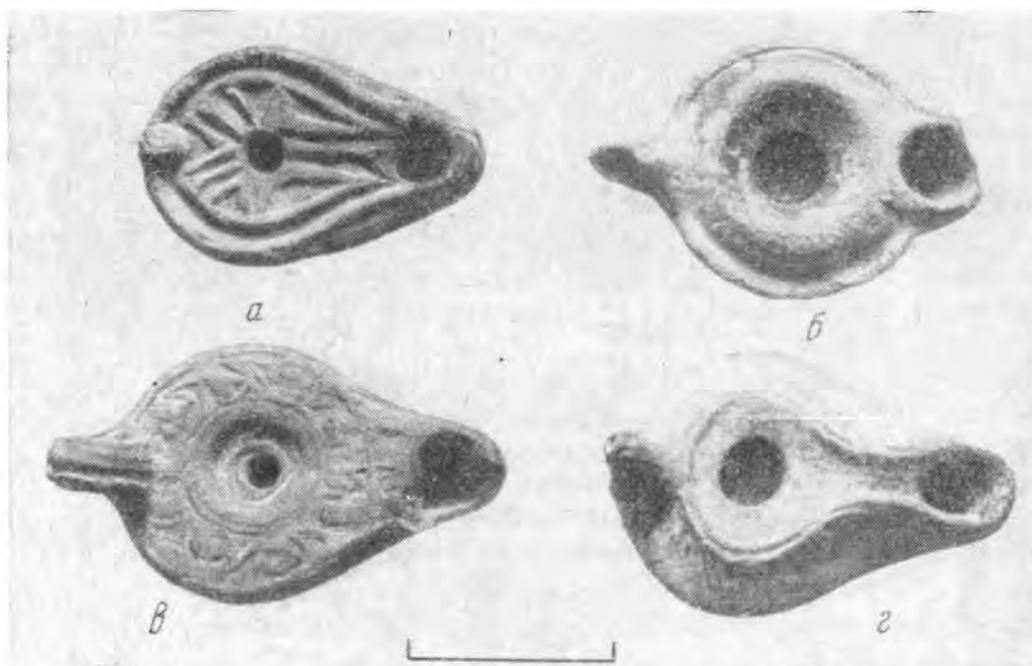

Рис. 3. Нове, 1968, участок IV. Глиняные светильники, Свиштов, музей Нове
 а — длина 0,085 м, инв. № 118/68, Фот. Арх. № 2341; б — длина 0,097 м, инв. № 34/68,
 Фот. Арх. № 2188; в — длина 0,060 м, инв. № 116/68, Фот. Арх. № 2340; г — длина
 0,095 м, инв. № 91/68, Фот. Арх. № 2223

Рис. 4. Нове, 1968, участок IV (запад). Каменный канал. Вид с южной стороны. Фот. Арх. № 2202а

не вскрыли целиком ни северной стены, ни предполагаемой восточной стены. По всей вероятности, то, что мы здесь встречали, представляет собой новое помещение, которое мы и обозначили буквой *L*. В этом помещении была найдена на глубине 1,70 м круглая каменная конструкция, состоящая из трех рядов камней. Внутренний диаметр этого круга равняется 1,90 м, ширина около 0,35 м. С северо-западной стороны он имеет разрыв длиной около 0,90 м. Ввиду того что северная стена помещения *L* расположена в северной части упомянутой каменной конструкции, следует предполагать, что каменный круг был поставлен до возведения северной стены помещения *L*.

Продолжая дальнейшее исследование вымостки двора, мы сняли в квадратах II 338—340, 359, 360 слой до глубины 1,7 м. Кроме того, раскопки в квадратах III 382, 383 и X 2 доведены до максимальной глубины в 1,20 м. Продолжалось также углубление помещения *G* (до глубины 1,70 м), помещения *H* (до глубины 1,20 м) и помещения *J* (до глубины от 0,90 до 1,60 м). На квадрате IX 59 снята полоса земли, прилегающая с внешней стороны к северной стене помещения *A*. Там открыта каменная конструкция, состоящая из трех ступеней (средняя ступень представляет собой каменный блок размерами 1,55 × 90 × 0,30 м).

Среди важнейших находок на участке IV (восток) следует назвать хорошо сохранившуюся каменную ионическую капитель (рис. 2), металлическую ручку сосуда, бронзовые щипцы, четыре глиняных светильника (рис. 3), обломки костяных гребенок⁵, скопление керамических кружков диаметром от 0,035 до 0,095 м, толщиной около 0,020 м, глиняные п ка-

⁵ С 1968 г. все находки из Нове хранятся во временном помещении на территории раскопок. Там предполагается строительство археологического музея, в котором будут собраны и экспонированы все предметы, происходящие из Нове и окрестностей (до сих пор они хранились в музее им. Алеко Константинова в Свиштове). Поэтому и в данном сообщении в пояснениях к рисункам говорится, что местом хранения находок является музей в Нове, а инвентарные номера предметов и фотографического архива взяты из описей экспедиции, хранящихся в Семпнаре классической археологии Варшавского университета.

менные пряслица, а также несколько монет, которые можно будет определить после реставрации.

В северной части IV участка, в квадратах III 201—203, продолжался зондаж; целью его были поиски предполагаемой стены, замыкавшей с севера постройку с двумя портиками. Эта стена, идущая в восточном направлении, была вскрыта в ходе настоящей кампании на протяжении около 15 м, на глубине от 0,30 до 1,20 м. Две стены, ориентированные в северном направлении, соприкасаются с северной стеной именно на этом отрезке. Вероятно, они составляют часть каких-то помещений достроенных позже. Кроме того, в квадрате II 203 найден фрагмент стержня колонны (длина 0,90, диаметр 0,44 м). В квадрате II 217 и частично в квадрате II 197 на месте предполагаемого северо-западного угла описываемой постройки проведен зондаж, в результате которого обнаружены груды крупных камней и следы гари, а также несколько тесаных камней *in situ*. Они как бы продолжают западную часть стены упомянутой постройки.

На IV участке (запад) производились раскопки в квадратах II 236, 237, 256, 257, чтобы решить вопрос о длине и направлении каменного канала, открытого в прошлых кампаниях (рис. 4). Кроме того, следовало определить протяженность стен построек, замыкающих с западной стороны улицу (*cardo*), которая шла с юга на север над каналом. Восточную часть улицы на этом отрезке замыкала восточная стена упомянутой постройки с двумя портиками. В квадратах II 237, 257 вскрыты на глубине 3,20 м остатки западной стены канала высотой около 0,60 м. В груды мусора, заполнявшего канал, найдено большое скопление каменных архитектурных деталей, а именно: карнизы, фрагмент полуколонны, прямоугольные подпесты с углублениями, а также каменные фрагменты (два из них с остатками надписей) и каменный обломок с рельефным изображением кисти винограда.

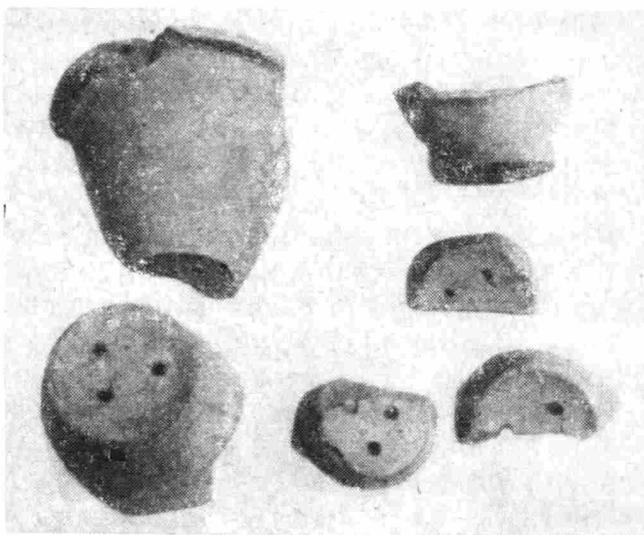

Рис. 5. Нове, 1968, участок IV (запад). Фрагменты глиняных сосудов, имеющих в днище три отверстия
Диаметр дна около 0,06 м. Свиштов, музей Нове, инв. № 59/68. Фот. Арх. № 2215

Из предметов, найденных на этом участке, следует упомянуть большой каменный шар, фрагменты глиняных сосудов с тройными отверстиями в днищах (рис. 5), большой каменный грузик от рыбацкой сети, железный рыболовный крючок, бронзовую пряжку, глиняное пряслице и нижнюю часть каменной ступы. Особого внимания заслуживает обломок камня с латинской надписью (четкие буквы: V|L F|VERV|F|PATRI|) (рис. 6), а также другой, меньший фрагмент с остатками латинских букв (хорошо сохранилась буква F).

На VII участке продолжалось исследование угловой башни, открытой в 1966 г.⁶ Раскапывали внутреннюю часть этой башни, вскрыв ее стены

⁶ К. Маевский. Польские археологические исследования..., стр. 242, рис. 1, стр. 248, рис. 8; «Archeologia», XVIII, 1967 (1968), стр. 150 сл.

Рис. 6. Нове, 1968, участок IV (запад). Каменный фрагмент с латинской надписью
Размеры 0,63 × 0,35 × 0,30 м. Свиштов, музей Нове. Инв. № 60/68. Фот. Арх. № 2213

до глубины 4,30 м. На глубине около 4,00 м внутри башни обнаружен выступ (берма). С северной стороны ширина выступа равнялась 0,17—0,32 м, с западной — 0,29—0,31 м, с южной же стороны выступ имелся лишь на части стены, а его ширина равняется 0,09—0,15 м.

С внешней стороны башни раскоп доведен до глубины около 3,40 м (считая от верхнего слоя камней, сохранившихся в южной части башни). Раскоп имел ширину 2 м и проходил вдоль стен башни. На глубине 3,4 м был найден выступ стены, шириной 0,18—0,35 м. На этом расширенном участке стены (которая, возможно, составляла часть фундамента) хорошо сохранилось пять рядов каменных рустованных блоков общей высотой 1,88 м. Размеры блоков следующие: длина от 0,78 до 0,92 м, высота от 0,30 до 0,51 м, ширина от 0,51 до 0,58 м. Ширина южной стены башни 3,10 м.

Во время исследования внутренней части башни найдены несколько фрагментов керамики, фрагмент каменного ножа, две монеты (которые невозможно определить до реставрации), обломки стекла, кирпич с оттиском клейма LEG I IIAL и мелкие фрагменты металлических предметов.

Рис. 7

Рис. 7. Нове, 1968, участок VII. Игральный кубик из кости
Размеры 0,0105 × 0,0075 × 0,0108 м. Свиштов, музей Нове. Инв. № 68/68, Фот. Арх. № 2198

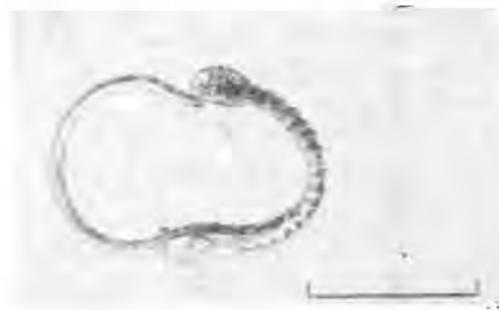

Рис. 8

Рис. 8. Нове, 1968, участок VII. Серебряная серьга.
Длина 0,0154 м. Свиштов, музей Нове. Инв. № 108/68. Фот. Арх. № 2313

Зондаж на восток от VII участка. В квадратах XXXVI 80 и XXXVIa 61—64 вскрыли внешнюю часть оборонительной стены на глубине от 0,20 до 1,80 м. Эта стена, начиная с юго-западной угловой башни, идет в южном направлении и на расстоянии 15,5 м от упомянутой башни (квадрат XXXVIa 63) поворачивает на восток. Поэтому можно предполагать, что

данная стена соединяется с оборонительной стеной, открытой в прошлые годы на участках XXXVII, XXXVIII⁷.

Среди немногочисленных находок с этой территории следует назвать византийскую монету, игральный кубик из кости с выдолбленными кружками от одного до шести (рис. 7) и серебряную серьгу (рис. 8).

Таковы вкратце предварительные итоги археологического сезона 1968 г.

Что касается наших исследовательских планов на 1969 г., то они следующие: мы намерены продолжать работы на участках IV и V. На участке VII предполагается завершение исследований юго-западной угловой башни и зондажи в квадратах XXXVIa и XXXVII для выявления края оборонительной стены. Начиная с 1970 г. мы планируем развернуть в более широком масштабе раскопки на участках IV и V, а также начать совместно с болгарской экспедицией предварительные работы по локализации форума.

Наконец, необходимо сообщить, что руководители обеих экспедиций — болгарской и польской — пришли к соглашению о совместной публикации результатов десятилетних археологических исследований (1960—1969 гг.) со всей необходимой документацией.

⁷ К. Маевский. Польские археологические исследования..., стр. 242, рис. 1.

О. А. МАХНЕВА

НАХОДКА ГЕРАКЛЕЙСКИХ АМФОР В КРЫМУ

В последние годы много внимания уделяется керамическим клеймам как одному из важнейших источников датировки археологических памятников. Так, на основании клейменных амфор И. Б. Брашинскому удалось внести уточнения в хронологию некоторых скифских курганов¹.

Основным датирующим материалом здесь были гераклейские амфоры.

В декабре 1964 г. к востоку от пос. Советского Крымской области, на холме, между долинами рек Булганак и Индол, около с. Краснофлотского экскаваторщик СМУ-6 В. Е. Мордалев нашел при земляных работах три гераклейские амфоры с клеймами. Амфоры были извлечены из погребения в небольшом кургане, случайно разрушенном строителями² (рис. 1).

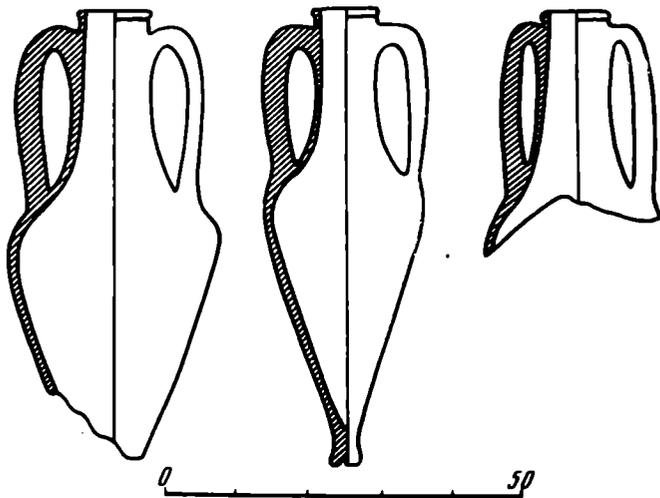

Рис. 1. Гераклейские амфоры, найденные в Крыму близ пос. Советского

Одна амфора совершенно целая, а две другие в обломках. Глина амфор кирпично-красная с желтоватым оттенком, с черными и белыми вкраплениями. На всех трех сосудах сохранились на горлах английские клейма; они оттиснуты вдавленными буквами, клейма двустрочные, форма их прямоугольная, без бертиков. Легенда клейм содержит два имени (городского магистрата и хозяина мастерской).

¹ И. Б. Брашинский. Новые материалы к датировке курганов скифской племенной знати. Северное Причерноморье. «Eirene», IV, Praha, 1965, стр. 89 сл.

² П. Н. Шульц. Там, где пройдет канал... Сб. «Рюкзак», Симферополь, 1965, стр. 123.

Рис. 2. Клейма на гераклеийских амфорах, найденных близ пос. Советского (фото)

Вдоль горла одной из фрагментированных амфор (тулово и дно не сохранились) оттиснуто клеймо (рис. 2, 1)

ΗΡΑΚΛΕΙΔΑ
ΕΠΙΛΑΙΣΑ

Под венчиком видны слабые следы от красной полосы.

На горле второй, лучше сохранившейся амфоры клеймо обратное (рис. 2, 2):

ΛΥΚΟΔΩΡΟΣ
ΕΥΓΙΤΙΩΝ

Аналогичное клеймо издано Е. М. Придилом³.

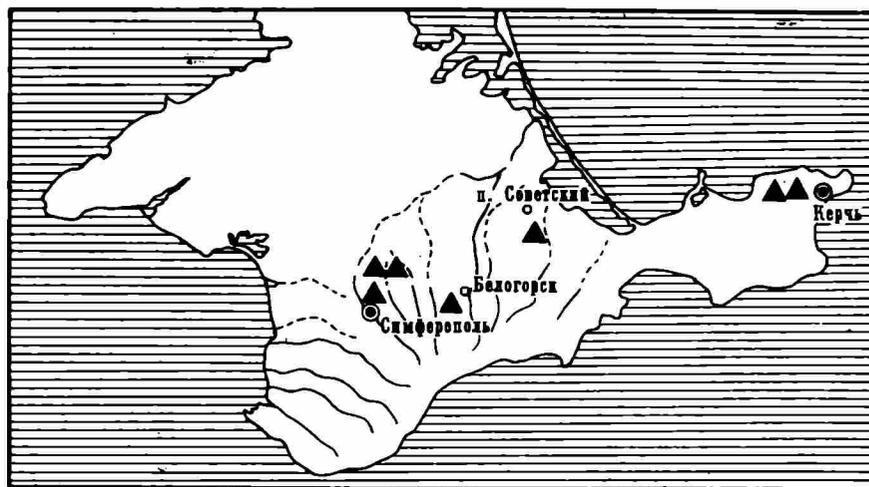
На третьей целой амфоре клеймо расположено поперек горла, у венчика. Оно оттиснуто не совсем ясно (рис. 2, 3):

ΝΟΣΣΟΣ
(ΕΠΙ) ΚΕΡ(ΚΙΝΟΣ)

Судя по хронологической схеме, предложенной И. Б. Брашинским⁴, два первых клейма можно отнести ко второй хронологической группе гераклеийских амфор (370—330 гг. до н. э.), третье же клеймо с предлогом ΕΠΙ — к третьей хронологической группе (330—300 гг. до н. э.). Таким образом, все три клейма относятся ко второй половине IV в. до н. э.

Рис. 3. Карта Крыма. Распространение гераклеийских амфор в скифских курганах Крыма

³ Е. М. Придилом. Инвентарный каталог клейм на амфорных ручках и горлышках и на черепицах Эрмитажного собрания. Пг., 1917, стр. 125, № 130. Автор не дает датировки указанного клейма.

⁴ И. Б. Брашинский. Керамические клейма Гераклеи Понтийской. НЭ, V, М., 1965, стр. 10 сл.

В скифских погребениях IV—III вв. до н. э. из курганов Крыма гераклейские амфоры с английскими клеймами встречались уже неоднократно. Они найдены в курганах Куль-Оба, Патинюти, у с. Фруктового, близ совхоза Красный⁵, у Белогорска⁶ (рис. 3). Новая находка гераклейских амфор близ пос. Советского расширяет наши сведения о границах их распространения в Крыму.

⁵ Т. Н. Троицкая. Находки из скифских курганов Крыма, хранящиеся в областном краеведческом музее. ИАДК. Киев, 1957, стр. 179; рис. 4, а, г; рис. 5, а, б; И. Б. Брашинский. Новые материалы к датировке курганов скифской племенной знати..., стр. 105 сл.

⁶ П. Н. Шульц. Тавро-Скифская экспедиция. КСИИМК, XXVII, 1949, стр. 65.

А. А. МЕДЫНЦЕВА

СЕРЕБРЕНИКИ ИЗ НОВГОРОДА МАЛОГО

В 1963—1964 гг. Приднепровская археологическая экспедиция под руководством Б. А. Рыбакова производила раскопки древнерусского городища рубежа X—XI вв. у с. Заречье (Киевская обл., Васильковский р-н). Это городище (летописный Новгород Малый) представляет собой небольшую крепость, входившую когда-то в систему оборонительной линии, построенной Владимиром по Стугне для защиты от печенегов¹.

В 1963 г. при раскопках ворот, в заполнении надвратной башни, на глубине 80 см был найден серебряник князя Владимира² (рис. 1). По классификации И. И. Толстого, этот серебряник относится к III типу серебряных монет Владимира Святославича. На лицевой стороне — изображение в фяс князя, сидящего на троне со спинкой. Обими руками он держит крест на длинном древке. По краю монеты надпись: ..ладимрзмнстол т. е. «Владимрзм на столѣ» На обороте — родовой знак в виде трезубца и надпись: ..асее --- сребро, т. е. «а се его сребро». Вес серебряника 3.19 г (хранится в ГИМ, инв. № 98783).

Рис. 1. Серебряник III типа из раскопок 1963 г.:

а — лицевая, б — обратная сторона

При продолжении раскопок в 1964 г. несколько в стороне от надвратной башни, на глубине 30 см (рис. 2), был найден второй серебряник. По классификации И. И. Толстого, серебряник относится к I типу монет великого князя Владимира.

Лицевая сторона: изображение в фяс князя, по-видимому сидящего, на голове шапка из бус, правой рукой он держит древко с крестом, края одежды украшены бахромой, над левым плечом — родовой знак. Вокруг изобраа-

¹ Б. А. Рыбаков. Владимировы крепости на Стугне. КСИИМК, 100, 1965; его же. «Застава богатырская» на Стугне. Сб. «Города феодальной России», М., 1966.

² А. А. Медынцева. Серебряник из Заречья на Стугне. СА, 1965, 1.

жения князя надпись: владим --- зн ----- Ѹ (Владимиръ на столѣ), по краю монеты — линейный и точечный ободки.

Оборотная сторона: изображение Христа в фас, в крещатом нимбе, вокруг надпись... -- оуєзхрнєтє -- (Hоуєз Хрнєтєєз) представляющая собой имя Христа, написанное без сокращений. По краю — линейный и точечный ободки.

Серебренник побывал в огне, но в целом он хорошей сохранности. Его вес — 3,35 г (хранится в ГИМ, инв. № 101023).

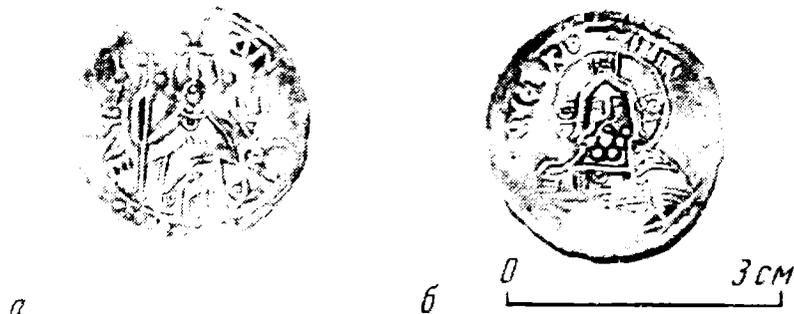

Рис. 2. Серебренник I типа из раскопок 1964 г.:

а — лицевая, б — обратная сторона

Известную аналогию этим монетам представляют серебренники, найденные А. С. Уваровым при раскопках курганов у с. Обидовичи³.

Оба серебренника из Заречья найдены при раскопках ворот, но на значительном расстоянии друг от друга (около двух метров) и на разной глубине, поэтому вряд ли возможно связывать их с каким-либо одним владельцем.

Как известно, между чеканкой серебренников первого и остальных типов существовал некоторый хронологический разрыв, на что указывает состав кладов; кроме того, ко времени выпуска серебренников II типа, серебренники I типа уже вышли из обращения. Чеканку серебренников I типа относят к годам, непосредственно следующим за введением христианства (т. е. после 988 г.), а чеканку серебренников II, III и IV типов — примерно к последним пятнадцати годам правления Владимира Святославича⁴.

Находка серебренника I типа при раскопках городища у с. Заречье хорошо согласуется со временем постройки Владимиром крепостей по Стугне (известие о постройке городов помещено в летописи под 988 г.)⁵.

Судя по крайне незначительному количеству керамики, обнаруженному при раскопках, а также по полному отсутствию культурного слоя на площадке городища и укрепленного посада, крепость просуществовала очень недолго. Б. А. Рыбаков связывает ее гибель с большим походом печенегов в августе 996 г.⁶ Если строительство оборонительной линии по Стугне, начатое Владимиром в 988 г., длилось несколько лет, то обнаружение серебренников I и III типов в однослойном памятнике, датированном узким промежутком времени в несколько лет, является пока единственным случаем в археологической практике. Однако какие-либо выводы из этого сделать трудно. Наиболее вероятным представляется, что серебренник III типа попал в заполнение надвратной башни при пожаре, в котором погибла крепость, и, таким образом, находка серебренников I и III типов определяет время ее существования.

³ И. И. Толстой. Древнейшие русские монеты великого княжества Киевского. СПб., 1882, табл. 10, 4—7; А. А. Ильин. Топография кладов древних русских монет X—XI вв. и монет удельного периода. Л., 1924, стр. 13—14.

⁴ В. Л. Янин. Денежно-весовые системы русского средневековья, М., 1956, стр. 168, 169.

⁵ ПВЛ, I.

⁶ Б. А. Рыбаков «Застава богатырская» на Стугне..., стр. 92.

ДОЛЬМЕН У с. ЛАЗАРЕВСКОГО КРАСНОДАРСКОГО КРАЯ

Летом 1955 г. в окрестностях с. Лазаревского Краснодарского края мною был осмотрен дольмен.

Могильное сооружение было расположено на краю леса, на правом, довольно крутом склоне долины р. Псеуапсе, в 2 км от Лазаревского и примерно в 100—120 м от речки.

Передняя часть дольмена с входным отверстием обращена на восток и возвышалась над поверхностью склона на 2 м (рис. 1, 1), а западная ока-

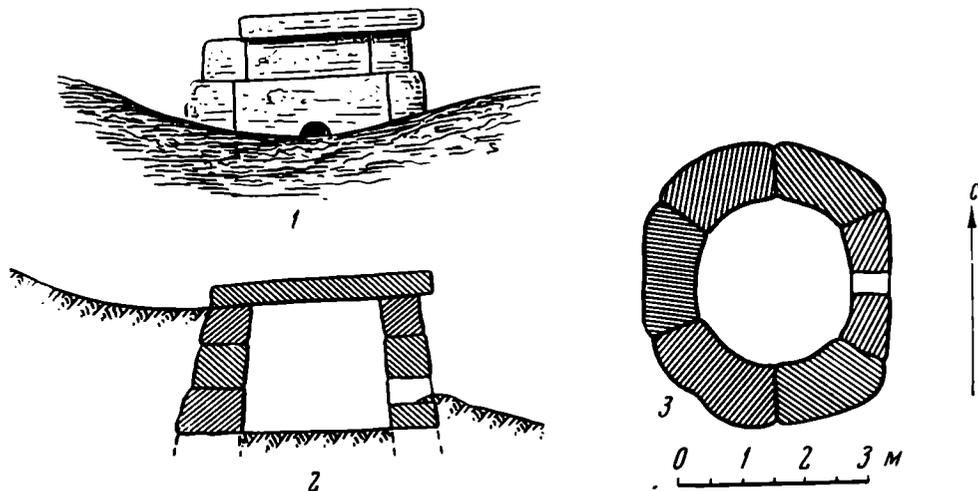

Рис. 1. Общий вид, план и разрез дольмена
1 — передняя часть со входом; 2 — разрез; 3 — план

залась скрытой под землей почти до самой покровной плиты (рис. 1, 2). Фасадная часть этой плиты сдвинута в северном направлении на 40 см, а образовавшаяся щель была достаточной, чтобы в нее мог пролезть взрослый человек.

На полу дольмена, покрытом сырым черноземом, лежали листья, солома, тряпки, битые бутылки и т. д. Смещенная покровная плита, отсутствие «пробки» во входном отверстии и различный хлам на дне усыпальницы указывали на то, что дольмен подвергнулся ограблению, а плохая освещенность не позволяла произвести его исследование. Поэтому пришлось ограничиться составлением подробного чертежа с замером всех камней сооружения.

В плане дольмен имел вид почти правильного круга (рис. 1, 3). Стены его сложены не отвесно, а с небольшим наклоном к центру камеры. Вследствие этого внутри дольмен представлял собой усеченный конус с внутренним диаметром у пола 260 см и у покровной плиты 195 см.

Входное овальное отверстие высотой 36 и шириной 38 см было обращено на восток и находилось на 45 см выше современного пола камеры, а снаружи его до половины закрывал грунт, сползший со склона.

Стены дольмена сделаны не из целых плит, а из отдельных хорошо подогнанных клинчатых блоков, вытесанных из песчаника и уложенных без раствора с соблюдением правила перевязки швов. Южная, западная и северная стены состояли из трех рядов блоков. Высота нижнего и среднего рядов блоков 70, а верхнего 60 см. Толщина этих стен колеблется от 65 до 110 см.

Фасадная, восточная стена сделана иначе и состоит из двух блоков (не считая камней фундамента). Нижний, в котором находилось входное отверстие, имел высоту 144 и длину 245 см, а верхний — высоту 64 и длину 194 см.

Могильное сооружение было перекрыто массивной плитой длиной 353, шириной 280 и толщиной 38 см. Вес ее около 8,5—9 т. Плита лежала с некоторым уклоном в сторону от фасада и образовывала небольшой карниз над входом, вынос которого составлял 32 см.

В 10—15 м на юго-восток от дольмена находилось пять скоплений камней, имевших вид усеченной пирамиды средним размером 250×150 см и высотой 40—50 см.

Один из таких «навалов» оказался разобранным, и в отвалах и на дне образовавшейся ямы были найдены обломки плохо сохранившихся человеческих костей. Наличие этих погребений рядом с дольменом дает основание предполагать, что они возникли одновременно с дольменом и относятся к тому же времени. Могильные сооружения подобного типа встречаются крайне редко, и описание его представит для специалистов известный интерес.

Э. В. РТВЕЛАДЗЕ

ДВА МАВЗОЛЕЯ ЗОЛОТООРДЫНСКОГО ВРЕМЕНИ В РАЙОНЕ ПЯТИГОРЬЯ

Пятигорье в археологическом отношении изучено крайне неравномерно: если для эпохи бронзы, раннего железа и аланов имеется достаточно как самих памятников, так и научных публикаций, то для периода XIII—XIV вв. т. е. времени господства на Северном Кавказе государства Золотой Орды, мы почти не имеем никаких данных¹. В этой связи особенно интересным и важным становится факт обнаружения на данной территории двух мавзолеев золотоордынского времени².

Мавзолей № 1. Первый из описываемых мавзолеев был найден и раскопан в 1953 г. археологом-краеведом А. П. Руничем на второй надпойменной террасе правого берега р. Подкумок, около так называемой Красновой Балки, между железнодорожными станциями Скачки и Золотушка.

Выяснилось, что этот мавзолей представляет собой ориентированное строго по линии север — юг, квадратное в плане, однокомнатное помещение с порталом. Его ниша образована выступающими вперед на 2 м стенами основного объема (рис. 1, 1). Общая длина мавзолея по внешнему обмеру, вместе с порталной частью, 7,70 м, ширина 5,70 м, толщина стен 90 см, размеры по внутреннему обмеру 3,97 × 3,90 м. Дверной проем устроен в южной стене, ширина его 96 см. От здания сохранились лишь фундамент и часть цоколя, выведенные из обработанных плит мергеля и известняка на глинистом растворе. Фундамент углублен на 40 см от пола. Высота сохранившейся части цоколя 38 см. Пол выровнен и смазан глиной. Кладка фундамента и цоколя осуществлена «в перевязку».

При зачистке внутри и снаружи мавзолея были найдены квадратные жженые кирпичи 24 × 24 × 5 и 23,5 × 23,5 × 4 см, брусковидный с продольными фасками кирпич, трапециевидный в сечении (лицевая его сторона покрыта поливой голубого цвета, размеры по лицевой стороне 21 × 6,5, высота 5 см) (рис. 1, 3) и часть поливного кирпича толщиной 5 см с рельефно выполненным на его поверхности орнаментом в виде растительных побегов. Среди отвалов на северной стороне встречены человеческие кости. Попадались они и внутри самого мавзолея. Там же обнаружены части дубовых досок и железные скобки.

Мавзолей № 2. История обнаружения второго мавзолея заслуживает более подробного описания, поскольку здесь удалось, по-видимому, установить имя захороненного там лица. Несколько лет назад М. Е. Массон

¹ За исключением материала, полученного из раскопок кабардинских курганов XIII—XIV вв. местными краеведами.

² Пользуясь случаем, приношу большую благодарность А. П. Руничу и Е. Е. Ивашеву за любезно предоставленные ими материалы раскопок обоих мавзолеев.

записал рассказ одного старика со ст. Подкумок о том, что между Эссентуками и пос. Белый Уголь в конце прошлого столетия были видны развалины какого-то сооружения из квадратных жженных кирпичей. Там же встречались и голубые керамические плитки. Предположив, что указанные руины с голубыми изразцами относятся, вероятно, ко времени вхождения Северного Кавказа в состав Золотой Орды и, сопоставив это с высказанной им гипотезой о том, что название г. Эссентуки происходит от монгольского имени Эссен-тук (Эссен — дородный), М. Е. Массон поручил поиски остатков этого сооружения сотрудникам Эссентукского народного краеведческого музея.

Согласно преданиям окрестных горцев, под куполом здания у ст. Белый Уголь находилась могила некоего Эссен-тука. Осмотр этого места показал, что на левом берегу Подкумка, в 400 м к северо-востоку от вокзала ст. Белый Уголь, имеется небольшая возвышенность, на которой сквозь дерн отчетливо проступали куски жженных кирпичей и голубых изразцов.

В 1963 г. Эссентукский народный музей при участии сотрудника Пятигорского музея Е. Е. Ивашева и учительницы Т. Б. Палимпсестовой произвел раскопки найденного сооружения, действительно оказавшегося мавзолеем золотоордынского времени. Учитывая предположение М. Е. Массона о происхождении названия г. Эссентуки, есть все основания считать, что в сохранившихся до наших дней преданиях горцев дошло подлинное имя погребенного в мавзолее человека — Эссен-тука. В порядке консультации раскоп посещали М. Е. Массон и Г. А. Пугаченкова, причем последняя сняла план вскрытого здания³.

Раскопанный мавзолей ориентирован по линии север — юг и представляет собой почти квадратное в плане однокомнатное помещение с порталной частью (рис. 1, 2). Общая длина по наружному обмеру вместе с порталом 7,10, ширина 5,5 м, толщина стен колеблется от 78 до 84 см, по внутреннему обмеру 3,90 × 3,52 м. Стены, выложенные «в перевязку» из квадратного жженого кирпича 24 × 24 × 5 см на известковом растворе, сохранились до высоты в 60 см. В срединной части северной, западной и восточной стен имеются ниши глубиной 37 см, шириной от 0,8 до 1,05 м. Вход в мавзолей устроен в южной стене. Ширина его проема 98 см. Устои портала выступают вперед от южной стены на 1,95 м. В них с внутренней стороны сделаны маленькие нишки глубиной 27, шириной 90 см. Пол в интерьере и между устоями портала вымощен кусками жженого кирпича. На некоторых участках стен внутри мавзолея сохранились следы белой штукатурки. Фундамент возведен из мергеля и известняка на известковом растворе и углублен в землю на 40 см.

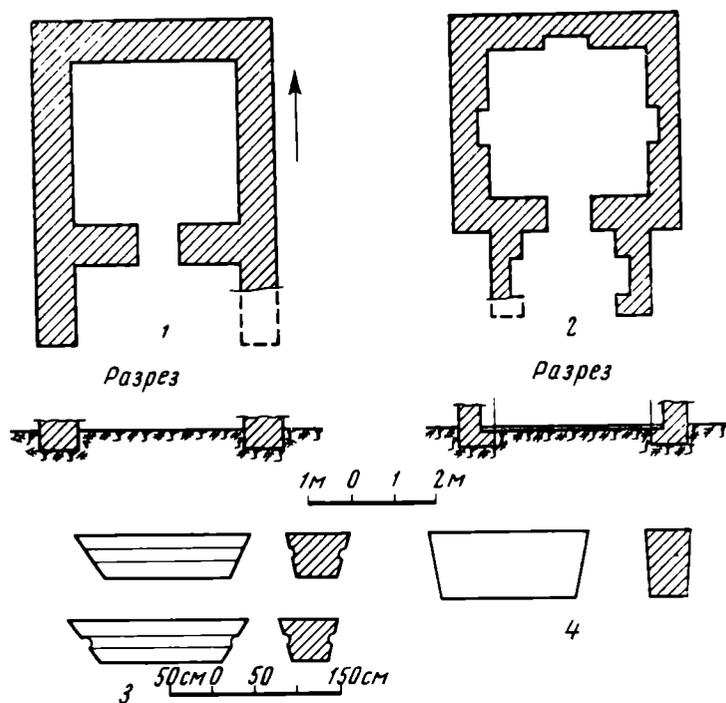

Рис. 1. Мавзолей золотоордынского времени из Пятигорья

1 — план мавзолея № 1; 2 — план мавзолея № 2; 3 — образцы глазурированных кирпичей; 4 — образцы трапециевидного кирпича

³ Все эти сведения сообщил мне М. Е. Массон, которому приношу благодарность.

Перекрытие мавзолея, судя по имеющимся у нас сообщениям и планировке, было купольным.

В интерьере мавзолея, вдоль северной стены, были найдены погребения: костяки покоились на спине, в вытянутом положении, головой на запад, в могильных ямах прямоугольной формы с несколько закругленными углами. Сохранились также части дубовых гробов. Внутри мавзолея и вне его встречены в большом количестве брусковидные поливные кирпичи, аналогичные обнаруженным в первом мавзолее, и кирпичи трапециевидной формы (рис. 1, 4), узкая лицевая поверхность которых покрыта голубой поливой. Длина по лицевой стороне 19,5, ширина 5,5, высота 8,5 см.

Переходя к датировке и культурно-исторической оценке мавзолеев, отметим, что при некотором различии — в устройстве порталной ниши — между ними существует и большая близость. Объединяет их строительный и облицовочный материал, характер кладки и т. д. Ориентировка, так же как и расположение дверного проема на юг, в обоих случаях аналогичны; и наконец, в плане — это однокомнатные квадратные помещения.

Из-за отсутствия в мавзолеех точно датирующих предметов время их возведения можно определить лишь по строительному материалу. Квадратный жженный кирпич, аналогичный по размеру кирпичам из пятигорских мавзолеев, характерен для всех золотоордынских памятников XIII—XIV вв. Точно такие же кирпичи встречены при раскопках малой и большой мечетей в Верхнем Джулате⁴, на городище Маджар⁵, в Старом и Новом Сараях⁶ и других местах.

Изразцы с голубой поливой на лицевой стороне, клиновидно сходящиеся к основанию и имеющие боковые фаски для крепления раствором с основной кладкой стены, широко применялись в облицовке среднеазиатских архитектурных памятников XIV в.⁷ Аналогичные изразцы найдены в Новом Сараях⁸ на городище Маджар⁹, при раскопках мавзолея — мечети в Воронежской области¹⁰.

Все это позволяет датировать оба мавзолея XIII—XIV вв. и скорее XIV в., исходя при этом еще и из чисто исторических данных о времени широкого распространения мусульманского вероучения среди населения Золотой Орды, что произошло лишь во времена правления Узбек-хана, (1313—1339 гг.). Именно тогда начинается огромное строительство мусульманских культовых зданий и ислам становится официальной религией Золотой Орды¹¹.

В планировочном отношении мавзолеи Пятигорья близки ряду мавзолеев XIV — начала XV вв., обследованных как на территории Золотой Орды, так и за ее пределами. В качестве ближайшей аналогии мавзолею № 1 можно указать на совершенно однотипный в плане мавзолей Борга-Каш на территории Чечено-Ингушской АССР, датируемый арабской над-

⁴ О. В. Милорадович. Средневековые мечети городища Верхний Джулат. МИА, 114, 1963, стр. 66, 79.

⁵ В. А. Городцов. Результаты археологических исследований на месте развалин г. Маджары в 1907 г. Тр. XIV АС в Чернигове. III, М., 1911, стр. 162—200, а также собственные обмеры автора.

⁶ Ф. В. Баллод. Старый и Новый Сарай, столицы Золотой Орды. Казань. 1923, стр. 47, 50, 55.

⁷ Л. И. Ремпель. Архитектурный орнамент Узбекистана. Ташкент, 1961, стр. 260; Н. С. Гражданкина. Древние строительные материалы Туркмении. Тр. ЮТАКЭ, VIII, Ашхабад, 1958, стр. 181 сл.

⁸ Г. А. Федоров-Давыдов. Раскопки Нового Сарая в 1959—1962 гг. СА, 1964, 1, стр. 253.

⁹ Сборы А. П. Рунича, Е. Е. Ивашева, Э. В. Ртвеладзе; объекты хранятся в Пятигорском краеведческом музее.

¹⁰ В. П. Левашева. Золотоордынские памятники в Воронежской области. Тр. ГИМ, 37, М., 1960, стр. 183.

¹¹ Б. Д. Греков и А. Ю. Якубовский. Золотая Орда и ее падение. М.—Л., 1950, стр. 91.

писью 1405—1406 гг.¹², в котором при наличии квадратного помещения порталная ниша образована выдвинутыми далеко вперед стенами основного объема¹³ (т. е. точно так же, как и в мавзолее № 1). Вне пределов золотоордынской территории наибольшую близость к мавзолею № 1 обнаруживает мавзолей Зенги-Баба в с. Мурча Туркменской ССР¹⁴.

Конструктивно очень близок к мавзолею № 2 мазар XII в. Чугундор-Баба на городище Куфен Туркменской ССР. Они сходны не только в планировке, но и в таких деталях, как устройство ниши с внутренней стороны портала¹⁵. К сожалению, малое количество мавзолеев, вскрытых на территории самой Золотой Орды, не позволяет провести соответствующих сопоставлений. Возможно, близок к пятигорским мавзолей, вскрытый Ф. В. Баллодом на Мечетном городище, где тоже имеется квадратное в плане помещение и аналогичный обряд захоронения в двух расположенных рядом грунтовых ямах¹⁶.

Сейчас еще трудно говорить, под влиянием какой именно архитектурной школы сложились золотоордынские мавзолеи, в данном случае пятигорские. Можно предположить, что это влияние шло из Средней Азии (вероятно, через Хорезм), а не из Азербайджана, где в то время наиболее распространенным типом были башенные мавзолеи¹⁷. Таким образом, существование золотоордынских мавзолеев, принадлежавших представителям феодальной знати, несомненно.

У нас есть сведения о посещении Ибн-Батутой в 1334 г. в местности Биш-Даг (т. е. Пятигорья) летней ставки Узбек-хана, где Ибн-Батута совершил соборную молитву, что, кстати, указывает на наличие здесь соборной мечети¹⁸. Все это свидетельствует о том, что район Пятигорья с его прекрасными климатическими условиями и удобным географическим положением был не только местом временных летних кочевков, но, по-видимому, и постоянным местопребыванием золотоордынских феодалов¹⁹.

Подводя итог, можно сказать, что на Северном Кавказе сейчас намечаются три района, где сконцентрированы остатки архитектурных памятников золотоордынской поры: это, во-первых, городище Маджар, во-вторых, район Верхнего и Нижнего Джулата и, в-третьих, территория Пятигорья. Вероятно, именно эти районы играли в период господства Золотой Орды на Северном Кавказе наиболее значительную роль как в экономическом, так и в политическом отношении.

---

¹² Л. И. Лавров. Новые материалы по арабской эпиграфике на Северном Кавказе. МАЭ, XXI, М.—Л., 1963, стр. 287.

¹³ И. П. Щелыкин. Искусство ингушей в памятниках материальной культуры. Изв. Ингуш. НИИ, 1. Владикавказ, 1928, стр. 296. Указанием на эту статью я обязан В. А. Кузнецову, которому приношу благодарность.

¹⁴ Г. А. Пугаченкова. Пути развития архитектуры Южного Туркменистана поры рабовладения и феодализма. Тр. ЮТАКЭ, VI, М., 1958, стр. 370.

¹⁵ Г. А. Пугаченкова. Ук. соч., стр. 302.

¹⁶ Ф. В. Баллод. Приволжские Помпеи. М.—Л., 1923, стр. 23, 24.

¹⁷ Л. Бретаницкий, М. Усейнов, А. Саламзаде. История архитектуры Азербайджана. М., 1963, стр. 128.

¹⁸ В. Г. Тизенгаузен. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. I, СПб., 1884, стр. 301.

¹⁹ Вокруг обоих мавзолеев отмечено большое количество могильных насыпей.

Критика и библиография

R. H a c h m a n n, G. K o s s a c k, H. K u h n. Völker zwischen Germanen und Kelten. Schriftquellen, Bodenfunde und Namengut zur Geschichte des nördlichen Westdeutschlands um Christi Geburt. Karl Wachholtz Verlag Neumünster, 1962, 144 стр., 27 таблиц, рисунков и карт.

Одна из задач этой книги — проверить на конкретном примере, насколько археология способна своими средствами изучать проблемы этнической истории, в какой степени ее данные можно сочетать с данными письменных источников и языковедения, каков при этом удельный вес археологии. Эти вопросы сейчас очень остро ставятся в науке. И такие темы, как Галлия и Германия эпохи Юлия Цезаря, словно предназначены служить в этом споре своего рода «пробными камнями». Детальные сведения о размещении племен дают здесь поистине безграничные возможности для исторической интерпретации археологических материалов.

Особенно многого следовало ожидать от сопоставления археологических материалов с правого и левого берегов Рейна; ведь по Рейну Цезарь проводил границу между кельтами и германцами, и здесь можно было бы проверить, насколько этнические различия сопровождаются различиями в археологической культуре. Однако немецкие археологи вслед за Г. Коссинной долго довольствовались простой констатацией указаний Цезаря, и, априорно считая население правобережного Рейна времени галльских войн германским, не сопоставляли его археологического наследия с материалами левобережного Порейнья или внутренних областей древней Германии.

В 1940 г. ученик Г. Коссинны Э. Вале, проведя, наконец, такое сопоставление, обнаружил единство позднелатенской культуры по обе стороны Рейна. Э. Вале сделал из этого вывод, что лишь письменные источники дают возможность изучения этнических проблем, а археологические для этого непригодны¹. В послевоенные годы открытие Э. Вале имело большой резонанс, но проблемы кельтов и германцев на Рейне археологи касались лишь по отдельным частностям. Только в 1952 г. языковед М. Гисселинг на основе изучения топонимии открыл существование в древности по обе стороны Рейна особого индоевропейского (на неиндоевропейском субстрате) «бельгского» языка, отличного от германского и кельтского и занимавшего современные Бельгию, Голландию, Северную Францию, Гессен и Рур. Однако археологическая неразработанность проблемы не позволила археологам сразу оценить значение выводов М. Гисселинга².

Книга Р. Хахманна, Г. Коссака и Х. Куна специально посвящена населению Порейнья эпохи Цезаря. В ней сопоставлены археологические, письменные и лингвистические данные. Два археолога и языковед объединились в один авторский коллектив после того, как выяснилось, что они независимо друг от друга пришли к очень близким выводам. Книга построена как сумма трех очерков: Р. Хахманн «Германцы и кельты на Рейне около рубежа нашей эры», Г. Коссака «Археологические данные о расселении древних германцев между Майном и Северным морем», Х. Кун «Данные топонимии». В совместно написанном заключении отмечены наиболее существенные разногласия между авторами и подытожено то, что из выводов можно считать твердо установленным, а что гипотетичным.

Причину того, что вопрос о германцах и кельтах на Рейне не удавалось решить так долго, Р. Хахманн и Г. Коссака видят в порочности методологии коссинновской школы. Критика методов Г. Коссинны вообще симптоматична для немецкой археологии 1950—1960-х годов, когда перед ней встала задача «вскрыть ошибки и найти

¹ E. Wahle. Zur ethnischen Deutung frühgeschichtlichen Kulturprovinzen. Sitzungsberichte d. Heidelberger Akademie der Wissenschaften. Phil.-Hist. Klasse, 1940, 1941. Цит. по R. H a c h m a n n и др. Ук. соч., стр. 13, 14, 27, 28.

² S. J. de Laet. Archeologia i jej problemy. Warszawa, 1960, стр. 97 (со ссылкой на M. G y s s e l i n g. Inleiding tot de studie van het oude Belgisch. Mededelingen Vereniging Naamkunde Leuven, XXVIII, 1952).

путь к их преодолению, не потеряв при этом цель (которую имел перед собою и Коссинна) — сделать доисторическую археологию пригодной для исторического познания»³. Это направление особенно важно, поскольку кризис коссинновской методики породил у части ученых скептическое отношение к археологии как к исторической науке. Советские археологи уже давно вскрыли политические корни коссинновской школы. Однако проводимый немецкими исследователями анализ методических ошибок Г. Коссинны также весьма поучителен.

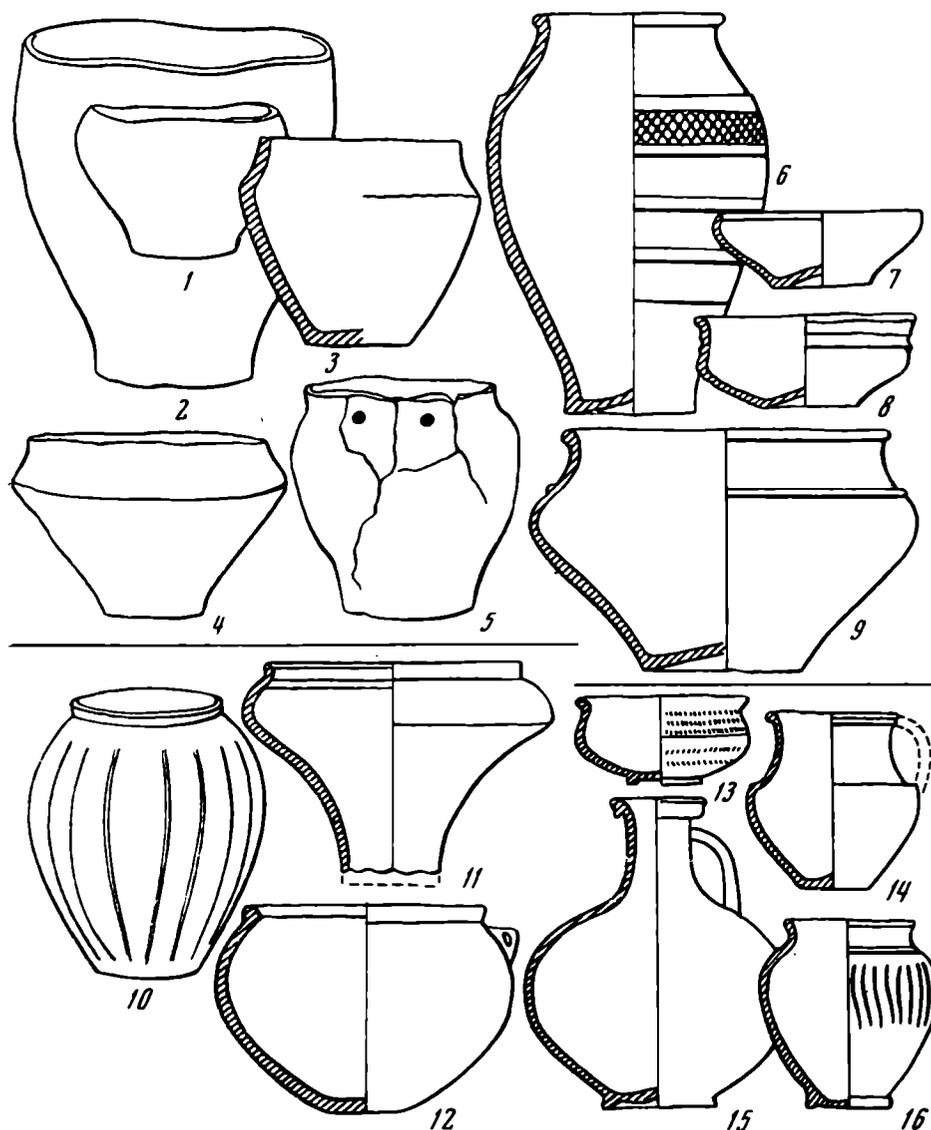

Рис. 1. Керамика Порейнья в I в. до н. э.— I в. н. э.

1—9 — местная керамика I в. до н. э. (1—5 — лепная, 6—9 — круговая); 10—16 — керамика I в. (10—12 — древнегерманская, 13—16 — провинциально-римская), по Р. Хажманну и Г. Коссаку (табл. 1—11)

Детальный анализ Р. Хажманном методов Г. Коссинны можно вкратце свести к следующему. Языковед Г. Коссинна обратился к материалам археологии, исчерпав, как ему казалось, возможности других источников. Но он не признавал ее особой наукой с только ей присущей спецификой источников и методикой их изучения. Археология была для него лишь поставщиком отдельных фактов, из которых можно было строить концепции на базе языковых или письменных данных. При этом критику письменных источников Г. Коссинна сводил к текстологии, несколько не сомневаясь в полной достоверности всех сообщаемых ими сведений. Взгляд Г. Коссинны на археологию имел тяжелые последствия для молодой науки, задержав ее становление в Германии. Г. Коссинна не считался с тем, что в руки археологов попадают лишь незначительные фрагменты древней культуры. Говоря словами Х. И. Эггерса, он не понимал, что археологическое познание включает три ступени: 1) «живая культура» (по Х. И. Эггерсу, «язык, духовная и материальная культура». — А. А.), которую мы не знаем, но которую ищем; 2) «мертвая культура», т. е. части живой культуры, которые сохранились до нашего времени; 3) «вновь найденная

³ Н. J. Eggers. Der «Atlas der Urgeschichte» und die «Tabula imperii romani». Limes Romanus Konferenz Nitra. Bratislava, 1959, стр. 118.

культура», т. е. части мертвой культуры, уже добытые из-под земли, где они покоились тысячелетиями, и которые одни только находятся в распоряжении современного исследования»⁴. Г. Коссинна считал, что достаточно одного элемента, чтобы судить обо всей культуре в целом. Он отождествлял «круги форм» с этническими общностями, забывая, что они могут зависеть также от экономических, социальных, технических или религиозных причин. В соответствии со взглядами языковедов XIX в. Г. Коссинна принимал во внимание лишь сохранившиеся языковые группы (кельтские, германские, славянские и т. д.), игнорируя при определении этнической принадлежности археологических культур существование в древности других языков, исчезнувших почти бесследно. Поэтому он ограничивал возможности этнической интерпретации древних культур дилеммами типа: если не кельтская, то германская. Вслед за немецкими романтиками XIX в. он упрощал этническую историю народа, признавая лишь разрастание и деление единого организма, подобное росту и ветвлению дерева, не учитывая сложного взаимодействия с разноэтничным окружением и влияния субстратов. Творцом национальной культуры он считал иррациональный «народный дух». Р. Хахманн объясняет пороки школы Г. Коссинны не только личными качествами ее основателя или наследием немецкой германистики XIX в., но в первую очередь социальными причинами: задачами националистического использования прошлого для политических целей (стр. 19).

Начиная обзор археологических источников, Р. Хахманн и Г. Коссак отмечают крайне неравномерную изученность рассматриваемой ими области для периода I в. до н. э.—I в. н. э. Но даже на этом отрывочном материале вырисовывается в целом очень яркая и определенная картина. С запада и юга изучаемая территория окружена зоной классической латенской культуры кельтов, с востока — расположенной в бассейне Эльбы ясторфской культурой, развивавшейся с VI в. до н. э. и генетически связанной с древнегерманскими культурами первых веков нашей эры. Между ними по обе стороны Рейна располагалась третья культура, по сумме признаков отличная и от латенской, и от ясторфской и уходящая корнями в местную культуру полей погребальных урн раннего железного века. Ее южная зона подверглась сильному кельтскому влиянию: здесь возникли оппиды с развитым ремеслом, изготовлялась близкая кельтской круговая посуда (рис. 1, 6—9), обращалась монета (в том числе местная), найдены клады железных инструментов и брускового железа. Но эти латенские черты, заметны слабевшие по направлению к северу и северо-востоку, повсюду сочетались с местной лепной керамикой некельтского облика (рис. 1, 1—5). Области кельтского влияния на правобережье Рейна и в Северной Франции отличались от собственно кельтских областей также погребальным обрядом: если у кельтов в I в. до н. э. возобладала погребения без вещей, то здесь сохранились трупосожжения с инвентарем, часто обильным. В северной зоне прирейнской культуры керамика изготовлялась только лепная, мертвых погребали по обряду трупосожжения. Слабая изученность этой зоны не позволяет пока детальнее проследить динамику развития здешней культуры и в достаточном масштабе отделить памятники I в. до н. э. от предшествовавших. Но в целом на обширной территории по обе стороны Рейна выделяется несколько локальных вариантов, из которых вариант, охвативший Северную Францию и часть Бельгии, распространился в позднелатенскую эпоху и на юго-восток Англии (чему соответствуют сведения Цезаря о переселении части бельгов в Британию BG II 4 и V12)⁵.

К началу нашей эры единая область оказалась разделенной на две части по Рейну, ставшему границей Римской империи. Западнее Рейна распространилась провинциально-римская культура, быстро стиравшая местные особенности (рис. 1, 13—16). Восточнее Рейна эволюция местной культуры резко оборвалась. Если в северной зоне слабая археологическая изученность мешает пока проследить этот перерыв детальнее, то на юге он разителен. Запустили не только оппиды, но и поселения других типов, перестали функционировать старые могильники, исчезли круговая посуда и монеты, было заброшено развитое железоделательное производство в Шиферных горах. Скудные памятники «переходного» времени — лишь небольшие могильники или одиночные погребения с посудой нового типа, распространенной в это время на Эльбе (где она сложилась на основе ясторфской) до Чехословакии и убедительно увязывающейся с древнегерманскими племенами из группы свебов (маркоманны, квады и другие, рис. 1, 10—12). Позднее, с конца I в., на правобережье Рейна сложилась так называемая рейнско-везерская культура, не имеющая определенных прототипов в более ранних культурах. Считается, что она принадлежала западной группе древних германцев.

Таким образом, археология показывает, что на обоих берегах Рейна с гальштата до рубежа нашей эры жило население с родственной культурой, отличной и от кельтской, и от эльбско-германской. Лишь около рубежа нашей эры оно было разделено между Римом и пришедшими с Эльбы германцами, причем на правобережье этому сопутствовало обезлюдение территории и перерыв в развитии местной культуры. Но

⁴ Там же, стр. 121.

⁵ A. Birchall. The Aylesford-Swarling Culture. The Problem of the Belgae Reconsidered. Proceedings of the Prehistoric Society for 1965. Нов. сер., XXXI, Cambridge, 1965.

и здесь местное население не исчезло совсем, а лишь сильно поредело, и было постепенно ассимилировано германцами, как считают Р. Хахманн и Г. Коссака, ссылаясь на сохранение в рейнско-везерской культуре некоторых древних местных элементов.

Второй компонент исследования Р. Хахманна, Г. Коссака и Х. Куна — анализ письменных источников. Из текста «Записок» Юлия Цезаря видно, что он считал Рейн границей между кельтами и германцами и как будто бы не говорил о других этнических группах на этой территории. Но Р. Хахманн и Х. Кун показывают, что Цезарь в первоначальных отчетах выделял и третью группу племен: бельгов. Вот сви-

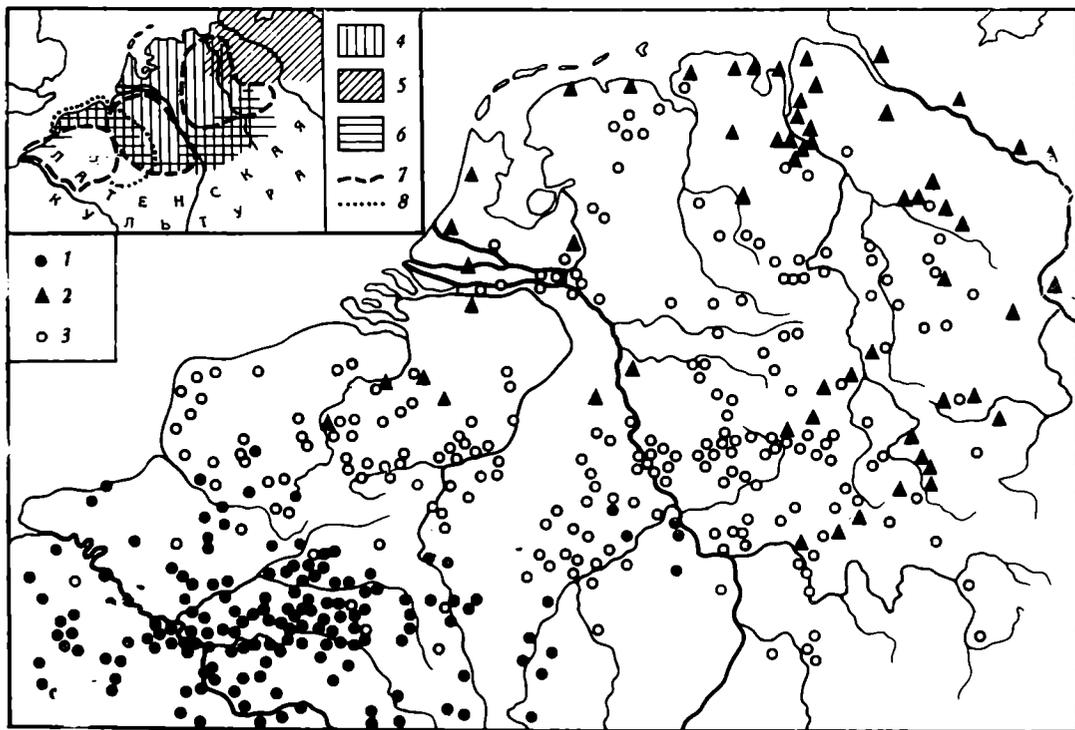

Рис. 2. Схема расположения археологических, исторических и лингвистических ареалов, анализируемых в книге Р. Хахманна, Г. Коссака и Х. Куна

1 — кельтские топонимы; 2 — древнегерманские; 3 — «прирейнские», по Х. Куну (карты 9—16); 4 — памятники «прирейнских» типов (Р. Хахманн и др., стр. 62, 88—97, 130); 5 — ясторфская культура; 6 — зона сильного воздействия кельтской культуры (карты 1—6); 7 — приблизительные очертания реконструируемых Р. Хахманном (стр. 48—52) областей бельгов (собственно «Бельгиум»), левобережных «германцев» и маннус; 8 — предполагаемое Р. Хахманном (стр. 47) расселение части бельгов на «германской» территории

детельство Цезаря: «Галлия по всей своей совокупности разделяется на 3 части. В одной из них живут бельги, в другой — аквитаны, в третьей — те племена, которые на их собственном языке называются кельтами, а на нашем — галлами. Все они отличаются друг от друга особым языком, учреждениями и законами» (BG I 1) ⁶. И в последующем тексте Цезарь не называет бельгов кельтами; «галлами» он называет их как живущих в захваченной Римом Галлии, а «германцами» из-за того, что так сами себя называли некоторые бельгийские племена. Р. Хахманн и Г. Коссака убедительно показывают, что античный термин «германцы» не соответствует современному пониманию: под ним не было определенного этнологического содержания. Авторы последовательно рассматривают, как римское понятие «германцы» сложилось под влиянием отчетов Цезаря, а первые представления Цезаря — из столкновения с Ариовистом (в разноэтничном войске которого были как племена с неясной этнической принадлежностью — гаруды, трибокки, вангионы, неметы, седусии, так и несомненно древнегерманские — маркоманны и свебы; BG I 51) и со слов кельтских союзников. Цезарь назвал Рейн границей между галлами (не только кельтами!) и германцами раньше, чем узнал реальные подробности расселения прирейнских племен. Он опирался на: 1) традицию античных географов считать реки границами племен, 2) предшественника в лице Посидония из Апамеи, 3) политические соображения, поскольку область, лежавшая в сфере интересов Цезаря и названная им Галлией, доходила до Рейна. Позднее, узнав от местных жителей о том, что и на галльской стороне Рейна живут «германские» племена, Цезарь в соответствии с уже сложившимся представлением стал объяснять их расселение в Галлии приходом из-за Рейна. В определениях Цезаря все время чувствовалась двойственность, так как термины «галлы» и «германцы» употребляются им то как этнические («галлы» — кельт-

⁶ Записки Юлия Цезаря. М.—Л., 1948.

ские племена эдуев, секванов и др.), то как политические («галлы» — все разноэтничные жители Галлии, «германцы» — не только германские племена свебов, но и «галлы»-бельги и все зарейнские племена вообще, как убии и др.).

Р. Хахманн показал, что в «Записках» Цезаря отразилось также местное понимание термина «германцы». Местное население называло германцами не только всех жителей Зарейнья, но и следующие племена на левобережье: часть бельгских племен (Р. Хахманн указывает на первийев, ссылаясь на Страбона и Тацита), кондрусов, эбуронов, кересов, пеманов, «которые объединяются общим названием германцев» (BG II 4, характерно само выражение Цезаря!), и сегнов (BG VI 32). Собирая об этом, Цезарь как бы устраняется сам, а ссылается на информацию бельгского племени ремов. Р. Хахманн считает, что эти племена (к ним он добавляет адуатуксов, моринов, менаписов и тревиров) составляли особую группу, ничего общего не имеющую с германцами в современном понимании (рис. 2, врезка). Другую большую племенную группу Р. Хахманн видит в бельгах. Он реконструирует их основную территорию («Бельгиум» Цезаря) в составе велиокассов, белловаков, суессонов, атребатов, амбианов, калетов (BG V 24); первийи и ремы, по его мнению, выселились из Бельгиума на земли «германцев» и потому считали себя и бельгами, и «германцами» (рис. 2, врезка). Третья большая группа некельтских и негерманских племен предположительно реконструируется Р. Хахманном (по текстам Тацита и Плиния) за Рейном: к группе племен Маннус он относит хавков, хаттов, херусков и, возможно, батавов и каннифатов (рис. 2). Далее к востоку, на Эльбе жила большая группа свебских племен: маркоманны, лагбарды, гермундуры, семноны и др.; лишь они увязываются для изучаемого района с древнегерманскими племенами последующего времени. Таким образом, письменные источники I в. до н. э. — I в. н. э. сохранили сведения о различных племенных объединениях, многие из которых не укладываются в греко-римскую схему «кельты (галлы) или германцы».

Сопоставление археологических и письменных данных показывает, что области племенных групп бельгов, прирейнских «германцев» и маннус находились внутри ареала прирейнской археологической культуры I в. до н. э. Источники взаимно подтверждают некельтскую и негерманскую принадлежность древнего населения Порейнья и его деление на многие локальные группы. Все три автора пришли к выводу, что эти племена не имели единого для всех названия и общей организации.

Сравнивая обе группы источников, можно яснее представить и события «переходного» периода на правобережье Рейна, хотя в соответствии с общими взглядами на хронологию эпохи⁷, точки зрения обоих археологов на абсолютную датировку «переходного» периода расходятся. Р. Хахманн начинает «переходный» период раньше, чем Г. Коссака, он относит его начало к широкому напору свебов на Порейнье, зафиксированному письменными источниками с середины I в. до н. э. Критикуя тех историков, которые искали причину натиска свебов в перенаселенности, в стремлении к югу или в «тяге к странствиям», Р. Хахманн считает, что свебы обогнали соседей в социальном развитии, у них усилилась знать и рос авторитет вождей (он противопоставляет личную власть свеба Маробода и херуска Арминия) — вот что побуждало свебские дружины к далеким походам и завоеваниям. Напор свебов вызвал перемещение рейнских племен и неоднократно приводил к сложению разноплеменных временных коалиций. В последние годы до нашей эры римляне еще сталкивались со свебами в Порейнье, но в первые годы нашей эры натиск свебов переместился к югу, на дунайскую границу Рима. После этого местные племена за Рейном оказались одни против римлян. Оба автора считают, что именно они (в их числе херуски), а не германцы выдержали основную тяжесть борьбы против Рима на правобережье Рейна и заставили римлян отступить. Но в результате этих войн часть населения была уничтожена, часть переселена. Р. Хахманн предполагает, что оставшееся население сгруппировалось после ухода римлян, не изменив, однако, своей прежней социальной структуры. Таким образом, Р. Хахманн относит ранние германские (эльбские) памятники Порейнья по крайней мере к концу I в. до н. э., к периоду, когда свебы еще упоминались в этом районе, и, следовательно, до опустошительных действий римских полководцев (?).

Г. Коссака, в отличие от Р. Хахманна, считает, что именно ослабление местного населения после изнурительной борьбы с Римом в 12 г. до н. э. — 16 г. н. э. и значительное обезлюдение области создали условия для расселения здесь свебов и последующей германизации. Не отдельные германские вторжения I в. до н. э., а изгнание римлян за Рейн положило начало германизации Порейнья. Датируя первые германские памятники в этом районе, Г. Коссака основывается как на хронологии найденных в них фибул и других вещей (он относит их к началу нашей эры), так и на находке германских могил, вырытых в культурном слое римского лагеря в Хальтерне, оставленного римлянами не позднее 9 г. н. э. Пока ни один эльбско-германский (свебский) памятник Порейнья, по мнению Г. Коссака, не может быть датирован более ранним временем. Следовательно, если принять датировку Г. Коссака, массо-

⁷ R. H a c h m a n n. Die Chronologie der jüngeren vorrömischen Eisenzeit. 41 Bericht der RGK. Berlin, 1961; G. K o s s a c k. Frühe römische Fibeln aus dem Alpenforland und ihre chronologische Bedeutung für die germanischen Kulturverhältnisse. Aus Bayerns Frühzeit (Festschrift F. Wagner). München, 1962.

вые археологические памятники свебов появились в Порейнье уже после того, как основная масса свебов ушла в конце I в. до н. э. к юго-востоку (Ук. соч., стр. 59) и упоминания о них в связи с рейнской границей прекратились. Но это противоречие кажущееся. Оно связано с одной методически очень важной особенностью археологических источников, не всегда учитываемой при их исторической интерпретации.

Многие переселения больших групп людей, имевшие большое политическое значение и потому хорошо освещенные в письменных источниках, совершенно не нашли отражения в полученном до сих пор археологическом материале. Из множества примеров назову лишь пребывание в Галлии Ариовиста и последующие вторжения свебов⁸, странствия готов по Балканам в V в., гепидские памятники V в., славянские вторжения VI в. в византийские провинции на Дунае. Самый разительный пример — отсутствие до VI в. памятников испанских везиготов, политическая история которых детальнейше освещена с начала V в., и были даже записаны их законы. Но зато, как подчеркивает и Р. Хахманн, археологи чаще встречают следы переселений, никак не отраженных в письменных источниках. Так, на Среднем Рейне, в области Веттерау найдена небольшая изолированная группа могильников I в. до н. э., совершенно сходных с пшеворскими могильниками Польши; позднее они бесследно исчезли (стр. 36, 37). Поэтому далеко не всегда возможно связать переселение, прослеживаемое археологически, с переселением, описанным в нарративных источниках, каким бы заманчивым такое сопоставление не представлялось. Кратковременное расселение даже больших масс людей часто оставляло слишком мало следов, чтобы их могла уловить археология при современной плотности изучения территории. Зато медленное внедрение оседлых групп приводило к концентрации памятников, достаточной для их выявления в наше время.

В третьей части работы содержится лингвистический анализ топонимов (рис. 2). Как отмечает Х. Кун, топонимия изучаемого района исключительно многослойна, что говорит о преемственности заселения, о том, что в древности здесь не было резких смен населения. Х. Кун пишет, что ранее языковеды принимали для данного района альтернативу: или кельты, или германцы, в соответствии с этим распределяя названия. Но ведь не вся топонимия, сохранившаяся на кельтской территории, была кельтской; при своем расселении кельты ассимилировали другие народы. Поэтому Х. Кун поставил задачу отобрать лишь несомненно кельтские образования и определить с их помощью границу массового расселения кельтов в Порейнье. Он отобрал и картографировал кельтские названия Новинтум, Кондате («слияние»), Дунум («крепость»), составные названия с элементом брига («гора»), брива («мост»), нант («долина»), верн («ольха») и с суффиксом -ойалум / -ойлум.

При изучении левобережья он оказался в особенно благоприятном положении, так как здесь древняя топонимия была зафиксирована источниками римского времени.

С топонимами древних германцев положение еще более своеобразно. К востоку от изучаемого района, на Эльбе и в Мекленбурге, там, где археологи проследили непрерывное развитие германской культуры с раннего железного века и где следовало бы ожидать особой древности германских названий, они представлены лишь поздними топонимами с компонентами -leben, -heim, -ingen, -tun, -sele и др. Такие названия, как отмечает Х. Кун, характерны почти для всех областей массовой германской колонизации от Англии до Южной Германии. Исчезновение в Средней Германии древнейших слоев германской топонимии он объясняет тем, что в эпоху переселения народов основное германское население этой области уходило, и она была занята славянами. Методически это явление очень интересно: оно показывает, что отсутствие иноязычной топонимии на какой-то территории еще не служит доказательством исконности ее населения, а может быть связано всего лишь с перерывом в ее заселении.

Для выделения ранней германской топонимии в Порейнье Х. Кун взял названия с суффиксом nd, с корнями Ald, Kald, Fald и некоторые другие (в сочетании с негативными данными: sh вместо k и т. д.). В итоге их территория охватила Порейнье с востока как бы подковой, опирающейся на Эльбу. Сузилась область первоначального контакта германцев с кельтами: Х. Кун предположительно локализирует ее в районе Гарца, ссылаясь как на свои топонимические карты, так и на происхождение древнегерманского названия кельтов от племени вольков, жившего (по Цезарю) в этом районе, и, наконец, на сопоставлении кельтского Nergunna с германским Fergunna.

После определения зон кельтской и древнегерманской топонимии между ними осталась обширная территория со своей особой топонимией. Одни черты догерманской топонимии Прирейнской области сохранились как реликтовый осколок более широкого индоевропейского ареала (П в начале слов, суффикс -st), и хотя они были известны в Средиземноморье, но уже исчезли у древних германцев и кельтов. Другие черты специфичны только для данной области, например, гидронимы на -апа (Ольпе, Эннепе, Харлофф, Банфе и др.). Картографирование топонимов обрисовывает область рейнских племен, близкую к археологическому ареалу. Х. Куну уда-

⁸ R. Nie r h a u s. Das svebische Gräberfeld von Diersheim. Berlin, 1966, стр. 199—207.

лось лингвистическими средствами датировать время заимствования прирейнской топонимии германцами (т. е. начало германизации этой территории). Это произошло в основном после того, как завершилось первое германское передвижение согласных (переход р—f; k—ch, h; t—ð, английское th; b—p; d—t; g—k), выделившее германские диалекты из индоевропейских. Относя начало передвижения согласных к середине I тысячелетия до н. э., Х. Кун считает, что оно было близко к завершению в римскую эпоху, так как уже не отразилось на словах, заимствованных германцами от римлян.

Основываясь на преобладании в догерманском слоё прирейнской топонимии индоевропейских элементов, Х. Кун считает, что эти племена были индоевропейцами, близкими по языку к германцам и к кельтам, но особенно к италийской ветви индоевропейских языков. Как предполагает Х. Кун, это была часть западной группы индоевропейцев, оставшаяся после отделения всех новообразованных групп, последними из которых были римляне, кельты и германцы.

Как и археологи, Х. Кун считает, что германизация прирейнских племен проходила медленно, возможно в течение нескольких веков, и довольно спокойно. Об этом говорит не только многочисленность сохранившихся догерманских топонимов и нередкие случаи их смешанности с германскими: догерманские топонимы уцелели на худших землях, но местами и на лучших, что, возможно, говорит о силе местного населения в таких районах. Германизация южной и приморской окраин Рейнской области могла начаться раньше, чем допускают археологи, так как кроме ранних германских топонимов к началу нашей эры названия некоторых местных племен имели германизированное звучание (ch вместо k: хатты, хамавы, херуски: часть знати у херусков носила германские имена и т. д.). Но Х. Кун согласен с археологами в том, что решающий этап германизации наступил уже в первых веках нашей эры.

Подводя итог совместной работы, авторы книги считают, что наблюдаемый археологами перерыв в культуре и степени заселенности правобережного Порейнья, бывший следствием опустошительных походов римлян, не означал быстрой смены населения и языка. В первые века нашей эры здесь не было значительного и сплошного расселения германских земледельцев, кроме, пожалуй, нескольких важных участков, оказавших влияние на другие районы. «Следовательно, это, говоря в целом, было больше изменением культуры и языка (вместе с господством), чем сменой населения, — форма, с которой, пожалуй, слишком мало считаются вообще, когда речь идет о древности» (стр. 132). Авторы справедливо полагают, что теперь многое в германской проблеме придется пересмотреть заново, так как контакт с кельтами оказался значительно слабее, чем считалось раньше, а наследие порейнских племен в языке и культуре последующего времени еще предстоит выяснить.

Таковы некоторые данные об этой увлекательной книге, значение которой гораздо шире решаемых в ней конкретных проблем. Насколько еще неисчерпаемы возможности «донстории», если удалось в центре Европы и для, казалось бы, одной из наиболее освещенных источниками и изученных эпох обнаружить целую дотоле неизвестную группу народов, почти такую же большую, как кельты или германцы!

А. К. Амброз

В. И. Антонова. Древнерусское искусство в собрании Павла Корина. М., «Искусство». 1967, стр. 352+161 табл. Тираж 25 000.

Научный каталог произведений древнерусского искусства из собрания художника П. Д. Корина представляет собою солидный том. Текст, написанный В. И. Антоновой, сопровождается 161 репродукцией (тоновые и цветные). Таким образом, опубликована одна из наиболее крупных и ценнейших в художественном отношении частных коллекций. Уже по выходе каталога в свет, после кончины П. Д. Корина, согласно завещанию владельца, коллекция передана Государственной Третьяковской галерее.

Коринское собрание — плод многолетней и любовной собирательской деятельности художника, превосходного знатока древнерусского искусства; родословная фамилии Коринных уходит к иконописцам-крестьянам всемирно известного села Палех. Начало собранию было положено родовой иконой Коринных «Смоленская одигитрия» в складне-кузове, строгановских писем конца XVI в. (№ 70). Впоследствии собрание пополнялось не случайными или рядовыми памятниками, но такими, которые были известны в публикациях или упоминались письменными источниками. Так, после неоднократной смены владельцев, сюда поступили произведения, некогда принадлежавшие Н. П. Кондакову, Е. Е. Егорову и другим видным коллекционерам и знатокам древнерусского искусства.

Галерею икон открывает произведение новгородского письма XII в. — икона «Знамение». Икона двусторонняя; лицевая сторона иконы с изображением Богородицы Знамение — «покровительницы» Новгорода — сильно смыта и заставляет скорее догадываться о былой изысканности живописи. Зато оборот с изображением Па-

раскевы Пятницы сохранился превосходно и с покоряющей силой доносит своеобразие художественных достижений Новгорода — одного из крупнейших центров русской и европейской культуры. В этом произведении сквозь его иконописный облик ощущается отдаленное отражение торжествующей красоты человека античной фрески — этом общем истоке восточнохристианского искусства — и вместе с тем особенная свежесть мировосприятия, характерная для искусства Новгорода. Икона «Покров», XIV в. и Спас из Юрьева монастыря дают представление о более позднем периоде новгородской школы живописи.

В собрании всесторонне представлены едва ли не все направления и школы древнерусского искусства, и притом в произведениях первоклассных. Псковское письмо безошибочно узнается в иконе первой половины XIV в. «Рождество богоматери» характерными чертами стиля и волнующим слиянием прочно устоявшегося земного уюта и суровой мечтательности. Драгоценное мастерство суздальской школы пленяет в иконах XV в. «Похвала богоматери» и «О тебе радуется». Светская яркость красок звенит в напряженной розово-красной палитре рыцарски изящного Георгия московских писем XVI в.

Наиболее полно в коллекции подобраны памятники иконописи строгановских, годуновских писем и школы царских изографов XVII в. Среди них немало подписанных икон: Посника Дермина, Емельяна Москвитина, Никифора Савина, Перши, Прокопия Чирина и других иконописцев царской мастерской. Впервые стало известно имя строгановского иконника Истома Гордеева по его подписной иконе «Створки четырехрядные», № 65. Из надписи на иконе «Иоанн Богослов» из Деисуса, № 69, мы узнаем, что строгановский иконописец Первуша был учеником знаменитого в то время мастера Прокопия Чирина. Творчество самого Прокопия Чирина представлено в собрании иконой высокого мастерства «Дмитрий Солунский и царевич Дмитрий», начала XVII в., № 74. Икона написана, по-видимому, вскоре после церемонии перенесения мощей «убиенного царевича» в Успенский собор Московского кремля при Василии Шуйском, в 1606 г.

Вспреки традиционному мнению о «ремесленности» иконописи XVIII — XIX вв., П. Д. Корин включил в свое собрание немало икон позднего периода — палехских, романовских и костромских писем. Произведения этого времени до недавней поры принадлежали к разряду «не имеющих музейного значения» и вообще не упоминались в Инструкциях по охране памятников, тогда как среди них есть немало икон большого мастерства и высокого художественного вкуса. Мне приходилось встречать в Костромской, Ярославской, Вологодской и Архангельской областях великолепные образцы монументальной и станковой живописи этого позднего периода, к сожалению остающиеся еще не известными и не изданными. Не случайно в иконописной среде получали первые навыки живописного мастерства художники В. Л. Боровиковский, И. Е. Репин и многие другие. Живопись палехского иконописца В. И. Хохлова или романовского иконника Максима Архиповского — не эпигонство, а живой мост от древних традиций к искусству современного Палеха и Мстеры. Этим и другим мастерам позднего времени русская живопись обязана непрерывностью замечательных традиций искусства народного в лучшем значении этого слова.

Для историка искусства произведения позднего периода имеют большое значение в историко-археологическом отношении, в особенности для изучения и реконструкции иконографии несохранившихся более древних памятников.

Иконы коринского собрания расчищались опытными мастерами-реставраторами и сохранили неповрежденными не только тончайшие приплески красок, но и надписи, которые очень важны для изучения памятников иконописи и зачастую сильно страдают при реставрации, в особенности если они лежат на золотом фоне. На многих иконах сохранились уборы в виде чеканных окладов и басмы.

Немало шедевров можно встретить и среди памятников прикладного искусства, как Панагия двустворчатая XV в. (№ VII) и Складень двустворчатый (№ X), обе новгородского происхождения.

Таковы, в общих чертах, художественные сокровища коллекции П. Д. Корина, соперничающей, по справедливому замечанию В. И. Антоновой, «своим совершенством подбором с лучшими государственными собраниями».

Текст каталога включает три раздела: 1. Вводная глава, 2. Историко-художественная классификация и 3. Совершенно каталог — опись произведений.

Вводная глава сообщает весьма интересные и своевременно полученные от П. Д. Корина сведения из истории собирания коллекции, многие из них остались бы неизвестными. Участие П. Д. Корина при составлении каталога не ограничилось, однако, информацией о происхождении памятников. В отдельных случаях владелец коллекции настаивал на принятой им датировке произведения, и автор каталога считался с его мнением. Работа проходила в тесном содружестве искусствоведа и художника-знатока, что бесспорно повышает ее ценность.

Введение представляет собой вместе с тем и обзорный этюд о художественно-исторической ценности публикуемых произведений. В рамках строго академического труда, каким является каталог, описание популярного характера может показаться излишним: публикация в основном рассчитана на специалистов, тогда как «Введение» апеллирует к широкому кругу читателей. Нельзя не учитывать, однако, все возрастающего общего интереса к древнерусскому искусству в наши дни, что предо-

пределило и большой тираж издания. Кроме того, оно подготовлено как экспортное.

Второй раздел — «Историко-художественная классификация» — составляет главное содержание книги. Произведения из собрания П. Д. Корина в большинстве публикуются впервые. Перед автором стояла задача снабдить «путевкой в жизнь» обширный круг памятников XI—XIX вв., выполненных в разной технике: иконописи, шитья, резьбы, чеканки и т. п. Историко-художественная классификация подразумевает необходимый комплекс сведений о памятнике, его происхождении, особенностях иконографии, техники выполнения и стиля живописи, о дате произведения и принадлежности той или иной школе. Классификация памятников базируется на тех же принципах, которые были приняты при издании «Каталога произведений древнерусской живописи Государственной Третьяковской галереи», этот капитальный труд стал настольной книгой каждого специалиста¹.

Научная публикация памятника является его исследованием и составляет основу изучения древнерусского искусства². Надо сознаться, что это — неблагодарный труд: составитель каталога должен проделать большой объем черновой работы, которую в практике музейного дела принято называть «научным описанием» художественных произведений. Такое описание, составленное опытным и сведущим музейным работником, представляет ценность прежде всего тем, что основано на изучении вещи в подлиннике, а не по фотографиям и репродукциям. Наряду с этим систематическая работа над музейными фондами вырабатывает качество, которое среди специалистов именуют «знаточеством» — способность как бы интуитивно, а в действительности на основе синтеза комплекса сведений определять особенности письма и дату произведения. Мнение музейного работника или искусствоведа, описывающего памятники на основании изучения их в натуре, заслуживает внимания и уважения.

К сожалению, если по отношению к памятникам XIV—XVIII вв. существует более или менее определенное представление о характерных особенностях техники и стиля выполнения живописи, то для датировки произведений более раннего времени, XI—XIII столетий, твердых критериев еще не выработано, и можно нередко встретить расхождения между специалистами в датировке в пределах иногда и более ста лет. Еще долго не утихнут споры и о принадлежности произведений к той или иной школе. Естественно, что с появлением новых публикаций нередко возникают разногласия не только в датах и атрибуции, но и по вопросам общеметодического характера. Научные дискуссии будут, несомненно, способствовать разработке методики изучения памятников древнерусской живописи.

В каталоге коринского собрания датировки и атрибуции произведений, предлагаемые В. И. Антоновой, в большинстве своем представляются вполне убедительными, за немногими исключениями. Описания умело заостряют внимание на тех чертах, которые являются наиболее важными для характеристики памятника. Образные определения расшифровывают «скупой и веский, как заклинание, изобразительный язык иконы». Живой и лаконичный стиль описания в манере изложения сродни иконописным подлинникам, обладающим удивительным свойством зрительно воскрешать ту или иную композицию.

Бесспорным достоинством труда является рвение автора в попытках установить происхождение памятника на основании письменных источников, если для этого есть хоть малейшая возможность, как, например, по отношению к иконам «Богоматерь-Владимирская», № 19 (стр. 43—47) или «Федор Стратилат», № 82 (стр. 106, 107). Это — один из наиболее надежных путей в изучении памятников древнерусского искусства, если исследователь не ограничивает себя сознательно узкими рамками формальных категорий стиля.

Ценные выводы удается извлечь из разбора содержания публикуемых памятников.

Так, по едва уловимым признакам удалось разобрать все детали изображения сильно смытой лицевой стороны иконы «Знамение», № 1. Присутствие среди других фигур св. Натальи как и на обороте одноименной «чудотворной» иконы Новгородского музея, по предположению автора, имеет отношение к определенному лицу.

Блестящим образцом иконографического анализа является исследование сюжетов на табличках с мниями и триодями конца XVI в. (№ 52), раскрывающее живую связь искусства иконописи с идеологическими воззрениями эпохи. Артистический экскурс в область древнерусской живописи малозученного периода одновременно дает разгадку некоторым, позднее забытым приемам из практики иконописного дела: полнота набора табличек приводит автора к убеждению, что эта «сюита» была задумана сразу, как свод изображений на весь год, как своего рода «мниия на полотенцах», которая могла служить «образцом для подлинника, руководства древнерусско-

¹ В. И. Антонова и Н. Е. Мнев а. Каталог произведений древнерусской живописи Государственной Третьяковской галереи, в двух томах. М., «Искусство», 1963.

² Вряд ли можно спорить о границах исследования памятника при его публикации (см. рецензию В. Н. Лазарева на книгу В. И. Антоновой и Н. Е. Мнев ой «О принципах научного каталога». «Искусство», 1965, № 9, стр. 67). Полагаем, что чем дальше продвинется автор в изучении памятника, тем большим вкладом в историю искусства будет его труд.

го иконописца» (стр. 74). Отдельные известные нам группы таблеток, как, например, из Софийского собора Новгорода XV—XVI вв., следует, видимо, рассматривать как часть такого неполно сохранившегося комплекта.

Весьма любопытно сопоставление иконы «Страшный суд» Кирилла Уланова (№ 89, стр. 114) с сочинением «Венец веры католической» Симеона Полоцкого, несомненно, повлиявшего на иконографическое решение темы.

Автор использует свои фундаментальные познания в области иконографии, старинного быта, утвари и одежды, умело привлекает литературные тексты. Памятники искусства предстают взору читателя в окружении той естественной среды, в которой они бытовали. Вполне закономерен вывод автора: «Национальное содержание живописи дало возможность насытить... официальную программу поэтическими легендами средневековья».

Ознакомившись с текстом каталога, читатель обогащает себя не только знанием нового обширного круга фактического материала в области древнерусского искусства, но постигает пути глубокого проникновения в идеологические представления и эстетику Древней Руси. Много ценных сведений почерпнет из этого серьезно труда и специалист, что не исключает возможности расхождения с автором в оценке некоторых произведений, исходя из опыта его собственной научной практики.

Отметим здесь некоторые положения автора, с нашей точки зрения недостаточно аргументированные или спорные.

Икона «Знамение» XII в., как одно из наиболее значительных в художественном отношении произведений всего собрания, получила подробнейшее описание, на что мы уже обращали внимание. В определении даты и атрибуции иконы автор каталога, однако, останавливается на полпути. В ходе описания вполне убедительно выяснена разность манеры в исполнении лицевой стороны как «иконной» и оборотной, «приближающейся к приемам исполнения фрески». Несколько ранее, во вводной статье, В. И. Антонова допускает возможность исполнения (двух ее сторон?) одним из ведущих мастеров конца XII в., каким был, например, по мнению автора, иконописец Грецин Петрович.

По-видимому, есть основание говорить об участии двух мастеров в написании лицевой и оборотной стороны этой иконы, выполненных разновремененно. Изображение Параскевы Пятницы нет никаких оснований связывать с греческим иконописцем; в образе Параскевы свободно выражено по-народному крепкое и цельное жизнеощущение, задор, что было сродни характеру свободолюбивых новгородцев. Эта сторона иконы написана, несомненно, новгородцем, как мы полагаем, в третьей четверти XII в.

Лицевая сторона иконы «Богоматерь Знаменье», при ее плохой сохранности, должна быть связана, очевидно, по целому ряду признаков с работой приезжего мастера. Богоматерь имеет облик холеной патрицианки, одетой в роскошное одеяние, с выражением чувственной земной красоты в свежей карнации ее лица, круглых, широко открытых глазах; капризный рот с припухлыми губками изящно прорисован. Печать «светскости» роднит это произведение с фресками Антониева монастыря 1130 г., близкими по стилю романской живописи. Предание связывает с Антонием Римлянином особенное почитание богородицы с предвечным младенцем на лоне. Икона «Знаменье» могла появиться в этом окружении и, вероятно, была написана одним из талантливых итальянских мастеров, подвизавшихся в те годы в Новгороде, поддерживавшем международные связи с широким кругом стран. С этой датой вполне согласуется происхождение иконы из Зверина монастыря, основанного, как отмечает автор, в начале XII в.

Культурные связи Новгорода, однако, не были односторонними, в чем мы убеждаемся на примере этой же иконы. Параскева на ее обороте имеет своего двойника в стенописи алтаря с изображением богородицы в церкви в Асину на о. Кипр. XII в.³ Вполне закономерно допустить не только приезд художников греко-итальянского круга на Русь, но и выезды новгородских мастеров в Византию и Италию. В этом нет ничего удивительного — в XII в. Новгород выступает в качестве одного из крупнейших художественных центров Европы.

Заметим, что в практике работы иконописцев Древней Руси нередки случаи выполнения лицевой и оборотной стороны иконы разными мастерами и в разное время, как и позднейшие приписки на полях святых (так называемых «палеосных» святых). Поэтому датировка иконы по изображениям на полях или на оборотной стороне нередко приводит к ошибкам.

Возникают сомнения относительно даты написания замечательной иконы Спаса из Юрьева монастыря как конец XIV — начало XV в. Если мы обратим внимание на такие особенности ее письма, как стилизация в прорисовке рта, усов и закругленного подбородка, выделение века и подглазной впадины двумя параллельными линиями, наконец, суховато и слишком старательно написанные пряди волос на голове, все это послужит веским возражением против даты. Произведение создано в начале XV в., но переписано в XVI в. Главное основание для ранней датиров-

³ C. D. Winfield and E. J. W. Hawkins. The Church of our Lady at Asinou, Cyprus. «Dumbarton Oaks papers», № 21. Washington, 1967, стр. 261—266, рис. 13.

ки иконы — эпичность образа — своим источником имеет сохранение в чистоте великолепного канона Спаса с горделивой посадкой головы на мускулистой шее и пышной прической, который вошел в русское искусство в образе знаменитого Спаса Новгородской Софии, со «сжатой десницей». Древнее изображение Спаса под частичными прописями стало известно благодаря найденной нами фотографии И. Ф. Барщевского, запечатлевшей купольную фреску в 1886 г., до смены ее «новоделом» Сафонова⁴.

Что касается наблюдения В. И. Антоновой о переменчивости красок на иконе Спаса в течение дня (стр. 10), оно может иметь своим источником лишь цветные рефлексы в помещении, где этот памятник экспонируется.

При датировке икон устюжской школы следует учитывать ее архаизирующее направление⁵. Поэтому датировку иконы «Сретение», № 57, правильно отнесенную к устюжской школе, следует передвинуть от конца XVI в. к 40-м годам XVII столетия.

Складень трехстворчатый «Седмица», № 100, — не ярославских, а костромских писем, характерной особенностью которых является материальная тяжеловатость фигур с округлыми, объемно написанными лицами, мягкая обтекаемость складок одежды с мелким ажуром завихрений на концах. В пользу этой атрибуции говорит и серебряный оклад костромской работы (стр. 124). Произведение по стилю живописи принадлежит кругу Сергея Рожкова — костромского иконописца, взятого в Оружейную палату «на жалованье». Им могла быть написана также икона «Спас Нерукотворный», № 86.

Неубедительна атрибуция икон Деисуса, № 83, как письмо костромича Силы Савина. Отмечаемое В. И. Антоновой сходство с фреской Предтечи в Троицком соборе Данилова монастыря г. Переславля-Залесского говорит лишь о сходстве образа, использованного двумя художниками. Деисус коринского собрания, как и его двойник — Деисус в собрании Рогожского кладбища, несомненно, вышли из мастерской другого известного костромского иконописца, первоклассного рисовальщика Василия Осипова Кондакова, родом усольца. К этому убеждению мы приходим, сопоставляя иконы с подписным рисунком этого мастера — Деисуса эммануильского в Сийском лицевом иконописном подлиннике, л. 304⁶.

Понятие «романовских писем», выплывшее из неисчерпанной еще практики атрибуции икон иконописцами, появилось в литературе на страницах каталога впервые, оно открывает нам еще один, неизвестный ранее центр иконописного творчества XVIII—XIX вв. Но, по нашему мнению, это понятие скорее «знаточеского» характера: стиль романовских писем восходит к школе Поволжья и сильнейшей в этом художественном направлении костромской иконописи. (Ср., например, иконы романовских писем № 119 «Избранные святые» и № 120 «Не рыдай мене мати», с иконами костромского письма — № 118 «Богоматерь Федоровская в чудесах» или со складнем трехстворчатым, № 100). Вообще следует сказать, что значение костромской школы живописи в искусстве северных провинций XVII—XVIII вв. — Вологды, Нерехты, Романова-Борисоглебска и других городов — велико и еще недооценено в истории искусства этого периода времени.

Превосходное знание иконографии — одна из наиболее сильных сторон автора каталога. Здесь можно отметить лишь некоторые неточности несущественного характера. Так, В. И. Антонова указывает в описании иконы «Покров» (стр. 29), что действие происходит в Софии Константинопольской. Иконы Покрова, в которых храм подразумевается как София Константинопольская, известны в русской иконописи⁷, но они представляют собой исключение. Обычно же сюжет иконы воспроизводит «чудо» видения богородицы Андрею Юродивому во Влахернском храме. С Влахернским храмом связано и другое чудо, представленное на этой же иконе, — о Романе Сладкопевце.

Библиография о иконе «Богоматерь — Неопалимая купина», № 109 (стр. 132), не содержит указания на работу А. Виноградова⁸, посвященную специально этой иконографической теме, в которой автор раскрывает символику олицетворения различных стихий (ангелы «облаком», «мраком», «грому» и пр.) как отражение народных верований.

Тот, кому приходилось описывать большое количество произведений иконописи

⁴ Фонды Государственного научно-исследовательского музея архитектуры им. А. В. Щусева, фонд И. Ф. Барщевского, № 981. Снимок публикуется в монографии «Фрески Софии Новгородской».

⁵ В. Г. Брюсова. Семен Спиридонов холмогорец. К вопросу о холмогорско-устюжской школе живописи. «Ежегодник Института истории искусств», М., 1961, стр. 246—277.

⁶ Н. П. Кондаков. Лицевой иконописный подлинник, т. 1, СПб., 1905, табл. 39—41.

⁷ Ср. А. Н. Свчинников. К вопросу о владими́ро-суздальской живописи XV в. «Возрожденные шедевры», изд. Академии художеств СССР, М., 1963, стр. 19—26.

⁸ А. Виноградов. Опыт сравнительного описания некоторых символических икон. Известия Русского археологического общества, т. IX, вып. I, СПб., 1877, стр. 11 и сл.

и прикладного искусства, знает, как нелегко бывает избежать сухости, однообразия и повторений, своего рода штампа в выражениях. Автору это в полной мере удается. Иногда, впрочем, можно отметить в описаниях другую крайность — чрезмерное увлечение эмоционально-экспрессивными выражениями. Так, эпитет «исполинский» может быть применен к такому изображению, как Спас из Юрьева монастыря, но он мало подходит к миниатюрной фигуре Богоматери на иконе № 21 (стр. 47) или щеголевато-игрушечному Георгию (№ 27, стр. 52).

Отдельно хотелось бы остановиться на специальной терминологии, применяемой в описании произведений древнерусской живописи. Есть ли необходимость без надобности применять старые или сугубо специальные наименования в тех случаях, когда их можно заменить более понятными словами? Так ли нужно, например, обыкновенный кувшин называть везде «кумганом» — татарским словом, пришедшим в русский язык, но не закрепившимся в нем. Можно, вероятно, не впадать и в другую крайность — не привносить более поздние слова иностранного происхождения, как «португезя» или «княжеская инсигния».

Отмеченные критические замечания ни в коей мере не снижают ценности книги, подготовленной В. И. Антоновой. Автор взял на себя труд поднять весьма солидный пласт нового материала, смело проложив дорогу по неизведанным еще тропам истории древнерусской живописи. Это новый вклад в методичку научной публикации памятников как необходимейшего условия изучения произведений искусства. Труды подобного рода не потеряют своей ценности и тогда, когда устареют многие работы общего характера.

Следует приветствовать инициативу издательства «Искусство» в издании книги, которая является серьезным вкладом в дело изучения и популяризации художественного наследия.

В. Г. Брюсова

Leo Deuel. Conquistadors without Swords. Archaeologists in the Americas.
New York. St. Martin's Press, Inc., 1967, 647 стр. с илл.

До открытий Колумба жители Старого Света вряд ли вообще подозревали о том, что за океанскими просторами обитает еще значительная часть человечества. Видимо, отдельные случаи доколумбовых связей между двумя полушариями почти не отразились на знаниях древних. Поэтому изучение культур американских индейцев началось лишь с европейской колонизацией Нового Света — в XVI—XVII вв.

Испанские завоеватели, столкнувшись с наиболее развитыми народами американского континента (в Мексике и Перу), были поражены своеобразием их культуры и необычайно высокими достижениями во многих областях знания. Сохранившиеся до наших дней письма, воспоминания и отчеты участников или очевидцев основных этапов Конквисты содержат ценные сведения о религии и культуре коренных обитателей Нового Света накануне и в эпоху завоевания их европейцами¹. В середине и к концу XVI в., когда покорение основной массы индейцев было уже завершено, появились исторические труды общего характера, где наряду с разного рода христианскими догмами и сентенциями содержатся ценные фактические сведения о доколумбовой Америке (труды Б. Саагуна, Диего де Ланды, Д. Дурана, А. Сорреты, А. Тесосомака, Ф. Иштлилшочитла и др.).

Однако ни о каких настоящих исторических исследованиях далекого прошлого народов Нового Света в этот период говорить, естественно, не приходится. Завоевателей и духовенство, занятых грабежом колоссальных богатств вновь открытого материка, конечно, вряд ли могли увлечь поиски памятников древних языческих культур.

Да и с историей индейцев — современников Конквисты — дело обстояло далеко не лучшим образом. Наиболее передовые цивилизации Нового Света в тот период — ацтекская, миштекская, майяская, инкская и др. — были обезглавлены и насильственно уничтожены европейскими завоевателями в самом расцвете своих сил. А их культурное наследие — безжалостно вытравлено из памяти последующих поколений многовековым колониальным рабством. Испанские власти постарались отгородить свои американские владения от остального мира непроницаемой стеной всевозможных запретов и ограничений, метко названной автором рецензируемой книги Лео Дьюэлем «санитарным кордоном». Стоит ли удивляться, что уже через 200—300 лет после Конквисты сам факт существования в древности высокоразвитых индейских культур на территории Нового Света был полностью забыт. Их пришлось открывать заново, уже в наше время. И решающую роль в этом открытии сыграла археология.

Американская археология — наука сравнительно молодая. Собственно говоря, настоящие раскопки начались в Новом Свете лишь в начале XX в., т. е. каких-нибудь 50—60 лет назад. Однако несмотря на свою относительную молодость она до-

¹ Н. Cortes. Cartas de Relación. México. 1963; В. Diaz del Castillo. Historia verdadera le la conquista de la Nueva España, 1—2, La Habana, 1963.

стигла уже значительных успехов и решает сейчас многие важнейшие проблемы доколумбовой истории Америки. Как и всякая молодая наука, она почти не имеет еще своих историков и летописцев. Тем отраднее появление на свет новой книги американского ученого Лео Дьюэля «Конкистадоры без мечей», которая в известной мере заполняет этот серьезный пробел. Книга эта — произведение уникальное, представляющее собой совершенно новый жанр в области научно-популярной археологической литературы. Лео Дьюэль выступает в ней одновременно и как автор, и как редактор-составитель.

Дело в том, что «Конкистадоры без мечей» — это своего рода антология американской археологии, сочетание отрывков, взятых из оригинальных текстов тех или иных исследователей, с комментариями Л. Дьюэля к ним. Таким образом, 42 известных археолога-американиста, во всем разнообразии их литературного стиля, характера и научной специализации, сами рассказывают на страницах этой необычной книги о своих находках и открытиях.

Хронологические ее рамки — весь доиспанский период; территориальные — все области Нового Света, от Аляски и Гренландии до Огненной Земли.

Автор и составитель книги провел большую подготовительную работу, собрав вместе десятки интересных статей и трудов, зачастую издававшихся давно и почти забытых, малоизвестных и даже вообще не публиковавшихся прежде. Каждый отрывок, каждая статья характеризуют одно открытие, один район, одного исследователя. Но тщательно подобранные, сведенные воедино и дополненные вводными статьями Лео Дьюэля, они образуют ту единую и красочную картину, которая и отражает практически вчерашний и сегодняшний день американской археологии. В структурном отношении книга состоит из семи больших частей, каждая из которых посвящена одной определенной культурно-географической области Нового Света. Исключением можно считать, пожалуй, лишь шестую часть, где описываются исследования первобытного человека и ископаемой фауны в пределах всего материка сразу. Внутри каждого региона (части) материалы подобраны по хронологическому (время осуществления открытия) и историческому признакам.

В первой части речь идет об изучении древних памятников Перу — родины самых выдающихся культурных достижений доколумбовой эпохи в южной части американского материка. Начинает ее отрывок из капитального труда известного немецкого ученого и путешественника конца XVIII — начала XIX в. Александра фон Гумбольдта о поездке в Кахамарку, на место казни последнего инки, погибшего от рук конкистадоров². Другие статьи этой, южноамериканской, части книги посвящены наиболее известным памятникам Перу и Чили: забытый город Мачу-Пикчу, служивший последним убежищем инков, могильник с древними мумиями в Пачакамаке, загадочные рисунки культуры Наска и т. д.

Центральная Америка (вторая часть книги) представлена очерком Джорджа Сквайра о находке таинственных каменных идолов на о. Сапатеро (Никарагуа) и статьей Элеоноры Лотроп (жены известного археолога Сэмюэля Лотропа) о раскопках пышной гробницы вождя в провинции Коклэ (Панама). Самое заметное место в книге занимает, пожалуй, Мезоамерика — северная область зоны высоких цивилизаций доколумбовой эпохи (территориально в нее входят Мексика, Гватемала, Западный Сальвадор и Западный Гондурас). Ей уделено две части (третья и четвертая), что составляет почти половину общего объема книги. Учитывая этот факт, а также то, что история археологического изучения Мезоамерики довольно ярко отражает ряд общих закономерностей, характерных для всей археологии Нового Света, необходимо остановиться на мезоамериканских главах «Конкистадоров без мечей» несколько подробнее.

До начала XIX в. вряд ли приходится говорить о существовании археологии в Мезоамерике. Отдельные открытия памятников доиспанского времени (Паленке, Копан) не привлекали внимания научных кругов и вскоре забывались. Абсолютное большинство людей вообще не признавало тогда, что индейцы могли самостоятельно создать сколько-нибудь развитую цивилизацию без вмешательства извне.

Только в 1839—1842 гг. американский путешественник и дипломат Джон Ллойд Стефенс после нескольких экспедиций в глухие районы Южной Мексики, Гватемалы и Гондураса открыл там руины древних городов майя. Теперь уже высокий уровень культурного развития у аборигенов Центральной Америки ни у кого не вызывал сомнения. Впервые внимание археологов оказалось прикованным к древним памятникам Нового Света. Именно с этого момента и можно говорить о появлении научного интереса к доколумбовой истории Америки.

Мезоамериканская археология прошла в своем развитии четыре больших этапа.

Первый этап длился со времени открытий Стефенса до начала XX в. Для него характерны в целом чисто описательные работы и исследования. Это период многочисленных путешествий и экспедиций в глухие районы Мезоамерики, период открытия все новых и новых памятников старины, время быстрого накопления фактического материала. Однако о настоящей полевой археологии в это время говорить еще не приходится. Описанию и обследованию подвергались лишь самые эффек-

² A. von Humboldt. Views of Nature or Contemplation on the Sublime Phenomena of Creation with Scientific Illustrations. London, 1850.

ные архитектурные сооружения и каменная скульптура. Среди пионеров мезоамериканской археологии стоят такие колоритные фигуры, как австриец Теоберт Малер, француз Дезире Шарнэ, англичанин Альфред Моудсли, американцы Альфред Тоззер и Уильям Холмс и др.

В книге Лео Дьюэля этому этапу посвящено четыре очерка: Уильяма Буллока — об ацтекских каменных идолах; Дезире Шарнэ — о глиняных фигурках зверей на колесиках; Джона Ллойда Стефенса — с описанием руин Копана и Эдварда Томпсона — о работах в Колодце Жертв, в майяском городе Чичен-Ица.

Второй этап хронологически охватывает первую четверть XX в. и знаменует собой важные изменения в мезоамериканской археологии. В этот период ученые впервые приступают к широкомасштабным раскопкам. Долина Мехико, до предела насыщенная древними памятниками, становится объектом пристального внимания со стороны специалистов Мексики и США. Общая демократизация Мексики после революции 1910—1917 гг. способствовала бурному развитию науки. Правительство выделяет из государственного бюджета значительные средства для изучения индейского вопроса, имеющего для страны огромное практическое значение. Эти важные события не могли не сказаться и на археологии. Далеко не случайно, что именно мексиканцы и, в частности, Мануэль Гамио, впервые с успехом применили стратиграфический метод раскопок, открывший широкие перспективы для решения многих важнейших исторических проблем. В 1909 г. Гамио после работ в Аскапоцалько (долина Мехико) установил относительную хронологию культур, существовавших в данном районе в доиспанское время: архаическая культура, цивилизация Теотихуакана и ацтеки³. Это резко повысило интерес к вопросам археологической периодизации древностей Нового Света. Огромную полевую работу провела в Мексике созданная в 1911 г. и просуществовавшая всего три года (до 1914 г.) «Интернациональная Школа», которой руководили такие выдающиеся знатоки американской археологии, как Альфред Тоззер, Эдуард Зелер и Франц Боас. В 1917 г. тот же М. Гамио приступил к выполнению грандиозного проекта по воссозданию истории долины Теотихуакана с древнейших времен до наших дней, с использованием всех видов исторических источников⁴.

За пределами долины Мехико широкомасштабных раскопок в это время почти не велось. Интенсивная деятельность ряда научных учреждений США и прежде всего Музея Пибоди при Гарвардском университете была направлена исключительно на изучение древних городов майя, причем главное внимание уделялось не раскопкам, а общему обследованию объектов, их картографированию, сбору материалов по эпиграфике, архитектуре и скульптуре.

Этот период у Лео Дьюэля представлен статьями Байрона Каммингса (о раскопках гигантской позднеархаической пирамиды в Куикуилько), Сильвануса Морли (о его эпиграфических поисках в древнем городе майя Вашактуне в 1916 г.) и Томаса Ганна (о «сакбе» — древних дорогах майя в районе города Куба на Юкатане).

Третий этап в истории мезоамериканской археологии приходится на 20-е и 30-е годы (до начала второй мировой войны). Археологические раскопки приобретают невиданный ранее размах и охватывают почти всю территорию данной области. Это «золотая пора» полевых исследований, неизмеримо обогативших ценными фактами наши знания о доколумбовой истории края. Значительно улучшилась и методика археологических работ. Особое внимание уделялось в этот период проблемам хронологии и периодизации.

Вместе с тем мезоамериканская археология не избавилась еще от множества недостатков. Особенно грешили в этом отношении археологи США, занимавшиеся изучением древностей майя. При внимательном знакомстве с итогами этих исследований поражает их крайне однобокий характер: изучению подвергались лишь наиболее выдающиеся памятники архитектуры и искусства (храмы и дворцы, стелы, рельефы, алтари и т. д.). В то же время материальные остатки культуры основной массы древнего населения почти полностью игнорировались. Не случайно поэтому при обобщении результатов археологических работ в классических городах-государствах майя чрезмерно выпячивался религиозный аспект в ущерб другим сторонам погибшей культуры. Кстати, рецидивы этих воззрений налицо и в данной книге, во вводной статье Лео Дьюэля о раскопках в Монте Альбана. Автор считает этот центр сапотекской цивилизации сугубо мирным и чисто религиозным, священным местом, лишенным ряда черт подлинного города. Что касается мирного характера общества Монте Альбана в классическое время, то тезис Лео Дьюэля легко опровергается следующим фактом. Именно в Монте Альбана А. Касо нашел много рельефов и стел с весьма характерными изобразительными мотивами: победоносный правитель с копьем, вонзенным в пероглиф вражеской страны, «связанные пленники», символические изображения покоренных земель, отрубленные головы и т. д. Если же вспомнить, что многочисленные миштекские и сапотекские кодексы (кстати, по данным А. Касо, они захватывают частично и конец классического времени) сообщают о непрерывных войнах и столкновениях на территории Оахаки, то нарисованная выше картина вряд ли будет нуждаться в дальнейших комментариях.

³ M. G a m i o. Arqueologia de Azcapotzalco, D. F. México. Proceedings of the 18th International Congress of Americanists, 1. London, 1913.

⁴ Е г о ж е. La Población del Valle de Teotihuacan, 1—3, México, 1922.

Крупным недостатком археологических исследований была боязнь решать исторические проблемы на археологической основе.

И все же в целом успехи мезоамериканской археологии в это время преобладают над ее недостатками. В книге Дьюэля хронологически к данному периоду относятся работа известного мексиканского исследователя Альфонсо Касо об открытии богатейшей миштекской гробницы в Монте Альбране. Этот ученый по праву считается первооткрывателем одной из трех великих мезоамериканских цивилизаций классической эпохи — сапотекской, которая была буквально вырвана археологами Мексики из тьмы бытия, после многолетних и утомительных раскопок в долине Оахаки. Далее идут статьи ученого из США Джорджа Вайяна и мексиканца Мигеля Коваррубаса о культуре ольмеков, до сих пор остающейся загадкой для специалистов. Собственно говоря, Вайян известен больше не своими штудиями в области ольмекского искусства, а интенсивными и высоконаучными раскопками архаических памятников долины Мехико, позволившими совершенно по-иному взглянуть на характер раннеземледельческих культур Мезоамерики. Завершают данный этап статьи американских археологов Эрла Морриса (о раскопках «Храма Воинов» в городе Чичен-Ица на Юкатане) и Оливера Ла Фаржа (об исследованиях в горной Гватемале).

Послевоенные годы (с 1945 г. по сей день) составляют четвертый этап в развитии мезоамериканской археологии. По значимости полевых и теоретических работ, осуществленных за истекшие два с половиной десятилетия, его можно считать, пожалуй, наиболее выдающимся. Открытие памятников эпохи верхнего плейстоцена в долине Мехико, успешные работы по изучению истоков американского земледелия, открытие новых культур в Центральном Чиапасе и на Тихоокеанском побережье Гватемалы, интенсивное исследование комплексными методами крупнейших городов древней Мезоамерики Теотихуакана и Тикаля — вот далеко не полный перечень достижений этого периода. Он представлен у Лео Дьюэля всего лишь тремя статьями.

Известный мексиканский археолог Альберто Рус Луилье рассказывает о находке уникальной царской гробницы майя внутри храмовой пирамиды города Паленке (Чиапас).

Исследователь из США (ныне директор Общественного музея в Милуоки, Висконсин) Стефан де Борхеги посвятил свой очерк подводным археологическим поискам в глубинах оз. Атитлан, расположенного в горах Гватемалы. Ему удалось связать находки со дна озера (это были приношения древних майя духам озера) с поселениями на берегу, в результате чего история области Атитлана воссоздается уже на протяжении последних 2500 лет. И, наконец, последняя статья американской исследовательницы Татьяны Проскуряковой посвящена новой интерпретации иероглифических надписей и изображений на некоторых стелах майя. Во вводных замечаниях к этой работе Лео Дьюэль, касаясь истории изучения письменности майя, в частности, пишет:

«Шумные заявления о том, что ключ к письменности майя наконец найден и остальные кодексы и надписи могут быть теперь прочитаны, делались уже довольно часто. Однако после первых минут всеобщего возбуждения и оваций эти утверждения неизменно терпели крах. Даже недавнее утверждение русских ученых о том, что они «разделались» с иероглифами с помощью электронно-вычислительных машин, не смогло убедить их западных коллег. Полный перевод текстов, обещанный из России, так и не появился» (стр. 382).

Не хочется верить в какие-либо недобрые намерения автора, но все же эта пата вызывает по меньшей мере недоумение. Да, действительно, новосибирским ученым из-за ряда допущенных ими ошибок при составлении программы (о них, кстати, говорилось в советской специальной литературе)⁵ не удалось расшифровать тексты рукописей майя. Однако Лео Дьюэль не мог не знать, что именно в СССР впервые был найден ключ к иероглифике майя, причем без каких-либо дутых сенсаций и подлогов. Всем известно, что сделал это советский этнограф Ю. В. Кнорозов. Суть его метода достаточно полно и убедительно изложена в его фундаментальной монографии⁶. Эта работа и ряд других статей Ю. В. Кнорозова переведены на английский язык, изданы в США и пользуются признанием среди весьма авторитетных ученых-майянистов (Майкл Ко, Татьяна Проскурякова, Д. Келли и др.). Между тем Лео Дьюэль даже не упомянул имени советского ученого, хотя бы в порядке истории изучения письменности майя.

Пятая часть книги содержит материалы по археологии индейцев США. Американский президент Томас Джефферсон рассказывает о своих раскопках одного искусственного холма в Вирджинии; Фредерик Путнам — о змееобразном земляном оружии в Огайо; У. Джексон — об исследованиях пещерных жилищ индейцев на Юго-Западе США; Т. Прадден — о культуре индейцев «баскетмейкеров»; А. Дуглас — о применении дендрохронологии для датировки поселения Бонито, принадлежавшего племенам пуэбло. Заканчивает эту главу статья Нейла Джудда об удивительной системе ирригационных каналов, созданных индейцами культуры Хохокам (Арпзона).

⁵ Ю. В. Кнорозов. Машинная дешифровка письменности майя. «Вопросы языкознания», 1, 1962.

⁶ Е го же. Письменность индейцев майя. М.— Л., 1963.

Шестой раздел содержит довольно обстоятельную подборку материалов, связанных с изучением первобытного человека на территории Америки. В статьях Ф. Робертса, М. Харрингтона, Ф. Хиббена и Э. Хори представлены важнейшие находки этой эпохи из южных областей США: пещерные стоянки Фолсом, Сандиа, Джипсэм и скелет мамонта с наконечниками дротиков из Нако.

Хельмут де Терра описывает волнующий момент открытия скелета первобытного охотника в Тепешпане (долина Мехико). И, наконец, Джуниус Бёрд посвятил свой очерк характеристике пещерных стоянок Патагонии (в том числе и пещеры Пальи Айке), находки из которых удивительно напоминают изделия первобытных обитателей из южных областей США.

В заключительной, седьмой части рецензируемой работы речь идет об археологических исследованиях древностей эскимосов и викингов на северной оконечности материка и в Гренландии: в статье Кнуда Расмуссена говорится об эскимосах Гудзона залива, Хельге Ларсен рассказывает о раскопках в Ипьютаке на Аляске. Поль Нёрлунд описывает свои работы по изучению руин епископского дворца на поселении викингов в Гренландии. Во вступительной статье к этому разделу Лео Дьюэль подчеркивает, что несмотря на общие успехи археологии Арктики, ряд важнейших ее проблем до сих пор остается нерешенным. И одна из них — большой хронологический разрыв между древнейшими памятниками эскимосов (комплекс Динби) и палеоиндейскими находками.

Другая, не менее важная проблема — поиски древнейших следов пребывания человека на севере Америки и установление их взаимоотношений с памятниками Северо-Восточной Азии. Однако за последние годы наметился определенный прогресс и в этой области. На американской стороне Берингова пролива молодой археолог Дуглас Андерсон, продолжая дело, начатое еще трагически погибшим Дж. Гиддингсом, ведет сейчас успешные исследования многослойной стоянки Онгон Портидж (Аляска), которая хронологически относится к периоду от верхнего палеолита (13 тыс. лет до н. э.) до хорошо известных комплексов палеоэскимосов⁷.

На территории СССР последние открытия верхнепалеолитических стоянок Ю. А. Мочановым (стоянка Ихине на Алдане)⁸ и Н. Н. Диковым (Ушковская стоянка на Камчатке)⁹ позволяют заполнить существенный пробел в наших знаниях о заселении Америки и связях древнейших культур Азии и Нового Света.

В авторском предисловии Лео Дьюэль вполне обоснованно сетует на те трудности, с которыми он столкнулся при отборе необходимого ему материала. Трудности пришлось преодолеть действительно немалые. Дело в том, что каждый текст, каждая статья, помимо своей научной нагрузки, должны быть написаны в достаточно популярном стиле. В то же время мы хорошо знаем, что, к сожалению, далеко не все выдающиеся археологи и исследователи оставили после себя популярное изложение своих трудов.

Кроме того, при любом отборе материала для подобной книги неизбежны субъективные моменты, личные симпатии и антипатии составителя. На мой взгляд, Лео Дьюэль довольно успешно справился со своей задачей, хотя один немаловажный упрек он, безусловно, все же заслужил. Дело в том, что из общего числа 42 исследователей, включенных в антологию, только трое латиноамериканцы (это мексиканские археологи А. Касо, А. Рус и М. Коваррубас). Получается явная диспропорция между числом западноевропейских и североамериканских ученых, с одной стороны, и латиноамериканцами — с другой. Отдавая должное археологам США, безусловно, занимающим ведущее место в археологии Нового Света, автору следовало бы более широко представить в книге и латиноамериканских исследователей, вклад которых в изучение прошлого своей родины не столь уж незначителен, как можно заключить, исходя из подборки статей в «Конкистадорах без мечей». Можно назвать, например, Мануэля Гамио — мексиканского ученого, родоначальника стратиграфического метода исследований в археологии Мезоамерики, известного перуанского археолога (индейца по крови) Хулио Сесара Тельо, крупного аргентинского американиста Хосе Имбельони, эквадорских археологов Хихона-и-Кааманьо и Эмилио Эстрада, гватемальского ученого Вильякорту и т. д. Да мало ли других выдающихся исследователей — уроженцев стран Латинской Америки — по праву могли бы занять свое место в списке пионеров-первооткрывателей древних культур Нового Света?

Можно только сожалеть, что мимо взора автора прошел и такой выдающийся специалист в области мезоамериканской археологии, как канадский ученый Ричард Мак-Нейш. Его работы на пещерных стоянках Тамаулипаса, Чиापаса и Пуэблы произвели настоящий переворот во взглядах на древнейшую историю Нового Света, осветив такие фундаментальные проблемы, как происхождение маисового земледелия, связь палеоиндейских культур с раннеземледельческими и т. д. Статьи Р. Мак-

⁷ D. D. Anderson. A Stone Age Campsite at the Gateway to America. «Scientific American», 218, 6, Washington, 1968, стр. 24—33.

⁸ Ю. А. Мочанов и С. А. Федосеева. Палеолитическая стоянка Ихине в Якутии. СА, 1968, 4.

⁹ Н. Н. Диков. Открытие палеолита на Камчатке и проблема первоначально-го заселения Америки. Сб. «История и культура народов Севера и Дальнего Востока». М., 1967, стр. 16—32.

Нейша неоднократно издавались и в специальной, и в научно-популярной литературе (в том числе в американских журналах «Science» и «Archaeology»), так что включить одну из них в книгу не составляло особого труда. Здесь, по-моему, налицо явное отступление от научности в пользу голый занимательности. С одной стороны, в книгу не были включены имеющие огромный научный интерес труды Р. Мак-Нейша, Уильяма Ко, Майкла Ко, Макса Уле, Тельо, Ларко Олып и др., а с другой — там широко представлены неоднократно издававшиеся и переведенные на все европейские языки работы Джона Ллойда Стефенса, Тура Хейердала, Эдварда Томпсона. Это все достаточно «избитые» сюжеты, хорошо знакомые широкому читателю. И думается, что изъятие и замена их более новыми и полновесными научными материалами несколько не снизили бы общего представления о книге.

Тем не менее, даже принимая во внимание большие и малые погрешности и недостатки «Конквистадоров...», следует признать, что новая книга Лео Дьюэля — значительное событие в истории американской археологии. Она позволяет нам глубже узнать те проблемы и вопросы, с которыми сталкиваются сейчас наши коллеги — археологи Нового Света, знакомит с выдающимися достижениями и открытиями в области древней истории этой части света, представляет читателям целую плеяду талантливых ученых-профессионалов, энтузиастов, путешественников и просто любителей старины, благодаря которым за какие-нибудь 100 лет удалось воссоздать в общих чертах сложную и грандиозную панораму аборигенных культур Нового Света.

В. И. Гуляев

РАБОТЫ ПО ИСТОРИИ И АРХЕОЛОГИИ ШВЕЙЦАРИИ

«Бернские Акты»¹ — исследования по доисторической, классической и поздней археологии, издаваемые профессорами Г. Банди, П. Хофером, Х. Жукером, Х. Штрамом в Берне.

Серия открывается томом, посвященным гроту Бирсматтен-Базис. В нем идет речь об одном из важнейших памятников каменного века Швейцарии — о мезолитическом пещерном поселении, в котором прослежено множество наслаивающихся друг на друга слоев, дающих представление как об изменениях в жизни и культуре мезолитического населения этой страны, так и о естественно-историческом фоне, изменениях в природе и т. д. Панорама этих перемен охватывает относительно небольшой промежуток с VII до III тысячелетия до н. э. Но зато материалы грота исследованы полностью, так как он раскопан целиком — явление, довольно редкое в практике археологов.

Раскопки в гроте начал К. Людин, открывший его в 1940 г. и державший свои находки в тайне до весны 1944 г., когда он впервые показал памятник профессору Г. Банди. Первая публикация этих находок была осуществлена К. Людином совместно с Р. Басем в «Бюллетене» Швейцарского общества антропологии и этнологии за 1951—1952 гг. Систематические раскопки в гроте произвел в 1955—1956 гг. проф. Банди.

В исследованиях грота принимали участие Бернский исторический музей, университет и Швейцарское общество доистории.

В ходе двухлетних раскопок отложения грота, содержавшие культурные остатки, были исчерпаны полностью. Это и не удивительно, так как размеры его невелики: ширина грота у входа равна 6 м, максимальная длина его 3,5 м. Мощность отложений грота тоже относительно невелика, она не превышает 1,8 м. Собранные при раскопках коллекции каменных изделий тоже относительно немногочисленны — 31 тыс. предметов; в основном это отбросы от производства каменных орудий в виде отщепов. Количество готовых каменных орудий не превышает при этом 4% (в слое 2, а в других слоях еще меньше). Но значение этих раскопок определяется не масштабами изученного археологами поселения и не массой находок, а тщательностью методических приемов и комплексным характером самого процесса исследования. В результате из памятника, если говорить образно, «выжата» вся максимально возможная информация о представленной им исторической эпохе в жизни древнего населения Швейцарии или, как полагает проф. Банди, о двух следующих друг за другом периодах и двух культурах, которые существовали здесь в это время.

Том открывается вступительной статьей Г. Банди. Затем следует раздел «Открытие и исследование памятника». В нем К. Людин подробно сообщает об обстоятель-

¹ Birsmatten-Basisgrotten. Eine mittelsteinzeitliche Fundstelle im Unteren Birtal. «Acta Bernensia». Beiträge zur prähistorischen, klassischen und jüngeren Archäologie. I, Bern, 1963, стр. 270.

свах открытия стоянки и результатах первоначальных зондажных раскопок 1940—1945 гг. Сообщение К. Людина сопровождается подробной картой долины р. Бирс между Базелем и Делемоном, где находится грот. На рис. 2 указано точное местонахождение грота — кантон Берн, между Цвингеном и Греллингеном, в районе общины Ненцлинген, у основания скалы, всего лишь в нескольких метрах от дороги из Делемона в Базель.

Великолепные фотографии дают исчерпывающее представление о внешнем виде грота. Серия рисунков изображает каменные изделия и предметы из кости, найденные в ходе работ К. Людина. Там же приложен список фаунистических остатков из раскопок 1940—1945 гг.

Далее следует отчет Банди о раскопках 1955—1956 гг. с планом грота, на котором отмечены как границы раскопа, так и место, где найден был скелет человека. Есть там и пункты, в которых были взяты образцы слоя для пыльцевого анализа и анализа отложений грота.

Детальное рассмотрение отложений грота и обоснования их датировки даются в следующем, втором разделе тома. В нем находятся два специальных исследования Г. Мюллербека, Елизаветы Шмид, а также Эрнста Мюллера. Мюллербек подробно рассматривает историю отложений грота на фоне климатических изменений и геоморфологии данного района в целом. Он приходит к выводу, что в конце последнего оледенения вся долина р. Бирс до грота была заполнена галечными отложениями (горизонт G). Соответственно грот временами заливался водой р. Бирс и продолжал вымываться дальше. В начале послеледникового времени происходило врезание реки в отложения ледниковой эпохи. Тогда же грот заполняется лёссовидными отложениями с примесью гальки (горизонт F). С соседних склонов в грот сползала щебенка, и это происходило еще в условиях холодного климата (горизонт E). При последующем улучшении климата (горизонты D, C, B) процесс накопления отложений в гроте замедляется и меняется их характер: они становятся более мелкозернистыми. Появляются первые сталактиты. В дальнейшем грот все более интенсивно заполняется рыхлым материалом.

Е. Шмид на основе детального химического анализа отложений грота, а также раковин моллюсков как острых индикаторов климатических перемен приходит к выводу, о том, что первоначально, в раннюю пору заселения грота человеком, в его окрестностях существовали безлесные ландшафты, преобладала травянистая растительность. Впоследствии появляются теплолюбивые моллюски, существование которых связано с лесом. Она подчеркивает, что на уровне второго слоя сказывается усиленное вмешательство человека в природу: об этом свидетельствует резкое уменьшение числа моллюсков в отложениях грота. Эти выводы дополняются наблюдениями Э. Мюллера над пылью. Пыльцевые диаграммы показывают, что сначала в слое С сказывались суровые условия предшествующего ледникового времени — древесная растительность представлена пылью сосны. Это соответствует позднему дриасу (около 7500 до н. э.). Затем климат смягчается: в раннем мезолите вокруг грота произрастали орешник и смешанные дубовые леса. Позже распространяются буковые и пихтовые леса.

В целом Е. Шмид дает такую схему климатической истории района пещеры: перед заселением грота человеком господствует холодный субарктический климат, соответствующий фазе таяния ледников (слой G).

Слой F: пребореальный климат. Холодно, потом тепло. Образование эолового лёсса. Морозное выветривание, в результате чего с потолка обваливаются куски породы.

Слой E: бореальный климат, сухо и тепло. Глина с камнями, мощные культурные остатки и гумусный горизонт-прослойка как свидетельство интенсивной жизни человека в гроте.

Слой D: переходный климат, тепло и влажно. В слое C обнаруживаются следы деятельности человека в виде очагов и искусственных площадок для них. Слой B соответствует атлантическому периоду с очень мягким климатом. В это время в гроте образуется бурая, местами землистая глина. Два самых верхних слоя — A₁ и A₂ — относятся к эпохе мягкого климата, охватывая время от атлантического периода вплоть до современного.

Древесного угля в гроте не оказалось, и поэтому радиоуглеродный анализ с большими трудностями был осуществлен на таком невыгодном с этой точки зрения материале, как кость. Х. Гфеллер, производивший эту работу, пришел к заключению, что три нижних культурных горизонта грота (3—5) охватывают в целом 800 лет с 5900 по 5100 до н. э. Что же касается верхних слоев (1 и 2), то их возраст примерно 3500—3000 до н. э. При этом он особо отмечает, что даты по C-14 не обязательно должны совпадать с хронологической шкалой «солнечных лет», так как специфическая активность атмосферы в отношении ее насыщенности углеродом C-14 не была постоянной и менялась в пределах от 5 до 10% и, следовательно, возможны колебания реальных датировок в солнечной шкале от 400 до 800 лет.

Это замечание имеет, разумеется, существенное значение для оценки конкретных возможностей радиоуглеродного метода в целом, которые следует иметь в виду при его использовании в практике археологов для датировки тех или иных памятников. Во всяком случае ясно, что этот метод не может быть единственным и решающим во всех случаях.

Третья часть тома содержит детальный анализ фаунистических остатков (Е. Шмид). Четвертая — посвящена специальному описанию человеческого костяка (статья Р. Бая), обнаруженного в пещере К. Людином. Это скелет малорослого (длина 150—160 см), с низким лбом, низкими глазницами и среднешироким носовым отверстием человека. Сравнивая его с другими скелетами из верхнепалеолитических и мезолитических захоронений Европы и Палестины (Тевьек, Офнет, Гедик, Мугем, натуфийцы), автор статьи приходит к выводу, что описанный им индивид представляет смешанный тип, имеющий черты как долихокранного типа Офнета, так и долихокранно-мезоокранного типа из того же Офнета и Тевьека. Он представляет собой выражение автохтонного развития поздней палеолитической группы Кроманьона — Шанселяда и типичную для мезолита переходную форму к неолитическому населению Средиземноморья. В дополнительной статье Кеннета Окли «Замечания к относительной датировке человеческого скелета» сказано, что в результате сравнительного анализа коллаген-протеиновым методом костей животных из всех слоев (10 проб) и человеческих останков устанавливается наибольшая близость последних костям животных из второго и третьего слоя.

Заключительная, пятая, часть тома, написанная Г. Банди и Шарлоттой Граффенрид, содержит исчерпывающее описание и характеристику археологического материала — каменных и костяных изделий, найденных в гроте. Описание сопровождается превосходными таблицами вещей, фотографиями и графическими рисунками, а также схемами и диаграммами, иллюстрирующими методические принципы, которыми руководствовались составители при анализе материала. В конце тома Г. Банди дает общую сводную характеристику памятника. Издание содержит также краткие резюме на английском, французском, и, что весьма приятно, на русском языке.

При статистической обработке каменных изделий из всех пяти слоев грота Банди и Граффенрид исходили не из типологии Ф. Борда и Д. Зонневилль-Борд, поскольку она, как сказано в этой части тома, основана на сугубо специфическом французском материале. Такой типологической схемой для них послужила работа А. Бомерса и А. Воутерса (1956 г.). Банди и Граффенрид, во-первых, делят предметы на «макролитические» и «микролитические» формы. Далее следуют ядрища, пластины, отщепы, острия и т. д. Затем производится учет длины и ширины изделий по каждой из типологических групп.

Эта часть работы, несомненно, представляет интерес с методической стороны и заслуживает специального разбора, ибо только четкая типология и точная статистика могут служить надежной основой для дальнейших более широких выводов исторического порядка. Во всяком случае, опыт авторов этого раздела заслуживает внимания и учета в наших собственных исследованиях, так же, впрочем, как и опыт французских археологов.

В обобщающей заключительной главе проф. Банди отмечает, что долина р. Бирса для изучения палеолита и мезолита Швейцарии представляет такое же значение, как долина Везера для французского палеолита. Здесь находится целая группа памятников палеолита, начиная с мустьерских и кончая мадленскими. Стоянки Лейсбергмюле, Кастельхёле, Шальберхёле и у Мюнхенштейна существовали по данным Е. Шмид, еще в конце раннего вюрма. Тогда же сюда проникают («инфильтрируют») новые охотничьи группы — мадленцы, охотники на северного оленя, распространенные с запада, из Юры. Наиболее ранние следы их пребывания обнаружены в среднем слое пещеры Кастель. Но основное расселение мадленцев происходит позже, около 11 тыс. лет назад. В это время в долине Бирса существовал ряд поселений, занимавших пространство от Лисберга до Базеля. Что касается дальнейшей судьбы мадленцев, то, по мнению Банди, они частью ушли в северо-восточном направлении, в Южную Германию, где затем наблюдается расцвет мадленской культуры. Остальные группы продолжали обитать в Бирстале, согласно данным радиоуглеродного анализа материалов из местонахождения Фурштейнер, до VIII тысячелетия до н. э.

Затем, как думает Банди, происходит перерыв в заселении этого района: он остается в стороне от больших миграционных путей древних племен. Во всяком случае, как пишет он, трудно согласиться с выводами Саразина о появлении здесь азильцев, так как «крашенные гальки» из местонахождения Бирзек-Эрмитаж сомнительны. Но скоро на смену мадленцам явились новые пришельцы — мезолитические племена. Они были такими же охотниками, как и их предшественники, и щедро использовали природные возможности района, богатого рыбой и дичью. Мезолитические отложения перекрывают слои с мадленскими остатками в ряде мест Бирстала: в Лисберге, Грубенбальме, Бирсматтене, Бирзек-Эрмитаже. И список их этим не исчерпывается, неизбежны новые открытия. Одним из них и является находка мезолитического поселения в гроте Бирсматтен-Базисе.

Как уже говорилось выше, первые насельники грота появились сразу после окончания холодного времени позднего дриаса. Следы их деятельности погребены в пятом слое грота. В отличие от мадленских каменных орудий здесь преобладает микролитический инвентарь, главным образом искусно ретушированные острия и треугольники. Резцы, скребки, проколки такие же, как и в мадлене. Много пластин с глубокими короткими выемками. «Макролитические» вещи такие же, как в мадлене. Нововведение — обилие «микрорезцов», изготовленных специфическим приемом

рассечения пластин поперечным ударом, который наносился по выемке, оформленной ретушью.

Основными объектами охоты служили благородный олень и кабан. Изредка встречаются кости других животных. Характерно отсутствие рубящих орудий и вообще крупных орудий, предназначенных для обработки дерева. К духовной области относятся следы применения красной краски, охры — древнего символа жизни, крови, плодородия.

Тот же в основном характер культура обитателей грота сохраняет и позднее, когда откладывались отложения двух последующих горизонтов. Это время раннего тарденуаза или, точнее, сауветтериена.

Существенные изменения намечаются только во время отложения третьего и второго слоев грота.

Происходит существенный климатический сдвиг в сторону потепления; обогащается древесная растительность. Основным занятием обитателей грота по-прежнему служит охота на благородного оленя и кабана, а также бобра. Однако, в отличие от трех нижних, раннетарденуазских слоев, в меню обитателей грота появляются птицы и рыба. В инвентаре доминируют уже не острия, а сегменты и треугольники, в том числе неравносторонние. Еще важнее первое появление (во втором слое) гарцунов. Они выделялись из оленьего рога и по форме близки к типично азийским: плоские, широкие, с зубцами вдоль обоих краев. Умножается число костяных орудий и их типов: наконечники копий, шилья, долотовидные орудия, служившие, как думает Банди, для чистки шкур, и т. д.

«В чем причины этих перемен?» — спрашивает Банди. В автохтонной эволюции местной культуры или в появлении нового населения, принесшего с собой иной инвентарь? И он склоняется к мысли о переселении сюда каких-то пришельцев извне, с чисто тарденуазской культурой. Не могли же жители грота воспринять сразу и так неожиданно все эти новые культурные элементы без прихода сюда носителей новой культуры!

В самом верху, во втором слое, наиболее существенным событием в литическом инвентаре является исчезновение трапеций. «Макролиты» начинают преобладать над «микролитами», господствовавшими по крайней мере две тысячи лет. Еще важнее то, что теперь можно предполагать наличие не только дикой, но и одомашненной свиньи. Отмечаются также кости домашнего быка, тогда как ранее спорадически встречались только кости дикого быка примигениуса. Есть даже кости лошади. Правда, Банди пишет, что в гроте нет костей собаки, а встречены только волчьи, и, следовательно, если жители поселения не знали даже домашней собаки, то тем более трудно ожидать у них знакомства с домашним быком и лошадью. Он склонен отнести остатки лошади и крупного рогатого скота к числу интрузий с поверхности, где культурные остатки включают неолитическую, рёссенскую по типу керамику и еще более поздние находки, вплоть до эпохи бронзы и средневековья.

Такова в общих чертах серьезно обоснованная разнообразным материалом общепсторическая картина, о которой говорится в этом томе.

Отсюда видно, что учеными Берна выполнена большая и интересная (как по ее значению для истории мезолитической и неолитической Европы, так и с методической точки зрения) работа, поучительная во многих отношениях. Особенно близко она соприкасается с исследованиями тех советских ученых, которые занимаются проблемами неолитических и мезолитических культур Юга СССР — Украины, Крыма, Кавказа и даже Средней Азии. Что касается Средней Азии, то, например, раскопки в Джебеле (Туркмения), где исследовалось многослойное пещерное поселение содержавшее остатки культуры позднего мезолита и неолита, показали такую же картину смены сегментов, имеющих в более ранних памятниках, трапециями. И точно так же в Туркмении пластины с короткими глубокими выемками сменяются пластинами с длинными и более пологими выемками. Речь может идти, таким образом, о каких-то весьма широких закономерностях, далеко выходящих за пределы узких локальных рамок. Число подобных совпадений может быть увеличено. Не менее интересны совпадения в области хозяйственной деятельности и образе жизни мезолитических племен Юга СССР с населением Швейцарии и Южной и Средней Европы. Мезолитические племена Крыма, пользовавшиеся в основном тарденуазским каменным инвентарем, тоже широко использовали пещеры как жилища. И у них постоянным компонентом кухонных остатков были сухопутные моллюски — улитки.

Наконец, в жизни всех этих охотников и собирателей-улитководов Юга одинаково важную роль играла охота на благородного оленя и кабана. Кости кабана в мезолите Крыма настолько многочисленны, что дали основание С. Н. Бибикову, одному из основных исследователей крымского мезолита, высказать мысль о возможной доместикации кабана в мезолитическую эпоху.

В заключение нельзя не отметить высокий уровень технического оформления этого тома, с его превосходными таблицами каменных и костяных изделий, добросовестность и искусство художников, вложивших в это издание много времени и труда.

На том же высоком уровне издан и второй том «Актон», о котором можно судить по вышедшей в свет в 1965 г. пятой его части. Она представляет целый том (186 страниц и 51 таблица на меловой бумаге), посвященный деревянным предметам и

технике обработки дерева по материалам замечательного неолитического поселения Зееберг, Бургэшизее-Юг². Этот труд, в котором описано и детально изучено более 200 изделий из дерева, представляющих 26 категорий таких вещей, в том числе земледельческих орудий, имеет исключительную ценность для понимания техники древнейшего земледелия Европы и заслуживает специальной рецензии.

Следует отметить, что и в этой книге, наряду с английским и французским, дано резюме на русском языке.

В «Актах» было издано также отдельным томом не менее ценное описание фаунистического материала неолитического поселения Зееберг (том второй, часть третья, 1963 г.). Эти книги должны быть знакомы каждому, кто занимается историей Западной Европы в каменном веке и первобытной культурой человечества в целом.

А. П. Окладников

² Seeberg, Burgäschisee-Süd. Holzgeräte und Holzbearbeitung. «Acta Bernensia», II, 5, Bern, 1965, стр. 186, табл. 51.

Bartha Antal: A IX—X. századi magyar társadalom. Budapest, 1968.

(Барта, Антал: Венгерское общество в 9—10 вв. Будапешт, 1968. 193 стр., 12 табл. с илл.)

Как видно из самого названия, книга А. Барты посвящена одному из самых сложных и малоизученных периодов венгерской истории. Дело в том, что конкретный археологический материал и подавляющее большинство письменных источников освещают историю венгерского народа главным образом после 896 года, то есть после заселения венграми Карпатского бассейна. Поэтому, несмотря на то, что данному периоду истории древнемадьярских племен посвящена обширная литература, здесь все еще имеется очень много пробелов. IX—X вв.— это время этнической стабилизации венгерских племен, время крупных изменений в их общественной и политической жизни, которые привели в конце X в. к образованию венгерского феодального государства, сыгравшего весьма существенную роль в жизни средневековой Европы.

Поскольку письменные источники, относящиеся к этому времени, весьма многочисленны и часто носят противоречивый характер, то для решения многих исторических проблем особое значение приобретают археологические материалы. За последнее время для территории юга европейской части СССР и Карпатского бассейна накоплены значительные археологические данные, что позволяет внести существенные коррективы в представления, полученные путем анализа письменных источников¹, или же в результате обработки старого археологического материала².

При изучении ранней венгерской истории немало противоречий вызывает тот факт, что венгры по своему языку финноугры, точнее, они относятся к угорской ветви финно-угорской семьи языков, а по своей культуре — как это доказывают археологические находки из древнемадьярских могильников X—XI вв.— они стоят ближе к степным народам. Это дает все основания предполагать, что венгры в раннем средневековье жили южнее других финно-угорских народов, в непосредственной связи со степными племенами, говорившими, главным образом, на тюркских языках. Поэтому, если мы хотим разобраться в вопросах истории древневенгерских племен IX—X вв., мы должны изучить, в первую очередь, ту среду, в которой они находились до 896 года. Кроме того, необходимо знать историю всех народов восточноевропейских степей, а также выявить общие закономерности их развития, свойственные не только Хазарскому каганату и Киевской Руси, но и венгерским племенам. Это и является целью работы А. Барты, в которой учтены все новейшие достижения советской и венгерской исторической науки.

Книга состоит из введения и трех глав. Во введении автор подчеркивает, что важнейшее событие венгерской истории X—XI вв., — образование сильного феодального государства с высокой культурой, — нельзя понять, исходя из тезиса старой венгерской исторической науки о том, что венгры в X веке вели исключительно кочевой образ жизни. Последнее положение опровергают данные археологии и в Карпатском бассейне, и на территории салтово-маяцкой культуры, которая во многих отношениях близка культуре древнемадьярских племен. Автор, на наш взгляд, правильно отмечает, что источники основных компонентов культуры и хозяйственной жизни этих племен надо искать на обширной территории к северу от Кавказа и южных степей Восточной Европы. По его мнению, искусство так называемой «эпохи завоевания родины» (от 896 г. до начала XI в.) является, по сути дела, значительным ответвлением прано-кавказского ювелирного искусства (стр. 7).

¹ Gy. Györfly. A magyarok elődeiről és a honfoglalásról. Budapest, 1958; его же. Tanulmányok a magyar állam ere eredetéről. Bp., 1959.

² Gy. Fettich. Die altungarische Kunst. Berlin, 1942; N. Lázló. A honfoglaló-magyar nép élete. Budapest, 1944.

В первой главе «Восточная Европа в IX—X веках», рассматривается история двух важнейших государств Восточной Европы в тот период: Хазарского каганата и Киевской Руси. Вначале автор анализирует процесс возникновения оседлого земледельческого хозяйства и феодализма у кочевых народов евразийских степей, используя результаты изучения указанных народов в советской исторической науке. В связи с этим, он подчеркивает особую важность исследования археологических памятников на территории салтово-маяцкой культуры, где нагляднее всего прослеживается переход кочевников к оседлости и увеличение роли земледельческого хозяйства. Автор придает также огромное значение истории каганата для изучения истории венгерских племен, ведь в Хазарии кочевнические элементы играли в обществе весьма существенную роль, кроме того, у венгров в X в. мы также находим двоевластие, являющееся характерным для Хазарии³. Во второй части этой главы рассмотрена история возникновения Киевского государства, где автор подчеркивает большую роль земледелия в экономике Киевской Руси. В заключении главы подчеркивается, что в истории каганата, Киевской Руси и остальных народов Восточной Европы мы можем наблюдать общие явления и процессы, характерные для эпохи становления раннефеодальных государств. Вся восточная половина нашего континента была подчинена общим закономерностям: «Изменения, происшедшие в любой точке Восточной Европы, непременно сказывались затем и на целом ряде других народов» (стр. 49).

Вторая глава именуется: «Венгерские племена в IX веке». В начале главы затронут вопрос о хронологических рамках периода, в течение которого венгерские племена находились на территории Хазарского каганата. Константин Багрянородный пишет, что венгры жили здесь всего в течение 3 лет. Однако большинство венгерских историков сомневается в этом и предполагает более длительное присутствие их на территории Хазарии. На основании анализа письменных источников А. Барта делает вывод, что венгры, в VII, а может быть уже и во второй половине VI века жили на территории Хазарского каганата (стр. 82), добавляя при этом, что здесь жило большинство венгерских племен, но не все. При этом он не делает попытки более точно локализовать венгерские племена, ссылаясь на то обстоятельство, что за пределами Карпатского бассейна археологические комплексы древнемагьярских племен еще не выделены.

Автор справедливо отмечает, что земледелие, наряду со скотоводством, играло существенную роль в экономике древнемагьярских племен. Общеизвестно, что в венгерском языке имеется примерно 200—250 слов болгаро-тюркского происхождения, которые связаны с земледелием и скотоводством⁴. Исходя из этого, многие венгерские историки сделали вывод, что венгры до начала контактов с болгарами (примерно до VI—VII вв.) не занимались земледелием и интенсивным скотоводством. А Барта, на наш взгляд, справедливо отмечает, что из вышеупомянутого факта не следует делать столь далеко идущих выводов. По его мнению, влияние ираноязычных племен в этом отношении было намного сильнее, чем мы предполагали до сих пор. Однако данный тезис требует дальнейшей более детальной разработки и основательной аргументации. В отношении структуры венгерского общества приводится уже давно установленное положение венгерских историков о том, что у венгров была племенная система. Все венгерское общество состояло — по сообщению Константина Багрянородного — из семи венгерских племен и также из примкнувшего к ним племени кабаров. А Барта особо подчеркивает, что организация этого общества в данный период покоилась уже не на основе кровного родства, а на политических связях аристократических родов (стр. 94). Далее затронут довольно спорный вопрос о рабстве. Автор убедительно доказывает, что в древнемагьярском обществе был известен институт рабства и были рабы. Однако вряд ли приходится говорить о широком применении рабского труда у древних венгров, так как их экономическая структура исключала возможность его массового применения. Как свидетельствуют письменные источники, венгры продавали рабов византийцам и арабам. Автор правильно предполагает, что венгры продавали не только пленных; обедневшие люди продавали, например, своих детей. Все данные говорят о наличии патриархального рабства. В этом отношении показательно, что венгерские слова «*cseléd*» (челед), и «*in*» (ин) первоначально означали «домочадец», а в IX веке к этой категории относились люди самых низких слоев общества (также, как и восточнославянский «челядин»). В дальнейшем автор рассматривает взаимоотношения венгров, печенегов и хазар. Он уверенно говорит, что в антихазарских движениях конца VIII — начала IX вв. принимали участие и венгры. Они выступали, по всей вероятности, против хазарской аристократии, принявшей иудейскую религию. Именно в это время примкнули к венграм кабары, потерпевшие поражение от хазар. Это положение является очень важным для установления примерной даты присоединения кабаров к венграм. По данному вопросу у венгерских историков нет единого мнения: одни считают, что это событие про-

³ G. Róheim. A kazár és magyar nagyfejedelem. «Ethnographia», Budapest, 1918.

⁴ Z. Gombocz. Die bulgarisch-türkischen Lehnwörter in der ungarischen Sprache. Helsinki, 1912.

изошло около 860 года⁵; другие — в последней четверти VIII в., около 780 г.⁶. Автор склонен датировать указанное событие началом IX в. В качестве аргумента можно сослаться на следующий археологический факт: к середине IX в. даже на отдаленных окраинах каганата исчезли так называемые «солнечные» амулеты, что свидетельствует об окончательной победе иудейской религии⁷. Значит, к этому времени правящая верхушка одержала верх над племенами, противостоящими каганату и принятию иудейской религии. Таким образом, борьба кабаров против Хазарии, в процессе которой они получили поддержку более сильных мадьярских племен, должна была закончиться намного раньше, чем середина IX в. Поэтому наиболее аргументированной датой присоединения кабаров к венграм нам кажутся первые десятилетия IX в., по всей вероятности до 830 года, до строительства Саркела и укрепления западной границы каганата. В своей борьбе против венгров и кабаров каганат использовал печенегов. Под их ударами венгры вынуждены были откочевать на запад в область «Этелкузу», на территорию между Днестром и Прутом.

После этого переселения на запад венгерские племена, по предположению автора, еще находились некоторое время в какой-то зависимости от Хазарии, но вели, по сути дела, самостоятельную, независимую жизнь. Это высказывание А. Барта очень остроумно подтверждается фактом завоевания венграми Карпатского бассейна после поражения от печенегов и болгар в 895 г. К этому времени у мадьярских племен уже сформировалась какая-то традиция самостоятельности, ведь в противном случае они могли бы пойти по обычному для других кочевых народов пути: либо присоединились к печенегам, либо поселились на территории Византийской империи. Здесь они, по всей вероятности, были бы благосклонно приняты в качестве вспомогательной военной силы. Вместо этого они выбрали третий, наиболее трудный путь: перешли через перевалы и ущелья Карпатских гор и сохранили этим свою самостоятельность. Как показывает автор — венгерское общество находилось тогда на последней стадии родо-племенного развития. И в нем мы находим уже зачатки классового общества.

В третьей главе прослеживается процесс развития венгерского общества от союза племен до образования государства. В начале главы автор касается вопроса о военных походах венгров в соседние европейские страны, и устанавливает, что успехи этих походов объясняются не особой и сильной военной организацией, как это утверждала старая венгерская историческая школа, а общим положением дел в Европе того времени. Нигде на континенте не было, в первой половине X в., такого сильного централизованного государства, которое могло бы отразить эти нападения. Также правильно, на наш взгляд, говорится о том, что падение Великоморавской державы вызвали не венгерские набеги, а внутренняя слабость самого моравского государства, так как те же походы отнюдь не поколебали устоев таких государств, как Германия или Византия.

Исследования культурного уровня венгерских племен в значительной степени осложнены тем обстоятельством, что о типичных археологических комплексах мы можем говорить только после 896 г., да и то лишь на территории Карпатского бассейна. Археологические памятники за пределами этой территории, которые мы с уверенностью могли бы приписать венграм, нам пока практически неизвестны. Проблема осложняется еще и тем, что археологический материал венгров-«завоевателей родины» тоже не разработан в достаточной степени⁸. Как известно этнический состав этих племен не был однороден; однако выделение по археологическим данным отдельных этнических групп пока еще не проведено должным образом, хотя и в этом направлении достигнуты серьезные успехи⁹. Еще в начале нашего столетия Й. Хампель разделил все археологические находки на две группы: к первой он отнес погребения с богатым инвентарем и эту группу населения он считал венграми; ко второй группе он отнес более скромные памятники, свидетельствующие об оседлом образе жизни; и эту группу он приписал местному населению, жившему здесь до прихода венгров¹⁰. Однако за последнее время появилась гипотеза, что и эта вторая группа памятников оставлена венграми, только менее состоятельными членами общества; тогда как первая группа памятников принадлежала господствующей верхушке и военным дружинникам¹¹. Это предположение, кроме типологических и прочих аспектов, подтверждается еще и тем, что современные венгерские исследователи показали полную несостоятельность старой точки зрения, согласно которой венгры в X веке вели исключительно кочевой образ жизни. В этом убеждает нас и открытие ранних венгерских поселений с признаками земледельческого хозяйства. Однако остается совершенно открытым вопрос: какие археологические материалы мы можем

⁵ Gy. Györfly. *Tanulmányok...*, стр. 50—51.

⁶ Moravcsik-Jenkins. *Constantine Porphyrogenitus. Commentary*, London, 1962, стр. 149.

⁷ С. А. Плетнева. От кочевий к городам. М., 1967, стр. 178—179.

⁸ Gy. László. *Ostörténetünk legkorábbi szakaszai*. Budapest, 1961.

⁹ Gy. Györfly. *Tanulmányok...*

¹⁰ J. Hampel. *Alterthümer des Frühen Mittelalters in Ungarn*. 1—111. Braunschweig, 1905; его же. *Ujabb tanulmányok a honfoglalás kor emlékeiről*. Budapest, 1907.

¹¹ B. Szöke. *A honfoglaló és a kora Árpád-kori magyarság régészeti emlékei*. Budapest, 1962.

приписать славянам, которые без всякого сомнения в X веке жили в Карпатском бассейне. Все это позволяет сделать вывод о недостаточной разработанности археологического материала X в., и о дальнейших важных задачах венгерской археологии¹².

Далее автор приводит очень подробный анализ возможных источников венгерского ювелирного искусства X века. Он приходит к выводу, что данное искусство по своим корням является ответвлением прано-кавказского искусства. Однако эти вещи не находят себе точных аналогий ни на Кавказе, ни в салтовской культуре. Отсюда делается вывод о самостоятельности этого искусства. Приведенная аргументация, на наш взгляд, вносит много нового в решение данной проблемы по сравнению с предыдущими исследованиями¹³, но все же оставляет много невыясненных вопросов, разработка которых — дело будущего.

В конце своей монографии А. Барта разбирает очень сложный вопрос об образовании венгерского государства, складывании классового общества и феодализма. Многие венгерские историки считали и считают, что феодальное общество, отраженное в законах венгерского короля Иштвана Первого начала XI в., сложилось в течение относительно короткого промежутка времени, главным образом, во второй половине X века. Другие же историки — в том числе и А. Барта — считают, что формирование классового общества и государства — это длительный исторический процесс у всех восточноевропейских народов — в том числе и у венгров¹⁴. Вторая точка зрения является более обоснованной. Она подтверждается также всем ходом исторического процесса сложения феодальных государств у многих народов Восточной Европы. У нас нет никаких оснований считать, что образование венгерского феодального государства стало возможным лишь благодаря его выгодному стратегическому расположению и благодаря западному, в первую очередь германскому влиянию. Эти обстоятельства — как справедливо отмечает автор — были лишь потенциальными возможностями; основным же источником для создания сильного государства явилась внутренняя структура венгерского общества X века (стр. 161). Основой организации этого общества был союз древнемадьярских племен, который во время господства Гезы (972—997) приобрел признаки государственности (стр. 162).

В целом можно с уверенностью констатировать, что работа А. Барты — значительное достижение венгерской исторической науки. Автор рассматривает очень спорный период венгерской истории в неразрывной связи с историей всех народов Восточной Европы. Он показал себя прекрасным знатоком советской исторической и археологической литературы, его книга насыщена большим сравнительным материалом. Однако в этой связи хотелось бы отметить, что для большей ясности было бы очень полезно дать побольше иллюстративного материала, в первую очередь карт (в книге нет ни одной карты), поскольку многие приведенные здесь факты, события и материалы неизвестны венгерским читателям, и отчасти даже недоступны. Другой недостаток книги — по всей вероятности это скорее вина издательства — отсутствие резюме на каком-нибудь из основных европейских языков. Это сделало бы книгу более доступной для зарубежных специалистов. А это далеко немаловажный факт, поскольку многие достижения венгерской исторической науки недоступны для широкого круга иностранных специалистов из-за языкового барьера.

Несмотря на отдельные недостатки, большинство которых порождено чрезвычайной сложностью данной проблемы, книга заслуживает высокой оценки и во многих отношениях она послужит основой для дальнейших исследований истории венгерского народа в VIII—X вв.

И. Фодор

¹² I. Dienes. Über neuere Ergebnisse und Aufgaben unserer archäologischen Erforschung des Landnahmezeit. «A Móra Ferenc Múzeum Évkönyve 1964—65», 2. Szeged, 1966.

¹³ N. Fettich. Die Metallkunst der landnehmenden Ungarn. A. H., XXI. Budapest, 1937.

¹⁴ Сб. «Vita a feudális kori magyar történelem periodizációjáról». Budapest, 1968.

Б. А. Колчин. Новгородские древности. Деревянные изделия. Свод Археологических Источников, выпуск Е1-55. Издательство «Наука», Москва, 1968 г.

Среди археологических памятников русского средневековья Новгород занимает особенное место как по масштабам проводившихся исследований, так и по количеству полученных открытий. Работы Новгородской археологической экспедиции давно заняли прочное место среди выдающихся достижений мировой исторической науки. Особенно много дает изучение археологии Новгорода для изучения предметов быта и культуры, которые по другим памятникам прослеживаются лишь частично и очень неполно, предметов, изготовленных из дерева, кожи и других подобных материалов, т. е. влажные слои археологических горизонтов с X по XVI вв. хорошо сохранили для нас столь редкие в других раскопках вещи.

Книга Б. А. Колчина впервые вводит в широкий научный оборот лучшую часть как раз тех материалов, которые столь редко и фрагментарно представлены в исследованиях других археологических экспедиций — публикуются изделия из дерева. Такое начало в публикации новгородских древностей избрано не случайно и очень удачно, т. к. знакомит нас прежде всего с наименее изученными областями древнерусской культуры. Дерево, игравшее в жизни русских людей всегда столь значительную роль как основной материал для производства орудий труда, посуды, жилища, средств передвижения — словом, во всех сферах жизни, пожалуй впервые так полно и последовательно представлено в историческом исследовании, посвященном средневековью.

То, что книга Б. А. Колчина вышла в серии Свода Археологических Источников, в значительной мере предопределило и характер изложения материалов — страница за страницей перед нами разворачиваются документально точные этюды из жизни новгородского населения: их орудия труда, посуда, транспорт, прядение и ткачество, первые машины (токарные станки, мельницы, подъемные механизмы), мебель, музыкальные инструменты, все те стороны жизни новгородцев, которые так или иначе были связаны с употреблением изделий из дерева. Для историка впечатление создается такое, как будто сумел побывать в древнем Новгороде Великом, потрогал своими руками и посмотрел бесчисленные деревянные вещи, окружавшие новгородцев, служившие им в быту и в работе, украшавшие их жизнь. Опубликованные материалы — это целый музей деревянных изделий древнего Новгорода, заботливо подобранный и обобщенный в строгой последовательности автором книги на ее страницах.

Краткое введение (стр. 5—10) знакомит читателя с наиболее общими моментами как положения новгородских раскопок среди других археологических памятников, так и с задачами изучения деревянных изделий в Новгороде (консервация, методика определения времени и места находок). В первой главе (стр. 11—16) автор более основательно знакомит читателя со спецификой деревообработки применительно к новгородским условиям (природное сырье, качества древесных пород, инструменты для обработки дерева, способы обработки).

Публикация собственно новгородских археологических материалов по деревянным изделиям начинается со второй главы, где собраны данные об орудиях труда. Принятый в книге принцип расположения и обобщения материалов очень логичен и выдержан последовательно — принцип функционального назначения. Те отступления, которые неизбежны (так машины и сложные орудия труда — ткацкие и токарные станки выделены в особую, пятую, главу, после изучения токарной посуды и транспортных средств) оправданы тем, что сведения о токарном станке легче воспринимаются, когда известны сами токарные изделия. Менее оправдано отнесение такой домашней утвари как коромысла, мутовки в ту же главу, где рассматриваются мебель, музыкальные инструменты и прочие изделия из дерева.

На нескольких страницах второй главы изложены уникальнейшие сведения о деревянных орудиях труда. Как ни странно, но до сих пор мы еще очень мало знаем именно об орудиях труда древней Руси, а следовательно, в какой-то степени, мало нам известно и о развитии самого производства, той базы, которая лежала в основе развития всего древнерусского общества. И если орудия труда из металлов благодаря археологии теперь изучены достаточно полно, то деревянные орудия или деревянные части орудий труда нам известны по единичным находкам. Впервые создается систематическая картина, пусть еще неполная, благодаря публикациям в книге Б. А. Колчина. Им выделены несколько видов лопат, граблей, рыболовных снастей и т. п. Все вещи определены по этнографическим аналогиям и историческим сведениям. Даны очень важные сводки времени и места залегания каждой находки. Приведенные автором определения вещей и реконструкции в большинстве не вызывают сомнений. Мне кажется спорным лишь два момента. Первое — это чисто деревянные лопаты для копки земли (стр. 17). Если судить о таких лопатах по миниатюрным рисункам, то они всегда имели оковку железом по рабочему краю, отмеченную в миниатюрах голубым или синим цветом. Такие оковки хорошо известны и археологам. Русская этнография не знает деревянных лопат без оковки железом для вскапывания земли. Да и технологически такие деревянные орудия трудно себе представить. По той же причине кажется сомнительным существование деревянных мотыг. Дерево — прочный материал. Но истирание деревянных изделий при работе в земле, содержащей большое количество песка, острых камней и т. п., происходит очень быстро. Аbrasивное воздействие почвы на орудия обработки земли так велико, что и железные лемехи, мотыги и т. п. приходилось ежегодно наваривать, подновлять. Поэтому существование в древней Руси чисто деревянных орудий обработки почвы кажется вообще сомнительным, особенно, если учесть, что в то же время были и железные мотыги, теслоподобного вида. Такие мотыги кое-где в Архангельской области бытуют до наших дней¹. Возможно, что значительная часть тесел, известных нам по археологии, на самом деле — железные части древних мотыг.

Б. А. Колчин очень широко определяет функциональное назначение граблей (стр. 18). Но виды самих граблей при более тщательном анализе того, как сточены

¹ Полевые материалы Архангельской этнографической экспедиции кафедры этнографии МГУ.

их зубья, возможно, позволят выделить среди них грабли для уборки сена, грабли для заборанивания гряд (именно такими кажутся трехзубые грабли из ели с сучками на табл. 2, № 6, стр. 99).

Наиболее богатой по количеству вводимой в оборот научной информации является третья глава книги Б. А. Колчина. На 28 рисунках, помещенных в тексте (большинство из которых сводные, вмещающие до 30 отдельных предметов) и на 28 сводных таблицах приложения развернуто поразительное многообразие видов деревянной посуды и утвари новгородцев. Автор не просто знакомит читателя с находками и их реконструкциями, постоянно точно указывая время и место каждой из них в специальных таблицах и датирующих выкладках, но проводит ясную систему обобщения этих изделий по видам, размерам, материалу и способу изготовления. Всего 27 страниц текста понадобилось автору для изложения огромного богатства, добытого Новгородской экспедицией. Но за этими концентрированными страницами виден колоссальный труд по определению, систематизации, изучению технологии производства, этнографических аналогий и многих других особенностей истории развития деревянной утвари. Полнота и тщательность изучения таковы, что как будто автор смел возмочь эту тему по археологическим остаткам вещей. Впрочем, в русской этнографии тема об утвари до сих пор остается на положении Золушки, что заставило Б. А. Колчина обращаться к этнографическим аналогиям по Прибалтике и др. районам.

Графические приемы исследования в книге Б. А. Колчина занимают особенное место. Разрезы, рисунки, графики и т. п. не только концентрированно излагают читателю необходимые сведения, но и вскрывают сложную динамику развития явлений. Так рисунок 25 на стр. 36 четко вскрывает перед нами и то, что новгородцы уже до основания города знали способы изготовления токарных блюдец, и то, как меняются, совершенствуются производство токарной посуды, увеличивается разнообразие изделий, усложняется их форма. И все это развернуто перед читателем с математической точностью, на протяжении пяти столетий новгородской истории. Такая же «графическая» история рассказывает нам и об изменении форм ложек (стр. 45). Подобная точность делает сами эти предметы, если они встретятся в других местах, хронологическими определителями.

Глава об утвари заполняет очень ощутимый пробел в нашей истории материальной культуры, т. е. до сих пор у нас не было столь систематической и стройной картины ни по историческим, ни по археологическим, ни по этнографическим источникам. Б. А. Колчин убедительно доказывает, что утварь, ее формы и приемы изготовления иногда поразительно устойчивы. За целое тысячелетие (по крайней мере) почти совсем не изменились виды бондарных, плетеных изделий. А некоторые виды утвари, наоборот, изменялись достаточно быстро. С чем это связано, чем объясняется — над этим стоит подумать историкам культуры и быта.

Несколько мелких замечаний. Сомнительно определение маслбоек по длине клепок (стр. 28). Бесспорным свидетельством могло бы быть верхнее дноце, крышка маслбоек с очень характерной прорезью для мутовки в центре. Этнографические наблюдения говорят о том, что русские крестьяне масло сбивали мутовкой в глиняных горшках или «выпаривали» его из сметаны в печах. Бондарные маслбоек появляются в конце XIX в., в связи с расширением производства масла для продажи. Хорошо видно в этом влияние прибалтийских образцов.

Правильно отмечая западное, прибалтийское происхождение бондарных чаш, Б. А. Колчин почему-то не делает той же оговорки в отношении «пивных» кружек (стр. 28), которые типичны для Прибалтики, Польши и Германии, но не типичны для русских крестьян. Последние пили пиво из ковшей, братин, скобкарей.

Четвертая глава исследования посвящена транспортным средствам. Тот же экономичный стиль изложения с максимальным использованием таблиц, чертежей рисунков дает читателю чуть ли не исчерпывающее представление о новгородском транспорте. Особенно ценным и полным для историка материальной культуры оказывается раздел о санях, основном виде повозок в лесной полосе древней Руси. До сих пор столь подробного представления о конструкции и видах саней у нас не было. Б. А. Колчин выделяет пять типов саней (универсальные, пассажирские, беговые, сани — возок, салазки). Каждый тип описан очень полно и детально, с указанием всех размеров элементов, материала, из которого они делались, способов связи в конструкциях.

Сомнительным кажется только указанный автором способ соединения оглобелей с санями (стр. 53). Они не могли крепиться на копыле («Нижним концом оглобля надевали на первый копыль») так неподвижно, как реконструирует Б. А. Колчин. На первом же крутом повороте копылы оказались бы вывороченными из гнезд полоза. В крестьянской практике оглобли привязываются к саням веревкой, ремнем, «вицей» полужестко, чтобы при поворотах было достаточно свободное «шарнирное» соединение. Углубление для веревки или ремня есть и на концах всех опубликованных в книге оглобелей (табл. 42, 43, стр. 139—140). По-видимому, и прямоугольные отверстия сделаны для той же цели в оглоблях, хотя для легких саночек возможен и способ крепления, указанный автором. Замечу, что при способе крепления, указанным автором, должна сильно истираться верхняя передняя часть прямоугольного отверстия. На приведенных рисунках этого определить нельзя.

Находки дуг позволяют пересмотреть наши представления о времени появления дуговой системы запряжки на Руси. XII век датирует самую раннюю находку, что полностью исключает заимствование этой системы от татар. Установлено и очень раннее появление хомута с деревянными клещами (с X в.). Эти сведения, подкрепленные обширными вещественными доказательствами, позволяют внести очень существенные дополнения не только в историю транспорта, но и в историю хозяйства в целом, т. к. тяговая сила — один из существенных элементов производительных сил, а совершенствование системы запряжки значительно повышало экономическую эффективность применения лошадей, основного тягла феодальной Руси, что специально подчеркивает Б. А. Колчин (стр. 56). Стмечу лишь мелкие неточности. Супонь не связывается с клещами хомута, а связывает между собой нижние концы клещей (стр. 56). Там же сказано, что «запрячь коня в соху или волокушу можно только с дугой». Как раз для новгородской зоны это неверно, т. к. сохи новгородских крестьян до недавнего прошлого имели очень короткие «обжи» (оглобли), которые привязывались к гужам хомута короткими постромками². Запряжка сохи с дугой была распространена в Ярославско-Московской зоне. Волокуши также чаще всего привязывались к хомуту гужами без дуги.

Водные средства передвижения нам известны лучше по археологическим данным и другим раскопок. Но Новгородский материал, изученный и препарированный в книге Б. А. Колчина, дает нам чуть ли не практическое руководство по строительству судов — настолько полно и всесторонне приведены сведения. Размеры деталей, частей, способы их соединения, целые узлы конструкций, убедительная реконструкция целого корабля и даже способы ремонта — все это раскрыто перед читателем на 5 страницах (стр. 58—63).

Столь же содержателен и раздел о лыжах, дающий новый и свежий материал об этом средстве передвижения (стр. 57—58).

Пятая глава посвящена, если судить по названию, сложным орудиям труда и машинам. Но ее содержание шире, т. к. Б. А. Колчин основательно рассказывает и о ткачестве в целом, о способах помола зерна и др. вопросах, связанных с употреблением машин, базируясь на исторических данных и этнографических аналогиях. Процесс ткачества, которому посвящена большая часть главы, благодаря прекрасной сводной работе Н. И. Лебедевой³, этнографически изучен хорошо. И приводимые Б. А. Колчиным данные позволяют исторически углубить наши сведения как о способах ткачества, так и о времени появления отдельных конструктивных усовершенствований, что прекрасно видно из графической схемы на стр. 71. Благодаря археологическим данным мы теперь можем точно назвать дату появления горизонтального ткацкого станка у русских.

Спорен вывод Б. А. Колчина о том, что «обработкой льна и конопли занимались лишь немногие хозяйства (средневекового Новгорода — Г. Г.), которые поставляли сырье на рынок» (стр. 65). Этот вывод основан только на том, что редко попадаются такие орудия как вальки, лапы, трепала. Сомнительно, чтобы в Новгороде X—XV вв. существовало сколько-нибудь развитое товарное производство волокна. Как показывают этнографические наблюдения, до сер. XIX века, а во многих местах и до начала XX в. производство льняного и конопляного волокна занимало очень небольшое место в крестьянском хозяйстве — сеяли только столько, сколько было необходимо для потребностей самой крестьянской семьи, но посевы были в каждом хозяйстве. Товарное производство, на рынок, стало распространяться среди крестьян ряда областей только в XIX в. Сами посевы были очень невелики — узкая полоска, в поле или на огороде. Возможно, что именно этим объясняется то, что не в каждом хозяйстве были необходимы специальные орудия первичной обработки льна. Да и сами орудия (вальки, лапы, трепала) нельзя отнести к таким, которыми дорожили и берегли их. Они могли быть заменены и другими орудиями, например, обычной палкой, временным трепалом, которые затем пускали на лучину. Вывод Б. А. Колчина сомнителен еще и потому, что определяемые им как «чесала» орудия, вряд ли были таковыми. Больше оснований отнести их к разряду орудий обмолота льна, бросальницам. (Лебедева, стр. 475). Загнутые в сторону ручки деревянные зубья (см. табл. 61—62, стр. 158—159) скорее приспособлены для срывания головок льна, чем для его расчесывания. Возможны были и другие орудия первичной обработки льна, в том числе и не деревянные, т. к. Н. И. Лебедева подчеркивает, что и в XIX в. орудия обработки коловых и волокнистых растений были одинаковыми (там же, стр. 474).

Можно думать, что в Новгороде в XIII—XV вв. ткацкие станы («кросна») делались с использованием для станин копани — стволов ели с одним корнем, как это делали до недавнего времени русские крестьяне Севера (см. стр. 72), а не стан из брусьев, соединенных шишовой конструкцией.

В остальном, раздел, посвященный ткачеству и прядению, — великолепная страничка, подробно и детально описывающая нам древнюю историю этого производства. И здесь, как во многих других случаях, мы получаем, благодаря публикации находок в рецензируемой книге, прочную базу для изучения истории русской техники.

² Материалы Новгородской этнографической экспедиции кафедры этнографии МГУ.

³ Н. И. Лебедева. Прядение и ткачество восточных славян. Тр. Института этнографии. Нов. серия, т. XXXI, М., 1956 г.

Раздел главы, посвященный токарному станку, вскрывает перед нами не только бесспорные свидетельства времени появления токарного производства, детали токарного станка и его конструкцию, но и технологию самого процесса обработки изделий (стр. 72—76). С такой убедительностью вскрыть эту картину можно было только при тщательном и всестороннем анализе всех находок.

Столь же подробно описаны и древние мельницы (ручные), которые оказались идентичными крестьянским ручным мельницам, кое-где бытующим еще и сейчас. Можно подсказать автору, что порхлица на русском Севере называется у крестьян «жабкой», а в остальном и детали конструкции, и общая схема, описываемая автором, полностью соответствуют тому, что встречается этнографам. (Еще одно свидетельство редкой устойчивости элемента культуры.)

Б. А. Колчин не упускает из внимания и такие детали, как части подъемных механизмов (блоки, ветрлюги и т. п.), описывая их с присущей ему точностью и полнотой.

В последней главе собраны сведения о предметах различного назначения — от коромысел до свирелей, которые дополняют наши сведения о быте древних новгородцев живописными деталями. Очень интересна реконструкция стульев (стр. 82—83). Такие стулья бытовали у ремесленников еще в начале XX в. Очень интересен анализ бытования гребней (стр. 94). И совершенно уникален раздел о музыкальных инструментах (стр. 85—88). Родина Садко оказалась представленной столь убедительными находками гуслей и др. музыкальных инструментов, так подробно исследованных и описанных, что можно воссоздать на этой базе древнерусский оркестр.

То, как Б. А. Колчин раскрывает перед читателем материалы Новгородской археологической экспедиции (деревянные изделия), ставит этот свод источников в ряд со специально исследовательскими сочинениями. Количество публикуемых материалов, их систематизация, обработка, обобщение, анализ, реконструкция, определение назначения — все это позволяет Б. А. Колчину заставить задуматься читателя над рядом широких исторических проблем. И одна из важнейших проблем — изучение, последовательное, на протяжении многих веков, развития отдельных отраслей культуры человеческого общества. Такое «сквозное» изучение вскрывает динамику развития той или иной области культуры, позволяет наметить закономерности развития, а следовательно, и сделать научно обоснованные прогнозы на современность и будущее. Широкое применение Б. А. Колчиным методов точного исторического анализа (схем, графиков и т. п.) делает такое исследование особенно убедительным и нацеленным в будущее, т. к. легко продолжить «кривые развития», если они столь точно определены для прошлого.

С сожалением расстаётся читатель со страницами книги Б. А. Колчина, которая позволяет ему совершить увлекательное путешествие в мир деревянных вещей древнего Новгорода. Я уверен, что это расставание не надолго. Новгородская экспедиция продолжает свои работы. И мы еще не раз, благодаря труду и таланту ее сотрудников, получим возможность побывать в древнем Новгороде Великом, познакомиться с культурой, бытом, всей жизнью новгородцев.

Г. Г. Громов

Е. Табио у Е. Рей. Prehistoria de Cuba. Academia de ciencias de Cuba, La Habana, 1966, 280 стр. Библ. стр. 219—237, 17 табл. илл.

Книга кубинских ученых Эрнесто Табио (директор департамента антропологии Академии наук Кубы) и Эстрейи Рей (преподаватель Гаванского университета) подводит итог трехлетней деятельности названного департамента.

В кратком вступлении дается общая характеристика развития археологии на Кубе в дореволюционное время. Отмечается преобладание музееведческой деятельности с погоней за редкими вещами над систематической археологией, отсутствие научно-исследовательских традиций и профессиональных археологов, что способствовало развитию неправильных концепций, основанных преимущественно на изучении тех немногих экземпляров вещей, которые имелись в коллекциях данного исследователя. Авторы отмечают, что вне Кубы, начиная с 40-х годов, благодаря в основном работам североамериканских учёных, значительно усилились археологические исследования на Антильских островах.

После революции на Кубе создается департамент антропологии как часть Национальной комиссии Академии наук. В секции археологии этого департамента примитивные общества изучаются теперь в «свете диалектического и исторического материализма» (стр. 7). Большое внимание уделяется планированию научного труда, применению новых методов исследования и подготовке научных кадров. В департаменте были составлены каталоги старых коллекций, начата программа последовательных стратиграфических раскопок. На каждый раскоп имеется архив с полевыми записями, топографическими картами, планами памятника и фотографиями. Работа департамента позволила создать хронологическую схему примитивных обществ Кубы. В названиях культурных групп повторяется классификация крупней-

шего специалиста по археологии Карибского бассейна североамериканского ученого И. Роуза. Кубинские ученые ввели, однако, в свою схему культурную группу Маяри, открытую имп на востоке острова.

Описание каждой «культурной группы» или «культурного комплекса» (терминология авторов) делится на две части. В первой, археологической, дается история исследования, описываются модель поселения («patron de asentamiento», перевод с английского «settlement pattern»), найденные предметы, сгруппированные по материалу, из которого они изготовлены, остатки пищи, костные останки людей, проводится сравнение со сходными находками в соседних с Кубой областях, рассматриваются вопросы хронологии. В разделе «Палеоэтнография» описывается физический облик представителей каждой группы, рассматриваются производительные силы и производственные отношения, говорится о языке, одежде и украшениях, проявлениях надстройки (в таком порядке это описание дается в книге). Фактически здесь делается первая в истории кубинской археологии попытка марксистского толкования археологического материала.

Первая глава посвящена культурной группе Сибоней, аспект Гуаябо Бланко (сибонейцами испанские историки Индии называли некоторых индейцев Кубы, а Гуаябо Бланко — название памятника, открытого кубинским инженером Х. Коскуюэла в 1913 г.). Авторы считают, что эта культурная группа не была известна ни прямо ни косвенно испанским завоевателям (стр. 15). До сих пор она остается наименее известной. Памятники этой группы найдены в центральных и западных провинциях острова: всего их известно сейчас 11. Наиболее значительные из них — Гуаябо Бланко (болото Сапата, провинция Лас Вильяс), стоянки на п-ове Гуанакабисес (крайний запад Кубы), пещера Пунта дель Эстэ на о. Пинос. Памятники представляют собой холмы, сложенные из хозяйственных отходов. В четырех случаях они найдены на открытых местах и в семи — в пещерах или гротах. Самые большие холмы располагаются под открытым небом и имеют 40—50 м в диаметре и до 1,5 м в высоту.

Авторы считают, что очень большие напластования отходов на открытых местах косвенно свидетельствуют о том, что там могли строиться какие-то жилища, следы которых до настоящего времени обнаружить не удалось. На некоторых из этих памятников найдены останки людей. Однако никакого инвентаря вместе с ними не встречено. Орудия и предметы обихода группы Сибоней Гуаябо Бланко изготовлены в подавляющем большинстве из различных раковин. Из них делали губки (наиболее характерное орудие этой группы, название происходит от испанского «gubia» — тип желобчатого долота), молоты, пробойники, ложки, чашки, тарелки и редко встречающиеся грубые дисковидные бусины. Из каменного инвентаря известны отбойники («percutores») — обычно это естественные гальки; молоты-терочники, отличающиеся от отбойников следами затертостей; терочники; камни с выемками для растирания растительной пищи. Редко встречаются осколки кремня и красящие минералы. Пищей для первых обитателей Кубы служили моллюски, грызуны, птицы и черепахи.

Особенно полное сходство, по мнению авторов, наблюдается между находками типа Сибоней Гуаябо Бланко и комплексом Маникуаре (Северная Венесуэла). Ко времени написания книги на Кубе не было известно ни одной абсолютной даты для Сибоней Гуаябо Бланко. Табио и Рей пока принимают предложенные Роузом временные рамки существования этой группы — 1000 г. до н. э. — 1000 г. н. э. Индейцы этой группы, видимо, проникли на Кубу со стороны Южной Америки.

Во второй главе рассказывается о культурной группе Сибоней, аспект Кайо Редондо. Название она получила по месту, где в 1941 г. североамериканский исследователь К. Озгуд впервые раскопал памятник, характерный для этой группы. Авторы пишут, что в настоящее время трудно установить ясные различия в комплексах находок Сибоней Гуаябо Бланко и Сибоней Кайо Редондо. Основные предметы, позволившие разделить некерамическую группу на два аспекта, — это каменные шары и каменные «кинжалы», встречающиеся только в группе Сибоней Кайо Редондо. Первым установил различия между некерамическими культурными группами кубинец Пичардо Мойя. Он даже рассматривал их как две самостоятельные культуры, а не два аспекта одной культуры. В рецензируемой книге неточно названа дата, когда это случилось (1944 г., стр. 54). В действительности работы Пичардо на эту тему вышли уже в 30-х годах.

Как и в Сибоней Гуаябо Бланко, памятники этого второго аспекта представляют собой накопления отходов, достигающие иногда сотни метров в диаметре и 3 м высоты. Всего авторам известно 45 памятников типа Кайо Редондо. 29 из них расположены на открытых местах, остальные — в пещерах и гротах. 29 памятников находятся менее чем в 5 км от берега моря. Самые крупные найдены под открытым небом. И здесь авторы считают, что на открытых местах должны были стоять какие-то жилища, достоверных следов которых до сих пор не встречено. Захоронения, как и в памятниках Сибоней Гуаябо Бланко, найдены преимущественно в культурном слое. Лишь в одном-двух случаях скелеты были обнаружены вне культурного слоя (в пещерах). С погребенными находят приношения в виде каменных шаров и «кинжалов», бусин из камня, позвонков рыб и зубов акулы.

Предметы из раковин, находимые на памятниках этой культурной группы, сходны с изделиями Сибоней Гуаябо Бланко, но встречаются реже и выглядят более со-

вершенным. Люди этой группы достигли больших успехов в обработке камня. Из красного базальта делались отбойники правильных форм, конические песты, ступки. Из мягких и твердых пород камня изготовлялись шары, разных размеров кольца, «ложки». Встречаются кремневые ножевидные пластины. В одном месте провинции Ориенте найдена целая кремневая мастерская с нуклеусами, отщепами и осколками и даже с отбойниками.

Экономика этой группы сибонеев основывалась на сборе и ловле морской живности, сборе растительной пищи и охоте.

На Кубе следы существования данной культурной группы рассеяны по всему острову. Наиболее многочисленные памятники находятся на южном побережье провинции Камагуэй и в устье р. Кауто (юго-запад провинции Ориенте). Вне Кубы сходные предметы (каменные шары и «кинжалы») есть в культуре Коури (Couri) на Гаити. Однако на Коури, как и на всем о. Гаити, совершенно отсутствуют столь характерные для Кубы предметы, как губии.

По мнению авторов, культурная группа Сибоней Кайо Редондо существовала с I по XVII в. Это подтверждается и одной радиоуглеродной датой — 990 г. (стр. 74). Уже после выхода книги стала известна еще одна дата, оказавшаяся одной из древнейших на Антильских островах, — около 2000 г. до н. э. Авторы предполагают, что упоминаемые испанскими завоевателями индейцы прибрежных островов и южных болотистых районов Кубы были представителями группы Сибоней Кайо Редондо и, следовательно, говорили на языке, понятном для аравакских переводчиков, бывших у Колумба во время второго его путешествия.

Третья глава посвящена первым керамистам Кубы — культурной группе Маяри (провинция Ориенте), названной так по месту, где в 1964 г. раскопками департамента антропологии был открыт памятник этого типа. Одна абсолютная дата и сравнение керамики с глиняной посудой других Антильских островов позволили отнести время существования этой группы к IX—XI вв. (стр. 101, 110). Характерной особенностью рассматриваемой группы является наличие керамики (некоторые фрагменты ее несут следы красной росписи) и отсутствие в то же время глиняных жаровен или сковород (по-испански «bigen»), на которых пеклись лепешки из ядовитой юкки. До сих пор на Антильских островах керамические сосуды и «бурени» всегда встречались вместе. Остальные находки, обнаруженные на двух исследованных к моменту написания книги памятниках, не выходят из рамок комплекса Сибоней Кайо Редондо. Из каменных предметов найдены кремневые нуклеусы, отщепы и осколки. Есть также отбойники, молоты, терочники, песты и ступки. Встречаются и красящие минералы. Изделия из раковин немногочисленны, в основном это губии. Среди остатков пищи бросается в глаза необычное обилие костей гутии (грызун), значительно меньше встречается остатков черепах, ракообразных, рыб, моллюсков.

В экономической деятельности культурной группы Маяри, по мнению авторов, акцент делался на лов земных животных и сбор земных средств питания. Рыболовство и сбор морских моллюсков отошли на второе место. Возможно, что носители этого культурного комплекса были уже знакомы с зачаточным земледелием (стр. 116).

Самая большая, IV глава описывает культурную группу Суб-Таино. Название это было предложено еще в 1921 г. североамериканским археологом М. Г. Харрингтоном, чтобы отличить ранних антильских земледельцев от более поздних и более развитых индейцев Гаити и Порто-Рико, известных ученым под именем Таино. В археологии Кубы термин «субтаины» утвердился после работ И. Роуза 40-х годов. Все исследователи, говорят авторы, единодушны во мнении, что индейцы группы Суб-Таино южноамериканского происхождения. Во времена завоевания Кубы испанцами они составляли большинство ее населения.

Следы поселений «субтаинов» на Кубе найдены в восточных и центральных провинциях, отдельные находки известны из западных областей. В прошлом большая часть всех исследований кубинских ученых об индейцах острова относилась именно к данной культурной группе. Из перечня наиболее значительных работ можно отметить труды испанского натуралиста Родригеса Ферреры (1847), Харрингтона (1915 г.), раскопки кубинцев Орсенсо Мигель Алонсо в конце 20—30-х годов и Моралеса Патиньо (1930 г.), раскопки И. Роуза.

Авторам известно 95 памятников этого типа: 53 из них расположены в районе Банес, провинция Ориенте. В 69 случаях памятники находятся на открытых местах, остальные 26 свидетельствуют о кратковременном обитании пещер. В 46 случаях памятники найдены более чем в 3 км от береговой линии. Поселения располагались на вершинах небольших холмов, поблизости от источников воды. Дома, у основания которых образовывались холмы культурных отложений, располагались вокруг центральной площади. По археологическим материалам восстановить облик жилищ не удалось, но они известны по описаниям в испанских источниках.

Умерших «субтаины» хоронили преимущественно в пещерах (из 29 известных погребений 21 приходится на пещеры). Похоже, что это не были захоронения в точном смысле слова, так как, очевидно, мертвых просто бросали в пещеру вместе с приношениями. В более позднее время усопших стали хоронить на территории поселения.

Предметы, найденные на субтаинских памятниках, гораздо многочисленнее и разнообразнее, чем у предыдущих групп. Большинство находок составляет керамика:

фрагменты сосудов и целые сосуды, обломки и целые «бурени», антропоморфные фигурки. Размеры сосудов — 15—40 см в диаметре, 8—20 см высотой, с толщиной стенок от 3 до 10 мм. Преобладают три формы сосудов: шарообразная, ладьевидная (или в форме лодки «navicular») и сосуды типа тарелок. Керамика не раскрашивалась, для ее орнаментации применялись нарезка, налеп, моделирование и прикрепление («incisión», «aplicación», «modelado» и «fijación»).

Самым характерным орудием из камня является лещекообразный топор, поверхность которого иногда целиком, иногда частично отполирована. Среди других орудий каменные ударники или молоты кубической, дискообразной и прямоугольной форм. Некоторые из них употреблялись как терочники и полировальные камни. Есть также песты, цилиндрические подвески из кварцита со сверлением, подвески из других пород камня, иногда с антропоморфным или зооморфным изображением. Встречаются и немногочисленные кремневые ножи и скребки. Из красящих минералов найдены лимонит и гематит.

Из раковин продолжали изготавливаться губии, а также разного рода подвески и бусы.

Кость служила для изготовления лопаток для вызывания тошноты на религиозных церемониях, маленьких идолов, подвесок, бусин. Из дерева делались не только найденные археологами дротики, церемониальные жезлы, терки, идолы и скамеечки. Согласно письменным источникам, дерево применялось и для постройки домов, лодок и пр.

Из испанских же хроник известно о применении растительных волокон для ткачества и плетения.

Среди остатков пищи на поселениях группы Суб-Таино находят кости гутий, манати, птиц, рыб, рептилий, панцири черепах и ракообразных, раковины моллюсков.

На основании находок и письменных источников авторы книги делают следующие выводы об экономической деятельности «субтаинов». Они занимались сбором растительной пищи, моллюсков и ракообразных, ловом наземных и водяных животных, рыбной ловлей. К ним добавились также земледелие и, как говорят авторы, промышленный труд, т. е. изготовление керамики и обработка волокон.

Глава о «субтаинах» в достаточной мере основана на данных письменных источников, главным образом на сообщениях Колумба. Авторы подчеркивают ошибки многих предшественников, когда те переносили письменные свидетельства об индейцах Гаити на всех индейцев-земледельцев Кубы, тогда как в действительности из тех же источников видно, что индейцы Гаити и Пуэрто-Рико находились на более высоком уровне развития, чем жители Кубы. При описании общественных отношений у аборигенов Кубы Табио и Рей вынуждены все же пользоваться теми же самыми данными, относящимися к Гаити, так как о кубинских индейцах таких свидетельств нет.

В книге говорится, что в письменных источниках неоднократно встречаются упоминания о единстве языка индейцев Больших Антильских островов, и, следовательно, субтаины и таины говорили на общем языке — аравакском. Действительно, такие упоминания есть. Но есть сведения и о том, что на одном только о. Гаити было три разных языка (сообщения Мартира и Лас Касаса). И об этом следовало бы помнить до полного решения вопроса.

Последняя, V глава рецензируемой монографии посвящена кубинским таино, занимавшим на острове очень небольшую территорию на крайнем востоке. Археологически они были изучены очень мало. Первые систематические исследования на основе стратиграфических раскопок начаты департаментом антропологии в 1964 г.

Согласно письменным источникам, таины пришли на Кубу с Гаити за 50 лет до завоевания острова испанцами. С этой датой совпадают размеры культурных отложений на поселениях таино. Их высота колеблется от 20 до 50 см, редко достигая 75 см, что должно соответствовать, по мнению авторов, периоду в 20—50 лет.

Из 26 изученных памятников таино 15 находились на открытых местах. 10 из них располагались более чем в 3 км от берега моря. Из 11 случаев находок таинских предметов в пещерах или гротах в 4 случаях пещеры были кратковременными стоянками, 1 раз пещера использовалась в церемониальных целях и 6 раз — для захоронений.

Существенных отличий в археологическом материале субтаинов и таинов обнаружить не удалось. Практически деление это основано на указаниях письменных источников и на различии керамических стилей. Вероятно, авторам следовало бы сделать какое-то общее заключение, в котором была бы дана картина развития групп кубинских индейцев до прихода европейцев и охарактеризовано то место, которое занимает их культура в общем наследии американских индейцев. Пожалуй, лучше было бы дать историографическую сводку не по каждой культурной группе, а в целом — в одной историографической главе. Тогда картина развития археологии на Кубе, изложенная подробно, в разных местах, оказалась бы более цельной, и на этом фоне яснее были бы видны несомненные успехи Департамента антропологии Академии наук Кубы, достигнутые за последние годы.

Э. Г. Александренков

ОТВЕТ НА РЕЦЕНЗИЮ В. П. ТРЕТЬЯКОВА
и Г. П. ГРИГОРЬЕВА

В «Советской археологии», № 4 за 1968 г. была опубликована рецензия В. П. Третьякова и Г. П. Григорьева на мою книгу «Из истории древних племен западных областей СССР» (МИА, 114, 1967 г.). Можно было бы не утруждать читателя настоящим ответом на нее, надеясь на то, что при внимательном чтении книги он сам сумеет понять подлинное ее содержание. Однако возникает необходимость разъяснить принципиальные различия методологических и методических приемов в решении поставленных в книге проблем между мною и рецензентами. Эти различия являются вообще определяющими направление и стиль работы ученого.

Систематизация отдельных замечаний, сделанных рецензентами, приводит к заключению, что они сводятся к двум основным возражениям против положений, выдвинутых в книге: 1) определения границы распространения нарвской культуры и 2) соотношение ее с соседними культурами.

1. По мнению рецензентов, в нарвскую культуру не следует включать: Южное Приладожье, Приильменье, западную Латвию (Сарнате) и южную часть современной Псковской области (Усвяты IV). Ответом на это возражение могла бы послужить простая отсылка читателя к соответствующим страницам книги и картам, где приводится обоснование этого суждения или указывается на условность выделения некоторых из перечисленных областей. Однако за этим различием в очертании границ нарвской культуры скрывается различие в ее понимании, что обусловлено, в свою очередь, иным пониманием археологической культуры вообще.

Для того чтобы стала ясна природа наших разногласий, позволю себе уточнить мои исходные позиции. Считая археологическую культуру понятием конкретно историческим, я определяю прежде всего ее территориальные и хронологические рамки. В пределах данной книги речь идет лишь о неолитической культуре лесной зоны, и с этих позиций определяется ее содержание и место на шкале времени. Именно в пределах этой шкалы времени и производится сопоставление этой культуры с культурами соседних и более отдаленных территорий лесной зоны.

Вторым исходным положением служит представление о трудности выделения культуры в связи со сложностью этнокультурного процесса, протекавшего в лесной зоне в неолитическую эпоху. Передвижение племен, наложение их культур и ломка культурных традиций ассимилированного ими населения чрезвычайно осложняют раскрытие причин сходства или различия между остатками материальной культуры древних племен. Попытка раскрыть этническую историю неолитического населения чрезвычайно осложнена, как об этом свидетельствует этнография¹, и наличием связей иного порядка, чем родственные, сходством хозяйственного уклада, порожденного в свою очередь единством географической среды, длительным общением соседних племен, их общими историческими судьбами.

Вот почему выделение археологической культуры, в нашем понимании, требует всестороннего глубокого анализа всего доступного археологам материала, поскольку даже и в этом случае он крайне фрагментарен. Вне наших возможностей остается такой чрезвычайно важный показатель, как язык, являющийся основным источником для выделения этнографами современных этнических единиц. При таком положении только один из признаков, вырванный из единого, органически слитного целого, не может вскрыть сущности явления.

Именно эти положения и служили для меня исходными при выделении нарвской неолитической культуры. На первой странице книги раскрывается точка зрения на сущность этой культуры. Я пишу: «Учитывая ярко выраженные особенности каменных и костяных орудий этих поселений, чрезвычайно отчетливое своеобразие весьма оригинального керамического материала, а также локализацию таких памятников, хотя и на весьма обширной, но вместе с тем заметно целостной территории, мы считаем возможным выделить особую неолитическую культуру — нарвскую» (стр. 6). Все дальнейшее содержание книги, построенное на детальном анализе многотысячного материала, и прежде всего поселений Нарва I—III, исследованных мною в течение пяти полевых сезонов, подводит читателя к соответствующим выводам. Фактические материалы показаны на рисунках и фото, построенных таким образом, что они позволяют легко производить сопоставление всех элементов нарвской культуры с элементами культуры поселений с гребенчато-ямочной керамикой. Эту же цель преследуют и сводные таблицы, являющиеся цифровым выражением синтеза исследования. Наконец, обоснование этого выделения отражено в специальной таблице № 6 «Устойчивые признаки типов керамики» (стр. 172), в рисунках № 41—43, суммирующих по 19 различным признакам представления об особенностях сосудов нарвской культуры (сводной по ряду прибалтийских памятников), в рисунках № 26, 41, 106, характеризующих особенности формы и орнамента сосудов нарвской и при-

¹ М. Г. Левин и Н. Н. Чебоксаров. Хозяйственно-культурные типы и историко-этнографические области. СЭ. 1955, 4.

балтийской культур. Введение в книгу всех этих систематизированных материалов преследовало цель объективно отразить с возможной подробностью весь материал для того, чтобы предоставить читателю возможность самому проверить правильность заключений, сделанных в книге.

Вместе с тем я не старалась скрыть всей сложности данной проблемы. Наоборот, в самом начале книги указанием на ряд нерешенных в настоящее время вопросов я старалась привлечь к ним внимание объективного, лишенного своей априорной концепции читателя. Так, раскрывая основное содержание рассматриваемого исторического процесса, я пишу: «Однако на основе наших материалов, не все стороны этого процесса выступают с одинаковой отчетливостью». «Отсутствие в настоящее время полных публикаций этого вида поселений (нарвской культуры.— *Н. Г.*) не позволяют пока уточнить ряд весьма важных вопросов, выявить, в частности, все хронологические и территориальные различия этой культуры. Пока намечается, по-видимому, не менее трех ее вариантов» (стр. 6).

Тем же стремлением показать читателю дискуссионность некоторых положений в настоящее время продиктованы и следующие места главы IV: «В большой мере решение этой проблемы (выделение нарвской культуры и ее этническая принадлежность.— *Н. Г.*) осложнено разнотипностью имеющегося в нашем распоряжении материала и необычностью некоторой его части, в отношении которой не успели еще установиться твердые критерии... нельзя не видеть значительных трудностей, обусловленных, прежде всего, еще не отстоявшимися понятиями «керамика нарвского типа» в силу ее оригинальности и разнообразия — типологической неустойчивости. Последнее обстоятельство сильно усложняет возможность включения в эту категорию целого ряда памятников, близких, но не тождественных, что в свою очередь осложняет выделение твердых границ распространения этой культуры» (стр. 170).

Итак, всем сказанным в этой части ответа я постаралась раскрыть сущность методологических и методических приемов, которыми руководствовалась при написании книги. Для того чтобы правильно оценить природу сделанных рецензентами возражений, обратимся теперь к сущности их метода, тем более, что они довольно отчетливо сами раскрывают свою концепцию.

Исходным для определения сущности нарвской культуры, а следовательно и определения границы ее распространения, по их мнению, является керамика, и более того, — только ее орнаментация. «Различие наших точек зрения с *Н. Н. Гуриной*, — пишут они, — объясняется тем, что автор рецензируемой работы уделил, по нашему мнению, недостаточное внимание анализу орнаментации древнейшей (нарвской.— *Н. Г.*) керамики со стоянок Эстонии, Латвии и прилегающих областей, обратив главное внимание на технологию ее изготовления. Но ведь орнаментация керамики является наиболее надежным этнокультурным показателем» (стр. 273). И далее рецензенты распространяют этот упрек на других исследователей. Они пишут: «Общим недостатком многих работ, где затрагивается эта проблема (определение этнокультурной принадлежности памятников.— *Н. Г.*) является пренебрежение к формально (подчеркнуто нами.— *Н. Г.*) типологическому методу. Иначе нельзя объяснить, почему разные типы керамики относятся к одной культуре. Для тех, кто признает родовой характер изучаемых обществ, должно быть аксиомой, что стиль украшения посуды определяется традицией той или иной группы родственных племен» (стр. 273).

Это безоговорочное признание характера орнамента за главнейший критерий при выделении культуры, при этом орнамента, который предлагается обработать формально типологическим методом, приводит к тому, что все другие основные признаки нарвской культуры, в том числе технология и форма сосудов, оказываются по существу вне поля зрения рецензентов. Такая методика является прямым нарушением принципа диалектического материализма, требующего рассматривать явления в связи и взаимодействии. При попытке дать определение нарвской культуры рецензенты формально не выключают из системы доказательств орудия труда, однако, упомянув о них всего лишь один раз, дают при этом до крайности трафаретную характеристику, ни в какой мере не отражающую их большой оригинальности и своеобразия. Так, мы читаем: «Вторым компонентом нарвской культуры являются орудия труда. Они изготовлялись в основном из кости и рога. Из камня — серого некачественного кремня — делались лишь единичные изделия. Среди костяных и роговых предметов представлены различные типы острий, наконечников, шильев, долот, орудий «под углом в 45°» (стр. 271). Этими словами и ограничивается определение всего инвентаря нарвской культуры.

Между тем по количеству и разнообразию костяного инвентаря поселения нарвской культуры представляют исключительный интерес. Только в одном из них — поселении Нарва I — насчитывается 28 функционально различных видов костяных и роговых орудий, представленных многими десятками экземпляров, столь характерных для Восточной Прибалтики. Судя по столь поверхностному, схематическому описанию орудий труда, ни в какой мере не отражающему их своеобразия, совершенно очевидно, что рецензенты при определении нарвской культуры исключили их. В то же время именно характерные черты каменного и костяного инвентаря благо-

даря значительному сходству их с мезолитическими орудиями помогают раскрыть генезис нарвской культуры, а следовательно, обосновать ее ранний возраст, выявить степень связи и этнокультурную близость с синхронными ей неолитическими культурами. Так, одним из наиболее общих признаков нарвской культуры является очень ограниченное использование местного серого, плохого качества кремня, оригинальная разделка метоподий лося и тура, которая повторяется в деталях на ряде поселений Восточной Прибалтики (Нарва I, III, Нарва-город, Оса, Кяпа, Акали), тождественность форм роговых мотыгообразных орудий, костяные орудия под углом 45°, особая форма тесел, своеобразные стамески и др. Все эти орудия, взятые вместе, позволяют увидеть их прототип в многочисленных орудиях мезолитических стоянок Восточной Прибалтики (Кунда, Пярна, Оса и др.) и сделать важное заключение о местных корнях нарвской культуры. Заранее выключив орудия труда из характеристики нарвской культуры, рецензенты тем самым не увидели доказательств общности включенных в нее памятников, не дав себе труда проанализировать инвентарь хотя бы по рисункам книги.

Исключив орудия труда из доказательств общности или различия памятников, отнесенных нами к нарвской культуре, рецензенты неизбежно должны были сосредоточить все внимание на керамическом материале. Однако убежденные в том, что только орнамент является показателем этнокультурной принадлежности памятников, они чрезвычайно сузили возможность анализа керамики, что отразилось в данной ими ее характеристике, где технологические особенности выражены только в следующих словах: «изготавливалась из хорошо отмученной глины, в качестве примеси добавлялась толченая раковина. Сосуды имели прямой или слегка загнутый внутрь венчик, острое дно» (стр. 271). Столь обобщенная поверхностная характеристика керамики отнюдь не отражает действительной ее сущности. Она может быть применима к большой группе памятников, раскинутых на огромной территории, в то время, как именно технологические особенности, в данном, конкретном случае являются одним из показателей, позволяющих сближать керамику раннеолитических памятников Прибалтики. Они особенно существенны еще и потому, что сочетаются с крайней неустойчивостью, неразработанностью орнаментации.

Рецензенты упрекают меня в том, что «в определении признаков нарвской культуры Н. Н. Гурина не только уравнила морфологические, технические и стилистические признаки керамики, но более того двум первым отдала предпочтение» (стр. 274). Действительно, я подробно останавливаюсь в книге на характеристике керамики вновь выделяемой культуры, в том числе, вопреки утверждениям рецензентов, и на ее орнаментации, о чем свидетельствуют сводные таблицы № 3—4 и многочисленные фотографии керамики, систематизированной не только по технологическим признакам, но и по стилю орнаментации. Однако столь необычные, яркие черты технологии сосудов — только раковинная и растительная примесь, крайне оригинальная техника лепки сосудов из узких лент, как бы вдвинутых одна в другую (один край вогнутый, второй — выпуклый так, что его легко принять за край сосуда), резкие расчески внешней и внутренней поверхности, прямой край и сочетание всего этого с оригинальной формой дна — требуют к себе пристального внимания. И в особенности форма дна сосуда, определенная рецензентами как «острое дно» (стр. 271). В действительности дно сосудов плавно округлое или сильно оттянутое книзу и сплошь заполненное гливой, так что толщина его достигает иногда 5—6 см, что делает его совершенно непохожим на острые дна ямочно-гребенчатых сосудов. Наконец, следует указать, что крупные сосуды дополняются маленькими, чаще овальными, реже округлыми, очень мелкими сосудами типа тарелочек. Отличие от гребенчато-ямочной керамики подчеркивает и обработка внешней поверхности сосудов. Часть ее вовсе лишена орнамента, другая украшена очень поверхностным редким, в отличие от гребенчато-ямочного, вовсе не канонизированным узором. Все эти черты, взятые только в совокупности, и позволяют отчленивать нарвскую керамику от гребенчато-ямочной. И было бы большой ошибкой вырвать из этого единого целого, как предлагают рецензенты, одну черту — орнаментацию.

О привлечении орнамента при выявлении этнокультурной принадлежности памятников едва ли могут быть два разных мнения. Эта мысль, высказанная с такой четкостью впервые М. Е. Фосс², разделяется всеми археологами, однако практически только благодаря глубокому анализу всего комплекса черт памятников ею и были выделены археологические культуры. Следует подчеркнуть при этом, что и сам орнамент должен быть взят отнюдь не только по элементам, но в целом — его композиция, что нелегко сделать применительно к неолитической керамике лесной полосы, поскольку абсолютное большинство ее найдено во фрагментарном состоянии, не позволяющем собрать, не только целые сосуды, но хотя бы значительные части сосудов. В тех случаях, когда удается это сделать, нередко бывает, что орнаментация верхней и нижней частей их различны, в силу чего при формально-типологической классификации фрагменты одного сосуда оказались бы в двух различных орнамен-

² М. Е. Ф о с с. Древнейшая история Севера европейской части СССР. МИА, 29, 1952, стр. 64—77.

тальных группах³. К столь же ошибочным выводам придет исследователь в том случае, если он, отбросив все указанные выше признаки, возьмет за основу объединения в одну этнокультурную группу памятники на основе «елочного узора», «клетки», «косых линий» или другой какой-либо простейшей композиции, поскольку это расширит границы культуры до огромных размеров.

Различием в понимании керамики как исторического источника объясняется и замечание рецензентов на неправомочность включения в нарвскую культуру материалов Южного Приладожья (стоянок А. А. Иностранцева), Приильменья (Коломцы, раскопки В. С. Передольского) и небольшую группу (88 фрагментов) керамики из поселения Усть-Рыбежна I, отнесенную мною к нарвскому типу. Еще до открытия новых стоянок с этим типом керамики на территории Эстонии, Латвии и Литвы, при изучении стоянок Южного Приладожья, исследованных А. А. Иностранцевым, я расчленила их в хронологическом и этнокультурном отношении, сблизив часть сосудов с керамикой нарвского типа, и высказала предположение о ее генезисе⁴. Эта группа керамики вмещает в себе все черты, характерные для части нарвской керамики — Нарва I и III, будучи ей тождественна, в чем легко убедиться при взгляде на рис. 152—155. При этом она сопровождается и тождественными костяными орудиями.

Что же касается неправомочности отнесения некоторой части керамики со стоянок Коломцы (Приильменье) к нарвскому типу, необходимо заметить следующее: автор раскопок этого памятника⁵ В. С. Передольский отмечает наличие черных, неорнаментированных сосудов с примесью раковины. Они залегают в культурном слое на глубине 3 м. Полное совпадение стратиграфии данной стоянки со стоянками Иностранцева в Южном Приладожье послужило для меня основанием условно включить Приильменье в территорию распространения нарвской культуры, подчеркнув эту условность соответствующей штриховкой на карте (рис. 107). Разведками последних лет С. Н. Орлова и М. Н. Петрова была обнаружена подобная керамика на побережье оз. Ильмень⁶.

2. Неправильностью методологической позиции рецензентов следует объяснить и наши разногласия по вопросу о соотношении нарвской культуры с другими культурами. В сложении гребенчато-ямочной гибридной керамики рецензенты заменяют первое слагаемое культурой волосовской. При этом они, отказавшись от основного с их точки зрения показателя культуры — орнамента керамики, замещают его технологическими признаками, за что в предшествующих абзацах обвиняли автора книги. В целом доказательством воздействия волосовской культуры на сложение гибридной служат: наличие черепка, украшенного сплошь гребенчато-ямочным орнаментом, но имеющим отогнутый венчик и примесь песка (рис. 29, 7), присутствие на одном (возможно, двух) сосудах рамчатого штампа, тогда как в целом форма, технология и орнаментация керамики этой группы ничего общего не имеет с волосовской, полуяйцевидная форма сосудов, прямой, лишь слегка утолщенный, типичный для гребенчато-ямочных сосудов, или волнистый край, средняя толщина стенок, техника лепки из узких лент, «вдвинутых» одна в другую, глубокий, четкий, отчетливо зональный орнамент из ямок и гребенки, строго канонизированный рисунок, покрывающий всю внешнюю поверхность сосудов). Слабость такой аргументации заключается в том, что за основу ее взяты единичные факты и не учитывается серийный материал, отражающий определенную закономерность. При утверждении о влиянии волосовской культуры на гребенчато-ямочную на территории Прибалтики неизбежно нарушается шкала времени и пространства. Во-первых, при допуске влияния волосовских племен на сложение гибридной гребенчато-ямочной керамики в Прибалтике мы должны исходить из двух моментов: а) чтобы две культуры были синхронны или культура, оказавшая воздействие, была бы старше производной от нее культуры; б) чтобы две взаимодействующие культуры были территориально близкими.

Что касается хронологической близости стоянок с нарвской и гребенчато-ямочной керамикой, то, как показал анализ трех нарвских стоянок, они не могут быть значительно оторваны по времени друг от друга. Серия же абсолютных дат памятников нарвской культуры говорит о следующем: Кяапа — 4350 ± 220 , Сарнате 4900 ± 250 . Крейче — 4030 ± 300 лет от наших дней. Таким образом, датировка не раннего этапа

³ В особенности если это делать по изображению их в книге (да еще при этом представленным в рисунках, а не в фотографиях), когда от исследователя остаются скрытыми мельчайшие детали особенностей штампа (способы его нанесения и др.), позволяющие выделить черепки от одного сосуда в процессе тщательного их изучения.

⁴ Н. Н. Гурина. Древняя история Северо-Запада европейской части СССР. МИА, 87, 1961, стр. 388—401.

⁵ В. С. Передольский. Бытовые остатки насельников Ильменско-Волховского побережья и земель Великого Новгородского Державства каменного века. СПб., 1893.

⁶ Материалы хранятся в Новгородском пед. институте и ЛОИА.

этой культуры падает на середину III тысячелетия до н. э. По-видимому, к этому же времени следует относить и гибридную керамику стоянок Нарва I—III. Нам остаются неизвестны столь ранние памятники волосовской культуры на ближайшей территории. Более того, пока вообще неизвестно ни одного типичного волосовского памятника на территории всей Восточной Прибалтики и Карелии. В настоящее время западная граница волосовской культуры, при этом в расширительном понятии, проходит по современной Вологодской области и только по восточным частям Новгородской и Калининской. При этом в обеих последних областях встречаются не целые памятники волосовской культуры, а лишь элементы ее, отраженные в керамическом материале. Следовательно, племена, жившие в пограничных с Прибалтикой областях в эпоху энеолита — ранней бронзы (именно к этому времени мы относим развитую волосовскую культуру), не могли быть в этом плане воздействующей силой, а наоборот, сами испытывали влияние племен более восточных областей.

3. Из мелких замечаний некоторые также заслуживают разъяснения. Рецензенты пишут: «Вызывает сожаление тот факт, что в рецензируемой книге не упомянуты некоторые работы, в которых были опубликованы материалы ряда памятников, относимых к нарвской культуре» (стр. 272), а именно F. Zagorskis. Kretcu neolita spmēte. Изв. АН ЛатвССР, 4, 1963, стр. 23—35; L. Janits. Über die Ergebnisse der Steinzeitforschung in Sowjetesland. FM, LXXII, 1965, стр. 5, 46 (в которой, как пишут рецензенты, несколько страниц посвящено анализу находок из Кяапа; Л. Ю. Ванкина. Древнее поселение на Сарнатском торфянике (Латвийская ССР), сб. «Древние поселения и городища», Таллин, 1955. В связи с последней статьей в скобках сказано: «мы находим упоминание об этой работе лишь на стр. 159, 174, где не говорится об этнокультурной принадлежности этого памятника» (стр. 272). А ниже на основе этого факта делается следующее заключение: «Разумеется, Н. Н. Гурина не упоминает (подчеркнуто нами. — Н. Г.) эти работы, не смогли учесть и точку зрения их авторов и согласиться или отвергнуть их мысли» (стр. 272). Вынуждена указать, во-первых, на отсутствие причинной связи между «упоминать работу», т. е. сделать ссылку на нее, и «учесть» точку зрения исследователя, написавшего эту работу. Во-вторых, при том потоке информации, который существует в настоящее время в науке, все больше входит в практику способ ссылок не на отдельные статьи, а на последние обобщающие работы авторов, если они вобрали в себя материал указанных, частных работ. Это разумно не только в целях экономии, но и с той точки зрения, что последние обобщающие работы отражают новейшие взгляды ученого на проблемы, поднятые в предшествующих частных статьях. Говоря о развитии нашей науки, мы не должны забывать, что это развитие обусловлено не только вовлечением в сферу науки новых ученых, но и развитием, а следовательно изменением и углублением знаний тех, кто начал свою работу значительно раньше. Было бы грубейшей ошибкой не понимать, что уточнение, а иногда и полное снятие тех или иных положений, высказанных ученым много лет назад, обусловлено общим развитием науки, неотъемлемой частью которой является он сам. Возвращаясь к замечанию рецензентов, укажу, что ссылка на статью Л. В. Ванкиной сделана мною не только на стр. 159 и 174, но и на стр. 190, где приводится фотография сосуда из Сарнате, именно в связи с решением вопроса происхождения нарвской культуры. Что же касается статьи Ф. А. Загорскис, то ссылку на нее пришлось снять во второй корректуре книги, заменив ссылкой на только что вышедший автореферат кандидатской диссертации, полностью вобравшей в себя результат исследования неолитических памятников всей Восточной Латвии⁷. Наконец, статья Л. Я. Янитса, указанная рецензентами, не касается вопроса этнокультурной принадлежности стоянки Кяапа, вещественные материалы которой я могла изучить благодаря любезности Л. Ю. Янитса. Надеюсь, меня нельзя упрекнуть в недооценке его серьезных исследований, ссылка на которые сделана в книге более 20 раз.

Полное отождествление керамики и культуры и невнимательное знакомство с источником привело рецензентов к утверждению о вторичном выделении мной нарвской культуры (стр. 271), тогда как в 1956 г. в моей статье⁸ была выделена лишь ларвская группа керамики. Выделение же культуры стало возможным сделать лишь теперь, когда накопился большой материал.

Пренебрежением к фактам следует объяснить и утверждение рецензентов, что керамика поселения Акали легла в основу выделения нарвской культуры. Это не могло быть, прежде всего потому, что нарвская керамика представлена там лишь небольшим числом фрагментов. В связи с наличием в Акали четкой стратиграфии она послужила для Л. Ю. Янитса опорой при определении хронологии керамики нарвского типа, в основу же выделения нарвской керамики, как показывает само название, легли материалы нарвских поселений.

Я остановилась здесь лишь на основных замечаниях рецензентов, оставив без ответа ряд мелких, хотя также не соответствующих действительности. Я далека от

⁷ Ф. А. Загорскис. Ранний и развитый неолит восточной части Латвии. Авторефер. канд. дис. Рига, 1967.

⁸ Н. Н. Гурина. Новые неолитические памятники в Восточной Эстонии. Сб.: «Древнейшие поселения и городища». Таллин, 1955, стр. 153—175.

мысли, что в рассматриваемой книге изложены только бесспорные положения, не требующие доказательств. Наоборот, как я и сама старалась показать, она содержит и ряд дискуссионных проблем, обусловленных прежде всего уровнем наших современных знаний. В этом отношении рецензии имеют особое значение, если они ведутся на основе объективной оценки работы и привлечения новых фактов, позволяющих уточнить или снять те или иные из выдвинутых положений. К сожалению, данная рецензия не отличается необходимой для этого глубиной. Для успешного решения выдвинутых здесь проблем несомненно будут иметь огромное значение работы прибалтийских ученых — Л. Ю. Янитса, Л. В. Ванкиной, Ф. А. Загорскис, И. А. Лозе, Р. К. Римантене, большинство которых находится в стадии завершения. Синтез этих работ изложен ими в статьях сборника «Этнокультурные области лесной и лесостепной зоны европейской части СССР в эпоху неолита», подготовленного к изданию.

К. Н. АФАНАСЬЕВ

О «ПАРНЫХ МЕРАХ»

По поводу статьи И. Шевелева¹

В журнале «Советская этнография», 1949, № 1 было опубликовано очень интересное исследование Б. А. Рыбакова «Русские системы мер длины XI—XV веков (из истории народных знаний)». В этом труде Б. А. Рыбаков воссоздает русскую систему мер длины, основанную на антропометрических данных. Исходная мера членится на две, четыре, восемь частей в соответствии с удобством измерения при помощи шнура, который последовательно делится пополам. Но особенно интересно то, что русская мера длины членится, как установил Б. А. Рыбаков, не только на кратные части исходной меры, но и в иррациональных отношениях, а именно: в отношении диагонали и стороны квадрата. Например, косая сажень (216 см) соотносится с прямой саженью (152 см) как 1,41... Б. А. Рыбаков предлагает график, построенный на основе вписанных один в другой квадратов. Этот график сочетает в одну систему мер деление исходной меры на 2, 4, 8 и последовательно дает соотношение стороны и диагонали квадрата. График прост в начертании и удобен для использования.

Иррациональные величины, укоренившиеся в архитектурной практике средневековья, возникшие из геометрических методов построения архитектурной формы, порождают подобную систему мер, которая успешно применялась на практике, поскольку была порождена ею.

Второй график, предложенный Б. А. Рыбаковым, имеет в основе те же вписанные один в другой квадраты, причем его исходный размер приравнен стороне равностороннего треугольника, высота которого служит исходным размером первого графика. Простая сажень (152 см) оказывается высотой равностороннего треугольника, сторона которого равна маховой сажени (176 см).

Нетрудно построить методами классической геометрии с помощью циркуля и линейки ту или иную архитектурную форму при условии ее ограниченных размеров. Но как решить задачу, если это построение не может быть осуществлено в натуре? На помощь приходят масштабные построения — определение своего рода эталонов для откладывания в натуре размеров иррациональных по отношению к исходным мерам: таких, как диагональ и сторона квадрата, высота и сторона равностороннего треугольника и др.

Разного рода «эталонные» длины, используемые зодчим во время строительства, служат лишь осуществлению в натуре того или иного геометрического по своей природе построения и отнюдь не являются мерами и длинами. Для определения этих эталонов — жезлов Китовраса — служили подсобные графики, названные Б. А. Рыбаковым вавилонами. Эти вавилоны служили также для непосредственного определения размеров деталей сооружения, хотя этому предположению противоречит эскизность начертания большинства из найденных при археологических исследованиях изображений. Эта эскизность вавилонов дает основание предположить, что они служили в качестве указания на метод геометрического построения того или иного строительного размера.

Подобного рода график, или вавилон, был использован при анализе соразмерности храма Спаса Нередицы в Новгороде². Б. А. Рыбаков в своих исследованиях³ внимательно изучает сохранившиеся начертания вавилонов и широко использует

¹ И. Шевелев. Строительная метрология и построение формы храмов древнего Новгорода конца XII в. СА, 1968, 1, стр. 73 сл.

² К. Афанасьев. Пропорции в русской архитектуре. Канд. дис. М., 1943.

³ Б. А. Рыбаков. Русская система мер длины XI—XV вв. СЭ, 1945, 1; его же. Архитектурная математика древнерусских зодчих. СЭ, 1957, 1.

их для анализа соразмерности частей древнерусских сооружений. Указывая на их практическое значение, он устанавливает связь их с системой мер длины. Но нет ни малейшего основания в множественности форм вавилонов видеть источник рождения множества систем мер длины. Простая и косая сажени соотносятся как сторона и диагональ квадрата; они являются мерами длины одной системы. Совершенно так же, как метр, дециметр и сантиметр являются разными мерами длины, относящимися к одной метрической системе мер. Стройная система мер длины, установленная Б. А. Рыбаковым, отнюдь не может послужить основанием тому утверждению, что всякие пропорциональные соотношения, помимо диагонали квадрата, порождают неограниченное число систем мер длины.

Исключительное значение, которое геометрия имела для архитектуры и ремесла, породило указанную своеобразную метрологическую систему. Для средневекового мастера она была целесообразна, проста и понятна. Сложные расчеты, представлявшие для средневекового зодчего почти непреодолимые трудности, заменялись простыми геометрическими и масштабными построениями.

Мы коротко напомнили о том, что следует считать методологически важным в области русской метрологии применительно к труду зодчих. Основой для наших суждений явилось упомянутое выше замечательное исследование Б. А. Рыбакова.

Что же нового в развитии или опровержении к ранее сказанному содержится в статье Шевелева?

Основной тезис автора заключается в утверждении, что «новгородские мастера возводили храмы, пользуясь парными мерами». Этот тезис он стремится доказать на примерах анализа пропорций трех новгородских храмов. По мысли автора, «парные меры» — это, очевидно, иррациональные, или во всяком случае трудно соизмеримые, меры. Но ведь на это уже давно указал Б. А. Рыбаков. Теория древнерусских мер длины, находящихся в геометрической, а не простой арифметической взаимосвязи, — это его основное и замечательное открытие. Вряд ли следует ту же идею рождать заново, тем более что в новом изложении она не выигрывает, а напротив, теряет в широте и убедительности, и к сожалению, искажает самый смысл разумной системы мер длины, распространенной на Руси.

О каких же конкретно «парных мерах» говорит автор? Первая пара: малая сажень (146,5 см) и мера в 182 см, не имеющая названия. (Автор полагает, что это рост человека, мы же должны обратить внимание на то, что эта величина равна 6 футам.) Соотношение этих двух величин равно 0,805. Эта «парная мера» определяется авторами в процессе анализа пропорций церкви Петра и Павла на Синичей горе в Новгороде.

Вторая пара устанавливается в итоге анализа пропорций храма Спаса Нередицы: малая сажень (146,5 см) и мера, названная мерной саженью и равная 180 см. Соотношение этих двух величин равно 0,814. Автор берет среднее значение, ни 0,805, ни 0,814, а 0,809 (!) и указывает, что это точное отношение «системы двух квадратов»*.

Третья «парная мера» предложена автором в итоге анализа пропорций церкви Рождества Пeryнского скита, это сажень 154,5 см и мера в 195,2 см, близкая «сажени без чети». Соотношение этих двух величин равно 0,791. Автор сам отмечает, что эта «парная мера» не относится к точно сопряженным мерам. А в итоге не только третья пара, но, как мы видим, все три не являются сопряженными мерами. Более того, ни одна из предложенных автором мер длины не является мерой длины: 146,5 см — двойной шаг, мера, по словам автора, «широко распространена в метрологии разных народов», но она выпадает из системы мер длины, установленной Б. А. Рыбаковым; 182 см — размах рук (!) превышает мерную сажень на 6 см; 180 см — тот же размах рук (!) превышает мерную сажень на 4 см; 154,5 см — превышает размер сажени на 2,5 см; 195,2 см — отличаются от «сажени без чети» на 1,8 см. В результате предложенные автором меры длины не повторяют точно мер, установленных Б. А. Рыбаковым, и не могут опереться на их сопряженность.

Проще и естественнее предположить, что модульным размером построения формы церкви Петра и Павла является диаметр купола или сторона подкупольного квадрата, равная 12 футам (около 3,70 м); модульный размер (диаметр купола) Нередицы равен тем же 12 футам; а у церкви Рождества Пeryнского скита, по-видимому, модуль (сторона подкупольного квадрата) должен быть приравнен к 10 футам. (Однако точных обмерных чертежей этого храма в нашем распоряжении нет.)

Идея «парных мер» не подтверждается также логикой пропорционального анализа этих храмов. В самом деле, возьмем, например, указанные в статье И. Шевелева соотношение ширины и длины храма Петра и Павла. Он приравнивает ширину храма 9,5 малым саженьям, а длину — 9,5 мерным саженьям, а соотношение между этими мерами оказывается равным 0,805, причем все эти меры взяты приблизительно.

Несравненно проще было бы указать на соотношение ширины и длины храма, равное 3 : 4 как по наружному, так и внутреннему контуру плана. Абсолютные же

* От редакции. В следующей фразе автор указывал на неверность отношения $0,809 = 1/\sqrt{5} - 1$, приведенного у И. Ш. Шевелева, СА, 1968. 1. стр. 78. Однако дело здесь в опечатке: следует читать $0,809 = 1/\sqrt{5} - 1$.

размеры его чрезвычайно просто определяются исходя из размеров подкупольного квадрата со стороной, равной 12 футам. Разговор о плохо согласованных и неточных «парных мерах» в данном случае, очевидно, совершенно неуместен.

Обращаясь к плану церкви Спаса Нередицы, И. Шевелев приравнивает его ширину 8 малым сажением, а длину 9 мерным сажением (соотношение этих двух мер — 0,814). Несравненно проще указать на соотношение ширины и длины храма, равное 3:4. Абсолютные размеры ширины храма устанавливаются очень просто из размеров подкупольного звена плана. Высотные размеры храма установлены И. Шевелевым столь же невнятно, а некоторые, причем важнейшие, не указаны вовсе. В действительности общая высота храма приравнена к его удвоенной ширине. Пята арок и сводов заложена на высоте, приравненной ширине храма. Просто и ясно, но и в этом случае «парным мерам» также места нет⁴. Столь же несовершенен анализ пропорций храма Перынского скита.

Остается совершенно непонятным, зачем предлагать новое, причем усложненное и малоубедительное, решение уже решенной задачи. Идея «парной меры» в такой степени овладела автором, что он придает ей и мировое и вневременное значение (стр. 86). В подтверждение этого положения он приводит в пример пирамиду Хеопса, высота которой соотносится со стороной основания как иррациональная величина. И автор на этом основании говорит о «парных мерах» длины в Древнем Египте. Понятно, что высота пирамиды устанавливалась зодчим исходя из геометрических закономерностей формы. Конечно, зодчий определял размеры сооружений как в плане, так и по высоте, без этого невозможно было бы вести строительство, но нет никакого сомнения в том, что великое множество пропорциональных соотношений, используемых в зодчестве даже при построении пирамид, не может быть возведено в ранг «парных мер» длины.

Из пропорционального анализа памятников русской архитектуры XI—XII вв. очень хорошо известно, что вертикальные размеры сооружения определяются его размерами в плане. Совершенно очевидно, что зодчие избегали иррациональных соотношений по высоте, являвшихся серьезной помехой при строительстве.

Своеобразным доказательством «от противного» является история строительства Миланского собора. В 1391 г. неожиданно уехал из Милана ведущий строитель архитектор Н. Бонавентуре, и было решено изменить пропорции возводимого сооружения. Возник знаменитый спор о построении собора *ad quadratum* или *ad triangulum*. В связи с принятым решением положить в основу сооружения пропорции равнобедренного треугольника при строительстве собора возникли серьезные трудности, связанные с иррациональными по отношению к плану сооружения высотными размерами. Для преодоления этих трудностей потребовался специалист-математик.

Нам кажется очевидным, что трудности в воспроизводстве в натуре иррациональных пропорций как в плане, так и в разрезе сооружений преодолевались при помощи элементарных геометрических масштабных построений. При переносе этих построений в натуру зодчие, и это вполне понятно, пользовались масштабными рейками или жезлами, которые могли изготавливаться для наиболее распространенных геометрических пропорций.

Как известно по имеющемуся изображению, в распоряжении кентавра-зодчего было четыре рейки или жезла. Можно предположить, что первый жезл был единица длины, по-видимому фут, второй жезл — диагональ квадрата, сторона которого равна этой мере длины, третий жезл был равен по длине диагонали полуквадрата, и четвертый жезл, быть может, равен высоте равнобедренного треугольника со стороной, равной тому же футу.

В итоге надо признать, что, идея «парных мер», выдвинутой автором статьи на первый план теории пропорционирования, лишена логики и не подтверждена аналитическими исследованиями.

---

⁴ Схемы пропорциональности И. Шевелева опубликованы в ук. соч., а противопоставляемые им схемы — в книге К. Афанасьева. Построение архитектурной формы. М., 1961.

Хроника

ПОЛЕВОЙ СЕМИНАР ПО СТРАТИГРАФИИ АНТРОПОГЕНА И ПАЛЕОЛИТУ ПЕЧОРСКОГО ПРИПОЛЯРЬЯ В 1968 г.

Семинар был организован в соответствии с решением рабочего Совещания по стратиграфии и генезису четвертичных отложений северо-востока Европейской части СССР в марте 1967 г., указавшего на целесообразность организовать летом 1968 г. экскурсию специалистов по бассейну р. Печоры типа полевой конференции с целью коллективного осмотра типичных разрезов... и обсуждения спорных вопросов на месте¹.

Эта экскурсия была организована Коми филиалом АН СССР, Институтом Гидропроект, Геологическим институтом и Комиссией по изучению четвертичного периода АН СССР и проведена в форме полевого семинара 4—15 августа 1968 г.

Непосредственная цель семинара — ознакомление его участников со стратиграфией антропогена Печорского Приполярья путем осмотра геологических обнажений и местонахождений палеолита и четвертичной фауны, а также обсуждение сделанных наблюдений.

Для удобства передвижения и работы семинара Коми филиалом АН СССР был зафрахтован пассажирский пароход, на котором участники семинара жили, питались, работали.

В полевом семинаре приняли участие: от Коми филиала АН СССР председатель Президиума филиала В. П. Подошлевов и научные сотрудники Я. Н. Безносиков, Б. И. Гуслицер, В. И. Канивец, Э. И. Лосева, Н. Н. Роче; от Коми государственного педагогического института В. Н. Давыдов и Р. В. Руссак; от Коми республиканского музея А. М. Рубцов; от Коми республиканского отделения Общества по охране памятников истории и культуры И. С. Игнатов (все из Сыктывкара); от Воркутинского краеведческого музея Л. А. Щелканова и Э. Н. Фесенко; от Гидропроекта (Москва) Н. В. Рябков, В. Е. Сатин, А. Н. Симонов, Е. М. Тимофеев, А. И. Юдкевич; от 2-го Геологического управления Р. Б. Крапивнер (Москва); от Ухтинского геологического управления В. В. Тумаков (Ухта); от Печорской геофизической экспедиции В. И. Белкин (Воркута); от Уральского геологического управления В. А. Лидер (Свердловск); от Башкирского филиала АН СССР В. Л. Яхимович (Уфа); от Комиссии по изучению четвертичного периода АН СССР И. К. Иванова (Москва); А. И. Москвитин, Н. В. Кинд и Э. А. Вангенгейм (ГИН АН СССР, Москва); И. И. Краснов (ВСЕГЕИ, Ленинград), П. И. Борисковский (Институт археологии АН СССР, Ленинград), О. Н. Бадер (Институт археологии АН СССР, Москва); от Института археологии АН СССР Н. Д. Праслов (Ленинград); от Института археологии АН УССР И. Г. Шовкопляс (Киев) — всего более 30 человек. Для геологических зачисток и пробных археологических раскопок во многих пунктах использовалась группа студентов и школьников из Сыктывкара и Воркуты.

К началу семинара был опубликован составленный Е. М. Тимофеевым «Краткий путеводитель» экскурсий².

За время работы семинара был пройден маршрут длиной 500 км между Бызовой (выше г. Печоры) и Усть-Цильмой. В соответствии с программой были осмотрены предварительно подготовленные разрезы у Бызовой, у пристани г. Печоры, у населенных пунктов Родионовское, Усть-Лыжа, Акись, Денисовка, Мутный Материк, Кишиevo, Карпушовка, Коровий Ручей, Усть-Цильма. Члены семинара приняли участие в археологических раскопках палеолитических местонахождений: крутая Гора, Мутный Материк, Кишиevo, Коровий Ручей (под кладбищем), кроме того, детально

¹ Тезисы докладов рабочего Совещания по вопросам стратиграфии и генезиса кайнозойских отложений северо-востока Европейской части СССР. М., 1968, стр. 43.

² Е. М. Тимофеев. Краткий путеводитель экскурсий полевого семинара по стратиграфии антропогена и палеолиту Печорского Приполярья (с 4 по 15 августа 1968 г.). М., 1968.

Рис. 1. Участники полевого семинара осматривают скопление костей мамонта и других животных на Бызовской верхнепалеолитической стоянке. Слева направо: А. М. Рубцов, Н. К. Верещагин, Н. Д. Праслов, Н. В. Рябков, И. К. Иванова, В. И. Канивец, П. И. Борисковский, В. И. Белкин и др.

ознакомились о расчищенных и законсервированных скоплениях костей на Бызовской стоянке.

Теоретическую часть семинара открыл председатель Президиума Коми филиала АН СССР В. П. Подолегов, после чего были заслушаны доклады В. И. Канивца о палеолите в Печорском Приполярье и Е. М. Тимофеева о геологии четвертичных отложений.

Наиболее горячие споры, продолжавшиеся на протяжении всего семинара, разгорелись между гляциологами (Краснов, Москвитин, Яхимович, Лидер, Иванова, Кянд и др.) и маринистами (Сатин, Крапивнер, Юдкевич, Белкин, Тимофеев, Тумаков) о генезисе мореноподобных отложений Приполярья. Обе стороны остались при своем мнении. В процессе дискуссии В. Л. Яхимович высказала справедливую, с моей точки зрения, мысль, что вопрос о том, имеют ли эти отложения морское или континентальное происхождение, не влияет на их стратиграфическое значение; важен бесспорный факт, что в Приполярье мореноподобные отложения связаны с фазами похолодания и южнее превращаются в несомненные континентальные морены.

Поводом для организации семинара было открытие палеолита на Печоре; это открытие, без сомнения, имеет мировой научный резонанс³. Именно археологической стороне полевого семинара мы уделим ниже особое внимание.

Наиболее важное научное значение имеет местонахождение Крутая Гора, так как здесь обнаружены залегающие один над другим культурные отложения среднего и верхнего палеолита.

Здесь, на правом берегу Печоры, в 1 км выше д. Бызовой, Е. М. Тимофеевым на высоком обнаружении 35—37-метровой террасы, прорезанной молодым оврагом, были в 1962 г. найдены кости млекопитающих, куски кремня, отщепы и орудия.

Раскопки, произведенные В. И. Канивцом, Е. М. Тимофеевым и Б. И. Гуслицером, вскрыли уже значительную площадь памятника — в 1962 и 1965 гг. около 80 м² (по Тимофееву) и в 1967 и 1968 гг. 58 м² нижнего горизонта и 23 м² верхнего горизонта (по Канивцу) — и дали довольно большую коллекцию кремневых предметов и остатков фауны, залегавших по крайней мере в двух разновозрастных горизонтах четвертичного времени.

По Е. М. Тимофееву⁴ и Б. И. Гуслицеру, остатки нижнего культурного горизонта залегают на глубине 8,80—10,55 м в гравийно-галечно-валунном слое, который подстилается моренообразными суглинками Московского оледенения. Над мустьерским горизонтом потеки серых суглинков. Выше лежит мощная толща светлых тон-

³ Б. И. Гуслицер, В. М. Канивец, Е. М. Тимофеев. Стоянка Бызовая — палеолитический памятник у Полярного круга. СА, 1965, 2; O. Bahder. New Data of the Original Inhabitation of North-East Europe. «Quartar», 19, Erlangen, 1969.

⁴ Е. М. Тимофеев. Краткий путеводитель.

козернистых песков, переслоенных супесями и содержащих прослой гравия и крупного галечника с суглинистым заполнителем. На глубине 4,0—4,2 м в тонкозернистом пылеватом песке исследован культурный горизонт в виде большой линзы, относящийся к эпохе верхнего палеолита.

А. И. Москвитин в прениях указал, что мустьерские остатки Крутой Горы залегают в подошве древнебалочных заполнений, как у Кодака и Волгограда; по его мнению, их можно связывать с Московским оледенением. Лог у Крутой Горы образовался в Микулинское межледниковье, а его заполнение и верхнепалеолитическая стоянка относятся к первой фазе Калининского оледенения, еще до интерстадиала. В. А. Лидер также считает, что мощная толща галечников Крутой Горы, содержащих мустьерские остатки, относится ко второй половине рисса. И. К. Иванова считает, что геологически мустье на Крутой Горе возможно, так как мустьерская эпоха начинается с рисса, тянется через рисс-вюрм и входит в начало вюрма, но она сомневается в наличии подлинного мустье на Крутой Горе.

Люди, связанные с нижним культурным слоем Крутой Горы, по В. И. Канивцу, скорее всего, жили на склоне, примыкавшем к устью лога, впадавшего в водный бассейн, на поверхности мореноподобных суглинков, прикрытых галькой. Мустьерский «культурный слой имеет отчетливые следы размыва, переработки, вследствие чего наблюдается приуроченность скоплений каменных орудий и костей млекопитающих к линзам гравия и гальки, располагающимся по площади неравномерно, в виде отдельных пятен»⁵. Некоторые кремневые предметы несут особые следы окатанности, другие нет; по В. И. Канивцу, если транспортировка их по склону и имела место, то лишь незначительная.

В культурном слое Крутой Горы пыльцы пока не оказалось (Б. И. Гуслицер). По В. И. Канивцу, в нижнем слое не найдено и костей; но Е. М. Тимофеев указывает⁶, что «фауна нижнего, мустьерского слоя представлена остатками мамонта (?) и северного оленя (определения Л. И. Алексеевой и Э. А. Вангенгейм)». В зачистках на уровне нижнего культурного слоя найдены кости песка и северного оленя. Все же ландшафт, окружавший в то время человека, из-за недостатка данных не поддается восстановлению.

Остатки материальной культуры из нижнего слоя пока немногочисленны, но достаточно выразительны. Около 50 каменных предметов, по В. И. Канивцу, имеют несомненные следы пребывания в руках человека, из них около 20 представляют собой орудия или предметы со вторичной обработкой. Среди них довольно крупный бифас и большой ручной остроконечник, опубликованные в 1968 г.⁷, второй остроконечник, два вогнутых скребла, серия массивных архаичных отщепов. В 1968 г. найден кварцитовый плоский нож асимметричной формы, с двусторонней ретушью по краю, близкий нолям Волгоградской стоянки Волчьего Грота.

Каменным сырьем служили местный валунный и галечниковый материал, главным образом кремнь невысокого качества, частью яшмовидный, а также кварцит и зеленокаменные породы.

В целом нижний слой Крутой Горы представлен пока небогатым, но типично мустьерским комплексом каменных изделий и отличается относительно грубой техникой.

В 1968 г., и в частности в те три дня, которые провели на раскопках Крутой Горы участники семинара, в верхнем горизонте галечников и гравийников, на контакте их с песчаной толщей, под серыми глинистыми прослойками обнаружен второй горизонт с мустьерскими кремневыми изделиями. Этот горизонт имеет толщину около 20 см и отделен от нижнего, основного мустьерского горизонта в пункте находок по крайней мере 30-сантиметровой стерильной прослойкой галечника. Не исключено, что этот горизонт в дальнейшем сольется с нижним мустьерским горизонтом, но сейчас нам представляется необходимым отделить его от нижнего. Это подтверждается несколько иным составом кремня верхнего горизонта и более поздними мсрфологическими чертами кремневого инвентаря. Отсюда происходит дисковидный нуклеус с подработанным краем, атипичный ручной остроконечник на небольшом отщепе и серия отщепов; 6 августа 1968 г. во время раскопок здесь был найден весьма типичный мустьерский ручной остроконечник с неретушированной ударной площадкой, правильной формы и небольшой величины (длина 5,5—6 см).

В целом кремневый комплекс из верхнего горизонта галечников и контакта с песками относится к мустьерскому типу, но отличается от нижнего горизонта более высокой техникой и выработанными формами.

Вопрос о соотношении двух мустьерских горизонтов и о возможности их объединения может быть решен только дальнейшими раскопками. В последний день пребывания участников на раскопах как будто выяснилось, что галечники, содержащие верхний мустьерский горизонт, поднимаются далеко вверх по древнему склону тер-

⁵ Там же, стр. 4, 5.

⁶ Там же, стр. 5, 6.

⁷ Е. М. Тимофеев и В. И. Канивец. Двуслойная палеолитическая стоянка Крутая Гора в Печорском Приполярье. Сб. «Археологические открытия 1967 года», М., 1968, стр. 12.

расы. Это позволяет поставить вопрос о том, что стоянка может залегать *in situ* высоко на террасе, а вещи, обнаруженные внизу, на ее склоне, находятся во вторичном залегании, чем и объясняется слабая окатанность некоторых из них.

В верхнем мустьерском горизонте найдены кости мамонта и песка (определение Н. К. Верещагина); обе кости также оказались окатанными.

Верхнепалеолитический слой Крутой Горы, залегающий в толще позднеплейстоценовых песков, исследован пока лишь на небольшой площади, имевшей характер линзы толщиной 30 см. Следует ожидать залегания подобных же линз или более обширной площадки культурного слоя рядом.

Археологический материал верхнего слоя, вероятно, переотложен. Таким образом, его современное стратиграфическое положение служит верхним пределом во времени, первоначальное отложение материала могло происходить в более раннее время. Это положение относится и к мустьерским остаткам.

Остатки фауны из раскопок верхнепалеолитического слоя Крутой Горы представлены примерно десятью костями мамонта (части бивней и зубов). Кроме того, при рекогносцировочных работах Е. М. Тимофеева в верхнем слое найдены остатки песка, благородного оленя, лошади, волка, зайца и фаланга человека (определение Л. И. Алексеевой)⁸.

Пыльцы во взятых из верхнего слоя образцах не оказалось (Б. И. Гуслицер).

Каменный инвентарь из верхнего слоя Крутой Горы носит хорошо выраженный верхнепалеолитический характер. Он состоит из кусков валунного кремня, кварца, кварцита, песчаника, служивших для выделки орудий, нескольких пирамидальных нуклеусов, крупного скребка высокой формы, одного резца, многочисленных отщепов, частью с ретушированными краями, нескольких небольших ножевидных пластинок с тонкой концевой и краевой ретушью. Сенсационна находка двух безусловно обсидиановых отщепов. «Некоторые предметы из кремня сильно патинизированы. На отдельных костях заметны следы надрезов (бивень мамонта) и сверления (клык песка). Интересна находка просверленной раковины *Unio crassus*»⁹.

В целом материальной культуре из верхнего слоя присущ ясно выраженный верхнепалеолитический характер, но точнее определить его сейчас трудно. Ориньякские черты (крутая ретушь, нуклеидные формы) указывают на более раннее время; мелкие концевые скребочки с тонкой краевой ретушью — на позднее. Интересно, что некоторые черты (например, скребки высокой формы и характер нуклеусов) сближают верхний слой Крутой Горы с Бызовской стоянкой.

О соотношении обоих памятников во времени (в археологическом плане) сейчас с уверенностью высказаться нельзя. Лично мое впечатление, что материал из верхнего слоя Крутой Горы несколько позже бызовского.

Необходимо признать, что в культурно-стратиграфическом отношении Крутая Гора имеет первенствующее значение для палеолита северо-востока Европы. Верхнепалеолитический характер верхнего культурного слоя делает еще более достоверным мустьерский возраст нижнего комплекса.

Материал Бызовской стоянки, расположенной на том же берегу Печоры, в 2 км выше по ее течению, уже опубликован¹⁰, и мы остановимся на нем более коротко, используя некоторые новые данные и результаты обсуждений на полевого семинаре.

Как известно, каменный инвентарь Бызовской стоянки, имеющий некоторые аналогии в 5-м слое стоянки Костенки I на Дону (так называемый мясной нож, по Семенову) и не содержащий явно поздних элементов, относится большинством археологов к первой половине верхнего палеолита.

Членам семинара демонстрировалось залегание скоплений костей на стоянке в старых раскопках, законсервированных (засыпанных землей) и вновь расчищенных к семинару.

Среди около 4 тыс. костей из раскопок Кузьмина И. Е. (ЗИН АН СССР) определена около 2070 костей: по данным на 1966 г. включительно, они принадлежали 21 мамонту, 3 северным оленям, 2 волкам, 1 лошади и 1 носорогу. Таким образом, мамонт составлял 75% представленных на стоянке особей млекопитающих, а число его костей — до 90% от общего числа костей. По заключению Н. К. Верещагина, здесь представлен мамонт позднего типа, как в Мезине и Костенках, молодые и старые особи. Костей мамонта много и в ближайших окрестностях стоянки, так что перед глазами ее обитателей были, видимо, сотни этих животных. Н. К. Верещагин обратил внимание на различную степень сохранности костей мамонта: некоторые кости долго лежали на поверхности на солнце, другие нет; некоторые сохранили следы погрызов медведем или волком. Он считает, что часть костей принесена сюда из других мест. По определению Н. К. Верещагина, здесь представлен и мускусный овцебык.

Как известно, Э. А. Вангенгейм в свое время определила среди костей со стоянки берцовую кость белого медведя. На семинаре на прямо заданный ей вопрос она ответила, что не уверена в правильности этого определения. Эта непоследователь-

⁸ Е. М. Тимофеев. Краткий путеводитель..., стр. 5.

⁹ Там же.

¹⁰ Б. И. Гуслицер, В. И. Канивец, Е. М. Тимофеев. Стоянка Бызовая.

ность в определении лишает весьма существенного аргумента уже высказанное в литературе мнение о близости стоянки к берегам трансгрессировавшего океана.

По составу и количеству фауны Бызовская стоянка напоминает Аносовскую II, Мезинскую и Кирилловскую верхнепалеолитические стоянки.

Возражая археологам в определении памятника как стоянки, Н. К. Верещагин рассматривает его как место разделки туш, ритуальную кучу костей или жилище шамана; трупы мамонтов могли собираться в устье лога; часть отдельных, старых костей приносилась со стороны.

Флористические остатки в культурном слое представлены вполне удовлетворительно в виде древесного угля и пыльцы растений. По Б. И. Гуслицеру, отмечается резкое преобладание древесной пыльцы; больше всего ели, затем сосны, еще меньше березы и ольхи. На основании этих данных можно реконструировать климат и ландшафт как близкие современным. Состав травянистой растительности говорит о несколько большей сухости климата, чем в настоящее время.

Культурные остатки, залежавшие в слое мощностью до 1 м, состоят преимущественно из кремневых изделий. Около 60 из них представляют собой предметы со вторичной обработкой и законченные орудия, уже получившие характеристику в литературе. Обращает на себя внимание небольшое количество отщепов и обломков по сравнению с орудиями, а также то обстоятельство, что в отличие от местонахождений Крутой Горы каменные орудия изготовлялись не из местного галечникового и валунного материала, а из желвачного кремня более высокого качества, ближайшие месторождения которого находятся на расстоянии 30 км и более от стоянки, на хребте Чернышева и на Печорской гряде.

Радиоуглеродные анализы костей мамонта, выполненные в Институте зоологии и ботаники АН Эстонской ССР в Тарту, определяют возраст Бызовской стоянки в $18\ 320 \pm 280$ лет. Эта цифра не согласуется с археологической датировкой стоянки — первая половина верхнего палеолита. Но здесь необходимо заметить, что на основании палеонтологических данных Н. К. Верещагин, наоборот, считает возможным относить стоянку даже к еще более позднему времени, чем указанная абсолютная дата.

В связи с разноречивостью этих данных приобретает особый интерес определение геологического возраста Бызовской стоянки и его хронологическое соотношение с верхним культурным слоем Крутой Горы.

Культурный слой Бызовской стоянки, залегающий в глинистых галечниках в основании 2-й надпойменной террасы (по В. А. Лидеру, верхневюрмской) и отложившийся в свое время в середине древнего лога, где расположились люди (А. И. Москвитин), прослежен вдоль берега почти на 100 м и перекрыт слоистыми светлыми песками, аналогичными пескам, в которых залегают верхний слой Крутой Горы. По наблюдениям Е. М. Тимофеева, «Толща озерно-аллювиальных отложений, вмещающих верхнепалеолитический горизонт на стоянке Крутая Гора, прослеживается выше по течению р. Печоры, где она перекрывает глинистые галечники Бызовой стоянки»¹¹. Мнения участников семинара по этому вопросу резко разделились: Р. Б. Крапивнер и В. А. Лидер считают, что Бызовская стоянка вряд ли может быть геологически древнее верхнего слоя Крутой Горы, а последний из них возраст стоянки в 18 тыс. лет принимает как наиболее вероятный. Вполне определено о более молодом возрасте Бызовой высказался А. И. Москвитин¹². С другой стороны, Н. В. Кинд считает вероятнее большую древность Бызовской стоянки, а Е. М. Тимофеев и В. Л. Яхимович высказались в этом смысле с полной определенностью.

В связи с недостаточным количеством археологического материала археологи вряд ли могут отстаивать ту или иную точку зрения с достаточной уверенностью.

Б. И. Гуслицер и Е. М. Тимофеев по времени сопоставляют Бызовскую стоянку с трансгрессией Ледовитого океана.

Местонахождения Крутая Гора и Бызовая расположены в 15 км (по реке в 27 км) выше г. Печоры, в 60 км от горы Сабли, великолепно с них видной, и всего в 175 км южнее Полярного круга, и в этом главным образом их значение.

Отмеченное Е. М. Тимофеевым на его карте¹³ палеолитическое местонахождение Печора-Канин (пристань) при осмотре новых находок не дало и осталось для участников семинара неясным.

Осмотр местонахождения кремней в разрезе у с. Мутный Материк¹⁴ и прилегающей к нему площади также дал отрицательные результаты. В то же время в недавно опубликованной статье Е. М. Тимофеев помещает Мутный Материк в число палеолитических памятников¹⁵. Для подтверждения этого вывода на обнажении у Мутного Материка, в пункте, указанном Е. М. Тимофеевым, был вырыт пробный раскоп длиной 7 м и шириной в среднем 2 м, но никаких следов человека в нем не обнаружено.

¹¹ Е. М. Тимофеев. Краткий путеводитель..., стр. 4.

¹² А. И. Москвитин даже считает, что стоянка залегают в разрезе 12-метровой 1-й надпойменной террасы.

¹³ Е. М. Тимофеев. Усть-Куломская мустьерская стоянка на Вычегде. СА, 1968, 3, стр. 108.

¹⁴ Е. М. Тимофеев. Краткий путеводитель..., стр. 7.

¹⁵ Е. М. Тимофеев. Усть-Куломская мустьерская стоянка..., стр. 108.

У с. Кишицево в одном из пунктов длинного обнажения Б. И. Гуслицером в 1968 г. найдены кости мамонта, северного оленя и один кремневый отщеп. Кости и отщеп залегали на глубине около 5 м под бровкой обнажения в галечнике, под мореноподобным слоем. Для получения новых данных в пункте находок была сделана 10 и 11 августа вертикальная зачистка обнажения, вскрывшая горизонт находок на площади около 7 м². Найдена кость лошади. Кремневых предметов не оказалось.

Очень важными местонахождениями являются устьцильменские у д. Коровий Ручей, примерно в 3 км выше Усть-Цильмы. Здесь фауна и кремень найдены Е. М. Тимофеевым в восьми пунктах. Каменные орудия с одного из них — под разрушающимся на обрыве у реки кладбищем — демонстрировались Е. М. Тимофеевым участникам семинара: это типично мустьерские крупные орудия на отщепах с неретушированными ударными площадками; среди них два ручных остроконечника, большое скребло, один довольно крупный бифас, серия отщепов. По мнению Е. М. Тимофеева, верхний мустьерский горизонт этого местонахождения лежит над верхней мореной, а нижний — под ней.

На главном местонахождении, под кладбищем, В. И. Канивцом в 1967 г. проведены довольно большие, но безрезультатные раскопки. Участниками семинара в течение трех дней (12—14 августа) велись здесь рекогносцировочные раскопки в пунктах, точно указанных Е. М. Тимофеевым. Раскоп на месте мустьерских находок в нижнем слое, почти прямо под кладбищем, несколько раз обваливавшийся, был совершенно безрезультатным. Раскоп на месте находок в верхнем слое, расположенный налево вверх от первого, уже за пределами кладбища, в сторону Усть-Цильмы, дал в слое галечника под толщей песка в 2—2,5 м небольшой, но весьма типичный мустьерский остроконечник, найденный Е. М. Тимофеевым.

В целом участники семинара — археологи единодушно признали мустьерский характер кремневых изделий Крутой Горы и Коровьего Ручья.

Открытие мустьерских местонахождений у Полярного круга имеет мировой научный интерес. Крутая Гора и Бызовская стоянка расположены на 340—350 км севернее ранее открытой верхнепалеолитической стоянки в Медвежьей пещере, Коровий Ручей — еще на 500 км ниже по Печоре, но в широтном отрезке ее течения.

На осматриваемом нами участке Печоры в настоящее время, с мбей точки зрения, имеется четыре палеолитических культурных комплекса.

Древнейший представлен мустьерскими находками в нижнем галечниковом горизонте Крутой Горы. Возможно, к нему же относится комплекс слоя местонахождения под кладбищем Коровьего Ручья. Кремневые орудия отличаются относительно крупными размерами, грубой техникой, отсутствием подретушровки на ударных площадках.

Из верхнего горизонта галечников Крутой Горы происходит более поздний мустьерский комплекс. Принадлежащие ему кремневые изделия отличаются меньшими размерами, более выработанными формами и более высокой техникой. Отделяющая этот горизонт от нижнего 30-сантиметровая прослойка на Крутой Горе подтверждает необходимость отделения этого комплекса от нижнего. Вероятно, сюда же в будущем придется отнести и изделия из верхнего слоя местонахождения под кладбищем у Коровьего Ручья. О такой возможности говорит облик ручного остроконечника, найденного здесь 12 августа. Об отношении к этим двум комплексам инвентаря из Усть-Кулома на Вычегде¹⁶ судить по краткой публикации Е. М. Тимофеева еще труднее, чем о соотношении двух первых комплексов.

Бызовская стоянка по всем признакам относится к эпохе верхнего палеолита. Рассматривая ее материальную культуру, мы не найдем в ней ничего, что указывало бы на позднее в пределах верхнего палеолита время, а обоюдоострый «мясной нож» (по определению С. А. Семенова) и некоторые другие признаки позволяют сближать этот комплекс скорее всего с инвентарем древнейшего, 5-го слоя стоянки Костенки I на Дону; впрочем, для надежного сопоставления комплекс Бызовской стоянки еще слишком мал. Все же по сумме признаков археологический материал Бызовской стоянки можно отнести к первой половине верхнего палеолита.

Верхний слой Крутой Горы также дал явно недостаточный материал. Техника обработки кремня здесь во многом близка бызовской. Особенно сходна форма некоторых нуклеусов. Но мелкие ножевидные пластинки с концевой и краевой ретушью придают всему комплексу несколько более поздний облик.

Еще более поздним выглядит археологический материал Медвежьей пещеры в среднем течении Печоры.

Одним из неясных вопросов является проблема происхождения мустьерского и верхнепалеолитического населения Печорского Приполярья. В этом аспекте необходим и петрографический анализ всех каменных орудий из печорских стоянок. В настоящее время есть основания говорить о восточноевропейском облике материала из Бызовской стоянки и верхнего слоя Крутой Горы и об уралосибирском облике материала из Медвежьей пещеры.

О. Н. Бадер

¹⁶ Е. М. Тимофеев Усть-Куломская мустьерская стоянка...

[В. В. ГИНЗБУРГ]

20 февраля 1969 г. на 65-м году жизни скоропостижно скончался известный антрополог и анатом, заведующий отделом антропологии и археологии ЛО Института этнографии АН СССР, доктор медицинских наук, профессор Вульф Вениаминович Гинзбург. Имя В. В. Гинзбурга хорошо известно археологам нашей страны. Более 30 лет он был связан с Институтом археологии. Еще в 1940 г. (в КСИИМК, вып. 7) появилась его работа «Об антропологическом изучении скелетов Ярослава Мудрого, Анны и Ингергерд». За этот период В. В. Гинзбург изучил и ввел в науку огромные материалы, характеризующие расовый тип населения многих районов Средней Азии, Казахстана, Поволжья и Подонья, начиная с энеолита и вплоть до современности.

Особенно значительным был его вклад в изучение антропологии среднеазиатских народов. Начиная с 1932—1933 гг., когда он, будучи участником Таджикско-Памирской экспедиции, начал антропологическое изучение таджиков, и до последних дней жизни его основные научные интересы были связаны со Средней Азией.

В. В. Гинзбург — пионер в области изучения антропологии древнего кочевого населения Тянь-Шаня, Алтая, Памира, Южной Киргизии, Восточного и Северного Казахстана. Этим вопросам посвящен ряд его статей. Много сделано им и для изучения расового состава населения эпохи бронзы Южной Туркмении, Ферганы, многих районов Казахстана, Поволжья и Подонья. Он положил начало исследованиям антропологических типов земледельческого населения Бактрии и Согда, Южного Казахстана древнего и раннесредневекового периодов. Большой интерес представляют его работы о расовых типах из Пенджикентского некрополя. Привлекли внимание В. В. Гинзбурга и краниологические серии средневекового периода из Узбекистана и Киргизии, а также всех современных среднеазиатских народов. На основании анализа всей совокупности антропологических материалов в сочетании с археологическими и историческими данными В. В. Гинзбург исследовал вопросы этногенеза таджиков, узбеков, киргиз и туркмен, а также частные вопросы происхождения тюркских кочевников и этнического состава населения Средней Азии в кушанский период. Он разработал основные положения расогенеза и этногенеза древнего и средневекового населения Средней Азии.

Широкий диапазон исследований Вульфа Вениаминовича отражен в многочисленных публикациях. Более 50 его работ посвящены проблемам расогенеза и этногенеза Средней Азии. Для работ В. В. Гинзбурга характерен широкий исторический подход к антропологическому материалу и использование последнего для изучения исторических проблем этногенеза.

В своих трудах В. В. Гинзбург установил основные этапы сложения среднеазиатских народов по антропологическим данным. Он много сделал для обоснования положения о развитии антропологических типов Среднеазиатского междуречья и южносибирской области. Обобщение всех исследований расового состава древнего и современного населения Средней Азии сделано В. В. Гинзбургом в подготовленном совместно с Т. А. Трофимовой фундаментальном труде «Палеонтология Средней Азии» (находится в печати). Много времени и сил отдавал В. В. Гинзбург изучению материалов по населению эпохи бронзы и последующих периодов с территории Поволжья и Подонья. Важные результаты сравнительного анализа расового состава

этих районов изложены Вульфom Вениаминовичем в ряде работ. Большой интерес представляют его труды о происхождении населения Хазарии по антропологическим материалам.

Важные результаты получены В. В. Гинзбургom во время поездки на Кубу и изучения там палеoантропологических коллекций. Его заслуги в развитии советской антропологии велики. При этом следует учесть, что многие годы Вульф Вениаминович занимался антропологическими исследованиями только в свободное время, оставшееся от основной научно-преподавательской деятельности в Военно-медицинской академии им. С. М. Кирова.

Беззаветная преданность советской науке, огромное трудолюбие и работоспособность, исключительная доброта и доброжелательность всегда отличали Вульфа Вениаминовича. Все, кто его знал, навсегда сохранят в памяти светлый образ большого ученого.

Ю. А. Заднепровский, В. М. Массон

Г. Ф. ДЕБЕЦ

(7.XII. 1905 — 19.I. 1969)

Идет время, уходят из жизни люди, их место занимают новые, молодые — это неотвратимый, естественный процесс. Но когда мы неожиданно теряем таких людей, как Георгий Францевич Дебец — с подобными потерями трудно примириться: они воспринимаются как несправедливость судьбы.

Теперь, когда Георгия Францевича уже нет с нами, мы начинаем с особенной силой ощущать, какую большую роль он играл в нашем коллективе и какую невосполнимую потерю мы понесли.

Существенной чертой развития современной науки является узкая специализация отдельных ее отраслей, что приводит, в известной мере, к их разобщению. Поэтому особую роль в науке играют ученые, владеющие несколькими смежными науками и объединяющие их данные и методику для разрешения общих, больших проблем. Именно таким ученым, притом необычайно одаренным и ярким, был Георгий Францевич.

Смерть подстерегла Георгия Францевича неожиданно, на этапе творческой зрелости, полном больших планов, для осуществления которых было еще много сил. Но и того, что он успел сделать, хватило бы на несколько жизней и утверждает имя Георгия Францевича как одного из самых значительных ученых в советской и мировой науке о человеке.

Г. Ф. Дебец родился в Томске 7 декабря 1905 г., в учительской семье. Его детские годы и юность прошли в Сибири — в Томске и Иркутске. В 1922 г. он поступил на Историческое отделение педфака Иркутского университета и окончил его в 1925 г. Одновременно он работал в Иркутском краеведческом музее. В университетские годы он, как и другие начинающие иркутские археологи тех лет (М. М. Герасимов, А. П. Окладников и др.), принимал участие в археологических исследованиях проф. Б. Э. Петри и успел провести некоторые самостоятельные изыскания, результатом которых была и его дипломная работа «Итоги и задачи доисторической археологии в Западном Забайкалье», опубликованная в 1925 г. По окончании университета он уехал в Троицкославск, где также работал в краеведческом музее, продолжая собирать археологический материал. Итогом явилась его работа «Опыт выделения культурных комплексов в неолите Прибайкалья» (1930), очень интересная и четкая.

Столь успешные первые шаги в области археологии не преопределили, однако, его дальнейшего пути в науке. Уже с самых ранних лет его интересовали не только история культуры древних людей, но главным образом костные остатки этих людей, их физический облик и эволюция. Уже в ранний, сибирский период своей жизни он начал серьезно заниматься краниметрией и сбором палеоантропологического материала. Но в Сибири у него не было серьезного руководителя в области антропологии, и он оставался оторванным от научного коллектива специалистов. Именно стремление приобщиться к большой науке заставило молодого ученого в 1926 г. переехать в Ленинград. Почти год, живя на случайные заработки, он с жадностью изучал литературу, проводя буквально все свободное время в библиотеках. Вспоминая это время, Георгий Францевич говорил, что за этот год он прочитал не менее одной чет-

верти всего, что он прочел за всю свою жизнь по антропологии. В 1927 г. ему удалось поступить в аспирантуру при Институте антропологии Московского университета, после окончания которой он всю жизнь продолжал работать в Москве: в Институте, музее и на кафедре антропологии МГУ, а с 1945 г. в Институте этнографии АН СССР, где несколько последних лет он заведывал сектором антропологии.

В 1937 г. ему была присвоена без защиты диссертации ученая степень кандидата биологических наук, а в 1941 г. ученая степень доктора биологических наук после блестящей защиты диссертации «Палеоантропология СССР». В конце Отечественной войны, по ходатайству кафедры археологии Исторического факультета МГУ — звание профессора.

В те же годы и после Отечественной войны Г. Ф. Дебеч, вполне сформировавшийся и разносторонний ученый, читал учебные курсы в ВУЗах, главным образом на историческом, биологическом и географическом факультетах Московского и других университетов — по антропологии, палеоантропологии, палеолиту, методике исследований и т. д. Но основная часть учеников Георгия Францевича — антропологи: к их числу относятся в первую очередь многочисленные аспиранты Георгия Францевича. Можно с уверенностью сказать, что его ученики работают в столицах всех союзных республик и во многих крупных городах СССР, где ведутся антропологические исследования. Много раз он руководил и аспирантами в Институте археологии, несчетное число раз оппонировал в разных городах Союза при защите кандидатских и докторских диссертаций. Тематика их столь же разнообразна, как были разносторонни знания Георгия Францевича: от антропологии и археологии во всем их объеме до этнографии и языкознания, статистики и математического анализа.

Оглядываясь на огромный и разносторонний вклад, сделанный Георгием Францевичем в науку, необходимо сначала оценить его роль в развитии антропологии.

Прежде всего, им был собран, обработан и интерпретирован колоссальный измерительный и описательный материал по расовоантропологическому составу почти всех народов СССР, а в последние годы и Афганистана. Смерть помешала ему перенести свои исследования на народы Индии. Для сбора этого материала им были совершены многочисленные экспедиции в самые отдаленные и трудно доступные уголки Советского Союза; некоторые из них, например, на Чукотку, длились почти по году. При этом часть экспедиций, очень скромно оборудованных и слабо обеспеченных материально, была осуществлена только благодаря энтузиазму и мужеству Георгия Францевича. Одним из примеров может служить его экспедиция на Чулым в Сибири, где он проплыл от селения к селению в одиночестве по таежной, порожистой реке многие сотни километров в верткой берестяной лодке-оморочке. В последние годы, в Афганистане, будучи уже пожилым человеком, к тому же с не совсем здоровым сердцем, в условиях труднодоступной горной страны, он работал сверх своих физических сил, и только исключительная целеустремленность, работоспособность и самопожертвование Георгия Францевича позволили ему собрать большой и уникальный материал по афганским племенам, еще никем не исследованных антропологически. Он руководил и большими комплексными экспедициями, как, например, Киргизская археолого-этнографическая экспедиция.

Результаты этих исследований воплощены в многочисленных статьях и нескольких книгах Георгия Францевича («Антропологические исследования в Камчатской области», труды Киргизской экспедиции, «Антропологические исследования в Афганистане» и т. д.).

С самых ранних лет Георгий Францевич со свойственной ему энергией начал и в течение всей жизни продолжал собирать костный, палеоантропологический материал. На многих примерах, во многих работах он показал археологам существеннейшую роль палеоантропологических материалов для решения вопросов происхождения и перемещения археологических культур, и костный материал, которым раньше нередко пренебрегали, стал поступать в руки антропологов широкой рекой. Георгий Францевич и сам много раз принимал участие в археологических раскопках памятников эпохи палеолита (Супонево), мезолита и неолита (Крым), бронзы (Сейма) и гораздо более поздних, палеоантропологический материал с которых помогает связать картину антропологического развития ископаемого человека с современностью. В зоне строительства канала Москва — Волга он даже вел с этой целью раскопки старого русского Никольского кладбища XVI—XVII вв. на р. Химке.

В результате этой огромной собирательской работы Г. Ф. Дебеч опубликовал капитальную монографию «Палеоантропология СССР» (1948 г.). Эта замечательная работа, вышедшая из печати больше 20 лет назад, до сих пор остается настольной книгой для антропологов, археологов и этнографов, изучающих проблемы первобытной истории и этногенеза. В этой книге антропологическая характеристика носителей почти всех археологических культур территории СССР сопровождается краткими данными об этих культурах и соображениями об их происхождении и истории, с привлечением всей суммы источников, включая этнографические и лингвистические. Эта книга привлекла внимание всех археологов к необходимости тщательного сбора костных остатков человека и оказала большое влияние на развитие дальнейших исследований в области первобытной истории и этногенеза, расширив их горизонты.

С 1948 г. накопился большой новый палеоантропологический материал. Георгий Францевич думал о переиздании «Палеоантропологии СССР», но включение этого ма-

териала в книгу по существу требовало создания новой книги. Он готовил и почти закончил ее, и надо надеяться, что его ученики помогут сдать ее в издательство. «Палеоантропология СССР» послужила образцом для ряда учеников Георгия Францевича, подготовивших, при его неизменной помощи и консультациях, и опубликовавших исследования по палеоантропологии Прибалтики, Украины, Грузии, Дагестана, Сибири.

Многим обязана Георгию Францевичу и наука о палеолите. Он первым описал текисташского неандертальца и сунгирского краманьонца, афонтовского монголоида и негроида из Фатима-коби. Он исследовал палеолитические черепа из Костенок и мезолитические из Нижнего Поднепровья.

Георгий Францевич первым обосновал теорию о заселении Европейского Севера человеком не только с юга, но и с востока, из области Урала. В плане истории расселения человечества он изучал антропологические материалы Европы и Африки, Переднего Востока и Америки и опубликовал ряд очерков по древней истории.

Очень велико значение его работ и в области разработки методики экспедиционных и камеральных антропологических и палеоантропологических исследований. С самого начала он ясно осознавал, что без уточнения и унификации методики невозможно получить достаточно полные, притом сравнимые данные.

Он продолжал заниматься методикой всю свою жизнь. Так, в последние годы он разработал приемы реконструкции особенностей взрослого скелета по костям детских погребений, методику, так сказать, «выращивания» детских скелетов, повысившую их научную значимость. Его последней крупной и чрезвычайно интересной работой этого плана была методика определения по костям и даже обломкам костей массы тела, веса давно умерших людей.

Георгий Францевич высоко держал знамя советской науки за рубежом и пользовался признанием и авторитетом среди ученых всех стран. С 1956 г. он был неизменным представителем СССР на всех крупных международных антропологических конгрессах. В 1964 г. он был генеральным секретарем VII Международного конгресса антропологических и этнографических наук в Москве. Он являлся членом-корреспондентом Парижского Антропологического общества, почетным членом Греческого антропологического общества и вице-президентом Международного Союза ученых антропологических и этнографических наук.

Во время своих заграничных командировок он неоднократно читал лекции для студентов. Как-то раз в США студенты Пенсильванского университета забавлялись тем, что задавали ему разнообразнейшие вопросы с целью найти какие-либо пробелы в его разносторонних знаниях, но их попытки потерпели фиаско. В заключение студенты заявили, что все их профессора — более узкие специалисты. Эрудиция в области наук о человеке была у Георгия Францевича необычайной.

Еще в молодые годы, получив в университете историческое образование, он был принят на биологический факультет МГУ в антропологическую аспирантуру и в феллоупшопе короткий срок прочно овладел биологическими знаниями. Эти знания гут же, немедленно молодой ученый начинал использовать для своих исследовательских целей. Очень характерен отрывок из письма тех лет (1928 г.) к жене, Н. П. Дебед: «Я чувствую сейчас, что начинаю поперемногу развиваться, расти... Пульс моей жизни сейчас — это новые четкие мысли об эволюции палеосибирского типа. Я не случайно сравниваю это с пульсом. Эта мысль бьется не беспорядочным надрывом, а ритмично, ровно, уложившись в определенные формы... Опять хочется испытать ни с чем не сравнимое наслаждение снова повторить себе эту цепочку доказательств — такую гармоничную, стройную, легкую. Этим я сейчас живу».

Одним из драгоценнейших качеств Георгия Францевича была его честность, принципиальность в науке и гражданское мужество, с которым он отстаивал свои взгляды. В «Палеоантропологии СССР», над которой он работал в период господства марризма в археологии и языкознании, он, вопреки утверждению этого учения о стадильности исторического процесса и автохтонности развития, доказывал происхождение населения фатьяновской культуры с запада, выдвинул положение о генетических связях сарматского населения с андроновским, и, наоборот, об отсутствии таких связей между культурами бронзовой эпохи в Минусинской низине и т. п. Справедливость этих утверждений была доказана археологами в последующие годы.

Он был человеком редкой доброты и отзывчивости. Ни один нуждающийся в помощи, консультации, включая даже посторонних ему студентов, не уходил от него неудовлетворенным, потому что энциклопедически образованный Георгий Францевич не только сообщал или дополнял фактические данные почти по любому вопросу в области наук о человеке, но и неизбежно обогащал широким пониманием темы.

Благородство Георгия Францевича характеризует следующий случай. Зимой 1966—1967 г. во время экспедиции в Афганистане после большого физического перенапряжения у него наступил сердечный приступ. Считая возможным смертельный исход, он, находясь в тяжелом состоянии, нашел в себе силы написать письмо, в котором вину в происшедшем целиком относил на счет своего неблагоприятия и просил не обвинять отсутствующих его в экспедицию московских врачей.

Из жизни ушел большой, наделенный редкими качествами человек. Очень нужный. Незаменимый. Незабываемый...

О. Н. Бадер

ЛАСЛО ВЕРТЕШ

(1914—1968)

Венгерская наука и все европейское палеолитоведение переживает большую утрату — безвременную смерть известного венгерского археолога Ласло Вертеша, кандидата геологических и доктора исторических наук, скоропостижно скончавшегося 20 августа 1968 года.

Л. Вертеш начал свою научную карьеру как палеонтолог, изучавший фауну пещерных отложений под руководством одного из первых венгерских археологов О. Кадича. Интерес к четвертичной геологии и фауне остался у него на всю жизнь.

После Второй мировой войны он руководит Отделом Палеонтологии музея Естественных наук, а с 1951 г., когда палеолитическая коллекция была переведена в Венгерский Национальный музей, Л. Вертеш бессменно работает в первобытном отделе на должности заведующего отделом этого музея. Одновременно, как большой знаток пещер, он руководит деятельностью Инспекции исследования пещер.

Первые публикации Л. Вертеша по первобытной истории Венгрии относятся к 1951 году и тем более удивительно, что благодаря своей кипучей энергии и большой одаренности всего за 17 лет он успел сделать так много в различных отраслях венгерского палеолитоведения, опубликовав ряд основополагающих исследований, которыми будет пользоваться не одно поколение археологов. Он раскопал ряд интересных памятников эпохи мустье и верхнего палеолита (Ишталлошкё, Селета, Янкович, Пешкё и др.). Результаты этих работ легли в основу современных представлений о палеолите Венгрии.

Начиная с 1963 г. Л. Вертеш руководит раскопками в Вертешсёллеше, где он открыл нижнепалеолитическую стоянку миндельской эпохи. На стоянке помимо интереснейшего археологического материала были открыты костные остатки архантропа, фауна и флора. Раскопки этого памятника принесли венгерскому ученому мировую известность.

Научные интересы Л. Вертеша сосредоточивались в основном, вокруг нескольких проблем.

Немало сил он посвятил исследованию верхнего палеолита Венгрии. До работ Л. Вертеша даже те исследования, которые проводились на достаточном для своего времени научном уровне, всегда опирались в плане хронологии и типологии орудий на западную терминологию. Все вновь открытые культуры беспощадно подгонялись под уже известные, установленные для Западной Европы схемы. Л. Вертеш подверг критике эти работы (Paläolithische Kulturen des Würm I/II Interstadials in Ungarn. Acta Arch. Hung. 5. 1955, стр. 261—278). Разрабатывая одновременно проблему венгерского ориньяка и селета, Л. Вертеш приходит к выводам о необходимости создания собственной периодизации верхнего палеолита Венгрии (Gruppen des Aurignacien in Ungarn. Arch. Austriaca. N. 19/20, 1956, стр. 15—27; Beiträge zur Abstammung des Ungarischen Szeletien. Folia Archaeol. X, 1958, стр. 3—15).

В области изучения мустьерской культуры особого внимания заслуживает участие Л. Вертеша в публикации травертинового местонахождения Тата, где ему принадлежит описание археологического материала. Неоднократно обращался исследо-

ватель и к материалам второго мустьерского памятника — пещеры Шубалюк. Подытоживая свои исследования по мустьерской культуре, Л. Вертеш указывает на существование двух локальных групп в мустье Венгрии: одной, связанной с горами Бюкк на западе, и второй — среднедунайской. Он подчеркивает своеобразный характер венгерского мустье и намечает возможные пути перехода к селетской культуре. Важным выводом является подтверждение отсутствия памятников, предшествующих развитому мустье (Las Mousterien in Ungarn. Eis. and Geg., B. 10, 1959, стр. 21—40; Tata. Eine Mittelpaläolithische Travertin — Siedlung in Ungarn. Budapest, 1964).

Исследования Вертешёллэша, бесспорно, наибольшая удача венгерского археолога. Культурные слои этого памятника располагаются в травертинах, которые датируются второй половиной миндельского времени («верхний бихарий»). Это подлинная нижнепалеолитическая «галечная культура», одна из древнейших в Европе (M. Kretzoi and L. Vértes. Upper Biharian (Intermindel) Pebble — Industry Occupation Site in Western Hungary. Curr. Anthr., 6/1, 1965, стр. 74—87).

Достоинством подражания примером консервации уникального памятника в Вертешёллэше является сооружение Л. Вертешем прочной четырехугольной каменной башни над одним из расчищенных скоплений древнепалеолитических остатков; в нее заключена колонка нетронутых покровных отложений вплоть до современной почвы, на остальной площади стоянки они полностью разрушены карьером.

Помимо полевых работ Л. Вертеш известен как крупный теоретик палеолита. Большой интерес представляют его штудии, посвященные применению вариационной статистики в археологии, технологии и типологии каменных орудий (Statistiques et graphiques dans l'étude des Industries préhistoriques. Palaeohistorica. X, 1964, стр. 15—62; Typology of the Buda Industry a Pebble-tool Industry from the Hungarian Lower Palaeolithic. Quaternaria, VII, 1965, стр. 185—195 и др.).

Л. Вертеш в последние годы имел возможность побывать во многих странах, осмотреть крупнейшие памятники палеолита Старого Света и работать над подлинными материалами по палеолиту во многих зарубежных музеях. В 1966 г. он побывал и в Африке, на знаменитых раскопках Л. Лики в Олдувейском ущелье. Эти поездки, естественно, расширили научный кругозор Л. Вертеша и должны были облегчить ему оценку среднеевропейского палеолита на широком фоне.

Советские археологи-палеолитоведы, геологи-четвертичники, антропологи и палеонтологи не раз встречались с Л. Вертешем в СССР и в Венгрии, а некоторые из них находились в живом научном общении с ним. Оно началось с приезда Л. Вертеша в 1963 г. на Первый Симпозиум по стратиграфии и периодизации палеолита Восточной и Центральной Европы, проведенный в Москве и на стоянке Сунгирь близ Владимира. После этого симпозиума Л. Вертеш опубликовал на русском языке работу «Опыт исследования перехода от мустьерской эпохи к верхнему палеолиту на основе венгерского материала» (сб. «Стратиграфия и периодизация палеолита Восточной и Центральной Европы». М., 1965), где на основе проработки большого материала с помощью математических методов и статистики он нарисовал интересные стороны развития палеолитических культур и проследил переход от мустьерских к верхнепалеолитическим комплексам материальной культуры.

В 1966 г. единственно благодаря энергии Л. Вертеша в Будапеште состоялся Второй симпозиум намеченной в Москве серии обсуждений вопросов стратиграфии и периодизации палеолита Восточной и Центральной Европы. Будапештский симпозиум был посвящен проблеме селета и сопровождался экскурсией, в программе которой Л. Вертеш продемонстрировал участникам заранее подготовленные им для этого пещерные стоянки Селета, Ишталлошкё и др. и сверх программы организовал осмотр своих раскопок в Вертешёллэше.

Л. Вертеш ушел от нас в расцвете творческих сил. Но он успел вписать в историю изучения каменного века Средней Европы ряд ярких страниц, и они увековечили его имя в истории европейской археологической науки.

О. Н. Бадер, И. Эрдели, В. А. Ранов

Ю. П. СПЕГАЛЬСКИЙ

17 января 1969 г. скончался старший архитектор псковских научно-производственных реставрационных мастерских архитектуры Юрий Павлович Спегальский.

Ю. П. Спегальский родился в Пскове в 1909 г. В школьные годы Юрий Павлович совмещал учебу с работой каменщика на стройках. Увлечение стариной, и в особенности древней псковской архитектурой, пришло к нему еще в детстве. Именно это увлечение побудило его в 1929 г. поступить на архитектурный факультет Ленинградского инженерно-строительного института. После окончания института он работает в отделе охраны памятников Леноблисполкома и архитектурно-художественных мастерских. Изучение таких памятников, как «дом Яковлева» и Гремячья башня, позволило ему приступить к практической реставрационной работе по восстановлению первоначального облика этих объектов.

В тяжелые годы блокады Юрий Павлович оставался в осажденном Ленинграде. Тут очень пригодились его навыки верхолазной работы. Юрий Павлович вошел в состав бригады верхолазов, маскировавших высотные сооружения Ленинграда. Архитектор-реставратор теперь спасал архитектурные шедевры города на Неве.

После освобождения Пскова он возвращается в родной город и работает инспектором по охране памятников, а потом начальником реставрационной мастерской.

В 1947 г. Юрий Павлович поступает в аспирантуру при институте им. И. Е. Репина, разрабатывает тему о псковских каменных жилых постройках XVII в. В 1951 г. он защищает на эту тему кандидатскую диссертацию. В 1963 г. работа «Псковские каменные жилые здания XVII в.» выходит из печати в серии МИА (№ 119). Работа эта имела большое значение не только для истории псковского зодчества, но и для изучения древнерусской архитектуры в целом. С большой убедительностью автору удалось доказать существование несохранившихся деревянных верхних этажей, которые служили собственно жилыми помещениями.

С 1951 по 1956 г. Юрий Павлович работал в Ленинградском филиале Академии архитектуры и в ленинградских реставрационных мастерских.

С 1959 г. Юрий Павлович — научный сотрудник группы славяно-русской археологии ЛОИА АН СССР. Работа в Ленинградском отделении Института археологии значительно расширила хронологические рамки и круг исследований Юрия Павловича. Великолепное знание древнерусской архитектуры эпохи позднего средневековья пригодилось ему при исследовании жилищ X—XIII вв. в северо-западной Руси. В работе «Русское жилище X—XIII вв. в северо-западной Руси», рукопись которой он успел закончить, автор высказал много новых и оригинальных мыслей, которые, несомненно, будут способствовать более глубокому изучению древнерусской домонгольской гражданской архитектуры. В 1968 г. Юрий Павлович переехал в Псков и вновь возвратился к практической реставрационной работе над псковскими памятниками. Как главный архитектор реставрационных мастерских, Юрий Павлович составляет перспективный план реставрационных работ в Пскове.

Смерть оборвала жизнь Юрия Павловича, когда он, полный широких творческих замыслов и проектов, находился в начале нового периода своей деятельности.

Человек внутренне интересный, доброжелательный, великолепный рассказчик, Юрий Павлович привлекал к себе всех, с кем ему приходилось встречаться. Юрий Павлович оставил светлую память о себе не только в науке, но и среди товарищей, которые работали рядом с ним.

П. А. Раппопорт, О. В. Овсянников

К. П. ШУТ

7 января 1969 г. безвременно скончался белорусский археолог, научный сотрудник Института истории Академии наук Белорусской ССР Климентий Петрович Шут.

Родился Климентий Петрович в 1925 г. в крестьянской семье в д. Плетивище Червенского района Минской области. С 1944 по 1952 г. служил в рядах Советской Армии. Принимал участие в Великой Отечественной войне, был ранен при освобождении Польши, имел боевые правительственные награды.

Демобилизовавшись из армии, закончил среднюю школу. В 1955—1960 гг. учился на историческом факультете Белорусского государственного университета в Минске. С 1960 г. и до конца своей жизни работал научным сотрудником сектора археологии Института истории.

В 1959—1961 гг. К. П. Шут активно участвовал в работе Минской археологической экспедиции. Он обработал многие материалы из раскопок Минского замчища, систематизировал и реконструировал многочисленные кожаные изделия. Им опубликована статья «Обувь древнего Минска» («Материалы IX конференции молодых ученых», Минск, 1965).

С 1963 г. до своей кончины К. П. Шут самостоятельно вел систематические полевые исследования городищ раннего железного века в Витебской области. Он плодотворно работал над монографией, посвященной городищам VII в. до н. э.—IV в. н. э. в северной Белоруссии (днепро-двинская культура). Некоторые итоги его исследований опубликованы и получили признание в науке (Городище Дворище, «Вопросы истории и археологии», Минск, 1966; Городища эпохи раннего железа на северо-западе Белоруссии, «Доклады к XI конференции ученых Белорусской ССР», Минск, 1967). Важное значение для древней истории населения БССР и Смоленщины имеет его публикация «Памятники раннего железного века на севере Белоруссии» («Древности Белоруссии», Минск, 1966).

К. П. Шут вел раскопки на высоком методическом уровне, тщательно фиксировал материал и описывал его в своих образцовых полевых отчетах. Почти все добытые предметы были обработаны и обобщены исследователем в монографии, которую он не успел закончить. Всего за несколько дней до своей смерти он завершил ее важное приложение — археологическую карту памятников днепро-двинской культуры на территории Белоруссии (всего — 247 городищ).

Безвременная кончина К. П. Шута — тяжелая утрата для белорусской археологии. Он скончался в расцвете своих творческих сил. Это был скромный труженик науки, замечательный справедливый человек. Память о нем навсегда сохранится среди его коллег.

Г. В. Штылов

М. В. ГОРОДЦОВ

В ноябре 1968 г. после продолжительной и тяжелой болезни скончался археолог, член КПСС Мстислав Васильевич Городцов, сын известного ученого — профессора В. А. Городцова. М. В. Городцов родился в Москве 3 января 1896 г. В 1916 г. после окончания реального училища он в качестве вольноопределяющегося служил в армии (в кавалерии) и принимал участие в боевых действиях. На фронте он был отравлен газами, что сказывалось на его здоровье в продолжение всей жизни. В 1918 г. он служил в пограничных войсках РСФСР, а с 1919 по 1922 г. сражался на фронте в рядах Красной Армии. С 1922 по 1925 г. был студентом факультета общественных наук МГУ (археологического отделения). В это и в последующее время он проводил значительные археологические исследования в Московской и соседних областях, обследовав ряд рек, в том числе Москву, Большую и Малую Истру и Рожая. Им было раскопано большое число курганов вятичей и несколько селищ. Будучи первоклассным полевым археологом, он принимал участие в раскопках Тимоновской палеолитической стоянки, многих дьяковских городищ и русских городов — Старой Рязани и Переславля Рязанского. М. В. Городцов сыграл большую роль в развитии музейного дела. Он долгое время возглавлял художественный и реставрационный отдел Государственного Исторического музея. Им разработан ряд приемов по изготовлению копий археологических предметов и созданы диорамы и макеты, характеризующие отдельные исторические темы. Эта сторона деятельности М. В. Городцова известна многим музейным работникам. Его копии уникальных археологических древностей можно встретить и в экспозиции многих периферийных музеев. Для Исторического музея он создал ряд первоклассных макетов, в их числе стоянка первобытного человека, реконструкция Огубского городища (в раскопках которого он принимал участие), тульский кремль. Все его реконструкции основаны на тщательной и глубокой проработке письменных и вещественных источников, что придавало им большую убедительность. Если учесть и высокую художественную сторону этих произведений, то станет понятно их большое эмоциональное воздействие на зрителей, особенно на подростков и детей. В 1933—1935 гг. он преподавал на Высших музейных курсах Наркомпроса РСФСР. Наряду с работой по реконструкции он занимался реставрацией разнообразных археологических памятников. Из восстановленных им предметов следует отметить аттический кратер V в. до н. э. и ряд мраморных скульптур, собранных из мельчайших фрагментов. За свою реставрационную работу он получил звание ученого-реставратора. В начале Великой Отечественной войны он, как и весь коллектив Государственного Исторического музея, горячо откликнулся на призыв партии и правительства, вступив в ряды Московского ополчения. Однако плохое здоровье не позволило ему нести тяжелую фронтную службу, и он был отчислен из рядов Советской Армии. Вернувшись домой, он вел большую работу по сохранению музейных ценностей, оставшихся в Москве, и весь период войны находился на казарменном положении.

М. В. Городцов, серьезный полевой археолог, талантливый реставратор, был чутким, отзывчивым товарищем, память о котором навсегда сохранится среди всех знавших его людей.

А. П. Смирнов

**УКАЗАТЕЛЬ СТАТЕЙ, НАПЕЧАТАННЫХ В ЖУРНАЛЕ
«СОВЕТСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ» ЗА 1969 Г.**

Статьи

	№	стр.
М. П. Абрамова. О керамике с зооморфными ручками	2	69
Ю. Е. Березкин. Начало земледелия на Перуанском побережье	1	3
С. Н. Бибииков. Некоторые аспекты палеоэкономического моделирования палеолита	4	5
С. П. Борисовская. О некоторых ранних формах этрусской керамики буккери	2	44
И. Венедиков. Фракийцы в греческом искусстве Понтийской Аполлонии	3	71
И. С. Винокур. Некоторые вопросы духовной культуры черняховских племен	1	48
М. И. Вязьмитина. Культура населения нижнего Днепра после распада единой Скифии	4	62
А. Д. Горский. Берестяная грамота № 256	3	79
В. С. Долгоруков. Эллинистическая агора	2	55
Ю. Н. Захарук. О методологии археологической науки и ее проблемах	3	11
В. А. Ильинская. Некоторые вопросы генезиса южновосточной культуры	2	85
Е. И. Крупнов. Об уточненной датировке и периодизации кобанской культуры	1	13
Б. В. Луний. К столетию со дня рождения В. Л. Вяткина	3	3
М. И. Максимова. Из воспоминаний о С. А. Жебелеве	3	86
А. П. Манцевич. О щитах скифской эпохи	1	19
Г. Н. Матюшин. О характере материальной культуры Южного Урала в эпоху мезолита	4	23
Т. Г. Мовша. Об антропоморфной пластике трипольской культуры	2	15
О. В. Овсянников. О костерезном ремесле в средневековой Руси	1	76
Н. В. Рындина. Раннетрипольская обработка меди	3	21
В. В. Седов. Культура днепро-двинского междуречья в конце I тыс. до н. э.	2	116
С. А. Семенов. Каменные орудия эпохи ранних металлов	2	3
Л. А. Солнцев, Р. Б. Степанская, Л. Д. Фомин, Б. А. Шрамко. О появлении изделий из чугуна в Восточной Европе	1	40
Б. В. Техов. Об ажурных поясных пряжках из Юго-Осетии	4	49
П. Н. Третьяков. Старо-Мазиковская III стоянка и вопрос о происхождении волосовской культуры	2	35
П. Н. Третьяков. Об истоках культуры роменско-боршевской древнерусской группировки	4	78
Н. В. Трубникова. Погребение шамана в Кошбеевском могильнике и верования позднеродецких племен	3	42
В. И. Цалкин. Фауна из раскопок боршевских и роменских городищ	4	91
Г. В. Шипкина. О местонахождении Мараканды	1	62
А. И. Шкурко. Об изображении свернувшегося в кольца хищника в искусстве лесостепной Скифии	1	31
Б. А. Шрамко. Орудия скифской эпохи для обработки железа	3	53
Ю. Л. Шапова. Стекланные браслеты и датирование городского культурного слоя	4	102
Э. А. Юркевич. История изучения кушанских памятников Афганистана	2	103
К 70-летию В. Д. Блаватского	4	108
К 70-летию Б. Н. Гракова	4	112
К 75-летию Салиха Мустафа оглы Казиева	3	91
К 70-летию М. Е. Массона	2	126
К 70-летию А. П. Смирнова	4	117
К 70-летию С. А. Семенова	2	130
К 60-летию П. Н. Третьякова	4	120

Публикации

Д. А. Авдусин. Смоленские берестяные грамоты из раскопок 1966 и 1967 гг.	3	186
Э. А. Балагури. Фельшесевч-становская группа памятников эпохи поздней бронзы в Верхнем Потиссье	2	147

С. С. Бессонова. Раскопки некрополя Пантикапея в 1963—1969 гг.	1	137
В. Д. Блаватский, Б. Г. Петерс. Кораблекрушение конца IV — нач. III вв. до н. э. около Донузлава	3	151
М. С. Булатов. Шедевр мастера Абдль Азиза	2	225
А. В. Виноградов, Э. Мамедов. Кызылнура I — первый мустьерский па- мятник в Кызылкумах	1	84
Н. Н. Воронин, П. А. Раппопорт. Раскопки в Смоленске в 1966 г.	2	200
А. В. Гадло. Раскопки раннесредневекового селища у д. Героевка в 1964 г. Газдапустан Дюла. Могила эпохи средней бронзы в Северной Осетии	1	160
А. П. Деревянко, А. П. Окладников. Древние культуры восточных райо- нов МНР (К итогам археологических исследований 1949—1967 гг.)	2	140
Н. Н. Диков. Верхний палеолит Камчатки	4	141
В. Г. Збенович. Древнейшие медные топоры в Восточной Европе	3	93
Т. К. Иванов. Римская и ранневизантийская крепость Ятрус на Дунае (НРБ)	3	135
С. К. Кабанов. Изучение стратиграфии городища Афрасиаб	4	184
В. И. Кадеев. Импортные светильники I—IV вв. из Херсонеса	1	183
В. И. Козенкова. Раннекобанский могильник у села Сержень-Юрт	3	159
А. А. Коновалов. Изучение химического состава медных сплавов из Новгорода	4	171
Ю. А. Краснов, А. П. Смирнов, Т. А. Хлебникова. Новые данные по исто- рии города Болгары	3	205
И. Т. Кругликова. Некрополь поселения у дер. Семеновки	1	211
Б. А. Литвинский, Х. Мухитдинов. Античное городище Саксанохур (Юж- ный Таджикистан)	1	98
Л. М. Литовченко. Тельманская палеолитическая стоянка (II культур- ный слой)	2	160
И. А. Лозе. Новый центр обработки янтаря эпохи неолита в Восточной Прибалтике	3	110
М. В. Малевская. Поливная керамика древнего Новогрудка	3	124
А. А. Медынцева. Глаголические надписи из Софии Новгородской	3	194
Р. С. Мепсашвили. Рельефы рубежа X—XI вв. со сценами строи- тельства в храме у селения Корого	1	199
Мустагамди Шайбай. Новые археологические исследования в Хадде	4	219
Г. Ф. Никитина. Гребни черняховской культуры	3	143
Н. Б. Немцова. Раскопки архитектурного комплекса Ходжа Машад в Саяте на юге Таджикистана	1	147
В. П. Неприна. Тетеревское поселение днепро-донецкой культуры	3	171
В. А. Падин. Раскопки поселения в урочище Макча близ Трубчевска	2	134
М. Н. Погребова. Железные топоры скифского типа в Закавказье	4	208
В. Г. Пуцко. Византийский медальон с изображением Георгия-воина	2	179
В. И. Распопова. Квартал жилищ рядовых горожан Пенджинента VII— VIII вв.	2	217
А. А. Семенцов, Е. Н. Романова, П. М. Долуханов. Радиоуглеродные да- ты лаборатории ЛОИА	1	169
В. В. Сидоров. Стоянки каменного века в центральной Туве	1	251
Е. С. Сизов. О происхождении Покровского Придела Архангельского со- бора в Кремле	4	126
Э. А. Сымонович. Забытая коллекция В. В. Хвойки	1	243
Р. Г. Фахрутдинов. Новые археологические памятники Волжской Бул- гарии в закамской Татарии	2	189
Э. В. Ханзадян. Раннебронзовое поселение близ с. Аревик	1	224
А. В. Циркин. Киржемановский клад	4	157
П. Н. Шульц. Бронзовые статуэтки Диоскуров из Неаполя Скифского	1	237
Э. В. Яковенко. Клыки с зооморфными изображениями	1	120
Памяти И. И. Ляпушкина	4	200
Памяти Х. А. Моора	3	217
Памяти Т. С. Пассек	3	220
Памяти Туре Арне	2	236
Памяти Хольгера Арбмана	2	242
Памяти Хольгера Арбмана	1	262
Заметки		
М. Х. Алешковский. Ладья XI в. из Новгорода	2	264
Е. Атагарриев. Кашинная керамика Шехр Ислама	2	274
И. В. Богданова-Березовская. Статуэтки Диоскуров из Неаполя Скиф- ского (химико-технологическое исследование)	1	277
Э. Б. Вадецкая. О сходстве самусьских и окуневских антропоморфных изображений	1	270
Ю. Б. Генс. Сфероконический сосуд из Термеза	4	157
Л. А. Голубева. Кемские курганы	2	271
В. П. Денисов, Е. Н. Черных. Верхнемуллинская находка топоров- кельтов	3	261
В. П. Денисов, Е. Н. Черных. Верхнемуллинская находка топоров- кельтов	3	239

Ю. В. Деревягин. Селище эпохи бронзы в селе Пристанном	3	235
С. А. Есаян. Каменная статуэтка из Шамшадина	1	269
А. М. Ефимова. Антропоморфные фигурки с кладбища у ханской усыпальницы в Болгарах	2	255
М. Р. Касымов, Л. Я. Крижевская. О классификации кремнеобрабатывающих мастерских	1	265
А. Н. Кирпичников, И. Н. Хлопин. Федор Конь и старец Александр	2	278
В. Н. Конкин. Украшения из половецкого погребения	2	269
А. А. Кравченко. Клад кизикских статоров из Одесской области	1	274
В. И. Красковский. Каменка — новая позднепалеолитическая стоянка близ Одессы	3	224
Н. В. Леонтьев. Кундусукские росписи	4	245
Г. А. Лоркипанидзе. Наконечник тарана из Вани	4	248
В. П. Любин. О вероятности искусственных сооружений в гроте Киик-Коба	2	244
К. Маевский. Польские археологические исследования в Нове в 1968 г.	4	251
О. А. Махнева. Находка гераклейских амфор в Крыму	4	257
А. А. Медынцева. Серебряники из Новгорода Малого	4	259
А. Милчев. Сокровище из Михайловграда	2	260
В. А. Могильников. Находки из с. Пиковки	3	254
Ю. А. Мочанов. Дюктайская верхнепалеолитическая культура и некоторые аспекты ее генезиса	4	235
В. А. Пазухин. Медные слитки из Оренбургского музея	4	239
Е. А. Пахомов. О технике чеканки медных монет в Закавказье в конце XII — нач. XIII вв.	3	259
В. Ф. Петрунь. К методике развернутого описания материала мраморных вещей	2	256
В. Филиппко, И. Масимов. Буддийская статуэтка из Ак-Кала (Средняя Амударья)	3	247
Э. В. Ртвеладзе. Два мавзолея золотоордынского времени в районе Пятигорска	4	262
А. П. Рунич. Дольмен у с. Лазаревского Краснодарского края	4	261
В. И. Сарияниди. Терракотовая головка с Улуг-Тепе и ее месопотамские прототипы	3	243
И. Р. Селимханов, Р. М. Торосян. Металлографический анализ древнейших металлов в Закавказье	3	229
А. В. Смоляк. Этнографические данные об обрядах ложных погребений у народов нижнего Амура	3	262
С. С. Сорокин. Новый памятник VII — VI вв. до н. э. на Южном Алтае	2	249
Ю. В. Титов. Бронзовые украшения со стоянки Золотец X	3	238
И. Фодор. Скифские и сарматские мечи с сегментовидным перекрестьем	3	251
Ю. И. Штакельберг. Игрушечное оружие из Старой Ладogi	2	252
Э. В. Яковенко. Резной молоток из среднего Поднепровья	2	246

Критика и библиография

Э. Г. Александренков. E. Tabio y. E. Ray. Prehistoria de Cuba.	4	293
А. К. Амброз. R. Nachmann, G. Kossack, H. Kuhn Völker zwischen Germanen und Kelten	4	266
К. Н. Афанасьев. О «парных мерах»	4	302
В. А. Башилов. Принципы построения относительной хронологии в американской археологической науке	1	281
А. А. Белецкий. Э. И. Соломоник. «Новые эпиграфические памятники Херсонеса»	3	267
П. И. Борисковский. А. И. Першиц, А. Л. Монгайт, В. П. Алексеев. История первобытного общества	3	265
В. Г. Брюсова. В. И. Антонова. Древнерусское искусство в собрании Павла Корина	4	272
В. Б. Виноградов. М. И. Пикуль «Эпоха раннего железа в Дагестане», Махачкала, 1967	2	288
Г. Г. Громов. Б. А. Колчин. Новгородские древности. Деревянные изделия САИ Е1-55	4	289
В. И. Гуляев. Leo Deuel. Conquistadors without swords. Archaeologists in the Americas	4	277
Н. Н. Гурина. Ответ на рецензию В. П. Третьякова и Г. П. Григорьева	4	297
Ю. А. Заднепровский. Namio Egami und Shinji Fukai, Sciichi Masuda	1	304
В. М. Зубарева, Ю. А. Краснов. Об археологических данных для характеристики мордовско-вятических взаимоотношений	3	283
А. Н. Кирпичников. Э. С. Мугуревич «Восточная Латвия и соседние земли в X — XIII вв.»	1	307

А. Н. Кирпичников, Л. И. Тарасюк. R. E. Ewart. The Sword in the Age of Chivabry	3	271
В. Б. Ковалевская. Anton Tocik. Slawisch-awarisches Gräberfeld in Holiage. Archaeologica slovacica-catalogi, т. 1	3	270
В. А. Кузнецов. С. А. Плетнева «От кочевий к городам». М., 1967	2	296
А. Г. Кузьмин. Существует ли проблема Тмутараканского камня?	3	278
Ю. А. Краснов. «Возникновение и развитие земледелия»	1	288
Ю. А. Краснов, А. П. Смирнов. П. Н. Старостин «Памятники именьковской культуры»	2	291
Г. Н. Лисицына, А. В. Чернецов. «Возникновение и развитие земледелия»	1	293
Б. В. Лунин. «Памятники Туркменистана»	1	298
Г. П. Михалевич. Раскопки иранских археологов в Персеполе и Пасаргадах	2	301
А. П. Окладников. Работы по истории и археологии Швейцарии	4	282
А. Д. Прякин. В. А. Фисенко. О происхождении и хронологии катакомбной культуры. Саратов, 1966	2	284
С. И. Руденко. Э. Б. Вадецкая. «Древние идолы Енисея»	2	286
Р. Б. Рыбаков. Новые книги индийских исследователей об Аджанте	3	274
В. И. Сарияниди. «Pakistan Archaeology», N 2, 1965, Karachi	1	300
И. Фодор. Bartha Antal. A. IX—X. századi magyar tarsadalom.	4	286
А. А. Формозов. Новые польские книги по истории археологии	3	286
А. Я. Щегенко. F. R. Allhin. Neolithic Cattle-Keepers of South India	2	281

Хроника

О. Н. Бадер. Советские археологи и палеонтологи на IV Международном спелеологическом конгрессе в Югославии	1	309
О. Н. Бадер. Полевой семинар по стратиграфии антропогена и палеолиту Печорского Приполярья в 1968 г.	4	305
И. Б. Бентович. Совещание по археологии Средней Азии	3	302
П. М. Кожин, Р. Л. Розенфельдт. Сессия Отделения истории и пленум Института археологии АН СССР	3	294
Г. Ф. Никитина. Совещание по проблемам черняховской культуры	3	290
<u>А. С. Альмарик</u>	2	306
<u>Др. Франц Ганчар</u>	3	312
<u>А. В. Городцов</u>	4	311
<u>В. В. Гинзбург</u>	4	313
<u>Г. Ф. Дебец</u>	4	316
<u>Л. Вертеш</u>	4	318
<u>К. С. Николэеску-Плопшор</u>	3	314
<u>Ю. П. Спегальский</u>	4	319
<u>К. П. Шут</u>	4	320
<u>Г. В. Юсупов</u>	1	314

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АИР — Археологические исследования в РСФСР в 1934—1935 гг.
 АО — Археологические отчеты
 АП УРСР — Археологічні пам'ятки Української РСР
 АЭБ — Археология и этнография Башкирии
 АЭДВ — Археология и этнография Дальнего Востока
 ВАН БССР — Вестник Академии наук Белорусской ССР
 ВАН УССР — Вестник Академии наук Украинской ССР
 ВГМГ — Вестник Государственного музея Грузии
 ГБЛ — Государственная библиотека им. В. И. Ленина
 ДП — Б. И. и В. И. Ханенко. Древности Приднепровья
 ЗВОРАО — Записки Восточного отдела Русского археологического общества
 ЗОАО — Записки Одесского археологического общества
 ЗОРСА — Записки Отдела русско-славянской археологии
 ЗРАО — Записки Русского археологического общества
 ИАДК — История и археология древнего Крыма
 ИАК — Известия археологической комиссии
 ИГАИМК — Известия Государственной академии истории материальной культуры
 Изв. Ингуш. НИИ — Известия Ингушского научно-исследовательского института
 Изв. СОНИИ — Известия Северо-Осетинского научно-исследовательского института
 Изв. ИЯИМК — Известия Института языка, истории и материальной культуры
 ИКОМАО — Известия Кавказского отделения Московского археологического общества
 ИРАИК — Известия Русского археологического института в Константинополе
 ИРАО — Известия Русского археологического общества
 ИЮОНИИ — Известия Юго-Осетинского научно-исследовательского института
 КСИА АН СССР — Краткие сообщения Института археологии Академии наук СССР
 КСОГАМ — Краткие сообщения Одесского Государственного музея
 МАК — Материалы по археологии Кавказа
 МАСП — Материалы по археологии Северного Причерноморья
 МАЭ — Музей антропологии и этнографии
 МИГК — Материалы по истории Грузии и Кавказа
 МИА Ю—З СССР и РНР — Материалы и исследования по археологии Юго-запада СССР и Румынской народной республики
 МЭ — Материалы по этнографии
 МЭГ — Материалы по этнографии Грузии
 НЭ — Нумизматика и эпиграфика
 ОАК — Отчеты Археологической комиссии
 ОИПК — Отдел первобытной культуры Государственного Эрмитажа
 ПВЛ — Повесть временных лет
 ПИДО — Проблемы истории докапиталистических обществ
 САИ — Свод археологических источников
 СГАИМК — Сообщения Государственной Академии истории материальной культуры
 СМОМПК — Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа
 Тр. АС — Труды археологического съезда
 Тр. ГИМ — Труды Государственного исторического музея
 Тр. ЗНА — Труды Кавказской научной ассоциации
 Тр. ИИЕТ — Труды Института истории естествознания и техники
 Тр. КИЧПЕ — Труды Комиссии по изучению четвертичного периода Европы
 Тр. ОУАК — Труды Оренбургской Ученой архивной комиссии
 Тр. ПОКЭ — Труды Прибалтийской объединенной комплексной экспедиции
 Тр. ЮТАКЭ — Труды Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции
 Уч. зап. ТНИИЯЛИ — Ученые записки Тувинского научно-исследовательского института
 ААН — Acta archaeologica hungaricae
 АЕ — Archaeologiai Értesito
 АН — Archaeologia Hungaricae
 АS — Anatolian Studies
 ВММА — The Bulletin of the Metropolitan Museum of Art (New York)
 DAGR — Dictionnaire des antiquités grecques et romaines Ch. Daremberg et M. Ed. Saglio
 ESA — Eurasia septentrionalis antiqua (Helsinki)
 MCA — Materiale și cercetări arheologica
 PA — Památky archeologicke
 RA — Revue archeologique
 RE — Max Ebert. Reallexikon der Vorgeschichte
 SBAk — Sitzungsberichte der Bayerischen Akademie
 SCIV — Studii și cercetări de istorie veche
 WPZ — Winer Prähistorische Zeitschrift.

СОДЕРЖАНИЕ

Статьи

С. Н. Бибииков (Киев). Некоторые аспекты палеоэкономического моделирования палеолита	5
Г. Н. Матюшин (Москва). О характере материальной культуры Южного Урала в эпоху мезолита	23
Б. В. Техов (Цхинвали). Об ажурных поясных пряжках из Юго-Осетии	49
М. И. Вязьмитина (Киев). Культура населения Нижнего Днепра после распада единой Скифии	62
П. Н. Третьяков (Ленинград). Об истоках культуры роменско-боршевской древнерусской группировки	78
В. И. Цалкин (Москва). Фауна из раскопок боршевских и роменских городищ	91
Ю. Л. Щапова (Москва). Стекланные браслеты и датирование городского культурного слоя	102
К 70-летию В. Д. Блаватского	108
К 70-летию Б. Н. Гракова	112
К 70-летию А. П. Смирнова	117
К 60-летию П. Н. Третьякова	120

Публикация

В. В. Сидоров (Дедовск). Стоянки Публикации каменного века в центральной Туве	126
А. П. Деревянко, А. П. Окладников. (Новосибирск). Древние культуры восточных районов МНР (К итогам археологических исследований 1949—1967 гг.)	141
Э. В. Ханзадян (Ереван). Раннебронзовое поселение близ с. Аревик	157
В. И. Козенкова (Москва). Раннекобанский могильник у села Сержень-Юрт	171
Т. К. Иванов (Болгария, София). Римская и ранневизантийская крепость Ятрус на Дунае (НРБ)	184
Э. В. Яковенко (Киев). Клыки с зооморфными изображениями	200
В. А. Падин (Трубчевск). Раскопки поселения в урочище Макча близ Трубчевска	208
Р. С. Мепшашвили (Тбилиси). Рельефы рубежа X—XI вв. со стенами строительства в храме у селения Корого	219

Заметки

Ю. А. Мочанов (Якутск). Дюктайская верхнепалеолитическая культура и некоторые аспекты ее генезиса	235
В. А. Пазухин (Москва). Медные слитки из Оренбургского музея	239
Н. В. Леонтьев (Минусинск). Кундусукские росписи	245
Г. А. Лордкипанидзе (Тбилиси). Наконечник Тарана из Вани	248
К. Маевский (Польша, Варшава). Польские археологические исследования в Нове в 1968 г.	251
О. А. Махнева (Симферополь). находка гераклейских амфор в Крыму	257
А. А. Медынцева (Москва). Серебренники из Новгорода Малого	259
А. П. Рунич (Пятигорск). Дольмен у с. Лазаревского Краснодарского края	261
Э. В. Ргвеладзе (Ташкент). Два мавзолея золотоордынского времени в районе Пятигорска	262

Критика и библиография

А. К. Амброс (Москва). R. Nachmann, G. Kossack, H. Kuhn. Völker zwischen Germanen und Kelten	266
В. Г. Брюсова (Москва). В. И. Антонова. Древнерусское искусство в со-брании Павла Корина	272
В. И. Гуляев (Москва). Leo Deuel. Conquistadors without Swords. Archaeologists in the Americas	277
А. П. Окладников (Новосибирск). Работы по истории и археологии Швейцарии	282
И. Фодор (Венгрия). Bartha Antal. A IX—X. századi magyar társadalom	286
Г. Г. Громов (Москва). Б. А. Колчин. Новгородские древности. Деревянные изделия. САИ Е1-55	289
Э. Г. Александренков (Москва). E. Tabío y E. Rey. Prehistoria de Cuba	293
Н. Н. Гурина (Ленинград). Ответ на рецензию В. П. Третьякова и Г. П. Григорьева	297
К. Н. Афанасьев (Москва). О «парных мерах»	302

Хроника

<u>О. Н. Бадер</u> (Москва). Полевой семинар по стратиграфии антропогена и палеолиту Печорского Приполярья в 1968 г.	305
<u>В. В. Гинзбург</u>	311
<u>Г. Ф. Дебец</u>	313
<u>Л. Вертеш</u>	316
<u>Ю. П. Спегальский</u>	318
<u>К. П. Шут</u>	319
<u>М. В. Городцов</u>	320

SOMMAIRE

Articles

S. N. Bibikov (Kiev). Un essai de modeler le paléolithhe au point de vue paléoeconomique	5
G. N. Matiouchine (Moscou). Sur le caractère de la culture matérielle de l'Oural Sud pendant la période mésolithique	23
B. V. Tékhov (Tskhinvali). Sur les boucles de cienteure ajourées	49
M. I. Viazmitina (Kiev). La culture de la population du Dniéper Inférieur après la dislocation de la Scythie unifiée	62
P. N. Trétiakov (Léningrade). Sur les sources du groupement «romensko-borchevsky» de l'ancienne Russie	78
V. I. Tsalkine (Moscou). L'étude des ossements	91
J. L. Chtchapova (Moscou). Les bracelets en verre et la datation de la couche culturelle des anciennes villes russes	102
Au 70- anniversaire de V. D. Blavatski	108
Au 70-e anniversaire de B. N. Grakov	112
Au 70-e anniversaire d'A. P. Smirnov	117
Au 60-e anniversaire de P. N. Trétiakov	120

Publications

V. V. Sidorov (Diédovsk). Une station de l'âge de pierre dans la Touva Centrale	126
A. P. Okladnikov, A. P. Dérevianko (Novosibirsk). Les anciennes civilisations des régions Est de la République du Peuple de la Mongolie (résultats des explorations archéologiques de 1949—1967)	141
E. V. Khanzadian (Erivan). Le village d'Arévik de l'époque primitive du bronze	157
V. I. Kozenkova (Moscou). Une sépulture de la civilisation primitive de Koban près du village de Serjen. Youрт	171
T. K. Ivanov (Bulgarie, Sofia). La forteresse Yatrus sur le Danube, se rapportant aux époques romaine et byzantine de la première période	184
E. V. Iakovenko (Kiev). Les dents laniaires aux figures zoomorphes	200
V. A. Padine (Troubtchevsk). Les fouilles d'un village à Maktcha, près de Troubtchevsk	208
R. S. Mépissachvili (Tbilissi). Les reliefs de Korogo avec des scènes de construction	219

Notes

Ya. A. Motchanov (Yakoutsck). La civilisation paléolithique supérieurs de Duktai et quelques aspects de sa genèse	235
V. A. Pazoukhine (Moscou). Les lingots de cuivre du Musée d'Orenbourg	239
N. V. Léontiev (Minoussinsk). Les peintures de Koundoussouk — monument de la population de taïga de l'âge du bronze	245
G. A. Lordkipanidzé (Tbilissi). La pointe du bélier de Vani	248
K. Maievsky (Pologne, Varsovie). Les explorations archéologiques en Pologne à Novo en 1968	251
O. A. Makhneva (Simféropol). Une trouvaille des amphores d'Héraclée en Crimée	257
A. A. Médyntséva (Moscou). Les deniers de Novgorod-la-Petite	259
A. P. Rounitch (Piatigorsk). Le dolmen près du village de Lazarevsky, du territoire de Krasnodarsk	261
E. V. Rtvéladzé (Tachkent). Deux mausolées du temps de la Horde d'Or dans le rayon de Piatigorié	262
	327

Bibliographie

A. K. Ambros (Moscou). R. Hachmann, G. Kossack, H. Kuhn. Völker zwischen Germanen und Kelten	266
V. G. Brussova (Moscou). V. I. Antonova. L'art de la Russie médiévale dans la collection de Paul Korine	272
V. I. Gouliaïev (Moscou). Leo DaueI. Conquistadors without swords. Archaeologists in the Americas	277
A. P. Okladnikov (Novosibirsk). Travaux sur l'histoire et l'archéologie de la Suisse	282
I. Fodor (Hongrie). Bartha Antal. A IX—X. századi magyar társadalom	286
G. G. Gromov (Moscou). B. A. Koltchine. Antiquites de Novgorod. Articles en bois	289
E. G. Alexandrenkov (Moscou). E. Tabio y E. Rey. Prehistoria de Cuba	293
N. P. Gourina (Léninegrad). Réponse à la critique de V. P. Trétiakov et de G. P. Grigoriev	297
K. N. Afanassiev (Moscou). Sur «les mesures paires»	302

Chronique

O. N. Bader (Moscou). Séminaire champêtre sur la stratigraphie de l'anthropogénèse et le paléolithé des contrées polaires dans le bassin de la Pétchora en 1968	305
V. V. Guinsbourg	311
G. F. Débetz	313
L. Vertech	316
I. P. Spégalsky	318
K. P. Chout	319
M. V. Gorodtsov	320

ПОПРАВКА к СА 1969, 3

В некрологе И. И. Ляпушкина на стр. 218 строки 20, 21 следует читать «генетически не связанные друг с другом».

Технический редактор *Т. А. Аверкиева*

Сдано в набор 17/VII—1969 г. Т-11295 Подписано к печати 9/X-1969 г. Тираж 2400 экз.
 Зак. 2548 Формат бумаги 70×108¹/₁₆ Усл. печ. л. 28,7 Бум. л. 10¹/₄ Уч.-изд. л. 31,4

2-я типография издательства «Наука». Москва, Шубинский пер., 10

ВНИМАНИЮ АВТОРОВ

В журнале «Советская археология» помещаются научно-исследовательские статьи по вопросам археологии и смежных с нею дисциплин, критические статьи и рецензии на вновь вышедшие книги по археологии, публикации новых археологических материалов.

Присланные статьи рецензируются, после чего утверждаются редколлегией.

При подготовке рукописей просим авторов придерживаться следующих правил:

1. Рукописи следует присылать в 2-х экземплярах, напечатанных на машинке через два интервала на одной стороне листа стандартного размера с полями с левой стороны листа.

2. Сноски помещаются внизу страницы, а не в конце статьи. Нумерация сносок построчная. Сноски печатаются также через 2 интервала.

3. Последовательность цитирования монографий: автор (инициалы перед фамилией), название работы (без кавычек), место издания, год издания, страница.

4. Последовательность цитирования журнальных статей: автор, название статьи (без кавычек), название журнала, год, номер, страница.

5. К статье прилагается список употребляемых сокращений в 2-х экземплярах и краткое (10—20 строк) резюме на русском языке.

6. Иллюстрации следует давать в пригодном для воспроизведения в печати виде (фото — контрастные и рисунки — тушью). Фотографии следует представлять в 2-х экземплярах. Иллюстрации должны быть пронумерованы соответственно порядку их упоминания в тексте статьи, на обороте каждого рисунка указать фамилию автора, название статьи и номер рисунка. К иллюстрациям необходимо приложить список подписей под рисунками в 2-х экземплярах.

Все знаки в тексте, которые не могут быть воспроизведены буквами русского, латинского и греческого алфавита, должны быть сдублированы на кальке для изготовления клише.

7. Направляемая в редакцию рукопись должна быть подписана автором, текст ее тщательно проверен, все ссылки выверены. Должны быть указаны дата отправления и полный почтовый адрес автора.

8. Рукописи в основном печатаются в журнале в порядке поступления их в Редакцию. На переработку статьи направляются авторам с отзывом рецензента. Рукописи, присланные после переработки, рассматриваются как вновь поступившие.